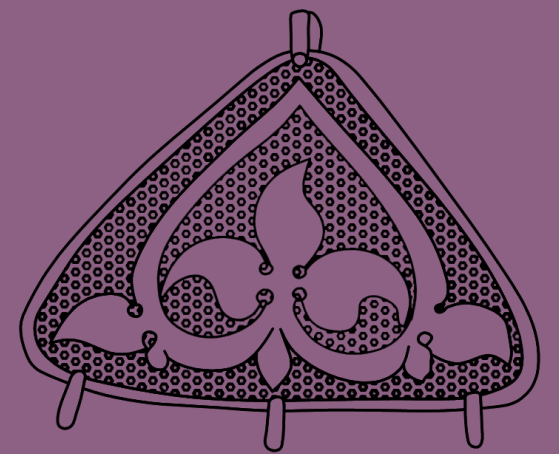

КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ ТУРГАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ: ЧЕЛОВЕК И ЭПОХА

КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ ТУРГАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ: ЧЕЛОВЕК И ЭПОХА

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А. Х. МАРГУЛАНА
КОМИТЕТА НАУКИ
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ ТУРГАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ: ЧЕЛОВЕК И ЭПОХА

Коллективная монография

Алматы
2017

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)
К 90

Книга издается при финансовой поддержке Комитета науки МОН РК
проект № 2978/ГФ4 «Саки Тургая: этноархеологические исследования»

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии им. А. Х. Маргулана Комитета
науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Рецензенты:

С. У. Жауымбаев, к. и. н., профессор
М. К. Хабдулина, к. и. н., доцент

Авторский коллектив:

Базарбаева Г. А., Байдалы Р. Ж., Бейсенов А. З., Габитова У., Гимранов Д. О., Грудочко И. В.,
Дегтярева А. Д., Джумабекова Г. С., Кадырбаев М. К., Логвин А. В., Логвин В. Н., Мошкова М. Г.,
Нетета А. В., Нечвалода А. И., Нигматова С. А., Пилипенко С. А., Сеитов А. М., Смирнов Н. Ю.,
Соколов А. В., Хасенова Б. М., Шевнина И. В., Шкляева С. А.

К 90 Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха. Коллективная
монография / отв. ред.: Г. А. Базарбаева, Г. С. Джумабекова. – Алматы: Институт
археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. – 360 с.

ISBN 978-601-7106-30-0

В книге изложены первые результаты систематизации материала по моментам истории и
культуры населения Тургая на протяжении периода от эпохи раннего железа до этнографической
современности. Некоторые аспекты настоящего издания затрагивают вопросы изучения
сопредельных с Тургаем регионов.

Издание будет интересно специалистам, а также всем, кто интересуется изучением вопросов
археологии, этнографии, искусствоведения и других смежных дисциплин.

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)

ISBN 978-601-7106-30-0

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
I Наследие Великой степи: некоторые аспекты происхождения и развития культуры населения Сарыарки	
I.1 Народное ювелирное искусство Сарыарки в коллекции ГМИ им. А. Кастеева (С. А. Шкляева)	12
I.2 Средневековый Тургай: погребальные сооружения, жертвенно-поминальные комплексы, предметный мир (Б. М. Хасенова)	51
I.3 Об одном типе головных уборов из средневековых погребений Сарыарки (С. А. Пилипенко, Б. М. Хасенова)	98
II Тургай – перекресток путей: мир сакский и мир сарматский. Вопросы изучения раннего железного века Тургай и сопредельных регионов	
II.1 Технология изготовления бронзового инвентаря могильников Бесоба и Сынтас (М. К. Кадырбаев, А. Д. Дегтярева)	114
II.2 Курганы с «усами» Улытау, Тургай и Казахского Притоболья (А. З. Бейсенов, А. В. Логвин, Г. А. Базарбаева, И. В. Грудочко, А. М. Сеитов)	135
II.3 О некоторых ритуальных комплексах («геоглифах») Тургай (А. В. Логвин, И. В. Шевнина, А. В. Нетета, А. М. Сеитов)	157
II.4 Древние кочевники Тургай середины I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э. (А. М. Сеитов)	182
II.5 Тургайские древности в исследованиях русских археологов до 1917 г. Обзор материалов Императорской Археологической комиссии сто лет спустя (Н. Смирнов, А. Соколов)	207
III Новые материалы по археологии Тургай и сопредельных регионов: публикация архивных данных и результатов полевых исследований 2015–2017 гг.	
III.1 О работе Казахстанского отряда Южно-Уральской экспедиции летом 1964 г. (М. Г. Мошкова)	240
III.2 О работе Казахстанского отряда Южно-Уральской экспедиции летом 1966 г. (М. Г. Мошкова)	250
III.3 Раскопки кургана № 5 могильника Есенгабулбулак в окрестностях Аркалыка (В. Н. Логвин)	271
III.4 Исследование памятников древности в округе села Ашутасты (Западная Сарыарка) (Г. А. Базарбаева, Г. С. Джумабекова)	275

Приложение 1. <i>А. И. Нечвалода</i> Палеоантропологические материалы из могильников Калыбай-2 и Кеньш-3: краниология и антропологическая реконструкция	328
Приложение 2. <i>У. Габитова</i> Минералого-петрографическое описание каменного материала из археологических объектов Ашутасты-1, 2	338
Приложение 3. <i>С. А. Нигматова</i> Заключение по палинологическому изучению голоценовых и четвертичных отложений Торгая	340
Приложение 4. <i>Д. О. Гимранов</i> Археозоологический анализ материала из могильника Ашутасты-2	352
Түйін	354
Abstract	356
Список сокращений	358
Сведения об авторах	359

ПРЕДИСЛОВИЕ

Благословенна земля Тургая, благородно его прошлое. Тургай – Родина ярких личностей, сыгравших величайшую роль в истории Казахстана и оставшихся в народной памяти: Ахмет Байтурсынов, Миржакып Дулатов, Ибрай Алтынсарин и многие другие. До сих пор на устах имя Шакшака Жанибека – лидера, воина, признанного гения. В Тургае сохранились многие утраченные ныне элементы казахской культуры.

Неизведанные уголки Тургая, скрытые в глубине материка, представляют собой прекрасный источник для изучения многих аспектов, помогающих понять суть термина «культура». В чем заключается феномен Тургая? Движимые желанием разобраться с этим и другими вопросами, мы обратились к изучению исторического прошлого региона.

Маршрутами исследований были охвачены южные районы Костанайской области: Аркалыкский* [*В настоящее время район упразднен, территория находится в подчинении маслихата г. Аркалык], Амангельдинский, Жангельдинский. Сняты планы выявленных казахских зимовок, зафиксированы некоторые погребально-поминальные объекты. Полученный полевой материал требует тщательного осмысления. Однако, для фундаментальных выводов необходимы дополнительные исследования.

Наблюдения, сделанные в ходе поисково-разведочных работ, настоятельно диктуют обратить внимание на такой вид памятников историко-культурного наследия, каким являются кулпытасы Тургая. Кроме того, что они не вошли в списки охраняемых объектов, над ними висит реальная угроза. Свои опасения, что с могил предков исчезают кулпытасы, местные жители высказывали археологу А. З. Бейсенову. Вопиющим фактом является отсутствие в Костанайской области инспекции по охране памятников. В регионе активно развивается сельское хозяйство, но как показывает опыт полевых исследований, представители власти не проводят разъяснительную работу о неприкосновенности территорий с объектами историко-культурного наследия, охранной зоне в радиусе 50–200 метров от таковых. Активное вмешательство властей Костанайской области требуется для спасения уникального объекта историко-культурного наследия, расположенного в черте г. Рудный. Речь идет об Алексеевском археологическом комплексе, являющемся в бронзоведении Степной Евразии эталонным. Похожая ситуация обстоит и с памятником на р. Камысты-Аят, аналогичным Аркаиму. В плачевном состоянии находятся исторические здания в с. Жайылма (Камыстинский р-н). Перечисленные примеры – всего лишь вершина айсберга назревших проблем.

В предлагаемой книге представлены некоторые итоги систематизации материала, датированного широким хронологическим диапазоном, включая данные по казахской культуре, средневековью, эпохе раннего железа. Коллектив авторов представлен научно-исследовательскими учреждениями страны и ближнего зарубежья.

При подготовке книги использовано разное написание топонима *Тургай*. Мы отдаем предпочтение именно данному варианту, поскольку до сих пор не существует единого мнения в определении происхождения названия. Ряд археологических объектов Костанайской области введен в научный оборот с написанием *Торгай*, поэтому в книге они сохранены в той же транскрипции. В издании под термином «Тургай» подразумевается территория современной Костанайской области.

Книга состоит из предисловия, трех глав с разделами, приложений. В первой главе охвачены материалы по казахской культуре и средневековью. Во второй главе изложены результаты осмысления данных по раннему железному веку Тургай и сопредельных регионов. Третья глава источниковедческая, в ней в научный оборот вводится корпус новых материалов.

Открывает книгу раздел, посвященный изучению народного ювелирного искусства региона, подготовленный С. А. Шкляевой. Поскольку Тургай вместе с Улытау представляют собой западное крыло обширного историко-культурного региона Сарыарка, то анализ собранного и хранящегося в фондах Государственного музея искусств им. А. Кастеева материала не ограничился лишь современными границами Костанайской области. В качестве объекта специального исследования послужили съемные женские украшения, происходящие из ряда соседних областей. В данном разделе сохранилось старое написание регионов в виду того, что коллекция украшений была сформирована музейными экспедициями, проведенными до середины 1980-х гг. Поскольку в научных аннотациях музея с описанием украшений не указаны конкретные районы, то определить точное современное название области невозможно. Например, территория Тургайской области оказалась расформированной между Акмолинской и Костанайской, Джезказганская область полностью отошла в подчинение Карагандинской. Также на современной карте Казахстана отсутствует название Кокшетауской (Кокчетавской) области.

Благодаря исследованиям С. А. Шкляевой, на конкретных примерах были выявлены стилистические особенности творчества мастеров Сарыарки: Сейдыбаттала, Малатау, Тайшика и других – прекрасно владевших технологией изготовления ювелирных украшений и создававших удивительные шедевры народного искусства, свидетельствующих о существовании устойчивых традиций местной (тургайской?) школы. Пластичные, живые линии орнаментальной гравировки украшений, выполненные уверенно поставленной рукой, создают представление об эстетических предпочтениях эпохи, ставшей достоянием истории. Многие технологические приемы и мотивы украшений находят отголоски в ювелирном искусстве предыдущих эпох – бронзы, раннего железа, средневековья. Поскольку исследованиями оказалась охвачена лишь часть украшений музейной коллекции, то актуальным видится продолжение изучения сарыаркинского ювелирного наследия в этом ключе.

В разделе, подготовленном Б. М. Хасеновой, в научный оборот вводятся новые данные по средневековым памятникам Костанайской области. Несмотря на то, что представленный материал насчитывает всего девять комплексов, все они индивидуальны и отражают различные хронологические периоды. Логическим дополнением раздела по средневековью Тургай является приложение, подготовленное антропологом А. И. Нечвалодой, где показаны реконструкции облика двух представительниц эпохи.

В разделе Б. М. Хасеновой и С. А. Пилипенко отражены результаты изучения сложного, многокомпонентного, головного убора боктаг/бокка. Исследователи обобщили доступные материалы, в которых содержатся атрибуты, имеющие отношение к данному предмету. В культуре многих народов сложились традиции наиболее пышно оформлять костюм невесты и его отдельные элементы. У казахов свадебный головной убор – саукеле, который молодая женщина носила до рождения первого ребёнка, – в костюме четко отражал смену положения в связи с важными событиями в ее жизни. В свою очередь, боктаг являлся статусным предметом средневековых матрон, его носили после замужества на протяжении жизни. По мнению А. Г. Юрченко, владение данным атрибутом обозначало место мужа этой женщины в социальной иерархии.

Интерес представляет исторический факт, который, по данным И. В. Захаровой и Р. Д. Ходжаевой, подтверждает, что казашки носили высокие головные уборы саукеле жаулык или сулама жаулык вплоть до пожилого возраста [1964, с. 125]. В исследовании известных этнографов речь идет о регионах Актюбинской и Костанайской областей.

Венцом второй главы являются результаты аналитических исследований металлических предметов из памятников, изученных во второй половине XX в. экспедицией под руководством

выдающегося археолога М. К. Кадырбаева в верховьях р. Елек/Илек. Работа выполнена А. Д. Дегтяревой.

Раскопки в верховьях р. Елек проводились экспедицией отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова в 1970-х гг. совместно с Актюбинским областным историко-краеведческим музеем. В этой эпопее принимали участие археологи, теперь уже известные в науке специалисты: С. У. Жауымбаев, Ж. Курманкулов, А. С. Ермолаева, Н. А. Боковенко. К тому времени у каждого из них был опыт, полученный в экспедициях М. П. Грязнова, М. К. Кадырбаева, Ф. Х. Арслановой. Перечисленные имена корифеев отечественной науки состоялись во многом благодаря организаторскому таланту и устремлениям основоположника казахской археологии XX века – Аликей Хакановича Маргулана.

Памятники Сынтас и Бесоба представляют собой элитарные погребальные объекты периода, синхронного древностям раннесакского времени. Поскольку эти памятники открывают принципиально новую веху в отечественной археологии, то вполне возможным видится закрепить за ней название культуры, отражающей информацию о регионе: елекской, предлагаемой к обсуждению А. З. Бейсеновым в Предисловии коллективной монографии «Казахстан в сакскую эпоху» [Бейсенов, 2017, с. 3].

В настоящее время в науке наиболее дискуссионными являются вопросы хронологии и периодизации. Для получения значимых результатов в области изучения раннего железного века Казахстана крайне необходима координация и консолидация действий, объединение усилий, постоянное обсуждение полученных материалов.

В археологии Тургай памятники сарматского времени пока еще не становились предметом специальных раскопок. В большинстве случаев имеющийся материал получен в ходе исследования памятников эпохи бронзы, когда объекты раннего железного века оказывались пристроенными в более древние могилы. Так, в арсенале костанайских археологов имеется погребальный комплекс, где зафиксировано «присутствие» сразу нескольких эпох: энеолита, бронзы и раннего железа, что изложено в разделе, подготовленном А. М. Сеитовым. Исследователь также приходит к заключению о том, что Тургай являлся регионом соприкосновения ареалов двух мощных союзов – саков и сармат. Впервые данный тезис был озвучен М. Г. Мошковой [1966]. Позже аналогичный вывод на основе тщательного анализа материалов Северной Сарыарки сделан М. К. Хабдулиной [1994].

В русле данных исследований актуальным видится генезис этой традиции, проявившийся в дальнейшем в культуре казахов. Так, границу между Средним и Младшим жузом С. Е. Ажигали проводит по р. Олкейек (Улькайек) [Аджигалиев, 1994]. В то же время в устном народном творчестве, воплотившемся в произведениях известного акына Тургай Нурхана Ахметбекова, зафиксирована информация о жайлау представителей Среднего жуза, достигавших берегов Тобола, Убагана (Обаган) [Бейсенов, 2014, с. 10].

В книге в научный оборот вводятся данные о курганах с каменными грядами. В настоящее время абсолютное большинство такого типа памятников локализовано в пределах современных границ казахских степей. В одной только Карагандинской области зафиксировано 400 таких объектов [Бейсенов, 2015а]. В Улытау, Тургае и верховьях Тобола насчитывается порядка 140 курганов с «усаами». В большинстве они расположены в южных районах Костанайской области и единично в Казахском Притоболье. Курганы с «усаами» рассматриваются в специальном разделе, подготовленном коллективом авторов: А. З. Бейсеновым, А. В. Логвиным, Г. А. Базарбаевой, И. В. Грудочко, А. М. Сеитовым. Некоторые аспекты данной проблемы затронуты и в разделе, посвященном анализу так называемых «геоглифов», исследованных группой костанайских археологов: А. В. Логвиным, И. В. Шевниной, А. В. Нетета, А. М. Сеитовым.

В разделе, подготовленном специалистами из Института истории материальной культуры РАН и Санкт-Петербургского государственного университета Н. Ю. Смирновым и А. В. Соколовым, обобщены архивные данные о разведках и раскопках, проводившихся в Тургайской области в период с 1888 по 1916 год, когда функционировала Императорская археологическая комиссия. В настоящее

время материалы хранятся в фондах Научного архива ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург). Рассмотрено около 20 дел. Полученные результаты свидетельствуют об ответственности сотрудников Императорской археологической комиссии в выдаче Открытых листов, а также о тщательной работе и контроле, осуществлявшемся ведущим учреждением по изучению древностей. Данный раздел состоялся во многом благодаря деятельности Г. В. Длужневской, регулярно освещавшей на страницах специальных научных изданий сведения об истории археологического изучения азиатской части степей Евразии, хранящихся в архиве ИИМК РАН [см. напр.: Длужневская, 2015].

В заключительной главе впервые публикуются данные, полученные Казахстанским отрядом Южно-Уральской экспедиции в 1964, 1966 гг. (рук. М. Г. Мошкова)* [*Исследования проводились на основании Открытого листа, выдававшегося отделом археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова], экспедицией Тургайского областного историко-краеведческого музея 1974 г. (рук. В. Н. Логвин) и новые результаты исследований, полученные экспедицией Института археологии им. А. Х. Маргулана в полевых сезонах 2015–2017 гг. (работы Г. А. Базарбаевой, Г. С. Джумабековой и Р. Ж. Байдалы).

Материалы исследований М. Г. Мошковой, проводившихся в Северном Казахстане, приводятся с сохранением стиля текстов отчетов 1964, 1966 гг. Результаты раскопок 1964 г. позволяют почерпнуть информацию о ходе раскопок жертвенника в виде кольца из восьми камней, где были обнаружены бронзовые стремевидные удила. М. Г. Мошкова отметила, что такой тип удила бытовал в степях Евразии в VII – первой половине VI в. до н.э. [Мошкова, 1966, с. 46]. Эта находка, бесспорно, является ценным материалом, дополняющим данные, полученные в последние годы при изучении памятников тасмолинской культуры в Центральном Казахстане [Бейсенов, 2015б].

В ходе работ М. Г. Мошковой 1966 г. в Жетыкаринском районе получен корпус данных о целом ряде погребений, которые, по мнению Б. М. Хасеновой и А. М. Сеитова, являются мусульманскими. Учитывая малую изученность памятников средневековья Тургай, эти комплексы являются хорошим подспорьем в исследованиях по данной тематике.

Публикация архивных материалов, кроме новой информации, также позволяет почерпнуть сведения об уровне организации науки во второй половине XX в. В отчете М. Г. Мошковой за 1966 г. упомянут преподаватель Кустанайского пединститута М. А. Мейлахс, руководивший студенческим кружком по археологии. В этюде, посвященном М. А. Мейлахсу, костанайский преподаватель Ю. Я. Бондаренко пишет, что Марк Абрамович (1909–2003) проработал в пединституте с 1961 по 1969 гг., подготовил две диссертации, но в силу обстоятельств, ни одну не защитил. М. А. Мейлахс сотрудничал с археологом А. М. Оразбаевым, принимая участие со студентами пединститута в его раскопках у села Садчиковка [Бондаренко, 2014].

Данный факт позволяет заглянуть в неизведанные страницы истории археологического изучения региона. Большинство информации, публикуемой в настоящем издании, не состоялось бы без участия студентов исторического факультета Кустанайского пединститута, впоследствии преобразованного в Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова* [*В настоящее время в Костанайе функционируют оба вуза].

В третьей главе в виде краткого сообщения также изложены результаты раскопок кургана могильника Есенгабул-Булак, исследовавшегося В. Н. Логвиным. Данный памятник знаменателен тем, что в его составе присутствует курган с «усами». Дальнейший анализ особенностей погребальной конструкции, зафиксированной на Есенгабул-Булаке, непременно обогатит наши представления о подобных объектах.

Анализ отчетов о полевых исследованиях из фондов Института археологии им. А. Х. Маргулана, изложенных во многих разделах настоящего издания, настоятельно диктует воссоздание в стенах данного НИИ Полевого комитета. Необходимо сохранить традицию ежегодной сдачи полевых отчетов. Поскольку именно так возможно обеспечить не только контроль качества оформления полевой документации, но и дальнейшую «жизнь» полученного материала.

Отдельный раздел третьей главы посвящен публикации данных, полученных в ходе изучения памятников в окрестностях села Ашутасты археологами Г. А. Базарбаевой и Г. С. Джумабековой с участием преподавателя из Костанайского пединститута Р. Ж. Байдалы. Работы проводились на двух могильниках Ашутасты-1, 2. Впервые в отечественной археологии в окрестностях Аркалыка раскопками изучался курган тасмолинской культуры (Ашутасты-1); выявлен факт установки каменного изваяния в начале каменной гряды (Ашутасты-2). Для анализа полученных материалов привлекались специалисты естественнонаучных направлений: палинолог С. А. Нигматова, петрограф У. Габитова, археозоолог Д. О. Гимранов. Первые результаты междисциплинарных исследований в дальнейшем будут использованы в осмыслении данных из Ашутасты.

Таким образом, первый опыт обобщения и систематизации, представленных в книге, материалов не только знакомит с новыми данными по культуре населения Тургая и сопредельных регионов, но и открывает перспективы для будущих исследований.

Благодарим всех, кто откликнулся принять участие в настоящем издании. Иллюстративный материал к отдельным разделам книги подготовлен Джанболатом Джанабаевым, Ксенией Омельченко и Маратом Калыковым.

Литература

- Аджигалиев С. И.** Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана (на основе исследования малых форм). – Алматы: Гылым, 1994. – 260 с.
- Бейсенов А. З.** Предисловие // Древние сокровища Сарыарки. Книга-альбом. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2014. – 196 с. (на каз., рус. и англ. яз.)
- Бейсенов А. З.** Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. научн. ст., посвящ. памяти выдающегося казахского археолога К. А. Акишева. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015а. – С. 7–34.
- Бейсенов А. З.** Околокурганные жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры // Вестник ТомГУ. История. – 2015б. – № 4 (36). – С. 96–104.
- Бейсенов А. З.** Предисловие // Казахстан в сакскую эпоху. Коллективная монография. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. – 228 с.
- Бондаренко Ю. Я.** Культура в лицах. «Людей неинтересных в мире нет». Книга первая. Зачин. – Костанай: ТОО «Центрум», 2014. – 308 с.
- Длужневская Г. В.** Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 годах (по документам Научного архива ИИМК РАН). – СПб.: ЭлекСис, 2011. – 296 с.
- Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.** Казахская национальная одежда (XIX – начало XX века). – Алма-Ата: Наука, 1964. – 178 с.
- Мошкова М. Г.** Работы Казахстанского отряда Южноуральской экспедиции в 1964 г. // КСИА. – 1966. – Вып. 107. – С. 44–46.
- Хабдулина М. К.** Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Гылым, 1994. – 170 с.

*С уважением,
Г. Базарбаева и Г. Джумабекова*

**I. НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
ПРОИСХОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ САРЫАРКИ**

І. 1 НАРОДНОЕ ЮВЕЛИРНОЕ ИСКУССТВО САРЫАРКИ В КОЛЛЕКЦИИ ГМИ ИМ. А. КАСТЕЕВА

Введение. Прекрасная, многочисленная коллекция женских украшений, выполненных народными мастерами Казахстана на протяжении XIX–XX вв., хранится в фонде ювелирных изделий Государственного музея искусств им. А. Кастеева. Значительная часть коллекции музея – ювелирные изделия мастеров-зергеров из Сарыарки. Они доступны исследовательскому вниманию благодаря экспозиции музея и научному каталогу, изданному коллективом сотрудников музея [Ювелирное искусство Казахстана XIX–XX вв., 2008].

Данный раздел – лишь некоторая часть предполагаемой работы в изучении украшений Сарыарки. В ней рассматриваются снимаемые женские украшения для головы и волос – *сырғалар, шекеліктер, үкіаяқтар, шашбаулар, шолпылар, шаштеңгелер* (серьги, височные подвески, обереги, украшения для кос); шеи и груди – *алқалар, тұмаршалар, тұмарлар* (ожерелья, амулетницы и амулеты); рук – *білезіктер и жузықтер, сақиналар* (браслеты и перстни, кольца). Украшения, используемые в традиционном костюме, требуют иного подхода к анализу конвенциональных свойств синтеза двух значимых видов народного искусства.

В современных исследованиях ювелирных украшений применяется множество аспектов рассмотрения: социологический, семиотический, стилистический, технологический и т. д. Для изучения музейной коллекции украшений Сарыарки был выбран визуальный способ как основной метод. Он позволил актуализировать понимание того, что только через детальное рассмотрение, описание и «вчувствование» в ювелирный образ, можно понять его ценностные свойства, обратиться к истокам возникновения, вопросам развития тех или иных форм украшений.

Внимание при подготовке текста было сосредоточено на описании украшений, и, как следствие, формально-типологической систематизации, стилистическом и, отчасти, технологическом анализе женских украшений. В некоторых случаях был прослежен возможный генезис существования той или иной группы изделий.

Изучение украшений в таком дискурсе позволило убедиться в том, что народное ювелирное дело, развитое в Сарыарке в XIX–XX вв., представляет самостоятельное региональное явление – во многих видах и типах женских украшений наблюдается единство избранных форм, декора и технологических приёмов. Тем не менее, в практике изготовления женских украшений мастерами Сарыарки можно отметить черты декора и техник, характерных для общего развития казахского ювелирного искусства этого времени.

Коллекция женских украшений региона в ГМИ им. А. Кастеева формировалась благодаря многолетнему сбору материалов 20 полевыми экспедициями музея и поступлениям укра-

шений, приобретённых у населения работ мастеров Тургайской, Кустанайской, Кокчетавской, Целиноградской, Карагандинской, Джезказганской, Павлодарской областей. Названия областей сохранены в старых транскрипциях, поскольку последняя экспедиция музея состоялась в 1984 году.

Некоторые ювелирные изделия, отмеченные в аннотациях каталога областями региона, – яркие образцы ювелирного дела Западного и Южного Казахстана. Приведённые примеры таких украшений, собранных или приобретённых в Сарыарке, в действительности, видимо, следствие самых разных жизненных ситуаций: дарений, покупок, наследия, возможно, и копирования изделий мастерами и т. д., – присущих всем человеческим взаимоотношениям.

Многие украшения Сарыарки, хранящиеся в коллекции ГМИ РК им. А. Кастеева, были изучены непосредственно в ювелирном фонде музея. За возможность работать в прекрасных условиях хранения хочу поблагодарить директора музея, доктора философских наук Г. К. Шалабаеву, главного хранителя А. К. Алькину, сотрудника отдела фонда ювелирного искусства Г. Б. Молдашеву.

УКРАШЕНИЯ ДЛЯ ГОЛОВЫ И ВОЛОС

Сыргалар, шекеліктер – серьги, височные украшения. Исследователи ювелирного искусства отмечают особую значимость серег в общей системе женских украшений Востока [Шорский фольклор, 1940; Горожанкина, 1991; Тохтабаева, 2005].

1 тип – ай сырға или серьги-лунницы. В музейной коллекции серёг из Сарыарки можно отметить несколько основных типов, но особый интерес вызывают формы ушных украшений, напоминающих полумесяц. История лунниц, очевидно, начинается в эпоху бронзы: серьги подобного вида были найдены в Трое II (2400–2200 гг. до н. э.), при раскопках захоронений III тыс. до н. э. в Уре [Мастера бронзового века, 2005]. Иногда серьги в виде полумесяца изготавливали с зернью («амлашские» украшения, около I тыс. до н. э.) [Украшения Востока, 1999]. В ювелирном искусстве античности отдельные мотивы, напоминающие очертания полумесяца (ассоциирующиеся с Артемидой-Дианой), встречаются среди элементов сложносоставных золотых серег, диадем [Калашник, 2014]. Формы серёг в виде полумесяца выполнялись мастерами для аристократии Парфии и Сасанидского Ирана. Украшения такого типа широко распространены в исламском ювелирном деле [Украшения Востока, 1999].

По мнению С. В. Сусловой, исследовавшей женские украшения казанских татар, форма серег-лунниц в начале XX века была «преобладающей» в головных украшениях мусульманок [Сулова, 1980]. Лунницы издревле были известны и в Волжской Булгарии, и в Прикамье [Сулова, 1980].

И. В. Захарова и Р. Д. Ходжаева, казахстанские исследователи, также отмечают, что в XX веке *ай сырға* – серьги-лунницы без подвесок были распространены «повсюду», а носили их «только молодые женщины» [Захарова, Ходжаева, 1964].

Форму лунниц – *ай сырға* – исследователи казахского ювелирного дела [Борозна, 1975; Тохтабаева, 2005] связывают с особым значением для женщин культа Луны, распространённого на территории Казахстана с древнейших времен. Почитание культа Луны, в казахских преданиях имеющей образ батыра (у многих древних народов бог Луны мужского рода – Хонсу у египтян, Нанна у шумеров, Син у аккадцев и т. д.) и покровительствующей женщинам, отражено в разных народных верованиях, преданиях, свадебных напутствиях, обычаях называть девочек «лунными именами». Луне, как важному мифологическому персонажу, принадлежала функция оплодотворения [Захарова, Ходжаева, 1964; Борозна, 1975; Тохтабаева, 2005].

Многие лунницы, имеющие разнообразные формы и декор, в коллекции музея – прекрасные образцы высокого народного ювелирного мастерства и тонкого художественного вкуса. Но лишь некоторые серьги-лунницы в паспортах изделий музея отмечены именами мастеров-ювелиров, творивших на протяжении второй половины XIX и XX вв.

Литая серьга-лунница (*1229-юв, XIX в.*) с серповидным полем и гравированным рисунком центральной пальметты, обращённой верхним концом к нижней границе серьги, и боковых полупальметт, живыми побегами устремлёнными и вверх, и вниз, – работа тургайского мастера Тайшика (рис. 1).

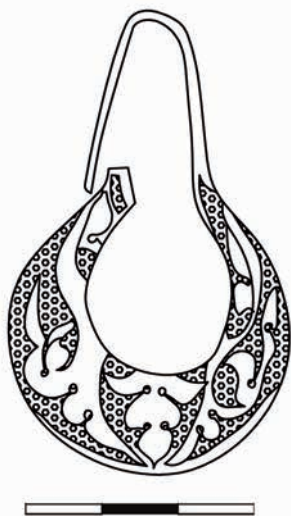

Рис. 1. Мастер Тайшик.
Сырга/серьга. XIX в.
Тургайская область. Металл
белого цвета. Гравировка,
чеканка. 6,1×3,9. 1229-юв

(1856–1936). Короткие гравированные штрихи, поставленные под углом друг к другу и образующие графическую цепочку «зигзаг», становятся своеобразным бордюром украшений. Приёмы выполнения цепочки «зигзаг» подробно описаны Ш. Ж. Тохтабаевой [Тохтабаева, 2005]. Заметная асимметрия форм серег в исполнении мастера, как, впрочем, и других мастеров, не может быть объяснена неумением исполнителей, скорее всего, это визуальный факт признания возможности постоянного стремления к совершенству, духовному росту, освященного исламом.

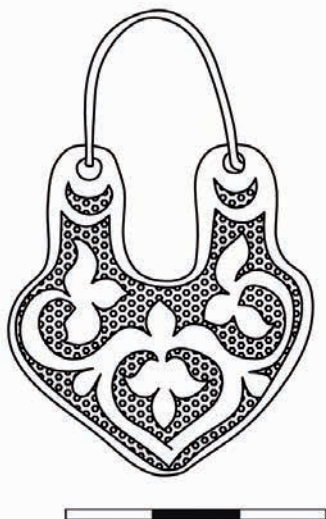

Рис. 2. Сырга/серьга. XIX в.
Тургайская область. Металл
белого цвета. Гравировка,
чеканка. 5,5×3,6. 1233-юв

Украшение – пример композиционного заполнения плоскости серьги свободно расположенными орнаментальными мотивами, ориентированными по центральной вертикальной оси поля украшения. Плоскость фона серьги прочеканена небольшими окружностями кольцевым пуансоном. Неравномерно расположенные окружности создают своеобразную вибрирующую игру светотени. Несколько большими по размерам окружностями отмечены места сочленений листьев орнаментального мотива. Сопоставление мастером гладкой плоскости металла, очерченной гибкими гравированными линиями и окружностей, создаёт необходимый для восприятия композиционный визуальный контраст.

Серповидные лунницы (1325, 1325 а-юв, XX в.) из Центрального Казахстана украшены фигурами пятиконечной звезды, соединяющей «рожки» полумесяцев. Звезда – известный символ пяти столпов ислама. Такие серьги были широко распространены в Западном и Южном Казахстане. В коллекции музея хранятся серьги хазарского типа лунницы (1290, 1290 а-юв) с шестилучевой звездой из Западного Казахстана.

К типу серповидных лунниц относятся серьги (1333, 1333 а-юв, XIX в.) с несложным S-образным и рогообразными симметричными завитками – *қошқар мүйіз*, выполненными двойной гравированной линией джезказганским мастером Сейдыбатталом

Похожие по форме серьги XIX в. (1242, 1242 а-юв) были приобретены для коллекции музея экспедицией 1973 года в Кустанайской области.

Гравированный симметричный рисунок трилистника на поле серповидной лунницы (1251, 1251 а-юв, XX в.) из Павлодарской области покрыт чернью. Подобный мотив использован в серьге (1350-юв; XX в.) из Северного Казахстана.

Проанализируем подробно пример тургайской серьги-лунницы с рисунком трилистника – *үш жапырақ* (1233-юв, XIX в.). Лунница представляет собою сердцевидную форму украшения с вытянутыми прямоугольными «ушками» с заovalенными краями (рис. 2).

Мотив трилистника, заключённого в сердцевидную полосу с ответвлениями, переходящими в боковые трилистники, выполнен в технике гравировки. В местах ответвлений полосы расположены петлеобразные элементы. Небольшие окружности, отмеченные ударами кольцевого пуансона, повторяя композиционный прием рассмотренной выше серьги, заполняют фон лунницы. Они нанесены по контурам гравированного рисунка, напоминая технику плотного расположения петель тамбурного шва по абрису мотива декора в вышивке.

Мотивы пальметты, полупальметты и трилистника в лунницах казахских мастеров, на наш взгляд, синонимичны в семантическом значении. Не останавливаясь на прочтении образа пальмы в истории мирового искусства, заметим, что символика пальмы отражалась в таких понятиях, как солнечное начало, воскрешение и бессмертие, честность и т. д. в эпоху Древнего Египта, Передней Азии и античности. Трилистник, очевидно, заменив ювелирный антропоморфный облик тюркской богини Умай (золотые серьги с изображением тенгрианской богини Умай – находка С. Г. Скобелева в Хакасии в 1990 г.), стал символом богини Умай и популярным орнаментальным мотивом тюркских мастеров. «Превращение изображения головы человека и животного в растительный мотив широко известен на Востоке... <...> ... в трилистник превратилась голова богини в трехзубчатой короне ...», – замечает известная исследовательница узбекского ювелирного искусства Д. А. Фахретдинова [Фахретдинова, 1988].

Обратимся к серьгам и височным украшениям – *шекелік* – мастеров Центрального Казахстана. Эти украшения наиболее близки композиционным и технологическим приёмам, отмеченным в тургайских лунницах. Сейчас уже невозможно установить характер взаимовлияния мастеров Северного и Центрального Казахстана: кто из них был инициатором гравированных ювелирных рисунков с мотивами пальметты, полупальметты и трилистника? Коллективные идеи в творчестве мастеров характерны для народного искусства, именно они формируют заметные локальные направления в общем развитии, «субъективное индивидуальное <...> выражается через школы, к которым причастно творчество индивида» [Некрасова, 1983].

Интерпретации полупальметт в серьгах и височных украшениях встречаем в работах уже упоминавшегося Сейдыбаттала, ярко и плодотворно работавшего, видимо, в последней трети XIX – начале XX в. (1330, 1330 а-юв, 281-сб; 1331, 1331 а-юв; 1332, 1132 а-юв, 282-сб; 1334, 1334 а-юв; XIX в.). Изысканные формы сердцевидных лунниц с вогнуто-выпуклыми абрисами дополняют симметричные мотивы трилистника, выделенные гладкой поверхностью металла на фоне окружностей, выполненных кольцевым чеканом (1331, 1331 а-юв; XIX в.). В местах сочленений листьев чеканом нанесены точечные удары (рис. 3).

Отметим, что сложная гравировка выполнялась мастером, как и другими серебряниками, скорее всего, «простейшими инструментами, стальными стержнями с заточенными концами» [Масанов, 1961].

Этот же мотив трилистника мастер развивает на плоскости крупных серебряных височных сердцевидных украшений – *шекелік* (1330, 1330 а-юв, 281-сб; XIX в.). Центральный мотив пальметты в композиции обрамлён полосой сердцевидной фигуры и выделен мастером объёмной полусферой, изготовленной в технике штампа. Такие же полусферы расположены на вытянутых «ушках» височных украшений. Особую выразительность абриса украшений создаёт чередование его выпукло-вогнутых частей.

Разберём ещё одну пару серебряных височных украшений Сейдыбаттала (1332, 1332 а-юв, 282-сб; XIX в.). Они имеют сердцевидную форму с зауженным концом, прямыми «ушками» и дуговидной выемкой, создающей визуальный пластичный переход к длинным проволочным швензам украшений. На плоскости украшений гармонично распределен орнаментальный мотив с пятилепестковой пальметтой в фестончатом обрамлении и боковыми полупальметтами. Узорный фон украшений создают окружности, «набитые» чеканом на поверхность металла по контуру гравированных линий. Такой приём, как уже отмечалось, созвучен наложению тамбурного шва в вышивке и созданию дополнительного ритма в звучании рисунка.

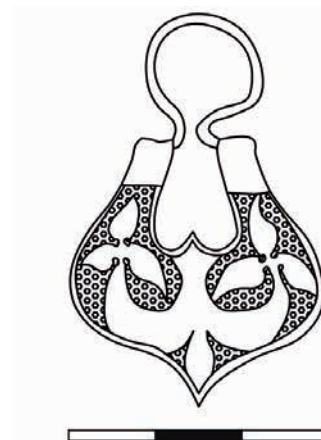

Рис. 3. Мастер Сейдыбаттал. Серьга/серьга. XIX в. Центральный Казахстан. Металл белого цвета. Гравировка, чеканка. 4,5×3,2. 1331-юв

Рис. 4. Мастер Сейдыбаттал. Сырға/серьга. XIX в. Северный Казахстан. Металл белого цвета. Гравировка, чеканка. 5,7×4,8. 1342-юв

а на второй – вариация лепестковых фигур, напоминающих решение серьги (1342-юв, XIX в.) из Северного Казахстана (рис. 4).

В мотивах, свободно размещенных на поле лунницы без соблюдения обычной симметрии, чувствуется особый мелодичный ритм движения, созвучный, видимо, душевному настрою мастера. Многорядный бордюр с тонкими линиями и чеканными точками между ними, мелкими фестонами с более крупными точками-контррельефами создает воздушное, почти кружевное обрамление всей композиции серьги. На одной из сторон серьги находится свободная клепка, такая же, как в рассмотренных ранее серьгах. Теперь можно смело уточнить музейную атрибу-

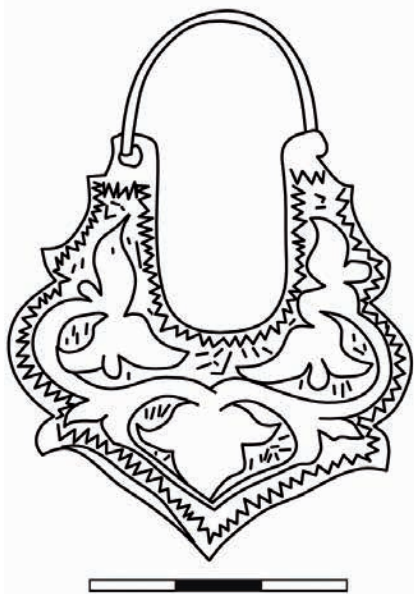

Рис. 5. Сырға/серьга. XIX в. Карагандинская область. Металл белого цвета. Гравировка, чеканка. 6,7×4,8. 1283-юв

цию – автор серьги 1342-юв – талантливый мастер, одаренный, несомненно, «художественной волей» (в концептуальном понимании австрийского искусствоведа А. Ригля, который считал, что художественные способности раскрываются более полно в создании орнамента, нежели в изобразительном искусстве), – Сейдыбаттал из Джезказгана, а попала лунница в Северный Казахстан по вполне понятным причинам. Рассмотренная тургайская серьга-лунница с рисунком трилистника – *уш жапырак* (1233-юв, XIX в.) – также, по нашему глубокому убеждению, авторская, но более ранняя работа Сейдыбаттала. Графический характер изображения на луннице совпадает с особенностями гравированного рисунка серег (1334, 1334 а-юв; XIX в.) и *тумара* (922-юв, XIX в., Джезказганская область), который мы рассмотрим ниже, мастера Сейдыбаттала.

Серьга-лунница (1283-юв, XIX в.) из Карагандинской области – еще один уникальный пример замечательных гравированных украшений, но неизвестного мастера из Центрального Казахстана с мотивом трилистника, чьи формы развиваются на плоскости с выпукло-вогнутыми границами (рис. 5).

Мы видим те же характерные черты, отмеченные в рассмотренных серьгах: вдохновенный гравированный рисунок, симметрию в построении выразительного пластичного ри-

Можно отметить индивидуальные творческие манеры замечательного мастера. Прекрасно владея сложными приемами гравировки резцом, он создает запоминающиеся рисунки композиций. Так, например верхние листья трилистников расположены на плоскости фигурных выступов слегка асимметричных сердцевидных серёг-лунниц, органично соединяя и форму, и рисунок украшения (1334, 1334 а-юв; XIX в.). Выразительные линии гравировки на металле украшений с глубокими нажимами и лёгкими «паузами» движения острия штихеля отличаются особыми эффектами пространственности контррельефа и скользящего распределения светотени. Плоскость фона лунниц обработана приемом «зигзаг», цепочками штрихов, заполняющих необходимые пространства. Точечные удары чекана ритмичными акцентами располагаются в середине гладких листьев мотива. Стоит отметить ещё и свободную клепку на одной из сторон серьги, сохраняющей подвижность и прочность крепления швензы. Просверленные отверстия в нижней части серег, видимо, были выполнены для подвесок. Но удивительным и совершенно неожиданным при просмотре украшений оказалось расположение гравированного рисунка на обратной стороне серёг: на одной из них импровизированный повтор композиции лицевой стороны,

а на второй – вариация лепестковых фигур, напоминающих решение серьги (1342-юв, XIX в.) из Северного Казахстана (рис. 4).

сунка, мелкие окружности и небольшие волнообразные штрихи на фоне между листьями и побегами трилистника. Бордюр лунницы выполнен цепочкой гравированных линий «зигзаг». Обратная сторона лунницы по краям гравирована параллельными «зигзагами», разделёнными рядами вертикальных, таких же размеров, штрихов. Мерное ритмичное деление на равные прямоугольники с зубчатыми краями вкупе с выпукло-вогнутыми границами украшения создаёт эффект неожиданного и интересного геометрического бордюрного орнамента. Сохранившаяся плоская четырёхгранная швенза серьги легко входит сверху в прямоугольный объём замка лунницы.

Расположение листьев полупальметт и декор фона, характер нанесения гравированных линий в серьгах-лунницах (1335-юв; 1336-юв, XIX в.), джезказганского мастера Дихана Жайлаубаева (родился в 1929), напоминают особенности творческого почерка Тайшика и Сейдыбаттала, но в них подчас теряется чувство полной гармонии построения рисунка и его согласованности с формой украшения (рис. 6).

Судя по дате рождения, он вряд ли мог быть учеником Сейдыбаттала (1856–1936), но его можно назвать творческим преемником художника-мастера.

Именно растительные мотивы пальметт, полупальметт, трилистников, выполненные свободной линией гравировочного штихеля, как ведущие образы украшений, характерны для творчества мастеров Северного и Центрального Казахстана. Эти мотивы прослеживаются и в некоторых других видах снимаемых женских украшений Сарыарки, рассмотренных далее в тексте раздела. Они не повторяются в украшениях других регионов Казахстана, представленных в каталоге музея, и композиционные вариации растительных мотивов можно назвать отличительной стилистической особенностью гравированного декора местной ювелирной школы. Однако, похожий орнаментальный мотив трилистников имеют височные подвески из Кызылординской области (1224, 1224 а-юв, XIX в.). Но возможные жизненные случаи территориальных перемещений украшений уже упоминались в начале статьи.

Сохранившаяся в коллекции музея серьга (1234-юв; XIX в.) из Тургайской области с неумелым композиционным расположением мотива явно принадлежит начинающему мастеру, обучавшемуся сложному ремеслу гравировки на металле. Рисунок трилистника становится крайне упрощенным в серьге-луннице (1381 а, 1381 б-юв; XX в.) из Омской области – удаление от центра школы сказывается на визуальной памяти и, видимо, ещё и отсутствия усвоенных навыков изготовления подобных украшений.

Итак, формы рассмотренных серег представляют несколько вариантов (или подтипов) типа лунниц:

- серповидные (1229-юв; 1234-юв);
- сердцевидные с вытянутыми «ушками» и овальными (1233-юв; 1334, 1334 а-юв) либо горизонтальными верхними краями (1234-юв; 1331, 1331 а-юв);
- сердцевидные с фигурными или фестончатыми краями (1283-юв; шекелік 1332, 1332 а-юв, 282-сб; 1334, 1334 а-юв; 1335-юв; 1342-юв).

Среди элементов нанесенного декора фона серег-лунниц можно отметить:

- небольшие, часто набитые бойком кольцевого чекана окружности (1229-юв; 1233-юв; 1234-юв; 1331, 1331 а-юв; 1332, 1332 а-юв);
- одиночные чеканные окружности на плоскости и в местах сочленения листьев мотива (1224, 1224 а-юв; 1331, 1331 а-юв; 1332, 1332 а-юв; 1334, 1334 а-юв; 1335-юв; 1336-юв);
- введение в композицию полупальметт и пальметт штампованных объёмных полусфер (1224, 1224 а-юв; 1330, 1331 а-юв);

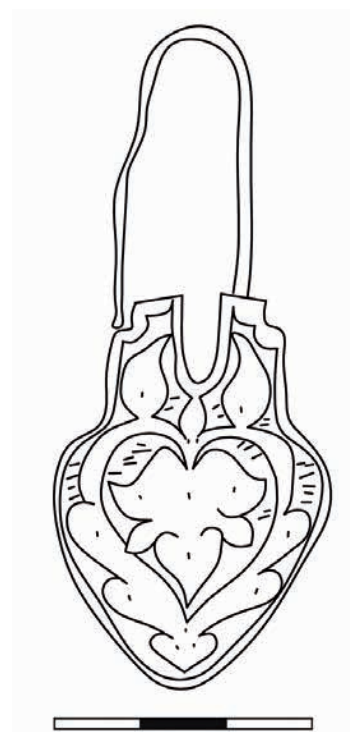

Рис. 6. Мастер Д. Жайлаубаев. Серьга/серьга. XIX в. Центральный Казахстан. Металл белого цвета. Гравировка, чеканка. 7,9×3,3. 1335-юв

- бордюры, выполненные гравированной линией по абрису (1283-юв);
- гравированные цепочки линий «зигзаг» по полю и бордюру (1283-юв; 1334, 1334 а-юв);

- многорядные бордюры, состоящие из линий, точек, фестонов (1342-юв);
- гладкий безузорный фон (1224, 1224 а-юв; 1330, 1330 а-юв).

В зависимости от композиционного решения верхних частей серёг применялись разные виды замков:

1) высокие литые с отверстием для изогнутой петли швензы;

2) округлые швензы с концами, напоминающими крючки, один из которых служил подвижной частью, входящей в верхнюю объёмную полость замка, другой плотной петлей закреплял конструкцию. Форма серёг с крючком – это кыпчакский тип [Горожанкина, 1997].

Таким образом, крепление, соединяющее плоскость серьги и швензу, – согнутая петля, свободная клепка, литьё.

Представляется возможным утверждать, что форма серег типа лунниц с фигурными краями восходит к формам древнетюркских поясных бляшек с вырезными краями, как, например бляшек поясного набора из Балык-Соока второй половины VIII–IX вв. н. э. (раскопки В. Д. Кубарева). В бляшках видится совмещение форм двух видов лунниц – серповидных и сердцевидных.

Сердцевидные бляшки для ремней упоминают Ю. С. Худяков, А. Ю. Борисенко, З. Р. Кечиева, ссылаясь на исследование В. И. Распоповой металлопластики у согдийцев, а также на работы Л. А. Евтюховой, Л. Г. Ставской и др. – у кыргызов [Худяков, Борисенко, Кечиева, 2017]. Объёмные шляпки на бляхах исследователи отождествляют с заклёпками, при помощи которых «бляшка крепилась к кожаному ремню» [Худяков, Борисенко, Кечиева, 2017]. Находки датируются исследователями временем раннего средневековья.

Сравнивая стилистические особенности древнетюркских бляшек (поясных и сбруйных) и серёг музейной коллекции, можно отметить сохранившиеся формы функциональных заклёпок как декоративные элементы в виде объёмных полусфер на плоскости лунниц.

С. И. Вайнштейн, исследуя бляхи наборного пояса из Чербинского могильника в Центральной Туве, отмечает, что «Рисунки нанесены гравировкой, а фон заполнен мелкими кружочками – оттисками чекана с фигурной матрицей. Концевая бляха этого пояса украшена четырёхлепестковыми розетками, выполненными двумя чеканами с различными матрицами, – одним были нанесены центральные кружки розеток, а вторым – лепестки в виде концентрических кругов большего и меньшего размера. Аналогичный узор на металлических изделиях, наносимый подобными же чеканами, сохранился у тувинцев до наших дней» [Вайнштейн, 1974].

О фестончатых бляшках пишет Б. Б. Овчинникова, приводя примеры в таблице «Наборный пояс» [Овчинникова, 1990].

Следовательно, мы можем заключить, что серьги-лунницы серповидной и сердцевидной формы, часто оформленные характерными фестончатыми краями, сохранившиеся в практике казахских народных мастеров-зергеров XIX–XX вв., восходят к традициям тюркитики древнетюркской эпохи. Время возникновения серповидных лунниц, более раннее, видимо, оно определяется в истории ювелирного дела эпохой бронзы.

Другие серьги коллекции украшений Северного и Центрального Казахстана в ГМИ РК им. А. Кастеева классифицированы в следующие типы.

2 тип – серьги лаконичные, восходящие формой к древнетюркским накладным поясным и сбруйным бляхам. В серьгах (1236, 1236 а-юв; XX в.) из Кустанайской области применен глубокий штамп полусфер и фигурный абрис (рис. 7).

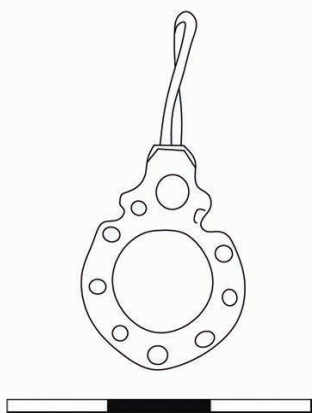

Рис. 7. Серьга/серьга. XX в.
Кустанайская область.
Металл белого цвета. Штамп.
3,6×1,5. 1236-юв

В центре серёг, нижняя часть которых имеет мягкую округлую форму, находятся штампованные полусферы, окружённые девятью маленькими полусферами. В верхней фигурной части серег с выпукло-вогнутыми абрисами расположены средние по размерам полусферы. Лаконичные, выразительные приемы декора серёг, не лишены монументальной образности средневековья. Так же сдержанны в художественных средствах серьги из Северного Казахстана (1344, 1344 а-юв; XX в.) с подвесками, украшенными полусферами и висящими на цепочках.

3 тип – серьги с фигурными проволочными элементами. Серьги (1238, 1238 а-юв, XIX в.) мастера А. Бектыбаева из Кустанайской области с фигурной трехлопастной швензой и витой проволокой, усиливающей прочность стержня украшения, выполнены из единого куска проволоки (рис. 8).

Мягкие округлые элементы, переходящие в острый треугольник через выкружку (архитектурный термин), создают замкнутый контур фаллического образа. Один конец проволоки – входящее в ухо острие швензы, второй соединен приёмом обмотки к средней витой части серег. Стоит отметить, что обмотка проволокой (золотой) как способ крепления использовался в ювелирном деле эпохи железа [Кисель, 2003]. Любопытно, что традиция выполнения украшений из бронзовой проволоки существовала и в согдийском обществе [Распопова, 1980].

К этому типу можно отнести серьги из Кустанайской области (1241, 1241 а-юв, XIX в.), собранные из трёх пар шицеобразных металлических деталей с согнутыми круглыми элементами на концах, к которым через сомкнутые кольца крепятся витые элементы с двумя бусинками коралла.

4 тип – многорядные или ярусные серьги. Серьги, сочетающие многорядность решения композиции, активность цвета примененных сердолика, коралла и бирюзы – распространенный тип украшений, встречающихся в Сарыарке. В изготовлении серёг мастерами-серебряниками Северного и Центрального Казахстана применен опыт изготовления четырёхлопастных бляшек (1343 а, 1343 б-юв, 323-сб; Северный Казахстан, XIX в.), обрамления камня или стекла в глухом касте, представляющим полосу металла с треугольными зубчатыми «крапанами» (1382 а, 1382 б-юв; XX в.). Камень в касте, окруженный с обеих сторон или по окружности рядом плотно расположенных небольших кабошонов камня в глухой оправе (1252, 1252 а-юв; XX в.), чаще всего становится композиционной доминантой в сложных решениях серег (рис. 9).

Повторение, удвоение форм как композиционный приём применил в серьгах (1237 а, 1237 б-юв; XX в.) мастер Малатау из Кустанайской области. Эти серьги с чертами лапидарности имеют фигурную швензу. Витые проволочные элементы, скрывая переходные детали швензы, соединены с металлическим шаром, украшенным горизонтальным пояском, выполненным витой проволокой. Он прикреплен к шару чуть больших размеров, гладкий поясок которого поддерживает петли для цепочек с каплевидными подвесками, профилированными вертикальными рельефами.

Отдельная группа типа – серьги с валютообразными или спиралевидными проволочными завитками. В кустанайских вариантах (1339, 1339 а-юв; XX в.) от завитков спускаются цепочки

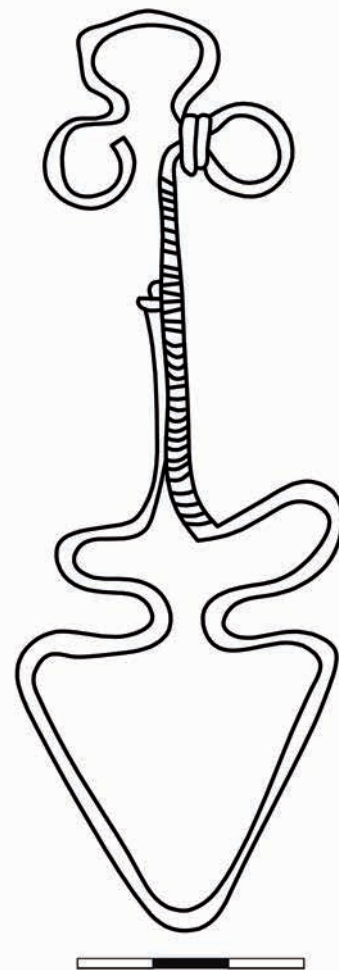

Рис. 8. Мастер А. Бектыбаев. Сырга/серьга. XIX в. Кустанайская область. Металл белого цвета. Гибка и закрутка. 12,1×4,3. 1238 а-юв

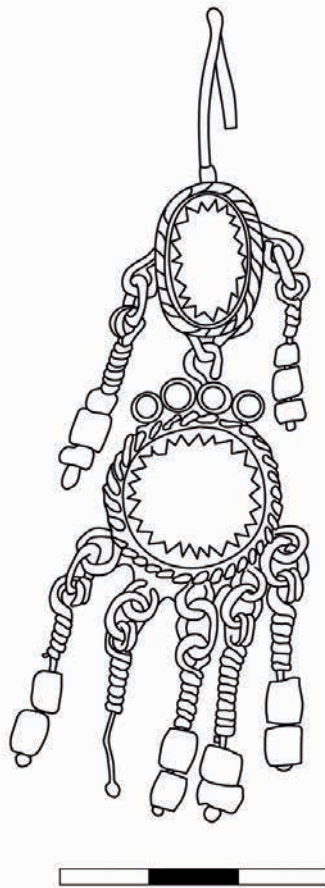

Рис. 9. Сырға/серьга. XX в.
Тургайская область. Металл
белого цвета. Стекло, кораллы,
бирюза. Скать, проволочная гиб-
ка. 9×2,3. 1252-юв

с подвесками-монетами. Сложное построение имеют серебряные серьги (1351 а-юв, 1351 в-юв; 376-сб; XIX в.) с тумарами и волютами, а также серьги с гранеными стёклами контрастных зелёных и красных цветов (1352 а, 1352 б-юв, 377-сб, XIX в.)

Подвески рассмотренных серёг – монеты, мелкие бусинки коралла, металлические бляшки удлинённых форм.

5 тип – тумаровидные серьги. По композиционному принципу использования подобия фигур выполнено височное украшение из Кустанайской области (1240-юв; XIX в.). Вертикально закрепленные тумары украшены сердоликовыми вставками и цепочными подвесками, завершёнными монетами и кораллами.

Височное украшение (1389 а, 1389 б-юв, XX в.) из Тургайской области имеет сложную конструкцию: к верхнему ярусу в виде треугольника – тумара – с боковыми подвесками и цепочкой посередине крепится элемент, согнутый из полосы металла и имеющий также подобную форму тумара. Середина верхнего оберега декорирована полусферой, окруженной гравировкой; две нижние вершины украшены гравированными мотивами «бараньи рога» – қошқар мүйіз. Второй ярус выполнен из полосы металла. Концы полосы, согнутой углом в вершине тумара, завершены окружностями. Срединная фигура второго яруса, согнутая в виде П-образной формы и заканчивающаяся округлыми элементами, внизу укреплена припаянным S-образным элементом. Согнутые пять окружностей разных элементов конструкции второго яруса идентичны по величине. К ним прикреплены цепочки ручной сборки с ромбовидными подвесками, декорированными полусферой и рельефными двойными V-образными полосами, симметричными относительно горизонтали. Верхний угол подвесок украшен вдавленным чеканом кругом. Подобную структуру, не лишённую строгих математических расчётов, мы отметили на примере кустанайских серёг

(1241, 1241 а-юв), датированных XIX в.

К этому типу можно отнести височное украшение (1254-юв, XX в.) из Кустанайской области в виде тумара с центром треугольной формы, вытянутой штампом и окруженной рядами скани, и подвесками на цепочках.

Вариации готовыми формами в создании новых образов серег представляют особый композиционный приём сарыаркинских мастеров. Чувствование ритма, тектоничности, пропорциональности и завершенности присуще серьгам любого типа в коллекции музея.

Үкіаяқтар – подвески-обереги. В коллекции головных украшений музея хранятся *үкіаяқтар* – подвески-обереги с апотропеями – когтями филина, чья символика широко распространена в народных верованиях и тотемистических преданиях.

Обереги использовали для крепления краёв головных уборов – тюрбанов, наматываемых на *кимешек*, головной убор, впервые надеваемый женщиной после рождения первенца. И. В. Захарова и Р. Д. Ходжаева отмечают множество способов сложения и ношения, названий красивого головного убора разных казахских племен [Захарова, Ходжаева, 1964]. Исследователи описывают головной убор – *саукеле жаулық* или *сулама жаулық*, носимый казашками в Актюбинской и Кустанайской области. Его высота достигала полуметра, края мастерицы обрамляли «позументом или галуном, подвешивали с боков *үкіаяқ* <...>, *тұмарша*» [Захарова, Ходжаева, 1964]. Они считают, что исчезновение тюрбана начинается во второй половине XIX – начале XX в., и несколько позднее в районах Тургая.

В описаниях важно то, что *үкіаяқтар* «прикалывали с обеих сторон или с одной». В рассмотренных украшениях можно отметить крючки (1409-юв, 430-сб, XIX в., Кустанайская область; 1412-юв, 432-сб, XX в., Кустанайская область и др.), которыми украшения крепились к ткани. Встречаются небольшие металлические петли и кольца (1404-юв, 380-сб; 1413-юв, 445-сб, XIX в., Северный Казахстан и др.), которые, возможно, служили элементом для фиксирования оберегов булавками к ткани головного убора. Для нас существенно то, что они были снимаемыми украшениями.

Подвески-обереги Сарыарки отличаются своеобразными приёмами технологии изготовления. Можно выделить два основных направления, в которых заметны различные композиционные вариации украшений. К первому типу мы отнесли металлические монохромные украшения лаконичных форм из Тургайской и Кустанайской области. Для второго направления характерны многоярусные *үкіаяқтар* со сложными деталями – оправленными в касты разные формы камня и граненые стёкла, а также полихромность вставок. Подобные подвески-обереги выполняли мастера Сарыарки, что прослеживается по украшениям, обозначенным в инвентарных книгах ювелирного фонда ГМИ им. А. Кастеева, где они отмечены как поступления из Кустанайской и Целиноградской областей, а также других регионов Северного и Центрального Казахстана.

1 тип – үкіаяқтар архаичной, лаконичной формы. Наиболее архаичную форму украшения с когтями филина, по нашему мнению, имеет тургайский серебряный *үкіаяқ* (1400-юв, 336-сб, XX в.). Парные, симметрично расположенные когти филина заключены в полые, вытянутые штампом, двухсторонние серебряные «футляры» с плоскими полями обля (лишнего металла, получавшегося при штамповке изделия) и фестончатыми нижними краями с тремя отверстиями для подвесок (рис. 10).

Верхние части когтей филина закрыты в овальном металлическом объёме – коробочке, охваченной с обеих сторон узкой вертикальной согнутой профилированной полосой металла. Часть вертикальной полосы служит петлей, она зафиксирована плотной спиральной навивкой проволоки. Горизонтальную плоскость ёмкости завершает полоса металла с зубчатыми «крапанами».

Металлические рельефные подвески закреплены на длинных цепочках ручной сборки. Цепочки крепятся к отверстиям в фестончатой части украшения и нижним подвескам при помощи согнутой S-образной металлической проволоки. Разные по форме и декору подвески с тыльной стороны имеют гладкие плоскости, закрывающие полости штампованного серебра.

Подвески к украшениям имеют свою длинную и интересную историю и встречаются в ювелирном искусстве многих народов, как древности, так и современности. Четыре подвески

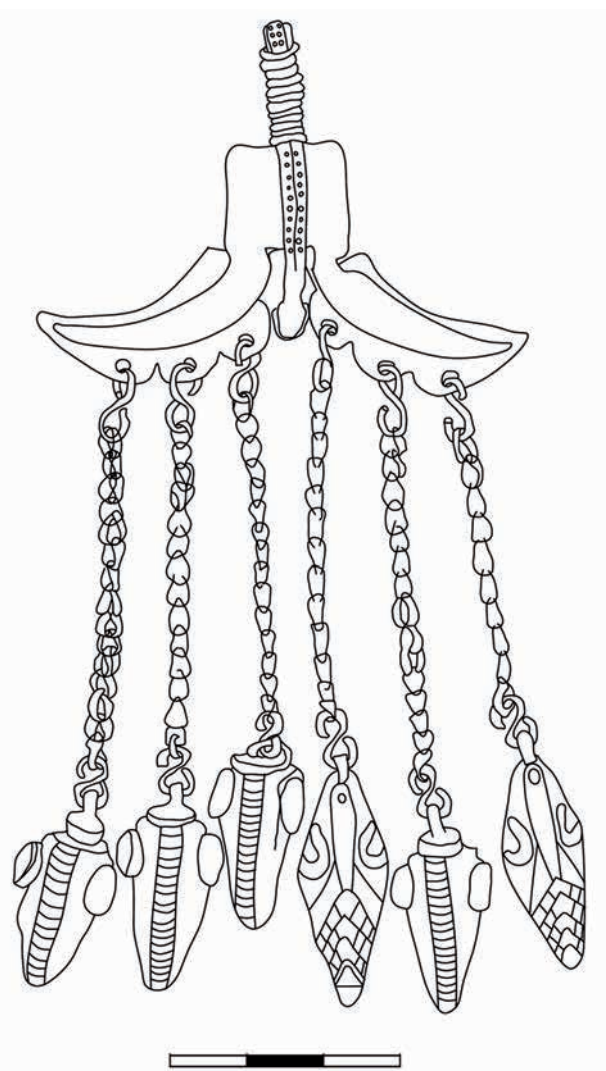

Рис. 10. *Үкіаяқ/подвеска-оберег. XX в. Тургайская область. Серебро. Штамп. 13×6,5. 1400-юв, 336-сб*

рассматриваемого украшения, расположенные с левой стороны (три штуки) и правой (одна), имеют стилизованный антропоморфный характер. Они напоминают формы подвесок золотого мидийского (?) ожерелья (VII–VI вв. до н. э.) с изображением одной из богинь плодородия со сложенными руками на груди из коллекции Патти Кадби Берч [Украшения Востока, 1999]. Две другие подвески ромбической формы с клепкой наверху, похожие на личины, заставляют вспомнить обычай изображать ромбы как намеренное сокрытие образов, замену ликов богов доисламского периода в центрально-азиатском ковровом искусстве [Мошкова, 1970].

Разнообразные зерновидные подвески оберегов коллекции, как и многих других украшений народов мира, связаны, по мнению исследователей, с образами и символами благосостояния и плодородия [Чвырь, 1997; Тохтабаева, 2005; Калашник, 2014]. Конусообразные подвески (1399-юв, *Кустанайская область, XX в.*) – *қоңырау* – с проволочной бахромой отсылают к историческим прообразам использования кистей и бахромы в искусстве и costume народов древней Передней Азии. Л. А. Чвырь со ссылкой на W. E. A. Budge пишет, что кисти и бахрома – «“очень старая форма” ближневосточных амулетов», распространенных позднее у арабов [Чвырь, 1977].

В некоторых украшениях из Тургайской и Кустанайской области вместо настоящих когтей использовались их объёмные штампованные изображения, декорированные параллельными диагональными бороздками и объёмными полусферами, либо розетками (1397-юв, *XX в., Северный Казахстан*). Подвеска XIX в. (1391-юв) из Тургайской области выполнена из двух полых одинаковых пластин с глубокой объёмной штамповкой в виде пары когтей филина, над которыми расположены полусферы. Верхняя часть изображения когтей завершается декоративным рельефным элементом, вытянутым объёмной штамповкой. Нижний край подвески фестончатый. В просверленные отверстия фестонов украшения вдеты соединительные элементы – спирали плотной навивки – с шестигранными пластинками, на широкой поверхности которых оттиснуты рельефные мотивы в виде узких листочков, направленных вверх и выделенных параллельными бороздками. Центральный декор подвесок дополнен ритмичными косыми рядами, составленными тремя шариками псевдозерни. Композиция оберега повторяется в похожем украшении из Северного Казахстана (1407-юв), очевидно, начала XX в. Отличаются обереги особенностями оформления границ облоя и формами подвесок. В тургайском варианте это гладкие вертикальные края и шестигранные подвески на спиралях, а в кустанайском – профилированные зубцами боковины облоя и монеты на цепочках.

Зубчатые боковые края облоя оберегов в некоторых случаях украшены бордюрной гравированной тонкой линией (1401-юв, *XX в., Тургайская область; 1407-юв, XX в., Кустанайская область*) или рядами ложной зерни (1397-юв, *XX в., Северный Казахстан*), а иногда и тем, и другим (1415-юв; *XX в., Тургайская область*). Любопытно введение металлической проволоки, загнута в спираль, в боковины тургайского оберега (1415-юв, *XX в.*).

Наряду с навитыми проволочными элементами можно отметить соединительные, собранные вручную из согнутых петлеобразных заготовок, цепочки. Технология выполнения звена цепочки довольно трудоёмка: мастер сгибает проволоку по контуру круга, запаивает концы, а затем окружность формирует в вытянутый овал, после чего он сжимает круглогубцами овал посередине в фигуру, напоминающую горизонтальную восьмерку. Элемент сгибается пополам – это и есть звено цепочки (процесс работы был любезно показан современным мастером). В отечественной литературе подобные цепочки называются четырехгранными [Тохтабаева, 2005].

Итак, использование плоскости облоя металла для декора, округлый фестончатый нижний край с просверленными отверстиями в середине каждого фестона, соединительные элементы с плотно навитой проволокой, собранные вручную звенья цепочки и штампованные однорядные фигурные подвески, разнообразные по форме и декору, или монеты – общие отличительные композиционные признаки украшений *үкіаяқтар* первого типа Северного Казахстана

(1397-юв, XX в., Северный Казахстан; 1407-юв, XX в., Кустанайская область; 1412-юв, 432-сб, XX в., Кустанайская область и т. д.).

В *үкіаяқ* с подвесками, сочетающими навитые проволокой спирали и бусинки коралла (1414-юв, XX в., Тургайская область), сегменты подвесок – спираль-коралл-спираль – автономны: один конец проволоки входит в отверстие коралла, другой обвивает его витками; перед объёмом коралла проволока, образующая витки, обрезана. Выведенный наружу длинный конец проволоки, выходящий из камня, согнут петлей и закреплен спиралями перед поверхностью коралла. Далее другой отрезок проволоки входит в кольцо предыдущего сегмента и таким образом соединяются два яруса подвесок. К нижней части проволочных сегментов с кораллами прикреплены пластинчатые ромбовидные подвески, верхние стороны которых удлинены. На пластинках подвесок выбит выпуклым чеканом солярный знак – круг с восемью лучами. Оберег, сочетающий монохромное решение основной части и введение локального цветного пятна кораллов в подвесках, можно считать примером перехода украшения ко второму типу.

2 тип – *многоярусные үкіаяқтар*. Характерные особенности этого типа подвесок-оберегов – многоярусность построения элементов и подвесок, полихромность в звучании цвета выбранных камней и ограненных стекол (бирюза, коралл, стекло – зелёное, красное, бесцветное) и использование приёмов изготовления деталей других видов украшений – серег, ожерелий, талисманов, перстней (или использование уже готовых форм других видов украшений). Вариации деталями обеспечили разнообразие форм *үкіаяқ* второго типа.

В центре оберегов второго направления украшений часто используются рассмотренные формы – футляры для когтей филина и коробочка для верхней части апотропеев. Мелкими круглыми кабошонами бирюзы или гранеными стёклами украшены непосредственно футляры и коробочка для когтей филина (1398-юв, 1392-юв, XIX в., Северный Казахстан; 1404-юв, 380-сб, XIX в., 1411-юв, XX в., Кустанайская область; 1416-юв, XX в., Целиноградская область).

Другие элементы *үкіаяқтар* группируются сверху и снизу от центра. Каждый ярус украшений имеет вполне законченное композиционное и колористическое решение в выборе и ритмичной расстановке деталей – камня (или стекла) в оправе, подвесок-бляшек или монет. Нарядность украшению придают разнообразнейшие формы подвесок, расположенных в двух разных по уровню нижних ярусах, – в виде зернышек, монет; оправленных в касты камней и гранёных стекол, размещенных подобно перевернутым пирамидкам; кораллов, заключенных сверху и снизу в металлические чашечки; пластинок и конусов – конырау с филигранными проволоками, подвешенными к краю ровной бахромой.

Крупные камни и граненые стекла оправлены в касты с филигранным ободком (или его имитацией) и закреплены глухими полосами зубчатых крапанов (1392-юв, XIX в., Северный Казахстан; 1393-юв, XX в., Кустанайская область.; 1398-юв, XIX в., Северный Казахстан; 1402-юв, 360-сб, XX в., Северный Казахстан; 1404-юв, 380-сб, XIX в., Северный Казахстан; 1405-юв, 381-сб, XIX в., Кустанайская область; 1409-юв, 430-сб, XX в., Кустанайская область; 1413-юв, 445-сб, XIX в., Северный Казахстан).

Среди кустанайских *үкіаяқтар* XIX в. (1403-юв; 1405-юв) и XX в. (1402-юв; 360-сб; 381-сб; 1412-юв, 432-сб) встречаются волютообразные (спиралевидные) элементы, рассмотренные в описаниях серег. Возможно уточнение дат создания украшений – начало XX в. (рис. 11).

В ярусных решениях украшений мастера используют треугольные *тұмарлар*, расположенные сверху (1398-юв, XIX в., Северный Казахстан) или снизу (1399-юв, XX в., Кустанайская область) от центра оберега.

В нижней части *үкіаяқ* иногда вводятся металлические прямые горизонтальные перекладки (1408-юв, 428-сб, XIX в.; 1411-юв, XX в., Кустанайская область) или плавно согнутая дуга (1398-юв). Они позволяют мастерам ритмично разместить большое количество кабошонов бирюзы или кораллов, имеющие не только благопожелательные значения, но и колористический эффект.

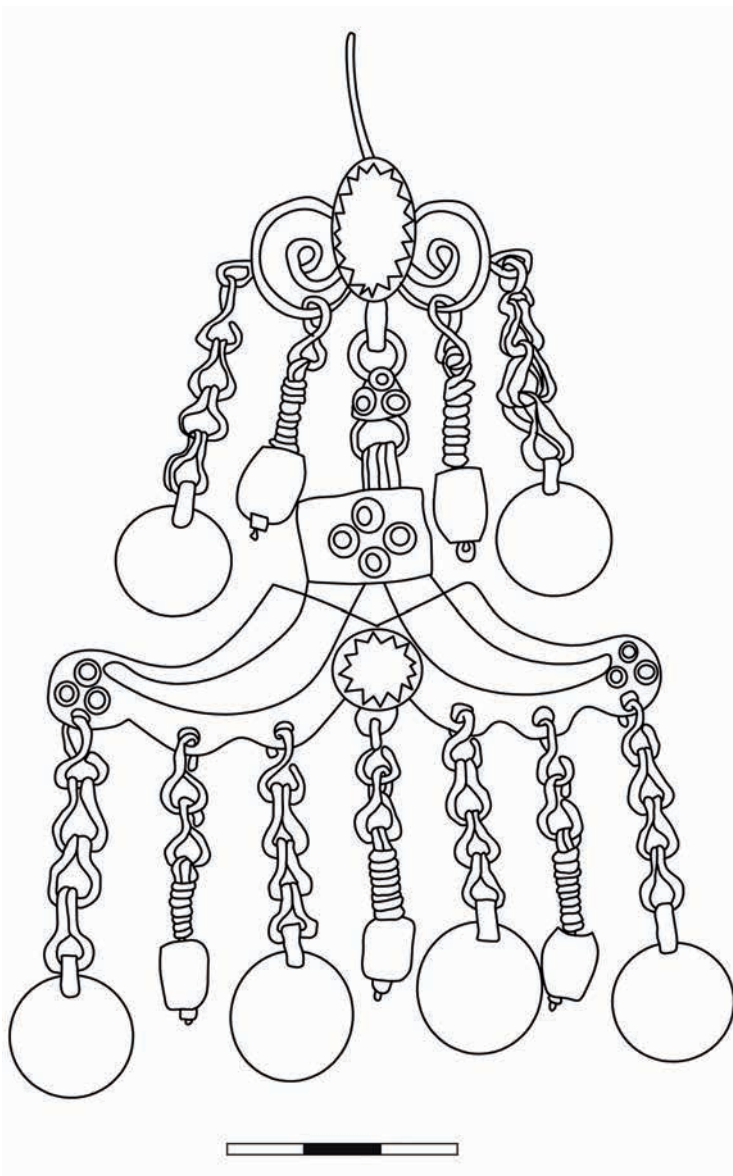

Рис. 11. Укіаяқ/подвеска-оберег. XX в. Северный Казахстан. Серебро. Когти филина, кораллы, стекло. Штамп. 14×8. 1402-юв, 360-сб

няются шолпы, созданные в сквозной филигранной технике (1496-юв, 129-сб, конец XIX в., Северный Казахстан; 1497-юв, начало XX в., Северный Казахстан; 1501-юв, 280-сб, XX в., Джезказганская область; 1502-юв, начало XX в., Кустанайская область и т.д.). Эти накосные украшения исследователями ювелирного искусства Казахстана считаются местными, казахскими. Так, например, в своей статье Э. А. Масанов подробно описывает технологию создания сканых изделий казахскими мастерами [Масанов, 1961]. А. Х. Маргулан истоки филигранной техники казахских серебряников относит к традициям полихромного стиля [Маргулан, 1986]. Ш. Ж. Тохтабаева отмечает «определенное воздействие на образный строй местных украшений» мастеров Казани и Рыбной слободы [Тохтабаева, 2005]. В. В. Мухин пишет о самобытном выражении исполнительского мастерства ажурной филигрании в творческой практике казахов [Мухин, 1978]. Однако, Г. Ф. Валева-Сулейманова, известный современный исследователь татарского прикладного искусства, ситуацию называет ошибочной: изделия мастеров Казани и Рыбной слободы продавались во многих регионах России, в том числе и в Северном Казахстане

Многоярусные подвески-обереги, сочетающие мотивы других видов женских украшений, являют собой сложный, комбинированный тип оберега.

Так же, как и в рассмотренных многоярусных серьгах, процесс сборки *укиаяк* является особым композиционным приёмом, отличающимся симметричным и равновесным расположением, пропорциональностью составляющих деталей, тектоничностью построения.

Украшения для кос – шашбаулар, шолпылар, шаштенгелер. Широко известно значение волос в обрядовых практиках древности [Руденко, 1962] и сохранных в традиционных обществах.

Накосные украшения, выполненные мастерами Сарыарки, – *шашбаулар, шолпылар, шаштенгелер* – в коллекции музея малочисленны.

Шашбаулар – накосные украшения (1553 а, б-юв, XX в.) из Кустанайской области выполнены из подобных композиционных элементов. В первом украшении (1553 а) вертикаль собранной вручную цепочки начинается с декоративной зигзагообразной пластины, украшенной орнаментальным штампованным рисунком – *ирек*, закачивается двумя царскими серебряными монетами (рис. 12), во втором – фабричная цепочка внизу дополняется фрагментами собранной вручную цепочки и монетами советского образца.

В музейной коллекции храня-

[Валеева-Сулейманова, 1995]. Сегодня этот вопрос видится остро дискуссионным, поэтому украшения должны быть тщательно изучены и атрибутированы. Многие современные способы идентификации (например, спектральный анализ состава металла и т. д.) могли бы помочь разобраться в затянувшейся истории этнического определения украшений.

Принимая во внимание то, что казахские мастера всегда были открыты новому культурному паттерну, но избирательно относились к влияниям, сложно представить, что они копировали, незначительно трансформируя композиции изделий татарских мастеров. Скорее всего, можно предположить, что ярмарки, проходившие в Сарыарке, были местом, где изделия мастеров Казани или села Рыбная слобода – известных кустарных промыслов по производству филигранных украшений – активно продавались купцами и охотно покупались местными жителями и приезжими посетителями. Возможен и другой вариант распространения татарских изделий: мастера, знакомые с технологией изготовления женских украшений промысла, работали непосредственно на территории Северного и Центрального Казахстана. Об этом пишет Г. Ф. Валеева-Сулейманова: «Ювелиры <...> сотнями уходят в поисках заработка в оренбургские и казахские степи, Среднюю Азию и даже Сибирь, что привнесло в жизнь и быт этих народов изделия татарского художественного ремесла» [Валеева-Сулейманова, 1995].

В других украшениях для кос с характерными признаками использования композиционных и технологических приёмов местной школы ювелирного дела выделим два типа изделий.

1 тип – шолпы, композиционное построение которых отмечено вертикалью и многократным повторением выбранного мотива. В украшении для кос (1524-юв) конца XIX в. из Кокчетавской области избранный мотив повторяющихся звеньев состоит из монеты, равных по окружности колец и элемента между ними – проволочной розетки, полученной способом растяжки спирали в круг (рис. 13).

Подобный мотив *шолп* использован в украшении начала XX в. (1528-юв, 385-сб) из Западного Казахстана. В серебряных дисках этого украшения гравировкой выполнены несложные орнаментальные элементы.

2 тип – шолпы с более сложными вертикальными композиционными построениями, включающими использование разных мотивов и боковых деталей. В этом типе украшений выделяются две группы сложно-

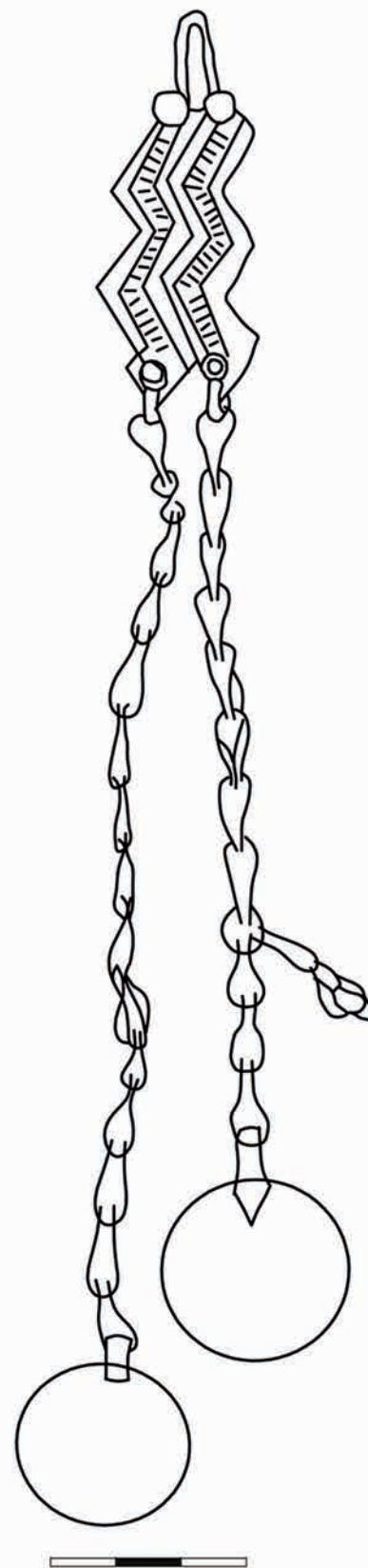

Рис. 12. Шайбау/украшение для кос. XX в. Кустанайская область. Металл белого цвета. Штампы, монеты. 41,3. 1553 а-юв

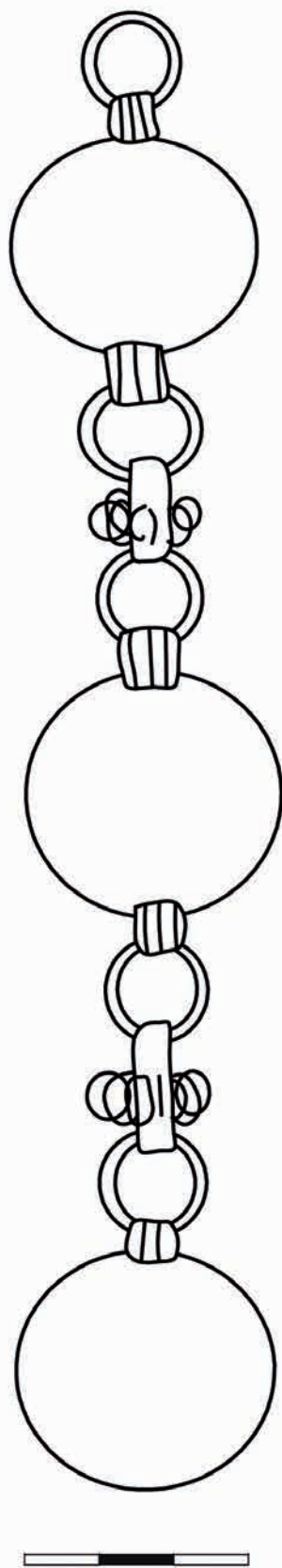

Рис. 13. Шолпы/украшение для кос. Конец XIX в. Кокчетавская обл. Металл белого цвета. Гибка, монеты. 21,3×3,3. 1524 а-юв

составных *шолп* с разными деталями: а) построенные по вертикальной оси и б) подобные им *шолпы*, но имеющие ещё боковые подвески.

Рассмотрим первую группу *шолп*. В *шолпах* начала XX в. (1517-юв) из Павлодарской области мерный ритм украшения начинается с проволочной окружности, прикреплённой клёпкой к монете.

Это звено заканчивается подобной окружностью, соединенной с *тумаром*. От *тумара* свисают три вертикальных ряда, в каждом из которых повторяется мотив чередующихся окружностей и монет. *Тумар* декорирован симметричными мотивами пальметт с нижними завитками, составляющими четырёхугольник с вогнутыми сторонами, вершины которых отмечены небольшими окружностями, нанесенными кольцевыми пуансонами. Такой приём мы рассматривали в серьгах с пальметтами. Соединение деталей *шолп* выполнено при помощи клёпок небольших полос металла.

Подобно рассмотренной композиции *шолп* построение украшения начала XX в. (1522-юв) из Павлодарской области. В декоре *тумара* использованы гравированные элементы овальных зубчиков, чьи места соединения отмечены отштампованными окружностями. Гладкие полосы, повторяющие направленность боковых сторон треугольника, и фрагмент растительного мотива расположены на фоне, покрытом мелкими окружностями.

От *шолп* начала XX в. (1516-юв) из Кустанайской области сохранился фрагмент – прямоугольная пластина с заovalенными краями, в отверстиях которой на цепочках подвешены монеты. Интересно то, что на плоскости пластины находятся три штампованные полусферы, дополненные солярными композициями и рисунками псевдозерни, что отмечалось в описаниях серег Сарыарки.

Прямоугольная пластина *шолп* начала XX в. из Кустанайской области (1526-юв, 324-сб) украшена гравированным рисунком растительного мотива (пальметта?), тремя сердоликами в оправе с треугольными «крапанами» и подвесками – пятью монетами, большими и малыми, – на цепочках ручной сборки. В небольших оправках не сохранились вставки, очевидно, это была бирюза.

Изучим вторую группу накосных украшений. Сложносоставные *шолпы* с боковыми подвесками чаще всего встречаются в Северном Казахстане. *Шолпы* начала XX в. из Тургая (1527-юв, 335-сб) – пример использования устоявшихся композиционных и технологических приёмов мастеров местной школы (рис. 14).

Каскадное решение украшения начинается с петли, за которую, в свою очередь, петлёй крепятся проволочные элементы, соединенные плотно навитой дополнительной проволокой. Проволочные элементы, огибающие овальный плоский

сердолик с обеих сторон, используются не только в креплении камня, но и в создании дополнительных петель, необходимых для соединения вертикально висящих в два уровня цепочек и монет.

Узорные ромбовидные бляхи с оправленным в каст сердоликом каплевидной формы и фестончатыми краями украшены гравированным бордюром (1515-юв, Северный Казахстан, начало XX в.) и дополнены монетами (рис. 15).

Запаянные петли по горизонтальной центральной оси медальонов создают вертикальное направление для боковых деталей украшения – монет. Узорные бляхи с фестончатыми краями и гравированными S-образными завитками (1525-юв, начало XX в.) из Кокчетавской области также дополнены сердоликовыми вставками разных форм. Смещение места пайки петель для боковых деталей – небольших блях с сердоликом, завершенных монетами, – чуть ниже середины, позволило мастеру создать динамичную форму *шолп*.

Шаштеңге – наконечное украшение с монетами в коллекции тургайских мастеров музея (1537-юв, XX в.) представлено сложносоставным украшением. Верхний ярус украшения – объёмный треугольный элемент – амулетница, символ защиты – *тұмарша*. Амулетница имеет плоские фестончатые края и вытянутый штампом объёмный

треугольный центр, отмеченный полусферой. По окружности полусфера декорирована ложной зернью. Вершины треугольника выделены рядами, состоящими из трех шариков зерни. Декор фигуры дополняют прочеканенные прерывистые объёмные штрихи и ряды мелких шариков зерни по краям треугольника и границам соединения объёма треугольника с плоскими краями. К центральному отверстию в нижней части треугольника амулетницы крепится элемент украшения – плоская горизонтальная фигура, напоминающая капсулу *бой тұмар* для хранения сакральных значимых предметов. По краям треугольника *тұмарша* на коротких цепочках зафиксированы серебряные монеты советского периода (1922, 1924, 1925). Плоская средняя часть с треугольными боковинами, украшенными зернью в виде полурозетки,

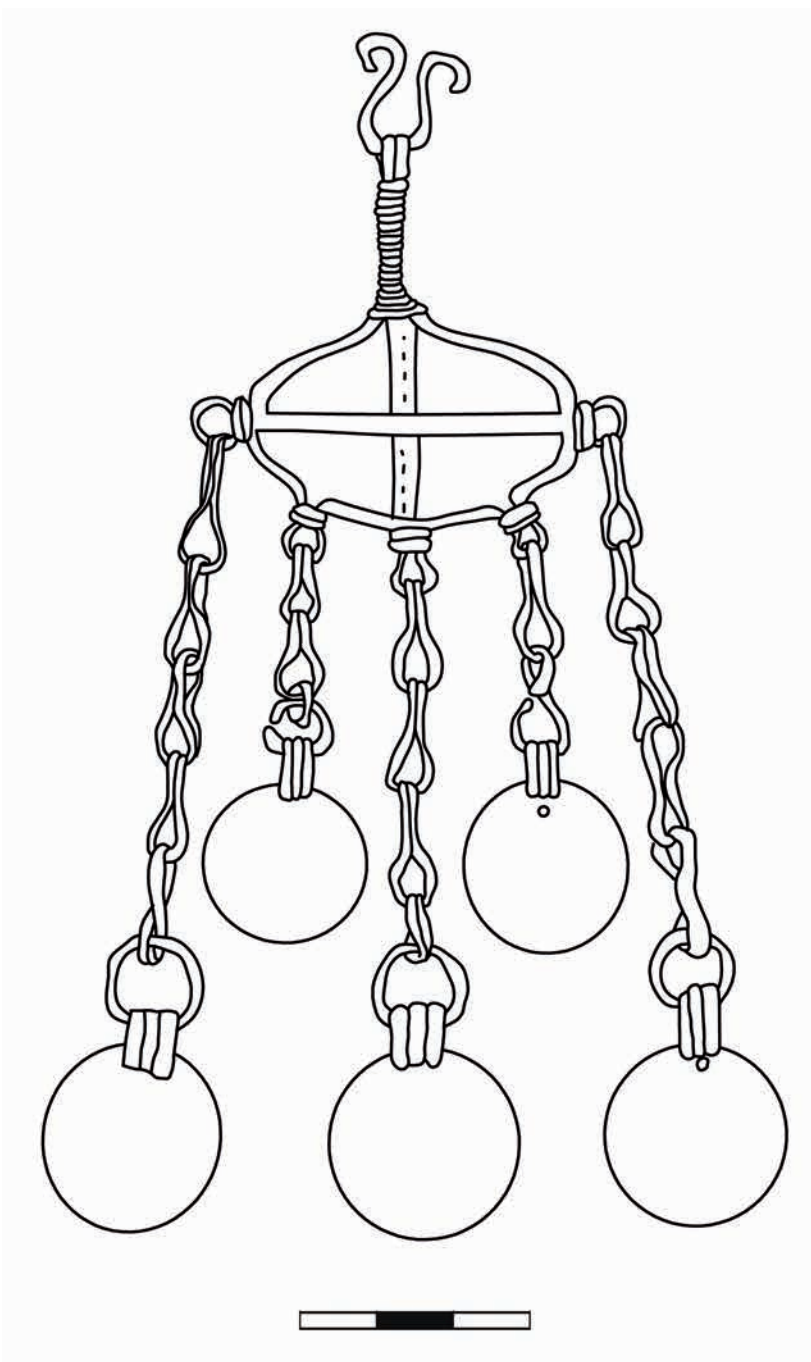

Рис. 14. Шолпы/украшение для кос. XX в. Тургайская обл. Серебро. Сердолик, монеты. 16×5,7. 1527-юв, 335-сб

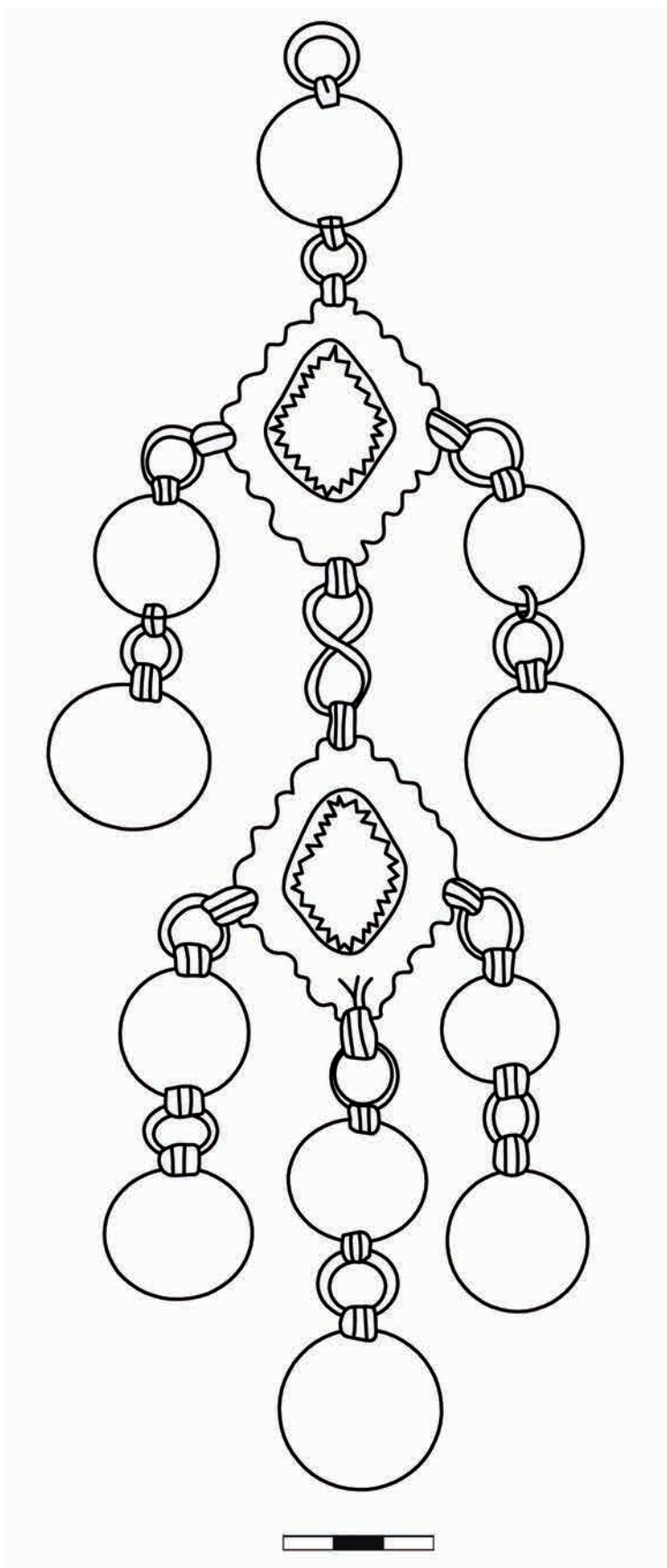

Рис. 15. Шолпы/украшения для волос. Начало XX в. Северный Казахстан. Металл белого цвета. Сердолик, монеты. Гравировка. 29×5. 1515-юв

в *шаптеңге* декорирована накладной фигурой с волнистыми краями. Её крепят клёпки в ободках-окружностях, выложенных гладкой проволокой и создающих своеобразные декоративные элементы. К нижнему краю средней части украшения подвешены пять цепочек, завершенных серебряными монетами советского времени (1922, 1925).

УКРАШЕНИЯ ДЛЯ ШЕИ И ГРУДИ

Алқалар – ожерелья. Традиционное казахское шейное украшение *алқа* по своей композиционной структуре наиболее близко к образцам женских украшений, известных в мировой истории ювелирного дела. Подобные по структуре украшения использовались ещё в первобытной культуре.

Композиционное построение *алқалар* – ожерелий, изготовленных мастерами Сарыарки и хранящихся в коллекции музея, *однотипно* – это всегда вытянутые по горизонтали соединенные элементы, дополненные разнообразными подвесками. Элементами украшения служат цепочки, двойные цепочки, камни в оправе, металлические бляхи или медальоны, камни либо граненые стекла в оправе и т. д., подвесками – монеты, бусинки, пуговицы с металлическими розетками, камни или стекла в оправе, металлические композиции.

Характер подвесок, прикреплённых к горизонтальной основе украшения, весьма разнообразен. Подвески могут быть:

- одного вида, например монетами (891-юв, XX в., Северный Казахстан);
- разнообразными, отличающимися друг от друга материалами и способами изготовления, но симметрично расположенными относительно центра украшения (882-юв, XX в., Кустанайская область);

- разными по формам и материалу, свободно прикреплёнными к горизонтальным элементам (877-юв, XX в.; 884-юв, XIX в., Кустанайская область и др.).

В ожерельях, как правило, отмечен центр:

- крупными двумя или тремя бляхами с камнями, обрамленными в каст (876-юв, XX в.; 891-юв, XX в.; Кустанайская область);

- ажурными бляшками с иным композиционным построением (877-юв; XX в., Северный Казахстан; 893-юв, XX в., Кустанайская область) (рис. 16);

- двумя одинаковыми бляшками с камнями в оправе и застёжками (882-юв, XX в., Кустанайская область; 885-юв, 337-сб, XX в., Северный Казахстан и др.).

В ожерельях некоторые соединенные элементы напоминают опыт изготовления деталей украшений других видов, как отмечалось в рассмотрении *укиаяк*, *шолп*, *шаштеңге*. Волутообразные (спиралевидные) завитки в *алқа* (890-юв, 378-сб, XIX в., Кустанайская область) встречались в композициях серег, *укиаяк*.

Серебряные *алқа* носили только обладательницы богатой одежды [Захарова, Ходжаева, 1964].

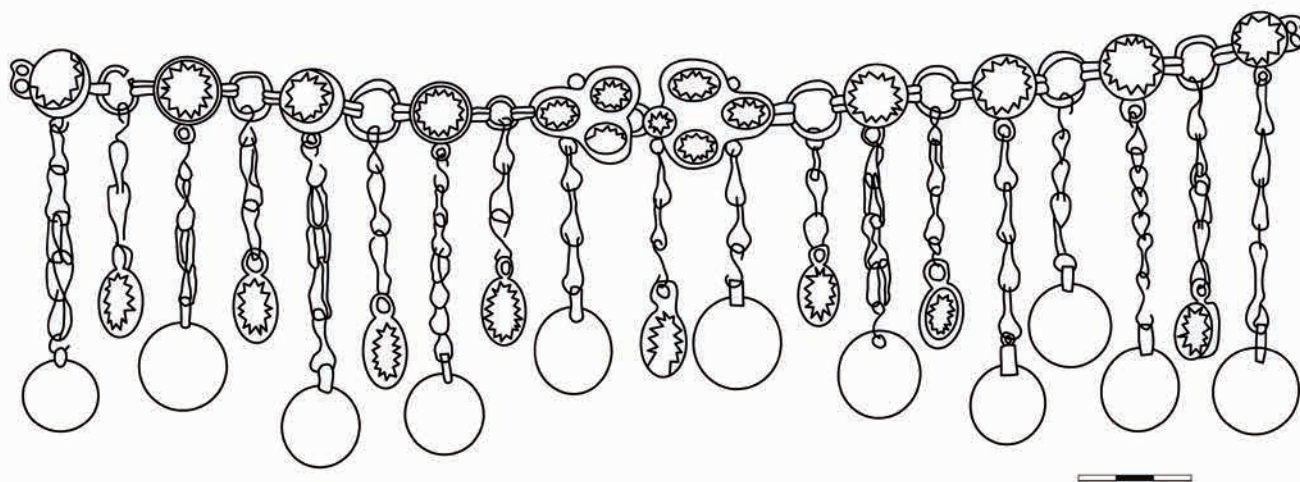

Рис. 16. Алқа/ожерелье. XX в. Кустанайская обл. Металл белого цвета. Стекло, монеты. Скань. 34×10. 893-юв

Тұмаршалар, тұмарлар – амулетницы и амулеты. В музейной коллекции женских украшений значительны по количеству хранящиеся *тұмаршалар* и *тұмарлар* – амулетницы и амулеты – из Сарыарки.

Собственно, с содержимым украшения связано и само название «тұмар», что в переводе с арабского означает молитву, написанную на бумаге, которой предназначалась роль оберега [Фахретдинова, 1988]. Но традиция ношения амулетов относится к первобытным временам и верованиям, замечает Н. Г. Борозна, а с приходом ислама «некоторые виды их ещё в прошлом веке превратились в украшения» [Борозна, 1975]. Форма амулетниц и амулетов Сарыарки, в отличие от подобных украшений исламского ювелирного дела Средней Азии и других стран, где оберег представлен не только в виде треугольника, но и прямоугольника (*хейкель*), квадрата либо пустотелого цилиндра, являет собой треугольник, древний архетип и символ сакрального. В самом деле, хорошо известная орнаментика андроновской и бегазы-дандыбаевской керамики эпохи бронзы включает множество вариантов интерпретации фигур треугольников; из треугольных фигур состоят бордюры войлочного ковра с головками львов из Первого Пазырыкского кургана (Эрмитаж, №1295-52) [Полосьмак, Баркова, 2005]. Треугольными фестонами отделаны ноин-улинские футляры для женских кос (курган № 6), плоские и цилиндрические шёлковые флажки (курган № 6) [Руденко, 1962].

Очевидно, что амулетницы и амулеты Сарыарки, хранящиеся в музее, можно разделить на две группы: 1 тип – это обереги треугольной формы с подвесками (по 3–7 штук); 2 тип – многорядные обереги, чаще двух- или трёхъярусные.

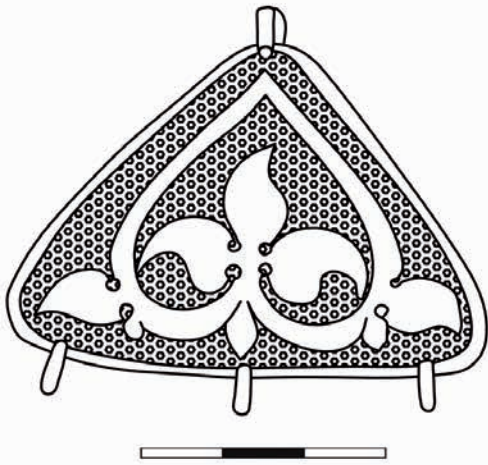

Рис. 17. Мастер Сейдыбаттал.
Тумар/амулет. XIX в. Джезказганская
область. Металл белого цвета.
Гравировка. 5×6. 922-юв

В усложнённой технологии изготовления украшения можно отметить фестончато-зубчатые бордюры – своеобразные «отвороты» металла, играющие роль декора края. Возможно, на применение подобного приёма повлиял эффект использования профилированного облоя штампованного металла в декоре украшения *укіаяк*. В просверленных отверстиях украшения видны следы светлой мастики, придающей мягкий, припухлый объём оберегу.

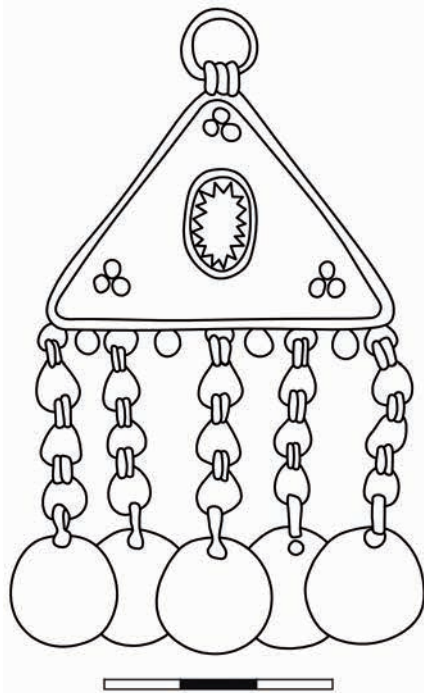

Рис. 18. Тумар/амулет. XX в.
Кустанайская область. Серебро.
Стекло, монеты. Гравировка,
скань. 8,5×5. 927-юв, 322-сб

1 тип – обереги треугольной формы с одним рядом подвесок. Мотивом трилистника в сердцевидном обрамлении украшает тумар (922-юв, XIX в., Джезказганская область) – пластину треугольной формы с заovalенными краями – мастер Сейдыбаттал. Подвижный гравированный рисунок трилистника, с небольшим исправлением в исполнении верхнего левого края листочка, напоминает выразительный рисунок рассмотренной серьги (1233-юв) мастера (рис. 17).

Так же, как и в этих украшениях, фон и сочленения листьев украшены прочеканенными окружностями. Дополнительная гравированная линия бордюра служит рефреном абриса украшения. На обратной стороне амулета нанесён гравированный рисунок трилистников с боковыми четырёхлистниками. Композиционный дар Сейдыбаттала ярко проявился и в этом виде украшений. Тумар имел, судя по нанесенным отверстиям, верхнюю часть и подвески.

На верхней выпуклой позолоченной части амулетницы (923-юв, XIX в., Джезказганская область), выполненной этим интересным мастером, сохранились следы орнаментальной гравировки. В усложнённой технологии изготовления украшения можно отметить фестончато-зубчатые бордюры – своеобразные «отвороты» металла, играющие роль декора края. Возможно, на применение подобного приёма повлиял эффект использования профилированного облоя штампованного металла в декоре украшения *укіаяк*. В просверленных отверстиях украшения видны следы светлой мастики, придающей мягкий, припухлый объём оберегу.

Амулетницу (925-юв, XX в.) Дихан Жайлаубаев, мастер из Джезказгана, украсил многослойными накладками. Верхняя часть амулетницы декорирована штампованными розетками и псевдозернью. Мастер использовал клёпки для соединения подвесок.

Весьма близок по стилистике рассмотренных оберегов амулет из Кустанайской области (939-юв, XX в.). Отмеченный центр полусферой, по углам – касты, обведенные филигранью, поле с гравированными фестонами, в которых помещены элементы коврового орнамента, так называемые «пальчики невесты», и бордюр в виде филигранной «косички» напоминают уже рассмотренные украшения Сарыарки.

С выпуклой поверхностью выполнена амулетница с подвесками, украшенными кораллами (940-юв, XX в., Тургайская область). Элементы декора поверхности оберега – псевдозернь, образующая лучи от окружности полусферы центра тумара. Аналогичное решение встречается в тургайском украшении для кос *шаштеңге* (1537-юв, XX в.). В тумаре с фестончатыми краями (913-юв, XX в., Кустанайская область) углы треугольника украшают соляные знаки с лучами, образованными шариками псевдозерни.

К этому типу принадлежат обереги (912-юв, XIX в., Тургайская область; 932-юв, XIX в.; 927-юв, 322-сб, XX в., Кустанайская область и др.) (рис. 18).

2 тип – многоярусные обереги. Они повторяют во многом композиционную структуру украшений *үкіаяқ*. Часть из них композиционно строится по принципу подобия (933-юв. XX в., Северный Казахстан) (рис. 19).

Другие амулеты (931-юв, 346-сб, XIX в.; 935-юв, 379-сб, XIX в.; 934-юв, 361-сб, XIX в.; 926-юв, XX в.; Кустанайская область) в верхней части украшены завитками спиралей, как в рассмотренных серьгах и оберегах *үкіаяқ* (рис. 20).

Ярусы завершают двухуровневые подвески – цепочки с кораллами, монетами, гранеными стёклами в оправе, нижний конец которых обычно украшен тремя маленькими кабошонами бирюзы (либо смальты) в оправе в виде перевернутой пирамидки.

Амулеты и амулетницы из Северного и Центрального Казахстана имеют ряд региональных стилистических признаков: использование фестончатых краёв; углов треугольной фигуры для декора бирюзой или другими камнями; подвесок на цепочках – фигурных бляшек, коралла, монет.

Охранной функцией обладали не только рассмотренные обереги, но и все традиционные украшения. Второе назначение украшений – «множительное», связанное «с идеей плодovitости» [Чвырь, 1977].

УКРАШЕНИЯ ДЛЯ РУК – БРАСЛЕТЫ, ПЕРСТНИ, КОЛЬЦА

Білезіктер – браслеты. Браслеты, изготовленные мастерами Северного и Центрального Казахстана и хранящиеся в коллекции музея, многочисленны. О признанной художественной ценности украшений свидетельствует факт из истории – браслеты с чернью из Тургайской области в 1896 г. экспонировались на выставке в Нижнем Новгороде [Масанов, 1961].

В приёмах, использованных в оформлении браслетов, наблюдаются многие сложившиеся принципы ювелирной школы региона, отмеченные при рассмотрении снимаемых украшений для головы и волос, шеи и груди. В композиции – это центр, симметрия, бордюр, мотивы пальметты и полупальметт, трилистника; цепочки коротких штрихов «зигзаг», полусферы, вырезные либо гравированные фестоны; а в технологии – глухое крепление камня или граненого стекла полосой металла с треугольными зубцами – «крапанами», гравирование, штамп.

Выделим среди множества хранящихся браслетов в музее основные типы по признакам использованных форм и композиционного построения.

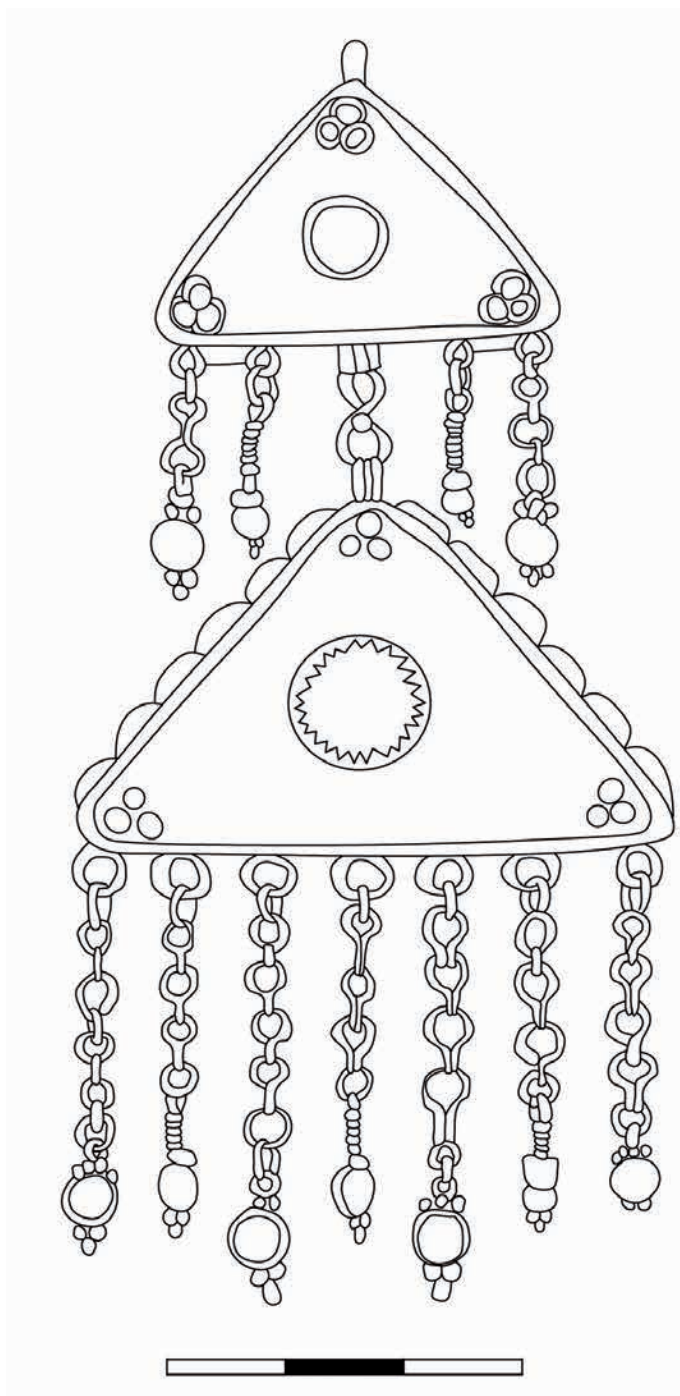

Рис. 19. Тұмар/амулет. XX в. Северный Казахстан. Металл белого цвета. Сердолик, кораллы, бирюза, стекло. Скать, зернь. 15,4×5,3. 933-юв

1 тип – жалпақ білезік – пластинчатые браслеты:

а) пластинчатые браслеты с плавным сужением с обеих сторон от центра к концам браслета:

- с гладкими краями (206-юв, XX в., Джезказганская область; 237-юв, XX в., Кустанайская область; 279-юв, XX в., Центральный Казахстан и др.);

- с фестончатыми краями (54-юв, XX в., Кустанайская область; 207-юв, 283-сб, XX в., Джезказганская область; 212, 212 а-юв, 292-сб, XX в., Кокчетавская область и др.);

б) пластинчатые браслеты одинаковой ширины по всему изделию:

- с гладкими краями (53, 53 а-юв, 71-сб, XX в., Центральный Казахстан; 115-юв, 151-сб, XX в., Кустанайская область; 294-юв, 414-сб, XX в., Центральный Казахстан и др.);

- с объёмными формами – выступами трёх прямоугольников по полю браслета (257-юв, 355-сб, XX в., Северный Казахстан; 215, 215 а-юв, 297-юв, XX в., Кокчетавская область; 257-юв, 355-сб, XX в., Северный Казахстан; 328 а, 328 б-юв, XX в., Центральный Казахстан);

- с выпуклым объёмом поля браслета (112-юв, 149-сб, XX в., Центральный Казахстан).

2 тип – сағат білезік – браслеты в форме часов:

- с геометрическими фигурами (шестиугольником и прямоугольником) в центре (297-юв, XX в., Северный Казахстан; 344-юв, XX в., Центральный Казахстан), декорированным мотивами полупальметты как *pars pro toto*;

- с длинным прямоугольником, в котором горизонтальные стороны дугообразны (152, 152 а-юв, 210-сб; 156-юв, оба – XX в., Карагандинская область);

- с разными вариациями длинного прямоугольника, не выступающего за границы браслета (211, 211 а-юв, 291-сб, XX в., Кокчетавская область; 272 а, 272 б-юв, 373-сб, XX в., Тюменская область);

- с круглым и овальным центром и фестонами по краям (59-юв, 79-сб, XX в., Центральный Казахстан; 116-юв, XX в., Северный Казахстан; 329 а, 329 б-юв, XX в., Центральный Казахстан).

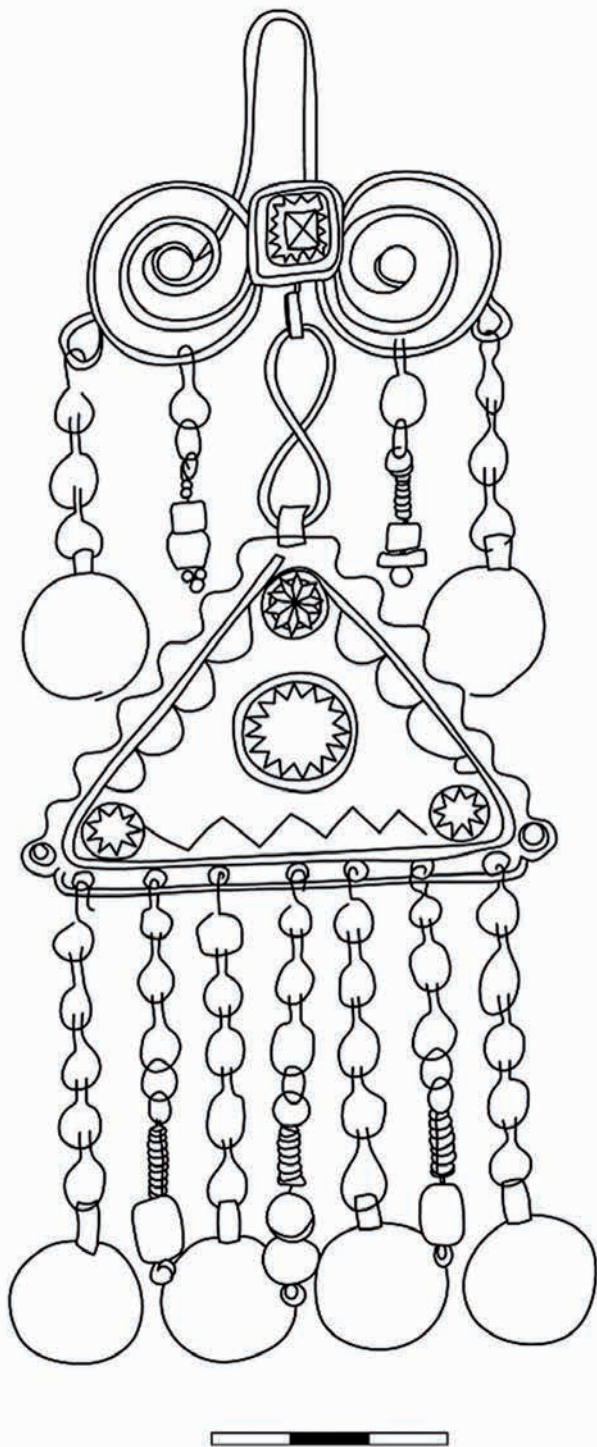

Рис. 20. Мастер Р. Тоймаков. Тұмар/амулет. XIX в. Кустанайская область. Серебро. Кораллы, стекло, монеты. Гравировка. 17×7. 931-юв, 346-сб

3 тип – жұмыр білезік – прутковые браслеты (57-юв, 77-сб, XX в., Центральный Казахстан; 82-юв, 111-сб, XIX в., Павлодарская область; 151-юв, 209-сб, XX в., Карагандинская область; 153-юв, 212-сб, XX в., Карагандинская область; 155, 155 а-юв, 213-сб, XX в., Карагандинская область).

4 тип – браслеты с признаками эклектики (238 а, 238 б-юв, XX в., Кустанайская область; 245-юв, XX в., Тургайская область).

Рассмотрим несколько подробнее наиболее интересные композиции распространенного типа пластинчатых браслетов с плавным сужением с обеих сторон от центра к концам.

Горизонтальные края серебряного браслета (54-юв, XX в.) из Кустанайской области оформлены плавными растянутыми дугами фестонов. Акцентным декором плоскости браслета служат штампованные объёмные полусферы: две по вертикальной и горизонтальной оси браслета. Фестоны, нанесенные штихелем приёмом «зигзаг», обрамляют полусферы. Через центр плоскости браслета проходит прямая, гравированная цепочкой «зигзаг». Концы крыльев браслета завершены округлой формой с прорубленным кругом. Композиционное контрастное сочетание – объём/линия – говорит о понимании и чувствовании мастером законов восприятия, основанных на чередовании зрительных впечатлений. В этом браслете прослеживаются древнетюркские архаические черты, отмеченные нами в анализе серег.

Джезказганский мастер Дихан Жайлаубаев в двух браслетах применил разные способы решения общей композиции. В браслете (206-юв, XX в.) по вертикальной оси он вытянул штампом три полусферы, из них центральная больше по величине. Две полусферы по вертикали декорируют боковые части браслета. Симметричные трилистники, сохранившие следы очертаний вытянутых форм полупальметт, окаймлены гравированной цепочкой «зигзаг», которая в разных направлениях покрывает фон браслета. Суженные округлённые концы браслета завершаются штампованными полусферами.

В серебряном браслете (207-юв, 283-сб; XX в.) с фестончатыми краями в верхней и нижней части изделия Д. Жайлаубаев выделил центральные штампованные полусферы, размер которых повторен в средних боковых полусферах. Центральное поле браслета украшено своеобразным гравированным картушем, образованным стеблями трилистников, соединительным элементом и расположенной в нём цифровой датой, очевидно, создания украшения – 1978 и графемой имени мастера. Середина листьев трилистников и декоративных элементов отмечена круглыми углублениями – следами чекана. Мотив трилистника, таким образом, в авторской интерпретации существовал и во второй половине XX в. Фон браслета «набит» мелкими окружностями.

Интересен и тот факт, что отметил в своё время Э. А. Масанов, а именно: на украшениях гравировкой «делали надпись, в которой указывали дату изготовления и имя владельца предмета» [Масанов, 1961]. Как видим, существовал и иной способ – отмечать даты выполнения работы и имя мастера на изделиях, своего рода проставлять авторское клеймо ювелира.

Мастер Рахым Абдукаримов из Джезказганской области в парных браслетах (205, 205 а-юв, XX в.) использовал гравированный мотив трилистника с нанесенными в середине листьев окружностями, выделив центр украшения соединенными стеблями мотива. Ручной способ гравирования рисунка и фестонов, выполняющих роль бордюра, выделение фона мелкими штампованными окружностями придаёт определённую выразительность общей композиции украшений. Подобные мотивы трилистников нам встретились в рассмотренных серьгах (1334, 1334-юв) мастера Сейдыбаттала и Дихана Жайлаубаева (1335-юв). В браслетах мастер выполнил крючковые застёжки.

Гравированные полупальметты в волновом ритме расположены на фоне мелких окружностей, нанесенных кольцевым пуансоном, в парных браслетах (302-юв, серебро, XX в.) из Кустанайской области. Фестончатый гравированный бордюр обрамляет рисунок (рис. 21).

Очевидно, что парные браслеты из Кустанайской области (236 а, 236 б-юв; XX в.) с изображением симметричных пальметт имеют иную интерпретацию мотива пальметты. В центре

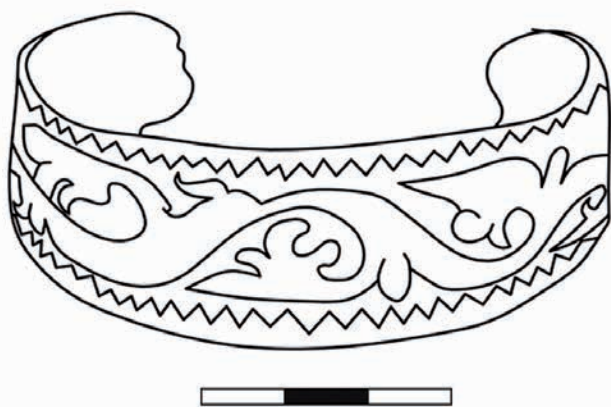

Рис. 21. Білезік/браслет. XX в. Құстанайская область. Серебро. Гравировка. 2,4×4,5. 302-юв

браслеты украшены полусферами, на поверхности которых «зигзагом» нанесены контуры четырех сердцевидных фигур. По сторонам от полусферы на браслете «зигзагами» гравированы абрисы сердцевидной пальметты. Подобный рисунок орнаментального мотива встречается в казахских войлочных коврах *текемет*.

Визуальный контраст между гладкой плоскостью рисунка и фоном, выделенным линиями «зигзаг», создает особую выразительность композиции браслета. Двойные застёжки браслетов широкими крючками – вариант использования крючковых замков. О них Масанов писал, что «в Тургайской области бытовали браслеты с застёжками простейшего устройства»

[Масанов, 1961].

Мотив текстильного рисунка использован в композиции довольно массивного браслета из Құстанайской области (237-юв, XX в.). Шестилепестковая объёмная прочеканенная розетка расположена в центре браслета. Солярная розетка обведена гравированным «зигзагом» и тонкой линией гравированной окружности и находится в ромбовидном медальоне, обозначенном цепочкой «зигзаг». Он напоминает мотив *шаршы*, часто используемый мастерицами как в ворсовом, так и в гладком ткачестве: во внутреннем ромбе в углах расположены мотивы *қошқар мүйіз*, во внешних горизонтальных – также *қошқар мүйіз* с дополнительным ромбовидным элементом. Поверхность браслета украшают невысокие полусферы, нанесенные чеканом, и гравированные ромбы, образованные зигзагообразной линией, в центре которых находятся контррельефные полусферические углубления. Суженые концы браслета завершаются мягкими округлыми краями и штампованными полусферами.

Определенный переход к упрощению выразительных средств можно отметить в браслетах из Құстанайской области (247 а, 247 б-юв, 339-сб, XX в.). В них верхние и нижние границы в виде увеличенных двух плавных фестонов сомкнуты в середине браслета. Центральная и боковые полусферы окружены ореолами малых штампованных шариков псевдозерни. Бордюры и угловые двойные линии, нанесенные «зигзагами» по полю браслета, – основной выразительный акцент украшений.

К упрощенному типу браслетов в коллекции музея можно отнести несколько құстанайских украшений, отличающихся композиционными вариациями. В парных браслетах (239 а, 239 б-юв, XX в.) концы слегка заovalены. Небольшие полусферы в центрах браслетов выполнены штампом и окружены шариками псевдозерни. Чеканными фестонами выделены бордюры границ браслетов, от центральных частей которых с обеих сторон проведены линии, образующие вместе с ними стороны шестигранной фигуры. Боковые части шестигранника подчеркнуты рядом мелких штампованных окружностей и гравированными дугами. На боковинах браслетов чеканом набиты двойные лепестки пятилепестковых цветков и листьев в незабытой мастерице, видимо, традиции тюркской неполивной керамики.

Подобны рассмотренному композиционному приему серебряные браслеты из Құстанайской области (242-юв, 329-сб; 243-юв, 330-сб, XX в.) с центральными объёмными полусферами и ореолами мелких шариков псевдозерни вокруг них и подобными им, но более малых размеров по сторонам. Небольшие гравированные линией фигурки и набитые чеканом, как-то: линия, скобки – создают ограниченные замкнутые фигуры, поле которых декорировано окружностями, выполненными кольцевыми чеканом.

Тургайские парные пластинчатые браслеты с расширенной центральной частью по краям оформлены двумя рядами филигранны (246 а, 246 б-юв, XX в.). Центр браслетов отмечен выпуклой полусферой, на которой нанесено изображение звезды, чьи очертания повторяют контурные полосы. Сочетание полированной и зачерненной поверхности создают новые варианты прочтения нанесенного рисунка. На плоскости браслетов выделяются гравированные рисунки орнаментального спиралевидного мотива. Они расположены на светлом фоне, границы которого создают, взаимодействуя с зачерненным фоном, новый орнаментальный мотив.

В коллекции музея можно отметить еще два серебряных браслета из Кустанайской области, которые, судя по орнаментации, близки:

- к павлодарским (300-юв, 421-сб, XX в.); бордюрные полосы браслета выделены рельефами, на них несложные двойные дугообразные симметричные линии, зачерненные. В центре – растительный орнамент, зачерненный; браслет завершается копьевидными очертаниями;

- к актюбинским (303-юв, 425-сб, XX в.); парные браслеты с полусферой в центре, окруженной гладкой полосой. Штампованные шарики расположены по краям и всему полю браслета, в центре – гладкая полоса, раздваивающаяся к центру и образующая треугольное поле для декора псевдозерню. Концы браслета украшены двумя зубчиками. В нижней части браслета сохранилась петля.

Для браслета мастера Камала Исканова (204, 204 а-юв, XX в.) из Джекказганской области характерна орнаментация разнообразными приёмами: центр браслета по краям выделен тремя фестонами, обозначенными прочерченными точками (в центре каждого фестона – точка), по полю – чередующимися штампованными изображениями цветов и рифлеными насечками надфилями треугольной формы. По краям расположен бордюр, нанесенный зигзагообразными дорожками. Браслет без замка, с заovalенными концами.

В коллекции музея привлекают внимание два серебряных браслета (212, 212 а-юв, 292-сб; 213, 213 а-юв, XX в.) из Кокчетавской области. Они похожи в композиционных замыслах, и создание одного украшения, видимо, повлияло на появление другого. Абрисы центрального фестона повторяет гравированная бордюрная рама браслета, вертикальные границы которой совпадают с границами боковых фестонов. В раме расположена цифровая дата создания украшения и рисунок растительного характера. Крылья браслета профилированы двумя горизонтальными симметричными вдавленными полосами с рядом набитых чеканом мелких окружностей. Овальные края не замкнуты.

Второй пластинчатый браслет также украшен симметричными фестонами и расширен к центру. По абрису браслета нанесена тонкая гравированная линия. Гравированный рисунок растительного орнамента симметричен. Браслет украшают согнутые дугой элементы из гладкой проволоки с верхней и нижней стороны. В центре браслета, в местах соединения, напаяны три шарика зерни, крупный шарик – в центре. Концы свободны, слегка заovalены.

Композиционные черты этих двух украшений узнаются в браслете с арабской надписью (341-юв, XX в.) из Северного Казахстана.

Возвращаясь к композиционному примеру применения дат как мотива декора (212, 212 а-юв, 292-сб) отметим, что на серебряных браслетах из Северного Казахстана (234 а, 234 б-юв, 312-сб, XX в.) рисунок выполнен зигзагообразными штрихами – сверху и снизу тонкий бордюр, симметричный рисунок ромбами (не совсем правильными). В пространстве между ромбами вверху расположено изображение лепестка, внизу – цифра 9. В правом ромбе читаются цифры 61, в левом, очевидно, была выгравирована 1. Таким образом, на браслете нанесена дата изготовления – 1961. Ромбы браслета фланкируются вытянутыми чеканом полусферами. Они нанесены ритмично по две на крыльях браслетов и становятся центром ромбов, образованных дополнительными линиями – гравированными «зигзагами». Рисунок на браслетах, отмеченный на глаз, не всегда синхронно совпадает на украшениях.

Изящную и прихотливую, точечную и скобчатую орнаментацию растительных мотивов на браслетах (83, 83 а-юв, 112 сб) выполнил разными чеканами замечательный мастер из Павлодарской области Садык Екибасов (1860–1910).

В пластинчатых браслетах одинаковой ширины по всему изделию также встречаются изделия с мотивами полупальметт и трилистников, столь характерными для ювелирной практики региона. В серебряном браслете (115-юв, 151-сб; XX в.) из Кустанайской области с выразительным симметричным рисунком трилистника на волнообразном стебле удивительным образом сочетаются многие стилистические приёмы, отмеченные в ювелирных изделиях с пальметтами, полупальметтами и трилистниками. Очерченная линией бордюрная полоса с треугольными зубцами и овальными фестонами с прочеканенными в середине круглыми контррельефными полусферами отсылает к технологическим приёмам, рассмотренным в обереге (923-юв) Сейдыбаттала. Завершается бордюр браслета напаянной круглой проволокой, с насечкой, имитирующей витки скани. В этом браслете использован шарнирный замок.

В парных браслетах из Центрального Казахстана (53, 53 а-юв, 71-сб, XX в.) отметим симметричный мотив трилистников с выделенным обрамлением бордюра прочеканенной полосой, имитирующей скань. Отштампованные окружности в центре листьев и на стеблях, мелкие точечные удары на фоне, дугообразное завершение концов браслета вновь напоминают рассмотренные украшения с мотивами пальметты. Возможно, этот браслет был выполнен мастером, знакомым с творчеством Сейдыбаттала или принадлежавшим к кругу мастеров этого направления.

Мотив гравированных полупальметт на изгибающихся веточках встречается на браслетах Западного и Южного Казахстана (225-юв, 306-сб, XX в.; 231-юв, 309-сб, XIX в.), но стилистика изображений позволяет усомниться в правильности определения локального происхождения украшений. Рисунок полупальметт с окружностями у оснований листьев и веточки явно вторит приемам Сейдыбаттала (1332, 1332-юв, 282-сб).

В браслете (301-юв, XX в.) из Кустанайской области мотив гравированной веточки с листьями полупальметты с чеканными окружностями, нанесенными в сочленениях листьев, сохраняется. Мелкие окружности на фоне пальметт – рассмотренный приём, усиливающий контраст и выразительность гладкой плоскости листьев полупальметты. Линия бордюра гладкая. Выразительность четкого рисунка более ярко выражена при помощи чернения. Форма браслета с зауженными овальными концами слегка выпуклая.

В рассмотренных пластинчатых браслетах мотивы пальметт, полупальметт и трилистников удивительным образом напоминают композиции согдийских поясных наконечников [Распопова, 1980], растительные мотивы восточно-иранского серебра VIII–IX вв. [Даркевич, 1976] и узкого бордюра у верхнего основания золотого поясного ковша XIII в. из Улуса Джучи (Эрмитаж, инв. № Сар-1625), волнистого стебля с полупальметтами верхней каймы золотого кубка конца XIII – первой половины XIV века из Золотой Орды (Эрмитаж, инв. № БМ-1131) [Сокровища Золотой Орды, 2000]. Присутствие исторических образов в произведениях мастеров – один из главных признаков, характеризующих народное искусство. Народные мастера в высшей степени творцы, хранящие в своем творчестве сущность национального восприятия мира. Важный аспект народного творчества отмечает М. А. Некрасова: «История народа, природная среда формирует особенности национального мышления» [Некрасова, 1983].

Прообразом свободной импровизации для рисунка на браслете из Кустанайской области (240 а, 240 б-юв, 327-сб; XX в.) стал текстильный орнамент вырезных деталей казахских войлочных ковров – *сырмаков*. Контурные отдельных элементов орнамента, расположенных в разных осях симметрии, выделены гравированной зачерненной линией. В композиции ярко проявляется принцип чтения свободных участков фона как самостоятельного орнаментального решения. Бордюрные гравированные полосы зачернены. Концы браслета заовалены.

В Северном Казахстане музейной экспедицией были приобретены литые серебряные браслеты (305-юв, 427-сб; 306 а, 306 б-юв, 429-сб; 307 а, 307 б-юв, 431-сб, XX в.). Но многочисленные аналоги украшений из других регионов – Южного и Западного Казахстана – говорят о том, что хранящиеся браслеты, скорее всего, были выполнены в этих регионах. Стилистические особенности и технологические приемы выполнения браслета из Тургайской области (334-юв, XX в.) также подтверждают его происхождение из Западного Казахстана.

Распространёнными среди пластинчатых браслетов были литьевые браслеты (215, 215а-юв, 297-сб, Кокчетавская обл.; 257-юв, 355-сб, Павлодарская обл.; 328 а, 328 б-юв; 331-юв; 332-юв; Центральный Казахстан; 338-юв, Северный Казахстан, XX в.) с тремя рельефными прямоугольниками, расположенными в центре и боковым частям украшения. Концы таких браслетов обычно несомкнутые, слегка заovalенной формы. На некоторых браслетах сохранились нанесенные гравированные рисунки. Аналогичный браслет (193-юв, 262-сб) отмечен Талды-Курганской областью.

Архаичным гравированным рисунком отличается широкий пластинчатый браслет из Северного Казахстана (294-юв, 414-сб, XX в.). Симметричный рисунок на поле браслета – вертикально расположенный мотив *қошқар мүйіз*, многократно следующий друг за другом от середины украшения – прямоугольной фигуры со смягченными овалами, в центре которой находятся три окружности. Композицию браслета усиливают репризы – повторенные на некотором расстоянии контуры мотива, заполненные мелкими чеканными окружностями. Бордюрные полосы украшены треугольными мотивами, в которых чередуются окружность в центре и сплошь заполненное окружностями поле. Широкий пластинчатый браслет завершается полукруглыми несомкнутыми концами.

Интересен пример оформления парных браслетов (235 а, 235 б-юв, XX в.) из Северного Казахстана тремя полусферами и гравированными «зигзагами», цепочки которых служат бордюрами с обеих сторон и образуют цепь треугольных и ромбических фигур, чьи острые вершины отмечены небольшими полусферами. Места напаянных крючковых замков выделены чернью: петля браслета находится на углубленном штампом рисунке тюльпана – *гул*.

Подобен рассмотренному браслету вариант расположения трех овальных пластмассовых кабошонов на плоскости браслета (117-юв, XX в.) из Центрального Казахстана. Гравированные линией треугольники с вершинами, оформленными окружностями и вогнутой стороной, обращены к кабошонам.

В пластинчатых браслетах, как и в других регионах Казахстана, определённую технологическую группу составляют браслеты, в которых орнаментальный рисунок выполнен готовыми фигурными бойками чеканов (112-юв, 149-сб, XX в., Центральный Казахстан).

Браслеты второго типа – сагат білезік, похожие на головку часов, характерны для Северного и Центрального Казахстана. Рассмотрим в этих браслетах заинтересовавшие нас мотивы полупальметт.

Шестигранный центр на литом браслете (297-юв, XX в.) из Северного Казахстана сомкнут в рисунке поля украшения линиями гравировки по горизонтали. Листья пальметты, ограниченные гравированными линиями замкнутой куполообразной фигуры, развиваются как *pars pro toto* (наследие композиционного приёма сакского времени). Они расположены по отношению друг к другу на оси симметрии с поворотом на 180°. Отметим штампованные окружности у сочленений листьев и фон, покрытый мелкими окружностями, много раз описываемые в украшениях Северного и Центрального Казахстана. Орнаментальные мотивы полупальметт располагаются между вертикальными линиями, в промежутке которых находятся наклонные гравированные линии с обеих сторон, образующих рисунок «ёлочка». Массивный центр браслета поддерживают расширенные прямые концы браслета с легкой кривизной по вертикали.

В браслете из Центрального Казахстана (344-юв, XX в.) на прямоугольном щитке отгравированы горизонтальные листья пальметты во фрагментарном варианте – *pars pro toto*. Фон

отчеканен мелкими окружностями, у сочленений листьев – окружности чуть большие по размерам. Как и в предыдущем случае, строгую форму прямоугольника центра браслета поддерживают абрисы лопатообразных окончаний украшения, поле которых украшены той же композицией гравированной пальметты *pars pro toto*, что и щиток браслета.

Карагандинские парные браслеты (152, 152 а-юв, 210-сб, XX в.) отлиты в фигурной форме. Средняя удлиненная прямоугольная часть браслета расширена и слегка заovalена (рис. 22).

На её щитке бордюрная полоса плотно очерчивает мотив пальметты в композиционной вариации, сходной с изображениями мотива в древнетюркской традиции и сохранившейся в казахском прикладном искусстве. Бордюр и орнаментальный мотив выполнен в технике гравировки и черни. Фон мотива проработан зигзагообразными штрихами. Полосы браслета профилированы вертикальными углублениями у основания щитка и в середине – центральная полоса шире и глубже двух окружающих её. По периметру всего браслета нанесены полосы зигзагов. Завершаются крылья браслетов неполными круглыми формами.

Очевидно, что браслет (156-юв, XX в.) – работа мастера, выполнившего предыдущее украшение. На щитке, в гравированном и зачерненном бордюре, расположен мотив сердцевидной пальметты с цветком и боковыми завитками. Орнаментальный мотив выполнен в технике

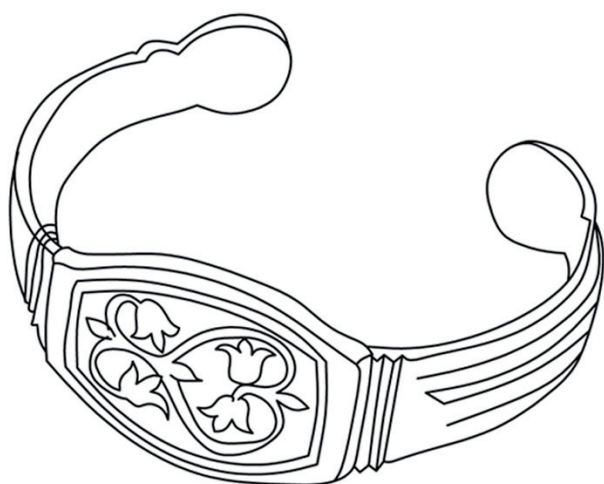

Рис. 22. Сагат білезік/браслет. XX в. Карагандинская область. Серебро. Гравировка, чернь. 2,5×6,5. 152-юв, 210-сб

гравировки и чернения. Боковые крылья браслета декорированы чеканными элементами – окружностями и точками, составленными в геометрический узор.

Парные узкие пластинчатые браслеты (211, 211 а-юв, 291-сб, XX в.) из Кокчетавской области с небольшим объёмным прямоугольником в центре декорированы ковровой схемой орнаментации. Бордюры концептуальной композиции: внешний ряд – прямая полоса, внутренний – фестоны. Вертикальные стороны прямоугольника отмечены двумя прочеканенными окружностями. Крылья браслетов не замкнуты и заканчиваются дугообразными краями. На боковых полях браслета расположены ромбообраз-

ные фигуры – шаршы, стороны которых образованы «зигзагами», в центре – чеканные окружности.

Сходны по литейной форме рассмотренного украшения парные браслеты (272 а, 272 б-юв, 373-сб, XX в.) из Тюменской области. В прямоугольной площадке в центре – надпись на арабском языке, на крыльях браслетов – несложное орнаментальное решение при помощи двойных гравированных линий и окружностей.

Интересен браслет (116-юв, XX в.) из Северного Казахстана с выделенным овальным центром и рисунком, выполненным полукруглыми и круглыми (с окружностью) штампами. Поле обручей браслета декорировано рельефными углублениями с обеих сторон.

Родоплеменная принадлежность аргынов зафиксирована В. В. Востровым при описании плоских браслетов, имеющих одно или несколько утолщений различных форм в середине браслета, концы которых завершаются овальными, заострёнными или стилизованными изображениями головки змеи. По наблюдениям исследователя такие браслеты часто украшались несложными растительными орнаментальными мотивами [Востров, 1959].

В третьем рассматриваемом типе – *жұмыр білезіктер*, в прутковых браслетах, выделяется группа украшений Карагандинской области. Среди них интересны браслеты, выполненные в технике литья и украшенные несложными элементами фигурных штампов: наклонными полосами и рельефными мотивами листьев (*151-юв, 209-сб, XX в.*), пятилепестковыми цветами (*153-юв, 212-сб; XX в.*) и т. д. Такие браслеты описывал Востров, находясь в экспедиции в Каркаралинском и Шетском районах Карагандинской области в 1955 г. Он отметил богатую орнаментацию, выполненную чеканами на концах браслетов кереев и найманов [Востров, 1959]. На браслете (*155, 155-юв, 213-сб, XX в., Карагандинская область*) в средней части находится прямоугольная рельефная площадка. На ней гравирован мотив пальметты с параллельными штрихами на фоне. Боковые стороны украшены волнистой линией.

Подобную орнаментацию встречаем на *жұмыр білезік* (*262-юв, 363-сб, XX в.*) из Северного Казахстана. Лаконичные, попарно расположенные симметричные наклонные полосы – единственный мотив декора браслета.

Наклонные отштампованные скобки в сетчатом раппорте со смещенной симметрией – довольно смелый композиционный приём – применен в орнаментации браслета (*263-юв, XX в.*) из Северного Казахстана.

Серебряный браслет (*82-юв, III-сб*) мастера Садыка Екибасова из Павлодарской области, автора рассмотренных парных браслетов первого типа (*83, 83 а-юв, III-сб; XX в.*), отличается гармоничным ритмом плотно расположенных шестилепестковых цветков, нанесённых фигурным чеканом.

Браслеты четвёртого типа отмечены признаками эклектики. Плоские парные браслеты из Кустанайской области с переплетенными шариками на утонченных концах и гравированными короткими штрихами листочками (*238 а, 238 б-юв, XX в.*) – явное подражание промышленному образцу.

Браслет из Тургайской области (*245-юв, XX в.*), собранный из штампованных деталей, также выполнен в эклектичной манере. Центральная часть плоского литого браслета с декором (три ряда ложной зерни сверху и снизу, середина – два яруса ажурных зигзагов, рифленых под скань, окруженных полосами с растительным узором типа ислими) украшена овальным рельефным металлическим медальоном в высоком касте. Поверхность медальона покрыта цветочными мотивами и гравированными дугами. По обе стороны от него расположены медальоны в виде пальметты с повышающимся к центру объёмом. Листья пальметт украшены углубленным штампом декоративных элементов. Браслет имеет шарнир и запирающий замок.

Композиционные решения (геральдическое равновесие, выразительность линии, масштабность, тектоничность и т. д.) браслетов выявляют не только творческие наклонности народных мастеров, но и особенное художественное мышление рассматриваемой эпохи: умение синтезировать зрительные впечатления в конкретный замысел конкретного изделия. Если браслеты мастеров Северного и Центрального Казахстана рассматривать в предложенной формально-типологической классификации, то получим следующую картину выводов.

Для пластинчатых браслетов с плавным сужением с обеих сторон от центра к концам браслета характерны следующие художественные средства выразительности:

- выделение центра композиции (орнаментальными элементами, пластическими акцентами объёмов полусфер, *шаршы* либо картушами с цифровыми датами) и бордюрное оформление;
- использование фестонов разных по кривизне плавных очертаний в центре внешних горизонтальных краёв изделий;
- сочетание гравированного рисунка *полупальметт* и объёмов штампованных полусфер на плоскости браслетов;
- использование мотива ковровой орнаментации с выпуклым рельефом фигурного штампа;
- импровизация фигурами оттисков при работе с фигурными чеканами – готовых штампов и гравированных линий или сочетанием гравировки и чеканки;
- гравирование ряда цепочек коротких штрихов «зигзаг» в бордюре;

- гравировка орнаментальных мотивов, в том числе с чернью;
- использование мелких окружностей, плотно прочеканенных кольцевым чеканом по фону изделия;

- декорирование скобчатыми следами от бойка чекана, выстроенных в линию или орнаментальные фигуры;

- выделение концевых краёв «головками» – неполными окружностями.

В пластинчатых браслетах одинаковой ширины по всему изделию более всего встречаются:

- бордюрный контур в границах плоскости браслета;

- размещение мотива пальметты, полупальметты, трилистника в плавной волнообразной организующей синусоиде;

- выделение центра плоскости браслета симметричным заполнением обработанным камнем или граненым стеклом в оправе;

- размещение орнаментальных мотивов на плоскости браслета с выделением центра;

- оформление концов браслета дугами различной кривизны.

В *сагат білезік* – браслетах в форме часов – можно отметить:

- выделенный центр и расположение мотивов по оси симметрии с поворотом в 180°;

- использование в мотиве декора части от целого – *pars pro toto*;

- размещение замкнутого орнаментального мотива.

В *жұмыр білезік* – прутковых браслетах – встречаются:

- выделение геометрической фигуры – круга, овала, прямоугольника – как центра украшения;

- объёмные сферические окончания браслета;

- штампованный декор – параллельные наклонные полосы, цветочные мотивы и т. д.

В браслетах с признаками эклектики, выполненных на массовый рынок, механически соединяются готовые штампованные элементы.

Жузыктер, сақиналар – перстни, кольца. Перстни, собранные экспедициями музея в Тургайской (1972, 1979), Актюбинской (1975), Кустанайской (1973, 1984), Павлодарской (1980) области и приобретенные в разные годы у населения, в коллекции ГМИ РК им. А. Кастеева отличаются многообразием форм, материалов и своеобразием ювелирного декора. Выделим и рассмотрим наиболее распространенные типы и характерные черты формы и декора перстней Северного и Центрального Казахстана.

1 тип – перстни с сердоликом, значимая группа в коллекции ручных украшений музея. Сердолику с самых древнейших эпох придавалось сакральное значение (украшения с сердоликом царицы Пуаби или Шуб-ад; раскопки Л. Вулли). Многие авторы, например Плиний Старший (1 в.), описывали его чудодейственные свойства.

В исламское время сердолик – *ақық* (каз. яз.) – это любимый камень Мухаммеда, символ веры. Существуют предания, доносящие до нас изречения самого пророка: «Кто носит в перстне сердолик, тот непременно пребывает в благоденствии и радости», «Носите перстень с сердоликом, ибо по истине он изгоняет бедность», «Справедливость сего я сам испытал», – сообщает Хамдулла Казвинский, персидский автор XIV в. [Камни Урала. Агат, 1982]. У Мухаммеда «был серебряный перстень с печатью из сердолика и с его помощью Пророк удостоверял подлинность своих посланий» [Украшения Востока, 1999].

Сердолик в изделиях, как известно, иногда заменяли имитациями – вместо него использовались стёкла с подцветкой либо смальты характерного цвета. Камень, имеющий многие разновидности (церагат, карнеол, сард, сардоникс), в Среднюю Азию доставляли из Ирана и Индии [Фахретдинова, 1988]. Д. А. Фахретдинова в своём исследовании приводит сведения о том, что мастера из Индии «привозили туда сердолик, здесь же изготавливали из него печати, вырезывали из них разные изображения и стихи из Алькорана». «Резные сердолики привозили и готовыми из Ирана и вставляли в оправу бухарские мастера», – пишет исследовательница [Фахретдинова, 1988].

Ал-Бируни описывает способы рельефной обработки сердолика готовых форм несложными средствами при помощи поташа, нашатыря и нагревания [ал-Бируни Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед, 2011], которые, очевидно, применялись мастерами на рубеже XIX–XX вв.

В связи с этим возникает вопрос: торговали ли обработанным сердоликом на ярмарках Северного и Центрального Казахстана, например на известнейшей ежегодной Кояндинско-Ботовской ярмарке (1848–1924) или Троицке, Петропавловске? Или казахские мастера обрабатывали его сами? А. Х. Маргулан отмечает, что сердолик встречается в верховьях реки Тургай [Маргулан, 1986]. Бирюза в перстнях с сердоликом могла быть из Каркаралинского месторождения (Центральный Казахстан), открытого Л. Ф. Гауфманом [Маргулан, 1986].

Для сердоликовых перстней мастерами всегда выбирались крупные формы вставок: круга, овала, прямоугольника, прямоугольника со сточенными углами, подпрямоугольника и не совсем правильной конфигурации (416-юв, XX в., Северный Казахстан; 398-юв, XX в., Кустанайская область; 701-юв, XX в., Центральный Казахстан; 750-юв, XX в., Северный Казахстан; 627-юв, XX в., Северный Казахстан; 382-юв, XIX в., Северный Казахстан). Поверхность камня (стекла, смальты) обрабатывалась невысоким кабошоном либо ровной плоскостью. В перстнях сердолик крепился при помощи высокого каста – полосой металла с вырезанными треугольниками – зубчатыми «крапанами», крупными и редкими или мелкими и частыми. Где и когда впервые был использован этот тип глухой оправы пока нам неизвестно. В исторических примерах такой тип оправы встретился среди азербайджанских украшений XIX в. [Azerbaijanin jewelry art, 1989], украшений татар Поволжья XX в. [Ювелирное искусство народов России, 1974] и в традиционном искусстве Султаната Оман (араб. عُمان), государства в Юго-Западной Азии (юго-восток Аравийского полуострова) [The World of Islam, 2002]. Вполне возможно, что этот вид глухой оправы впервые в истории украшений мог возникнуть в исламских украшениях.

В акте поступления украшений на постоянное хранение ювелирного фонда музея за № 1381/38 от 5 ноября 1979 года упоминается термин *абдих* при описании подобного каста перстня (630-юв, 317-сб, Северный Казахстан, XX в.).

В коллекции музея встречаются перстни с завальцованными (в глухой оправе) камнями (438-юв, XX в., Кустанайская область), иногда с пониженной площадкой (рис. 23).

Внутренняя часть металла до уровня площадки камня в таких перстнях в некоторых случаях имеет сканый или профилированный штампом декор (435-юв, 383-юв, XX в., Северный Казахстан). Внешняя сторона каста в перстнях оставалась гладкой, либо оформленной сканью (параллельными рядами «верёвочкой», «ёлочкой», гладью), либо выступом площадки в нижней части украшения (382-юв, XIX в., Северный Казахстан; 751-юв, XX в., Северный Казахстан и т. д.).

Ровная поверхность сердолика в перстнях нередко покрыта крестообразными или Х-образными, дугообразными металлическими полосами, иногда украшенными гравированными или штампованными элементами декора – сканью, цепью штрихов «зигзаг», окружностями, наклонными линиями, псевдозернью, бляшками и т. д. (444-юв, XX в., Северный Казахстан; 398-юв, XX в., Кустанайская область; 615-юв, XX в., Кустанайская область; 727-юв, XIX в., Северный Казахстан; 728-юв, XX в., Северный Казахстан). Средокрестие полос на сердолике в некоторых случаях украшает фигура пирамидки, выполненной из четырех шариков зерни, завершённой пятой, более крупной, либо узорная бляшка в центре, либо кабошон камня в оправе (436-юв, XIX в., Северный Казахстан; 727-юв, XIX в., Северный Казахстан; 728-юв, XX в., Северный Казахстан и т. д.).

Овальный сердолик перстня (453-юв, XX в.) из Северного Казахстана по краю окружен маленькими круглыми гнёздами (возможно, там находились кабошоны бирюзы или смальты). Аналог композиции этого перстня со смальтой в кабошонах (687-юв, XX в.) приобретён для коллекции музея экспедицией в Тюменской области.

Разнообразны по форме и декору шинки сердоликовых перстней. Часто они гладкие, сплошные или раздвоены у основания щитка перстня (448-юв, XIX в., Северный Казахстан; 603-юв, XX в., Кустанайская область и т. д.). Есть примеры применения трехлучевых шинок (397-юв, XX в., Кустанайская область; 452-юв; 640-юв, XX в., Северный Казахстан и т. д.). Шинки сердоликовых перстней декорированы мотивами «зигзаг» (604-юв, XX в., Кустанайская область), рельефных (444-юв, 447-юв, XIX в., Северный Казахстан), вертикальных (614-юв, XX в., Кустанайская область) и наклонных полос (620-юв, XX в., Кустанайская область), гравированных веточек (710-юв, XX в., Северный Казахстан) или мелкими кабошонами бирюзы, выложенными треугольником у основания (630-юв, 317-сб, XX в., Северный Казахстан).

На шинке серебряного перстня (709-юв, XX в., Северный Казахстан) с линейным бордюром гравированы листья полупальметты. Окружности, нанесенные чеканом на листья и фон мотива, напоминают варианты, рассмотренные в декоре серёг и браслетов.

Шинки перстней чаще всего имеют полукруглые объёмы с внешней стороны и плоские – с внутренней.

К следующему, *второму типу*, многочисленных перстней коллекции отнесем перстни *құс мұрын* (птичий клюв). Своеобразная форма обрядового перстня в виде клюва птицы – символической весточки родителям о благополучной жизни дочери, ставшей невесткой в новой семье мужа, в какой-то мере, влияет на особенности его декора.

Многие приёмы изготовления перстней *құс мұрын* региона являются общепринятыми в ювелирном искусстве Казахстана.

В коллекции музея находятся северо-казахстанские перстни *құс мұрын* (396-юв, XX в., Кустанайская область; 410-юв, 599-юв, 653-юв, XX в., Северный Казахстан и др.) с имитацией сердолика смальтой или стеклом. В этой группе выделяются перстни с надписями на арабском языке (410-юв, 619-юв, XX в., Северный Казахстан). Перстни с арабской каллиграфией, как со священным символом ислама и почитаемой формой искусства, были настоящим оберегом для их владельцев.

Многочисленные перстни типа *құс мұрын* отличаются по способам интерпретации мастерами некоторых объёмных деталей формы и нанесения декора. Так, например, к группе перстней с упрощенной композицией со штампованной псевдозернью, расположенной в каждом случае по-своему, отнесены:

- перстни Ермака Саханова из Джезказгана с мотивом солярной объёмной полусферы с лучами, образованными рядами псевдозерни, и рядом шариков псевдозерни, направленного к «носу» украшения; скобчатыми выпуклостями со сферическими контррельефами (571-юв, 572-юв, XX в.) и Северного Казахстана (585-юв, XX в.);

- перстень из Джезказгана со скобчатыми выпуклыми элементами и шариками псевдозерни между ними, расположенными по диагонали щитка и по верхнему краю перстня (574-юв, XX в.);

- перстень из Северного Казахстана с вертикальным рядом псевдозерни и ореолом шариков псевдозерни вокруг отштампованной цветочной пятилепестковой розетки (738-юв, 739-юв; XX в.) (рис. 24);

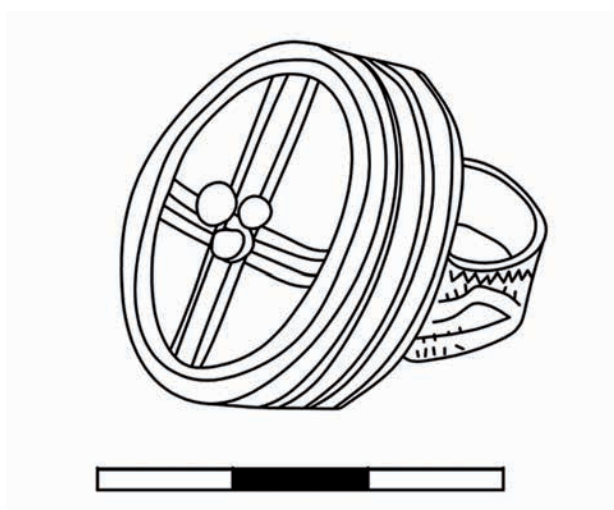

Рис. 23. Жүзік/перстень. XIX в. Кустанайская область. Металл белого цвета. Смальта. Штамп, зернь. 2,3×2,7. 438-юв

- перстень из Кустанайской области с псевдозернью по контуру щитка и асимметричным рисунком гравированных «зигзагом» неправильных четырехугольников (414-юв, XX в.), а также подобные перстни из Северного Казахстана со стертыми следами гравировки и отштампованных окружностей (654-юв; 756-юв, XX в.) или с пониженным щитком и несложными элементами (412-юв, XX в.).

Следующий подтип перстней *құс мұрын* связан с мотивами объёмных штампованных элементов. Тургайский перстень (651-юв, XX в.) с пониженной площадкой щитка выполнен из металла. В центре площадки отштампована объёмная фигура в виде капли. Щиток обведен бордюром зигзагом. Борт центральной части перстня объёмен и покрыт штампованными окружностями. Подобный перстень приобретен музеем и в Кустанайской области (613-юв, XX в.), и в Северном Казахстане (442-юв; 423-сб; 742-юв, XX в.).

Филигрань, как способ нанесения рисунка на щитках и ленточного декора на шинках перстней, объединяет украшения ещё одного подтипа обрядовых перстней. Филигранные рисунки с зернью (спирали, цветка и т. д.) характерны для перстней (388-юв, 60-сб, XIX в., *Северный Казахстан*; 730-юв, XX в., *Кустанайская область*). Техника использования зерни для несложного штампованного рисунка (737-юв, XX в., *Северный Казахстан*) щитка украшения более напоминает актюбинские перстни – пограничные районы Тургайской области, видимо, находились в зоне влияния ювелирных традиций Западного Казахстана. Можно отметить, что и кызылординские перстни весьма похожи (828-юв; 843-юв, XX в.) на перстни мастеров Сарыарки.

Третий тип рассматриваемых перстней также многочислен, отличительная особенность украшений – *квадратный* (реже прямоугольный) щиток, чаще с заоваленными краями. Выделим наиболее характерные признаки композиции этого типа.

Но, прежде всего, отметим, что в музейном каталоге, в разделе «*Жузыктер, сақиналар*», нам встречаются уже знакомые имена мастеров из Центрального Казахстана, Джезказганской области, – Сейдыбаттала (1856–1936) и Дихана Жайлаубаева (р. в 1929). В перстне с щитком прямоугольной формы (575-юв, XX в.), выполненном Сейдыбатталом, сохраняется творческая приверженность мастера к ручной гравировке декора и отражается поиск новой композиционной и орнаментальной темы. Выбранные элементы – подковообразные фигуры – расположены по вертикальной и горизонтальной оси, углы прямоугольного со сглаженными углами щитка заполнены лепестковыми элементами. На них нанесены чеканным контррельефом неглубокие полусферы. Фон щитка перстня заработан мелкими окружностями разных величин, нанесенными чеканами свободно по его полю. Завершается композиция двумя линиями бордюра и рядом наклонных гравированных штрихов. Мастер сохраняет принцип коврового расположения элементов, чтение узора и фона как двух самостоятельных орнаментальных мотивов.

Дихан Жайлаубаев по диагональной оси щитка перстня (577-юв, XX в.) расположил фрагменты листьев пальметты по принципу *pars pro toto*, с поворотом вокруг оси симметрии на 180°. Фон щитка украшен штампованными мелкими окружностями. Бордюр перстня повторяет мягкие очертания прямоугольника литого щитка. Широкая шинка перстня оформлена «зигзагами», вторящими очертаниям границ и создающими фигуры ромбов.

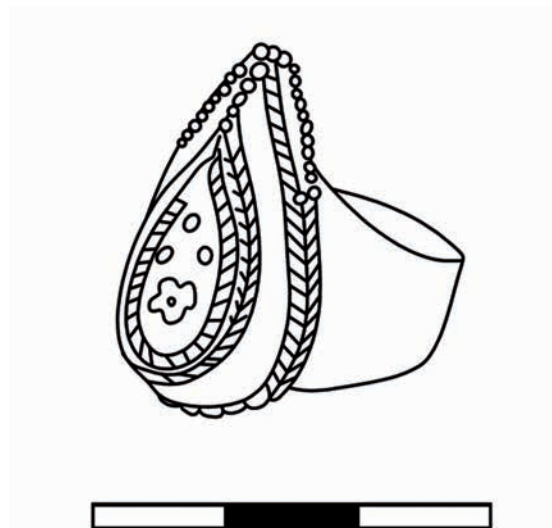

Рис. 24. *Жузык/перстень*. XX в.
Кустанайская область.
Металл белого цвета.
Штамп, зернь, скань. 2,7×2,5. 739-юв

В другом перстне (578-юв, XX в.) Дихана Жайлаубаева прямоугольный литой щиток перстня украшен гравированным изображением четырехлистника. Небольшие окружности, нанесенные чеканом, завершают рисунок сочленений лепестков и украшают лепестки в центре. Гравированная по абрису щитка линия обрамляет ряд окружностей, нанесенных по краям лепестков цветка. Шинка перстня, гладкая внутри, снаружи – трёхполосная с выпуклыми профилями. Полосы шинки украшены рядами насечек в шахматном порядке. Они припаяны к щитку расплюснутыми концами. Столь подробное описание перстня приведено потому, что весьма похожие формы с выемками по углам щитка и рисунок на нём встречаются среди отмеченных в каталоге перстней из Северного (769-юв; 770-юв; 607-юв; 611-юв; XX в. и др.) (рис. 25) и Центрального Казахстана (573-юв, XX в.). Характерны они и для Западного Казахстана (504-юв; 208-сб; XX в.), и для Южного Казахстана (563-юв, XX в.).

Видимо, такие перстни пользовались особой популярностью среди населения. Это явление можно попытаться объяснить сюжетом древнетюркского мифа творения: четырехугольное пространство земли, созданное Тенгри и в центре населённое тюрками, по краям (или углам мира) имело враждебные силы (народы) [Бисенбаев, 2008]. Представления о сакральности символического центра и четырёх углов, требующих защиты, скорее всего, потеряли семантические значения к XIX в., но опыт применения орнаментальной схемы мифологемы сохранился и до нынешнего времени.

Штампованная фигура мотива *қос мүйіз* – орнаментальный образ щитка другого перстня (579-юв; XX в.) Дихана Жайлаубаева. Подобный мотив можно отметить в перстне (569-юв; XX в.) Ермака Саханова (р. в 1938) из той же, Джезказганской области. Подробный анализ палеосемантики мотива – центральной композиции казахского орнамента – проводит археолог Е. А. Смагулов, исследовавший древнейшие истоки появления удивительного образа. Он трактует орнаментальную розетку как композицию с образом Древа жизни и «символическое изображение земли в состоянии спокойствия и гармонии, земли, дающей жизнь растительности, а значит, и всему живому на земле» [Смагулов, 1994].

Авторскими приёмами построения композиции и обработки металла отличается тургайский перстень (653-юв, XX в.). Сложный четырехлепестковый цветок рельефно выделяется на щитке благодаря обработке металла профильными надфилями треугольных фигур между лепестками. Края лепестков обведены тонкой гравированной линией. Плоскость диаметрально расположенных лепестков (слева направо, снизу вверх) покрыта спиралеобразными гравированными завитками, гравированной сеткой (слева направо, сверху вниз).

В четвертый тип перстней можно объединить изделия с фигурными и фестончатыми краями – в них щиток имеет разнообразные формы.

Щиток необычного по стилистике перстня (652-юв, XX в.) из Тургайской области имеет форму вытянутого стилизованного щита с острой вершиной, выпукло-вогнутыми боковинами, меняющимися очертаниями ниже середины украшения. Нижняя часть щитка заканчивается вырезанными из толщи щитка перстня небольшими треугольниками (следы профильного надфиля). Плоскость щитка оформлена гравированным рисунком с симметричными завитками, который дополняется четырехугольником, вытянутым кверху фигуры. Линии, проведенные от завитков мотива, расширяются к низу щитка и соединяются на небольшой вы-

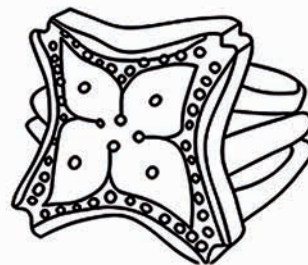

Рис. 25. Жузик/перстень. XX в. Тургайская область. Металл белого цвета. Гравировка, чеканка. 1,3×2,2. 769-юв

соте, служа основанием для рисунка нижней ромбической фигуры. Верхняя часть мотива с завитками и четырехугольником обведена гравированной линией в виде сердцевидной фигуры с высоким и острым навершием. Фестончатые обрамления сердцевидной фигуры, заштрихованные горизонтальными зигзагами, завершают свободную орнаментальную импровизацию. Широкою, сужающуюся к середине, шинку кольца украшают в центре треугольник, по краям – гравированные фестоны. Этот перстень, безусловно, изделие мастера, наделённого творческими возможностями. Скорее всего, он – ещё и автор рассмотренного перстня с квадратным щитком (653-юв).

Интереснейшей группой среди перстней этого типа можно назвать северо-казахстанские перстни, отличающиеся собственной стилистикой разнообразных форм и декора, гравированных и зачерненных специальным составом, по поводу которого Масанов сообщает, что он был отличным от рецептов других народов. Отмечая самобытность развития техники у казахов, исследователь приводит интересную историю проникновения черни в практику зергеров Северного Казахстана [Масанов, 1961].

В перстнях с чернью, приобретенных музейной экспедицией в Павлодарской области в 1980 г., можно отметить влияние рассмотренных форм браслетов и особенно характера их внешних абрисов. Края с округлыми фестонами разных ритмов и степенью кривизны, вытянутая куполочком с острием верхняя часть, плавное расширение щитка с обеих сторон к центру, асимметрия очертания фестончатого верха и низа, чередование выпуклых и вогнутых дуг в абрисе и т. д. – выразительные художественные приёмы в перстнях интерпретируются во множественных вариантах и придают украшениям рукотворную уникальность, а нам передают ощущения переживаемой радости вдохновенной работы мастера.

По мнению Е. Горожанкиной, куполовидные формы украшений распространились с приходом ислама [Горожанкина, 1991].

Техника нанесения гравированного рисунка на щиток линиями или ударами точечных пуансонов влияет на создание гибких динамичных стеблей, листьев, цветков и вибрации наложенной черни – мотивы орнаментации визуально «оживают», радуя глаз упругими изгибами. Фоны щитков перстней – гладкие, либо обработаны штрихами «зигзаг», а орнаментальный мотив обведен контуром, состоящим из проточенных точек либо цепочки «зигзаг».

Композиции декора перстней невероятно разнообразны и зачастую вписаны либо согласуются с изгибами контуров щитка перстня. Линии рисунка нередко повторяют абрисы перстней (507-юв; 508-юв) либо подчеркивают очертания нижней части щитка. Выразительная графика зачерненного рисунка сочетается с горизонтальными пластическими переходами (выпуклость – вогнутость) объёма перстня. Мотивы орнаментации либо их фрагменты (667-юв, 672-юв) – изображение тюльпана – *гул*, трилистника – *уш жапырақ*, воллютообразных элементов (507-юв), сердцевидных и ромбических фигур и др. – свободно располагаются на поле щитка в композиционной геральдической системе или по диагонали (667-юв; 668-юв; 672-юв; 679-юв и др.) (рис. 26).

Среди них удивительной гармонией – синтезом формы и рисунка – отличается перстень (394-юв; XX в.) из Северного Казахстана (рис. 27). Невысокий куполок с острым верхом щитка завершается внизу центральным плавным фестоном, по сторонам от которого находятся небольшие фестоны, созвучные форме верха щитка. Гравированный и зачерненный, но не привычным черным цветом, а голубовато-синеватым, положенным тонкой подвижной кистью, рисунок тюльпана с круглящимися завитками-листьями, подчеркивающими S-образные контуры щитка, и его пестика, переходящего в завиток с сочным круглым пятном, выполнен легко и уверенно. Понижающаяся шинка перстня в верхней выпуклой части украшена мотивом гравированной линии с наклонными штрихами с обеих сторон. Рисунок этого перстня повторён на щитке перстня (506-юв, 211-сб), соединенного со сборным кольцом.

Шинки перстней цельнолитые, иногда украшенные фестонами (665-юв; 353-сб; 679-юв; XX в.), иногда не сомкнутые пайкой, в массе своей являются продолжением формы щитка перстня.

К подтипу этой группы перстней отнесём изделия с гравированными линиями «зигзаг», но с незачерненными рисунками (588-юв, 586-юв, 647-юв). На щитке перстня (588-юв) мастера Жаныбая Иманбаева «зигзагами» выполнена надпись – имя мастера – Жанбай.

Этот подтип перстней в коллекции музея встречается в группе украшений из Центрального Казахстана. Но они отличаются от северо-казахстанских некоторой сухостью форм и схематичностью гравированных рисунков, нередко также зачерненных (782-юв; 787-юв и др.).

В кольце и перстне (509-юв, 823-юв, XX в.) из Северного Казахстана рисунок составлен при помощи комбинации в мотивы декора скобок, выполненных ударами чекана. Тот же прием расположения скобок в виде цветков и использования окружностей в композиции щитков перстней, форма которых напоминает браслеты, решенные в виде часов (812-юв, 813-юв). Обозначим перстни новым термином – *сагат жузык* (рис. 28). Шинки у литых перстней не запаяны, у одного перстня концы сомкнуты, у второго – находят друг на друга внахлест.

В коллекции женских украшений из Сарыарки в фондах музея находятся ещё несколько разных групп перстней выделенного типа. Интересны серебряные перстни, в которых боковые части трехчастной шинки становятся узоробразующими элементами волютообразных завитков (403-юв, Кустанайская область; 649-юв, XX в., Центральный Казахстан). Венец перстней – пирамидка, составленная из крупных шариков зерни.

Интерпретации подтипа с фигурными шинками можно отметить в перстнях с прямоугольным щитком и вогнутыми фестонами (631-юв, 318-сб; 632-юв, 319-сб, XX в., Северный Казахстан) и рисунком, составленным скобками, окружностями, линиями и линией «зигзаг». В перстне (633-юв, 320-сб, XX в., Северный Казахстан) завитки шинки украшены шариками зерни, а щиток с заovalенным верхом и низом и фигурно вырезанными краями декорирован «зигзагами» в строчных ярусах.

Несколько перстней из Северного Казахстана с фигурными (выпукло-вогнутыми) краями (557-юв; 590-юв, 772-юв и т. д., XX в.) и гравированными рисунками, повторяющими абрис щитка, образуют отдельный подтип. К нему же отнесём целую группу квадратных украшений с узорными выпукло-вогнутыми краями, в которых нередко применяется приём дублирования гравировкой, «зигзагом» линий контуров украшений (591-юв; 606-юв, 608-юв; 690-юв; 771-юв; 774-юв; 2047-юв, XX в.).

Еще два перстня из Северного Казахстана (641-юв, 646-юв, XX в.) в коллекции музея при-

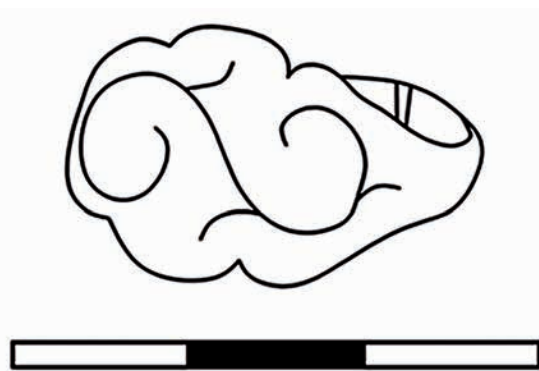

Рис. 26. Жузык/перстень. XX в. Северный Казахстан. Металл белого цвета. Литье, гравировка, чернь. 1,4×2. 667-юв

Рис. 27. Жузык/перстень. XX в. Северный Казахстан. Металл белого цвета. Литье, гравировка, чернь. 1,7×2. 394-юв

влекли внимание. В них гравирован символический «узел счастья» и прорезаны места пространств петель. Буддийский знак, входящий в число восьми благоприятных символов, был известным мотивом ременных блях в средневековье и времени Золотой Орды [Король, 2008; Сокровища Золотой Орды, 2000]. Он сохранился как знак бесконечности в творчестве сарыаркинских мастеров XX в.

В коллекции музея есть перстни, равно как и другие украшения, которые достаточно сложно сгруппировать по каким-либо признакам, – это индивидуальные творческие изделия народных мастеров или приобретённые музеем в единичном варианте. В перстне (594-юв; XX в.) из Северного Казахстана как щиток размещён широкой полосой мотив листка с ланцетовидными концами. Украшает лист гравированная средняя линия с наклонными короткими штрихами по бокам, фестоны по краям листа и перстня. В другом перстне (597-юв; XX в.) из Северного Казахстана использован природный объём самоцвета.

Выводы. Визуальный анализ, безусловно, является первичным, а сегодня даже архаичным, но именно он создаёт предпосылки для углублённого исследования.

В результате эмпирического анализа была проведена формально-типологическая систематизация, отмечены стилистические признаки и некоторые технологические особенности снимаемых женских украшений XIX–XX вв. из Северного и Центрального Казахстана, хранящихся в ювелирном фонде и экспозиции ГМИ им. А. Кастеева.

Так, в группе серёг были выделены пять типов. Появление серёг-лунниц серповидной формы (имеющих более раннее время происхождения), сердцевидных серёг и височных украшений относится, очевидно, к древнетюркской эпохе. В декоре серёг проявился яркий талант сарыаркинских серебряников, безусловно владевших приёмами композиционного расположения орнаментальных мотивов и гравировки, отразившихся в рисунках пальметт, полупальметт и трилистников. Семантически растительные мотивы восходят к сакральным образам. Ко второму типу серёг были отнесены украшения с фестончатыми краями и штампованными фигурами полусфер. В них сохранились лаконичные технологические приёмы древнетюркской торевтики. В третьем типе серёг – украшения с фигурными проволочными элементами. В них отмечены древние приёмы крепления при помощи навивки плотными витками проволоки. Для четвёртого типа серёг характерно использование многорядности как композиционного приёма. В пятом типе отмечены серьги с *тумарами*. В последних двух типах серёг наблюдается включение готовых форм украшений других видов – камней в касте, *тумаров*, подвесок в виде звеньев цепочек, собранных вручную, завершённых металлическими рельефными бляшками, монетами либо сгруппированными по три кабошона мелкой бирюзы. Сборка многоярусных украшений становится композиционным принципом, в котором главенствует симметрия, колористическое равновесие, мерный ритм пространственного расположения деталей.

Үкіаяқтар – подвески-обереги – более всего характерны для Северного Казахстана. В коллекции музея отмечены два типа украшений, восходящих к первобытной магии: к первому типу относятся монохромные металлические *үкіаяқ*, с металлическими подвесками – бляшка-

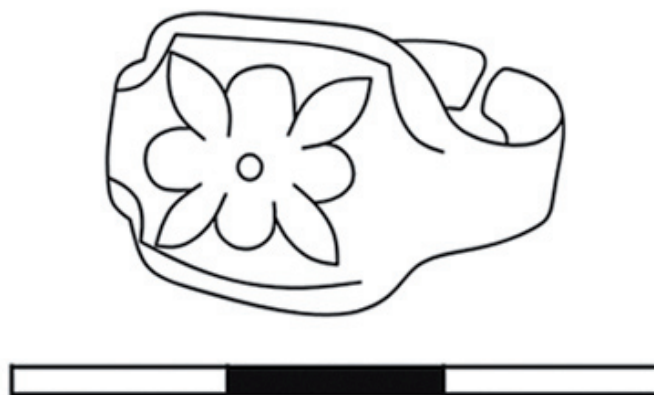

Рис. 28. Жұзық/перстень. XX в. Северный Казахстан. Металл белого цвета. Чеканка. 1,3×2,1. 812-юв

ми или монетами на цепочках ручной сборки или плотно навитых спиралях. Для выполнения фигурного вырезного края оберегов использовался облой. Наряду с украшениями, в которых применялись настоящие когти филина, существовали обереги со штампованными изображениями. Переходный подтип – *уқіаяқ* с камнем одного цвета. Второй тип – многоярусные обереги со сложными построениями и полихромными вставками – камнями, гранеными стёклами в оправе. В них сохраняется композиционный центр первого типа оберегов – футляры для когтей филина и коробочка для верхней части апотропеев.

В украшениях для кос выделены два типа, отличающиеся характерными признаками местной школы ювелирного дела. *Шашбау, шолпы* первого типа композиционно построены по вертикали, элементы выбранного мотива (монеты, диски, цепочки и т. д.) многократно и ритмично повторяются. Ко второму типу отнесены накосные украшения сложного композиционного построения, в том числе с боковыми деталями.

Шейные украшения *алқа* определены как однотипные, но в них отмечены разнообразные способы расположения элементов и подвесок, прикреплённых к горизонтальной несущей и композиционные доминанты.

Тұмаршалар, тұмарлар – амулетницы и амулеты – украшения, отражающие исламские традиции, но истоки использования треугольных форм как оберегов можно отнести к ранним историческим эпохам. Предложенная классификация амулетниц и амулетов более всего связана с композиционным построением и выбором материалов для украшений. В анализе форм оберегов отмечены два типа: первый – треугольные амулеты и амулетницы, украшенные подвесками; второй – многоярусные украшения, в элементах которых встречаются фигурные фестончатые края, спиралевидные звенья. В них повторяются технологические приёмы и формы других видов рассмотренных украшений.

Отмечены четыре типа форм браслетов – *білезіктер*: *жалпақ білезік* – пластинчатые, с плавным сужением от центра к концам, и одинаковой ширины; *сағат білезік* – в форме часов; *жұмыр білезік* – прутковые и украшения в эклектичной манере исполнения. Композиционные решения – геральдическое равновесие, тектоничность, выразительность гравированной линии, фестончатые обрамления характерны для трёх типов браслетов.

Перстни коллекции, обладающие определенной статусностью, отражают религиозные воззрения исламского мира, семейно-обрядовые традиции, архаичные мифологемы и авторские поиски.

В музейной коллекции на примерах украшений выделены особенности коллективного творчества народных мастеров Сарыарки. Это – характерные выразительные мотивы гравированных пальметт, полупальметт и трилистников. Они отмечены в решениях серег, тумаров-оберегов, браслетов и перстней в разных композиционных вариациях – геральдических, *pars pro toto* – части от целого, поворотах мотивов вокруг оси на 180° – и являются стилистическими признаками сарыаркинской локальной ювелирной школы. Интереснейшим народным мастером конца XIX – начала XX века Сарыарки можно назвать Сейдыбаттала из Джезказгана.

Для технологии выполнения украшений региона характерны литьё, гравировка, штамп кольцевыми и фигурными чеканами, ручная сборка цепочек, использование плотной проволоочной навивки как способа крепления, кыпчакский (крючковый) способ оформления швенз, клепка, крючковые браслетные замки.

Многие интересные сарыаркинские экспонаты ювелирного фонда музея встречаются в единственном числе, что несколько ограничивает рассмотрение украшений и процесс формально-типологической классификации.

Репрезентативность художественных тем и схем, технологических приёмов позволяют выделить женские украшения Сарыарки, хранящиеся в ГМИ РК им. А. Кастеева, как результат творчества мастеров локальной школы, сумевших сохранить общенациональные черты и собственный подход к решению многих задач ювелирного искусства.

ЛИТЕРАТУРА

- ал-Бируни Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед.** Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / пер. с араб. А. М. Беленицкого; статьи и примечания А. М. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна; под ред. И. М. Стеблин-Каменского и В. Н. Никонорова; вступ. статьи И. М. Стеблин-Каменского, Д. Абдуллоева, В. Н. Никонорова и Н. П. Юшкина. – 2-изд., доп. и испр. – СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2011. – 600 с.
- Azerbaijanin jewelry art. – Баку: Внешторгиздат, 1989. – 28 отк.
- Бисенбаев А. К.** Мифы древних тюрков. – Алматы: Ан Арыс, 2008. – 120 с.
- Борозна Н. Г.** Некоторые материалы об амулетах – украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – С. 281–297.
- Вайнштейн С. И.** История народного искусства Тувы. – М.: Наука, 1974. – 224 с.
- Валеева-Сулейманова Г. Ф.** Декоративное искусство Татарстана 1920 – начало 1990-х годов. – Казань: Фэн, 1995. – 186 с.
- Валеев Ф. Х., Валеева-Сулейманова Г. Ф.** Древнее искусство Татарии. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1987. – 166 с.
- Востров В. В.** Некоторые изделия казахских мастеров-зергеров (По материалам экспедиции 1955 года) // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – 1959. – Т. 6. – С. 129–143.
- Горожанкина Е. М.** Таинство серебряной завесы // Творчество. – 1991. – № 9. – С. 13–17.
- Горожанкина Е. М.** Традиционное ювелирное искусство народов Средней Азии и Казахстана (Семантика, систематика, художественные особенности): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – М., 1997. – 24 с.
- Даркевич В. П.** Художественный металл Востока. – М.: Наука, 1976. – 198 с.
- Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.** Казахская национальная одежда (XIX–начало XX века). – Алма-Ата: Наука, 1964. – 178 с.
- Калашник Ю. П.** Греческое золото в собрании Эрмитажа: памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья. – СПб.: изд-во ГосЭрмитажа, 2014. – 278 с.
- Камни Урала. Агат // авт. статьи В. Черных; сост. и авт. текста иллюстративной части В. Семенов. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1982. – 160 с.
- Кисель В. А.** Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – 188 с.
- Король Г. Г.** Декоративно-прикладное искусство Саяно-Алтая рубежа I–II тыс. н. э. и верования тюрков. – Барнаул: Известия АлтГУ. – 2008. – Вып. № 4–2. – С. 98–106.
- Мастера бронзового века. – М.: Бук Хаус, 2005. – 192 с.
- Маргулан А. Х.** Казахское народное прикладное искусство. – Алма-Ата: Онер, 1986. – Т. I. – 256 с.
- Масанов Э. А.** Кузнечное и ювелирное ремесла в казахском ауле // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – 1961. – Т. 12. – С. 148–170.
- Мошкова В. Г.** Ковры народов Средней Азии конца XIX – начала XX вв. – Ташкент: Фан, 1970. – 256 с.
- Мухин В. В.** Традиции и современность в ювелирном искусстве казахов: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – М., 1978. – 21 с.
- Некрасова М. А.** Народное искусство как часть культуры. – М.: Изобраз. Искусство, 1983. – 344 с.
- Овчинникова Б. Б.** Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. – Свердловск: УрГУ, 1990. – 223 с.
- Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л.** Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). – Новосибирск: Инфолио, 2005. – 232 с.
- Полячек Н. Г.** Украшения татар Поволжья // Ювелирное искусство народов России / общ. ред. изд. И. В. Шаталовой. – М.: Художник РСФСР, 1974. – С. 112–193.
- Распопова В. И.** Металлические изделия раннесредневекового Согда. – Л.: Наука, 1980. – 140 с.
- Руденко С. И.** Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – М.–Л.: 1962. – 206 с.
- Смагулов Е. А.** Палеосемантика центральной композиции казахского орнамента // Известия НАН РК. – 1994. – № 5 (197). – С. 82–91.
- Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки. – СПб.: АО Славия, 2000. – 346 с.
- Суслова С. В.** Женские украшения казанских татар середины XIX – начала XX в. – М.: Наука, 1980. – 128 с.
- Тохтабаева Ш. Ж.** Серебряный путь казахских мастеров. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 474 с.

- Украшения Востока. Из коллекции Патти Кадби Берч, США / Каталог: Франция, Париж, Институт арабского мира, 1999. – 136 с.
- Фахретдинова Д. А.** Ювелирное искусство Узбекистана. – Ташкент: издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1988. – 204 с.
- Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю., Кечиева З. Р.** Бронзовые бляшки с изображениями из Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины Кыргызстана // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. – 2017. – Т. 16. – № 3: Археология и этнография. – С. 70–79.
- Чвырь Л. А.** Таджикские ювелирные украшения. – М.: Наука, 1977. – 144 с.
- Шорский фольклор. Записи, перевод, вступительная статья и примечания Н. П. Дыренковой / Отв. ред. И. И. Мещанинов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 448 с.
- Ювелирное искусство Казахстана XIX–XX вв. Каталог / авт. вступ. статьи Н. Б. Нурфеизова. Сост. Г. Б. Молдашева, Н. Б. Нурфеизова. – Алматы: Атамур, 2008. – 304 с.
- The World of Islam. The Arts of the Islamic World from the early 18th to the 20th century. – Helicon Castle Museum, Keszthely, Hungary, 2002. – 160 p.

1. 2 СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ТУРГАЙ: ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ, ЖЕРТВЕННО-ПОМИНАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ, ПРЕДМЕТНЫЙ МИР

Введение. Степная зона Казахстана в эпоху средневековья становится эпицентром многих важнейших событий своего времени, сведения о которых пока весьма отрывочно отражены в археологических материалах. Памятники эпохи средневековья Казахской степи, несомненно, еще ждут своего часа. На данный момент определенные сдвиги произошли в изучении кимаков и огузов, создавших в IX в. государства на территории современного Восточного и Западного Казахстана. Первостепенной задачей в настоящее время является накопление источниковой базы, содержание которой пока не достигло критической массы, достаточной для убедительных исторических реконструкций. В рамках данного раздела поставлена задача введения в научный оборот материалов эпохи средневековья, полученных в ходе археологических исследований Костанайской области. Поскольку регион расположен в пределах Тургайского плато, то в дальнейшем для обозначения этой территории также используется термин «Тургай». Несмотря на небольшое количество данных, имеется необходимость в их публикации, так как, только с учетом максимально полных сведений возможно воссоздание истории евразийских степей эпохи средневековья.

Эпоха средневековья Тургай представлена разноплановыми материалами: погребениями различных этапов рассматриваемой эпохи, каменными изваяниями, которые некогда были в большинстве своем частью культовых сооружений и жертвенно-поминальными комплексами. Другие возможные объекты, будь то поселения, города, рудные выработки, петроглифы, датируемые данным временем, на территории региона не выявлены. К сожалению, на данный момент отсутствует какая-либо представительная серия: ни по принципу хронологии, ни по принадлежности к одному комплексу.

Практически все представленные в данном разделе материалы еще не были введены в научный оборот. Выражаю свою искреннюю благодарность за возможность использования неопубликованных сведений всем тем, кто исследовал эти объекты в экспедиционных условиях, авторам отчетов, В. Н. Логвину, С. С. Калиевой, Г. В. Колбину, Ю. В. Лохматову, А. В. Логвину, Е. В. Подзюбан, Г. А. Базарбаевой. Изучение эпохи средневековья не было результатом профессионального выбора для коллектива археологической лаборатории, возглавляемой на протяжении многих лет В. Н. Логвиным, а в дальнейшем А. В. Логвиным. Необходимо отметить, что памятники исследовались на высоком профессиональном уровне, в том числе, была спасена от безвременья целая группа публикуемых здесь объектов, разрушавшихся вследствие самых

различных причин. Моя признательность археологам, работавшим в составе Костанайской и Тургайской экспедиции, за возможность работать с этими интереснейшими материалами, изучение которых позволяет дополнить наши представления об эпохе средневековья степной Евразии. Большую поддержку в подготовке к публикации оказали директор Костанайского областного историко-краеведческого музея У. Б. Акимбаева, ведущий научный сотрудник Костанайского областного историко-краеведческого музея А. В. Колбина, руководитель археологической лаборатории Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова А. В. Логвин, научный сотрудник археологической лаборатории Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова И. В. Шевнина, научный сотрудник Национального музея РК А. М. Каирмагамбетов.

Известный мыслитель XI в. Юсуф Баласагуни в строках своей поэмы «Кутадгу-билик», где пишет о бренности человеческой жизни, в качестве примера говорит о степных жителях – кыпчаках, что неслучайно, так как именно они на момент написания этих строк олицетворяли степной мир.

Земной шар – это счастье кыпчака
[быстро] проходящая жизнь,
[буквально кочующая]
Сколько беков он состарил,
Сам же не стареет.

Таковы превратности времени, что степная земля сначала вместила в себя огромное пространство, получившее в XI–XII вв. обозначение Дешт-и Кыпчак, а впоследствии землей кыпчаков, теперь уже в качестве одного из племени Среднего жуза вплоть до наших дней стали Тургайские степи.

Тургай в силу географических условий является особым пространством, в то же время он часть более грандиозного и древнего мира – Сарыарки. По мнению А. З. Бейсенова, понятие «арка» формируется в период огузов и кыпчаков, то есть в интересующую нас эпоху [Бейсенов, 2000, с. 115]. Арка – это «остающаяся позади страна», «тыл», такое определение возникло в результате постоянных движений кочевников в направлении более благоприятных в геостратегическом отношении районов, тем самым оказывалось необходимым обозначить земли, которые они покидали [Бейсенов, 2000, с. 116]. Мы пока мало знаем о том, как жили люди эпохи средневековья в этом пространстве, подчиненному вечному движению, в условиях «кочующей жизни», как мастерски выразился Юсуф Балагасуни. На данный момент только археологические материалы дают возможность полнее ощутить мир кочевников Тургай эпохи средневековья.

История изучения эпохи средневековья Тургай

Начало изучения памятников эпохи средневековья Тургай связано с деятельностью Оренбургской ученой архивной комиссии, созданной в 1889 г. в Оренбурге. В том же году один из членов комиссии П. С. Назаров в Кустанайском районе Кустанайской области в могильнике Кок-Ийюк исследовал пять мусульманских захоронений, а Э. Ю. Петри – профессор Петербургского университета, исследовал жертвенник в могильнике Биш-оба. Здесь были обнаружены два каменных изваяния [по: Иванов, Гарустович, Пилипчук, 2014, с. 70]. В 1904 г. председатель комиссии А. В. Попов выступил с предложением о создании археологической карты Тургайской области. В 1908 г. была сделана карта курганов Кустанайского уезда [по: Иванов, Гарустович, Пилипчук, 2014, с. 79–80].

Особый интерес в рамках данной темы представляют исследования А. В. Попова и И. А. Кастанье. В «Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии» за 1906 г. опубликован доклад А. В. Попова «Несколько слов к археологии Тургайской и Уральской области». Он начи-

нается масштабно с освещения этнической истории всей степной Евразии, а далее автор делает вывод, например, о значении эпохи средневековья в формировании последующего населения: каждое из тюркских племен «оставило несколько своей крови в жилах аборигенов Тургайских степей» [Попов, 1906, с. 18]. Также приводятся сведения Н. Г. Иванова о развалинах мавзолея в урочище Кара-яр, в 200 м от оз. Тургай на берегу р. Карынсалды-Тургая [Попов, 1906, с. 21–22]. Приведены многочисленные аналогии с территории Средней Азии, выступающим сделан вывод, что такие монументальные сооружения из обожженного кирпича могут быть отнесены к XIV–XV вв. [Попов, 1906, с. 25–26].

В книге И. А. Кастанье «Надгробные сооружения Киргизских степей» выделяются языческий и мусульманский период (начинается с VIII в., по мнению автора) [Кастанье, 1911, с. 4]. На основе анализа погребальных сооружений степной зоны Казахстана, в том числе с территории, называемой в то время Тургайской областью, выделяется до 30 типов, приводится описание наземных конструкций и погребального обряда. Отдельно рассматриваются особые типы сооружений: сторожевые курганы, возведенные в качестве ориентира [Кастанье, 1911, с. 7], насыпи из камней «обо», насыпанные в память о каком-то событии [Кастанье, 1911, с. 19]. Исследователь приходит к важному выводу: «народ, который создал такое разнообразие в типах курганов, питал безграничное уважение к предкам» [Кастанье, 1911, с. 26].

История изучения каменных изваяний эпохи средневековья Тургая связана в первую очередь с известным исследователем степных древностей А. Добросмысловым. На берегах рек Каратургай, Тургай в 1903 г. он обнаружил несколько изваяний, информация о них неоднократно публиковалась, в частности, в статье «Каменные бабы, найденные в Тургайском уезде Тургайской области в 1903 г.» [по: АКК, 1960, с. 142].

Отдельное направление в изучении памятников региона представляет исследование известного этнографа и археолога А. Х. Маргулана, посвященное архитектуре Сарыарки. Здесь он дает представления об особенностях степной архитектуры, описывает культово-поминальные сооружения, известные под обозначением как дыны, расположенные на берегах рек Каратургай, Тургай, Большой Тургай, приводит сведения о поселениях рассматриваемого времени [Маргулан, Интернет-ресурс].

Значительный разрыв в изучении памятников интересующей нас эпохи был прерван в 1955 г., что было связано с началом работ по подготовке фундаментального труда «Археологическая карта Казахстана». Инициатором такой масштабной работы был А. Х. Маргулан, а руководителем проекта К. А. Акишев [Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2017; Хабдулина, 2017а]. Так, в 1955 г. Г. И. Пацевичем, руководителем Кустанайской экспедиции Института истории, археологии и этнографии КазССР, было раскопано по одному–нескольким курганам из могильников области, многие из них содержали мусульманские погребения, эти материалы были опубликованы частично в «Археологической карте Казахстана» [АКК, 1960, с. 29–33]. Также в экспедиции в качестве руководителя отряда принимала участие Т. Н. Сенигова. Погребения были интерпретированы автором, как раннемусульманские, датировались VII–VIII вв., VII/VIII–XIV вв. [Пацевич, 1955], но в антропологической литературе как минимум дважды были обозначены, как тюркские и материалы из них стали основанием для освещения ранних этапов этнической истории тюрков. Так, В. В. Гинзбург, на основании анализа 10 черепов из этих погребений, сделал вывод, что тюрки Южной Сибири, Южного Алтая и Северного Казахстана эпохи раннего средневековья довольно однородны и относятся к южносибирскому, в основном, или уральскому типам [Гинзбург, 1956, с. 9]. В своей основополагающей работе по антропологии населения Казахстана от эпохи бронзы до современности, О. И. Исмагулов сделал уже более серьезный вывод. Он приводит материалы В. В. Гинзбурга, также пишет, что население Северного Казахстана образовало тип южносибирской расы и приходит к мнению, что в тюркское время отдельные этнические группы

уже были тождественны по физическому облику современным казахам [Исмагулов, 1970, с. 67]. Необходимо отметить, что эти курганы содержали погребения, совершенные по мусульманскому погребальному обряду. К числу наиболее явных признаков относятся такие элементы, как западная ориентировка, отсутствие инвентаря, также фиксируются деревянные перекрытия, в ряде случаев – подбой [Пацевич, 1955, с. 32–44]. Таким образом, вывод о формировании облика, тождественного современному, уже в тюркское время, был сделан на основании анализа черепов, которые являются более поздними.

Изучение объектов возле пос. Приречный Жетыкаринского* [*Такое написание района обосновано в публикации Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2017, с. 19 – прим. ред.] района Костанайской области, которые частично исследовались Г. И. Пацевичем, продолжено в 1966 г. экспедицией под руководством М. Г. Мошковой. Мариной Глебовной исследовано пять курганов одного из могильников в окрестностях этого населенного пункта [Мошкова, 1966, с. 6–13]. Судя по особенностям погребального обряда, были раскопаны погребения, совершенные по мусульманскому обряду.

Начиная с 1970-х годов в регионе работает Кустанайская археологическая экспедиция сначала под руководством В. В. Евдокимова, а затем В. Н. Логвина (в дальнейшем преобразованная в Тургайскую). Были исследованы такие памятники, как Ащитасты-19, 27, Аксуат, Каинды-3, Кеньш-3, Надеждинка-3, Калыбай-2 (Халвай-2), изваяние у пос. Чайковский, ограда с изваянием Аймагамбет-3 [Логвин В. Н., 1988; 1989; Логвин В. Н., Лохматов, 1990; Калиева, 1992; Колбин, 1992; Логвин В. Н., Логвин А. В., Подзюбан, 1994; Подзюбан, Логвин В. Н., Базарбаева, 1995].

Еще одна экспедиция – Урало-Казахстанская (УКАЭ), занималась изучением региона в рамках знаменитого и амбициозного проекта по перебросу вод из сибирских рек в Аральское море. Были проведены разведочные и раскопочные работы в зоне предполагаемого канала [Хабдулина, 1985; Хабдулина, Боталов, Мосин, 1986]. Изучены три сырцовых и кирпичных мавзолеев, произведены раскопки кирпичного мавзолея Домолакер на левом берегу р. Улыжыланшык, в результате, обнаружено погребение, содержащее обломок зеркала [Хабдулина, Боталов, Мосин, 1986, с. 2, 11]. В могильнике Наурузум раскопаны три мусульманских погребения [Хабдулина, Боталов, Мосин, 1986, с. 16–17]. Исследован шатрово-портальный сырцовый мавзолей Атчергат, выявлены две могильные ямы с погребениями, совершенными по мусульманскому обряду [Хабдулина, 1985, с. 33–34]. В 1989 г. отряд УКАЭ провел раскопки жертвенно-поминального сооружения Аксак [Бабенков, 1996].

Погребение кыпчакского времени в окрестностях г. Лисаковска было изучено Лисаковской археологической экспедицией под руководством Э. Р. Усмановой. Обнаружены предметы вооружения, конского снаряжения и серьга. Выявлено, что погребение было мужским, Г. В. Лебединской выполнена пластическая реконструкция облика погребенного. Еще одно погребение с астрагалами датируется исследовательницей поздним средневековьем [Усманова, 2013, с. 131–133].

Таким образом, основной объем сведений по эпохе средневековья Тургая был получен в результате деятельности Тургайской археологической экспедиции. Материал представлен данными по погребальному обряду и культово-погребальной деятельности степного населения, датируемым периодом от VIII до XV/XVII вв. (верхняя граница определяется в таком значительном диапазоне из-за слабой дифференциации погребений данного времени, обусловленной нормами ислама).

В разделе представлена информация по семи погребениям данного времени (рис. 1). Они датируются в пределах двух хронологических этапов: VIII–XII вв. и XIII–XIV вв. (два погребения из них, возможно, более позднего времени). Также имеются два жертвенно-погребальных комплекса и одно изваяние.

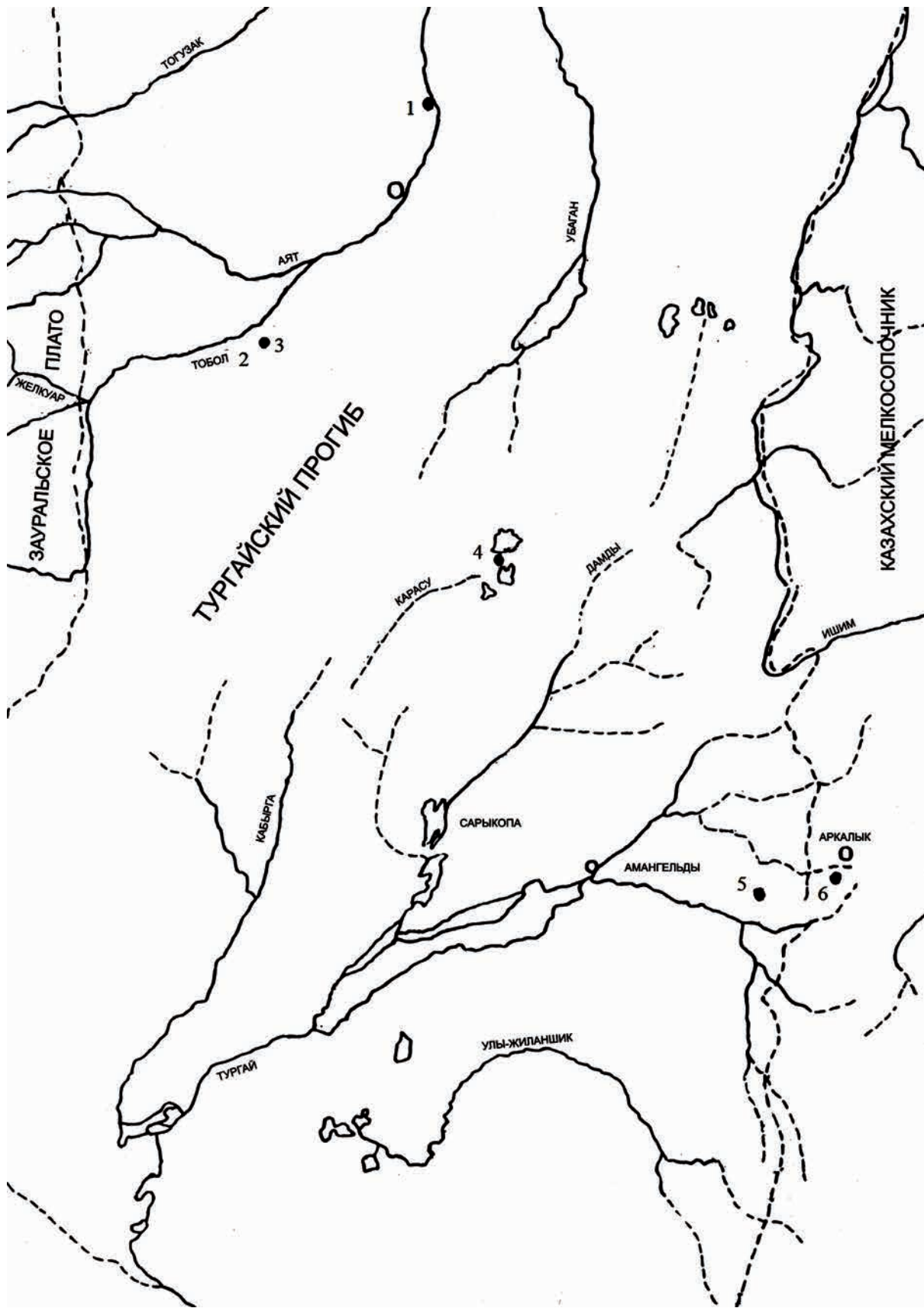

Рис. 1. Погребения эпохи средневековья на карте Тургай.
 1 – Надеждинка-3; 2 – Кенши-3; 3 – Калыбай-2; 4 – Аксуат; 5 – Каинды-3; 6 – Ащитасты-27

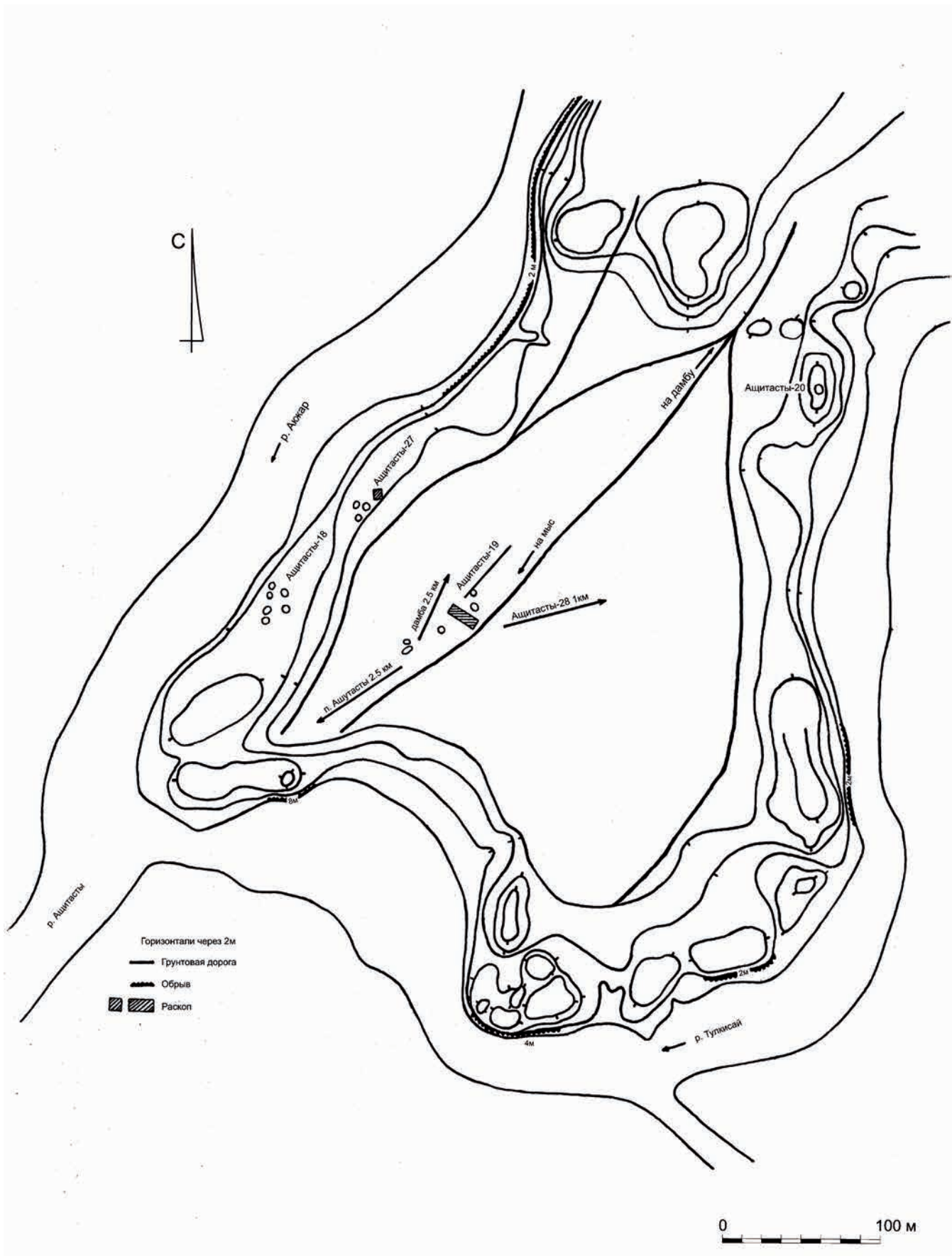

Рис. 2. Могильник Аичтасты-19 и ограда Аичтасты-27. План (по: [Калиева, 1992])

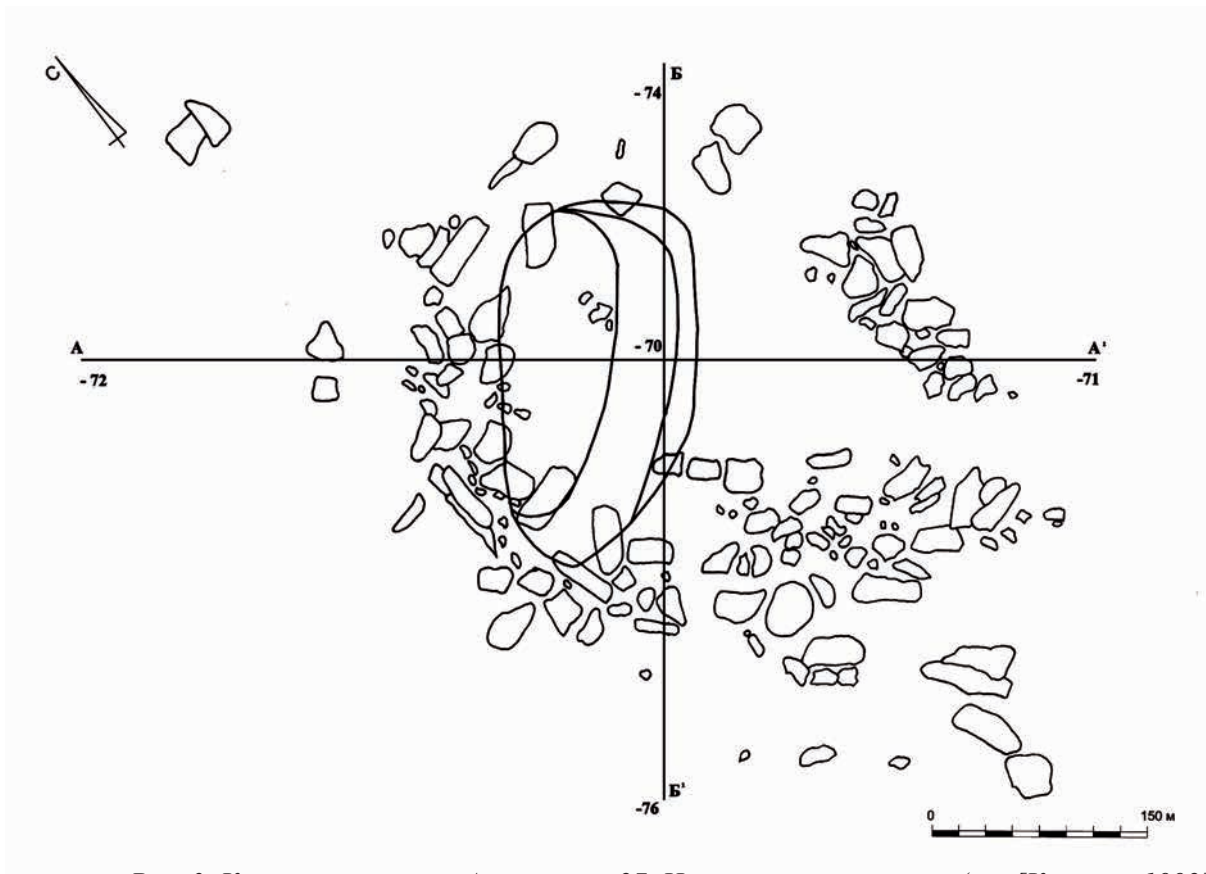

Рис. 3. Курган могильника Аичтасты-27. Наземная конструкция (по: [Калиева, 1992])

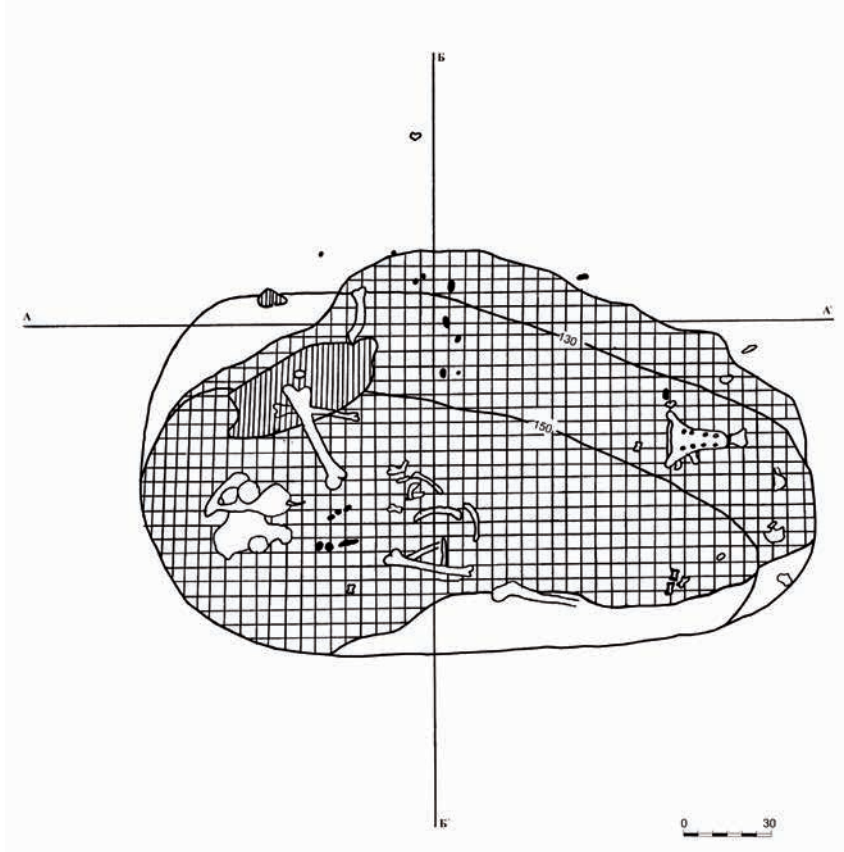

Рис. 4. Курган могильника Аичтасты-27. План могильной ямы на глубине 50–130 см (по: [Калиева, 1992])

Погребальные и жертвенно-поминальные комплексы VIII–XII вв.

Курган могильника

Ащитасты-27 [Калиева, 1992; Хасенова, 2015]. Могильник Ащитасты-27 находится в 3,3 км к северо-востоку от пос. Ащитасты на мысе, образованном слиянием рек Акжар и Тулкисай на первой надпойменной террасе р. Акжар, на высоте около 6 м от современного уреза воды. Исходя из современного административного деления, памятник находится в пределах территории, занимаемой г. Аркалык.

Могильник представляет собой курганную группу, состоящую из трех каменных курганов высотой 0,5 м, диаметром от 4 до 6 м и одной каменной выкладки кольцеобразной формы (рис. 2). Раскопом площадью 64 м² была вскрыта кольцеобразная выкладка. Поверхность объекта хорошо задернована. После снятия верхнего слоя зафиксирована выкладка подовальной формы размером 4,6×3,7 м (рис. 3). Выкладка ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Камень распространяется в глубину до 0,2–0,25 м.

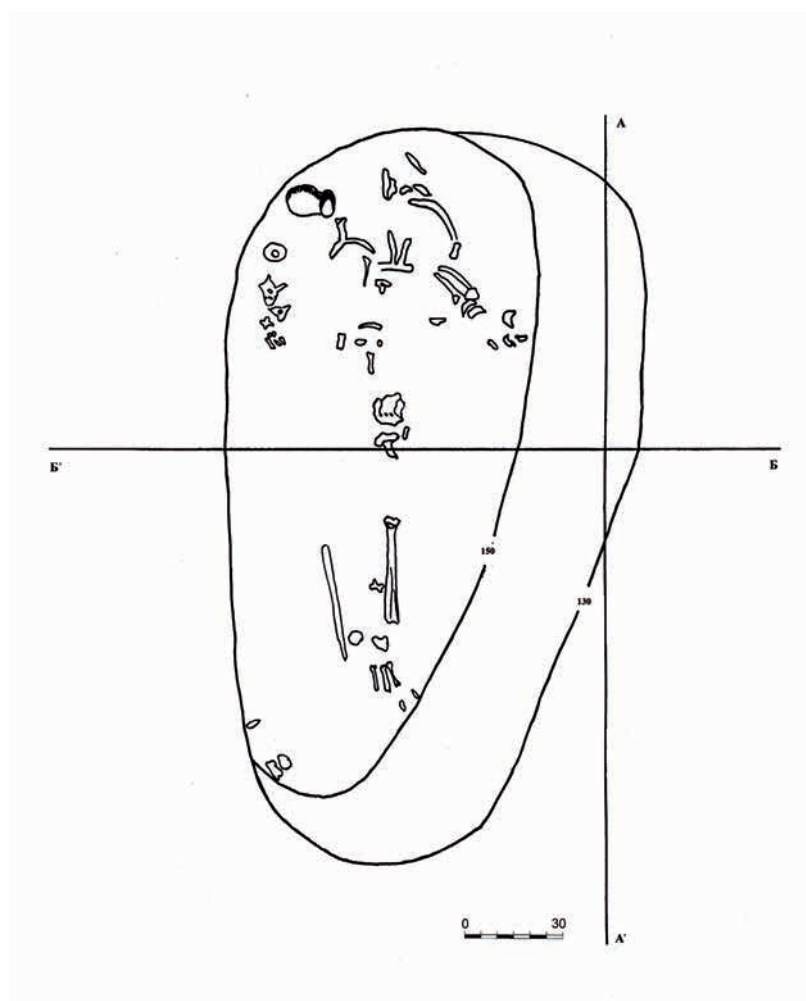

Рис. 5. Курган могильника Ащитасты-27. План могильной ямы на глубине 130–150 см (по: [Калиева, 1992])

Могильная яма расположена немного юго-восточнее центра насыпи (рис. 3). Погребение ограблено, а также повреждено сурчинами. Очертания могильной ямы оформились на глубине 0,3 м. Выяснено, что она имеет овальную форму. На этом уровне яма имела размеры 2,3×1,4 м. В процессе расчистки очертания ямы угадывались плохо, их удалось зафиксировать только по разной плотности материка и заполнения. Удалось проследить, что юго-западная и северо-западная стенки были отвесными, а юго-восточная и северо-восточная на уровне 1,3 м имеют ступеньку шириной до 0,3 м (рис. 4; 6). В северо-восточном секторе ямы фиксируются скопления углей, на глубине от 0,8 до 1 м они образуют фигуру с закругленными очертаниями диаметром до 1 м, на глубине от 1,1 до 1,2 м – диаметром 0,5 м. Видимо, в данном случае, были зафиксированы остатки костра, разведенного при ограблении.

Древесный тлен (остатки перекрытия из тальника) обнаружен на глубине 1,25 м (на уровне ступеньки) и продолжается в заполнении ямы до глубины 1,4 м. На перекрытии на ступеньке (на уровне 1,2 м) в юго-восточном секторе ямы находились задние конечности (вторые и третьи фаланги) и хвостовые позвонки скелета лошади (здесь и далее определения даны Л. Л. Гайдученко). Судя по всему, они не были потревожены грабителями (рис. 4). Здесь же лежали две бляшки, одна из них находилась за пределами ямы, а другая размещалась у хвостовых позвонков лошади. В той же части ямы на глубине 1,4–1,45 м под перекрытием располагались кости ног человека

в анатомическом порядке (рис. 5). Исходя из их расположения, можно сделать вывод, что человек был ориентирован головой на северо-запад. Согласно определению О. И. Исмагулова, это была женщина (?) 40–45 лет. Фаланги пальцев ног, растащенные грызунами, фиксировались на глубине от 0,9 до 1,4–1,45 м. В ногах справа обнаружены два обломка бедренной кости барана. Дно зафиксировано на уровне 1,45 м.

Северо-западная часть ямы потревожена грабителями: кости человека и лошади перемешаны. На глубине 0,6 м размещен крупный камень размером 55×24 см, видимо, попавший сюда в результате ограбления. От глубины 1,1 м до дна ямы отмечены разрозненные кости человека (ребра, позвонки, фаланги пальцев, крестец, тазовая кость, плечевая кость), а также вторые и третьи фаланги конечностей, подъязычная кость и обломки сочлененного отдела нижней челюсти черепа лошади. находка этих костей позволяет предположить, что в погребении размещалась шкура лошади с головой, конечностями (дистальными их отделами) и хвостом.

На глубине 1,1–1,3 м по площади ямы и за ее пределами фиксируются окислившиеся фрагменты железного предмета (предметов?). Еще одна бляшка обнаружена за пределами могильной ямы на глубине 1,3 м, попавшая сюда, видимо, в результате деятельности грызунов. В северо-западной части ямы были расположены керамическое пряслице, обломок окислившегося круглого бронзового зеркала, серьга и еще одна бляшка. На глубине 1,4 м находился глиняный сосуд, лежащий на боку. Также обнаружен фрагмент деревянного изделия.

Серьга с раструбом, выполнена из металла желтого цвета, изготовлена из округлой проволоки сечением 2–3 мм (рис. 7, 1). В верхней части имеется стерженек, на него надета жемчужина. На подвеске размещены две жемчужины. Между ними располагается по одному колечку из мелких шариков зерни. Согласно описанию искусствоведа С. А. Шкляевой, посвятившей этой серьге и серьге из еще одного тургайского погребения специальную статью, место соединения кольцевых раструбов, расположенных симметрично относительно центра украшения, становится пространством для крепления стержня. Он, в свою очередь, соединяет жемчужины и колечки из зерни [Шкляева, 2016, с. 558].

Бляшки (4 экз.) треугольной формы с боковыми сторонами одинаковой длины (рис. 7, 2–5). Углы закругленные. Выпуклые. Основа выполнена из тонкой бронзовой пластины, покрыта сверху золотой фольгой. Боковые стороны длиной 3 см. На лицевой стороне отиснут растительный орнамент, ограничиваемый массивным валиком. На поверхности изображены восемь

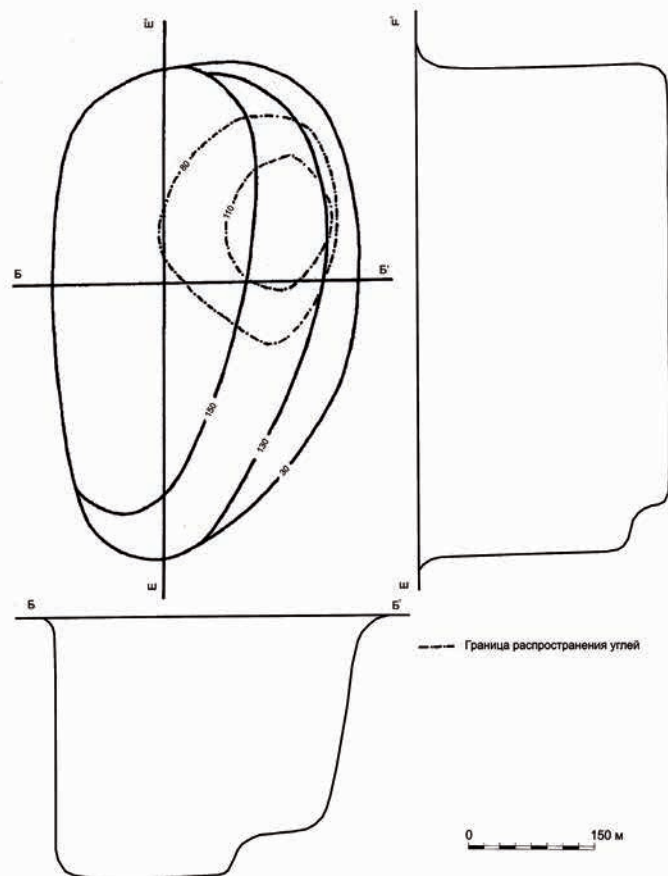

Рис. 6. Курган могильника Ащитасты-27. Профили могильной ямы (по: [Калиева, 1992])

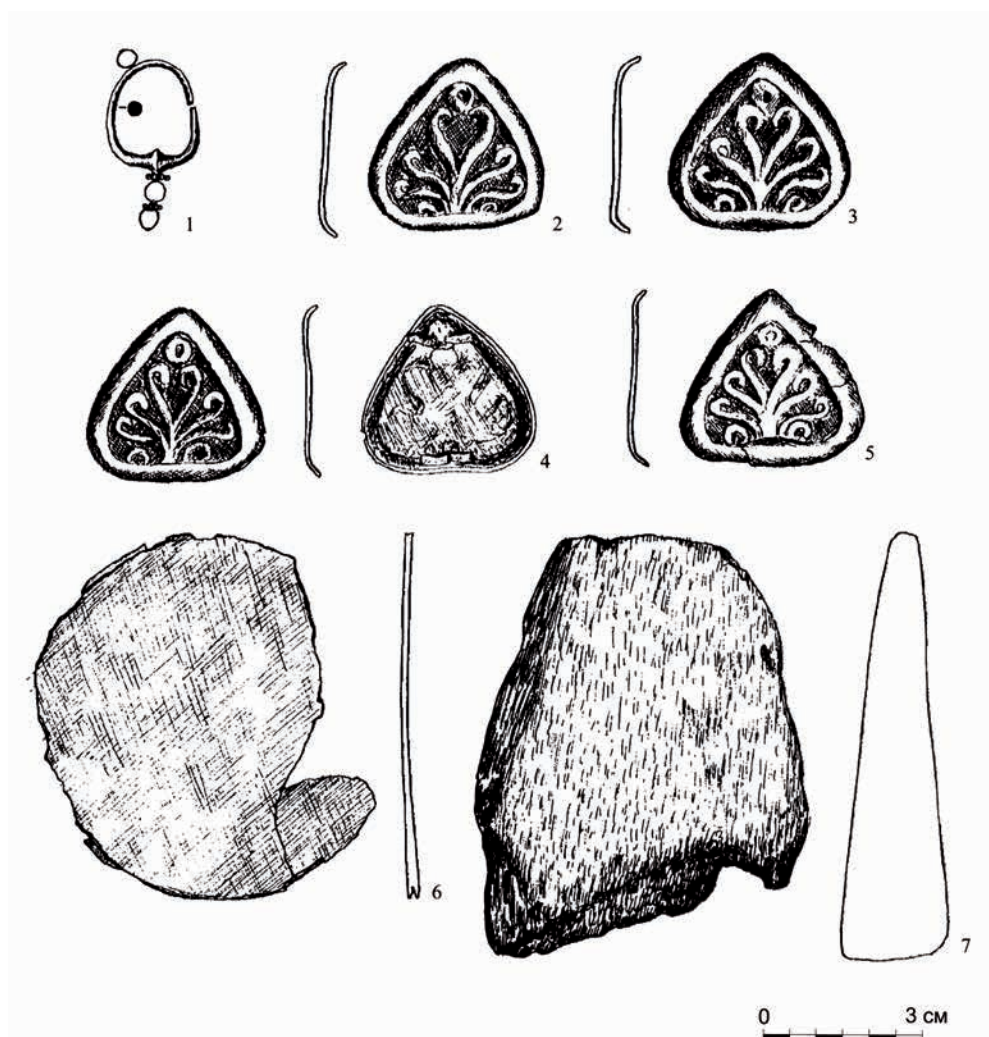

Рис. 7. Курган могильника Аичтасты-27. Находки. 1 – серьга; 2–5 – бляшки; 6 – зеркало; 7 – фрагмент деревянного изделия (по: [Калиева, 1992])

симметрично расположенных завитков, шесть из которых с закругленным на внутреннюю сторону окончанием (т. н. мотив «растрепанная пальметта»). Под нижними завитками – по завитку, образующему фигуру в виде дуги, упирающейся окончаниями в край валика. Чуть выше верхних завитков, в пространстве между их окончаниями расположена небольшая каплевидная фигура, в двух случаях получилась фигура округлой или овальной формы. На оборотной стороне имеются крепления в виде скрепок.

Зеркало бронзовое, диаметром 6,6 см, толщиной до 1 мм, немного выпуклое в центральной части (рис. 7, 6). Края неровные. Обломано, небольшой фрагмент отсутствует. Фрагмент деревянного изделия (рис. 7, 7) имеет форму в виде вытянутой трапеции. В профиле – удлиненная треугольная фигура. Края обломаны. Назначение не определено.

Сосуд глиняный, горшковидной формы (рис. 8, 1). Срез венчика округлый, венчик слегка отогнут, шейка плавно переходит в тулово. Диаметр по горловине 10,3 см, диаметр по тулову 10,7 см, диаметр дна 0,8 см. Асимметричный. Максимальная высота 13,1 см. Лепной, поверхность со следами затертости. Тесто плотное, визуальнo фиксируются примеси песка и органики. Толщина стенок – 9 мм.

Пряслице глиняное, округлой формы, края неровные, диаметром 4 см, толщиной до 4 мм (рис. 8, 2). В центре округлое отверстие диаметром 4 мм.

Выкладка Каинды-3 [Логвин В. Н., 1989]. Находилась на первой надпойменной террасе правого берега р. Каинды, на высоте 7–8 м от современного уровня воды, в 7 км южнее пос. Алуа, возле стоянки каменного века Каинды-3. Была приурочена к небольшой западине и фиксировалась на поверхности по выступающим из земли камням.

После снятия верхнего слоя объект представлял собой каменную выкладку. Могильное пятно размерами 2,7×1,2 м располагалось юго-восточнее центра, ориентировано по линии В–З с небольшим отклонением к югу. Очертания прослеживались плохо, удалось выявить, что восточная стенка была отвесной, западная скошена пол углом примерно 45°, южная с уступчиком на глубине 1,2 м от дневной поверхности, северная скошена до этого уровня под углом 60° и ниже прямая.

На глубине 1,7 м зафиксированы череп с причлененной нижней челюстью и четыре полные конечности лошади (определение Л. Л. Гайдученко). Кости конечностей, кроме плечевых и бедренных, которые отсутствуют, сохраняют анатомический порядок (рис. 9). Необходимо отметить, что их расположение соответствует таковым у животного.

Кости левой передней ноги находились почти в центре ямы. В северо-восточном углу располагались кости правой передней и правой задней ноги, между ними зафиксировано несколько бесформенных фрагментов железного изделия (изделий?) и два небольших фрагмента серебряной фольги длиной до 1 см и шириной до 0,5 см, с налипшими на нее кусочками металла (инкрустация какого-то изделия из железа?). Кости левой задней ноги обнаружены в восточной части ямы. У изгиба коленного сустава расчищены два железных стремена (рис. 9). Между челюстями черепа лошади железные удила с псалиями. Из-за плохой сохранности, извлечь не удалось, они были зафиксированы на рисунке (рис. 11, 4).

Шкура лошади находилась на каком-то древесном перекрытии, от которого сохранился тлен. Ниже перекрытия располагался скелет человека, в вытянутом положении на спине. Человек был ориентирован головой на запад. В области височных костей обнаружены две серебряные округлые подвески (рис. 10).

Стремена выполнены из железа (рис. 11, 1–2). Арочной формы с прямоугольной петлей на высокой прямоугольной пластине. Подножка широкая, с четырьмя продолговатыми отверстиями.

Височные кольца (рис. 11, 3) выполнены из округлого в сечении серебряного прута. Образуют округлую фигуру диаметром 4,4 см. Окончания прутков сведены вместе.

Удила двусоставные, кольчатые (?) (рис. 11, 4). Форма псалиев не установлена, фиксируется, что по бокам они были приплюснутые.

Жертвенно-поминальный комплекс Ащитасты-19 [Калиева, 1992]. Объект находится в 3,3 км к востоку от пос. Ашутасты на мысе, образованном слиянием рек Акжар и Тулкисай на первой надпойменной террасе р. Акжар, на высоте около 6 м от современного уреза воды, на расстоянии 0,08 км к юго-востоку от могильника Ащитасты-27. Исходя из современного административного деления, памятник находится в пределах территории, занимаемой г. Аркалык. Каменные ограды располагаются почти вплотную друг к другу и ориентированы по линии СЗ–ЮВ. Сооружение состоит из пяти оград (рис. 12). Поверхность памятника хорошо задернована.

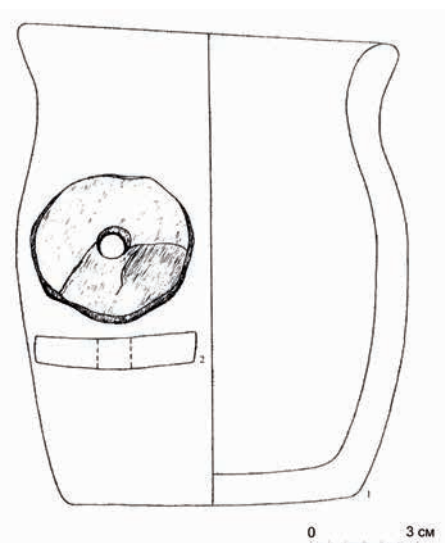

Рис. 8. Предметы, обнаруженные в кургане могильника Ащитасты-27. 1 – сосуд; 2 – пряслице (по: [Калиева, 1992])

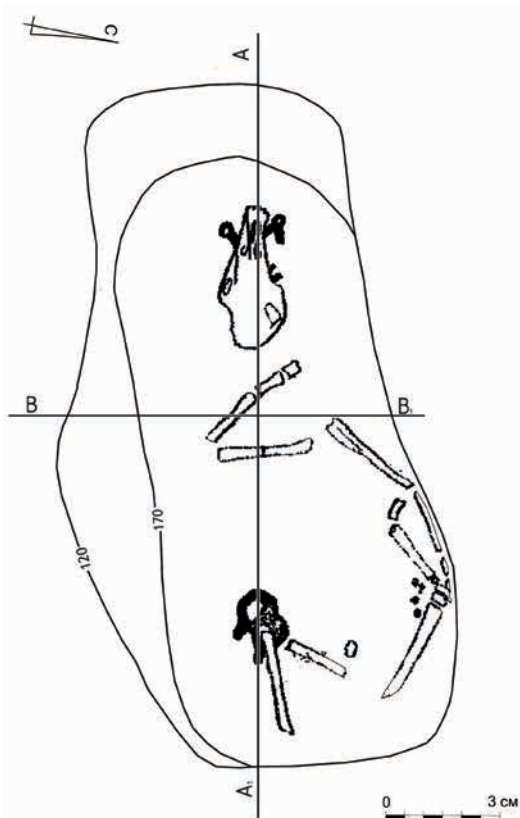

Рис. 9. Выкладка Каинды-3. Расположение шкуры лошади и находок (по: [Логвин В. Н., 1989])

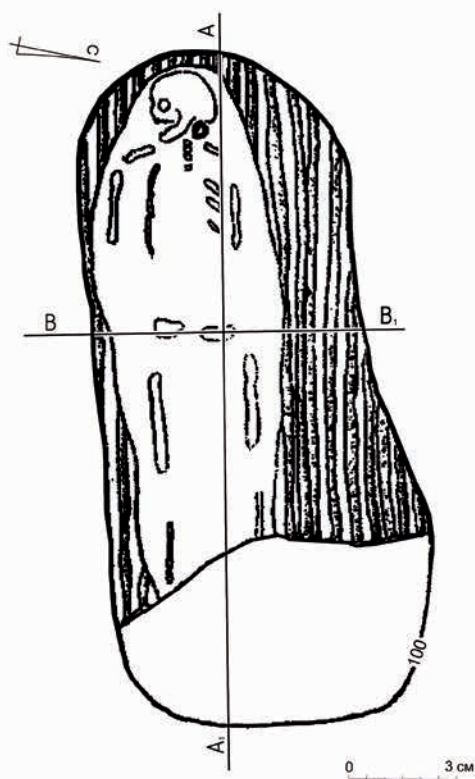

Рис. 10. Выкладка Каинды-3. Придонная часть ямы (по: [Логвин В. Н., 1989])

Ограда № 1 размером 2,1×2,2 м, выложена из 12 гранитных плит прямоугольной формы, поставленных на ребро и подогнанных встык. Поверхность плит хорошо обработана, имеют толщину до 0,1 м. Вокруг ограды фиксируется разброс колотого камня. Внутри он практически отсутствует. В юго-восточном секторе к ограде примыкает следующая, расстояние между ними в основании 0,9 м.

В северо-западном секторе с внешней стороны, ближе к восточному углу, вплотную к плите ограды врыто изваяние из красного гранита, ориентированное лицевой стороной к востоку. В этом же секторе ближе к северному углу находится четыре плоских камня, толщиной до 0,5 см, поставленных на ребро перпендикулярно плитам ограды.

Вокруг ограды камень фиксируется до уровня 0,2–0,3 м от современной поверхности, внутри – под верхним почвенным слоем он прослеживается до глубины 0,2 м.

Ограда № 2. Имеет размеры 2×2,4 м. Выложена из восьми плит подпрямоугольной формы толщиной от 5 до 10 см. Северо-восточную стенку составляет целая плита длиной 1,7 м. У северо-восточной стенки, вплотную к плите находился плоский камень размерами 125×27×10 см, врытый нижним окончанием в землю (рис. 13, 1). В настоящее время он завалился под углом 45°. Внутреннее пространство ограды заполнено колотым камнем до глубины 0,1–0,2 м. На расстоянии 0,8 м располагается ограда № 3.

Ограда № 3. Размерами 2,5×2,2 м. Выложена из пяти плит подпрямоугольной формы толщиной от 3 до 8 см. Перпендикулярно северо-восточной стенке на одной из плит лежит камень продолговатой формы, обломанный с обеих сторон, размерами 80×25×13 см (рис. 13, 2). С юго-восточной стороны к ней примыкает ограда № 4, расстояние между основаниями плит 0,8 м.

Ограда № 4 размерами 2,5×3 м, выложена из семи плит прямоугольной формы толщиной от 1 до 10 см. Плиты юго-восточной и юго-западной стенок выворочены и лежат под углом 30°, остальные расположены под углом 45°. Внутри ограда заполнена колотым камнем на глубину 0,25–0,3 м. На расстоянии 0,9–1 м расположено основание ограды № 5.

Ограда № 5 размерами 2,5×2,5 м, состоит из семи плит подпрямоугольной формы толщиной от 3 до 10 см. Находились под углом до 30°. Плиты юго-западной и юго-восточной стенок на момент проведения раскопочных работ находились в грунте. Ограда внутри заполнена колотым камнем до уровня 0,2 м.

Между северным углом ограды № 5 и восточным ограды № 4 лежит плашмя продолговатый камень размерами 130×30×8–13 см (рис. 13, 3). Первоначально он, видимо, стоял вертикально у северо-восточной стенки ограды № 5.

Во всех случаях фиксируются схожие элементы. С внешней стороны плиты укреплены мелкими камнями. Современный развал плит составляет около 45°. Ниже каменной прослойки, фиксируемой до уровня внутри оград грунт плотный, пятна не обнаружены. Общая длина сооружения 14 м, ширина от 2,5 до 3 м.

После проведения раскопочных работ, объект был рекультивирован, изваяние передано в Областной музей истории степного края (г. Аркалык), на его месте поставлен камень.

Изваяние выполнено из красного гранита, размерами 130×38×12 см. Представляет собой погрудную скульптуру мужчины (рис. 14). Камень уплощен с лицевой и обратной стороны. Нижняя часть обломана. Изваяние характеризуется асимметричностью: голова вытянута направо, также черты лица перекошены. Голова вытянутая, овальная. Черты лица аккуратные. Лоб большой, прямой. Линия бровей и носа выполнена слитной. Хорошо сохранилась правая бровь, она выполнена в виде небольшой дуги, окончание которой направлено резко вниз. Глаза небольшие. С правой стороны глаз выполнен округлым (?), с левой – овальным (?). Нос длинный, немного расширяется книзу. Мастерски показаны изящные немного изогнутые усы. Судя по манере исполнения, можно предположить, что им специально придавалась такая форма. В центральной части усы совмещены внизу с небольшой треугольной бородкой.

Плечи не показаны. На уровне шеи с правой стороны имеется неглубокая плавная выемка, ниже нее продолжается выступ, также с плавными очертаниями. С левой стороны на уровне шеи, в свою очередь, выполнена небольшая треугольная выемка, далее продолжается практически отвесная поверхность. На уровне шеи показан треугольный ворот одежды. Получается, что отвороты сходятся посередине под углом друг к другу.

Изваяние у пос. Чайковский. В документации Костанайского областного историко-краеведческого музея экспонат зафиксирован по названию населенного пункта, как из окрест-

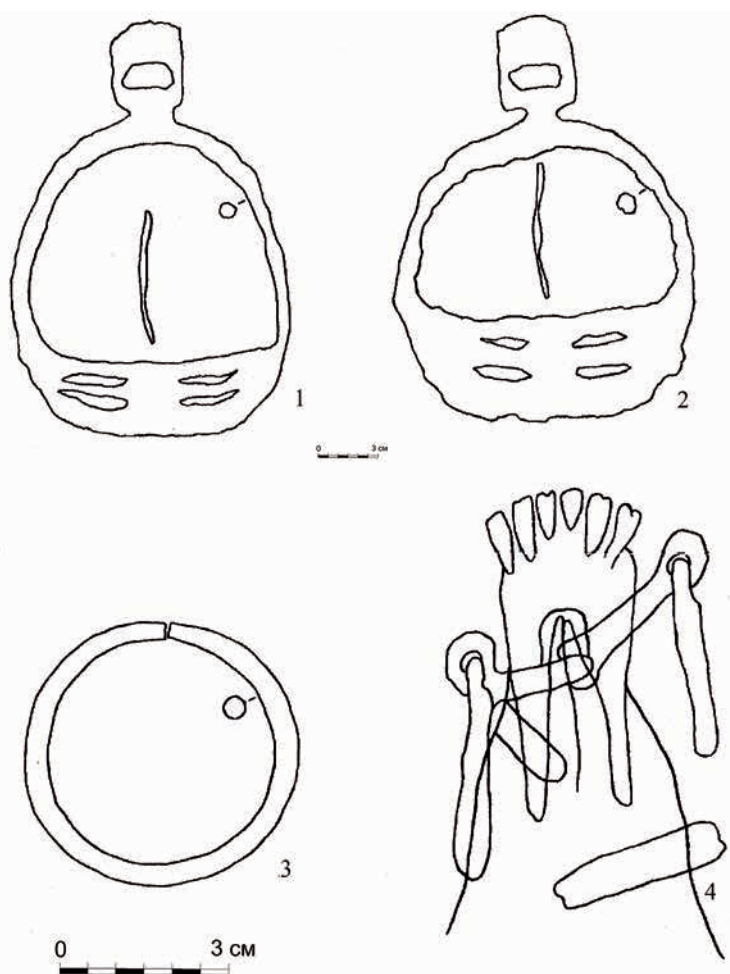

Рис. 11. Выкладка Каунды-3. Находки. 1–2 – стремяна; 3 – височные кольца; 4 – удила (по: [Логвин В. Н., 1989])

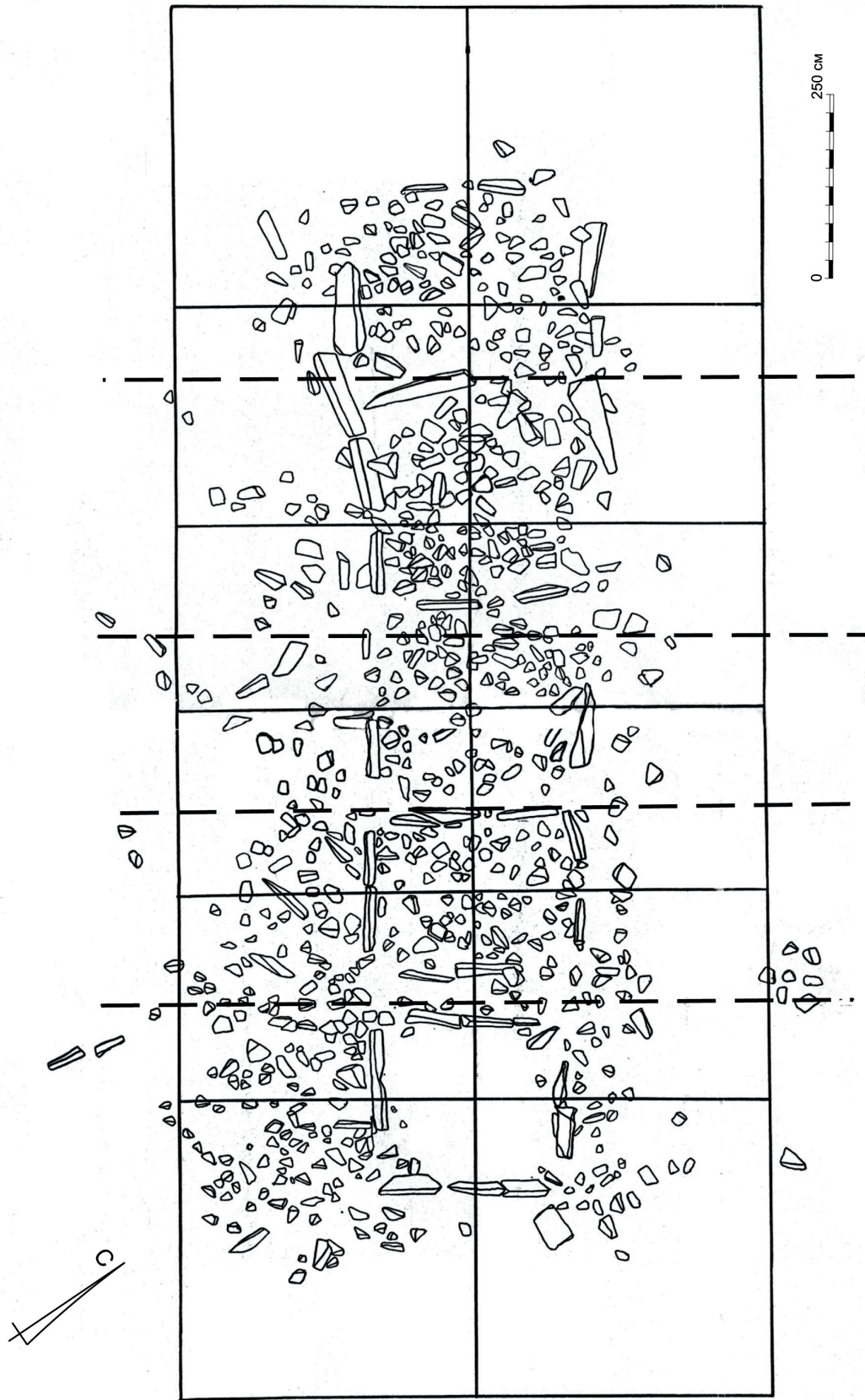

Рис. 12. Жервенно-поминальный комплекс Ащитасты-19. План (по: [Калиева, 1992])

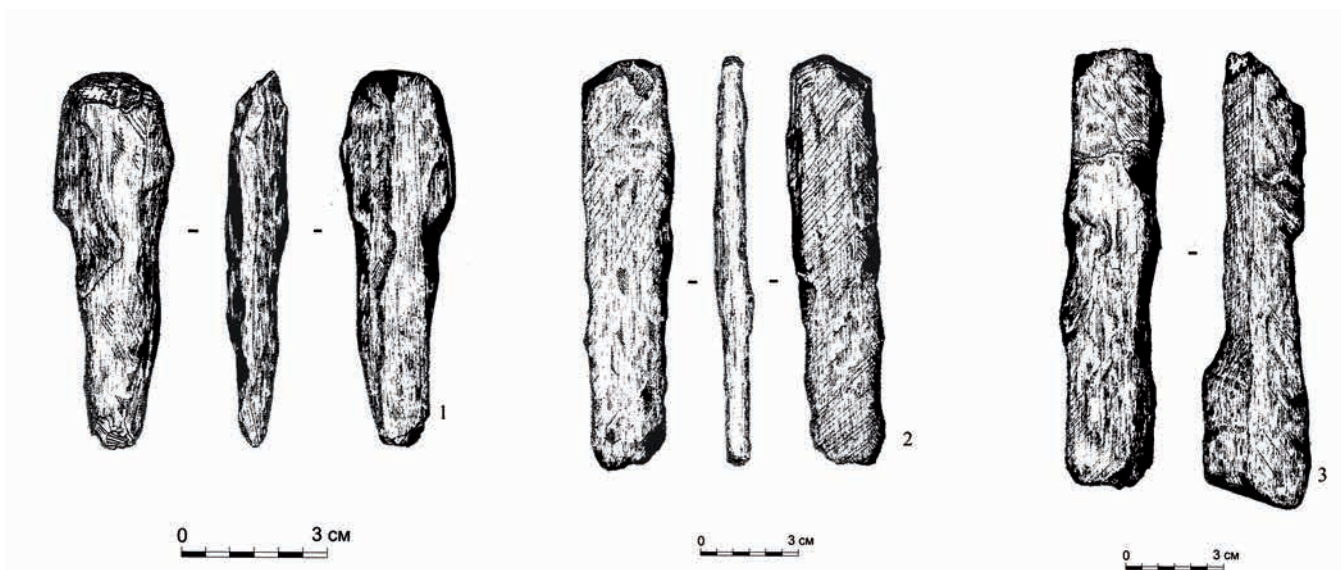

Рис. 13. Жертвенно-поминальный комплекс Ацитасть-19. Стелы, стоявшие у ограды (по: [Калиева, 1992])

ностей с. Чайковское (Жетыкаринский р-н). Оно было привезено в 1987 г. В. Н. Логвиным и в настоящее время экспонируется в КОИКМ [Колбина, 2015, фото 20]. Согласно сообщению В. Н. Логвина* [*Благодарю за предоставленную информацию], изваяние было зафиксировано в лежачем положении.

Представляет собой полнофигурную скульптуру стоящего мужчины (рис. 15). Она выполнена из песчаника темно-коричневого цвета с вкраплениями камешков светло-коричневого цвета. Поверхность камня в местах его обработки пористая, в остальных случаях представлена более плотная текстура, в целом, камень с шероховатостями и неровностями. Размеры 110×40×45 см.

Практически больше 1/3 фигуры занимает крупная удлиненная голова. Правая сторона головы более покатая, в этой части имеется крупный скол или же здесь сохранились естественные очертания камня. Из-за выветрелости поверхности трудно определить, какой точно вариант вероятен. Лоб невысокий, прямой. Показаны дуговидные длинные надбровья, начиная, примерно, от середины резко спускающиеся вниз. Правое немного выше. Нос и надбровья выполнены слитными. Надбровья показаны в виде глубокой выемки. Слева фиксируется очертание неширокой брови: она видна от уровня середины до окончания. Тем самым, образуется малозаметный валик. Прямой длинный нос выполнен в рельефе. В области переносицы нос шире и ниже, здесь очертания более неровные, нежели в нижней части. Глаза крупные, округлые. Также

Рис. 14. Жертвенно-поминальный комплекс Ацитасть-19. Изваяние, обнаруженное с восточной стороны ограды (по: [Калиева, 1992])

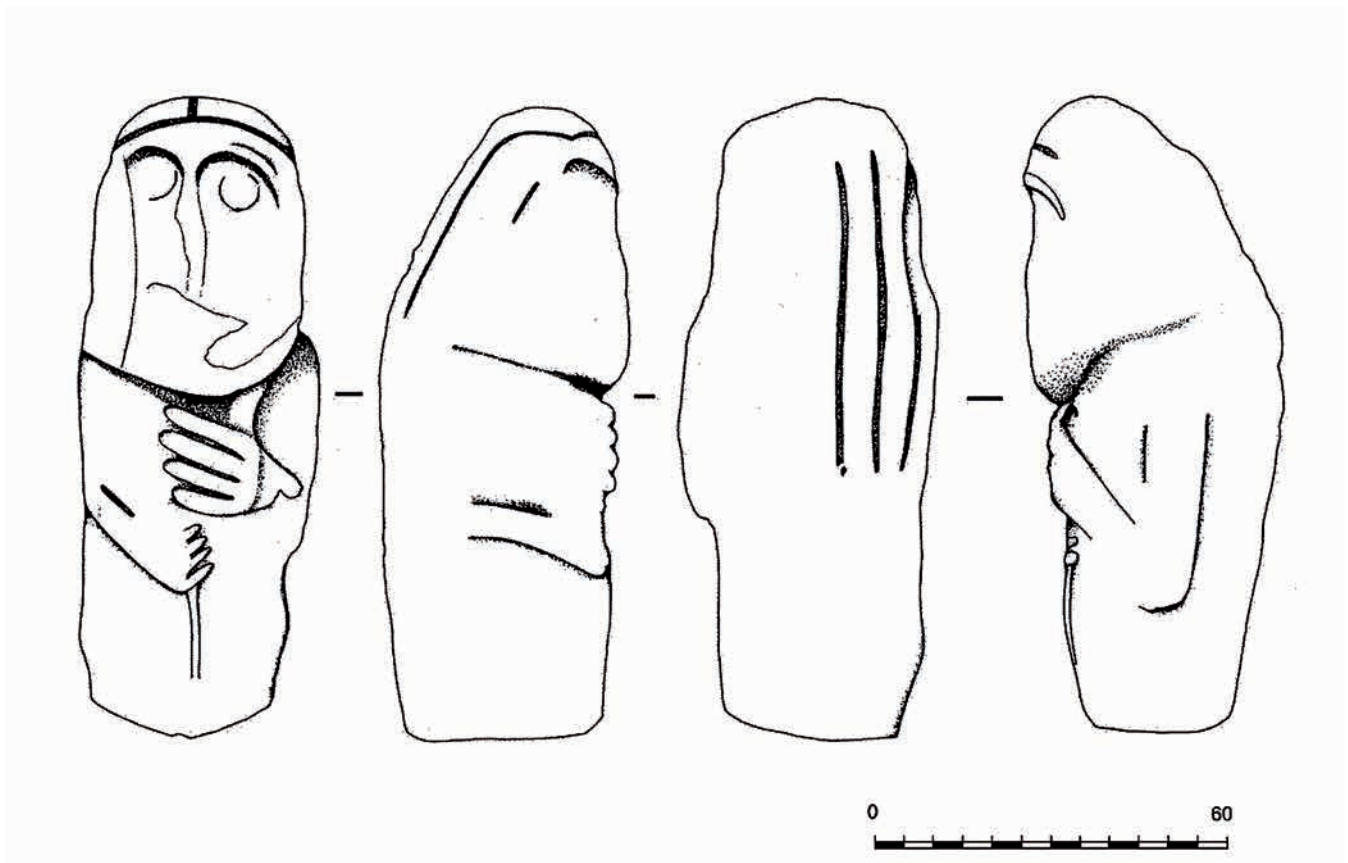

Рис. 15. Изваяние у пос. Чайковский

присутствует асимметрия: правый немного выше. Глазницы отсутствуют. Проработана также асимметричная борода (?), она заканчивается выше с правой стороны. Получается, что на лице верхняя линия бороды размещена по диагонали. Борода широкая и короткая. Хорошо проработан ее закругленный нижний край. Бороздка, очерчивающая шею, поднимается по краям вверх и заканчивается на уровне уха с правой стороны.

От уровня верхней части лба до макушки тянется короткий желобок шириной до 2 см. С его помощью показан пробор (?). По обе стороны от него надо лбом имеется по дуговидному желобку шириной 1 см, они заканчиваются на уровне окончания бровей. О том, что показан пробор, а дуговидные желобки по обе стороны от него очерчивают кромку волос, свидетельствует то обстоятельство, что один из этих желобков в месте окончания дуги переходит в крайнюю правую косу. Линии, ими образуемые, сведены вместе под углом, образуя небольшой выступ. На уровне ушей, которые не показаны, и немного выше имеется желобок, образующий короткую наклонную линию. Шея не выделена.

С левой стороны отчетливо показаны контуры лица и плеча. Проработаны обе руки, они согнуты в локтях. У левой руки плечо выше, она поднята до уровня груди, кисть размещена чуть ниже бороды. Показаны несоразмерно большие пальцы, сжатые в кулак. Из кулака выглядывает поднятый вертикально большой палец. Кисть правой руки находится сразу под кулаком левой, она меньше по размеру. Также сжата в кулак, но под еще большим углом относительно кисти.

В нижней части скульптура имеет на лицевой поверхности две плоскости, сходящиеся под углом. На образуемом ребре размещен посох (?). У него немного неровные очертания. Прямой, полусферический в разрезе. Так как, кулак левой руки размещен немного под углом, можно предположить, что посох в верхней части был изогнут. В профиль фиксируется очень массивная верхняя часть спины. Здесь изваяние имеет максимальную толщину. Поверх спины прора-

ботаны три длинных косы. Они находятся с правой стороны, на одинаковом расстоянии друг от друга. Имеют примерно одинаковую длину и толщину: начинаются от уровня затылочной части головы и продолжают вниз, немного не доходя уровня локтей. Их очертания нанесены с помощью глубоких и длинных бороздок. Две из них выполнены практически ровно, а крайняя с правой стороны немного волнистая. Очертания этой же косы в верхней части показаны с помощью естественной (?) выемки в камне.

Жертвенно-поминальный комплекс Аймагамбет-3 [Логвин В. Н., 1988] (рис. 16). Находился в 7 км к северо-востоку от пос. Аккарга, на левом берегу р. Тобол. Представляет собой одиночное сооружение, расположенное примерно посередине удлиненного по линии С–Ю возвышения.

Округлая ограда выложена из крупных камней, часть из которых поставлена вертикально.

Внутренняя поверхность заполнена более мелкими камнями. Диаметр сооружения 5 м. В юго-восточной части находилось каменное изваяние, ориентированное лицом к востоку, с небольшим отклонением к югу. Голова изваяния отбита. Никаких подробностей не зафиксировано.

Погребения XIII–XIV вв.

Погребение Аксуат [Колбин, 1993]. Находилось в разрушающейся вследствие воздействия ветра части могильника, расположенного в 400 м к северо-западу от пос. Старый Наурзум, в 350 м к юго-востоку от оз. Большой Аксуат.

На момент проведения работ, сохранилась только придонная часть ямы. Тело женщины 40–45 лет (определение О. И. Исмагулова) размещено в вытянутом положении, на спине, головой на запад (рис. 17). При жизни у погребенного была повреждена правая рука, вследствие сильного удара перебиты лучевая и локтевая кости, сросшиеся неправильно. На дне ямы, под костяком и вокруг него фиксировались остатки древесины.

С левой стороны в 5 см от черепа найдена серьга, выполненная из металла желтого цвета. На правом боку под слоем ткани находилась массивная пришивная бляшка из серебра, в свою очередь, она была завернута в кусок ткани из более тонких ниток. В области грудной клетки расчищены три фрагмента бронзовой бляшки. Справа от правой лучевой кости обнаружен фрагмент

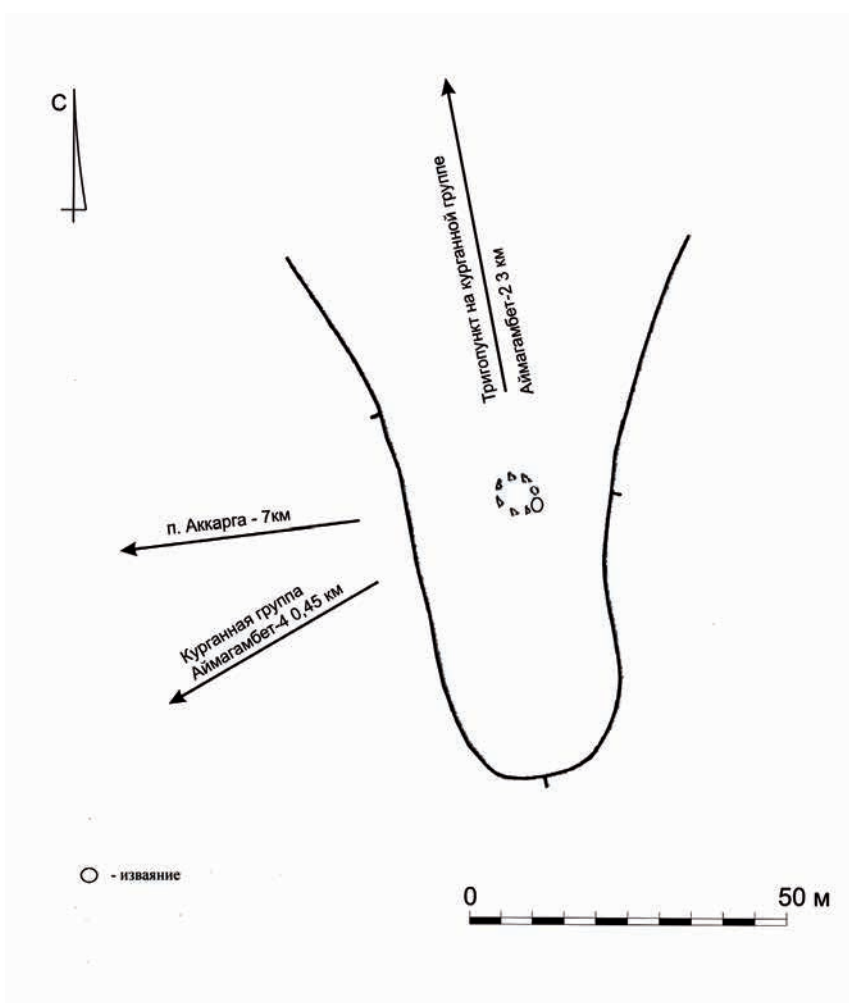

Рис. 16. Жертвенно-поминальный комплекс Аймагамбет-3. План (по: [Логвин В. Н., 1988])

железного наконечника стрелы с остатками древка (рис. 18, 3). Судя по его почти вертикальному положению, рядом с костью, можно предположить, что наконечник застрял в мягких тканях. В области шеи и груди находились мелкие фрагменты шерстяной ткани. Судя по найденному в области шеи кусочку подогнутой ткани, можно предположить, что одежда имела воротник. В 0,2 м от правой ноги человека расчищен крупный фрагмент верхней части сосуда эпохи бронзы и фрагмент нижней челюсти коровы.

Серьга в виде «знака вопроса» выполнена из округлого в сечении прута диаметром 1,2–2 мм, длиной 3,7 см (рис. 18, 1). В нижней части на прут насажена жемчужина, покрытая в настоящий момент окислами железа. Окончание прута продето сквозь жемчужину, окаймляет ее, образуя дугу и намотано в верхней части подвески. С.А. Шкляева приводит такие дополнительные сведения. Серьга из цельного прута неодинаковой толщины, выполнена с помощью холоднойковки. Из наиболее толстой сформировано верхнее кольцо, а утонченная ковкой часть прута входит в отверстие жемчужины. Нижний конец прута огибает ее, «и плотно, ритмично, виток за витком, закрепляется у основания овала серьги» [Шкляева, 2016, с. 559].

Бляшка серебряная (рис. 18, 4). Округлая, плоская, верхняя часть обломана, образуя выемку дуговидной формы. С этой стороны у края размещены два округлых отверстия диаметром 0,2–0,3 мм. Диаметр 6,1 см, толщина 1,5–2,5 мм. В центре изображена крупная розетка из восьми лепестков каплевидной формы. Ее окружает полоска, покрытая короткими поперечными перемычками и образующая окружность, такая же полоска размещена по краю диска. В пространстве между ними нанесены два ряда дуговидных фигур, ориентированных выпуклыми сторонами друг к другу. Нижний ряд составлен из сдвоенных и более крупных дуговидных фигур. Верхний – состоит из дуг поменьше.

Фрагменты бронзовой бляшки (рис. 18, 2). Выполнена из тонкого листа толщиной 0,6 мм. Судя по орнаменту на поверхности наиболее крупного фрагмента размерами 1,2×1,8 см, по краю она была украшена зигзагом, выполненным из тонкой линии.

Погребение Надеждинка-3 [Логвин В. Н., Лохматов, 1990] находилось в южной части песчаного карьера, в 1 км юго-западнее пос. Надеждинка, в пойме р. Тобол. Обнаружено у края песчаного карьера. Судя по разрезу в обрыве карьера, первоначальная глубина ямы составляла 0,8 м от поверхности. Кости плохой сохранности (рис. 19). Отсутствуют череп, кости правой руки и стоп; оставшиеся кости расположены в анатомическом по-

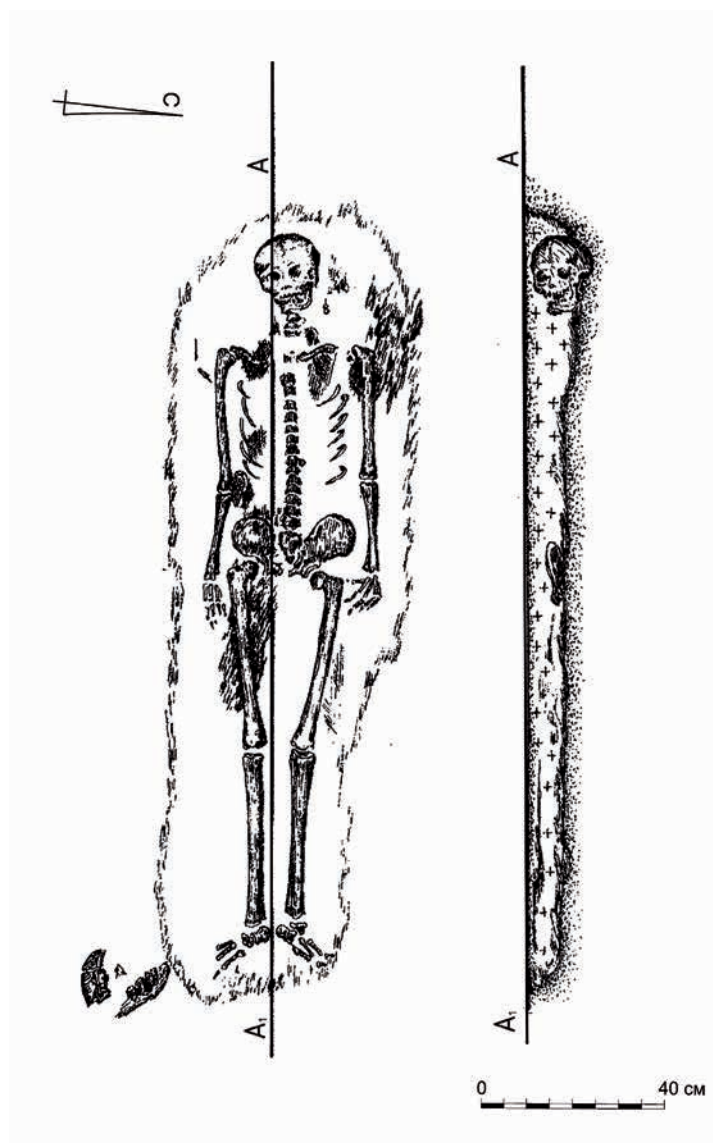

Рис. 17. Погребение Аксуат, могильная яма (по: [Колбин, 1992])

рядке. Сохранившийся сопроводительный комплекс составляют зеркало из белой бронзы (?), четыре бронзовые пуговицы, два фрагмента изделия из стекла и деревянный гребень (рис. 20). Зеркало и пуговицы находились на уровне грудной клетки, соответственно, остальные изделия расчищены в области тазовых костей.

Зеркало выполнено из белой бронзы (?) (рис. 20, 4). Диаметр 9,2 см, максимальная толщина до 0,4 см. По краю диска с обратной стороны расположен невысокий бортик, треугольный в сечении. В центре изделия размещена небольшая окружность с внешними рельефными очертаниями. Внутри нее имеется мелкая округлая выпуклость. Окружность окаймляют две выпуклые фигуры рыбок, тела которых вывернуты так, что головы помещены в профиль, а хвосты – в анфас. Головы треугольной формы, посередине – крупный округлый глаз. Тела удлиненные, спинки заостренные. Узкий боковой плавник с заостренным окончанием показан в нехарактерной позиции: не сбоку, а выше головы. Он развернут под углом по отношению к телу. Хвосты длинные, раздвоенные. Обратная сторона зеркала гладкая. Возможно, на поверхности зеркала изображены рыбы из семейства лососевых. Особенности их облика являются заостренная голова, продолговатое массивное тело и раздвоенный с одинаковыми окончаниями хвост. Животные изображены в окружении растительных побегов, по обе стороны от которых отходят закругленные завитки различной формы. Между изобразительным полем и валиком выполнена неширокая полоска, заполненная часто расположенными поперечными короткими полосками.

Гребень (рис. 20, 3). Выполнен из дерева твердой породы. Удлиненной формы, с одной стороны зубцы редкие, с другой – частые. Со стороны частых зубцов имеется расширение, образующее уступчик на уровне, где зубцы заканчиваются. Размером 5,4×1,5 см.

Пуговицы изготовлены из бронзы (рис. 20, 1). Шаровидные, с крупной округлой петлей. Полые изнутри. Изготовлены из двух полушфер. Изделие из стекла (рис. 20, 2). Полушферической формы. Диаметром 8 мм.

*Курганная группа
Кенеш-3, курган 2*

Памятник находился в 7 км к юго-западу от г. Лисаковска [Подзюбан, Логвин В. Н., Базарбаева, 1995; Базарбаева, Подзюбан, 1997]. Диаметр 15 м, высота 0,6 м.

Насыпь кургана земляная, с включением небольшого количества камней (рис. 21). Во время снятия насыпи, прослежены блоки супеси пепельного цвета, которые вместе с камнями, видимо, следует считать остат-

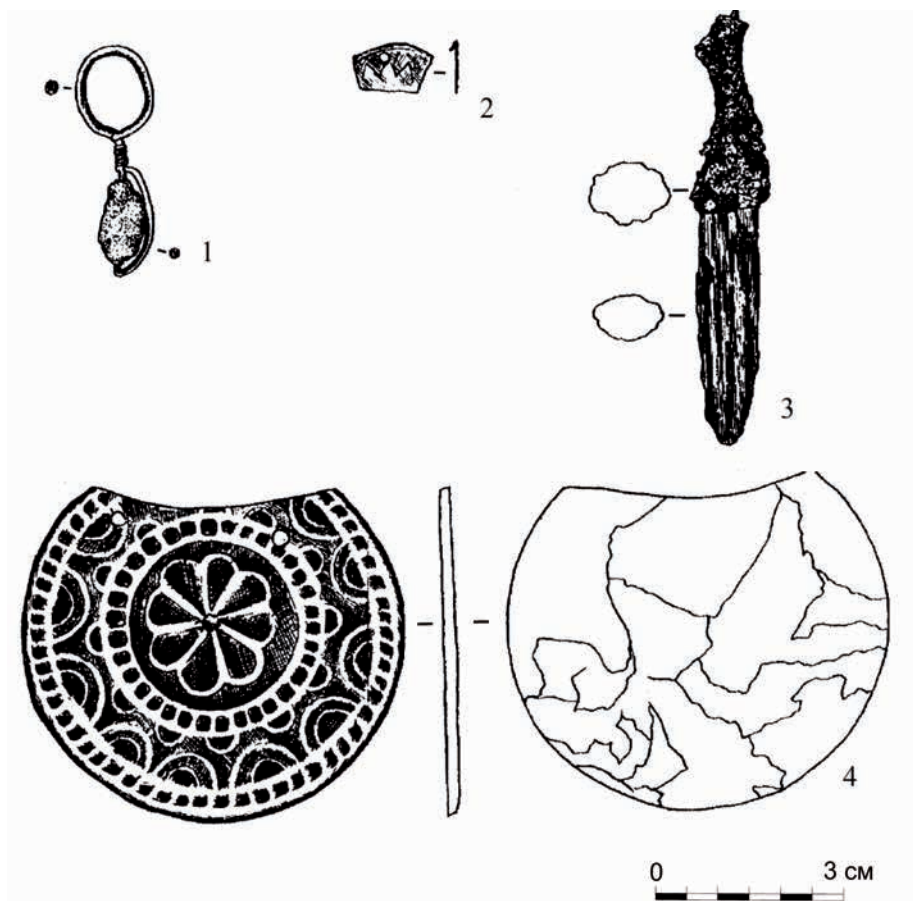

Рис. 18. Погребение Аксуат. Находки. 1 – серьга; 2 – фрагмент бляшки; 3 – фрагмент наконечника стрелы; 4 – бляшка (по: [Колбин, 1992])

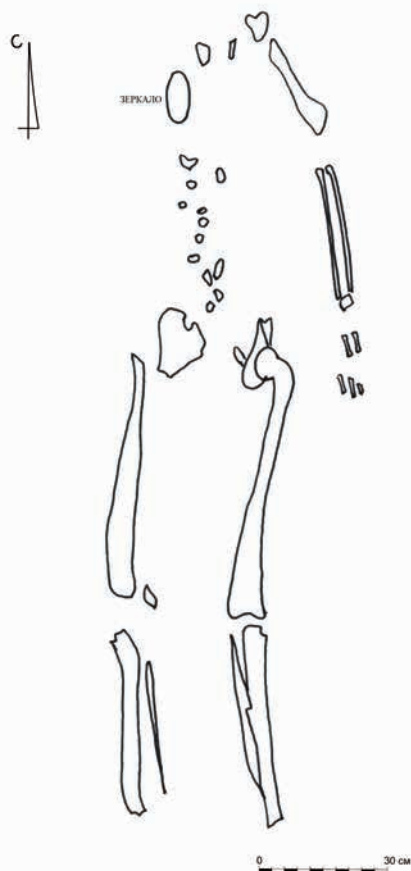

Рис. 19. Погребение Надеждинка-3.
План (по: [Логвин В. Н.,
Лохматов, 1990])

ками сложного надмогильного сооружения (рис. 22).

В почвенном слое и прослойке супеси обнаружены зубы и кости животных. В северо-западном секторе на глубине 0,85 м от уровня дневной поверхности расчищены фрагменты керамики с сине-зеленой поливой (рис. 27, 3). В юго-западном секторе на глубине 0,9 м найден обломок стекла.

Могильное пятно фиксируется в центре кургана, овальной формы, ориентировано по линии 3–В (рис. 23). В 1 м к северо-востоку от него, на глубине 35–40 см от отметки репера зафиксировано два пятна диаметром 0,3 м. Яма № 1 заполнена сверху супесью серого цвета, слой мощностью 0,02 м, в придонной части – суглинком серовато-коричневого цвета. Глубина 0,15 м. Яма № 2 имеет аналогичное заполнение, глубиной 0,25 м.

Яма заполнена супесью серого цвета. В заполнении до глубины 1,1 м от уровня фиксации пятна встречались мелкие кости животного, зубы лошади, камень, фрагменты древесной коры (рис. 24). На дне ямы обнаружено погребение человека (рис. 25; 26). Умерший находился в вытянутом положении на левом боку, ориентирован головой на запад. Выше скелета и под ним зафиксированы доски длиной 160–170 см. Верхние доски достигали ширины 20–30 см, толщины 10–15 см, нижние шириной 30–40 см, толщиной, соответственно, 15 см.

Погребение было нарушено, практически все кости перемешаны. Приблизительно в первоначальном положении располагались череп, кости левой ноги. В области коленного сустава рядом с фалангой пальца руки найден серебряный перстень. Под коленным суставом и голенью, рядом с ними находились три небольших фрагмента железного изделия.

В скоплении костей под черепом расчищена металлическая бляшка. В 10 см к северу от черепа находился фрагмент железного изделия. В области туловища и голени фиксируются остатки войлока (?). В юго-западном секторе найдена бронзовая пуговица.

Согласно определению О. И. Исмагулова, была похоронена женщина 40–45 лет, но у нее зубы молодого индивида (эту деталь он отметил, но не объяснил), определению А. И. Нечвалоды – женщина свыше 50 лет.

Бляшка металлическая (рис. 27, 1). Округлой формы, диаметром 1,3 см, толщиной 0,1 см, плоская. Лицевая поверхность покрыта полностью мелкими окружностями. Имеются два отверстия. На поверхности зафиксированы следы позолоты (?). Пуговица бронзовая (рис. 27, 2), округлая, полусферической формы, с ушком (не сохранилось). Диаметр 1,4 см, высота 0,6 см. Перстень серебряный (рис. 27, 4). С овальным удлиненным щитком и округлой шинкой. На щитке нанесена надпись (?), напоминающая арабскую вязь. Диаметр 1,3 см, толщина шинки 0,2 см. Фрагменты железного предмета, расчищенного возле ноги (рис. 27, 5–6). Длинной от 2 до 4 см, шириной около 2 см, толщиной от 1,3 до 1,6 см. На всех фрагментах фиксируются следы ткани. Фрагмент железного предмета, найденный рядом с черепом (рис. 27, 7). Удлиненной формы, размерами 13×3,5×2,2 см. С одной стороны фиксируются следы ткани.

*Курганная группа
Калыбай-2 (Халвай-2)*

Курганная группа находится на западном берегу Тобольского рукава Каратомарского водохранилища [Логвин В. Н., Логвин А. В., Подзюбан, 1994], в 150 м от берега, на расстоянии 45 м к западу от дороги из пос. Ленинское* [*Поселок упразднен в 2017 г.] к пос. Халвай* [*Поскольку в данной публикации материалы из средневекового комплекса впервые вводятся в научный оборот в полном объеме, то для обозначения памятника принято решение использовать наименование Калыбай. «Халвай» – это сильно искаженное название – прим. ред.]. Раскопаны два кургана, они характеризуются схожестью наземной конструкции. Один из них содержал безинвентарное погребение мужчины и женщины, во втором, ограбленном, содержались предметы, не позволяющие уверенно определить хронологию этих сооружений. Предположительно, мы относим данные курганы к эпохе позднего средневековья.

Курган 1 земляной, с западной стороны фиксируются остатки рва (рис. 28). Насыпь сильно распахана, диаметром 10 м, высотой 0,6 м. В центре насыпи фиксируется провал размерами 2×1 м, глубиной 0,1 м. Стратиграфия насыпи следующая: 1 – дерн; 2 – супесь светло-серого цвета; 3 – темно-серая супесь; 4 – серый суглинок; 5 – серовато-коричневый суглинок; 6 – светло-коричневый суглинок с известняковыми включениями; 7 – суглинок желтовато-серый (рис. 29)* [*Нумерация совпадает с таковой на чертеже].

Пятно овальной формы размерами 1,5×2 м расчищено на уровне 0,6 м. Ориентировано по линии З–В и окаймлено суглинком серовато-коричневого цвета, образующего подквадратную форму. Размеры этой фигуры 2,5×2,5 м. По окружности прослеживается кольцо радиусом 3,5 м и шириной 0,3–0,4 м (рис. 28). Ров шириной 1,5–2,5 м, глубиной от 0,3 до 0,6 м прерывается в трех местах. На глубине 1,2 м размеры ямы меняются, она достигает длины 2,1 м, ширины 0,7 м. Погребение подверглось ограблению, вероятно, кости человека были извлечены на поверхность,

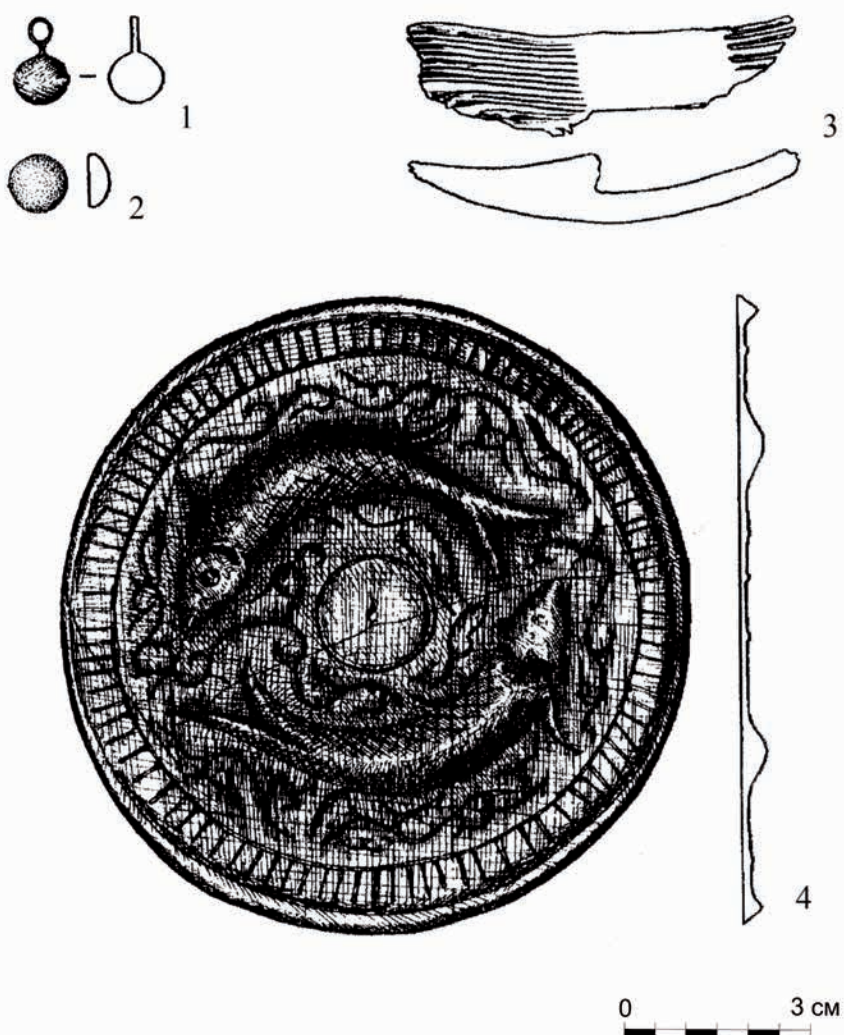

Рис. 20. Погребение Надеждинка-3. Находки. 1 – пуговица; 2 – изделие из стекла; 3 – гребень; 4 – зеркало
(по: [Логвин В. Н., Лохматов, 1990])

а потом сброшены в яму. В пользу этого предположения свидетельствует очень сильное перемещение костей с места их первоначального размещения. Небольшие скопления костей начали фиксироваться с глубины 1,75 м (рис. 30). Под черепом, находящимся в западной части ямы, были найдены восемь жемчужин. Рядом с ним две жемчужины и фрагмент изделия из железа. На расстоянии 0,25–0,3 м к востоку от черепа зафиксированы остатки дерева и фрагменты железного предмета. Еще жемчужины и фрагменты железного предмета/предметов были найдены при расчистке других скоплений костей. На дне ямы находилось покрытие из дерева (рис. 31).

По данным О. И. Исмагулова, здесь была похоронена женщина 45–50 лет, по определению А. И. Нечвалоды – женщина 18–20 лет. Антропологический тип, как определил О. И. Исмагулов, тураноидный (южносибирский).

В целом, инвентарь состоял из 30 жемчужин (рис. 32, 1), двух гвоздиков (рис. 33, 1–2), обнаруженных в заполнении ямы, фрагментов железных изделий (рис. 32, 2–5; 33, 4) и фрагмента бересты (рис. 33, 5). Уверенно можно говорить, что часть из них принадлежала чашечке с ручкой (рис. 32, 2–3, 5). На двух фрагментах отмечены следы ткани, в одном случае, с одной стороны, в другом – с двух. На одном из фрагментов имеются следы позолоты (?).

Курган 2 земляной, диаметр 7 м, высота 0,5 м [Логвин В. Н., Логвин А. В., Подзюбан, 1994]. Сильно распахан. Выявлена следующая стратиграфия: 1 – дерн; 2 – наименование слоя по тексту отчета определить не удалось; 3 – серовато-коричневый суглинок; 4 – темно-серый суглинок; 5 – суглинок желтовато-серый; 6 – темно-серая супесь; 7 – светло-коричневый суглинок с известняковыми включениями (рис. 35)* [*Нумерация слоев совпадает с таковой на чертеже].

После снятия насыпи выявлено пятно могильной ямы размером 3×1,5 м, ориентированное по линии З–В и вписанное в пятно темно-серого цвета размером 4,5×3,5 м, толщиной до 0,2 м (рис. 34). По окружности радиусом 5 м фиксировались остатки рва в виде отдельных пятен. Ширина рва от 1,6 до 2,5 м, глубина от 0,2 до 0,3 м.

В центре могильного пятна находились три черепа лошади и кости МРС (рис. 36). Примерно в 1,3 м к западу от центра поперек ямы находились остатки березовой жерди округлой в сечении диаметром 7 см, длиной около 80 см. В средней части жердь сильно обгорела (здесь она представляет собой скопление углей). Рядом с этим участком фиксировались мелкие комочки прокаленной земли. Жердь находилась под наклоном. В 0,2 м к западу от скопления углей на глубине 0,85 м находился овальный камень размерами 7×5 см.

Фиксируется мощное поперечное перекрытие из бревен и жердей. Они располагались под наклоном ко дну ямы. Верхние их окончания расчищены на уровне 0,55–0,7 м, нижние прерываются в более широком диапазоне – 0,8–1,3 м. У южной стенки имелись бревна, расположенные вплотную к ней в вертикальном положении.

В юго-западном углу на глубине 0,85–0,9 м расчищена округлая выкладка диаметром 0,6 м из семи камней (кварцит, кварцитопесчаник). По центру выкладки стояла палка длиной 0,5 м, диаметром 5 см. Она ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Под камнями на уровне 1,3 м, в 0,3 м от западной стенки параллельно ей лежала жердь с остатками коры длиной 1,2 м и диаметром 7–10 см.

На дне ямы на глубине 1,4–1,45 м расчищено парное погребение (рис. 37). Погребенные находились на спине в вытянутом положении, головами на запад, лицами повернуты на север. У южного скелета кости кисти левой руки находятся в области таза. В районе таза обнаружены фрагменты костей эмбриона. У погребенного на северной половине кисти рук лежали ниже живота. У этого человека фиксируются сросшиеся бедренная и берцовая кости левой ноги, в результате чего, нижняя часть ноги была вывернута практически под прямым углом.

Северный костяк – мужчина 40–45 лет (определение О. И. Исмагулова), мужчина 40–50 лет (определение А. И. Нечвалоды). По мнению О. И. Исмагулова, для позднего средневековья такой

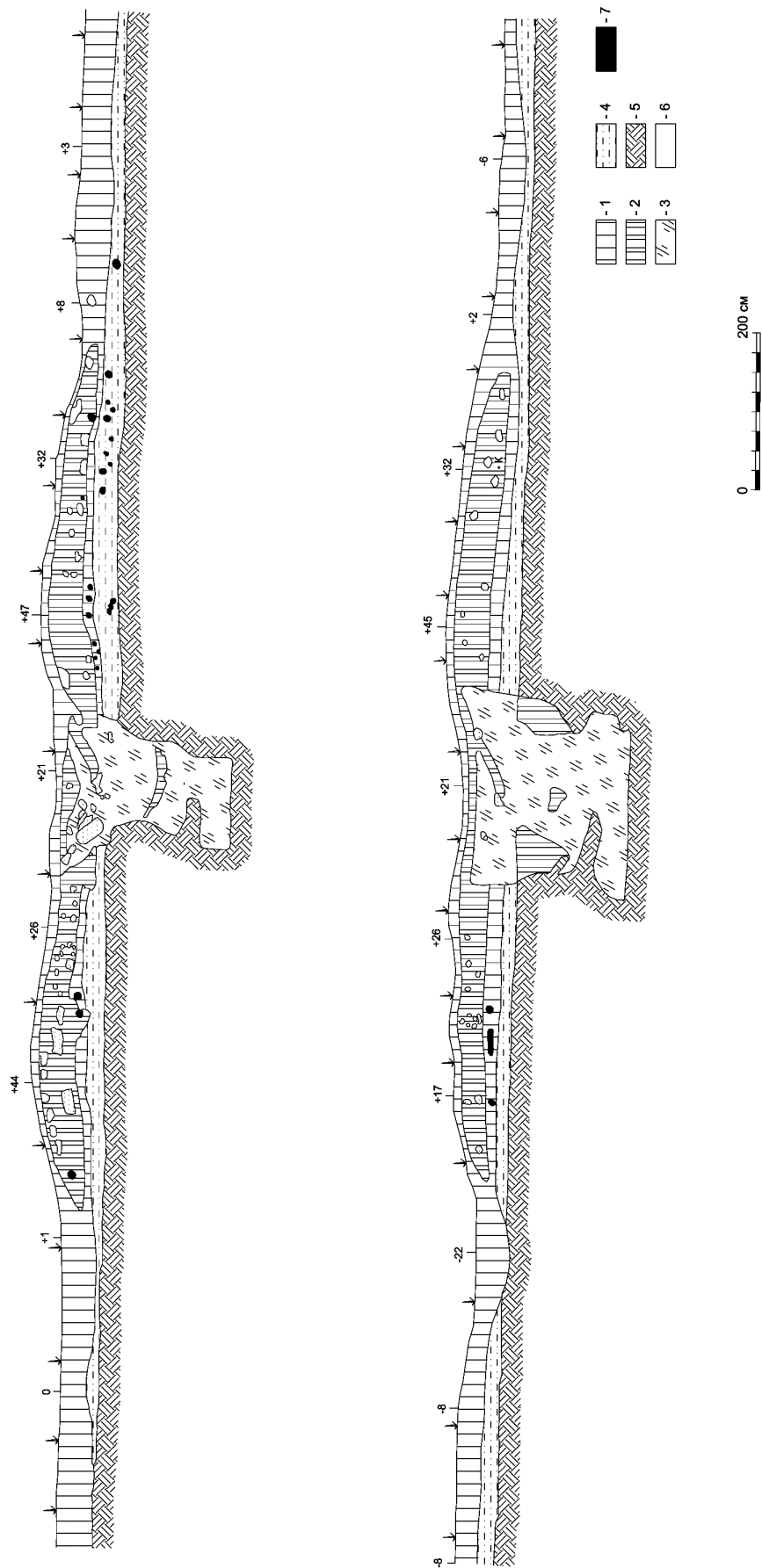

Рис. 21. Курганная группа Кенъиш-3, курган 2. Разрез. Условные обозначения: 1 – сусесь темно-серого цвета; 2 – сусесь светло-серого цвета; 3 – сусесь серого цвета; 4 – суглинок серовато-коричневого цвета; 5 – глина рыжего цвета; 6 – блоки сусеси пепельного цвета; 7 – норы
(по: [Подзюбан, Логвин В. Н., Базарбаева, 1995])

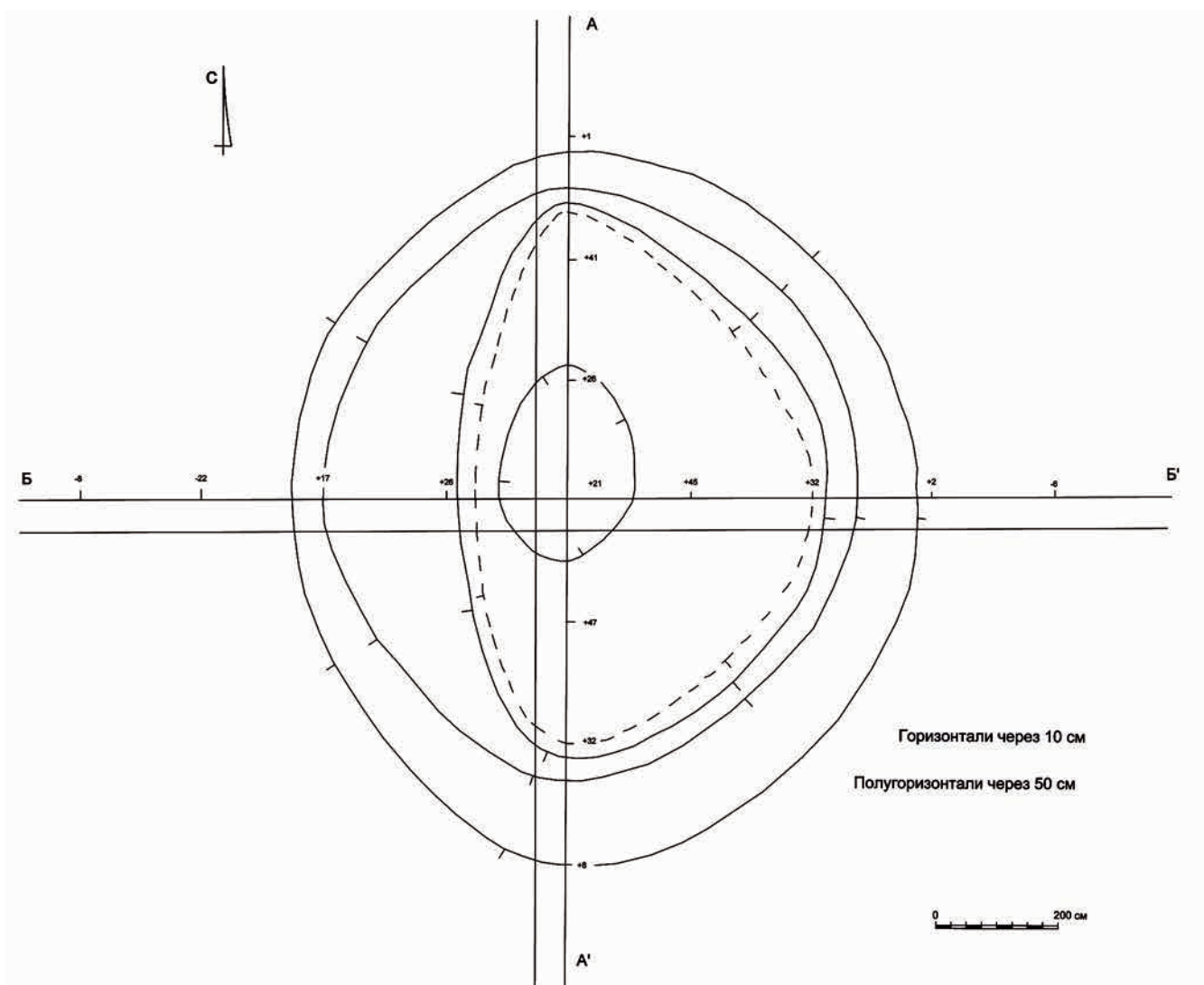

Рис. 22. Курганная группа Кеньши-3, курган 2. План (по: [Подзюбан, Логвин В. Н., Базарбаева, 1995])

череп нехарактерен. Череп сохранил древнейшие черты, возможно, сакского времени. Южный костяк принадлежал женщине 45–50 лет (определение О. И. Исмагулова). Антропологический тип, как считает О. И. Исмагулов, уралоидный (мезокранный). Эмбриону 3–4 месяца (определение О. И. Исмагулова). Вкратце характеризуя патологию сросшейся ноги, О. И. Исмагулов отметил, что при жизни человек испытывал острую боль.

Обсуждение материалов. Этнополитическая история региона, являющегося неотъемлемой частью Великой степи, воссоздается на данный момент с привлечением самых широких аналогий. Следует признать, что это вынужденная мера, но в связи с отсутствием более представительной информации об эпохе средневековья в сложившихся условиях единственно верная. В рамках данного раздела приводятся сведения о семи погребениях, двух жертвенно-поминальных комплексах (ЖПК), в их состав входили каменные изваяния, и одном каменном изваянии, зафиксированном отдельно.

Основанием для датировки рассматриваемых объектов послужили особенности погребального обряда, некоторые из обнаруженных вещей, в случае если речь идет о жертвенно-

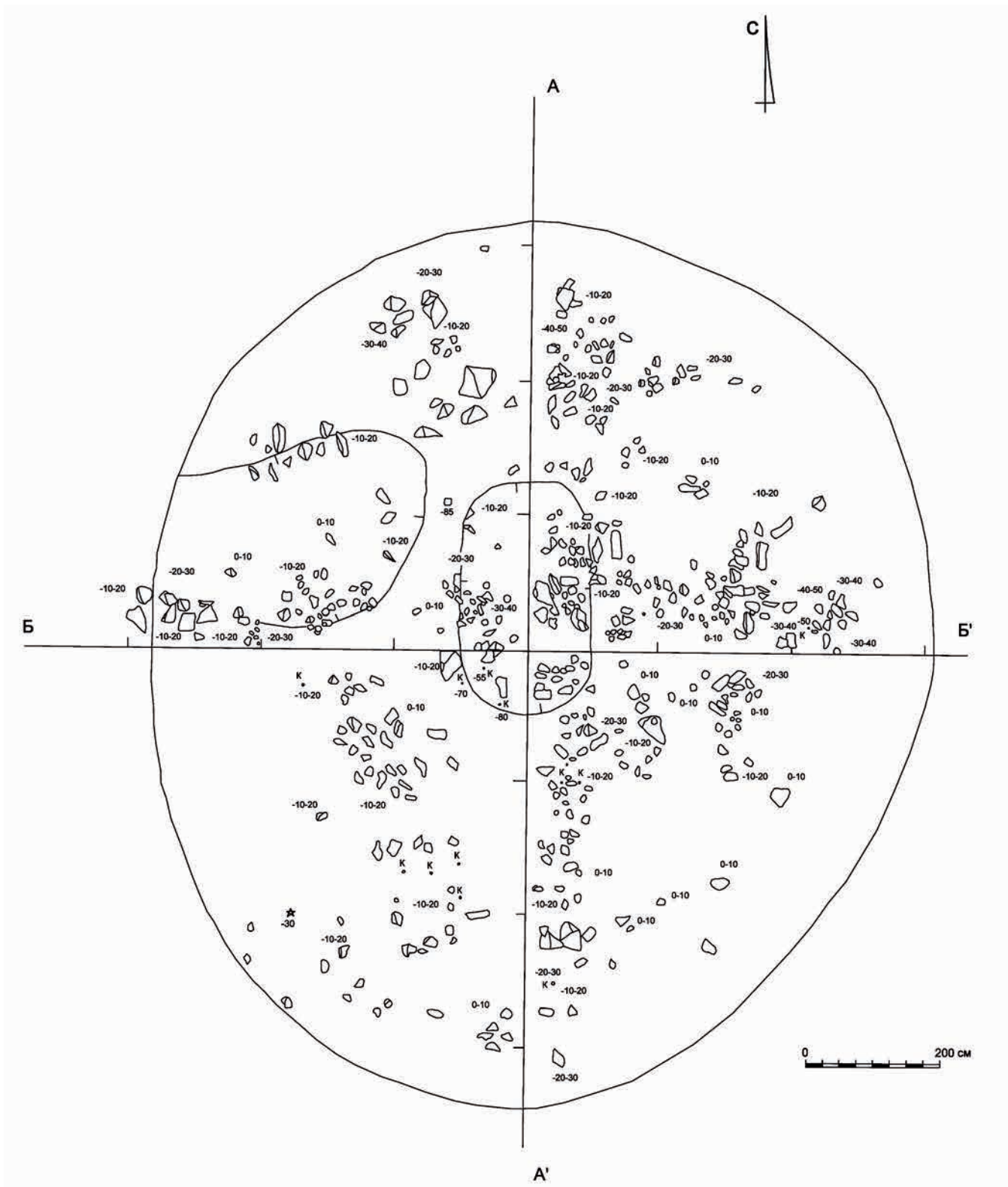

Рис. 23. Курганная группа Кенъш-3, курган 2. Могильное пятно
(по: [Подзюбан, Логвин В. Н., Базарбаева, 1995])

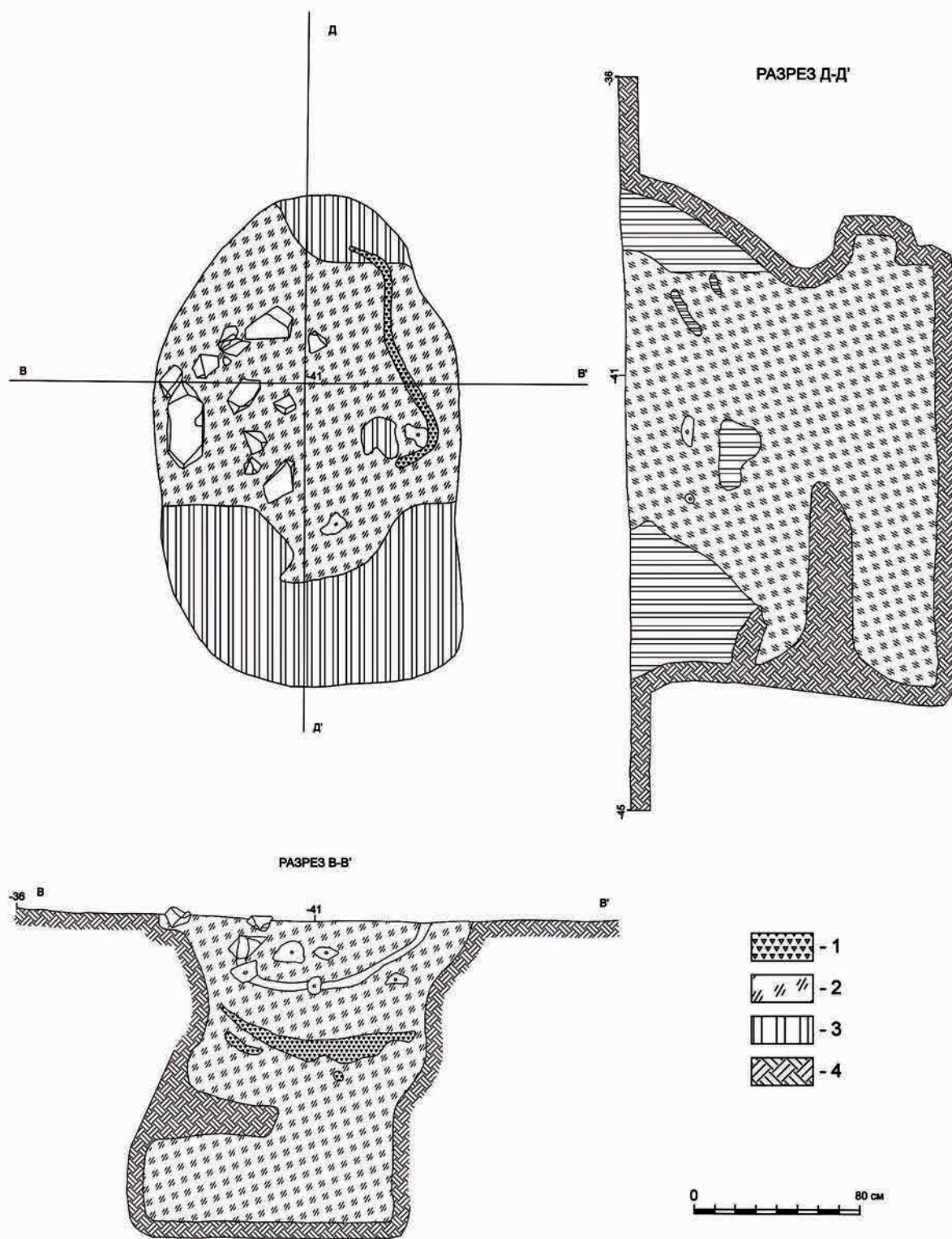

Рис. 24. Курганная группа Кенеш-3, курган 2. Заполнение и профили м.я.
(по: [Подзюбан, Логвин В. Н., Базарбаева, 1995])

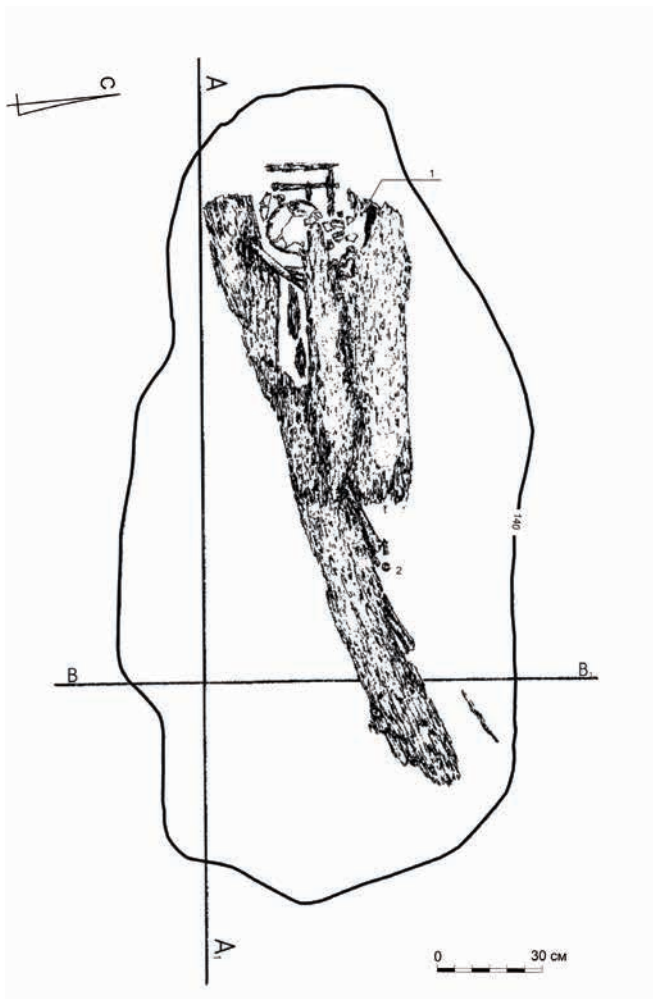

Рис. 25. Курганная группа Кенъши-3, курган 2. Погребение на уровне 140 см (по: [Подзюбан, Логвин В. Н., Базарбаева, 1995])

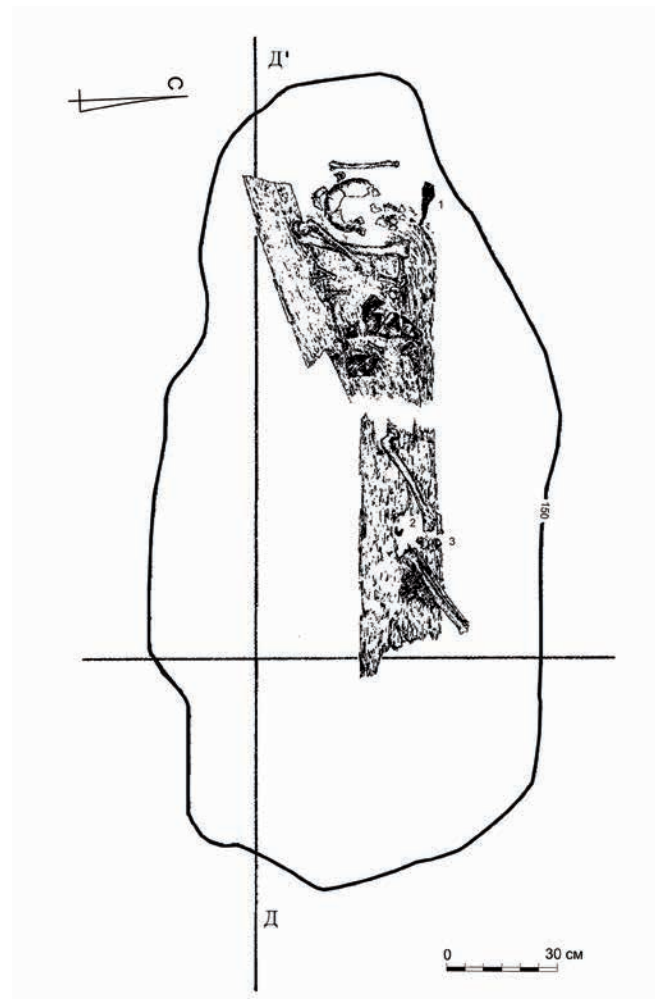

Рис. 26. Курганная группа Кенъши-3, курган 2. Погребение на уровне 150 см (по: [Подзюбан, Логвин В. Н., Базарбаева, 1995])

погребальных комплексах, то здесь учитывались их архитектурные особенности и/или иконография изваяний. К эпохе тюркского времени могут быть отнесены курган могильника Ащитасты-27, ЖПК Ащитасты-19, а также изваяние у пос. Чайковский (у С. Г. Боталова данное изваяние датируется XI в.) [Боталов, 1996, с. 243]. К периоду XI–XII вв. может быть отнесено погребение из Каинды-3. В обоих случаях в погребениях, мы видим такую интересную деталь обряда, как сопровождение умершего шкурой коня и если в первом случае, оно является исключением на фоне сложившейся в то время погребальной обрядности тюркских племен, то во втором демонстрирует существование устойчивой традиции.

Погребальный обряд, зафиксированный в кургане могильника Ащитасты-27, характеризуется СЗ ориентировкой и размещением шкуры коня на ступеньке на уровне выше тела умершего. В Каинды-3 шкура лошади находилась на перекрытии, над телом человека, животное ориентировано в одном с ним направлении – головой на запад.

На данном уровне исследования можно выделить два хронологических этапа в распространении этого способа обращения с телом жертвенного животного. Наиболее ранние для эпохи средневековья погребения со шкурой коня фиксируются на крайнем западе расселения тюркских племен. Здесь они характерны для болгарского, хазарского, аварского погребального обряда. Булгары (в источниках сохранились их следующие племенные обозначения – огуры, сарагуры,

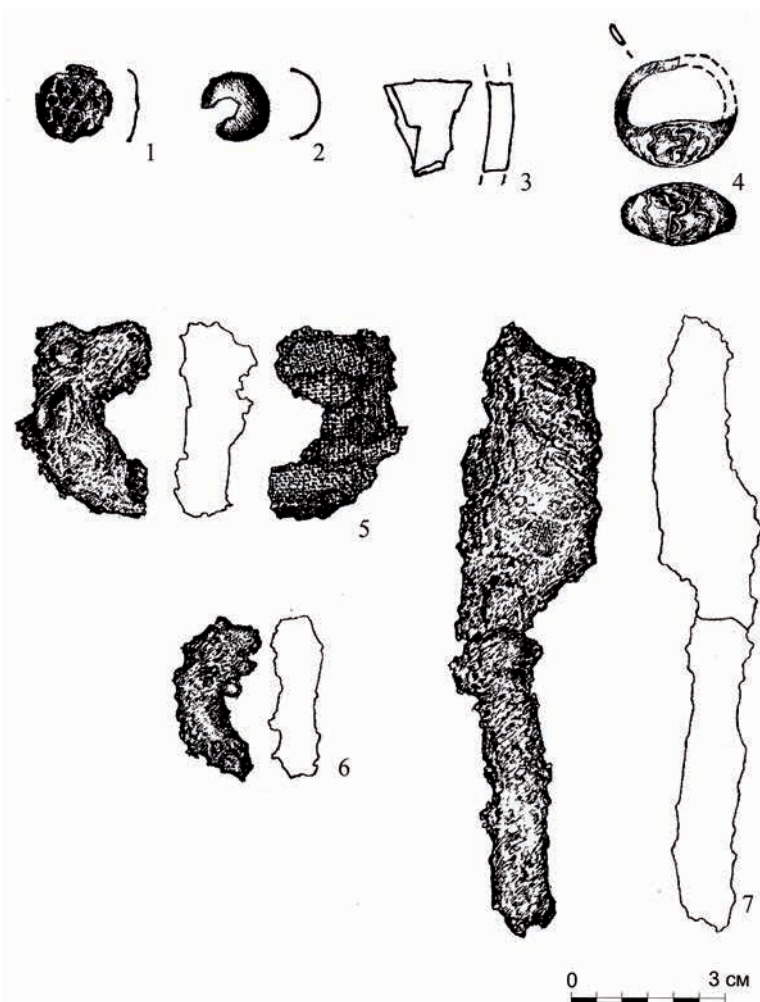

Рис. 27. Курганная группа Кеньши-3, курган 2. Находки. 1 – бляшка; 2 – пуговица; 3 – фрагмент глазурированной керамики; 4 – перстень; 5–7 – фрагменты железных предметов (по: [Подзюбан, Логвин В. Н., Базарбаева, 1995])

рии Сарыарки, Алтая, Монголии, Тывы, Минусинской котловины [Арсланова, 1968, с. 99–100; Черников, 1953; Смаилов, 1997, с. 43–44; Хабдулина, 2017б, с. 164, рис. 1, 2; Могильников, 2002, с. 69–70, рис. 22; 24, 2; Нестеров, 1990, с. 63–64]. По мнению Ф. Х. Арслановой, погребения со шкурой коня в Северо-Восточной Сарыарке датируются, начиная с VII в. (Трофимовский могильник II, к. 6, могила 2; Покровский могильник, к. 5) [Арсланова, 1968, с. 99]. Здесь в качестве этнических подразделений, практикующих подобный обряд, исследователи, в зависимости от территории, называют тюркские племена, входящие в кимакско-кипчакское объединение [Арсланова, 1968, с. 111], уйгуров [Худяков, Нестеров, 1984, с. 140] и огузов [Могильников, 2002, с. 71]. Следует отметить, что на этой территории погребения со шкурой коня зачастую имели яркий и богатый сопроводительный инвентарь.

По мнению С. Г. Боталова, появление в VIII в. сначала на территории восточной части Казахстана погребений с широтной (восточной или западной) ориентировкой умерших, размещение их в сопровождении коня или его шкуры (Шиликты, Егиз-Койтас, Бобровский могильник, Нуринское, Жарлы) следует связывать с формированием тюрко-телеского историко-культурного комплекса. Его истоки он видит на Алтае, где в первых веках нашей эры выделяются раннекатандинские памятники, для которых характерны погребения с конем или шкурой, располо-

оногуры) появляются здесь в середине V в. [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 62–63]. На территории Северного Причерноморья о приходе племен восточного происхождения в VII в. свидетельствует формирование перещепинской археологической культуры, носители которой определяются, как хазары [Комар, Кубышев, Орлов, 2006, с. 367–373]. К ней отнесены как богатейшие погребения кочевой знати (Перещепина, Глодосы, Вознесенка, Келегеи и др.), так и погребения рядового населения (памятники сивашовского типа), значительная часть которых содержит шкуры лошадей [Комар, Кубышев, Орлов, 2006, с. 367–369]. По мнению А. В. Комара, хазары имели телеское происхождение и были переселены тюркютами на Северо-Восточное Причерноморье в целях ведения военных кампаний в регионе, чрезвычайно важной в этот период для тюркских каганов [Комар, 2006, с. 142–143, 237].

Для следующего этапа характерно расширение территории распространения обряда сопроводительного погребения шкуры коня. Начиная с VIII в. такие погребения единично встречаются на террито-

женных на ступеньках [Боталов, 2009, с. 458–459]. Стоит отметить, что существует и другой вариант определения погребального обряда теле. По мнению С. В. Киселева, А. А. Гавриловой, Ю. И. Трифонова, Д. Г. Савинова, характер распространения погребений с конем может быть связан с судьбами политических объединений, созданных теле в большей степени, нежели созданных тюрками [подробнее об этом: Трифонов, 1973, с. 374; Кляшторный, Савинов, 2005, с. 218]. Но необходимо обратить внимание, что данный вариант обращения с тушей лошади получил распространение именно среди потомков теле – огузов, кыпчаков и уйгуров. Показательно также, что племена, появившиеся в начале раннего средневековья далеко на западе (булгары, хазары), по данным письменных источников являются выходцами из телеских племен [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 60–68]. В свою очередь, анализ исследователями погребального обряда раннесредневекового населения Алтая и Тянь-Шаня, убедительно показал, что погребения с конем – главная отличительная черта погребального обряда именно древних тюрков [Кубарев Г. В., 2005, с. 17–18; Худяков, Табалдиев, 2009, с. 51, 54].

Широко представлена эта особенность погребального обряда у огузских племен Западного Казахстана в VIII–XI вв. [Бисембаев, 2003, с. 101]. Подобный элемент погребального обряда маркирует продвижение тюркоязычных племен на территорию Западной Сибири, здесь он представлен в погребениях второй половины VIII–начала IX в. [Бараба в тюркское время, 1988, с. 86].

Следует отметить, что погребение кургана Ащитасты-27 демонстрирует ранний этап формирования этой традиции, которая впоследствии получила такое широкое распространение у огузов и кыпчаков. По инвентарю оно вполне может быть определено как тюркское (без этнической привязки), а по обряду определяется как телеское/огузское. Эта же особенность погребального обряда позволяет датировать погребение Каинды-3 кыпчакским временем. Исследователи связывают формирование в погребальном обряде традиции сопровождения человека шкурой коня на Урале, в Поволжье и прилегающих территориях продвижением кыпчаков и огузов в этих направлениях.

Основанием для более четкой датировки погребения могильника Ащитасты-27 является обнаружение серьги так называемого салтовского типа. Серьги с подвесками появляются в Пенджикенте, по наблюдению В. И. Распоповой, не позже середины VIII в. и встречаются вплоть до конца существования города [Распопова, 1980, с. 113]. Аналогичные изделия обнаружены в тюркских погребениях Алтая [Кубарев Г. В., 2005, рис. 16, 1–3]. По схожему принципу оформлены серьги, обнаруженные в поминально-погребальном комплексе Бильге-кагана: имеется раструб, в верхней части к серьге прикреплен стерженек, подвеска состоит из двух составляющих, разделенных колечками из мелких шариков зерни [Баяр, 2004, рис. 15]. Но, как и в случае с алтайскими образцами, вместо верхней округлой бусины использована граненая цилиндрическая. Сам комплекс Бильге-кагана был возведен в 735 г., а клад, по мнению Д. Баяра был зарыт после падения Восточно-Тюркского каганата в 745 г. [Баяр, 2004, с. 83]. В классификации серег, разработанной Б. Б. Овчинниковой на основе материалов из тюркских погребений Саяно-Алтая, подобные серьги относятся к типу 3а и датируются второй половиной VIII–IX вв. [Овчинникова, 1990, с. 46].

Утвердилось мнение о появлении подобных серег, начиная со второй половины VIII в., но, судя по находке серьги в комплексе Бильге-кагана, который никак не может датироваться предлагаемым временем, назрела необходимость в пересмотре датировки. В составклада входила диадема, она могла принадлежать только кагану, т. е. появление такого головного убора уже с 40-х гг. VIII в., в связи с утратой тюрками государственности труднообъяснимо. Также необходимо учесть, что вышеперечисленные особенности оформления серег, позволившие выделить их в отдельный тип (салтовский), оформляются на территории Северного Причерноморья в период, начиная с середины – второй половины VII в. [Сташенков, 1998, с. 221].

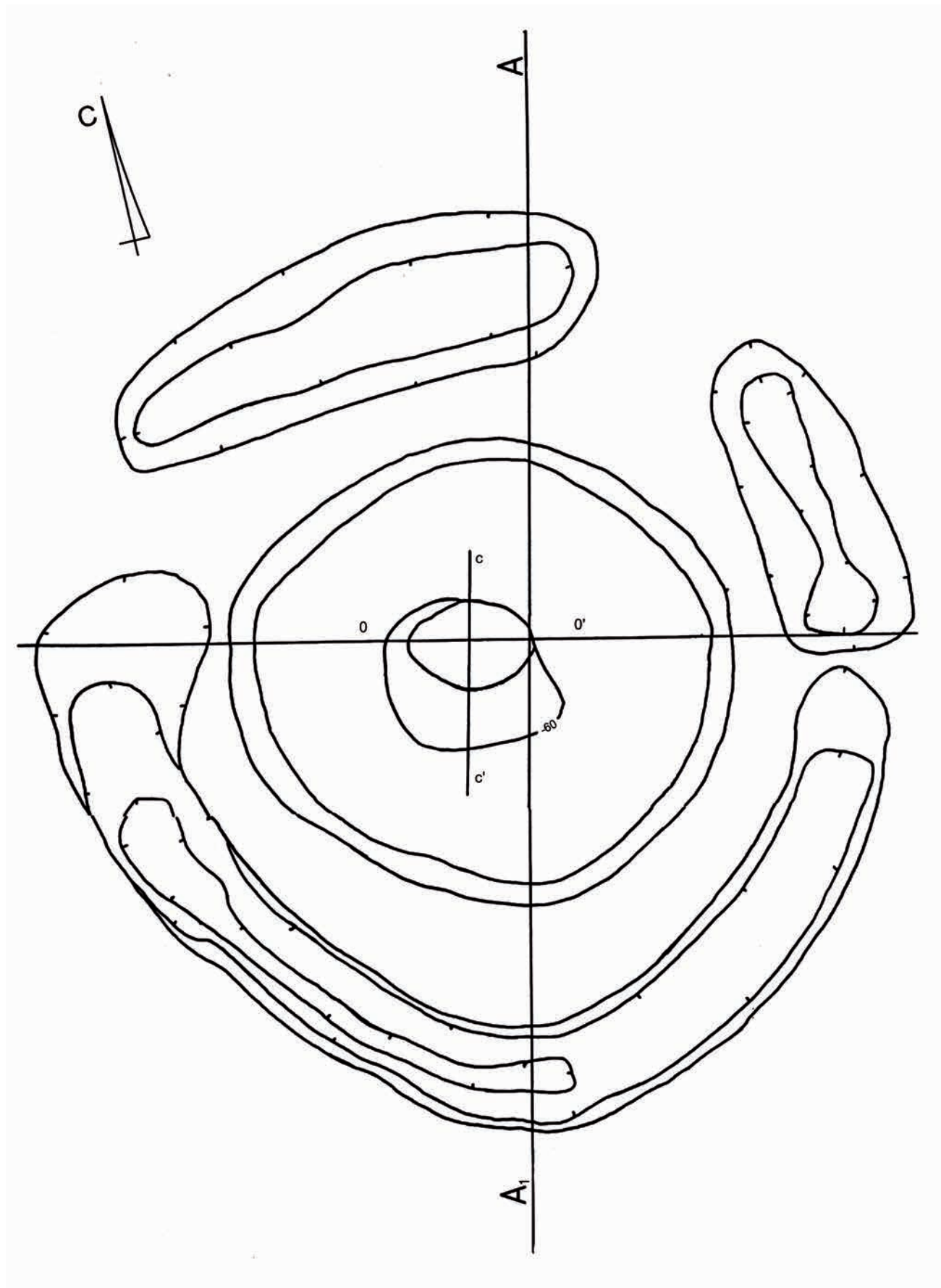

Рис. 28. Курганная группа Калыбай-2, курган 1. План и разрезы
 (по: [Логвин В. Н., Логвин А. В., Подзюбан, 1994])

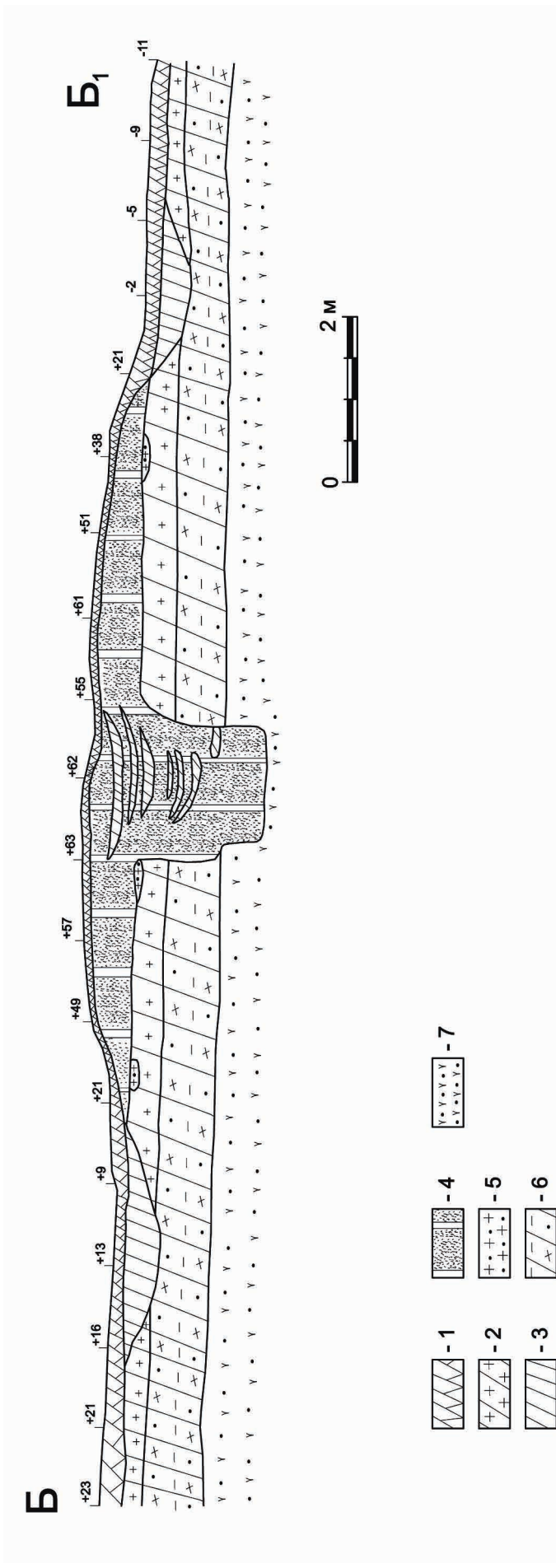

Рис. 29. Курганная группа Калыбай-2, курган 1. Разрезы кургана (по: [Логвин В. Н., Логвин А. В., Подзюбан, 1994])

Интересным основанием для датировки также может служить орнамент на поверхности золотых бляшек из этого погребения. Практически идентичное воспроизведение мотива «растрепанная» пальметта встречено на золотой облицовке деревянной кружки из комплекса Перещепина, который формировался в период между 665 и 704 гг. [Комар, 2006, с. 238, рис. 26, 3]. Автор публикации относит данный предмет в составе комплекса к группе с «тюрко-согдийским» стилем [Комар, 2006, с. 65].

Округлые височные кольца имеют в подавляющем большинстве более позднюю датировку. У огузов в основном встречаются именно такие [Бисембаев, 2010, с. 86]. По наблюдению Б. Б. Овчинниковой, округлые серьги чаще, чем в другое время встречаются в тюркских погребениях Саяно-Алтая в период IX–X вв. [Овчинникова, 1990, с. 51]. Из числа ближайших аналогий височным кольцам из Каинды-3 необходимо отметить аналогичные серебряные украшения из кургана 5 могильника Кайнсай, который также содержал погребение со шкурой коня [Боталов, 2000, рис. 49, 8–9]. Они отличаются только наличием лазуритовых округлых подвесок во втором случае.

Интерес представляет обнаружение в этих погребениях, датированных периодом VIII–XII вв. серег совершенно различного дизайна: в более раннем, кургане могильника Ащитасты-27 мы видим серьгу так называемого салтовского типа, во втором (Каинды-3) – височное кольцо округлой формы. Такие украшения (серьги или височные кольца округлой формы) не получили специального наименования из-за широкого географического и хронологического распространения, связанного с простотой формы. Тем не менее, на смену выразительным серьгам с подвеской, которые стали своеобразным символом грандиозных преобразований в эпоху тюркских каганатов, приходит именно такая форма.

Материалы из кимакских погребений Верхнего Прииртышья IX–XI вв. дают возможность проследить, какими нюансами сопровождалась смена формы серег и приоритетов в их наделении. Для кимаков характерна в большей мере округлая форма серег, нежели форма с подвеской. Необходимо обратить внимание, что округлые золотые серьги встречаются в погребениях с богатым сопроводительным инвентарем. В то же время, их бронзовые и серебряные аналоги являются частой находкой в погребениях людей с гораздо более скромным социальным статусом.

Изваяние у пос. Чайковский было опубликовано С. Г. Боталовым в статье «Каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы Урало-Ишимского междуречья» [Боталов, 1996, рис. 13, 1]. Оно имеет двойную хронологию, поэтому было принято решение заново описать и зарисовать его с четырех сторон (рис. 15). По сообщению Л. Н. Ермоленко* [*Приношу свою благодарность за информацию], на изваянии эпохи раннего железного века были внесены некоторые изменения в последующее, тюркское время. Правда, в одной из статей, Л. Н. Ермоленко в соавторстве с Ж. К. Курманкуловым и А. Д. Касеновой, определяет его более раннюю датировку как вероятную, но, также акцентирует внимание на наличии кос, являющихся важнейшим признаком западнотюркской скульптуры [Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2016, с. 134].

Важным отличием двух разных традиций в монументальной скульптуре степной Евразии является различное размещение рук у изображаемых персонажей. Для эпохи раннего железного века характерно размещение левой руки выше правой. Это обстоятельство могло бы и не учитываться, так как единого канона в данный период не сложилось, но мы знаем на редкость устойчивую традицию, как во времени, так и в пространстве, в иконографии в последующее время: практически все изваяния эпохи средневековья, где одна рука располагается выше другой, демонстрируют в своем облике такие особенности проработки позы. Правая рука размещена на уровне груди или живота и в ней зачастую персонаж держит чашу, сосуд. Левая опущена вниз, а кисть лежит на каком-либо клинковом оружии. К реалиям раннего железного века относятся такие особенности его облика: чрезмерно большие глаза и характерная проработка ладони левой

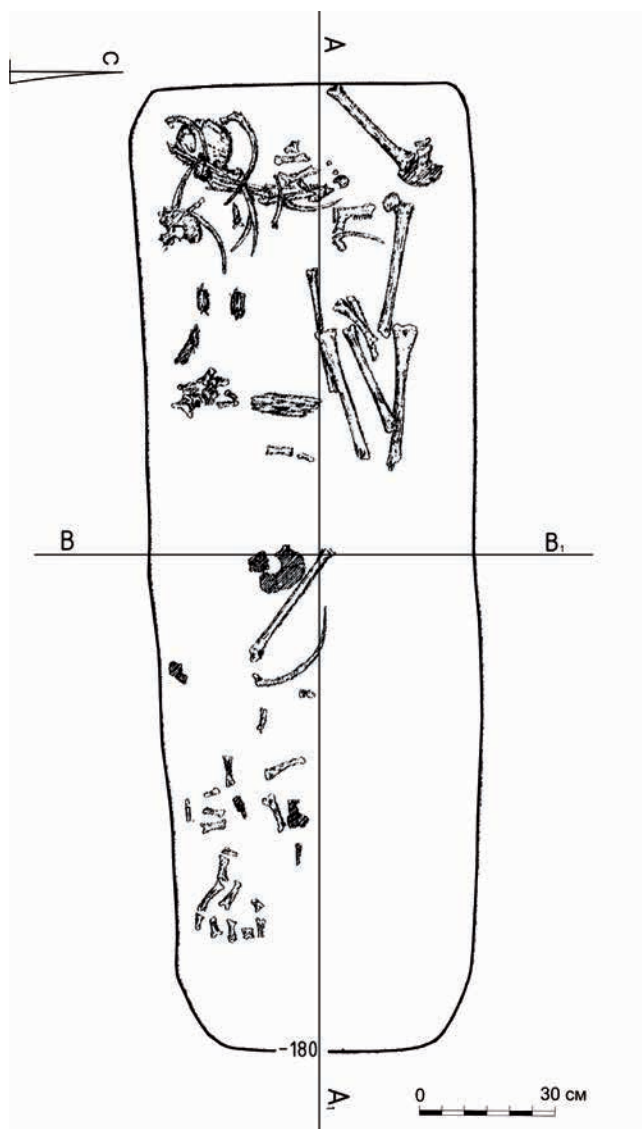

Рис. 30. Курганная группа Калыбай-2, к. 1.
Погребение на уровне 180 см
по: [Логвин В. Н., Логвин А. В., Подзюбан, 1994]

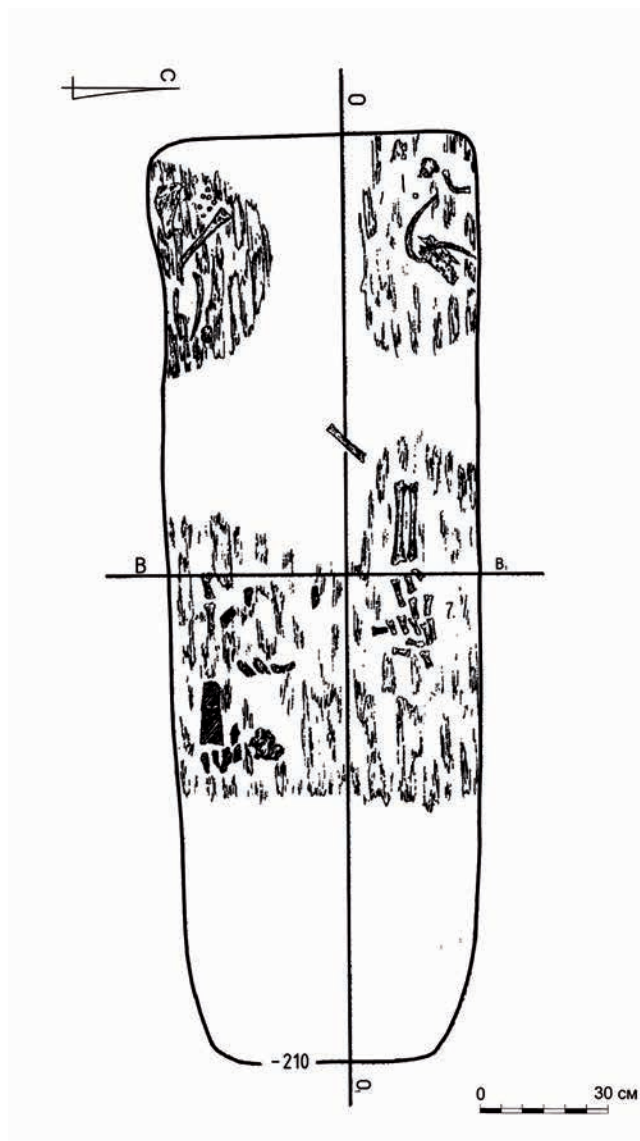

Рис. 31. Курганная группа Калыбай-2, к. 1.
Погребение на уровне 210 см
(по: [Логвин В. Н., Логвин А. В., Подзюбан, 1994])

руки. На данном уровне исследования, к вмешательствам тюркского времени следует отнести изображение кос на спине.

Особенности иконографии изваяния из ЖПК Ащитасты-19 позволяют отнести его к группе изваяний древнетюркского времени. Об этом свидетельствует манера изображения длинных усов с закрученными вверх кончиками в сочетании с клиновидной бородкой [Ермоленко, 2004, с. 19]. Такие изваяния, по мнению Л. Н. Ермоленко, датируются VI/VII – VIII/IX вв. [Ермоленко, 2004, с. 47].

Помимо иконографии изваяний, основанием для датировки также являются архитектурные особенности культово-поминальных сооружений. ЖПК Ащитасты-19 относится к выделенным В. Д. Кубаревым оградям яконурского типа [Кубарев В. Д., 1979, с. 148]. Согласно классификации, предложенной Е. В. Шелеповой по материалам с территории Алтая, ставшей основанием и для определения датировки, ограды, характеризуемые как смежные (ограды имеют общую боковую стенку), датируются второй половиной V – первой половиной VI в. [Шелепова, 2011, с. 219]. Из Сарыарки известно несколько подобных сооружений, три из них были иссле-

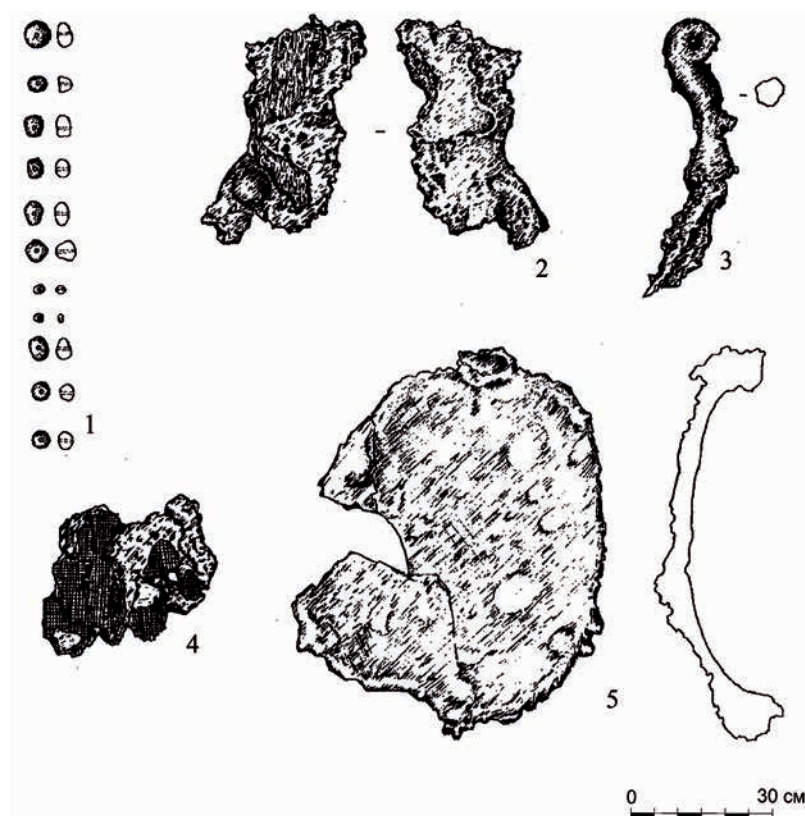

Рис. 32. Курганная группа Калыбай-2, курган 1. Находки.
1 – жемчужины; 2–5 – фрагменты железных изделий
(по: [Логвин В. Н., Логвин А. В., Подзюбан, 1994])

– округлую голову, узкие покатые плечи, слабо намеченные черты лица. Сложилась интересная ситуация по поводу хронологической атрибуции этих изваяний. С. Г. Боталов датирует их тюркским временем, а А. Д. Таиров и С. Г. Гуцалов – ранним железным веком [Боталов, 1996, с. 230–231; Таиров, Гуцалов, 1999, с. 142]. Впоследствии в главе по средневековью в коллективной монографии «Древняя история Южного Зауралья» С. Г. Боталов в тексте их не размещает, но они изображены в общей таблице, где расположены по хронологии [Боталов, 2000], а в монографии В. С. Ольховского, сомневающегося в их принадлежности к раннему железному веку, тем не менее, они также оказываются в сопровождающем иллюстративном материале [Ольховский, 2005, с. 134, ил. 132, 2, 4, 6–7]. На данном уровне исследования, пока стоит воздержаться от четких хронологических определений, но специфическая их иконография позволяет предположить принадлежность к эпохе ранних кочевников.

Эпоха Золотой Орды представлена тремя погребениями (Надеждинка-3, Аксуат, Кеньш-3, к. 2). Изваяния, ЖПК для данного времени не характерны. Дважды фиксируется ориентировка на запад, в одном случае имеется направление на север. Единоразы засвидетельствована внутримогильная конструкция из деревянных досок.

К числу ярких маркеров своей эпохи относятся такие находки, как перстень с арабской вязью, серьга в виде знака вопроса, зеркало с двумя рыбками. Каждый из этих предметов – надежный хронологический индикатор своей эпохи. На протяжении достаточно длительного времени сохраняется централизация власти в связи с образованием Монгольского государства, поэтому происходит унификация предметного мира на поистине значительной территории, в дальнейшем, в результате воздействия ислама, эти изменения затрагивают и область похоронных традиций.

дованы [Ермоленко, 2004, с. 30; Бейсенов, Кожак, 2001]. Среди получивших распространение в кыпчакское время видов культовых сооружений, выделенных Л. Н. Ермоленко, одно представляет собой округлую насыпь с восточной стороны которой находится изваяние [Ермоленко, 2004, с. 34–37]. ЖПК Аймагамбет-3, представляющий собой округлую ограду, может представлять один из вариантов в передаче идеи возведения круга. Такие объекты вкупе с изваяниями кыпчакского облика датируются серединой IX – началом XIII в. [Ермоленко, 2004, с. 47].

Особую группу представляют четыре изваяния, обнаруженные в ходе раскопочных работ могильника Наурзум, сюда же можно включить из-за сходства в иконографии изваяние, обнаруженное у пос. Шили [Боталов, 1996, рис. 14, 3]. Они имеют характерный облик

В связи с интересом к нюансам погребальной обрядности, связанной именно с гендерной принадлежностью умерших, хотелось бы остановиться подробнее на зеркале с изображением на ее поверхности плывущих по кругу рыбок. Этот сюжет является излюбленной темой в торевтике и керамике золотоордынского времени. Только на территории Казахстана известны их находки на следующих памятниках: Новая Казанка, городище Сарайшык (Западный Казахстан) [Кригер, 2012, рис. 34; Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с. 263], городище Отрар (Южный Казахстан) [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1979, с. 195, рис. 85, 4], курган 14, Ждановский могильник (Северо-Восточный Казахстан) [Арсланова, 1963, рис. 1]. Более развернутая выборка представлена Л. Ф. Недашковским. По его данным подобные зеркала были обнаружены на территории Восточной Европы, Хакасско-Минусинской котловины, Средней Вятки, Поволжья [Недашковский, 2000, с. 50]. Наиболее ранними следует считать зеркала с массивным широким бортиком, они трактуются как китайские и чжурчжэньские, впоследствии в Золотой Орде появляются и свои решения данного сюжета [Недашковский, 2000, с. 62–63, рис. 10, 2, 5]. В целом, такие изделия датируются XIII–XIV вв. [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1979, с. 195]. Л. Ф. Недашковский приводит сведения, что они встречаются с монетами первой половины XIV в. [Недашковский, 2000, с. 50].

Предположительно, к эпохе позднего средневековья можно добавить два погребения со схожими принципами оформления надмогильного сооружения и околочурганного пространства (оба объекта курганной группы Калыбай-2). Одно из них, парное, было безинвентарным. Второе подверглось ограблению, сохранившийся инвентарь представлен жемчужинами, фрагментами железного изделия (чашечки?). Фиксируется западная ориентировка умерших, аргументом в пользу датировки поздним средневековьем и даже позднее, является отсутствие инвентаря в одном из погребений и скудный его характер (хотя погребение было разрушено, что повлияло конечно на такую его оценку) в другом. В разработке хронологии и реконструкции этнокультурной ситуации в регионе эти погребения задействованы не были.

Не претендуя на окончательные выводы, в связи с небольшим количеством анализируемых памятников, возможна следующая реконструкция этнополитической ситуации в регионе. Степи Тургая были заселены во все периоды эпохи средневековья. К числу наиболее ранних памятников эпохи могут быть отнесены курган могильника Ащитасты-27 и ЖПК Ащитасты-19, изваяние у пос. Чайковский. Следует отметить, что несмотря на определение первого объекта как тюркское по времени, сделанное на основании датировок сопровождающего инвентаря, по обряду погребения никак не может быть определено как тюркское. Собственно тюркские по-

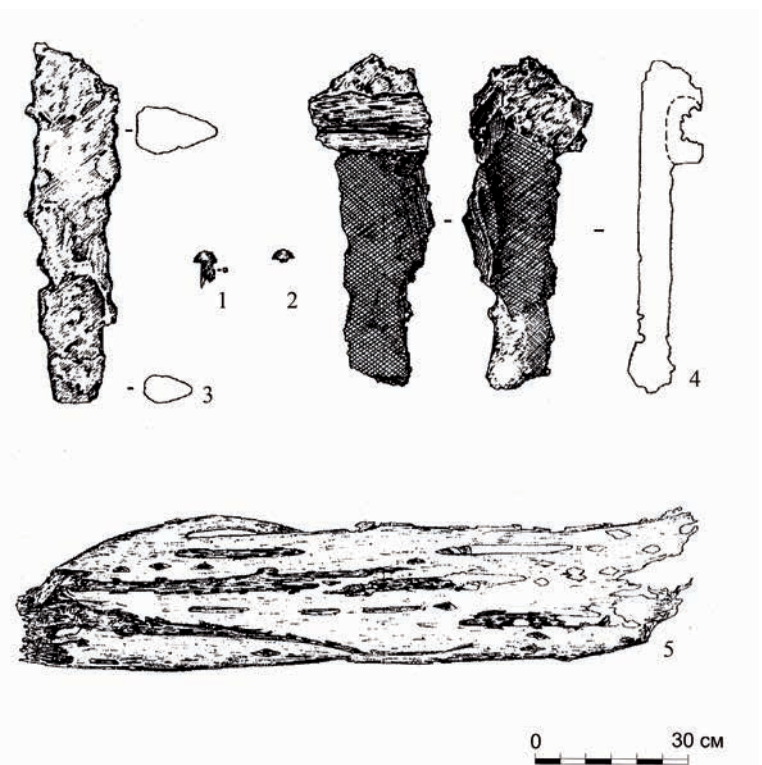

Рис. 33. Курганная группа Калыбай-2, курган 1. Находки.
1–2 – гвоздики; 3 – фрагмент железного изделия;
4 – фрагмент бересты
(по: [Логвин В. Н., Логвин А. В., Подзюбан, 1994])

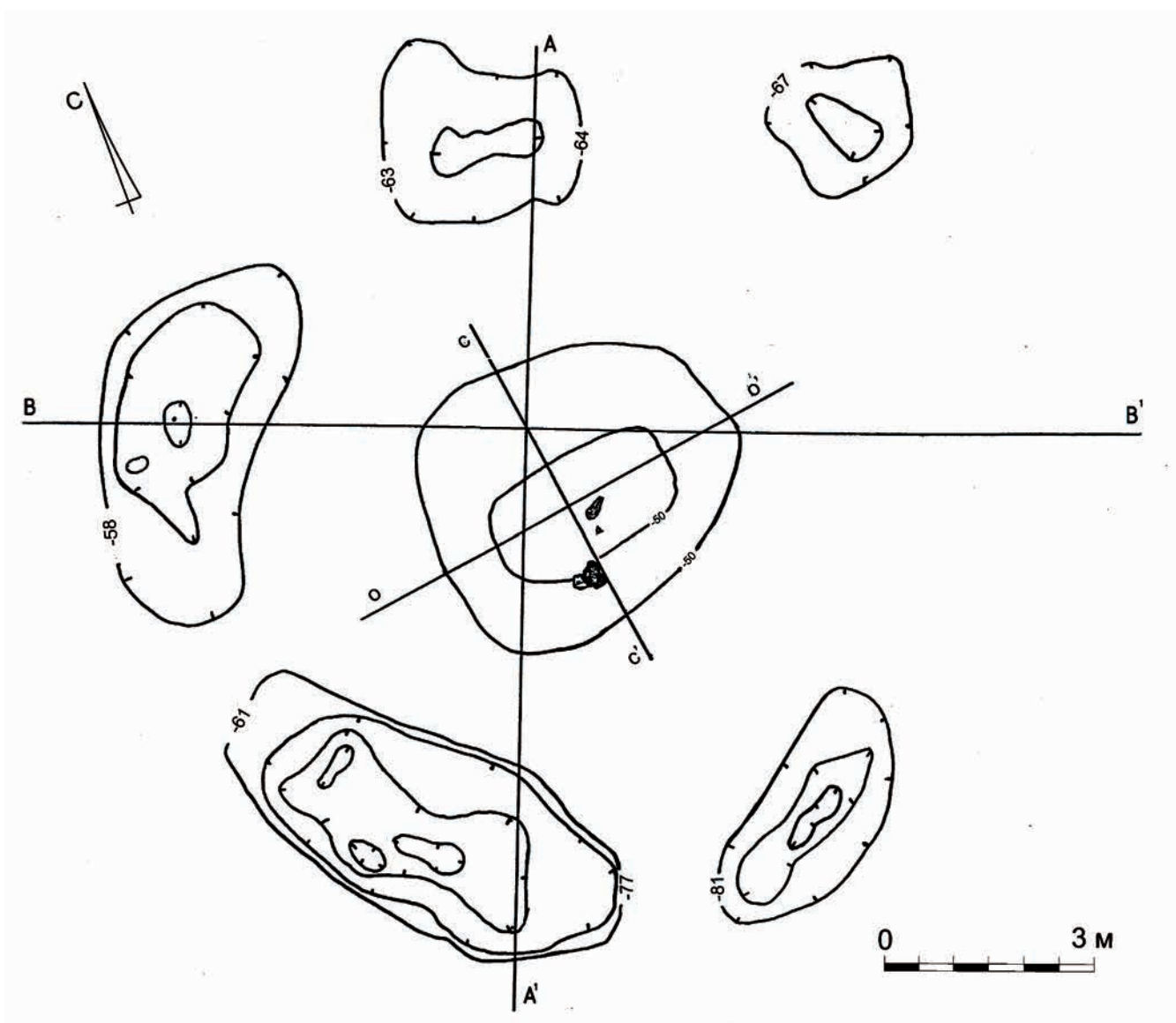

Рис. 34. Курганная группа Калыбай-2, курган 2. План (по: [Логвин В. Н., Логвин А. В., Подзюбан, 1994])

гребеня, одной из наиболее характерной особенностью которых является сопроводительное погребение одной или нескольких туш лошади, в регионе пока не обнаружены. Лишь одно погребение из Тургая относится к периоду господства в евразийских степях кыпчаков и огузов. Погребение в каменной выкладке Каинды-3 содержало шкуру лошади, помещение которой в могилу является одним из важных признаков погребальной традиции племен теле. К числу наиболее поздних отнесены погребения эпохи Золотой Орды, содержащие только личные предметы (гребень, зеркало, перстень).

Известные на данный момент памятники региона демонстрируют динамику изменения погребального и поминального обряда на протяжении эпохи средневековья общую для всей степной полосы Евразии. Его элементы, зафиксированные при исследовании Тургая, не выпадают из канвы общепринятых в науке представлений о норме, характерной для какого-либо из периодов (за исключением кургана тюркского времени Ащитасты-27, о нем уже говорилось выше).

Все представленные погребения являются частью могильников, исследованных не полностью, что несомненно лишь множит вопросы, либо обнаружены при случайных обстоятельствах. Тем не менее, имеющийся материал позволяет поставить вопрос о гендерных приоритетах населения эпохи средневековья данного региона.

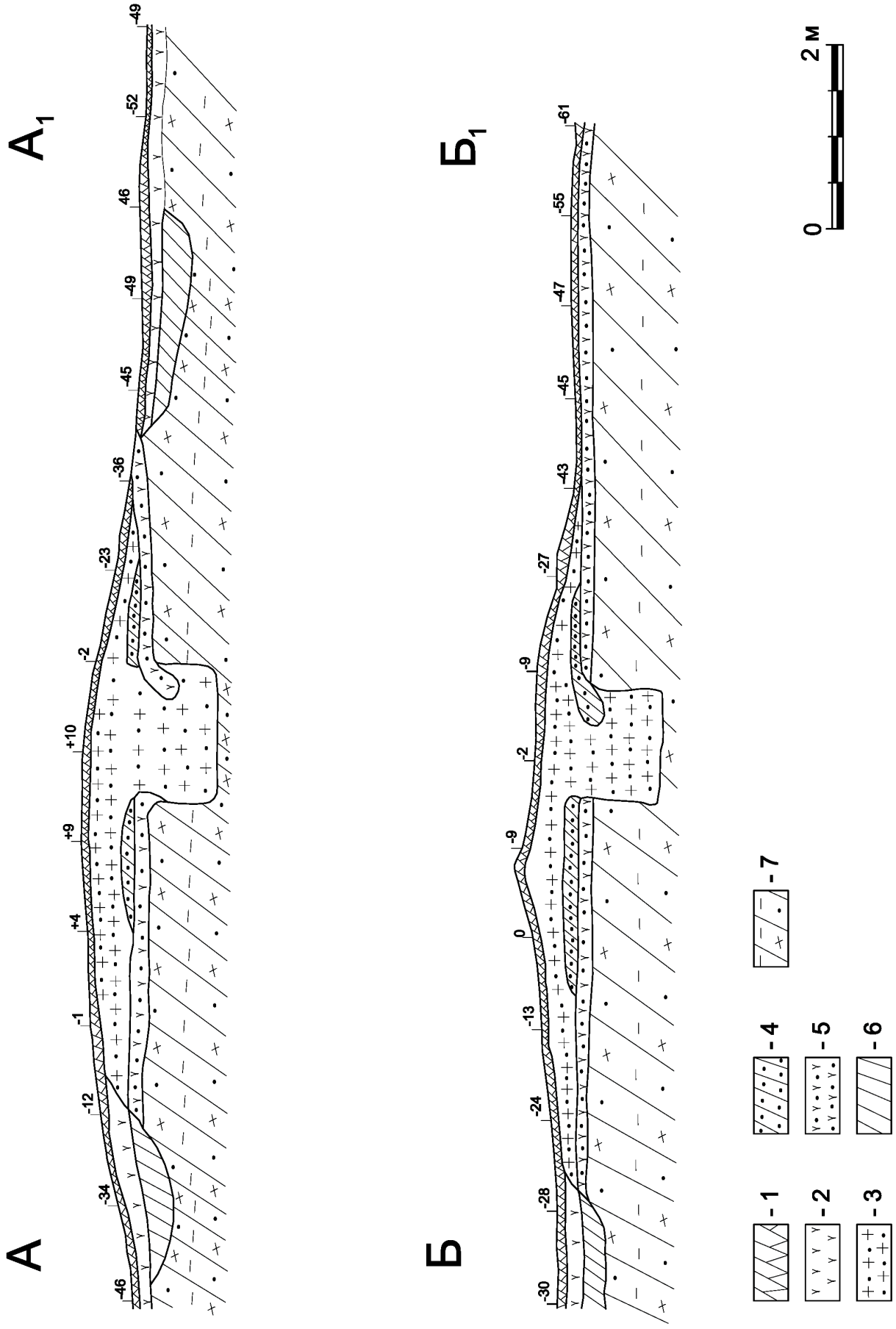

Рис. 35. Курганная группа Калыбай-2, курган 2. Разрезы (по: [Логвин В. Н., Логвин А. В., Подзюбан, 1994])

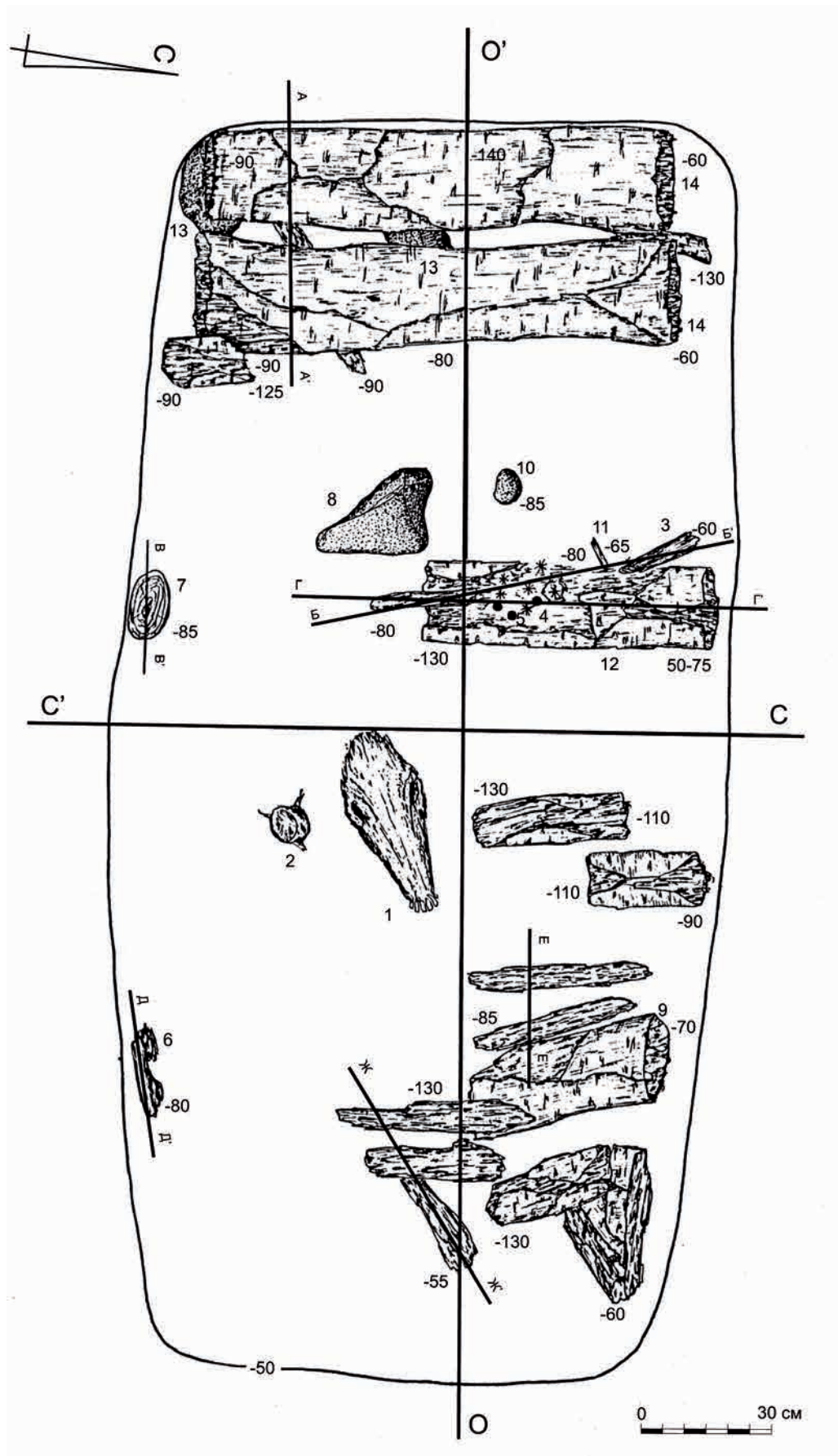

Рис. 36. Курганная группа Кальбай-2, курган 2. Деревянное перекрытие и кости животных (по: [Логвин В. Н., Логвин А. В., Подзюбан, 1994])

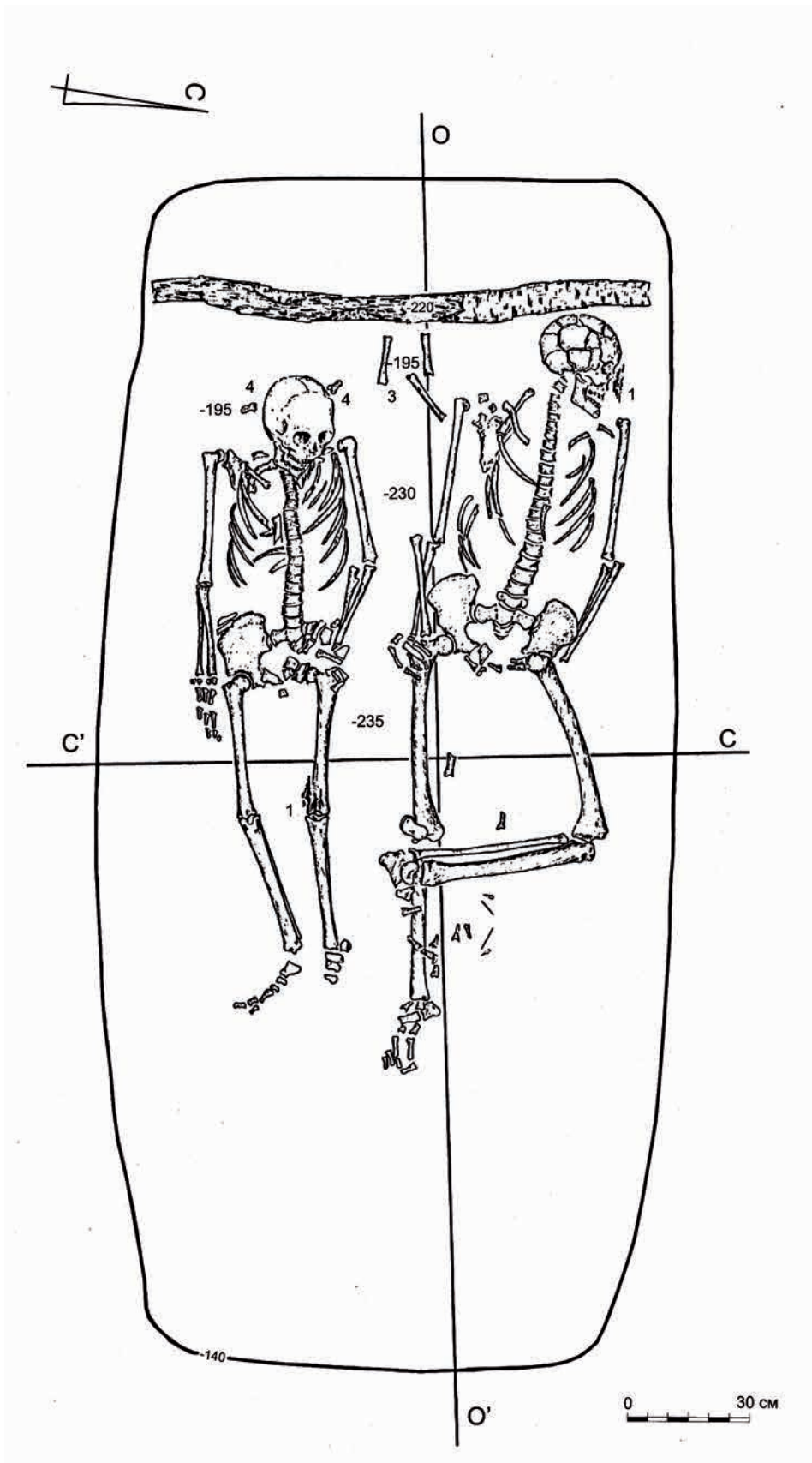

Рис. 37. Курганная группа Кальбай-2, курган 2. Погребение
 (по: [Логвин В. Н., Логвин А. В., Подзюбан, 1994])

Антропологические определения проводились частично О. И. Исмагуловым и А. И. Нечвалодой (табл. 1)* [*См. также Приложение 1 в данном издании – прим. ред.]. В случае, когда они известны (Ащитасты-27, Кеныш-3 (к. 2), Аксуат), необходимо отметить, что все эти погребения принадлежали женщинам возмужалого или зрелого возраста (табл. 1). Нюансы в составе и количестве предметов, по-видимому, связаны с социальным положением умерших женщин. Так, наиболее представительный состав погребального инвентаря (необходимо напомнить, что он сохранился не полностью в связи с ограблением) мы видим в погребении кургана Ащитасты-27. Он включал в себя помимо всего прочего предметы, изготовленные из благородного металла – серьгу и бляшки конского снаряжения, что, свидетельствует о высокой позиции этой женщины в обществе того времени.

Также определение пола возможно, что является традиционным, по составу инвентаря. Два погребения не имели антропологических определений (Каинды-3; Надеждинка-3). За основу для определения гендерных различий у средневекового населения Тургая взяты данные, предложенные Н. Н. Серегиним, которые он разработал на основании анализа погребального обряда тюрок раннего средневековья Саяно-Алтая [Серегин, 2011]. Эта выборка является наиболее близкой в территориальном отношении, также совпадает, частично, хронология.

Анализ состава погребального обряда из 300 погребений позволил Н. Н. Серегину прийти к следующим интересным выводам. Основным атрибутом мужских погребений тюрок Саяно-Алтая являются предметы вооружения [Серегин, 2011, с. 240]. Серьги, различные украшения (бусы, подвески, кольца и т.д.), гребень, украшения конского снаряжения встречаются преимущественно в женских погребениях. Только для женских погребений характерно присутствие зеркала, игольника и пряслица [Серегин, 2011, с. 241]. Исходя из этого, можно предположить, что два погребения без антропологических определений, являлись женскими, так как в одном случае зафиксированы крупные височные кольца, во втором – зеркало и гребень.

Инвентарь в средневековых погребениях Тургая представлен следующими предметами. Периодом VIII–XII вв. датируются два вещевых комплекса: серьга, бляшки от конского снаряжения, глиняные пряслице, сосуд, бронзовое зеркало, фрагмент деревянного изделия (курган могильника Ащитасты-27), два серебряных височных кольца, железные удила, стремяна (Каинды-3).

Следующий период – XIII–XIV вв. характеризуется таким набором сопровождающего инвентаря. В одном из погребений находились серьга с жемчужиной на подвеске, серебряная и бронзовая бляшки (Аксуат). Из инвентаря развеянного погребения Надеждинка-3 сохранились серебряное зеркало с изображением плывущих по кругу рыбок, фрагменты неизвестного предмета из стекла и деревянный гребень. Различные предметы входили в состав погребения, содержащего серебряный перстень, бронзовые бляшка, пуговица, фрагменты сильно корродированных железных предметов (Кеныш-3, к. 2).

Украшения по праву являются важнейшей составляющей вещного мира женщины во все времена. Несмотря на немногочисленность предметов украшений в рассматриваемой группе памятников, они могут быть использованы в разработке их хронологии. Так, своеобразным символом тюркской эпохи выступают серьги салтовского типа. Именно такая серьга обнаружена в одном из погребений могильника Ащитасты-27. Для последующего кимако-кыпчакского времени характерны серьги в виде сомкнутого или несомкнутого кольца (Каинды-3). Также необходимо отметить, что небольшие золотые серьги встречались в рассматриваемое время у кимаков именно в погребениях мужчин. Тем самым, можно предположить, что размер серег и выбор металла зависел от половой принадлежности своего владельца. Для эпохи Золотой Орды показательными являются серьги в виде «знака вопроса» (Аксуат).

О значении определенных деталей одежды интересное мнение приводит С. А. Яценко: «наиболее специфичен был каждый раз декор самых крупных ее предметов – верхней (парадной) плечевой одежды (она же наиболее часто служила подарком и сравнительно слабо изнашивалась), в то время как облик мелких аксессуаров, связанных с магической защитой волос, прически и головных уборов, обычно регламентировался в большей степени» [Яценко, 2006, с. 365].

На всем протяжении эпохи средневековья, излюбленным женским аксессуаром являлись зеркала. В коллекции представлены неорнаментированное зеркало в виде диска (курган могильника Ащитасты-27) и зеркало, на поверхности которого изображены плывущие друг за другом рыбки (Надеждинка-3). Еще один предмет можно предположительно отнести к этой категории предметов. Речь идет о массивной серебряной бляшке из Аксуата. Орнамент, используемый при ее украшении, является характерным скорее для зеркал [см. напр.: Недашковский, 2000, рис. 11, 8, 10; Иерусалимская, 2012, ил. 46, д]. Возможно, первоначально диск предназначался в качестве зеркала, а в дальнейшем его использовали как украшение какого-либо изделия, например, сумочки. Основанием для такого предположения может являться его местонахождение: был завернут в ткань, также лежал под ее слоем, и располагался на правом боку умершей женщины. Это обстоятельство, конечно, вряд ли может быть решающим, но необходимо отметить, что для нашивной бляшки данный предмет является слишком массивным.

Информацию о гендерной принадлежности могли нести и другие предметы. Так, судя по наблюдению Г. В. Кубарева, пряслица в тюркских погребениях Алтая встречаются только в погребениях женщин [Кубарев Г. В., 2005, с. 77]. К аналогичному выводу пришел и Н. Н. Серегин, он сделан им на основании анализа погребального инвентаря тюркских погребений Саяно-Алтая [Серегин, 2011, с. 241].

О значении определенных предметов как маркеров социальных ролей своих носителей свидетельствуют, в частности, данные этнографии. Например, у тюркских народов Саяно-Алтая невеста называлась «сыргалык/сыргалу» (букв.: «имеющая серьги», «с серьгами») [по: Львова и др., 1988, с. 173]. Серьги изображаются на стелах у казахов Западного Казахстана, как маркер пола умершей [по: Тохтабаева, 2005, с. 275]. Церемония прокалывания ушей в казахском традиционном обществе по значимости не уступала обрезанию, существовало такое выражение: «Құлақ тесу – қыздың сүндеті» [Тохтабаева, 2005, с. 275]. Его можно перевести следующим образом: «Прокалывание ушей подобно церемонии обрезания».

Таким образом, к принадлежностям женского костюма и аксессуарам относятся разнообразные серьги, перстень. Остатки ткани зафиксированы дважды. Небольшие фрагменты шелка плотного плетения коричневого цвета были обнаружены в погребении кургана 2 могильника Кеньш-3. В погребении Аксуат в области шеи и груди находились мелкие фрагменты шерстяной ткани. *In situ* в области височных костей зафиксированы округлые височные кольца (Каинды-3) и серьга – с левой стороны (Аксуат), на фаланге правой руки перстень с арабской вязью (курган 2, Кеньш 3).

Важно отметить, что облик женщины в эпоху средневековья, судя по данным из погребений Тургая, вплоть до зрелого возраста дополняли различные украшения. Интересные данные приводятся в статье В. В. Тишина и Н. Н. Серегина, посвященной положению женщины в древнетюркское время по данным письменных и археологических источников. Археологические материалы позволили четко обозначить группу женщин зрелого возраста. Так, они приводят данные, что наиболее разнообразный состав инвентаря, включающий не менее двух или трех «престижных» вещей (зеркала, украшенное конское снаряжение, серьги, чаще всего выполненные из драгоценных металлов) был обнаружен в погребениях женщин, возраст которых, если имелись заключения антропологов, составлял 45–60 лет [Тишин, Серегин, 2005, с. 120–121].

В свою очередь, анализ костюма населения Золотой Орды, выполненный Р. Р. Каримовой, позволил сделать важные выводы о возрастной градации в наделении определенными украшениями и гендерной символике в целом. Наибольшее количество украшений характерно для погребений, возраст женщин из которых с 14/16 до 50 лет. Ожерелья главным образом обнаружены в детских погребениях и погребениях женщин фертильного возраста. Также сделан вывод, что украшения, зеркала присущи только женским погребениям, а пояса, серьги определенной формы – в виде кольца из золота, характерны для мужских [Каримова, 2011, с. 266–267].

К сожалению, больше никаких данных о костюме тургайских женщин эпохи средневековья мы не имеем. Особое значение в раскрытии темы гендера имеет оформление головного убора женщин данного времени. На основании археологических и изобразительных материалов известно, что в кыпчакское время женщины носили головные уборы типа шляпы с высокой тульей. Традиционно используются данные по половецкой каменной скульптуре, хотелось бы обратить внимание на головные уборы женских персонажей из мавзолея Козы-Корпеша и Баян-сулу. Согласно легенде, приведенной А. Х. Маргуланом, одна женская статуя изображает, Баян-сулу, другая – ее сестру Айгыз, третья – тетю. На голове девушек головной убор конической формы – саукеле, у третьей женщины головной убор замужней женщины (кимешек) [Маргулан, 1972, с. 22]. Изваяния у гробницы Козы-Корпеш и Баян-Сулу были зарисованы Ш. Уалихановым в 1856 г. [Валиханов, 1972, с. 85], имеется также рисунок одного из персонажей, сделанный почти на столетие раньше [Путевые дневники и записки..., 2012, рис. 3].

В начале XIII в. в связи с образованием Монгольского государства появляются головные уборы боктаг. Но традиция ношения высоких конусовидных головных уборов не прекращается [Арсланова, 1970, с. 58; Доде, 2008, с. 59–60]. Оба головных убора поражают значительными размерами, сложностью декора. Важно обратить внимание, что в кыпчакской традиции воспроизводится форма высокого конуса, а в монгольской – имеется расширение сверху.

Важную информацию о специфике ношения таких головных уборов дают материалы монгольского времени. Головной убор боктаг был имперским символом, его носили жены, чьи мужья состояли на военной или административной службе у великого хана [Доде, 2008, с. 53; Юрченко, 2013, с. 156]. Тем самым, как считает А. Г. Юрченко, боктаг был знаком принадлежности к определенной социальной среде [Юрченко, 2013, с. 157].

Для кыпчакского времени, насколько мне известно, сведений о градации в оформлении костюма в зависимости от возраста и социального положения нет. Хотелось бы обратить внимание, что кыпчакские погребения с высокими конусообразными головными уборами из Северо-Восточной Сарыарки XIII–XIV вв., принадлежали, согласно заключению О. И. Исмагулова, женщинам зрелого возраста [Арсланова, 1970, с. 58]. Можно также предположить, что женские половецкие скульптуры, на головах которых имелись высокие головные уборы, изображали не молодых женщин [напр.: Плетнева, 1974, табл. 82, изваяние 1318]. Изваяние, о котором идет речь, с массивной фигурой, изображена крупная грудь.

В этнографическое время высокие головные уборы у некоторых тюркских народов становятся элементом костюма невесты и молодой жены. Интересно отметить, что они получили распространение, например, у казахов, кыргызов, каракалпаков и туркмен-чоудоров, то есть у народов, имеющих по мнению Н. П. Лобачевой, кыпчакский культурный пласт. Также, согласно данным этнографии, облик женщины наделался наибольшим количеством украшений в период, когда она становилась невестой и молодой женой. Количество и «качество» (ценность используемых металлов, камней и т. д.) украшений зависели от того, в каком состоянии пребывала женщина (девочка, девушка, молодая, зрелая, пожилая женщина).

Тем не менее, как наследие предшествующего времени, могут восприниматься отдельные свидетельства о том, что в некоторых регионах Казахстана высокие головные уборы носили и женщины постарше (как боктаг и возможно, женский головной убор у кыпчаков). В начале XX в.

Таблица 1 – Данные о погребальных сооружениях средневековых кочевников Тургая

№	Наименование памятника	Наземная конструкция	Яма	Внутримогильная конструкция	Расположение скелета, палеоантропологические данные	Погребальный инвентарь	Животные	Датировка
1	Курган могильника Ащитасть-27	Подовальная каменная выкладка	Уступчик в северо-восточной стенке	Тальниковое перекрытие на уровне уступа	Расположение костей не в анатомическом порядке. Выгнуто на спине, головой на СЗ. Женщина (?) 40–45 лет (определение О. И. Исмагулова)	Фрагменты жел. изделия/ий, 4 бляшки из металла желтого цвета, керамическое пряслице, обломок бронзового зеркала, глиняный сосуд, серьга из металла желтого цвета с жемчужинами, фрагмент деревянного изделия	Шкура лошади на уступчике, бедренная кость МРС в ногах	VIII в.
2	Выкладка Кайнды-3	Каменная выкладка неправильной формы	Уступчик в южной стенке	Перекрытие из тальника (?)	Выгнуто на спине, головой на З	Фрагменты жел. изделия/ий, 2 железных стремени, удила, псаали, 2 серебряных височных кольца	Шкура лошади выше уровня человека	XI–XII вв.
3	Погребение Акуаг			Под костяком и вокруг остатки древесины	Выгнуто на спине, головой на З. Женщина 40–45 лет (определение О.И. Исмагулова)	Серьга из металла желтого цвета с жемчужиной, серебряная бляшка, фр. ткани, железный наконечник (застралял в мягких тканях)		XIII–XIV вв.
4	Погребение Надеждинка-3				Выгнуто на спине, головой на С	Серебряное зеркало, деревянный гребень, 4 бронзовые пуговицы, 2 фрагмента изделия из стекла		XIII–XIV вв.
5	Курган 2, могильник Кенши-3	Каменно-земляная насыпь	С прямыми стенками	Деревянное гребовище из досок, расположенных в продольном положении над и под умершим	Расположение костей не в анатомическом порядке. В вытянутом положении на левом боку, головой на З. Женщина 40–45 лет, но зубы молодого индивида (определение О.И. Исмагулова), женщина свыше 50 лет (определение А.И. Нечвалоды)	В насыпи фрагменты поливной керамики, обломок стекла. В придонной части ямы – серебряное кольцо, фрагменты жел. изделий, остатки ткани (войлок?), бронзовая пуговица, металлическая бляшка с позолотой	В насыпи кости и зубы животных, в заполнении ямы – мелкие кости животного и зубы лошади	XIII–XIV вв.
6	Курган 1, могильник Кальбай-2	Земляная насыпь с рвом	С прямыми стенками	Деревянное покрытие на дне	Женщина 45–50 лет, (определение О.И. Исмагулова); женщина 18–20 лет (определение А.И. Нечвалоды)	Фрагменты жел.изделий, жемчужины (30 шт.), фрагменты железной чашечки с ручкой		Позднее средневековье (?)
7	Курган 2, могильник Кальбай-2	Земляная насыпь с рвом	С прямыми стенками	Поперек ямы – деревянная жердь, средняя часть сильно обгорела. Поперечное перекрытие из березовых бревен. Под ним в юго-западном углу округлая выкладка из 7 камней, в центре – палка, расположенная под наклоном	Выгнуто на спине, головой на З, лицом на Ю. Мужчина 40–45 лет (определение О.И. Исмагулова), мужчина 40–50 лет (определение А.И. Нечвалоды), Женщина 45–50 лет (определение О.И. Исмагулова). Эмбрион 3–4 месяца (определение О.И. Исмагулова)		В центре могильного пятна – три черепа лошади и кости овцы	Позднее средневековье (?)

молодые женщины в тургайских степях носили *сулама* или *саукеле жаулык* [Захарова, Ходжаева, 1989]. Его основу составлял высокий усеченный конус до полуметра высотой из бумаги или картона (в прошлом, видимо, войлока), он покрывался сверху тканью, конец которой спускался на спину. И. В. Захарова и Р. Д. Ходжаева отмечают, что такой головной убор был распространен, судя по имеющимся данным, в первой половине XIX в. и в Букеевской Орде. Важно отметить, что традиция ношения высоких головных уборов сохранялась в costume женщин среднего возраста, только в таком случае они были пониже и пошире, их носили уже без украшений [Захарова, Ходжаева, 1989, с. 219]. Изображения головных уборов жаулык или ақсаукеле, которые имеют в своей основе высокий конус с усеченной вершиной, приводит в своем исследовании по казахскому костюму У. Джанибеков. Их носили молодые женщины после свадьбы в Тургае, а также на западе, в долине Уила и Сагыза [Джанибеков, 1996, с. 118, 135]. К сожалению, пока остается неизвестным, почему происходили такие отклонения от «традиционного» костюма. На состав украшений например, мог влиять материальный достаток семьи, к которой принадлежала женщина. И, если согласно традиции, из костюма женщины в течение жизни исчезали украшения, в пожилом возрасте оставались лишь одно–два из прежнего великолепия (серьги, браслеты), то состоятельные представительницы казахского общества, могли не следовать этому предписанию [Тохтабаева, 2005, с. 268].

Необходимо обратить внимание на обозначение возрастных и социальных градаций в древнем и традиционном женском costume. В выявлении этих нюансов традиционно используются данные этнографии, но в данном случае необходимо наличие антропологических определений возраста женщин из погребений эпохи средневековья. Так, судя по материалам эпохи Монгольского времени, высокие головные уборы боктаг носили замужние женщины вне зависимости от материального достатка. Их ношение было знаком принадлежности к Великой Монгольской империи [Юрченко, 2013, с. 143].

Приведенные свидетельства подтверждают устойчивую закономерность: в проработке облика женщины главным являлось оформление области головы. Можно сказать, что символом женского образа в древности и средневековье в степной Евразии является головной убор и украшения, оформляющие область головы (серьги, височные подвески и т.д.). При этом, конечно, важными оказывались определенные идеи, связанные с ее социальной ролью, которую она выполняла в качестве дочери, супруги, матери, хранительницы очага.

Идея плодородия нашла воплощение в использовании растительных элементов вкупе с образом парных рыбок на поверхности зеркала из золотоордынского погребения Надеждинка-3. Пальметты присутствуют при оформлении бляшек снаряжения лошади, обнаруженной в погребении тюркского времени (курган могильника Ащитасты-27). Также немаловажную роль в демонстрации гендерной принадлежности играли предметы ближнего мира: зеркала, гребни, пряслица.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отрар в XIII–XV вв. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 250 с.
- Арсланова Ф. Х. Средневековый могильник из Прииртышья // Сборник Министерства высшего и среднего специального образования КазССР. История, философия, экономика. – Алма-Ата, 1963. – С. 278–302.
- Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1968. – С. 98–111.
- ААК – Археологическая карта Казахстана. Реестр. Сост. Е. И. Агеева, К. А. Акишев и др. – Алма-Ата: АН КазССР, 1960. – 449 с.
- Бабенков К. Н. Жертвенно-поминальный комплекс «Аксак». Возможные варианты реконструкции // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск, 1996. – С. 245–251.
- Базарбаева Г. А., Подзюбан Е. В. Курганная группа Кеныш-3 // Топорковские чтения. – Рудный: РИИ, 1997. – Вып. 3. – С. 376–381.
- Бараба в тюркское время. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.
- Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ-кагана // Антропология, этнография, археология Евразии. – 2004. – № 4 (20). – С. 73–84.
- Бейсенов А. З. О значении термина «Арка» в ареалах расселения тюркоязычных народов среднеазиатско-казахстанского региона // Ош и Фергана: археология, новое время, культурогенез, этногенез. – Бишкек: Изд-во «Мурасы», 2000. – С. 113–116.
- Бейсенов А. З., Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А. Путь к изучению древностей центра страны: история создания первой археологической экспедиции Казахской академии наук // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. ст., посвящ. 70-летию ЦКАЭ. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 11–64.
- Бейсенов А. З., Кожак Д. А. Средневековые памятники Центрального Казахстана // История и археология Семиречья. – Алматы, 2001. – Вып. 2. – С. 150–164.
- Бисембаев А. А. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана. – Уральск, 2003. – 235 с.
- Боталов С. Г. Каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы Урало-Ишимского междуречья // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск: «Рифей», 1996. – С. 210–244.
- Боталов С. Г. Поздняя древность и средневековье / Древняя история Южного Зауралья. – Челябинск: изд-во ЮУрГУ, 2000. – С. 207–430.
- Боталов С. Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). – Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2009. – 672 с.
- Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в 5 томах. Т. V. Графическое наследие. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 143 с.
- Гинзбург В. В. Краниологические материалы из Северного Казахстана и вопрос о происхождении ранних тюркских кочевников // Доклады советской делегации на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов. – М., 1960. – 20 с.
- Джанибеков У. Казахский костюм. – Алматы: Онер, 1996. – 192 с.
- Доде З. В. К вопросу о боктаг // РА. – 2008. – № 4. – С. 52–63.
- Ермоленко Л. Н. Средневековые каменные изваяния Казахстанских степей. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2004. – 204 с.
- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К., Касенова А. Д. Некоторые итоги изучения изваяний раннего железного века Сарыарки // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии: матер. междунар. конф. – Кемерово, 2016. – С. 129–135.
- Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Головные уборы казахов (опыт локальной классификации) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1989. – С. 204–227.
- Иванов В. А., Гарустович Г. Н., Пилипчук Я. В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. – 396 с.
- Иерусалимская А. А. Мощевая балка: необычный памятник на Северокавказском Шелковом пути. – СПб.: Изд-во ГосЭрмитажа, 2012. – 384 с., 228 ил.
- Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологические исследования). – Алма-Ата: Наука, 1970. – 240 с.
- Каримова Р. Р. К вопросу о половозрастном аспекте, объективированном в элементах убранства и аксессуарах костюма кочевников Золотой Орды // Золотоордынское наследие. – Казань, 2011. – Вып. 2. – С. 263–272.

- Кастанье Л. А.** Надгробные сооружения Киргизских степей. – Оренбург, 1911. – 102 с., прил.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.** Степные империи древней Евразии. – СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2005. – 346 с.
- Колбина А. В.** От выставки к экспозиции (эволюция археологической фондовой коллекции Костанайского областного историко-краеведческого музея) // Древний Тургай и Великая степь: часть и целое: сб. научн. ст., посвящ. 70-летию В. Н. Логвина. – Костанай–Алматы, 2015. – С. 78–85.
- Комар А. В.** Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2006. – Т. 5. – С. 7–244.
- Комар А. В., Кубышев А. И., Орлов Р. С.** Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2006. – Т. 5. – С. 245–374.
- Кригер В. А.** Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X–XIV вв.). – Уральск, 2002. – 200 с.
- Кубарев В. Д.** Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1979. – С. 135–160.
- Кубарев Г. В.** Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. – 400 с.
- Лобачева Н. П.** Отражение этногенетической информации в материальной и духовной культуре народов Среднеазиатско-Казахстанского региона (по материалам середины XX в.) // Среднеазиатский этнографический сборник. – М.: Наука, 2006. – Вып. V. – С. 47–94.
- Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С.** Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск: Наука, 1988. – 224 с.
- Маргулан А. Х.** О художественном наследии Чокана Валиханова / Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в 5 томах. – Т. V. Графическое наследие. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 143 с.
- Маргулан А. Х.** Архитектура Казахстана. Средневековые поселения, города и памятники Сарыарки. Улытауская степь. Интернет-ресурс. Режим доступа: www.elarna.com
- Могильников В. А.** Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI вв. – М.: Наука, 2002. – 359 с.
- Недашковский Л. Ф.** Золотоордынский город Укек и его округа. – М.: Восточная литература, 2000. – 224 с., ил.
- Нестеров С. П.** Конь в обрядах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 143 с.
- Овчинникова Б. Б.** Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. – 223 с.
- Ольховский В. С.** Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. – М.: Наука, 2005. – 299 с., 156 ил.
- Плетнева С. А.** Половецкие каменные изваяния. – САИ. – Вып. Е4-2. – М.: Наука, 1974. – 200 с.
- Попов А.** Несколько слов к археологии Тургайской и Уральской области // ТОУАК. – 1906. – Вып. XVI. – С. 16–39.
- Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII – середины XIX вв.: сб. док. и матер. / Сост. И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев, И. М. Самигулин. – Астана: ТОО «Общество инвалидов – Чернобылец», 2012. – 758 с. + 10 с. вкл.
- Распопова В. И.** Металлические изделия раннесредневекового Согда. – Л.: Наука, 1980. – 139 с.
- Серегин Н. Н.** Гендерный анализ погребальных комплексов тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестник НГУ. Серия история, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 7. Археология и этнография. – С. 236–245.
- Смаилов Ж. Е.** Памятники археологии Западной Сары-Арки (средневековые городища и поселения). – Балхаш, 1997. – 63 с., ил.
- Сташенков Д. А.** Евразийская мода в эпоху раннего средневековья (к постановке проблемы) // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии). – Самара, 1998. – С. 213–229.
- Таиров А. Д., Гуцалов С. Ю.** Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века в степях Южного Урала // XIV УАС: тез. докл. – Челябинск, 1999. – С. 141–142.
- Тасмагамбетов И., Самашев З.** Сарайшык. – Алматы: ОФ «Берел», 2001. – 320 с.
- Тишин В. В., Серегин Н. Н.** Положение женщины в древнетюркском обществе // Историческая психология и социология истории. – 2015. – № 1. – С. 109–127.
- Тохтабаева Ш. Ж.** Серебряный путь казахских мастеров. – Алматы: Дайк-пресс, 2005. – 473 с.
- Трифонов Ю. И.** Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) // Тюркологический сборник-1972. – Л.: Наука, 1973. – С. 351–374.

- Усманова Э. Р.** Приложение 1. Отдельные сооружения / Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. – Караганды–Лисаковск: Tengri LTD, 2013. – С. 131–133.
- Хабдулина М. К.** К. А. Акишев и Ишимская археологическая экспедиция // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. ст., посвящ. 70-летию ЦКАЭ. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017а. – Т. 1. – С. 119–125.
- Хабдулина М. К.** Позднетюркское погребение из Северного Казахстана // История и археология Семиречья: сб. научн. ст. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017б. – Вып. 5. – С. 162–165.
- Хасенова Б. М.** Курган тюркского времени могильника Ащитасты 27 в Тургае // Древний Тургай и Великая степь: часть и целое: сб. научн. ст., посвящ. 70-летию В. Н. Логвина. – Костанай–Алматы, 2015. – С. 212–222.
- Худяков Ю. С., Нестеров С. П.** Группа погребений Ник-Хая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1984. – С. 131–142.
- Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш.** Древние тюрки на Тянь-Шане. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2009. – 292 с.
- Шелепова Е. В.** Систематизация ритуальных оградок тюркской культуры Алтая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. – С. 212–227.
- Шкляева С. А.** К вопросу изучения торгайских серег салтовского типа // Актуальные проблемы археологии Евразии: матер. Междунар. научн.-практ. конф., посвящ. 25-летию независимости РК и 25-летию ИА КН МОН РК (18–19 октября 2016, г. Алматы). – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. – С. 551–564.
- Юрченко А. Г.** Элита Монгольской империи. Время праздников. Время казней. – СПб.: Евразия, 2013. – 432 с., 72 с. цв. ил.
- Яценко С. А.** Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). – М.: Восточная литература, 2006. – 664 с., ил.

Архивные материалы

- Калиева С. С.** Стационарные работы на территории Аркалыкской сельхозопытной станции. В: Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Тургайской области в полевом сезоне 1992 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2409.
- Колбин Г. В.** Средневековое захоронение в Наурзумском заповеднике. В: Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Кустанайской области в полевом сезоне 1992 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2408.
- Логвин В. Н.** Разведочные работы в Кустанайской области. В: Отчет Тургайской археологической экспедиции о полевых исследованиях 1988 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2230.
- Логвин В. Н.** Раскопки погребения у стоянки Каинды 3. В: Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции летом 1989 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2277.
- Логвин В. Н., Логвин А. В., Подзюбан Е. В.** Раскопки курганной группы Халвай 2. В: Отчет Тургайской археологической экспедиции на территории Кустанайской области в полевом сезоне 1994 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2443.
- Логвин В. Н., Лохматов Ю. В.** Средневековое захоронение Надеждинка 3. В: Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции летом 1990 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2323.
- Мошкова М. Г.** Отчет о работе Казахстанского отряда Южно-Уральской экспедиции в 1966 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 1022.
- Пацевич Г. И.** Отчет о работе Кустанайской археологической экспедиции 1955 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 352.
- Подзюбан Е. В., Логвин В. Н., Базарбаева Г. А.** Раскопки курганной группы Кеньш-3. В: Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Кустанайской области летом 1995 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2458.
- Хабдулина М. К.** Отчет. Разведочные и рекогносцировочные работы в зоне проектируемого канала Сибирь–Средняя Азия в 1985 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2095.
- Хабдулина М. К., Боталов С. Г., Мосин В. С.** Археологические исследования в Тургайской, Кызыл-Ординской, Кустанайской областях в 1986 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2144.
- Черников С. С.** Отчет о работе Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в 1953 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 284.

I. 3 ОБ ОДНОМ ТИПЕ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОГРЕБЕНИЙ САРЫАРКИ

За последние годы произошел качественный скачок в исследовании археологического наследия монгольского периода в степях Евразии. Тем не менее, монгольские женские головные уборы, известные под различными названиями, в зависимости от того где и кто их называл: гугу, бокто, бокка [Горелик, 2011, с. 33–34], изучены слабо и на данный момент не имеют детального конструктивного описания. Нами используется термин боктаг, именно так звучит название этого головного убора на монгольском [Юрченко, 2013, с. 141].

Появление данных головных уборов в широких пределах от Кореи до Восточной Европы было связано с образованием Монгольского государства. Вопрос об этнической принадлежности женщин – владелиц этих головных уборов не решен окончательно. По мнению М. Г. Крамаровского, они могли выступать маркером родовой и этнической принадлежности [Крамаровский, 2015, с. 419]. Акцентируют внимание на их политическом содержании З. В. Доде и А. Г. Юрченко, как они считают, такие головные уборы в Монгольской империи носили причастные к управлению [Доде, 2008, с. 52; Юрченко, 2012, с. 156]. О наличии монгольского компонента в погребальной обрядности некоторых из представительниц степного общества того времени, похороненных вместе с боктаг, свидетельствуют такие элементы: северная ориентировка, размещение определенных частей туши МРС. Только вкупе с археологическими материалами возможно решение вопроса о статусе этих головных уборов.

На сегодняшний день вышло достаточно много научных статей и монографий, в которых так или иначе ставятся вопросы, связанные с разными аспектами изучения бокк, их конструктивных особенностей, семантического значения, и влияния на поздние головные уборы [Доде, 2008; Бытковский и др., 2014; Мыськов, 2015, Тишкин, Пилипенко, 2016].

При этом авторы зачастую цитируют одни и те же письменные источники из Китая, Персии и Италии, привлекают разнообразные графические изображения, но приходят к совершенно разным выводам. В основном, предпринимаются попытки обозначить как боктаг детали чуть ли не всех головных уборов, бытовавших у кочевников степей Евразии. Например, это произошло с серебряным головным убором из Краснокутского кургана и шапок из Ждановского могильника в Восточном Казахстане. В свою очередь, В. А. Кригер и В. А. Иванов пишут, что «бокки были известны кыпчакам задолго до монгольского вторжения, и такие головные уборы никак не связаны с материальной культурой монгольского населения. <...> и что берестяные трубочки из

погребений являются «трубочками для кос» [Иванов, Кригер, 1988, с. 18–19; Кригер, 2012, с. 32–33]. Следует также отметить мнение С. А. Котенькова, считающего, что «только в половецко-кипчакской этнокультурной среде существовали усложненные головные уборы (бокка)» и именно монголы могли перенять моду на ношение этого головного убора у кипчаков-половцев, составлявших основную массу населения Золотой Орды [Котеньков, 2011, с. 204].

Отсутствие четкого понимания, что есть боктаг, а что таковым не является, порождает еще больший хаос в научной среде. Конечно, мы понимаем, что сами письменные источники и изобразительные не всегда могут дать однозначный ответ на поставленные вопросы. Описание боктаг весьма пространно, и воспринимается исследователями по-разному и это нормальная, адекватная сторона научного познания. Археологические находки также зачастую в таком состоянии, что сложно что либо сказать сразу.

Однако, хотелось бы внести ясность и четкость в вопросы, связанные с боктаг на основе изучения и анализа конструктивных элементов самих предметов.

В нашей работе мы не будем рассматривать вопросы семантики той или иной части бокк, и лишь только их обозначим.

В известных нам памятниках монгольского периода бытуют боктаг двух разновидностей: с навершием в виде сапожка или головки птицы и с навершием капителиобразной формы или монголо-тяньшанского типа [Пилипенко, 2013].

Бытование той или иной разновидности зависело от многих факторов: прежде всего, придворного этикета, господствующего при том или ином дворе. Женские головные уборы – боктаг, были не только признаком замужества женщины, но и важным сигналом для окружающего населения в разных районах Монгольской империи: кому служит ее муж и к какой прослойке общества принадлежит женщина, носившая этот головной убор. Мы не говорим уже о внутренней семантической иерархии, обозначаемой по принципу – размер и сложность оформления бокки – социальное положение [Юрченко, 2013, с. 157].

Нами начата работа по картографированию боктаг юга Западной и Восточной Сибири (Тува, Прибайкалье) [Длужневская, Савинов, 2007] (рис. 1, 5) и намечена западная граница бытования монголо-тяньшанской разновидности [Тишкин, Пилипенко, 2016]. На момент наличия научных данных до 2016 г., она проходит по линии от Томского (Басандайка), Новосибирского (Крохалевка-5–11), Барнаульского Приобья (Телутский Взвоз-1, Ближние Елбаны-6) (рис. 1, 4) до Кыргызстана (рис. 1, 6) [Табалдиев, 1996; Орозбекова, Акматов, 2016].

Далее, с запада на восток Евразии идет другой массив боктаг с сапожковидным навершием, от Днепра в Украине [Коваленко, 2011], до Южного Урала (Ново-Кумакский мог.) [Бытковская и др., 2014, с. 220–221] и Западного Казахстана [Кригер, 2014, с. 32–33].

Таким образом, мы считаем актуальным выявление возможной зоны стыковки этих ареалов, на основе анализа пока немногочисленных находок боктаг из Центрального и Северо-Восточного Казахстана.

Изучение боктаг центральной и восточной части Казахстана позволяет заполнить лауну между двумя основными массивами находок: Поволжско-Уральского региона и Кыргызско-Южно-Сибирского.

Результаты проведенных обобщений представлены в табл. № 1. В ней мы попытались отразить не только в хронологической последовательности нахождение боктаг и авторство, но и, показать современное местонахождение самих артефактов. Это поможет в дальнейшем систематизировать информацию о последующих находках и о найденных ранее в западных регионах Казахстана, с параллельным картографированием и уточнением статуса каждой позиции. Мы стремимся подойти к созданию более полной ресурсной карты по этим головным уборам на всем протяжении истории Монгольской империи и ее улусов. Рассмотрим находки в хронологическом порядке.

Таблица 1 – Информация о боктаг Сарыарки

Название памятника	Год раскопок	Курган, погребение	Автор раскопок	Место хранения находки
Краснокутский курган	1959	Сборы	Ф. Х. Арсланова	г. Павлодар, Павлодар-ский областной историко-краеведческий музей
Ждановский мог.	1961	№№ 14 и 25	Ф. Х. Арсланова	Неизвестно
Некрополь Бозок	2002	№ 2, раскоп V	К. А. Акишев, Ю. А. Мотов	г. Астана, НИИ археологии им. К.А. Акишева

Краснокутский курган. Находка серебряного головного убора была сделана в 1959 г. в 4 км к западу от усадьбы совхоза «25 лет Октября» Краснокутского района Павлодарской области (в 120 км севернее г. Павлодара) (рис. 1, 1). Обстоятельства находки не совсем ясны, в публикации Ф. Х. Арслановой 1970 г. говорится о случайном характере находки при разработке песчаного карьера. По описанию исследовательницы, скелет покоился на спине, в вытянутом положении, ориентирован на север. Сбор вещей проводил не археолог, а художник Павлодарского областного историко-краеведческого музея. И поэтому, набор вещей, который был опубликован, может и не составлять единого комплекса, а быть сборным материалом, а это важно для датировки комплекса. В состав предметов, найденных в погребении, входят: бронзовое зеркало с литым орнаментом и бронзовой петлей в центре для подвешивания (рис. 2, 1б), два серебряных кольца с «костяными» дисками диаметром 3 см, продетых в проушину зеркала (рис. 2, 1в), железные двусоставные удила (рис. 2, 1г), железное стремя (рис. 2, 1е), неопознанный предмет (рис. 2, 1д) и серебряный головной убор (рис. 2, 1а). «<...> конусовидный головной убор, изготовленный из двух листов тонкого (0,2 мм) серебра, соединенных по бокам кровельными швами. По нижнему краю головного убора, а также по его краю (спереди и сзади) по вертикали нанесен орнамент (путем выдавливания изнутри) в виде двух рядов «плетеной косички». Имеющиеся на «полях» отверстия диаметром до 1 мм образованы, предположительно, вследствие пришивания к мягкой подкладке или шапке. В нижней части головной убор имеет форму эллипса (20×28 см), ширина полей (4–6 см). Высота головного убора 43,5 см, вверху он обломан» [Арсланова, 1970, с. 55–56]. Головной убор был отнесен автором к золотоордынской эпохе и датирован по аналогии с подобными, по мнению автора, головными уборами из Ждановского могильника XIII–XIV вв. (рис. 2, 2). Указав, с одной стороны, на схожесть серебряного головного убора с описанием монгольских боктаг у Платона Карпини и Вильгельма Рубрука. С другой стороны, автор указала на схожесть формы находки с головными уборами половецких изваяний Восточной Европы (рис. 2, 3) и возможную преемственность по форме поздних женских головных уборов саукеле. «Следует подчеркнуть, что подобная форма сохраняется и в головном уборе невесты (саукеле) у казахов, причем саукеле делали не только из ткани, но из серебра» [Арсланова, 1970, с. 59]. Этническую принадлежность автор определила, как кыпчакскую.

В 1981 г. В. А. Могильников публикует головной убор из Краснокутского кургана и картографирует его в томе «Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья» в разделе «Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв.» [Могильников, 1981, рис. 72, 71]. Тем самым, он перешел из категории случайной находки в одном из районов Казахстана в широко известный артефакт, активно задействованный впредь в рассуждениях по поводу головных уборов этого времени.

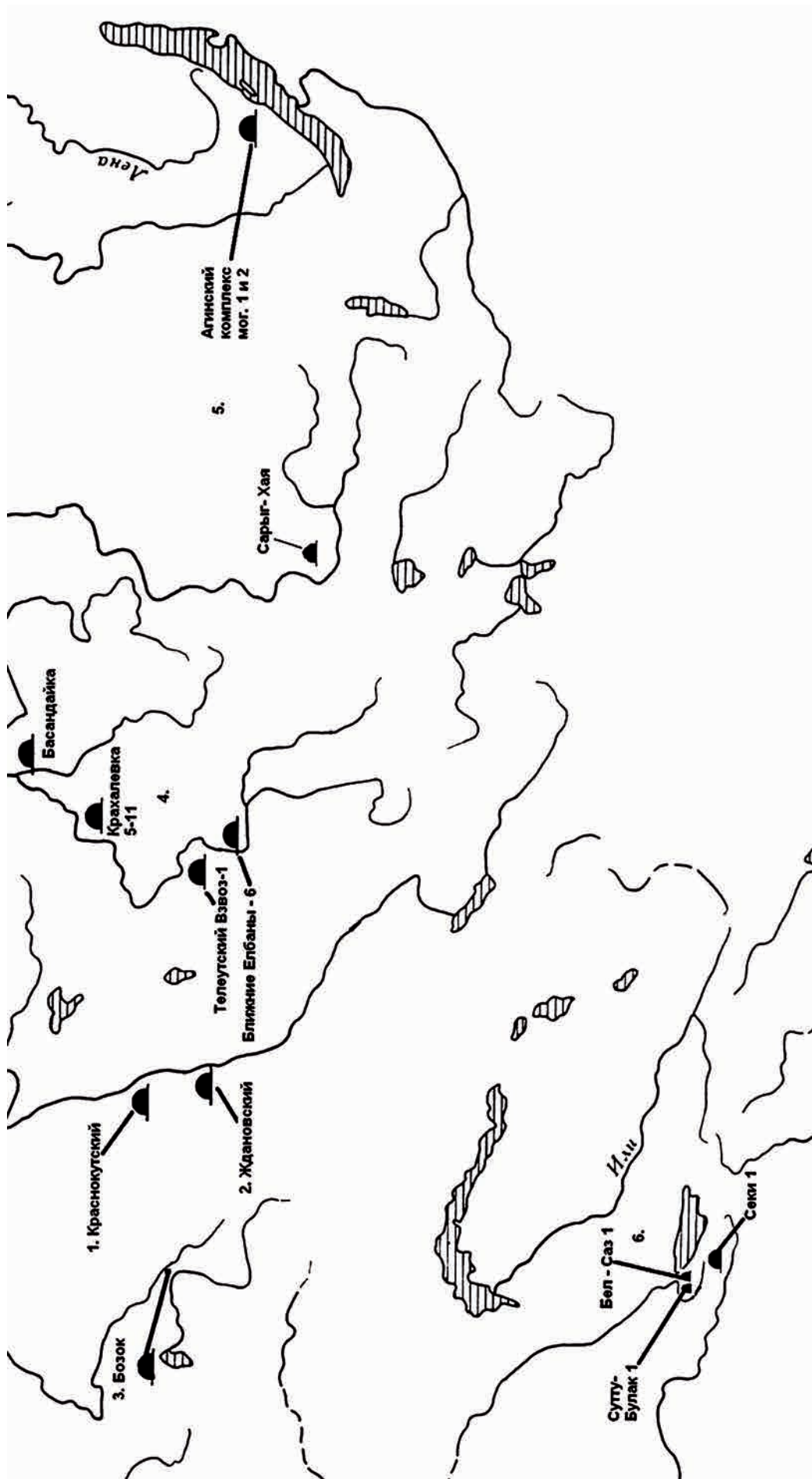

Рис. 1. Карта-схема распространения боктаг разных типов в Сарыарке и сопредельных регионах: 1 – Краснокутский курган; 2 – Ждановский мог.; 3 – Бозок; боктаг монголо-тяньшанской разновидности юга и востока Западной Сибири: 4 – Басандайка; Крахалева-5-11; Телеутский Взвоз-1; 5 – Сарыг-Хая; Агинский комплекс мог. 1 и 2. Кыргызстана: 6 – Бел-Саз-1, Секи-1, Суттуу-Булак-1

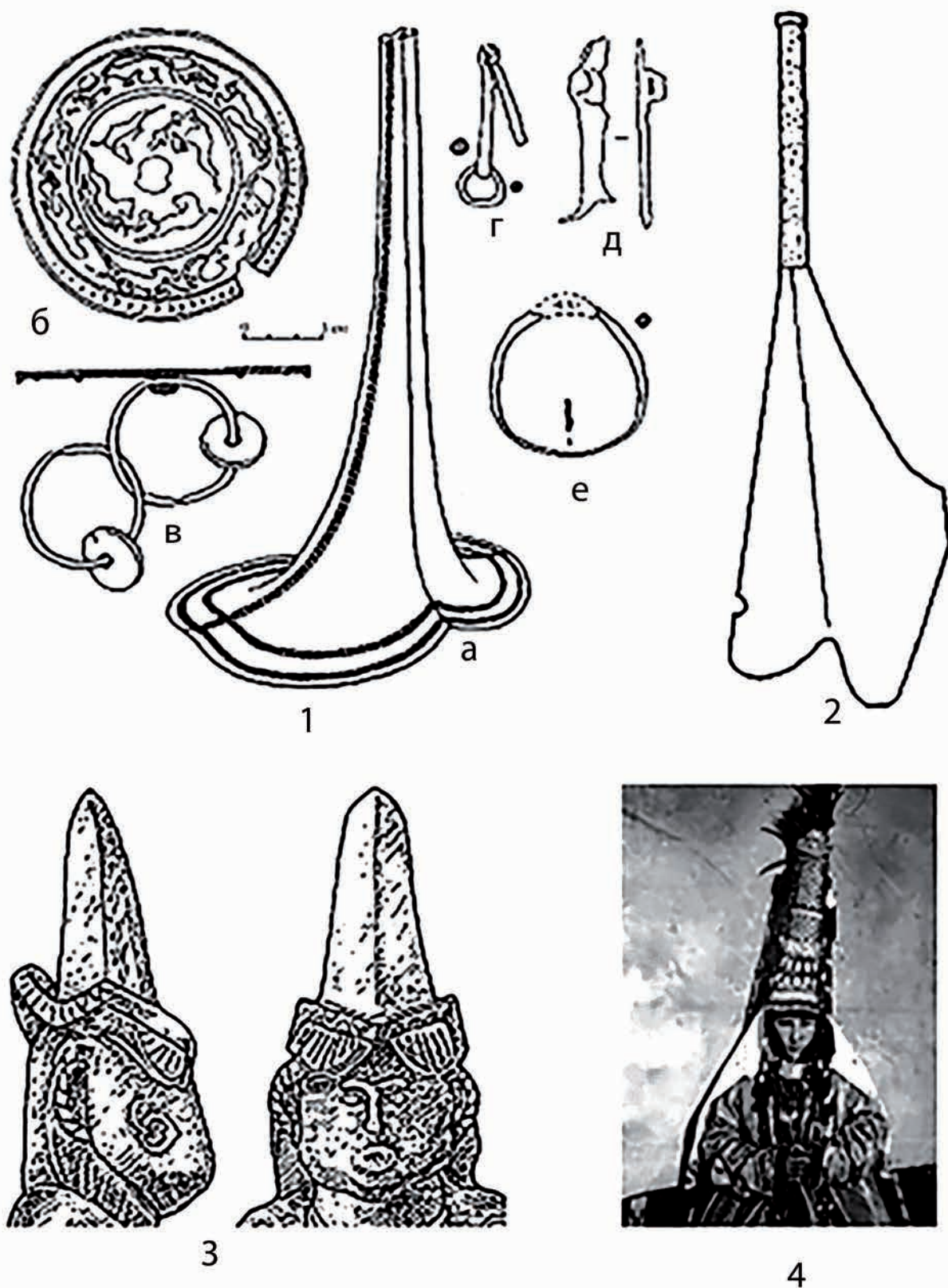

Рис. 2. 1 – Саукеле из Краснокутского кургана и сопроводительный инвентарь из погребения: а – саукеле; б – бронзовое зеркало; в – височные кольца с «костяными дисками»; г – удила; д – пластинчатый псалий; з – железное стремя; 2 – боктаг из Ждановского могильника в варианте реконструкции Ф. Х. Арслановой; 3 – головной убор на половецких изваяниях; 4 – казахский саукеле, фото XIX в.

В 1988 г. выходит в свет монография В. А. Иванова, В. А. Кригера «Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.)», в которой они относят остатки берестяных каркасов от боктаг, к «трубочкам для кос» [Иванов, Кригер, 1988, с. 18–19]. В более поздней монографии 2014 г. В. А. Кригер, подкрепляя раннее сделанные выводы, головной убор из Краснокутского кургана приводит как возможный вариант аналогии: «<...> известна находка серебряного парадного головного убора из Прииртышья <...>, весьма напоминающая головные уборы, изображенные на половецких каменных изваяниях. Вероятно, берестяные трубочки – это копия более древнего, еще времен кимако-кыпчакского объединения, головного убора, и в золотоордынское время они употреблялись менее состоятельными членами общества <...>» [Кригер, 2012, с. 33].

В 2013 г. Р. Р. Каримова в специализированной работе – «Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация)», в разделе «История изучения костюма кочевников Золотой Орды», также упоминает находку из Краснокутского кургана, но не относит ее к боктаг, считая, что «дальнейшее изучение различных форм головных уборов с обширной территории, поможет определить собственно монгольские шапки от немонгольских» [Каримова, 2013, с. 11]. В этом мы с ней солидарны.

Форма головного убора из Краснокутского кургана, по нашему мнению, не имеет никакого отношения к боктаг. Она отличается от нее как конструктивно – верхней частью (рис. 3, 4), так и кроем шапочки, судя по половецким каменным изваяниям (рис. 2, 3). Традиция бытования этого головного убора фиксируется у казахов, каракалпаков и некоторых групп узбеков, он маркирует статус замужней женщины (рис. 2, 4) и четко фиксируется по письменным и изобразительным источникам с XVIII в. Они были разной высоты и ширины в верхней части от тонких до толстых, примерно, до 10–15 см в диаметре, с площадкой для султана, который мог быть и на более ранних вариантах шапок половец-кыпчаков. Относительно этнической принадлежности этого головного убора были правы и Ф. Х. Арсланова, и В. А. Кригер, и В. А. Иванов, она в основе кыпчакская, так как кыпчаки сыграли главную роль в формировании тюркоязычных народностей в послемонгольскую эпоху. Ф. Х. Арсланова правильно определила его как саукеле. Мы предлагаем оставить за ним это обозначение, он продолжал бытовать, судя по этнографическим образцам, параллельно с монгольской боктаг. Необходимо отметить, что материалы погребения из Краснокутского кургана не относятся к монгольской эпохе, а являются комплексом предмонгольского периода кимако-кыпчакского владения в степях Евразии. В пользу чуть более ранней датировки говорят материалы могильников басандайской культуры с территории юга Западной Сибири. Ближайшей и единственной в азиатской части евразийских степей аналогией кольцам с дисками из погребения в Краснокутском кургане являются височные кольца со стеклянными и лазуритовыми дисками из могильников Санаторный-1, Басандайка и Ташара – Карьер-2, Осинковский, все они датируются периодом XII – первой половиной XIII вв. [Савинов, Новиков, Росляков, 2008, рис. 46, 1]. В женских погребениях могильника Санаторный-1 в кургане № 2 (погребение 13), кургане № 11 (погребение 1) найдены также зеркала, но отличающиеся орнаментацией. Еще одной недооцененной находкой, является опубликованный, но не атрибутированный Ф. Х. Арслановой предмет (рис. 2, 1d). Это обломок железного пластинчатого псаля с сапожковидным краем. Он также имеет аналогию в материалах кургана № 2 (погребение 1) могильника Санаторный-1. Из этого же погребения происходит полная аналогия стремянам из Краснокутского кургана (рис. 2, 1e) [Савинов, Новиков, Росляков, 2008, рис. 31–32].

Подводя итоги, можно констатировать ряд фактов:

1. Серебряный головной убор из Краснокутского кургана не относится к монгольской эпохе, и датируется предмонгольским периодом XII – началом XIII вв.
2. Головной убор из Краснокутского кургана является более ранним вариантом женского казахского головного убора «саукеле».
3. Этническая принадлежность Краснокутского головного убора, вполне уверенно определяется как кыпчакско-половецкая.

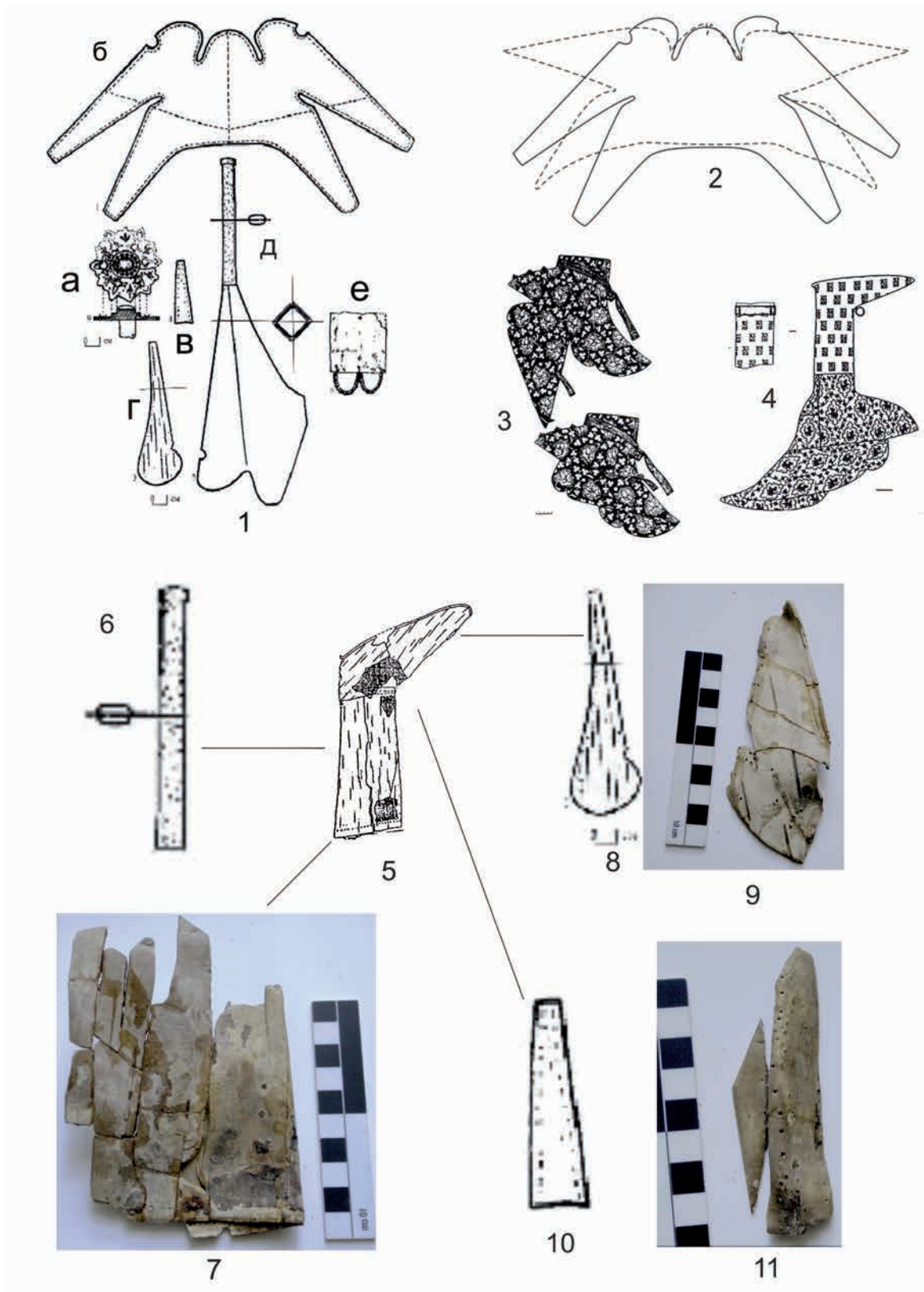

Рис. 3. 1 – Боктаг из к. № 14 Ждановского мог. в варианте реконструкции Ф. Х. Арслановой: а – золотая бляха от боктаг из к. № 25 Ждановского мог.; б – разворот и крой шапочки – основания убора из к. № 14; в, г – берестяные детали носика сапожкового типа; д – берестяной цилиндр из к. № 14; е – подвесное украшение из к. № 14; 2 – соотношение раскроев боктаг из могильников Ждановский (Казахстан) и Увек (Россия) пунктир; 3 – головные уборы из погребений Волго-Донского региона в летнем варианте ношения; 4 – реконструкция из мог. Царев, к. 61 (по: [Мыськов, 1995]); 5 – берестяное навершие из мог. Олень-Колодезь; 6, 8 10 – берестяные детали из к. № 14 Ждановского мог.; 7, 9, 11 – детали из п. 2 к. № 5 мог. Бахтияровка

Сам головной убор требует тщательного исследования современными специалистами разного профиля, от трасологического до рентгенофлуоресцентного метода, это позволит уточнить место этого уникального изделия среди других металлических изделий предмонгольского периода и возможно, определив состав сплава, в перспективе удастся установить место изготовления артефакта.

Ждановский могильник был открыт в 1955 г. в Павлодарской области, отрядом Центрально-Казахстанской экспедиции Академии наук КазССР, возглавлявшейся долгие годы патриархом казахстанской археологии – А. Х. Маргуланом. Благодаря Аликею Хакановичу в составе экспедиции был создан отряд под руководством Ф. Х. Арслановой, который занимался изучением памятников эпохи средневековья на территории Северо-Восточного Казахстана. Могильник располагался у совхоза им. Жданова, благодаря чему и получил свое название. Исследовался на протяжении двух полевых сезонов в 1960–1961 гг. (рис. 1, 2). Три кургана содержали погребения монгольского времени: два женских №№ 17, 25 и одно мужское. В женских погребениях встречены остатки головных уборов, которые по аналогии с серебряным головным убором из Краснокутского кургана Ф. Х. Арсланова отнесла к монгольским боктаг, а их реконструкцию (рис. 2, 2) выполнила по аналогии с Краснокутским головным убором (рис. 2, 1а). Кроме того, при публикации Краснокутской шапки в 1970 г. автором была допущена ошибка, вместо кургана № 25 в Ждановском могильнике, был указан № 17, что привело к тиражированию ошибки в работах исследователей последующих лет. Например, в работе М. В. Горелика «Введение в историю раннего монгольского костюма X–XIV вв. ...» на с. 34 [Горелик, 2011] и работе А. Г. Юрченко «Элита монгольской империи: время праздников, время казней» на с. 160 [Юрченко, 2013]. По этой причине, дабы впредь эта ошибка не повторялась, мы считаем необходимым привести частичное описание погребений №№ 14 и 25. Материал из кургана № 17 не опубликован [Арсланова, 2013].

Курган № 14, погребение 1. При погребенной найдены: на черепе – пластинка четырехугольной формы из тонкого бронзового листа (рис. 3, 1е), слева от черепа – крестец барана; на шейных позвонках и вдоль левой руки – пастовые бусины биконической формы белого и голубого цвета, на правом предплечье и правой половине грудной клетки до левого крыла таза лежали остатки головного убора из шелковой ткани.

«Заслуживают внимания остатки двух головных уборов, найденные в курганах 14 и 17 (кург. № 25 – прим. авт.), представляющие определенный интерес, так как по головному убору наиболее четко прослеживаются традиционные черты «социального и идеологического факторов». Значение их определяется уже тем, что они являются первыми подобного рода находками, полученными на территории Северо-Восточного Казахстана. Головной убор из кургана № 14 был изготовлен из плотной шелковой ткани коричневого цвета с вытканым золоченой нитью узором в виде круглых розеток, расположенных параллельными рядами; расстояние между ними заполнено ромбами и вариациями на растительные темы (мелкие листья, побеги). Подкладка выполнена из тонкой шелковой ткани песочного цвета. Головной убор конусообразной формы, оканчивающийся в верхней части четырехугольным отверстием (рис. 3, 1б), с вставленной в него берестяной трубкой (рис. 3, 1д), а в нижней – трилистником, слегка свисающим сзади и по бокам. Между подкладкой и верхом вшиты четыре берестяные пластинки (каркас), повторяющие форму каждой из четырех сторон головного убора (рис. 3, 1в–г); на берестяных пластинках, по прожилкам, имеются ромбовидные надрезы для предохранения их от растрескивания. Общая высота головного убора с сохранившейся частью берестяной трубки – 61 см; диаметр в нижней части 18 см, в верхней – 3 см. Длина берестяной трубки 21 см; диаметр ее, так же как и в верхней части головного убора, – 3 см. Вдоль трубки по двум противоположным сторонам ее сохранились следы игольного шва, на одном конце имеется надетое на трубку берестяное кольцо. Близкие по форме женские головные уборы изображены на половецких каменных изваяниях. В фондах Павлодарского областного историко-краеведческого музея хранится серебряная бокка,

датируемая X–XIII вв., по форме и размерам очень похожая на найденную в Ждановском могильнике. Традиционные черты бокки прослеживаются и в этнографическом материале о казахах, на головном уборе невесты – саукеле, сходство в покрое (конусообразная форма, трилистник) и в размерах – высота саукеле около 40–50 см.

Найденные в кургане № 17 (кург. № 25 – прим авт.) остатки второго головного убора гораздо худшей сохранности. Все же по сохранившимся фрагментам можно предполагать, что он, в основном, повторяет форму головного убора, рассмотренного выше (к. 14), и был сшит из шелковой ткани трех разновидностей. Верх был обшит очень неплотной тканью с вытканым золоченой нитью узором в виде крестообразных фигур, расположенных параллельными рядами» [Арсланова, 2013, с. 169].

Курган № 25. «Скелет женщины лежал вытянуто, на спине <...> в области грудной клетки найдены остатки шелковой ткани (ленты, нитки) коричневого цвета и фрагменты золотой ажурной броши» (рис. 3, 1а) [Арсланова, 2013, с. 166].

Поскольку Фирая Хабибуловна работала в начале 1960-х гг., время, когда тематика этих головных уборов только начинала свою разработку и аналогий кроме боктаг из Увека найденной в 1913 г. близ Саратова [Кротков, 1915, с. 111–133] и Краснокутского головного убора из серебра не было известно. Только в 1966 г. выходит фундаментальный труд «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов...», где впервые в истории советской и постсоветской археологии боктаг выделялись как отдельная статистическая категория инвентаря. На одном из рисунков воспроизводилась прорисовка его контура из Увека [Фёдоров-Давыдов, 1966, рис. 5, 5]. На первый взгляд боктаг из Ждановского могильника по форме напоминают головной убор из Краснокутского кургана, но это только на первый. Мы должны отдать дань уважения профессионализму и качеству камеральной проработки бокки из кургана № 14. Автор не только изучил материал, но и сделал совершенно корректную прорисовку шапочки основы (рис. 3, 1б) и выявленных берестяных деталей бокки (рис. 3, 1в–г). Для своего времени – 1970-х гг., это прогресс, опережение в области изучения боктаг остальные регионы, и в первую очередь Поволжского на десятки лет. Первая и единственная пока статья с разверткой и проработкой боктаг появилась только в 1995 г. [Мыськов, 1995]. Вторая прорисовка шапочки из Увека выполнена С. А. Пилипенко в 2015 г. в зале Саратовского областного музея краеведения, она публикуется в этой статье, в виде пунктирного наложения на шапочку из кургана № 14.

Первые сомнения в корректности реконструкции боктаг из Ждановского могильника в 2011 г. высказал М. В. Горелик [Горелик, 2011, с. 33–34]. Он предположил, что автор перевернул находку. Мысль, конечно, интересная, но не совсем отвечающая конструктивным особенностям убора из кургана № 14.

По нашему мнению, реконструкция должна выглядеть следующим образом. Шапочка, прорисованная Ф. Х. Арслановой, полностью совпадает по крою с шапочкой боктаг из Увека (рис. 3, 2), где прерывистым контуром наложена шелковая шапочка из Увека на аналогичную по крою шапочку из Ждановского могильника. Это не соответствует первичной реконструкции боктаг Ф. Х. Арслановой. Такой тип шапочек хорошо известен в памятниках кочевников золотоордынского периода из Поволжья и подробно изучен Е. П. Мыськовым (рис. 3, 3). На рисунке хорошо видно, как носили эти шапочки с опущенными ушами и завязанными на затылке в летнее время.

Отличительной особенностью этих монгольских головных уборов, была их разборность. Так шапочки являлись только дополнением к самой боктаг, которая состояла из берестяного или тканного полусферического основания, от которого шли широкие ленты, охватывающие затылок и подбородок, и фиксировались бантом. Ленты, идущие сверху вниз от боктаг до подбородка обычно украшались декоративными ромбическими элементами из бересты или дерева, расширенными тканью и жемчугом. К полусферическому основанию пришивался двухслойный цилиндр, к верхнему краю которого крепились более мелкие пластины и формировали навершие в форме

капители или сапожка, в зависимости от региона Монгольской империи. Монгольские шапочки имели разрез в задней части с завязками и накладывались на лоб женщины по оси. Затем после того как шапочка окутывала голову и берестяную тулью, боктаг завязывалась на затылке, стягивая ее на голове до лопаток. Ф. Х. Арсланова ошибочно восприняла материал и, ориентируясь на Краснокутский головной убор сложила шапочку в перевернутом на 180° виде, расположив трубку с другой стороны. Переходим к описанию берестяных деталей бокки (рис. 3, 1в–г), расположенных, по мнению автора раскопок, внутри тканой шапочки, выполняя функцию каркаса. В данном случае Ф. Х. Арсланова, была права только отчасти. Для более точной атрибуции берестяных деталей обратимся к материалам одной из боктаг в собрании Волгоградского областного историко-краеведческого музея, параллельно мы их вводим в научный оборот. находка была склеена С. А. Пилипенко из более чем 45 фрагментов. Изделие происходит из раскопок 1967 г. экспедиции И. П. Лисицына. находка выявлена в погребении 2 кургана № 5 могильника Бахтияровка (инв. номер ВОКМ 4688/109). От боктаг сохранились три части: цилиндр из однослойного листа бересты, снятого пластовым методом, высотой 12 см и сохранившейся шириной 13,5 см (с учетом загиба) (рис. 3, 7). Данный предмет аналогичен таковому из кургана № 14 Ждановского могильника. Они соответствуют цилиндру боктаг сапожковидной разновидности из кургана № 9 могильника Олень-Колодезь [Ефимов, 1999, рис. 8, 1]. Высота и ширина цилиндров могла быть разной. Каплевидная берестяная деталь Ждановской боктаг из кургана № 14 (рис. 3, 8) соответствует аналогичной детали из Бахтияровки 1967 г. (рис. 3, 9). Она является частью основы выступающей формы носика сапожка. Прямоугольная деталь (рис. 3, 10) Ждановской находки из кургана № 14 соответствует близкой по очертаниям детали (рис. 3, 11) убора из Бахтияровки 1967 г. Также как и предыдущая, она являлась частью выступа носика сапожка и крепилась к верхнему краю цилиндра в сочетании с деревянным каркасом из прутьев. Таким образом, мы видим, что детали боктаг из кургана № 14 Ждановского соответствуют наверхицам головных уборов сапожкового типа, а не контуру шапки из Краснокутского кургана. В собранном виде, берестяные детали боктаг из Ждановки были аналогичны расположению деталей головного убора из кургана № 2 могильника Олень-Колодезь; кургана № 5 (погр. 2) могильника Бахтияровка 1967 г. из Поволжья и боктаг из кургана № 7 (погр. 1) Новокумакского могильника [Бытковский и др., 2014, рис. 8, 1]. В сочетании с шапочкой Ждановские боктаг должны быть аналогичны изделиям из могильника Царева кургана № 61 (погр. 1) (рис. 3, 4), только с более тонким наверхием. Относительно декора шапочки у нас информации мало, но золотая бляха из кургана № 25 может существенно дополнить нашу реконструкцию. Не надо также забывать о наличии бус в погребении кургана № 14, но они могли украшать и шею в качестве ожерелья. Таким образом, мы получаем информационный потенциал для более точной реконструкции боктаг из Ждановского могильника. К большому сожалению, их поиски в Павлодаре и Алматы не привели ни к каким результатам. Будем надеяться, что этот уникальный комплекс не утрачен и когда-нибудь, станет достойным украшением одного из музеев Казахстана.

Важно отметить некоторые выводы этого раздела:

1. Головной убор из кургана № 14 Ждановского могильника, действительно, соответствует обозначению «боктаг», и отличается от первоначальной реконструкции предложенной Ф. Х. Арслановой;

2. Ждановские боктаг относятся к сапожковой разновидности и выступают на северо-востоке Казахстана в качестве маркера их присутствия, намечая восточную границу распространения (рис. 1, 2) к востоку от Урала.

Бозок. Некрополь Бозок расположен в Акмолинском Приишимье, на окраине г. Астана [Акишев, Хабдулина, 2004; 2011; Хабдулина, 2010]. Исследования проводились Ишимской археологической экспедицией под руководством К. А. Акишева, начальник отряда Ю. А. Мотов [Акишев, Хасенова, Мотов, 2008]. В 2002 г. в южной части памятника, при раскопках женского погребения № 2, в раскопе V (рис. 1, 3) датированного монгольским периодом, помимо раз-

лично инвентаря были найдены остатки боктаг. Они были исследованы как часть костюма женщины золотоордынского времени. В рамках данной работы совместно с М. К. Хабдулиной была выполнена пробная реконструкция головного убора (рис. 4, 1) [Хасенова, 2011]. В основу графической реконструкции были положены сохранившиеся части бокки, а также берестяной цилиндр, зафиксированный слева от черепа погребенной (рис. 4, 7б; 8). Немного раньше Е. В. Веселовской была сделана антропологическая реконструкция (рис. 4, 2), где было использовано уже больше материалов, найденных в погребении № 2. За основу была взята все та же полусферическая шапочка, с вертикально отходящим от неё цилиндром. Цилиндр был украшен с лицевой стороны тремя раковинами каури, расположенных вертикально друг над другом. С правой и левой стороны шапочки, в районе висков спускались две подвески в виде ромбовидных элементов. Грудная часть бюста была украшена копией найденного ожерелья из бус разной величины. Авторами была проделана большая работа не только по разборке и интерпретации деталей головного убора, но и выполненная двухуровневая реконструкция – графическая и морфологическая, в виде трехмерного бюста с элементами реконструкции. Поскольку боктаг была без верхней части, восприятие объекта шло в этой парадигме с опорой на аналогичную реконструкцию по материалам, обнаруженным близ с. Сторожовое в Полтавской области на Украине (рис. 4, 3) [Коваленко, Луговий, 2011]. Спустя время, возникла необходимость вернуться к данной реконструкции, так как на основании новых данных возможно более полное воссоздание облика этого головного убора.

Для решения этой задачи, необходимо вновь рассмотреть все имеющиеся материалы, связанные с боктаг из Бозока. Отметим, что графическая фиксация остатков головного убора, сосредоточенных вокруг черепа, была кропотливо выполнена Ю. А. Мотовым. Юрием Аркадьевичем было сделано два рисунка до (рис. 4, 7) и после снятия черепа (рис. 4, 4).

Справа и слева от нижней челюсти располагались скопления жемчуга и мелких бус белого цвета. В отдельных случаях бисер сохранил свое первоначальное расположение, сохраняя форму ромбов, которые украшали широкие ленты, идущие от берестяного каркаса боктаг под шапочкой к подбородку, где они заканчивались бантом (рис. 4, 7б; 4б). Чуть выше правой части черепа (рис. 4, 4 а, 7а) расположено скопление бисера, которое, на первый взгляд, выглядит, как продолжение ленты с бисером, продолжающейся от угла правой челюсти вверх и в сторону, но проведенные С. А. Пилипенко эксперименты с размещением ювелирного бисерного украшения на лбу человека, голова которого смещается вправо, как в погребении № 2 (рис. 4, 7) позволили установить, что украшение сползло вправо, со смещением аналогично расположению скопления на рисунке (рис. 4, 4а, 7а). Таким образом, мы можем предполагать, что скопление 4а и 7а является не частью ленты, а украшением (рис. 4, 6а) несохранившейся верхней части берестяного навершия (рис. 4, 6д). Этому не противоречат картины монгольских ханш из Пекинского дворца периода Юань (рис. 4, 5а). Слева от черепа были зафиксированы остатки берестяного цилиндра (рис. 4, 8) который вероятно, первоначально размещался непосредственно на черепе погребенной. Позже, под действием давления проседающей сверху земли, он сначала сместился с головы в левую сторону, и далее по мере сгнивания тканной основы и деградации берестяной коры, цилиндр оказался разорванным продольно, одна из его частей продолжила смещение под наклоном в сторону восточного угла могилы (рис. 4, 8б–в), увлекая за собой часть украшений раковин каури, которые возможно, размещались группой по три штуки у верхнего края цилиндра.

Сам берестяной цилиндр, несмотря на плохую степень сохранности, был взят монолитом и изучен отдельно. Это единственная берестяная деталь боктаг, которая сохранилась. Степень деградации бересты не позволила нам выявить следы проколов иглой. Однако удалось установить первоначальные размеры цилиндра. Он был изготовлен из однослойного листа бересты прямоугольной формы, снятого пластовым методом при помощи ножа с дерева среднего возраста в весенне-летний период, т. к. на внутренней стороне коры отсутствуют следы луба и потемнения. Высота цилиндра 9 см, сохранившаяся ширина (с учетом подворота) 12,5 см. Эти данные позволят нам в дальнейшем проводить сравнения с цилиндрами других боктаг.

Размещение раковин каури на реконструкции (рис. 4, 2) вертикально, учитывая их смещенное положение в погребении (рис. 4, 8а) кажется нам не совсем правомерным. Раковины, как и жемчуг, на боктаг старались размещать группами, подражая различным декоративным элементам, и подобно жемчугу, выкладывая в различные композиции. Например, известны композиции «десять жемчужин», которые помещены в треугольники, или «цветы на дереве с опавшими листьями» [Доде, 2008, с. 54]. Мы предлагаем новое размещение раковин у боктаг из Бозока (рис. 4, 9), разместив их в верхней части цилиндра, под буквой «а» (рис. 4, б), группой по три штуки при переходе к верхней несохранившейся части навершия (рис. 4, бд), на плане обозначена пунктиром. Лицевая часть была украшена бисерной расшивкой (рис. 4, ба). Аналогичное размещение раковин каури отмечено у боктаг монголо-тяньшанской разновидности из погребения 1 кургана № 10 могильника Боз-Адыр в Кыргызстане [Орозбекова, Акматов, 2016].

Положение свободно свисающих подвесок на реконструкции (рис. 4, 2) вызывает сомнение в их использовании в этом качестве. Судя по их расположению в погребении возле черепа (рис. 4, 7б) и челюсти (рис. 4, б) их следует считать частью декора широких лент, которые поддерживали берестяной каркас боктаг, продолжались далее по щекам под подбородок и там завязывались. Этому не противоречат и портреты ханских жен династии Юань (рис. 4, 5б).

Подводя итоги работы с боктаг из Бозока, мы должны отметить следующие моменты:

1. Благодаря профессионализму руководителя отряда Ю. А. Мотова, стало возможным вывести материал бозокского погребения № 2 из раскопа V на уровень графической и объемной скульптурной реконструкции. После реконструкций Ф. Х. Арслановой это вторая и более удачная попытка восстановить внешний облик боктаг.

2. С опорой на материалы реконструкции внешнего облика боктаг из Бозока, в результате дополнительного знакомства с материалами раскопок, уточнения размещения деталей в погребении, стало возможным подкорректировать ранее сделанные реконструкции (рис. 4, б). Уточнены функционал боковых лент с ромбовидной расшивкой жемчугом (рис. 4, бб), расположение раковин каури (рис. 4, 8а), размещение лицевого украшения верхней несохранившейся части (рис. 4, ба, д).

Таким образом, мы получили новый более достоверный вариант боктаг, бытовавшей в Центральном Казахстане. Что касается формы верхней части навершия, то здесь мы пока ничего сказать не можем пока не станет ясно, где именно место бокки из Бозока – на периферии или в центре территории распространения сапожковидных боктаг.

Приведенная нами работа с материалами боктаг из Сарыарки позволила нам:

1. Выявить и обобщить информацию о четырех женских головных уборах, отнесенных различными исследователями к боктаг.

2. В ходе анализа информации о находке, основываясь на их конструктивных данных, нам удалось датировать серебряный головной убор из Краснокутского кургана более ранним предмонгольским периодом и атрибутировать его как более ранний вариант «саукеле».

3. При работе с боктаг из Ждановского могильника, нами было аргументировано предложено новый вариант их реконструкции, кардинально отличный от предыдущего.

4. Работа с боктаг из Бозока позволила нам уточнить особенности её конструкции и декора.

5. Обобщение информации о недавней находке боктаг в Шолак-Карасу (Муқыре), позволяет создать задел для дальнейшей работы в регионе.

Возвращаясь к ранее поставленным задачам о разграничении двух ареалов боктаг с разными типами наверший, мы можем констатировать заполнение разрыва между двумя массивами в регионах Центрального и Северо-Восточного Казахстана новыми памятниками с боктаг и выделением бокки сапожкового типа в Ждановском могильнике. Это позволяет продлить восточную границу бытования боктаг данной разновидности дальше на восток от Западного Казахстана к его северо-восточной границе, максимально её приблизив к границе бытования боктаг монголо-

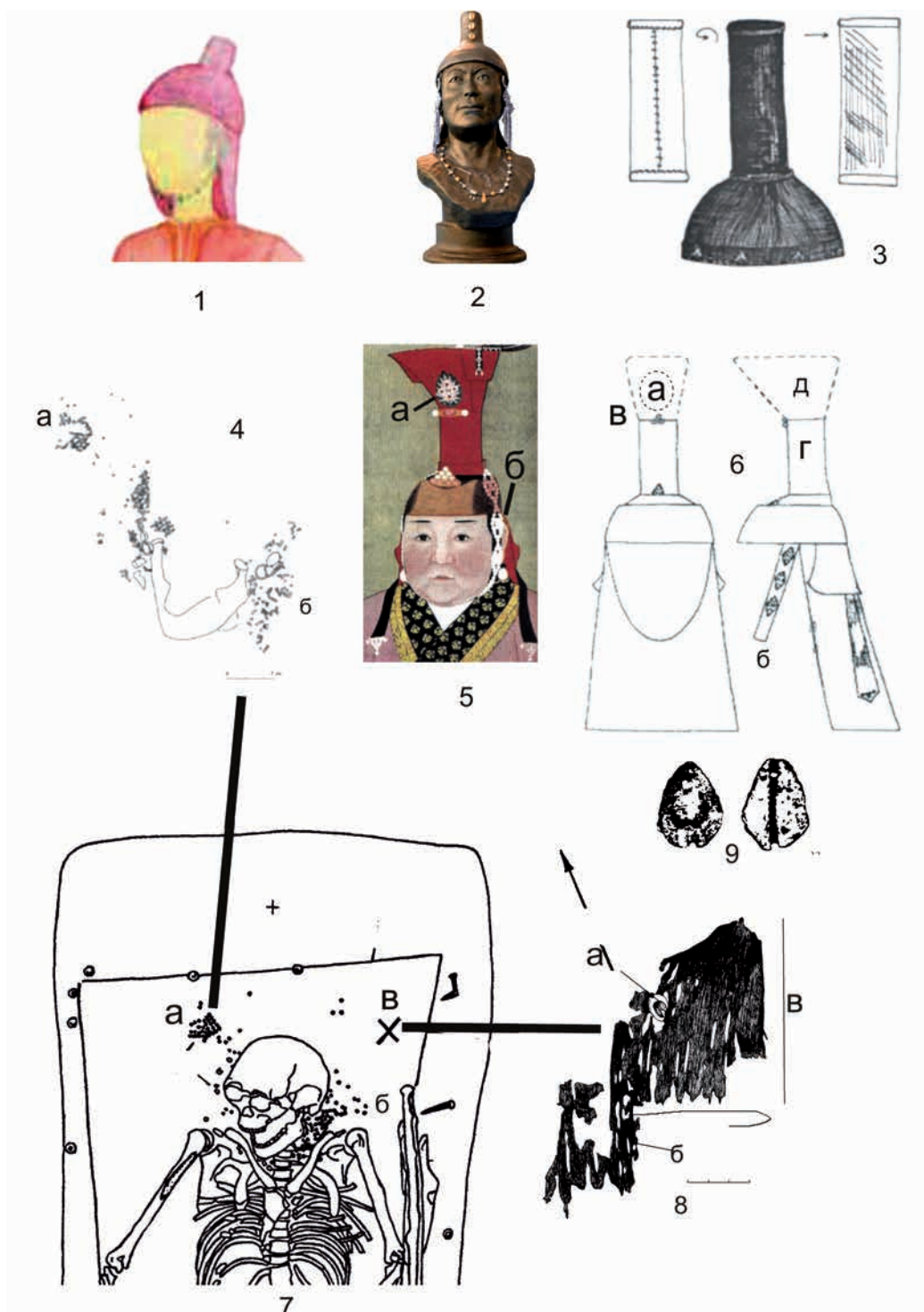

Рис. 4. 1, 2 – реконструкция боктаг из некрополя Бозок; 3 – реконструкция из с. Сторожовое Полтавской обл. Украины (по: [Коваленко, Луговий, 2011]); 4 – положение деталей боктаг в районе челюсти: а – скопление бисера с верхней части; б – скопление бисера от лент с декоративными ромбовидными элементами; 5 – портрет ханши династии Юань в боктаг с выделением основных конструктивных элементов: а – украшение бисером верхней части наверхия; б – оформление ленты с ромбовидными сегментами; б – новый вариант реконструкции боктаг из Бозока по С. А. Пилипенко с выделением основных конструктивных элементов: а – зона украшения наверхия бисером; б – оформление ленты ромбовидными элементами; г – цилиндр; д – реконструируемое наверхие; 7 – расположение деталей боктаг в районе черепа: а – скопление бисера с верхней части; б – скопление бисера от лент с ромбовидными декоративными элементами; в – положение берестяного цилиндра в погребении; 8 – разрез и расположение берестяных деталей цилиндра в погребении: а – каури; б, в – высота и ширина цилиндра; 9 – раковина каури

тяньшанской разновидности с капителеобразным навершием сложного типа (рис. 4, 5). Надеемся, что дальнейшее исследование боктаг в этом регионе, позволят нам уточнить границы бытования разных типов этих головных уборов. Их распространение зависело от принадлежности к тому или иному монгольскому улусу.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К. А., Хабдулина М. К.** Средневековое городище Бозок: семантика планиграфии и функции // Этнические взаимодействия на Южном Урале: матер. II регион. научн.-практич. конф. – Челябинск, 2004. – С. 13–16.
- Акишев К. А., Хабдулина М. К.** Древности Астаны: городище Бозок. – Астана: НИИ археологии им. К.А. Акишева, 2011. – 260 с.
- Акишев К. А., Хасенова Б. М., Мотов Ю. А.** К вопросу о монгольских погребениях XIII–XIV вв. (по материалам некрополя городища Бозок) // Бозок в панораме средневековых культур Евразии. – Астана: Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва, 2008. – С. 56–65.
- Арсланова Ф. Х.** Погребение золотоордынского времени в Павлодарской области // По следам древних культур Казахстана: сб. научн. ст. – Алма-Ата: Наука, 1970. – С. 54–59.
- Арсланова Ф. Х.** Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. – Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2013. – 406 с. Отв. ред. З. Самашев, сост. Б. М. Хасенова.
- Бытковский О. Ф., Заседателева С. Н., Матюшко И. В., Харламова П. В.** Средневековые захоронения Новокумакского могильника (III северо-западная группа) // Археологические памятники Оренбуржья: сб. научн. тр. – Оренбург: ООО «НПК Университет», 2014. – Вып. 11. – С. 214–228.
- Горелик М. В.** Введение в историю раннего монгольского костюма X–XIV вв. (по изобразительным источникам) // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. – М., 2011. – № 1. – С. 33–34.
- Доде З. В.** К вопросу о боктаг // РА. – 2008. – № 4. – С. 52–63.
- Длужневская Г. В., Савинов Д. Г.** Памятники древности на дне Тувинского моря. – СПб.: Элексис Принт, 2007. – 198 с.
- Ефимов К. Ю.** Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Донская археология. – 1999. – № 3–4. – С. 93–108.
- Иванов В. А., Кригер В. А.** Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). – М.: Наука, 1988. – 96 с.
- Каримова Р. Р.** Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Сер. «Археология евразийских степей». Вып. 16. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – 212 с.
- Коваленко О. В., Луговий Р. С.** Кочевницьке поховання XIII ст. поблизу с. Сторожовое Полтавської обл. // Старожитності лівобережного Подніпров'я: Збіник наукових праць. Київ – Полтава, 2011. – С. 160–173.
- Котеньков С. А.** К вопросу об этнической принадлежности головного убора – бокки // Диалоги городской и степной культур на евразийском пространстве. – Казань, Астрахань, 2011. – С. 200–204.
- Крамаровский М. Г.** Бокка в «портрете» дамы на фрагменте росписи из Турфанского оазиса (храм «Т» в Хочо) // «Подарок созерцающим». Странствия Ибн Батутты: Каталог выставки. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2015. – С. 413–419.
- Кригер В. А.** Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X–XIV вв.). – Уральск: Евразийский союз ученых, 2012. – 200 с.
- Кротков А. А.** Раскопки на Увеке в 1913 году // Труды Саратовской учёной архивной комиссии. – Саратов: Типо-литография Губернского Правления, 1915. – Вып. 32. – С. 111–133.
- Могильников В. А.** Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. / Археология СССР. – М.: Наука, 1981. – 302 с.
- Мыськов Е. П.** О некоторых типах головных уборов населения Золотой орды // РА. – 1995. – № 2. – С. 36–43.
- Мыськов Е. П.** Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. – Волгоград: Волгоградский фил. РАНХиГС, 2015. – 483 с.

- Орозбекова Ж., Акматов К. Т.** Женские головные уборы у населения Тянь-Шаня в монгольскую эпоху // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – 2016. – Т. 15. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 174–186.
- Пилипенко С. А.** Бокка сложной конструкции из курганного могильника Телеутский Взвоз-I в Степном Алтае (технологичный аспект) // Известия АлтГУ. – 2013. – № 4/2 (80). – С. 84–87.
- Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г.** Верхнее Приобье на рубеже эпох (Басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 423 с.
- Табалдиев К.** Курганы средневековых кочевников Тянь-Шаня. – Бишкек: «Айбек», 1996. – 256 с.
- Тишкин А. А., Пилипенко С. А.** Берестяные детали женских головных уборов в курганах монгольского времени памятника Телеутский Взвоз-I (Верхнее Приобье): восточные и западные аналогии // Восток и Запад: проблемы синхронизации этнокультурных взаимодействий: тез. XVII Междунар. Западносиб. археол.-этногр. конф., посвящ. 110-летию В.Н. Чернецова, 110-летию Г.Ф. Дебеца, 115-летию А.П. Дульзона (20–22 апреля 2016, г. Томск). URL: http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/Тишкин_Пилипенко.pdf.
- Фёдоров-Давыдов Г. А.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. – М.: Изд-во МГУ, 1966. – 276 с.
- Хабдулина М. К.** Бозок как древнетюркский культовый центр на реке Ишим // Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие. – Алматы: Археологическая экспертиза, 2010. – С. 177–189.
- Хасенова Б. М.** Костюм знатной женщины золотоордынского времени: бокка, шелк, жемчуг // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. – Вып. 3. – С. 447–454.
- Юрченко А. Г.** Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. – СПб.: Евразия, 2012. – 504 с.

**II. ТУРГАЙ – ПЕРЕКРЕСТОК ПУТЕЙ:
МИР САКСКИЙ И МИР САРМАТСКИЙ.
ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕГО
ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ТУРГАЯ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ**

II. 1 ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ БРОНЗОВОГО ИНВЕНТАРЯ МОГИЛЬНИКОВ БЕСОБА И СЫНТАС

В 70-е гг. XX в. экспедициями под руководством М. К. Кадырбаева были полностью исследованы савроматские могильники Бесоба и Сынтас, расположенные на территории Западного Казахстана в верховьях р. Илек. Оригинальные усыпальницы военной верхушки, жрецов и племенных вождей Южного Прииуралья исследователь датировал VI–VI вв. до н.э. [Кадырбаев, 1984, с. 93]. В погребениях обнаружена серия уникальных бронзовых предметов — шедевров бронзолитейных технологий савроматов, к числу которых относились бляхи, фигурные пронизи, псалии с реалистичными изображениями животных и птиц, несколько сотен наконечников стрел, зеркала, культовые предметы. Материалы могильника Бесоба (курганы №№ 4, 5, 9) частично были опубликованы исследователем [Кадырбаев, 1981; Кадырбаев, 1984], цветные фото уникальных блях с изображениями животных помещены в каталоге выставки и материалах конференции «Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens» [Unbekanntes Kasachstan, 2013]. В 1980-е гг. по просьбе Мира Касымовича были отобраны срезы на металлографический анализ (36 предметов), частично был произведен Э.Ф. Кузнецовой спектральный полуколичественный анализ (19 экз.), однако исследование химического состава остальных изделий в связи с мизерной площадью шлифов стало возможным только в настоящее время с использованием методов микрорентгеноспектрального анализа (МРСА). В предлагаемой публикации подводятся итоги изучения небольшой части бронзовых изделий могильников (36 экз., в т.ч. и неопубликованных изделий) с точки зрения химического состава и технологии изготовления цветного металла с использованием методов металлографического, спектрального полуколичественного и микрорентгеноспектрального анализов.

Металлографический анализ осуществлен в лаборатории ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН с учетом созданной базы данных и эталонов медных, оловянных, мышьяковых, многокомпонентных бронз в литом, отожженном, деформированном состоянии с использованием различных термических режимов. Микроструктурный анализ проведен на микроскопе Axio Observer D1m (Zeiss) с фиксацией цветных структур с высокой разрешающей плотностью и при большом увеличении посредством цифровой камеры Axio Cam на компьютере. Использование программного обеспечения Axio Vision Multiphase позволило анализировать частицы для двух–четырёхфазных материалов с определением процентного содержания их в металле и тем самым уточнять количественные характеристики химического состава меди и бронз. С помощью про-

граммы Axio Vision Grains уточнены размеры кристаллов в соответствии с международными стандартами ISO 643, что необходимо для оценки параметров температурных режимов обработки металла. Замеры микротвердости металла произведены на микротвердомере ПМТ-3М. С целью уточнения состава, качественной и количественной характеристики включений в металле был произведен микрорентгеноспектральный анализ фазовых составляющих на заполиро-

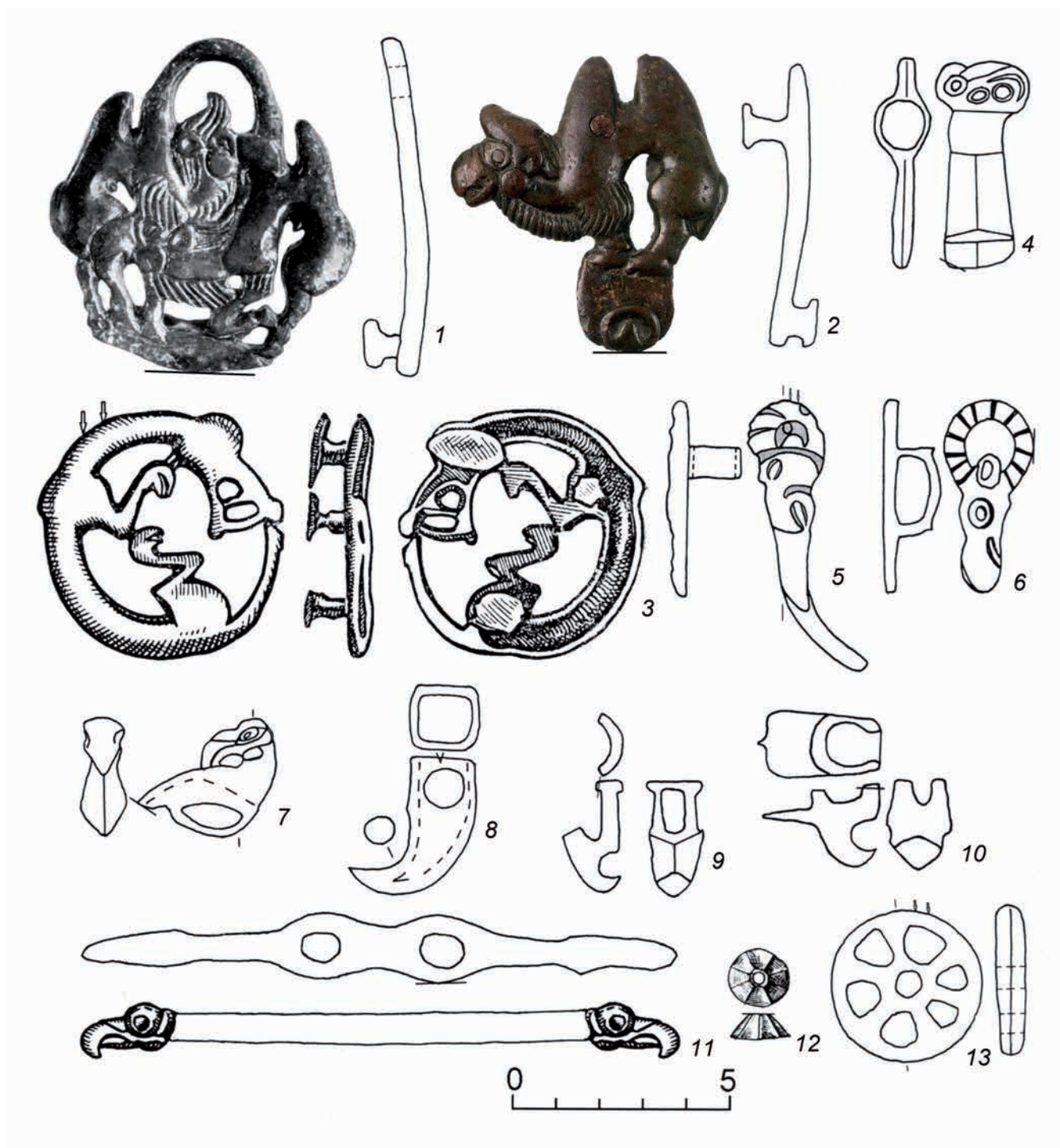

Рис. 1. Бляхи и предметы конской упряжи из материалов могильников Бесоба и Сынтас (секущими линиями показаны срезы на шлифы, стрелками — площадь поверхностной подполировки).

1, 2, 3 — бляхи (ан. 713, 714, 715); 4–7 — пронизи (ан. 729, 740, 718, 716); 8–10 — распределители уздечных ремней (ан. 719, 736, 736); 11 — псалий (ан. 722); 12 — ворворка (ан. 721); 13 — колесико-амулет (ан. 720) (1, 7, 8, 12 — мог. Бесоба, к. 5; 2, 3 — мог. Бесоба, к. 9; 4, 5, 9, 10, 13 — мог. Бесоба, к. 8; 6 — мог. Сынтас, к. 3; 11 — мог. Бесоба, к. 4)

ванных шлифах на микронзондовом анализаторе Camebax SX50 (W%) на кафедре минералогии МГУ им. М. В. Ломоносова кандидатом геолого-минералогических наук И. А. Брызгаловым, которому признательны за возможность использования результатов анализа.

В аналитически изученную серию бронзовых изделий вошли три бляхи. В кургане 5 могильника Бесоба обнаружены три практически идентичные бляхи с реалистичными рельефными изображениями двух противостоящих верблюдов и хищника на переднем плане в центре композиции. Бляхи различаются по месту расположения шпеньков на обратной стороне. Длина металлографически исследованной бляхи составляет 7,8 см, ширина 7 см (рис. 1, 1; ан. 713). Следующая разновидность блях представлена также 3 экз., обнаруженными в кургане 9 могильника Бесоба, с изображением одиночного верблюда с петлей наверху (1 экз.) или без петли (2 экз.), с различным расположением шпеньков на обратной стороне. Длина исследованного украшения 6,9 см, ширина — 6 см (рис. 1, 2; ан. 714). Третья бляха отлита в виде свернувшегося в кольцо хищника с тремя шпеньками на обратной стороне диаметром 5,7 см (рис. 1, 3; ан. 715).

Пронизи представлены 4 экз., одна из которых отлита в виде топорика со сквозным отверстием и навершием, украшенным завитками рогов барана, длиной 5 см. Обнаружено в кургане 8 могильника Бесоба (рис. 1, 4; ан. 729). Две пронизи изготовлены в виде рельефных головок баранов в профиле с контурами морды, глаз, рта, завитков рогов (длина изделий 6,3 и 4,5 см). На обратной стороне имеется петелька, квадратная в плане. Пронизи обнаружены в кургане 8 могильника Бесоба и в кургане 3 могильника Сынтас (рис. 1, 5, 8; ан. 740, 718). Четвертая фигурная пронизь в виде фигурки орла (?), со сквозными отверстиями в нижней части изделия, длиной 3,1 см, обнаружена в кургане 5 могильника Бесоба (рис. 1, 7; ан. 716).

Распределители уздечных ремней найдены в кургане 5 (1 экз.), кургане 8 (2 экз.) могильника Бесоба. Одно изделие имеет круглое в сечении когтевидное завершение, округлые сквозные симметричные отверстия, длину 3,5 см (рис. 1, 8; ан. 719). Два других изделия с когтевидными завершениями украшены в верхней части арочными отверстиями, у одного из них имеется у основания отверстия поперечный щиток (рис. 1, 9, 10; ан. 735, 736). Длина предметов 2,7 и 1,7 см.

Псалий обнаружен в кургане 4 могильника Бесоба, имеет два сквозных отверстия в середине изделия, длину 14 см. Предмет круглый в сечении, окончания завершены скульптурными головками орлов (рис. 1, 11; ан. 722).

Ворворка отлита в виде конуса с продольными гранями, диаметр вверху 0,7, внизу — 1,5 см, обнаружен в кургане 5 могильника Бесоба (рис. 1, 12; ан. 721). Колесико-амулет найден в кургане 8 могильника Бесоба. Изделие имеет центральное отверстие и шесть отверстий по краю диска, диаметр 3,9 см, толщина 0,7 см (рис. 1, 13; ан. 720).

Аналитически исследованы также 16 экз. наконечников стрел и приставка к наконечнику стрелы. Наконечники стрел распределяются на черешковый экземпляр (1 экз.) и втульчатые изделия (15 экз.). Черешковый наконечник имеет ромбическое в сечении перо, удлиненный черешок, прямоугольный в сечении. Изделие найдено в кургане 11 могильника Бесоба, длина стрелы 3,4 см (рис. 2, 2; ан. 725).

Втульчатые наконечники стрел подразделяются на двух- и трехлопастные в сечении. Двухлопастные стрелы с выступающей втулкой имеют удлиненное лавролистное или листовидное перо, ромбическую нервюру, длину 3,2–4,7 см (5 экз.; рис. 2, 3–7; ан. 734, 731, 741, 742, 732). На лезвийной части четырех изделий имеются продольные арочные углубления, сбоку в нижней части одной стрелы отлит шип. Изделия обнаружены в курганах 5, 9, 11 могильника Бесоба.

Трехлопастные стрелы подразделяются на изделия с выступающей и скрытой втулкой. К типу трехлопастных с выступающей втулкой относятся 7 экз., длина изделий 1,9–3,8 см (рис. 2, 8–14; ан. 738, 744, 730, 726, 739, 737, 727). Они обнаружены в курганах 5, 9, 11 могильника

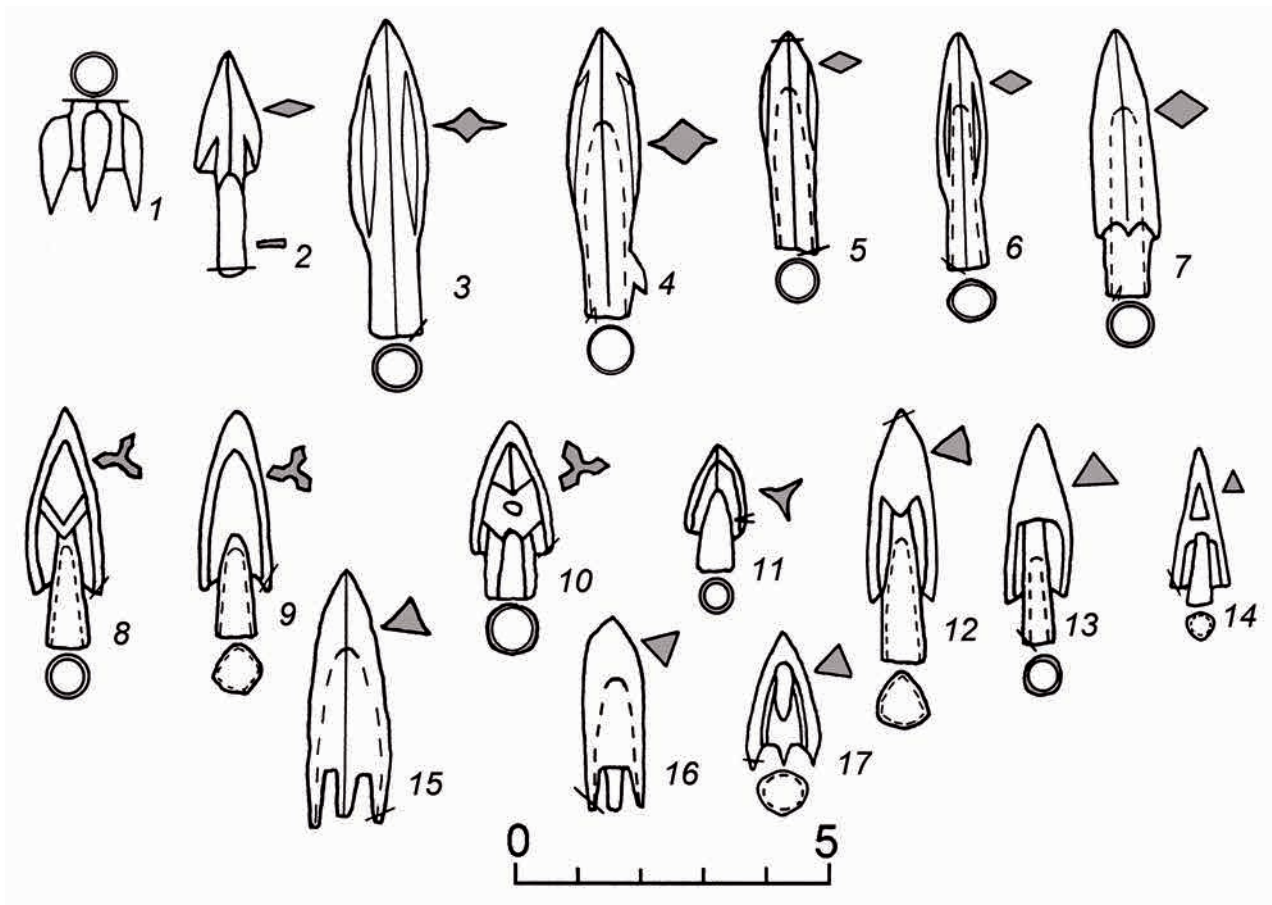

Рис. 2. Приставка к наконечнику стрелы (1) и наконечники стрел (2–17) из материалов могильника Бесоба (секущими линиями показаны срезы на шлифы).
1, 5, 6, 8, 9, 12, 13, 16 — к. 5, колчан 2 (ан. 724, 741, 742, 738, 744, 739, 737, 743); 2, 4, 11, 14, 17 — к. 11 (ан. 725, 731, 726, 727, 728); 3, 7, 10, 15 — к. 9 (ан. 734, 732, 730, 733)

Бесоба. Тип трехгранных наконечников стрел со скрытой втулкой насчитывает 3 экз., длина изделий 2,3–3,9 см, обнаружены в курганах 5, 9, 11 могильника Бесоба (рис. 2, 15–17; ан. 733, 743, 728). Один экземпляр представлен приставкой к наконечнику стрелы, имеет круглую в сечении втулку с тремя шипами. Обнаружен в колчане 2 кургана 5 могильника Бесоба (рис. 2, 1; ан. 724). В этом же колчане обнаружено 194 бронзовых наконечников стрел практически всех перечисленных типов.

В исследованной серии пять зеркал и серьга. Три зеркала и отломанная ручка относятся к типу круглых дисков с боковой ручкой прямоугольной формы (рис. 3, 1–4; ан. 745, 746, 749, 748). Одно из них имеет утолщение по краю диска. Общая длина изделий 16,1–24 см, диаметр дисков 11,5–16,5 см. Зеркала и ручка от зеркала найдены в курганах 4 и 11 могильника Бесоба. Один экземпляр относится к типу круглых дисков без ручки с двумя отверстиями, диаметрально расположенными. Изделие обнаружено в кургане 9 могильника Бесоба (рис. 3, 5; ан. 747). В кургане 3 могильника Сынтас найдена серьга круглой формы с заостренными окончаниями, одно из которых свернуто в петельку. Длина изделия 4,2 см, диаметр проволоки 1 мм (рис. 3, 6; ан. 723).

Металл могильников неоднороден по своему составу и представлен в подавляющем большинстве легированными сплавами с обязательным присутствием олова в составе (80,6% изделий), в меньшей степени также и мышьяка (51,7% изделий) (табл. 1–3; рис. 4). Ведущей металлургической группой в выборке является группа Sn-бронз (15 изделий; 41,6%), следующая по численности группа оловянно-мышьяковых бронз (8 экз., 22,2%). В коллекции присутству-

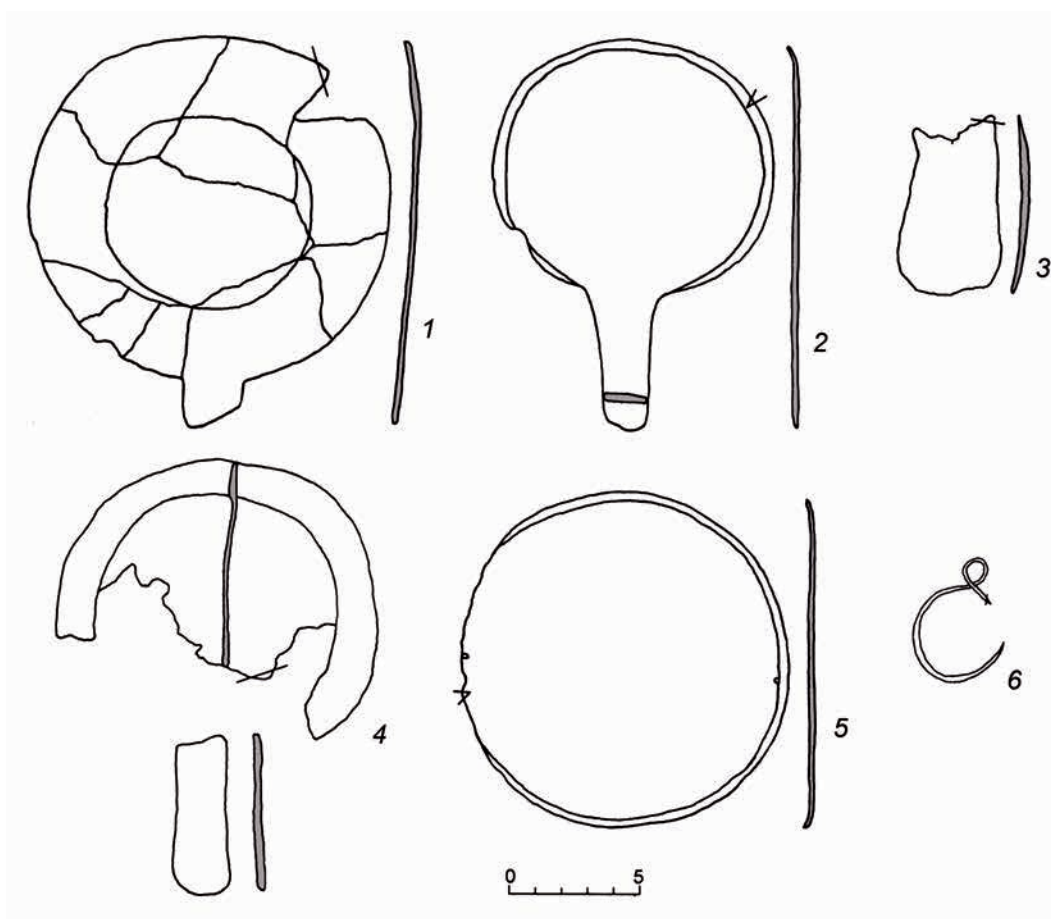

Рис. 3. Зеркала и серьга из материалов могильника Бесоба и Сынтас (секущими линиями показаны срезы на шлифы).
1–5 — зеркала (ан. 745, 746, 749, 748, 747; 1, 3, 4 — к. 4; 2 — к. 9; 5 — к. 9 мог. Бесоба);
6 — серьга (ан. 723; к. 3 мог. Сынтас)

ют также четыре изделия из мышьяковой бронзы (11,1%), комплексные сплавы с лигатурой Sn-Pb (2 экз., 5,6%) и Sn-As-Pb (2 экз.; 5,6%). По одному предмету отлито из сложнoleгированных сплавов Cu-Sn-Ag (пронизь) и Cu-Sn-As-Pb-Ag (распределитель уздечных ремней). Серебро в украшения добавлялось для придания красивого серебристого цвета предметам конской упряжи (концентрации Ag 5,5–10%). В инвентаре могильников обнаружены и изделия из чистой окисленной меди. Эта группа малочисленна — насчитывала всего три наконечника стрел (8,3%).

Таблица 1 – Результаты спектрального анализа*

№	Предмет	№ рис.	№ спектр. ан.	№ структур. ан.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
<i>Могильник Бесоба, курган 4</i>																
1	Псалий	1, II	702к	722	Осн.	10,0	0,5	—	0,005	0,002	0,05	0,08	—	—	—	—
<i>Могильник Бесоба, курган 5</i>																
2	Пронизь	1, 7	717к	716	Осн.	0,5	0,3	—	0,03	10,0	0,03	0,1	—	0,008	—	0,03
3	Бляшка	1, I	720К	713	Осн.	5,0	0,5	—	0,002	0,03	1,0	0,7	—	0,003	—	—
<i>Могильник Бесоба, курган 8</i>																
4	Колесико	1, 13	724к	720	Осн.	сл.	0,001	—	0,01	0,5	0,5	3,0	—	0,005	0,005	—
5	Пронизь	1, 5	731к	740	Осн.	18,0	сл.	—	сл.	0,003	0,01	0,01	—	0,001	—	—
6	Пронизь	1, 4	732к	729	Осн.	10,0	сл.	—	0,001	0,003	0,01	0,01	—	0,001	—	—

Могильник Бесоба, курган 9																
7	Зеркало	3, 5	35с	747	Осн.	1,0	0,5	—	0,001	0,007	0,01	0,2	—	—	—	—
8	Бляшка	1, 2	735к	714	Осн.	10,0	0,4	—	0,005	0,5	0,08	0,3	—	0,03	0,03	—
9	Бляшка	1, 3	736к	715	Осн.	5,0	0,8	—	0,04	0,005	0,5	1,0	—	—	0,003	—
10	Стрела	2, 7	783к	732	Осн.	15,0	0,02	—	0,003	0,03	—	—	—	0,005	0,003	—
11	Стрела	2, 3	780к	734	Осн.	15,0	0,2	0,02	0,002	0,05	0,05	0,5	—	0,003	—	—
12	Стрела	2, 10	788к	730	Осн.	0,001	сл.	—	0,3	0,05	0,5	3,0	—	0,001	—	—
Могильник Бесоба, курган 11																
13	Зеркало	3, 2	34с	746	Осн.	5,0	0,005	—	0,001	0,008	0,005	0,04	—	—	—	—
14	Стрела	2, 4	781к	731	Осн.	15,0	0,4	—	0,003	0,05	0,01	0,07	—	0,001	—	—
15	Стрела	2, 2	793к	725	Осн.	5,0	0,3	—	0,004	0,05	0,04	0,05	—	0,003	—	—
16	Стрела	2, 11	794к	726	Осн.	20,0	2,0	—	0,003	0,03	0,04	0,1	—	—	—	—
17	Стрела	2, 14	795к	727	Осн.	18,0	5,0	0,03	—	0,0004	—	0,03	—	—	—	—
Могильник Сынтас, курган 3																
18	Серьга	3, 6	741к	723	Осн.	5,0	0,004	—	—	0,0005	0,003	0,01	—	0,005	0,003	—
19	Пронизь	1, 6	743к	718	Осн.	5,0	0,02	—	0,001	0,0004	—	0,02	—	0,01	0,003	—
* Анализы произведены в лаборатории отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Э. Ф. Кузнецовой в 1970–1980-е гг., которой признательны за возможность использования результатов.																

Таблица 2 – Результаты микрорентгеноспектрального анализа на анализаторе Camebax SX50 (W%)**

№	№ анал.	Фаза	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	S	
Могильник Бесоба, курган 5																
Распределитель уздечных ремней, структ. ан. 719, рис. 1, 8																
1	719/1	Дендрит	Осн.	4,8184	0	0	0,2866	4,1941	0	0,461	0,0902	0,0113	0	0,0794	0,0049	
	719/2	Дендрит	Осн.	3,3611	0	0	0,0773	4,0514	0	0,8883	0,11	0,0214	0,0009	0,0556	0,0445	
	719/3	Эвтектоид	Осн.	15,856	0,1954	0,0106	0,0891	6,9435	0,0043	2,0212	0,7127	0	0	0,0972	0,311	
	719/4	Междендр.	Осн.	8,277	0,2087	0	0,0109	3,942	0,0386	1,7443	0,0508	0,0618	0,001	0,095	0,02	
	719/5	Междендр.	Осн.	7,9435	0,0291	0,0363	0	5,2017	0	1,3041	0,0677	0,0331	0,0157	0	0,0448	
	719/6	Дендрит	Осн.	6,2709	0,0576	0	0,0888	4,6252	0,0157	1,2494	0,1092	0,0237	0,0203	0	0,0476	
	719/7	Эвтектоид	Осн.	11,555	16,686	0	0,8104	9,5705	0,0332	1,4866	0,0252	0	0,0263	0,1269	0,1071	
	Средние показатели Sn, Pb			8,2974	2,527	Ag		5,504	As		1,3078					
Ворворка, структ. ан. 721, рис. 1, 12																
2	721/8	Междендр.	Осн.	9,0818	0,4957	0	0	0,012	0,5007	5,8445	0	0,0514	0,0156	0	0,0488	
	721/9	Дендрит	Осн.	3,8034	0,3893	0	0,1238	0	0,0783	2,4865	0	0,0302	0	0,347	0,0337	
	721/10	Междендр.	Осн.	7,3649	7,5009	0	0,0992	0,062	0,2506	3,7523	0	0,0416	0	0	0,0555	
	721/11	Дендрит	Осн.	3,4971	0,6185	0,0339	0,2797	0,0187	0,0679	2,4423	0	0,0548	0,0024	0	0,0326	
	721/12	Дендрит	Осн.	4,6436	1,1952	0	0,0334	0,117	0,1046	1,4039	0	0,0293	0,0337	0,1274	0,0284	
	Средние показатели Sn, Pb			5,6779	2,0399	As		3,1859								

Приставка к наконечнику стрелы, структ. ан. 724, рис. 2, 1																
3	724/13	Дендрит	Осн.	8,3562	0,4928	0	0,149	0,0704	0,0039	0,3159	0,0346	0,357	0	0	0,0313	
	724/14	Эвтектоид	Осн.	24,699	1,2271	0	0,1797	0,1356	0	0,3351	0	0,3862	0,0108	0	0,4824	
	724/15	Междендр.	Осн.	10,218	0,3468	0,0656	0,016	0,0426	0	0,2771	0,0043	0,1286	0,0303	0	0,2081	
	724/16	Эвтектоид	Осн.	32,53	1,1509	0,0159	0,1765	0,0533	0	1,0758	0,0452	0,1174	0	0	0,4565	
	Средние показатели Sn				18,9508					As	0,5009					
Наконечник стрелы, структ. ан. 737, рис. 2, 13																
4	737/49	Включения	Осн.	0	0,0441	0	0,0769	0,0735	0	0	0,8811	0	0,037	0,105	0,0539	
	737/50	α-фаза	Осн.	0	0	0	0,0266	0	0,0247	0	0,7997	0,0079	0	0,0655	0,0267	
	737/51	Включения	Осн.	0	0	0,041	0,017	0	0,0087	0	0,9538	0,0613	0	0,0935	1,1989	
	Средние показатели Fe										0,8782					S
Наконечник стрелы, структ. ан. 738, рис. 2, 8																
5	738/52	Дендрит	Осн.	0	0	0	0	0,0467	0	0,4136	0,7935	0	0	0,0227	1,0052	
	738/53	Междендр.	Осн.	0,0078	0,0281	0,102	0,1	0,0234	0,0087	0,3678	0,4439	0,0342	0,0064	0	0,0152	
	738/54	Междендр.	Осн.	0	0,0449	0,0063	0,0617	0,0102	0	0,3824	0,4648	0,0235	0,0022	0,0062	0,0162	
	738/55	Включения	Осн.	0,07	0,0941	0,0719	0,0444	0,0085	0,059	0,559	0,5271	0	0,0264	0	0,1775	
	738/56	Междендр.	Осн.	0,0448	0,0131	0,0865	0	0	0	0	0,4508	0	0,0119	0	0,0072	
	Средние показатели As										0,3445					
Наконечник стрелы, структ. ан. 739, рис. 2, 12																
6	739/57	Дендрит	Осн.	0,1884	0,3013	0	0,0451	0,0632	0,0713	1,0615	0	0,0842	0,0118	0,0204	0,0296	
	739/58	Междендр.	Осн.	0,1241	0,2135	0,0441	0,051	0,0356	0,0468	1,153	0	0,087	0,0014	0,0824	0,0498	
	739/59	Междендр.	Осн.	0,2471	0,3305	0	0,1103	0,0309	0,0443	2,895	0,0089	0,0616	0,0225	0	0,0564	
	739/60	Включения	Осн.	0,9974	0,3186	0,0172	0	0,1134	0,3281	3,7198	0	0,0511	0	0,048	0,0282	
	739/61	Дендрит	Осн.	0,5373	16,506	0,0452	0	0,0789	0,1722	2,3085	0,0098	0,0767	0	0,2726	0	
	Средние показатели Sn, Pb				0,4188	3,5348	Средние показатели As				2,2275					
Наконечник стрелы, структ. ан. 741, рис. 2, 5																
7	741/62	Дендрит	Осн.	1,7102	0,1612	0	0,5662	0,0895	0,4626	1,1692	0,1132	0,109	0,0278	0,2155	0,0459	
	741/63	Междендр.	Осн.	0,4722	0	0,0313	0,0981	0,1244	0,0574	0	0,1661	0,1082	0,0036	0	0,0408	
	741/64	Междендр.	Осн.	1,402	0,0191	0,059	0,0943	0,1266	0,1421	1,3563	0,1336	0,0842	0,0017	0	0,0525	
	741/65	Включения	Осн.	1,7554	0,1275	0	0,5387	0,1705	0,4647	2,2609	0,1623	0,0675	0	0	0,0674	
	Средние показатели Sn				1,3349	Средние показатели As				1,1966						
Наконечник стрелы, структ. ан. 742, рис. 2, 6																
8	742/66	Дендрит	Осн.	0,1191	0	0	0,0611	0,0222	0,0132	0	0,1119	0,0358	0,0176	0	0,0233	
	742/67	Дендрит	Осн.	0,0878	0,0585	0	0	0,0442	0,0364	0,911	0,1351	0,0542	0	0	0,007	
	742/68	Междендр.	Осн.	0,037	0	0	0,1292	0,0491	0	0,6878	0,1681	0,053	0	0,1384	0	
	742/69	Междендр.	Осн.	0,6955	0,2386	0	0,0678	0,1328	0,5121	5,0429	0,0925	0,0583	0,0273	0	0,0485	
	742/70	Междендр.	Осн.	0,1988	0	0	0,0277	0	0,2006	3,372	0,1285	0,1007	0,0164	0,1	0,0186	
	742/71	Междендр.	Осн.	0,7321	0,6006	0	0	0,1577	1,189	5,6055	0,0943	0,0347	0,0041	0	0,0304	
	Средние показатели Sn				0,3118	Средние показатели As				2,6032						

Наконечник стрелы, структ. ан. 743, рис. 2, 16														
9	743/72	α-фаза	Осн.	0,0041	0	0,0336	0,0611	0,0468	0	0	1,3111	0,0222	0	0,0319
	743/73	α-фаза	Осн.	0	0	0	0	0,051	0,0559	0	1,2863	0,0165	0,0178	0,0374
	743/74	Включения	Осн.	0,0133	0	0,0281	0,0496	0,0753	0	0,1663	1,2853	0,0101	0	0,3269
	743/75	Включения	Осн.	0,0307	0,0003	0	0,177	0,1061	0,0488	0,5913	1,0439	0	0,0155	0,0726
	Средний показатель As, Fe										0,1894	1,2172	S	
Наконечник стрелы, структ. ан. 744, рис. 2, 9														
10	744/93	α-фаза	Осн.	0,0074	0,0153	0,0376	0	0,0321	0	0	0,0386	0,0219	0,0118	0,0329
	744/94	α-фаза	Осн.	0	0,0975	0	0	0,0168	0,0299	0	0,0687	0,0281	0	0,0829
	744/95	Включения	Осн.	0,03	0,074	0	0	0,089	0,0462	0,0945	0,0901	0	0,0163	0,1845
	744/96	α-фаза	Осн.	0,0228	0,0092	0,0865	0	0,0708	0	0	0,1353	0,038	0,0243	0,042
	744/97	Включения		0,1092	0	0,2501	0	0,0179	0,0256	0	0,4577	0	0	4,8145
	744/98	Включения		0,0687	0	0,1615	0	0,0416	0,0213	0,0352	0,678	0	0	7,3705
	Средние показатели As, Fe										0,0216	0,2447	S	
Могильник Бесоба, курган 8														
Распределитель уздечных ремней, структ. ан. 735, рис. 1, 9														
11	735/27	Эвтектоид	Осн.	15,5593	0,066	0	0	0,0511	0	0	0,1363	0	0,0122	0,1104
	735/28	Эвтектоид	Осн.	20,0553	0,708	0,0469	0	0,153	0	0,0289	0,0235	0,0254	0,0128	0,0315
	735/29	Междендр.	Осн.	8,217	0,0196	0,0096	0,1042	0	0	0	0,0045	0	0,0032	0,2386
	735/30	Междендр.	Осн.	6,1174	0,0917	0,0104	0,2656	0,0625	0	0,3441	0	0,0237	0	0,0272
	735/31	Междендр.	Осн.	7,3474	0	0	0,0422	0,0928	0	0	0,0144	0	0	0,0202
	735/32	Эвтектоид	Осн.	14,6346	0,0529	0,0337	0	0,0911	0	0	0,0105	0	0	0,0367
	735/33	Эвтектоид	Осн.	10,2392	0,1015	0,0369	0,0591	0,035	0	0	0,0176	0,0422	0	0,0733
	735/34	Дендрит	Осн.	0	0,0289	0,0098	0,0731	0,0053	0	0,5233	0	0	0	0,0179
	735/35	Дендрит	Осн.	0	0	0,0481	0	0	0	0,0925	0	0	0	0,007
	735/36	Дендрит	Осн.	0,0072	0,0443	0	0,1053	0	0,0296	0,0927	0,0216	0	0,012	0
	Средние показатели Sn				8,21774									
Распределитель уздечных ремней, структ. ан. 736, рис. 1, 10														
12	736/37	Эвтектоид	Осн.	8,2816	0	0,0003	0,0386	0	0	0	0,032	0	0,0082	0,0631
	736/38	Эвтектоид	Осн.	30,8778	0,0008	0	0,0912	0	0	0	0	0,0597	0,03	0,2052
	736/39	Междендр.	Осн.	13,5704	0,0662	0	0	0,0132	0	0,0342	0,018	0	0,0118	0,0209
	736/40	Междендр.	Осн.	11,7385	0,076	0	0,1418	0,0436	0	0	0	0,0048	0	0,0111
	736/41	Междендр.	Осн.	21,5475	0	0	0	0,0522	0	0	0,0051	0,0124	0,0307	0,063
	736/42	Эвтектоид	Осн.	56,1575	0	0	0	0	0	0	0,0091	0,0014	0,0155	0,1832
	736/43	Эвтектоид	Осн.	54,9578	0,0262	0	0	0,0229	0	0,0583	0,0092	0,0564	0,0177	0,2666
	736/44	Дендрит	Осн.	0,0351	0	0,0524	0,084	0,0558	0	0	0	0	0,0005	0,0024
	736/45	Дендрит	Осн.	0	0,0834	0	0,0063	0,0514	0	0	0	0	0	0,1957
	Средние показатели Sn				21,9073									

Зеркало круглое с боковой ручкой, структ. ан. 745, рис. 3, 1																
13	745/76	β-фаза	Осн.	24,102	0,0657	0,0271	0,1373	0,017	0	0,1483	0,0171	0,0533	0	0,2408	0,0132	
	745/77	α-фаза	Осн.	23,825	0	0	0,0303	0,0323	0	0	0,0092	0,0474	0,0073	0	0	
	745/78	β-фаза	Осн.	52,539	0,0327	0	0,0554	0	0	0	0,3979	0,0184	0,007	0,3187	0,5349	
	745/79	α-фаза	Осн.	23,805	0	0,0382	0,1057	0	0	0,1601	0,0311	0,0138	0,053	0	0,037	
	Средний показатель Sn				31,0677											
Зеркало круглое с боковой ручкой, структ. ан. 748, рис. 3, 4																
14	748/80	α-фаза	Осн.	0,1051	0,0149	0,0206	0,0322	0,0214	0,0258	0,1064	0,0086	0,0567	0,0133	0	0,0178	
	748/81	α-фаза	Осн.	0,1482	0	0	0	0,035	0,0234	0,0774	0,0344	0,0076	0	0	0,0184	
	748/82	β-фаза	Осн.	24,727	0,0866	0	0	0,0169	0	0,2243	0,1638	0,0116	0,0008	0	0,0814	
	748/83	β-фаза	Осн.	23,714	0,0014	0	0,0826	0,025	0	0	0,1475	0,0345	0,0373	0,0218	0,0425	
	748/84	β-фаза	Осн.	57,188	0	0	0	0,0172	0	0,3725	0,3164	0,0356	0	0,1002	1,607	
	748/85	β-фаза	Осн.	60,546	0,0227	0	0	0	0,016	0	0,146	0,0058	0	0,4245	0,2888	
	Средний показатель Sn				27,7380											
Ручка зеркала, структ. ан. 749, рис. 3, 3																
15	749/86	β-фаза	Осн.	48,529	0,0916	0	0	0,0046	0	0	0,3145	0	0,0324	0,0451	0,349	
	749/87	β-фаза	Осн.	55,877	0,0087	0	0,0041	0	0	0,0613	0,3213	0,0163	0	0,2592	0,3582	
	749/88	β-фаза	Осн.	57,227	0,1797	0	0	0,021	0	0	0,437	0,0622	0	0,0572	0,3817	
	749/89	β-фаза	Осн.	23,108	0,0973	0	0	0,0145	0	0	0,3826	0	0	0,1665	0,2314	
	749/90	β-фаза	Осн.	15,32	0	0	0,0781	0,0219	0	0	0,2734	0,0851	0,0025	0	5,6342	
	749/91	α-фаза	Осн.	4,5771	0	0,0031	0,0492	0,0746	0	0,4024	0,1587	0,016	0	0	0,0414	
	749/92	α-фаза	Осн.	1,8324	0	0	0,0166	0,0084	0,0236	0,3543	1,0151	0	0,0023	0,1406	0,1515	
	Средний показатель Sn				29,4957											
Могильник Бесоба, курган 9																
Наконечник стрелы, структ. ан. 733, рис. 2, 15																
16	733/21	Дендрит	Осн.	0,2331	0,0075	0,0684	0	0	0,0356	0,2607	0,0105	0,0169	0,0439	0	0,0449	
	733/22	Дендрит	Осн.	0,2264	0,0628	0	0	0,0627	0	0,9321	0,0065	0,016	0	0	0,0195	
	733/23	Дендрит	Осн.	0,2454	0	0	0	0,0589	0,0398	1,0659	0,0242	0,0401	0	0	0,0133	
	733/24	Междендр.	Осн.	1,983	0	0	0,1796	0,2098	0,3095	3,8385	0	0,0284	0	0,0482	0,0122	
	733/25	Междендр.	Осн.	1,8806	0,0841	0,0275	0	0,2434	0,3675	3,7913	0,0068	0,0256	0	0	0,0324	
	733/26	Междендр.	Осн.	2,3036	0,0565	0,0433	0,0287	0,2112	0,3963	4,8653	0,0106	0,0716	0	0	0,0355	
	Средние показатели Sn				1,1453	As										2,4589
Могильник Бесоба, курган 11																
Наконечник стрелы, структ. ан. 728, рис. 2, 17																
17	728/17	α-фаза	Осн.	0	0	0,0193	0	0,0228	0,0302	0	0,0203	0	0,012	0,3589	0,0287	
	728/18	Включения	Осн.	0	0,0232	0	0,0839	0,0331	0	0,2281	0,0093	0,0629	0	0,2863	0,0313	
	728/19	Включения	Осн.	0,0241	0,0281	0	0	0,016	0	0,4655	0,0159	0,0507	0	0,0985	0,08	
	728/20	Включения	Осн.	0	0,1322	0,0033	0	0	0,0141	0,4244	0	0	0	0	0,0449	
	Средние показатели As										0,2795	S				
** Анализы произведены на кафедре минералогии МГУ им. М. В. Ломоносова кандидатом геолого-минералогических наук И. А. Брызгаловым, которому выражаем свою искреннюю признательность за возможность использования результатов анализа. Усредненные показатели даны по концентрациям легирующих компонентов и серы.																

Таблица 3 – Распределение изделий из цветного металла могильников Бесоба, Сынтас на металлургические группы (экз./%)

Металлургические группы	Наконечники стрел (экз./%)	Предметы конской упряжи (экз./%)	Бляхи, пронизи (экз./%)	Зеркала, серьга (экз./%)	Всего (экз./%)
Cu+Sn	3/17,6%	3/50%	3/42,9%	6/100%	15/41,6%
Cu+Sn+As	5/29,5%	—	3/42,9%	—	8/22,2%
Cu+As	3/17,6%	1/16,7%	—	—	4/11,1%
Cu	3/17,6%	—	—	—	3/8,3%
Cu+Sn+Pb	2/11,8%	—	—	—	2/5,6%
Cu+Sn+As+Pb	1/5,9%	1/16,7%	—	—	2/5,6%
Cu+Sn+Ag	—	—	1/14,2%	—	1/2,8%
Cu+Sn+Ag+Pb+As	—	1/16,6%	—	—	1/2,8%
ВСЕГО:	17/47,2%	6/16,7%	7/19,4%	6/16,7%	36/100%

Примеси олова в изделиях достаточно широко варьировали от низких до очень высоких концентраций — 0,4–31%. Наиболее высокое содержание Sn до 31% присуще зеркалам. В металле пронизей, распределителей уздечных ремней примеси Sn доходили до 22%, наконечников стрел — до 20%. Точность определения содержания олова засвидетельствована как результатами микрорентгеноспектрального анализа, так и микроструктурными данными, которые достаточно надежно фиксируют концентрации элемента при подсчете площади, занимаемой включениями эвтектоида $\alpha + \text{Cu}_{31}\text{Sn}_8$. Содержание мышьяка в изделиях невысокое, в пределах 0,3–3,2%. В пяти случаях зафиксирован в сплавах свинец в довольно высоких концентрациях 2–5%. В числе предметов с высокими показателями свинца находятся наконечники стрел (3 экз.), во-ворка, колесико-амулет.

Прослеживается определенная корреляция между типом изделия и его составом. Нам удалось обнаружить, что все зеркала, псалий, большинство пронизей, распределителей уздечных ремней изготовлены только из оловянной бронзы с достаточно высокими показателями олова в составе до 31%. По-видимому, именно эти предметы относились к числу престижных изделий, отливка которых требовала определенной унификации с соблюдением рецептуры сплава. Бляхи изготовлены в паритетном соотношении из оловянной и оловянно-мышьяковой бронзы. При отливке наконечников стрел особых предпочтений не наблюдалось.

Ряд изделий (17 экз.) были проанализированы методом микрорентгеноспектрального анализа на микрозондовом анализаторе Camebax SX50 для определения элементного состава металла, а также для уточнения состава и характера микровключений сульфидных соединений, эвтектоида $\alpha + \text{Cu}_{31}\text{Sn}_8$, соединений Cu_3As . В процессе анализа атомы анализируемого вещества возбуждаются тончайшим электронным пучком (зондом) высокой энергии с одновременной регистрацией возбуждаемого рентгеновского излучения атомов, входящих в состав этого вещества. Для этих образцов были произведены анализы на полированных шлифах при увеличении $\times 400$ в районе дендритов, междендритных пространств, α -фазы, соединений Cu_3As , эвтектоида $\alpha + \text{Cu}_{31}\text{Sn}_8$, а также сульфидных включений (табл. 2). Помимо определений 12 принятых элементов, были получены также данные по содержанию серы. В большинстве проанализированных изделий методом МРСА олово и мышьяк распределяются по фазовым составляющим практически однородно, резкого колебания концентраций не наблюдается, примеси олова находятся в интервале 0,1–10%, мышьяка — 0,2–5%. Сера, как правило, присутствует в концентрациях от сотых процента до 7%. Однако в ряде случаев распределение концентраций олова имеет

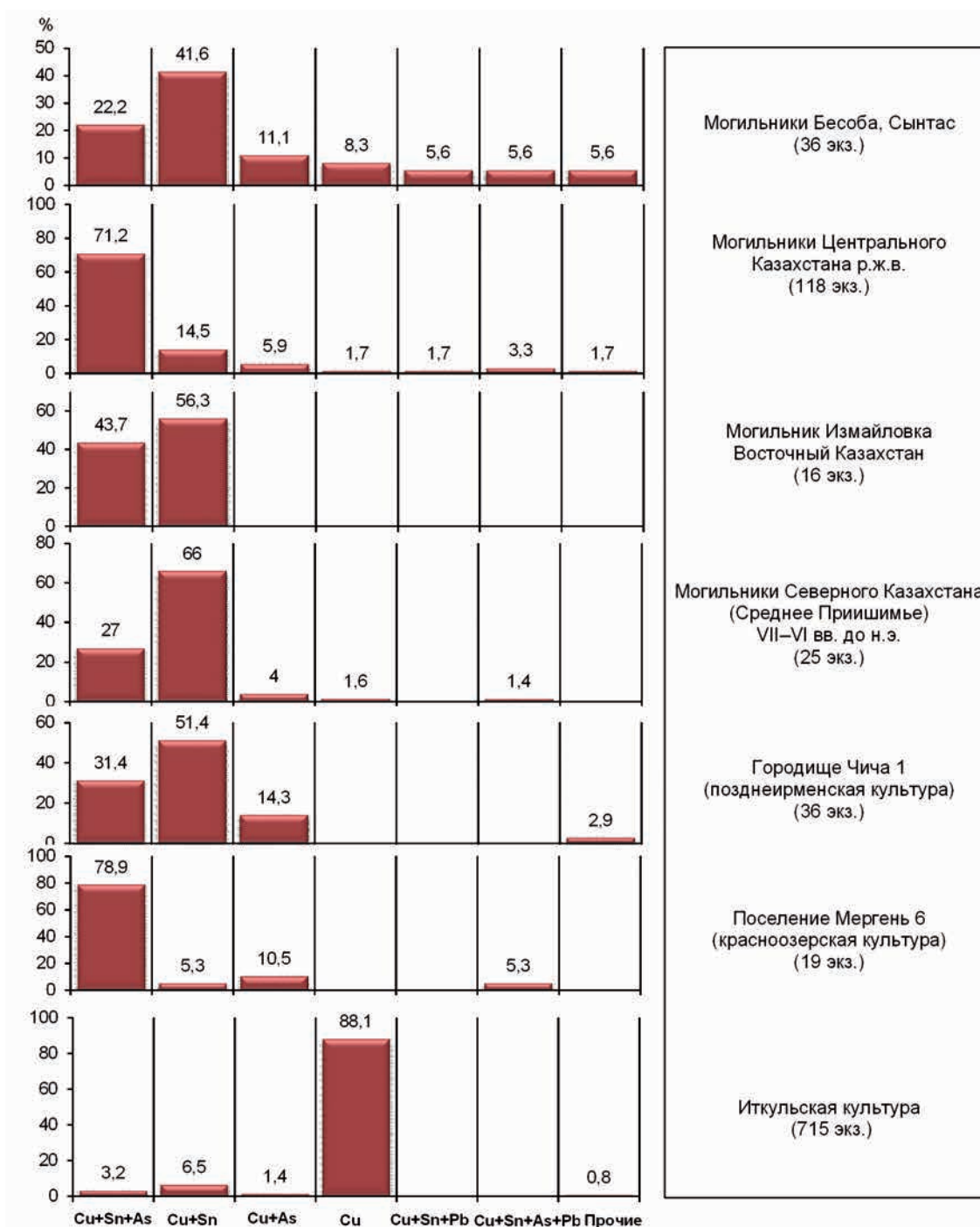

Рис. 4. Гистограммы распределения металлургических групп по культурам и памятникам раннего железного века Казахстана, Урала и Западной Сибири (при статистическом подсчете выборки из материалов Центрального Казахстана использованы данные, приведенные в публикациях М. К. Кадырбаева [1975, с. 130–131], Э. Ф. Кузнецовой [Кузнецова, Тепловодская, 1994, с. 180–185])

скачкообразный характер от минимальных при замерах на дендритах — 0,1–5% до 32–56% на включениях эвтектоида $\alpha + \text{Cu}_{31}\text{Sn}_8$ (ан. 724, приставка к наконечнику стрелы; ан. 736, 745, распределители уздечных ремней; рис. 5). Аналогичные результаты были обнаружены при замерах примесей олова на зеркалах — от 0,1% Sn в районе α -фазы до 60% Sn — в области β -фазы (ан. 745, 748, 749, рис. 6). При подсчете усредненных показателей концентраций олова на перечисленных изделиях содержание Sn находилось в пределах 8–31%.

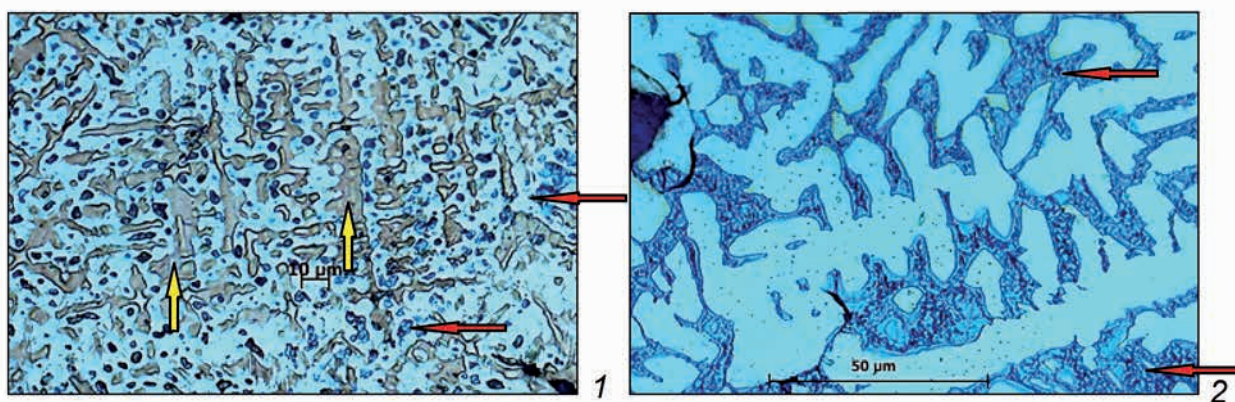

Рис. 5. Фотографии микроструктур срезов ворворки и распределителя уздечного ремня, проанализированных на анализаторе Camebax SX50 (увел. $\times 500$, $\times 1000$)¹. 1 — ан. 721, мог. Бесоба, к. 5; 2 — ан. 736, мог. Бесоба, к. 8. Красными стрелками показаны включения эвтектоида $\alpha + \text{Cu}_3\text{Sn}_8$ с максимальными концентрациями Sn до 56%, желтыми — область дендритов с минимальным содержанием Sn до 3,5%

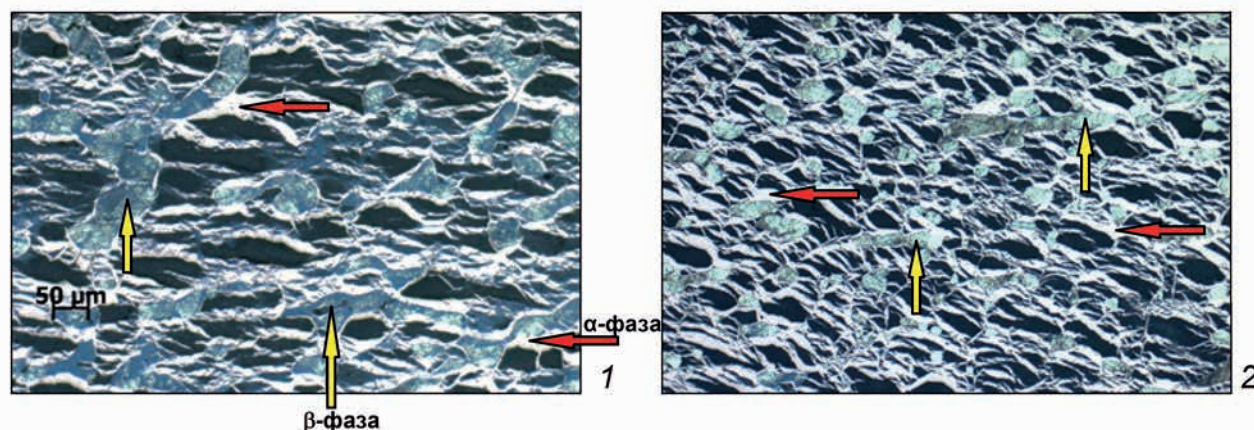

Рис. 6. Фотографии микроструктур срезов зеркал, проанализированных на анализаторе Camebax SX50 (увел. $\times 500$). 1 — ан. 748; 2 — ан. 749 (мог. Бесоба, к. 8). Красными стрелками показаны светлые участки α -фазы с минимальными концентрациями Sn 0,1–4%, желтыми — серые участки β -фазы с максимальным содержанием Sn 23–60%

Микроскопическое исследование шлифов трех наконечников стрел, отлитых из чистой окисленной меди, обнаружило наличие многочисленных включений синего цвета, что является достаточно неожиданным фактом на фоне использования окисленной меди, которая почти никогда не содержит в микроструктурах посторонних включений, помимо эвтектики $\text{Cu}-\text{Cu}_2\text{O}$ (ан. 737, 728, 744; рис. 7). Для уточнения состава и характера этих микровключений срезы наконечников были исследованы методом микрорентгеноспектрального анализа. Произведено несколько анализов в центре литых полиэдров (α -фаза), свободных от примесей и в центре включений синего цвета. Результаты анализа свидетельствуют о значительной чистоте меди α -фазы, в то время как включения синего цвета содержат мышьяк до 0,18%, железо до 1,2% и серу до 2%. Практически идентичная картина ранее нами была обнаружена при аналитическом исследовании металла иткульской культуры Среднего Урала, где были зафиксированы в массовом характере процессы совместной плавки окисленных и сульфидных руд. Металлопроизводство иткульской культуры с доминированием чистой окисленной меди базировалась на эксплуатации богатейших залежей малахита Гумешевского рудника, находящегося в эпицентре гнезда иткульских производственных поселков [Кузьминых, Дегтярева, 2017, с. 29–31].

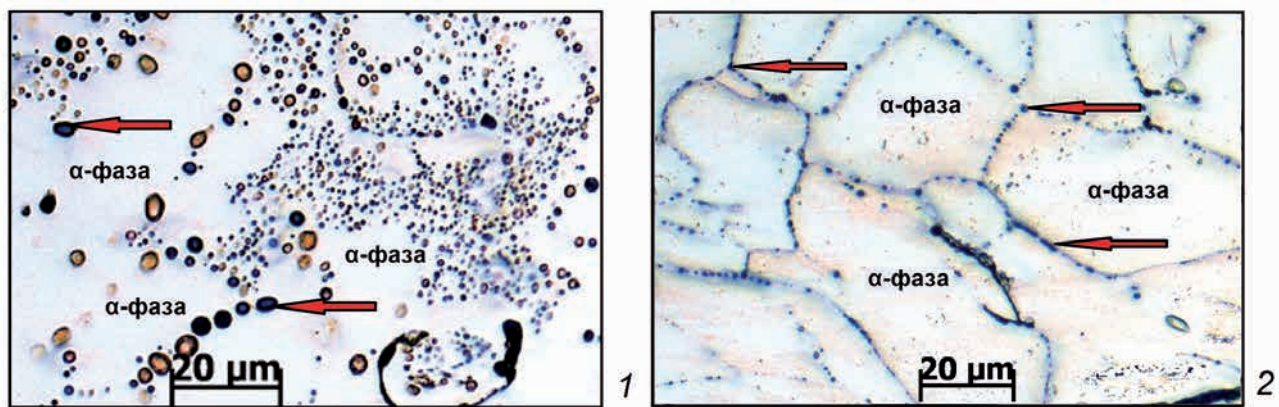

Рис. 7. Фотографии микроструктур срезов наконечников стрел, проанализированных на анализаторе Camebax SX50 (увел. $\times 500$).
 1 — ан. 737; 2 — ан. 728 (мог. Бесоба, к. 5, 11). Красными стрелками показаны сульфидные включения системы Cu-Fe-S (ан. 737), Cu-As-S (ан. 728) на фоне светлых участков α -фазы и эвтектики Cu-Cu₂O

Нами была допущена вероятность преднамеренного внесения в шихту наряду с окисленными минералами и кусков сульфидной руды в качестве раскислителей, вероятнее всего арсенопирита (FeAsS), халькопирита (CuFeS₁₃) для облегчения процесса плавки и уменьшения количества кислорода в меди. В современной металлургии прибегают к предварительной сульфидизации окисленных медных минералов, поскольку они относятся к категории труднообогащаемых или упорных руд [Комбинированные методы..., 1970, с. 7].

Подобный процесс сульфидной медной плавки описала Н. В. Рындина с соавторами по материалам энеолитических памятников Гумельница и Варна на территории Болгарии [Ryndina et al., 1999, p. 1059–1068]. Выводы авторов были подтверждены результатами МРСА на приборе Cameca, который показал, что металл группы изделий был обогащен сульфидами меди и железа. Сульфидные включения в чистой окисленной меди обнаружены также на микроструктурах слитков пос. Кулевчи-3 петровской культуры, что свидетельствует в пользу совместной плавки окисленных и сульфидных руд в начале эпохи поздней бронзы Южного Зауралья [Дегтярева, Кузьминых, Орловская, 2001, с. 49–52]. Вполне возможным представляется импорт или случайный опосредованный обмен этих наконечников стрел из среды иткульских племен, поскольку гумешевская медь достаточно легко опознается по результатам микроструктурного исследования по соответствующим маркерам — наличию включений эвтектики Cu-Cu₂O, а также сульфидов ярко-синего цвета.

Сопоставляя распределение металлургических групп в эпоху раннего железного века в Западном, Центральном, Восточном, Северном Казахстане, нетрудно заметить в первую очередь доминирование двух групп — оловянной и оловянно-мышьяковой бронзы, с незначительной долей остальных групп (рис. 4). Распространение практически одинаковой рецептуры сплавов в эпоху раннего железного века на территории Казахстана предполагает наличие общих источников главных легирующих компонентов — Sn и Sn-As в Сарыарке и Восточном Казахстане. При этом металл могильников Бесоба и Сынтас был менее однороден за счет наличия группы мышьяковой бронзы, чистой меди, сплавов Cu-Sn-Pb и Cu-Sn-As-Pb. Подобное разнообразие, очевидно, следует объяснить географическим расположением могильников на стыке со скифскими памятниками и северокавказскими очагами металлообработки, откуда, вероятно, поступала бронза с высоким содержанием свинца в составе. По данным Т. Б. Барцевой в скифском металле доминировали две группы сплавов — Cu-Sn и Cu-Sn-Pb при почти полном отсутствии группы Cu-Sn-As [Барцева, 1981, с. 89–91]. Металл северных соседей савроматов — иткульских, ананьинских, саргатских племен, отличался выраженным доминированием металлургически чистой меди.

В Западной Сибири сплавы с лигатурой Sn и Sn-As преобладают в поздней ирменских, красноозерских и предкулайских мастерских. Эти сплавы, по мнению С. В. Кузьминых, исследовавшего большие серии западносибирского металла эпохи раннего железного века, поступали в Сибирь из Центрального Казахстана и Рудного Алтая [Кузьминых, 2009, с. 209, рис. 5; 2015, с. 127, 128]. О разработке алтайских месторождений в I тыс. до н. э. красноречиво свидетельствуют факты расположения памятников этого периода в зоне рудников. Так, могильник Измайловка, поселение Новошуйбинское IX (с керамикой финала эпохи бронзы и раннего железного века) находятся практически на территории Вавилонского рудного поля Рудно-Алтайского горно-металлургического центра с комплексными полиметаллическими рудами, в том числе медноколчеданными, свинцово-цинковыми, окисленными медными залежами [Берденов и др., 2004; Штельнер и др., 2009]. Именно алтайский очаг в финале эпохи бронзы и начале раннего железного века являлся основным поставщиком как оловянно-мышьяковой, так и оловянной бронзы в удаленные регионы, в основном на север (вплоть до Нижнего Приобья) и на запад и северо-запад (вплоть до Волго-Камья) по транспортным артериям — речным системам Иртыша, Ишима, Оби и сухопутным трансевразийским маршрутам торговли и обмена.

С целью изучения технологии изготовления инвентаря могильников Бесоба и Сынтас с помощью металлографического анализа исследовано 36 образцов (34 экз. из материалов мог. Бесоба, 2 экз. — мог. Сынтас). Изученные аналитически бляхи — с двумя верблюдами и хищником, с одиночным верблюдом, со свернутым в кольцо хищником — отлиты с использованием утрачиваемых восковых моделей из сплава Cu-Sn-As с содержанием олова 5–10%, мышьяка — 0,3–1,0% (ан. 713–715; рис. 1, 1–3). Поскольку изделия представляли собой уникальные экземпляры, срез на шлиф не производился, ограничились поверхностной подполировкой нижней части украшений. Микроструктуры были исследованы в 1981 г. на оборудовании Института геологии АН КазССР, фотографии микроструктур в связи с особенностями микроскопов получились недостаточно четкими, поэтому они не приведены в иллюстративном ряду. Сами восковые модели были получены отливкой в открытой жесткой форме, судя по четкости линий рельефа, губчатой структуре внутренней вогнутой поверхности бляшки с капельками воска и следами заглаживания и вдавливания лопаточкой, а также наличию серии украшений — идентичным трем изделиям — бляхам с парными верблюдами и с одиночным верблюдом. Лицевая поверхность полученных восковых моделей была доработана острым стилусом с проработкой деталей морды — глаз, зубов, а также шерсти, долеплена петелька из воска между горбами и мордой парных верблюдов, а также на одной из блях с одиночным верблюдом. Об этом свидетельствуют следы наплыва воска, фиксирующего место соединения. Далее восковые модели бляшек были заформованы в глину с получением одноразовых утрачиваемых форм и произведено литье со стороны шпеньков на внутренней стороне, что документируется по микроструктурным данным наличием крупнодендритной структуры с включениями эвтектоида $\alpha + \text{Cu}_{31}\text{Sn}_8$ в междендритных пространствах. Доработочным операциям изделия не подвергались, заполированы лишь лицевые стороны украшений (наличие рисок на поверхности).

Фигурные пронизи отливали из оловянной бронзы со средним и высоким содержанием олова в составе 5–18% (ан. 729, 740, 718; рис. 1, 4–6). Лишь одно украшение в виде фигурки орла получено из тройного сплава на основе меди с введенной лигатурой серебра и олова (Ag 10%, Sn 0,5%; ан. 716, рис. 1, 7). Две пронизи с головками баранов отлиты по утрачиваемой восковой модели, изготовленной на плоской поверхности с тщательной проработкой стилусом деталей рта, носа, глаз, рогов барана. К готовой модели с обратной стороны прикрепили из воска петельку (наличие затеков воска в местах соединения жгутиков с украшением), после чего модель бляшки была заформована в глину с получением одноразовой утрачиваемой формы. Следы литья микроструктурно документируются наличием дендритной структуры с многочисленными извилистыми включениями эвтектоида $\alpha + \text{Cu}_{31}\text{Sn}_8$. (рис. 8, 1, 2). Пронизь в виде топорика и в виде головки птицы отлиты в двусторонней литейной форме со вставным

вкладышем, о чем свидетельствует наличие следов литейных швов. В микроструктуре проницей следы деформирующего воздействия не обнаружены. Готовые отливки не подвергались доработочным операциям, была заполирована лишь лицевая сторона украшения (наличие рисок на поверхности).

Распределители уздечных ремней отлиты либо в двусторонней литейной форме со вставными вкладышами, в одном случае имеющем крестообразные очертания с выступами, (2 экз.; ан. 719, 735; рис. 1, 8, 9), либо по утрачиваемой восковой модели (ан. 736; рис. 1, 10). Литые дендритные структуры изделий с многочисленными включениями эвтектоида $\alpha + \text{Cu}_{31}\text{Sn}_8$ не имеют следов деформации (рис. 8, 3, 4, 5), поверхность предметов была тщательно заполирована абразивными материалами. Для литья использовалась оловянная бронза с содержанием Sn 8–21%. При получении распределителя с круглыми отверстиями в оловянную бронзу добавлены свинец, серебро, мышьяк (2,5%, 5,5%, 1,3% соответственно; ан. 719).

Псалий с двумя отверстиями в средней части изделия и головками орлов на его окончаниях получен из оловянной бронзы с содержанием Sn 10% по утрачиваемой восковой модели, заформованной в одноразовую глиняную форму. О применении технологии литья по восковой модели свидетельствует тщательность проработки деталей — клюва, глаз, оперения, наличие разветвленной крупнодендритной структуры (ан. 722, рис. 1, 11; 8, 6). Доработочным операциям изделие не подвергалось.

Ворворка и колесико отлиты в двусторонних литейных формах со вставными вкладышами для получения конусовидной полости внутри ворворки и пяти отверстий в колесике. Для получения ворворки использовался сплав Cu-Sn-As-Pb (5,6%; 3,1%; 2% соответственно). Колесико отлито из низколегированной мышьяковой бронзы с содержанием As 3%. Микроструктурное исследование выявило в обоих случаях мелкодендритную структуру без следов деформирующего воздействия (ан. 721, 720; рис. 8, 7, 8).

В технологии изготовления наконечников стрел особой избирательности по части выбора сплава не наблюдается. Пользовались оловянно-мышьяковыми, оловянными, мышьяковыми бронзами. Вместе с тем отливали изделия из оловянно-свинцовой бронзы, использовали многокомпонентный сплав Cu-Sn-As-Pb, а также чистую окисленную медь (табл. 3). Олово вводили в расплав как в низких концентрациях, так и в довольно высоких до 18–20%, мышьяк содержался только в низких — 0,3–3%. В нескольких случаях обнаружены и примеси свинца 2–5%. Благодаря присадке олова к сплаву мастера существенно повышали твердость металла, доводя ее до 296 кг/мм² при содержании олова 20% (ан. 726, 727, рис. 9, 6, 7). При более низких концентрациях Sn микротвердость металла находилась как правило в пределах 130–170 кг/мм².

Все исследованные наконечники стрел были получены в процессе литья и дальнейшей кузнечной доработке не подвергались. Исключение составил лишь наконечник с черешком, который был прокован по холодному металлу со степенями обжатия 50–60% после литья в двусторонней форме (ан. 725; рис. 9, 1). Литье производилось либо в двусторонние, либо в трехсторонние литейные формы со вставными вкладышами. Формы при этом зачастую были металлическими, на что указывает наличие игольчатой и чрезвычайно дисперсной структуры, характерной для ускоренного затвердевания сплава при получении отливок в металлических изложницах (рис. 9, 2–8) [Равич, 1983, с. 138–139]. На материал форм указывает также измельченность дендритной структуры с ячейками, не превышающими 10–20 микрон, с включениями, различимыми только при больших увеличениях $\times 500$ – 1000 , а также достаточно высокие показатели микротвердости металла (рис. 9, 7). Следует отметить высокое качество отливок, большая часть которых совершенно лишена литейных пороков, как видимых (трещины, недоливы втулок, пористость, коробление), так и фиксируемых на уровне микроструктурных данных (отсутствие посторонних включений).

Наряду с наконечниками стрел, изготовленных из легированных искусственных сплавов, в коллекции колчана 2 кургана 5 и кургана 11 могильника Бесоба обнаружены стрелы, отлитые

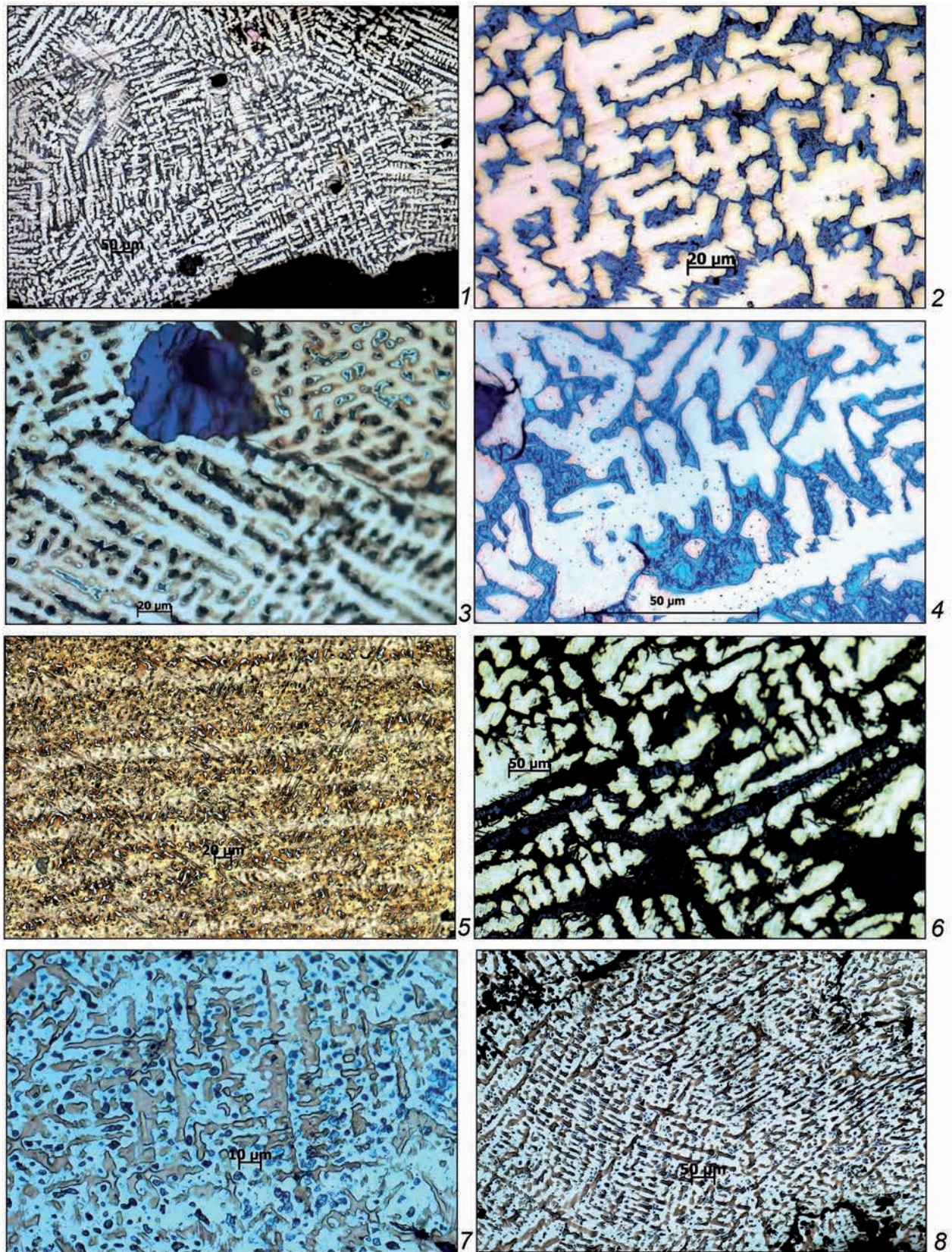

Рис. 8. Фотографии микроструктур предметов конской упряжи могильника Бесоба (1–4, 8 — к. 4; 5, 7 — к. 5; 6 — к. 4) (1, 3, 8 — увел. 100; 2, 4, 7 — увел. 500; 5, 6 — увел. 200). 1, 2 — проишь (ан. 740); 3–5 — распределители уздечных ремней (ан. 735, 736, 719); 6 — псалий (ан. 722); 7 — ворворка (ан. 721); 8 — колесико-амулет (ан. 720); (1–3, 5–7, 11–13 — шлифы изготовлены поверхностной подполировкой нижней части изделий; 4, 8–10 — шлифы изготовлены на поперечных срезах изделий)

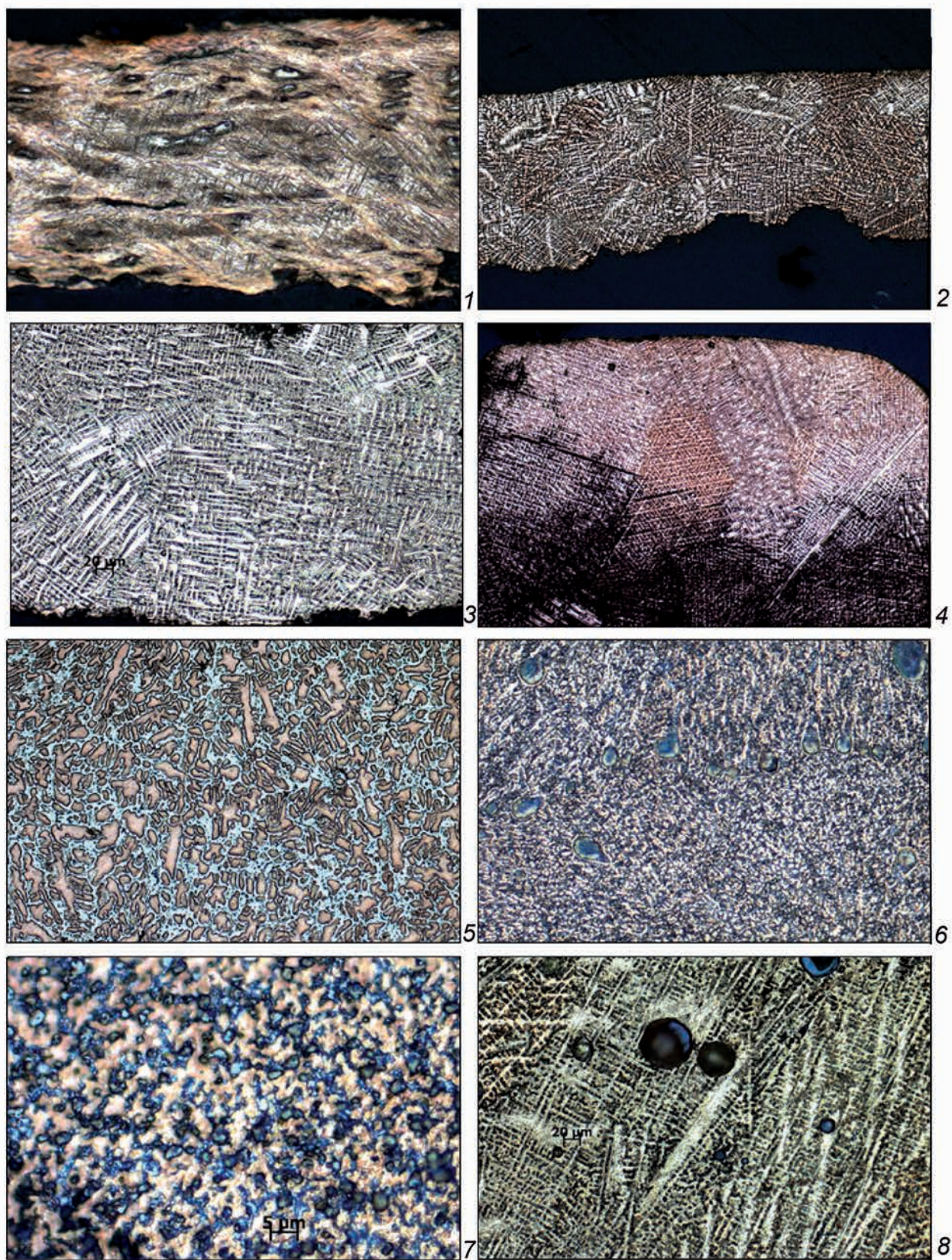

Рис. 9. Фотографии микроструктур наконечников стрел (1–7), приставки к наконечнику стрелы (8) могильника Бесоба (1, 2, 6, 7 — к. II; 3, 4, 5 — к. 9; 8 — к. 5) (1, 3, 5, 8 — увел. 200; 2, 4 — увел. 100; 6 — увел. 500, 7 — увел. 1000).
 1 — ан. 725; 2 — ан. 731; 3 — ан. 734; 4 — ан. 732; 5 — ан. 730; 6, 7 — ан. 726; 8 — ан. 724 (1 — срез черешка; 2–4, 8 — срезы втулки; 5–7 — срезы лезвийной части)

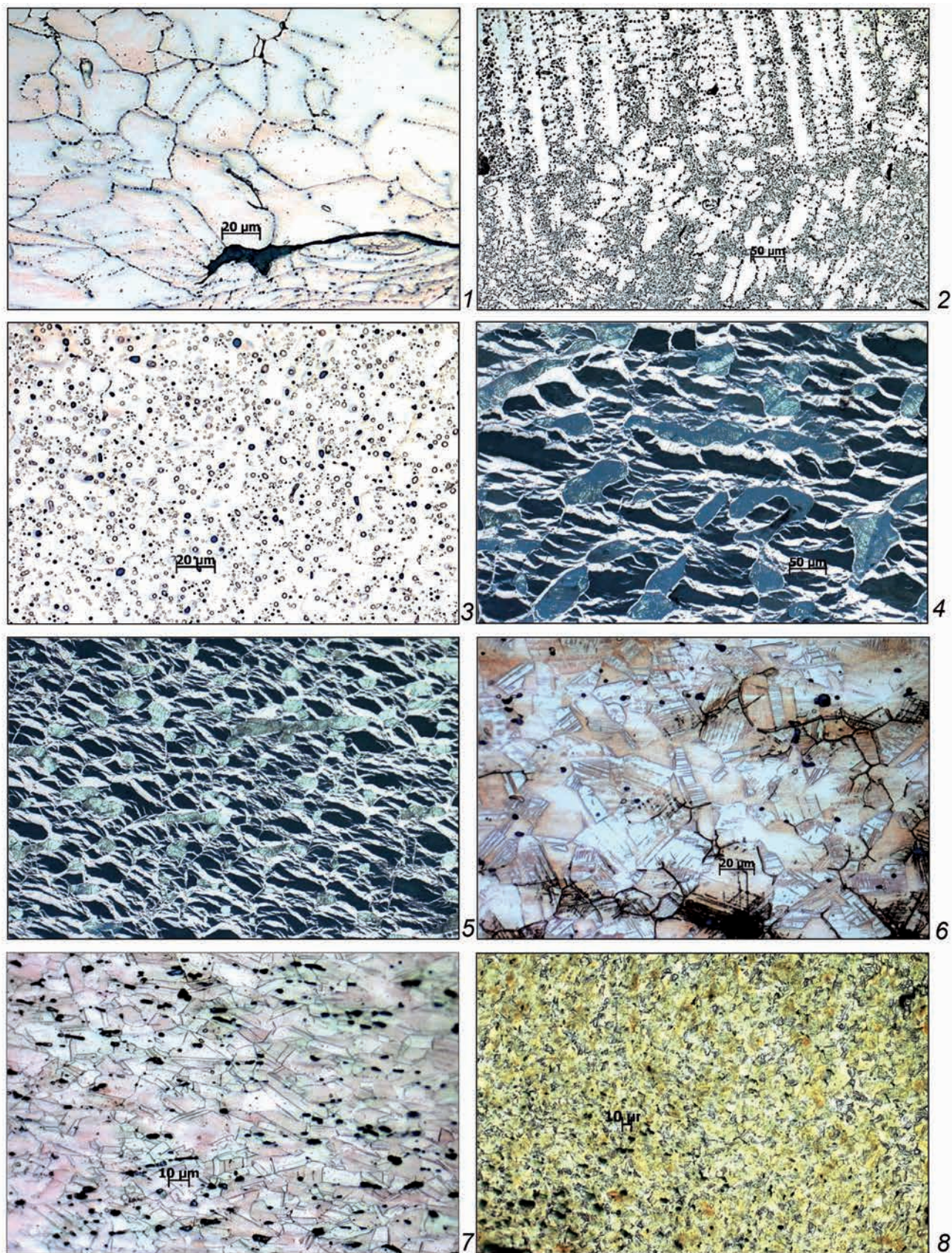

Рис. 10. Фотографии микроструктур наконечников стрел, зеркал, серьги могильников Бесоба (1–7), Сынтас (8) (1, 6 — к. II; 2, 3 — к. 5; 4, 5 — к. 8; 6 — к. II; 7 — к. 9; 8 — к. 3) (1, 6, 7 — увел. 500; 2–5, 8 — увел. 200). 1–3 — наконечники стрел (ан. 728, 737, 744); 4–7 — зеркала (ан. 748, 749, 746, 747); 8 — серьга (ан. 723) (1, 3 — срезы лезвийной части; 2 — срез втулки; 4, 6, 7 — срезы диска зеркала; 5 — срез ручки; 8 — поперечный срез).

из чистой окисленной меди, предположительно иткульского происхождения (3 экз., ан. 728, 737, 744, рис. 10, 1–3). При исследовании образцов обнаружена литая полиэдрическая структура с включениями эвтектики Cu–Cu₂O. Металл раскислен, содержание кислорода в меди не превышает 0,05% (ан. 728), либо 0,15% (ан. 737, 744). В двух случаях кристаллизация протекала ускоренно, в одном замедленно.

Интересные результаты получены по данным микроструктурного исследования зеркал, обнаружившими использование достаточно редких технологий при изготовлении изделий. Круглые зеркала с боковой ручкой получены литьем из высоколегированной Sn-бронзы (Sn 27–31%) в односторонних литейных формах с последующей горячей ковкой в узком интервале 520–700° С, с заключительным нагревом до 700° С, после чего следовала закалка в воду (3 экз.; ан. 745, 748, 749; рис. 10, 4–5). Температура плавления сплавов, содержащих олово выше 28%, находится в пределах 750° С, поэтому при термообработке этих бронз важно было не превысить эту температуру [Равич, 2004, с. 72]. Отражением этих операций в микроструктуре изделий явилось наличие темной мартенситной игольчатой β-фазы на фоне светлых участков α-фазы, ориентированных в продольном направлении, а также незначительное количество двойниковых образований. При чрезвычайно быстром охлаждении бронзы в воде фиксируется игольчатая β-фаза, которая существует только в узком температурном интервале 798–586° С [Дриц и др., 1979, с. 38]. По мнению И. Г. Равич, исследовавшей методами металлографического анализа значительное количество сарматских зеркал, нагрев зеркал и закалка в воде приводят к возврату металлу с достижением его большей пластичности с устранением хрупкости в процессе его последующей эксплуатации [Равич, 2004, с. 71–73]. Однако сплавы, содержащие олово более 26–27% остаются хрупкими и после отжига, поэтому являются только литейным материалом, легко разбиваются молотком [Гуляев, 1977, с. 612–613; Равич, 1983, с. 138–142]. По всей видимости, хрупкость зеркал с ручками, содержащих столь высокие концентрации олова, привела к появлению многочисленных трещин и поломке этих изделий. Бесобинские зеркала с ручкой, по сути, являются наиболее ранними в группе зеркал раннего железного века, изготовленными с помощью литья,ковки,отжига и закали. Прочие зеркала, исследованные металлографически, происходили из сарматских памятников и датированы более поздним временем. Относительно происхождения этой редкой технологии получения зеркал существует несколько точек зрения, однако, на наш взгляд, ближе к истине находится точка зрения Н. В. Рындиной. Она высказала предположение о том, что этот сложнейший прием термообработки и закали связан с металлургическими достижениями античного мира благодаря контактам с причерноморскими колониями-поселениями [Мошкова, Рындина, 1975, с. 128]. Отсюда вытекает ее важнейший вывод о том, что именно Нижнее Поволжье, а на наш взгляд и Приуралье с его крупнейшими рудными залежами, был исходным центром металлопроизводства зеркал с использованием приема закали в воду после термообработки.

Два оставшихся зеркала с дисками меньшего диаметра (один с боковой ручкой, другой без ручки с двумя отверстиями), изготовлены по иной технологии — литье в одностороннюю форму из низколегированной оловянной бронзы (1%, 5%; ан. 746, 747; рис. 10, 7, 8), затем ковка с растяжкой краев диска. Ковка велась в горячую, свидетельством чему в одном случае было наличие крупных трещин краснотомкости, в виде сетки залежавших по границам кристаллов (рис. 10, 7). В данном случае выбор исходного сырья — низколегированной оловянной бронзы диктовал и выбор соответствующей технологии изготовления. Серьга также изготовлена из низколегированной оловянной бронзы (Sn 5%) в процессе свободнойковки заготовки, сопряженной с вытяжкой, заострением концов проволоки, свертывание в петельку одного из окончаний (ан. 723, рис. 10, 8). Ковка протекала в холодную и сопровождалась промежуточным и заключительным отжигом.

Таким образом, судя по аналитическим данным савроматского цветного металла могильников Бесоба и Сынтас, в западноказахстанском приуральском центре металлопроизводства

были выработаны достаточно прогрессивные модели производства с четко прослеживаемой корреляцией тип изделия-состав-технология. Так, все сакрально значимые атрибуты — бляхи с изображениями животных, фигурные пронизи с изображениями голов баранов и птиц, распределители уздечных ремней, зеркала с длинными боковыми ручками, часть наконечников стрел изготавливали из традиционных легированных сплавов — оловянных и оловянно-мышьяковых бронз, при этом примесь олова зачастую была неоправданно высока до 31% в зеркалах, что приводило к хрупкости металла, даже после специальных режимов термообработки и закалки в воде. Доминирующей схемой получения изделий было литье по утрачиваемой восковой модели, литье в односторонних, двусторонних или трехсторонних формах со вставными вкладышами, зачастую металлическими. Бронзовый инвентарь отливали качественный, достаточно плотный, без посторонних включений, деформаций и перекосов отливок, с большой степенью точности, которая впоследствии не требовала кузнечной доводки изделий. Поверхность отливок лишь зашлифовывали абразивными материалами. Следы кузнечной проковки металла зафиксированы в единичных случаях: при доводке черешка наконечника стрелы, изготовлению серьги, двух низколегированных оловом зеркал. Специальные высокопрофессиональные режимы термообработки и закалки зафиксированы при изготовлении зеркал с концентрациями Sn 27–31%, которые по всей вероятности являлись сакральными атрибутами женских жреческих погребений. Судя по многообразию металлургических групп бронзового инвентаря илекских могильников, расположенных в самом центре евразийских торговых путей, слитки или готовые изделия поступали от соседей из среды скифских, иткульских, кавказских племен. Илекские савроматские племена для получения цветного металла в первую очередь использовали богатейшие рудные залежи Южного Урала — каргалинские, мугалжарские, при этом не испытывая затруднений в доставке главных легирующих компонентов эпохи раннего железа — олова и оловянно-мышьяковых сплавов. Последние доставлялись, безусловно, из Центрального и Восточного Казахстана, где сосредоточены как основные месторождения олова, так и сконцентрировано большое количество находок, отлитых из этих сплавов. Таким образом, вполне отчетливо прослеживаются основные векторы историко-металлургических контактов савроматских племен с центральноказахстанским и рудноалтайским металлопроизводящими центрами, откуда шла оловянная и оловянно-мышьяковая лигатура. Эти же сплавы впервые в достаточном количестве появляются в материалах начала позднебронзового века в Северном, а также Центральном Казахстане [Анкушев и др., 2014, табл. 1].

Примечание

1 – На фотографиях микроструктур (рис. 5–10) показан масштаб в микрометрах (μm) — единицы измерения длины в Международной системе единиц (СИ), равной 10^{-6} м или 10^{-3} мм для фиксации величины зерна.

ЛИТЕРАТУРА

- Анкушев М.Н., Блинов И.А., Шевнина И.В., Логвин В.Н.** Состав бронзовых и золотых изделий из могильника Бестамак (Северный Казахстан) // Геоархеология и археологическая минералогия–2014. – Миасс: Институт минералогии УрО РАН, 2014. – С. 69–75.
- Барцева Т.Б.** Цветная металлообработка скифского времени. – М.: Наука, 1981. – 126 с.
- Берденов С., Самашев З., Штолльнер Т., Черны Я., Ермолаева А., Куш Г.** Древнее горное дело и металлургия Восточного Казахстана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2004. – Вып. 3. – С. 154–170.

- Гуляев А.П. *Металловедение*. – М.: Металлургия, 1977. – 647 с.
- Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. *Металлопроизводство петровских племен (по материалам поселения Кулевчи 3) // Вестник археологии, антропологии и этнографии*. – 2001. – № 3. – С. 23–54.
- Дриц М.Е., Бочвар Н.Р., Гузей Л.С., Падежнова Е.М., Рохлин Л.Л., Туркина Н.И. *Двойные и многокомпонентные системы на основе меди*. – М.: Наука, 1979. – 248 с.
- Кадырбаев М.К. *Курганы Котанэмеля // Первобытная археология Сибири*. – Л.: Наука, 1975. – С. 127–132.
- Кадырбаев М.К. *Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время*. – М.: Наука, 1984. – С. 84–93.
- Комбинированные методы переработки окисленных и смешанных медных руд (теория и практика) / Под ред. С.И. Митрофанова*. – М.: Недра, 1970. – 286 с.
- Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. *Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана*. – Алматы: Гылым, 1994. – 207 с.
- Кузьминых С.В. *О металле городища Чича-1 // Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи*. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2009. – Т. 3. – С. 202–212.
- Кузьминых С.В. *Металлообработка Урала и Западной Сибири в эпоху раннего железа (лесостепь и тайга): основные этапы развития // Интеграция археологических и этнографических исследований*. – Барнаул: изд. дом «Наука», 2015. – С. 127–128.
- Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д. *Металлопроизводство иткульской культуры Среднего Урала (по аналитическим данным) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов*. – М.: Институт археологии РАН, 2017. – Вып. 4. – С. 16–33.
- Мошкова М.Г., Рындина Н.В. *Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья (химико-технологическое исследование) // Очерки технологии древнейших производств*. – М.: Наука, 1975. – С. 117–133.
- Равич И.Г. *Эталоны микроструктур оловянной бронзы // Художественное наследие*. – М.: Искусство, 1983. – Вып. 8 (38). – С. 136–143.
- Равич И.Г. *К вопросу о происхождении и применении зеркал сарматского времени с валиком по краю диска // Исследование и консервация памятников культуры*. – М., 2004. – С. 67–76.
- Штельнер Т., Самашев З., Черни Я., Гарнер Дж., Горелик А., Хауптман А. *Добыча олова в Центральной Азии в эпоху бронзы: основные итоги работ по казахстанско-германскому проекту // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: Маргулановские чтения-2008*. – Караганда, 2009. – С. 228–236.
- Kadyrbaev M.K. *Denkmäler des Sauromatenadels in Westkasachstan // Das Altertum Heft*. – 1981. – Bd. 27. – S. 29–37.
- Ryndina N., Indenbaum G., Kolosova V. *Copper Production from Polimetallic sulphide Ores in the Northeastern Balkan Eneolithic Culture // Journal of Archaeological Science*. – 1999. – no. 26. – 1059–1068-pp.
- Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens*. – Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 2013. – Bd. 2. – 1092 s.

II. 2 КУРГАНЫ С «УСАМИ» ТУРГАЯ, ИШИМА И КАЗАХСКОГО ПРИТОБОЛЬЯ

Впервые в отечественной археологии вопросы систематизации данных о курганах с «усами» были начаты А. Х. Маргуланом. Выдающийся исследователь стоял у истоков организации первой археологической экспедиции Академии наук – Центрально-Казахстанской (ЦКАЭ) и долгие годы оставался ее руководителем. За первые годы успешного функционирования ЦКАЭ был собран колоссальный материал по эпохе бронзы, раннему железу, средневековью, этноархеологии. К концу 1940-х гг. Аликей Хаканович отмечал, что на западе Казахстана территория распространения курганов с «усами» достигает Улытау и Тургая [Маргулан, 1948а; 1948б].

Материалы ЦКАЭ по эпохе раннего железа, в том числе почти за 20-тилетний период ее функционирования были обобщены М. К. Кадырбаевым кандидатской диссертации, а затем и в разделе «Памятники тасмолинской культуры» фундаментальной монографии «Древняя культура Центрального Казахстана», изданной в 1966 г. [Кадырбаев, 1966; 1969; Маргулан и др., 1966]. Вопросам изучения курганов с «усами» посвящены публикации А. М. Оразбаева, С. М. Ахинжанова, Э. Р. Усмановой [Оразбаев, 1969; Ахинжанов, 1977; Усманова, 1987]. В настоящее время в пределах одной только Карагандинской области насчитывается порядка 400 курганов с «усами» [Археологическая карта Казахстана, 1960; Кадырбаев, 1959; Бейсенов, 1996; 1997; 2015; 2017; Ломан и др., 2004; Свод памятников..., 2007; Бейсенов и др., 2016; Бейсенов, Дуйсенбай, Святко, 2017]. В Актюбинской области известно о девяти подобных объектах [Мамедов, 2015]. В Восточно-Казахстанской области курганы с «усами» исследовались Ф. Х. Арслановой, А. Т. Толеубаевым, А. З. Бейсеновым, Г. К. Омаровым, У. У. Умиткалиевым [Арсланова, 1975; Толеубаев, Бейсенов, Омаров, 1998; Бейсенов, Умиткалиев, Кулькова, 2016; и др.].

Изучению курганов с «усами» на сопредельной с Казахстаном территории посвящены публикации специалистов из научных учреждений Южного Урала: А. Д. Таирова, С. Г. Боталова, И. Э. Любчанского, И. М. Батаниной, И. В. Грудочко [Любчанский, 1998; 2005; Зданович Г.Б., Батанина И.М. и др., 2003; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006; Batanina I.M. und andere, 2014; Никольский, Грудочко, 2015; Грудочко, Епимахов, 2015].

В данном разделе публикуются курганы с «усами» обширного региона – Западной Сарыарки, включающей Тургай, Ишим и Казахское Притоболье (рис. 1; 2). Открытие памятников Тургая началось благодаря работе экспедиции Тургайского областного историко-

краеведческого музея под руководством В. Н. Логвина в 1973 г. Впоследствии экспедиция стала называться Тургайской, возглавлявшейся В. Н. Логвиным до полевого сезона 1998 г. Разведками были охвачены практически все районы Тургайской и Костанайской областей* [*В период после 1997 г. Тургайская область оказалась расформированной. Часть районов отошла к Акмолинской области, другая часть – к Костанайской]. Они проводились в бассейне среднего и верхнего течения реки Каратургай с ее правыми притоками Саба, Жаксы-Каинды (1980–1981 годы) и Тасты (1992–1993 годы). В 1989 г. обследованы верховья р. Каратургай. Другим районом исследований стало правобережье р. Ишим в месте впадения в нее р. Ушкарасу в 1985 г. Позже, в начале 2000-х гг., здесь проводились исследования Ишимской археологической экспедиции Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева под руководством М. К. Хабдулиной [Свод памятников..., 2007, с. 369–371]. Памятники Казахского Притоболья открыты в ходе разведок 1986 и 1988 гг.

В 2013–2014 гг. еще целый ряд памятников обнаружен благодаря просмотру публичных космоснимков Google Earth и SAS.Планета в рамках работы над проектом «Геоглифы Тургая» (руководитель А. В. Логвин) [Motuzaitė Matuzeviciute, Logvin A.V. et al, 2016], которые также нанесены на карту. Такой подход вполне оправдал себя: удалось обнаружить не только новые памятники в неразведанных районах, но и дешифровать те, которые не были увидены во время обычных археологических разведок (например, дополнены данные по микрорайонам Ушкарасу и Ащитасты)* [*Выражаем благодарность Н. С. Батаниной, сотруднику учебно-научного центра ЧелГУ за помощь в дешифровке снимков и консультации по курганам с «усами» Южного Зауралья].

Ниже приведены материалы из отчетов Тургайской археологической экспедиции. Генеральные карты (рис. 1; 2) содержат все известные на сегодняшний день данные о местонахождениях курганов с «усами» в указанных районах. Перечень памятников с длинами гряд и типом центрального сооружения приведены в приложениях 1, 2, которые являются развернутыми легендами к картам.

Курганы с «усами» в бассейне реки Тургай, Каратургай (рис. 2, прил. 1)

Курганная группа Ащитасты-15 (рис. 3, I) находится на правом берегу реки Тулкисай, в 1,5 км от впадения ее в р. Ащитасты. В группу входит два кургана с «усами» и два обычных кургана.

Курган с «усами» (курган № 3) состоял из центрального сооружения, насчитывающее четыре курганные насыпи. Наибольший из них диаметром 15 м, высотой 1,0 м. По сторонам от него, образуя дугу, расположены курганы диаметром 6–7 м, высотой 0,1–0,4 м, переходящие в сплошные каменные гряды. «Усы» достигают 120 м в длину и представляют собой комбинацию из каменной выкладки шириной 2 м и небольших насыпей, диаметром 6–7 м. Комплекс сложен из камня.

Курган с «усами» (курган № 4) состоит из центрального сооружения в три кургана, расположенные по линии С–Ю. Центральный диаметром 6 м, высотой 0,6 м, боковые – 6 м, высотой 0,4 м. Гряды в виде сплошной каменной выкладки, протянулись на 170 (северная) и 130 (южная) м, их окончания оформлены каменными площадками диаметром 3 м, высотой 0,2 м [Логвин, 1992].

Одиночный курган с «усами» Ащитасты-24 (рис. 3, IV) находится на левом берегу реки Тулкисай, в 2,2 км от впадения ее в р. Ащитасты. Диаметр центральной насыпи 12 м, высота 0,4 м. Южный «ус» достигал 55 м в длину, северный – 60 м. Ширина гряд – 1 м; они оканчиваются курганчиками диаметром 4 м, высотой 0,3 м. Весь комплекс сложен из камня [Логвин, 1992]. В ходе переобследования 2016 г. были сделаны уточнения в архитектуре памятника [Джумабекова, Базарбаева, 2017]. В восточной части начала северного «уса», у начала гряды, фиксируется стела, упавшая верхней частью на ЮВ. Размеры стелы: 72,0×18×12 см. Диаметр основного кургана 13,5×16 м; диаметр – кургана-спутника 2×2,2 м; диаметр начала усов: север-

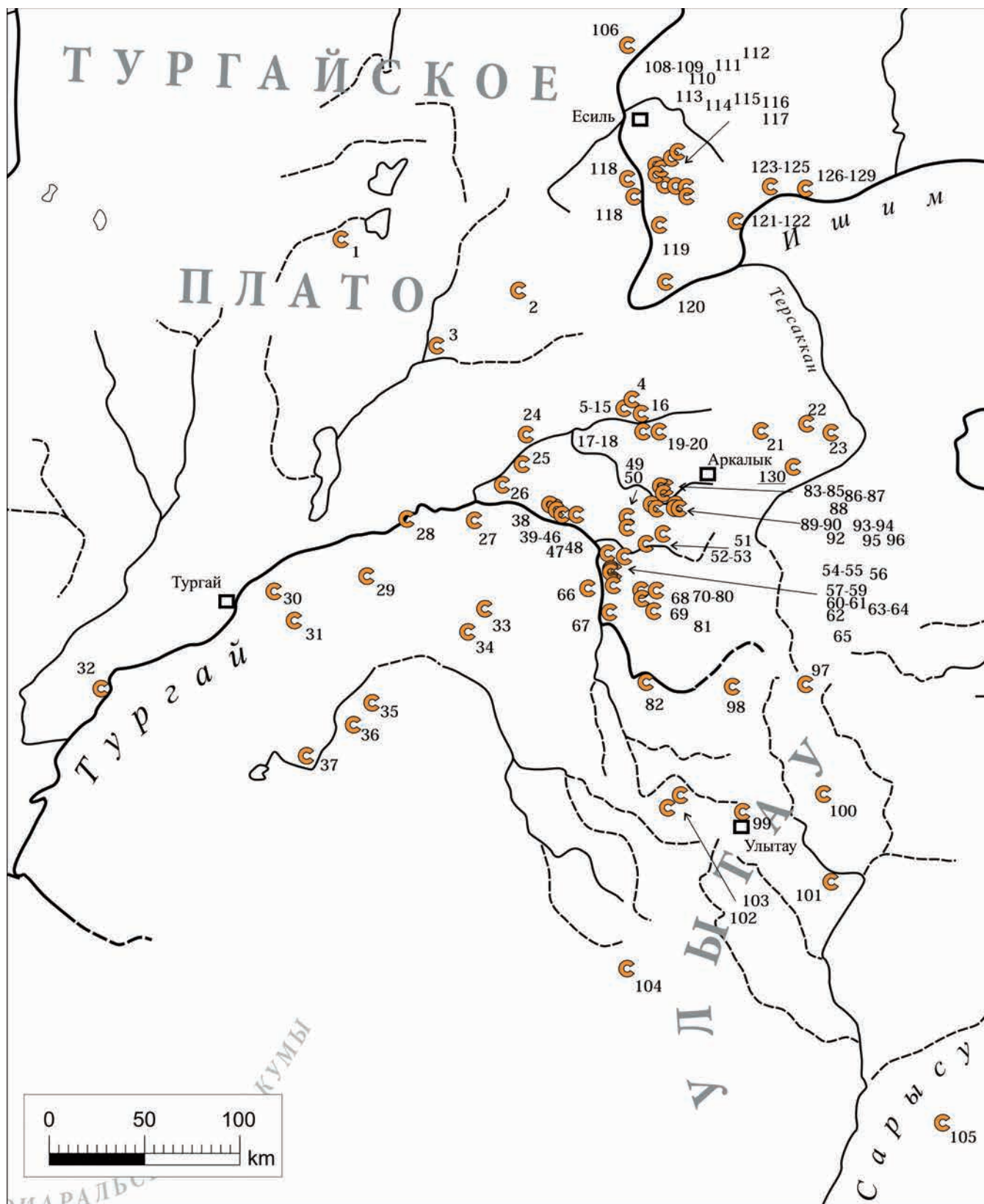

Рис. 1. Карта распространения курганов с «усами» в Тургае-Ишимско-Улытауском регионе.
Исполнитель И. В. Грудочко

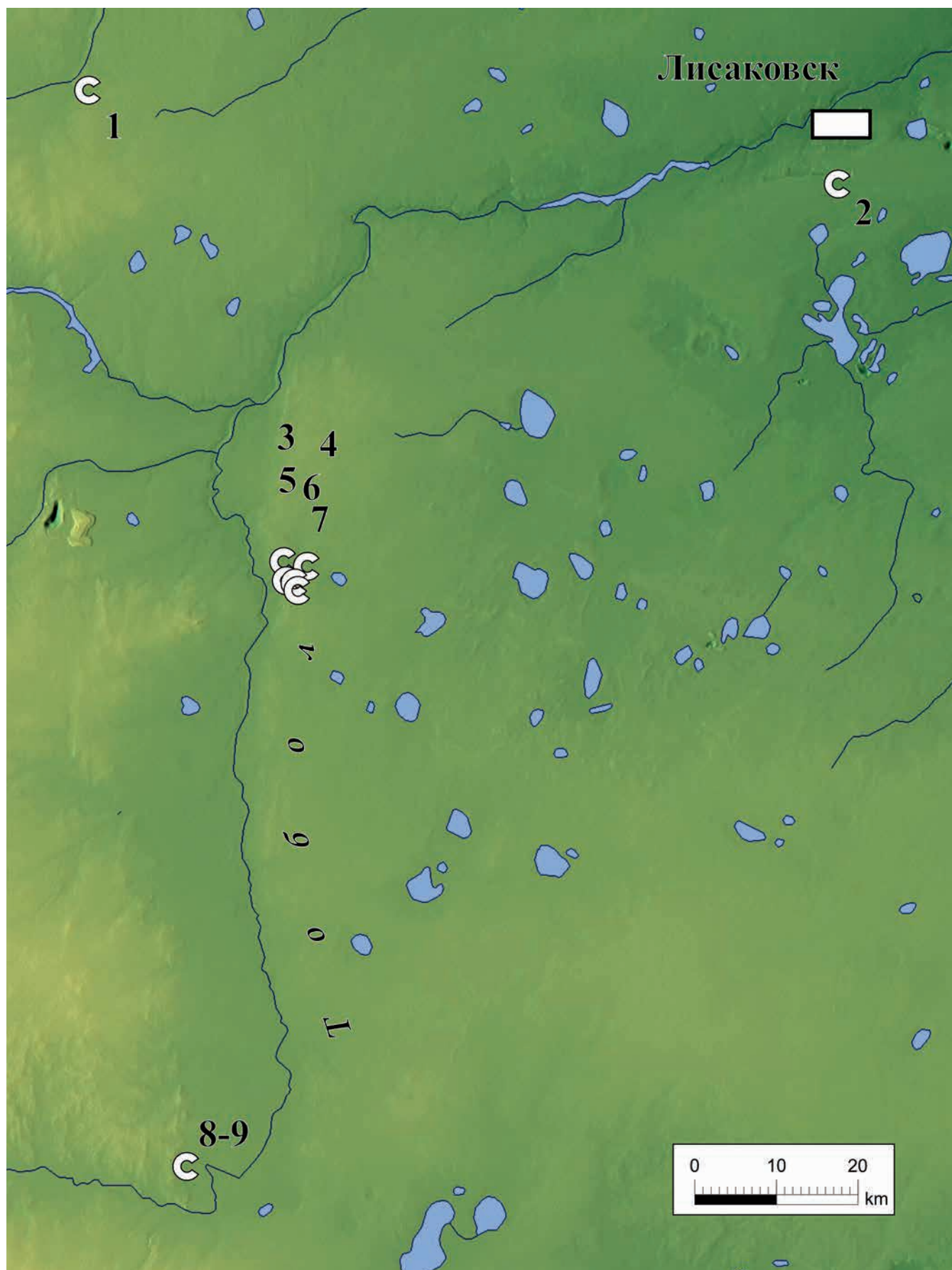

Рис. 2. Карта распространения курганов с «усами» в Казахском Притоболье. Исполнитель И. В. Грудочко

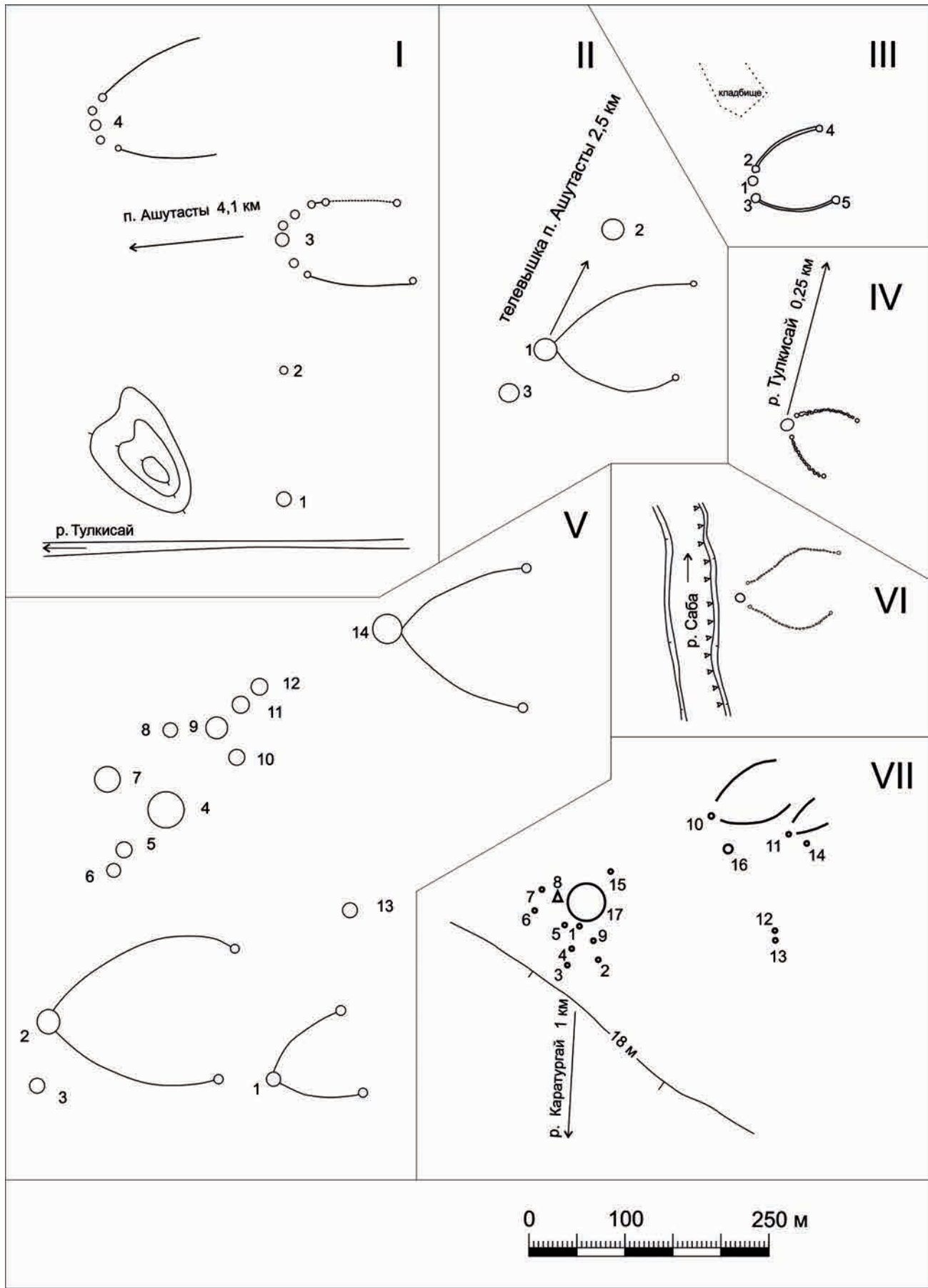

Рис. 3. Курганы с «усами» на реках Ашугасты, Тулкисай, Саба, Каратургай

ного – 4,2 м; южного – 5,0 м. Гряды в основном из средних камней, но встречаются большие плиты, плиты наподобие стел, брусковидные камни. Иногда в структуре гряд прослеживается система оградок. Ширина гряды 2,9–2,6 м. Основной курган, по-видимому, сооружен из мощных плиты и блоков, лежащих плашмя, в верхней части прослеживаются мелкие камни. Курган-спутник образуют небольшие камни, расположенные по кругу; центральная часть – пустая.

Курганная группа Ащитасты-25 (рис. 3, II) находится на левом берегу реки Ащитасты, в 2 км к юго-западу от поселка Ашутасты. Группа состоит из трех объектов, один из которых курган с «усами». Этот комплекс состоит из центрального кургана, диаметром 24 м и высотой 1,5 м, и двух гряд, протянувшихся на 160 м (северный) и 120 м (южный). На кургане установлен триангуляционный пункт [Логвин, 1992].

Курганная группа Ащитасты-26 (Ашутасты-1) (рис. 3, V) находится на левом берегу реки Ащитасты, в 3 км к юго-западу от поселка Ашутасты. В группу входит 14 курганов, три из которых с «усами». Все они сложены из камня.

Курган с «усами» (курган № 1) включает центральную насыпь диаметром 12 м, высотой 0,4 м и гряды длиной 100 м. Курган с «усами» (курган № 2) состоит из центральной насыпи диаметром 35 м, высотой 2 м и двух гряд, длиной 175 м (южный) и 200 м (северный). Курган с «усами» (курган № 14) имеет центральную насыпь диаметром 25 м, высотой 2 м и два «уса» длиной 155 м [Логвин, 1992]. В 2015 г. памятник переобследован (рис. 4). Если в 1992 г. каменные гряды уверенно прослеживались на трех объектах, то в 2015 г. «усы» четко фиксировались лишь на одном кургане (№ 14 по нумерации В. Н. Логвина, № 12 – по нашей). Почти за четверть века каменные гряды оказались растащенными тяжелой сельскохозяйственной техникой.

Курган с «усами» Шойндыколь-3 (рис. 3, III) находится на северо-восточном берегу одноименного озера в 2,9 км к востоку от пос. Шойндыколь. Рядом с курганом находится мусульманское кладбище. Центральное сооружение (курган № 1) диаметром 10 м, высотой 0,1 м. От него в восточную сторону направлены гряды длиной 92 м северная и 80 м южная. Ширина «усов» достигает 4 м. Западные окончания гряд (курганы №№ 2, 3) оформлены курганами диаметром 8 м, восточные (курганы №№ 4, 5) – 6 м. Весь комплекс сложен из камня [Логвин, Гребенюков, 1984].

Курганный могильник Костам (рис. 3, VII) находится на правом берегу реки Каратургай, в 16 км к югу от пос. Шили, в непосредственной близости от мавзолеев Костам. Открыт В. Н. Логвиным в 1980 г. При обследовании насчитано 13 курганов. Два комплекса курганов с «усами» образуют курганы №№ 10 и 11, от которых в ВСВ направлении отходят каменные гряды. Длина гряд кургана № 10 – около 75 м, кургана № 11 – около 40 м [Логвин, 1980]. К югу от могильника находится еще два памятника этого типа, которых не было в отчетах (рис. 1, 32, 33).

Одиночный курган с «усами» Саба-II (рис. 3, VI) находится на правом берегу реки Саба (ныне Улькен-Сабасалды-Тургай), правого притока реки Каратургай, в 1,5 км к юго-востоку от поселка Жанакала, на высоте 2 м от современного уреза воды. От кургана, диаметром 10 м и высотой 0,2 м, в восточном направлении отходят гряды длиной 110 и 90 м северная и южная соответственно. Окончания гряд оформлены выкладками (площадками) диаметром 4–5 м, высотой 0,1 м. Весь комплекс сложен из камня [Логвин, Зайдулин, 1981].

Северней комплекса Саба-II в ходе разведочных работ 2015–2016 гг. было обнаружено еще несколько памятников (Каратургай-1, 2, 4, 5). Они расположены к западу от слияния рр. Каратургай и Саба (Улькен-Сабасалды-Тургай) в непосредственной близости трассы Жанакала–Алуа (рис. 5).

Одиночный курган с «усами» Екидин-34 (рис. 6, V) находится на правом берегу реки Каратургай в 2,5 км к северо-востоку от метеостанции и в 1 км к северо-западу от поселка Екидин. Комплекс состоит из двух центральных курганов (№№ 1 и 2) диаметром 8 м. На момент обследования в 1989 г. одна из насыпей оказалась уничтожена, осталась лишь округлая в плане площадка диаметром 8 м. Окончания гряд представлены выкладками диаметром 5 м. Памятник сооружен из камня [Логвин, 1989].

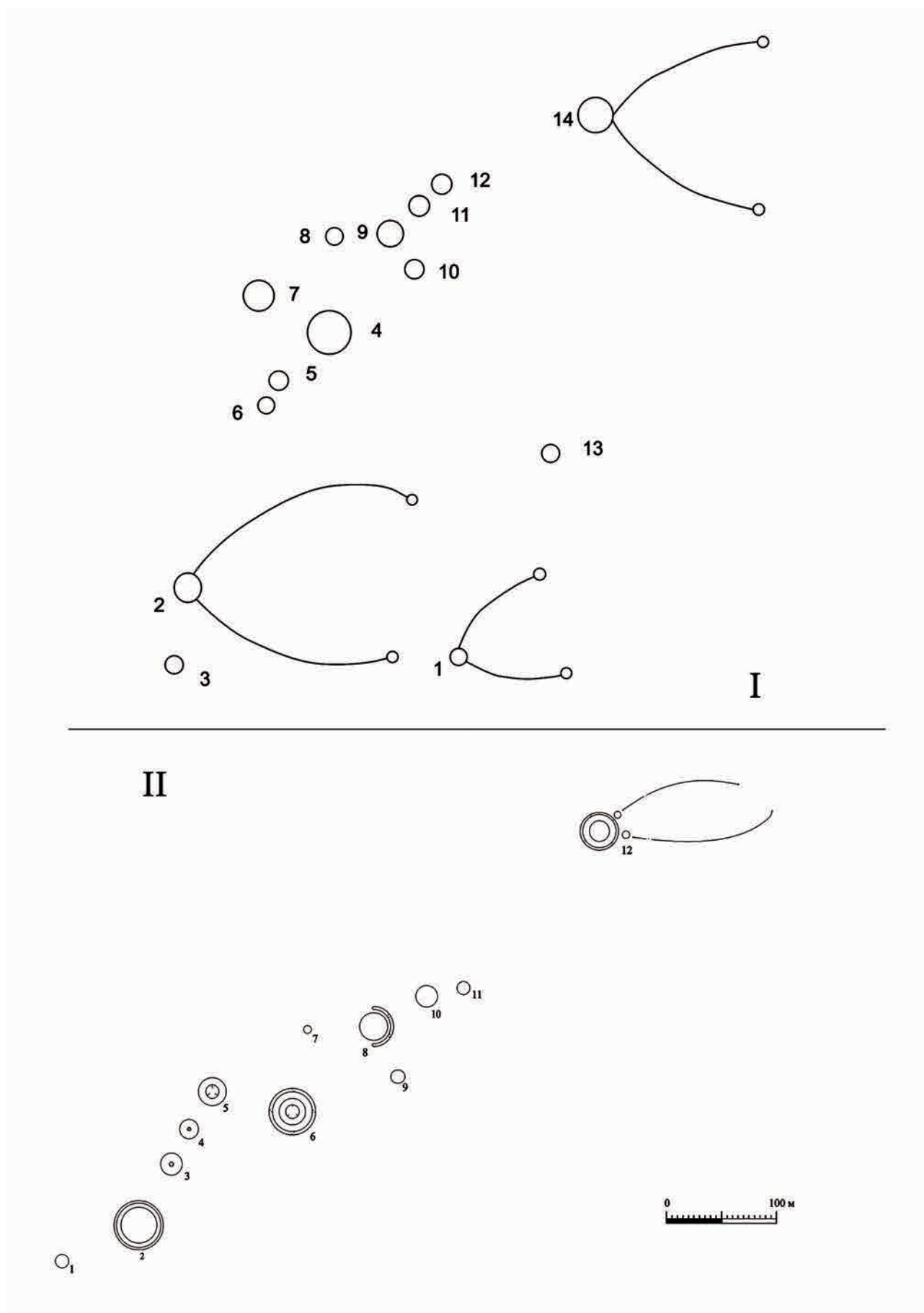

Рис. 4. План могильника Ащитасты-26 (Ащутасты-1). 1 – план 1992 г.; 2 – план 2015 г.

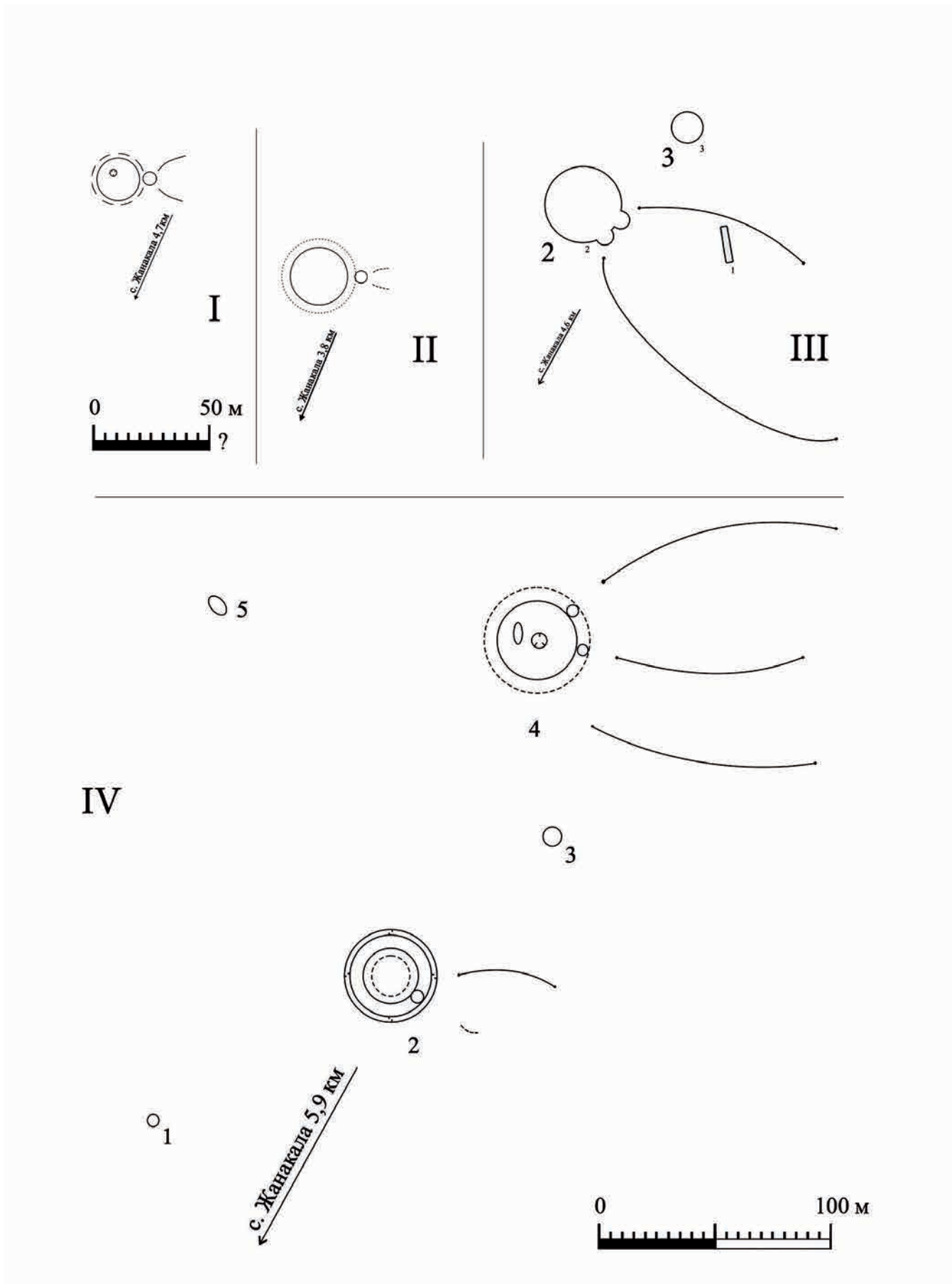

Рис. 5. Курганы с «кусами» на р. Картургай

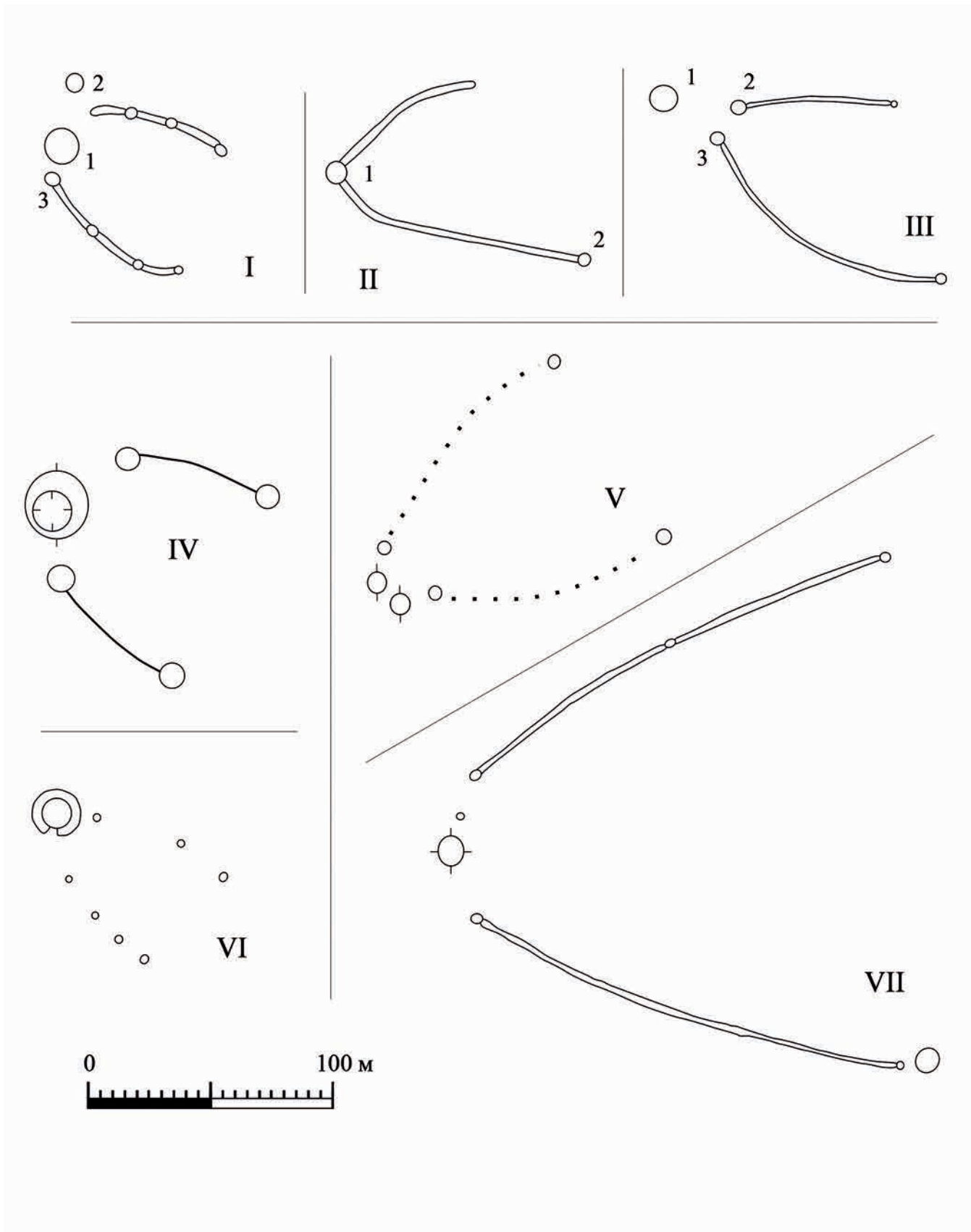

Рис. 6. Курганы в окрестностях поселка Екидин

Одиночный курган с «усами» Маятас-8 (рис. 6, VI) находится на левом берегу реки Каратургай, примерно в 34 км к юго-востоку от поселка Екидин. Центральный курган диаметром 12 м, высотой 1,8 м сложен из камня и земли. Вокруг кургана прослеживается ров, шириной 5–7 м, глубиной до 0,6 м. Гряды составлены из несвязанных между собой небольших курганов диаметром 3 м, высотой 0,1–0,2 м (указано семь курганов), сложенные из камня. Также отмечены овальные курганы (3 шт.) до двух метров в длину (интерпретируются как более поздние захоронения) [Логвин, 1989].

Курган с «усами» Кулик-4 (рис. 6, I) находится на правом берегу р. Каратургай, примерно в 3 км к северо-западу от поселка Кулик. Главный курган имеет диаметр 15 м, высоту 0,7 м. Примыкающие к нему курганы №№ 1 и 2 диаметром 7 м, высотой 0,2 м. Усы шириной до 3,5 м. Длина северного «уса» 60 м, южного – 74 м. На каждом «усе» прослежено по три площадки диаметром 5 м, высотой 0,1 м [Гребенюков, 1982].

Курганная группа Кулик-12 (рис. 6, VII) находится в 2,5 км к северо-западу от поселка Кулик. В группу входят курган с «усами» и курган обычного типа. Диаметр центральной насыпи кургана с «усами» 12 м, высота 0,1 м. Ширина «усов» 3,5 м. Длина северного «уса» 204 м, южного – 195 м. Курган № 2 расположен у восточного окончания южного «уса». Весь комплекс сложен из камня и земли [Гребенюков, 1982].

Курган с «усами» Кулик-17 (рис. 6, II) находится в 11,5 км к западу от поселка Кызыл Жулдыз, на высоте примерно 8 м от уреза воды в Каратургае, в 0,2 км от берега реки. Диаметр головного кургана 9 м, высота 0,1 м. Длина северного «уса» 65 м, южного 105 м. Последний оканчивается округлой площадкой. Комплекс сложен из камня и земли [Гребенюков, 1982].

Курган с «усами» Кызыл Жулдыз-3 (рис. 6, III) находится в 7,4 км к северо-западу от поселка Кызыл Жулдыз, примерно на высоте 20 м от уреза воды в Каратургае. Диаметр головного кургана 12 м, высота 0,2 м. Северный «ус» длиной 73 м, южный – 116 м. Ширина обоих составляла 2,5 м. Все сооружение сложено из камня и земли [Гребенюков, 1982].

Курганный могильник у родника Есенгабул-Булак (рис. 6, IV) находится в 14 км к северо-западу от поселка Матросово в Аркалыкском районе. Памятник был указан К. Ергалиевым. Состоит из шести небольших курганов и комплекса кургана с «усами», который отстоит в 150 м к юго-востоку от них. Центральный курган имел каменную насыпь диаметром 25 м, высотой 0,6 м. Гряды примерно 65 м длиной каждая, начинаются и оканчиваются округлыми выкладками диаметром 7–8 м, высотой 0,3 м. Комплекс сооружен из камня [Логвин, 1973; 1974].

Курганы с «усами» в среднем течении р. Ишим (рис. 7, прил. 1)

Могильник Ушкарасу-1 находится в 2 км к ССЗ от пос. Двуречный, на правом берегу р. Ишим, рядом со старым мусульманским кладбищем. В 1985 г. в составе могильника зафиксированы три кургана и шесть каменных оградок. Курган с «усами» отмечен не был, но он четко читается по космоснимкам. Гряды «опаеивают» группу оградок, их длина составляет примерно 185 м (северная) и 162 м (южная) [Логвин, Гребенюков, 1985].

Курганная группа Ушкарасу-3 (рис. 7, II) находится в 2,2 км к северу от пос. Двуречный, на правом берегу р. Ишим. В группу входят комплекс курган с «усами» и четыре кургана обычного типа. Центральное сооружение кургана с «усами» включает два кургана (курганы №№ 2, 3), расположенные по линии С–Ю, диаметром 6 и 9 м, высотой 0,15 и 0,3 м (северный и южный соответственно). Северная гряда достигала 46 м, а южная 38 м в длину. Западные окончания «усов» (курганы №№ 4, 5) оформлены площадками-выкладками диаметром 2 м, высотой 0,15 м. Восточные окончания (курганы №№ 6, 7) представляют собой курганы диаметром 6 м, высотой 0,15 м. Комплекс сооружен из земли и камня [Логвин, Гребенюков, 1985].

Курганная группа Ушкарасу-5 (рис. 7, IV) находится в 2,4 км к ССЗ от пос. Двуречный, на высоте приблизительно 10 м от современного уреза воды правого берега р. Ишим. Группу составляют два комплекса кургана с «усами», четыре обычных кургана и каменная выкладка.

Первый комплекс состоял из центрального кургана диаметром 9 м и высотой 1,15 м и двух гряд длиной 192 м (северная) и 174 м (южная). Западные окончания (курганы №№ 3, 5)

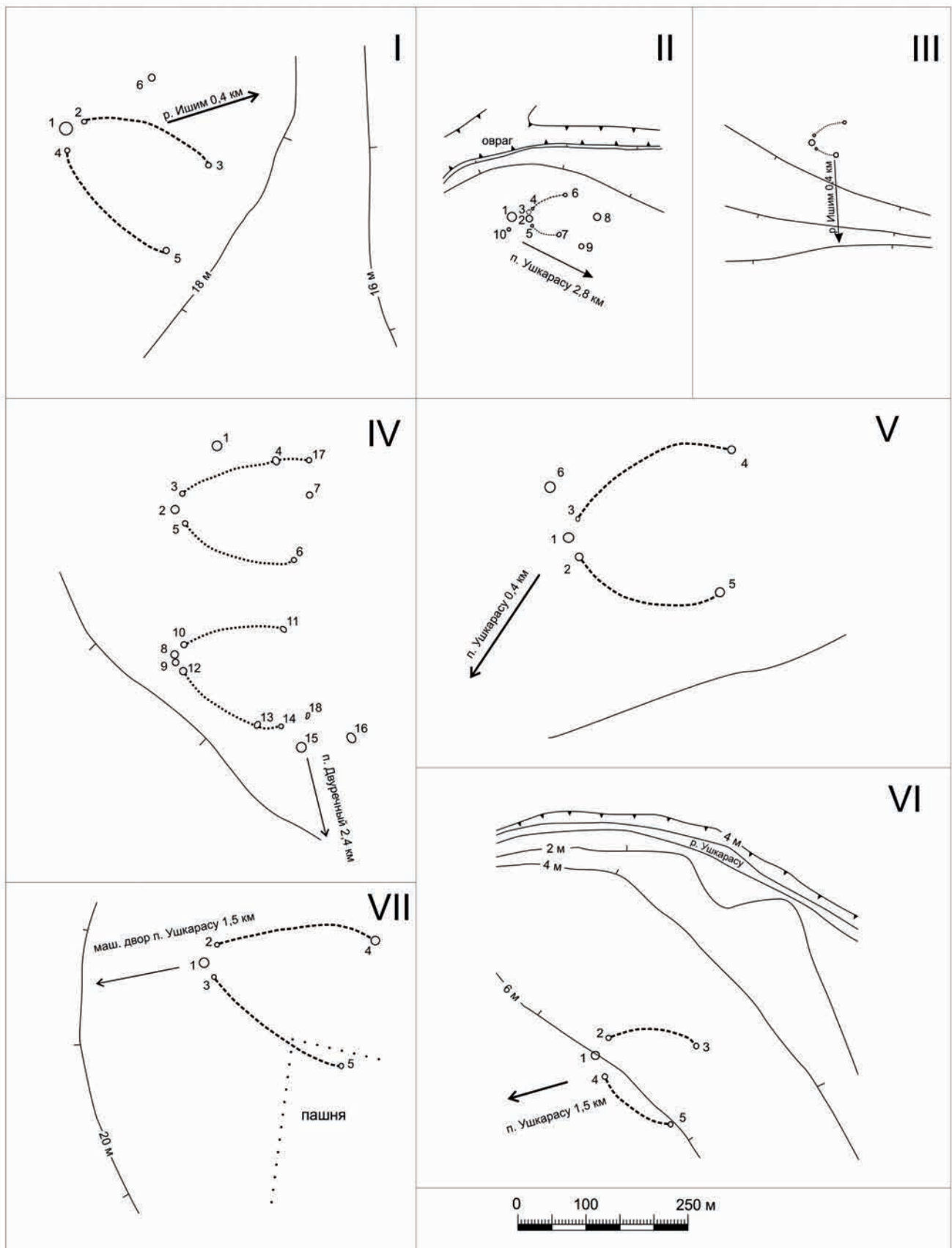

Рис. 7. Курганы с «усаами» Ишима

оформлены округлыми выкладками диаметром 6 м и высотой 0,15 м. Восточные окончания (курганы №№ 17, 5) имеют аналогичное строение, диаметрами 7,5 и 8 м, высотой 0,1 и 0,2 м (северо-восточное и северо-западное соответственно). Ширина гряд составляет 3 м. На северной гряде отмечена площадка (курган № 4) диаметром 8 м, высотой 0,5 м. Весь комплекс сооружен из камня.

Второй курган с «усами» состоит из двух центральных насыпей (курганы №№ 8, 9), расположенных по линии С–Ю. Курган № 8 диаметром 9 м, высотой 0,25 м. Курган № 9 диаметром 10 м, высотой 0,1 м. От них в восточном направлении отходят гряды длиной 146 м северная и 162 м южная. Ширина гряд достигает 3 м. Окончания гряд оформлены небольшими округлыми насыпями: северо-западное окончание (курган № 10) диаметром 6,5 м, высотой 0,15 м; северо-восточное окончание (курган № 11) диаметром 7,5, высотой 0,1 м; юго-западное окончание (курган № 12) диаметром 8 м, высотой 0,1 м; юго-восточное окончание (курган № 14) диаметром 7 м, высотой 0,3 м. На южной гряде прослежена каменная площадка диаметром 7,5 м, высотой 0,3 м [Логвин, Гребенюков, 1985].

Одиночный курган с «усами» Ушкарасу-9 (рис. 7, III) находится в 1 км к СВ от водонапорной башни в пос. Двуречный, на высоте 8 м от современного уреза воды правого берега р. Ишим. Комплекс состоит из центральной курганной насыпи диаметром 8 м, высотой 0,3 м и двух дуговидных гряд длиной около 50 м (северная) и 35 м (южная). Западные окончания «усов» (курганы №№ 2, 3) диаметрами 4,5 и 6 м, восточные (курганы №№ 4, 5). Высота площадок не превышала 0,1 м. Курган (как и весь комплекс?) сооружен из камня [Логвин, Гребенюков, 1985].

Курганная группа Ушкарасу-11 (рис. 7, V) находится в 0,4 км к СВ от машдвора центральной усадьбы бывшего совхоза «Карасуский», на высоте приблизительно 28 м от современного уреза воды правого берега р. Ишим. В группу входит курган с «усами» и курган обычного типа. Комплекс курган с «усами» состоит из центральной насыпи, диаметром 12 м, высотой 0,2 м, от которого в восточном направлении протянулись две дуговидные гряды длиной 240 м северная и 208 м южная. Ширина гряд составляет 2,5–3 м. «Усы» оканчиваются небольшими площадками: курган № 3 диаметром 6 м и высотой 0,3 м, курган № 4 диаметром 9 м, высотой 0,1 м, курган № 2 диаметром 7 м и высотой 0,1 м, курган № 5 диаметром 12 м, высотой 0,15 м. Весь комплекс сложен из камня [Логвин, Гребенюков, 1985].

Одиночный курган с «усами» Ушкарасу-15 (рис. 7, VII) находится в 1,5 км к ВСВ от поселка Ушкарасу, на левом берегу одноименной реки, правого притока р. Ишим. Комплекс состоит из центральной курганной насыпи диаметром 12 м, высотой 0,15 м, в восточном направлении от которой направлены «усы» длиной 224 м северный и 220 м южный. Окончания гряд оформлены округлыми площадками: западные окончания (курганы №№ 2, 3) диаметром 6 м, высотой 0,1 м; северо-восточное окончание (курган № 4) диаметром 9 м, высотой 0,15 м. Ширина гряд до 4 м. Южный «ус» частично распахан. Весь комплекс сложен из камня [Логвин, Гребенюков, 1985].

Одиночный курган с «усами» Ушкарасу-16 (рис. 7, VI) находится на левом берегу Ушкарасу, впадающей в р. Ишим, в 1,7 км к северо-востоку от животноводческого комплекса центральной усадьбы бывшего совхоза «Карасуский». Комплекс состоит из центрального кургана диаметром 9 м, высотой 0,2 м. От него в восточном направлении отходят «усы» длиной 128 м северный и 120 м южный. Окончания гряд представляют собой округлые площадки: курган № 2 диаметром 5 м, высотой 0,15 м; курган № 3 диаметром 6 м, высотой 0,15 м; курган № 4 диаметром 6,5 м, высотой 0,15 м; курган № 5 диаметром 6 м, высотой 0,15 м. Ширина гряд до 2 м. Весь комплекс сложен из камня [Логвин, Гребенюков, 1985].

Курганная группа Куркуруксай-4 (рис. 7, I) находится в 2,2 км к северо-западу от пос. Двуречный, на высоте 18 м от современного уреза воды в реке Ишим, на левом берегу.

Группу составляют комплекс курган с «усами» и один курган обычного типа. Курган с «усами» состоит из центрального кургана, диаметром 16 м, высотой 0,8 м, от которого в восточном направлении отходят две каменные гряды длиной 192 м и 208 м (северный и южный соответственно). Окончания гряд представляют собой выкладки (округлые площадки). Западные окончания (курганы №№ 2, 4) имели диаметр 7,5 м при высоте 0,2 и 0,1 м соответственно. Восточное окончание северной гряды диаметром 6 м и высотой 0,1 м. Ширина «усов» составляет 4–5 м. Необходимо отметить, что приводимые параметры даны весьма ориентировочно, поскольку сооружение подвергалось распашке [Логвин, Гребенюков, 1985].

Курганы с «усами» р. Тобол (рис. 8, прил. 2)

Одиночный курган с «усами» Мугрияят-4 (рис. 8, IV) находится в 4 км к югу от поселка Приреченка, в правобережной части реки Мугрияят (Муқыр-Аят). Центральная насыпь диаметром 10 м, высотой 0,3 м. Гряды имели длину 60 и 75 м. Весь комплекс сложен из камня [Логвин, 1988].

Курганная группа Аймагамбет-5 (рис. 8, III) находится в 6 км к востоку от пос. Аккарга, на левом берегу реки Тобол. В группу входят два комплекса курганов с «усами» и два кургана обычного типа. Первый курган с «усами» (курган № 3) включает центральную насыпь диаметром 7,5 м, высотой 0,2 м. Гряды в длину достигают 50 м, обращены в направлении ВСВ. Второй комплекс (курган № 4) имел центральную насыпь диаметром 9 м, высотой 0,3 м. «Усы», длиной 80 м, направлены на ВЮВ. Оба комплекса выполнены из камня [Логвин, 1988].

Курган с «усами» Тохтарово-8 (рис. 8, II) находится на правом берегу реки Тобол, в 4 км к юго-востоку от села Тохтарово. Диаметр центрального кургана 9 м, высота 0,3 м. «Усы» шириной 2,5 м, высотой 0,2 м начинаются и оканчиваются курганчиками диаметром 3 м, высотой 0,2 м. Весь комплекс сложен из камня [Логвин, 1986].

Курганная группа Тохтарово-10 (рис. 8, I) находится на правом берегу реки Тобол, в 4,5 км к юго-востоку от села Тохтарово. В группу входят два кургана обычного типа и один курган с «усами». Головной курган последнего диаметром 10 м, высотой 0,3 м. Гряды начинаются насыпями диаметром 8 м, высотой 0,1 м и оканчиваются курганчиками диаметром 3 м, высотой 0,1 м. Комплекс сложен из земли и камня [Логвин, 1986].

Обсуждение материала. Картографирование приведенных материалов позволяет заключить, что наиболее насыщенным является район рек Тургай и Каратургай с притоками: Тасты, Тулқисай, Саба (Улькен-Сабасалды-Тургай) (рис. 1). Указанная территория с севера примыкает к Ишиму, с юго-востока – хребту Улытау, а с запада ограничена Тургайской ложбиной. Вновь введенные материалы значительно дополняют и расширяют географию курганов с «усами», которые ранее были известны только в пределах Улытау (рис. 1, 97–105). Здесь впервые они зафиксированы разведкой А. Х. Маргулана в послевоенные годы. Тогда же им было раскопано два комплекса в урочище Орезайыр и озере Тогызбайколь [Маргулан, 1948а]. В 1961 году А. М. Оразбаевым исследован комплекс Джанайдар [Оразбаев, 1969], а в 1984 году Э. Р. Усманова провела раскопки на могильнике Батыр-Булак [Усманова, 1987]. Добавленные материалы теперь позволяют насчитывать 105 комплексов курганов с «усами» (включая три удаленных комплекса по рекам Сарыюзен и Карасу (рис. 1, 1–3)). Можно заметить, что в физико-географическом отношении их наибольшая концентрация наблюдается в предгорных районах, в верховьях рек, и их количество заметно уменьшается к западу – низовьям Тургай и Тургайскому плато (рис. 1, 1–3; 29–32; 35–37).

К числу ранее известных комплексов на реке Ишим [Археологическая карта Казахстана, 1960, № 939] добавлена группа в окрестностях поселков Двуречный и Ушкарасу (рис. 1, 107–119). На участке примерно 9×9 км насчитывается 12 памятников, девять из которых открыты разведкой В. Н. Логвина, остальные – М. К. Хабдулиной [Свод памятников..., 2007, с. 315] и по космоснимкам. Курганы с «усами» здесь расположены одиночно, парно или среди обычных курганных насыпей. Центральное сооружение состоит из одного, реже – из двух курганов.

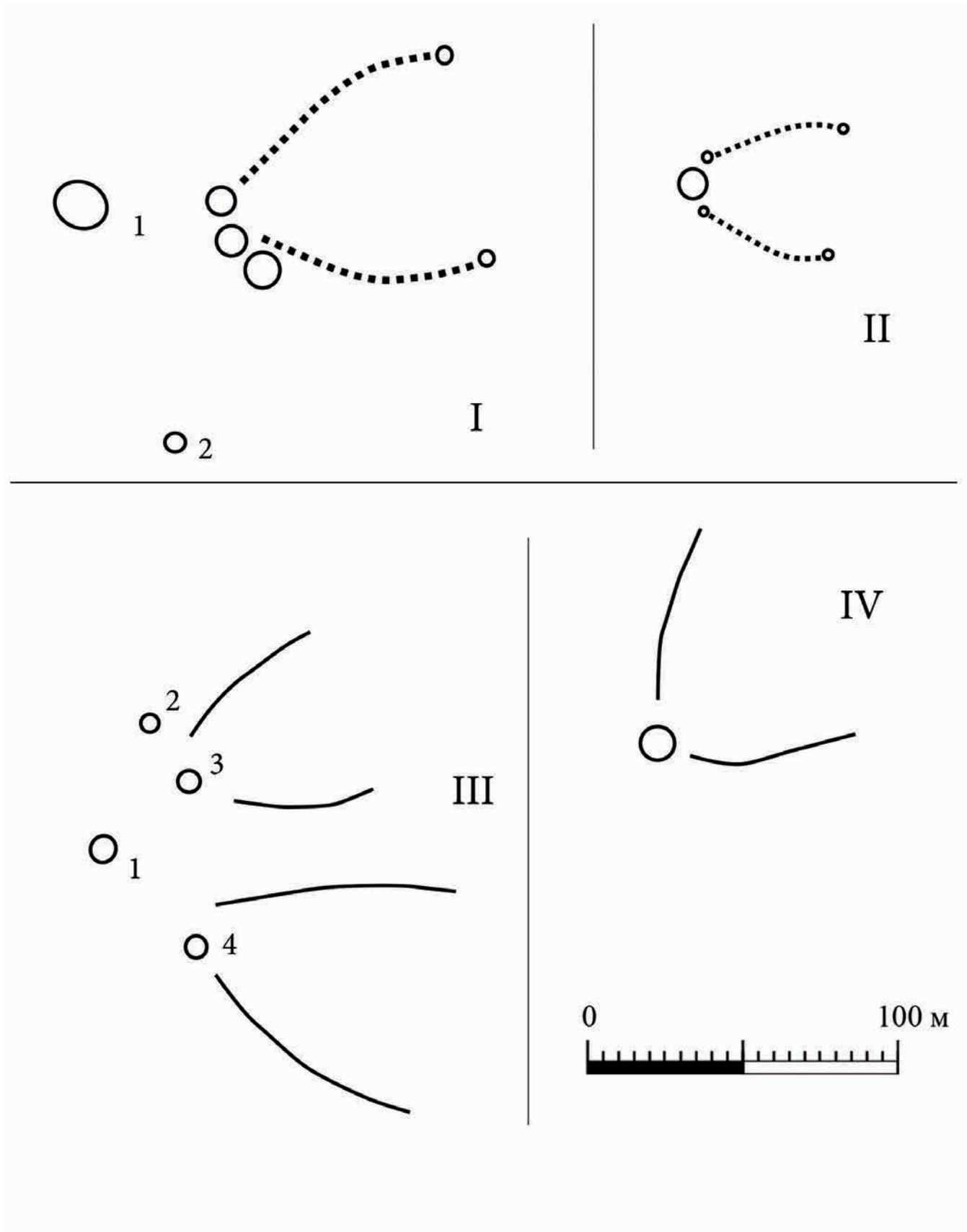

Рис. 8. Курганы с «усами» Казахского Притоболья

Серия публикуемых комплексов с Тобола географически входит в хорошо известную южнозауральскую группу, занимающую урало-тобольский водораздел [Любчанский, 1998; Боталов и др., 2006, с. 15, рис. 1]. Вновь введенных памятников немного (рис. 2), что связано со слабой изученностью района. Однако мы думаем, что северо-запад Костанайской области является вполне перспективным для поисков новых курганов с «усами».

Остановимся более подробно на тургайских комплексах и попробуем, насколько это позволяют материалы, дать их характеристику (рис. 1, 1–105). Из 105 комплексов длина гряд известна для 102 (100%). Анализ средней длины показывает, что 45 комплекса имеют длины в пределах от 45 до 100 м (44%). Около трети комплексов – 32 объекта, достигают 101–150 м (31%). Самые большие «усы» (длиной более 150 м) имеют 17 памятников (17%), а комплексы с короткими грядами (до 45 м) составляют самую малую часть, их 8 (8%). Эти значения в целом близки южнозауральской группе, где большинство памятников включает «усы» длиной от 45 до 150 и более метров, и лишь несколько – до 45 м. В то же время необходимо отметить, что тургайские и южнозауральские комплексы, имея схожие показатели длин гряд, находят отличия при сравнении их с более восточными районами – Восточной Сарырккой, где довольно высока доля «коротких» комплексов.

Заметной особенностью тургайских памятников является представительность комплексов с двумя или несколькими центральными насыпями, расположенные по линии С–Ю. Обращает на себя внимание комплекс Ащитасты-15, где полудугой расположено четыре насыпи. Судя по плану, гряды и центральные насыпи органически сочетаются, образуя «плавный» дуговидный переход друг от друга. Аналогичную конструкцию мы наблюдаем в двух комплексах на р. Атасу [Мариковский, 1983, с. 28, рис. 2, ж, з]. Возможно, похожее архитектурное решение исполнено в улытауском комплексе Батыр-Булак, где начала гряд соединены дуговидной каменной перемышкой, охватывающей центральный курган [Усманова, 1987, с. 100, 101]. В строении гряд ащитастинского кургана отмечена комбинация из каменной выкладки и курганчиков диаметром 6–7 м. Похожая структура редка и встречена в Верхнем Прииртышье [Арсланова, 1975, с. 117], Южном Зауралье [Любчанский, Бытковский, 2005, с. 376; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, с. 32–33, рис. 16, л].

Большой интерес представляют группы комплексов, расположенные на компактных территориях (Актас (Мирное), Ащитасты, Кулик, Жаксысаба). Группа Актас включает 17 комплексов на площади 21×13 км, Жаксысаба-3 – 11 комплексов на площади 6×3 км, Кулик – 10 комплексов на площади 5,5×1 км. Примечательно, что в рамках каждой группы встречены как короткие (от 35 до 50 м), так и длинные (от 120 до 233 м) «усы». То же самое наблюдается в микрорайоне Ушкарасу на Ишиме (12 комплексов), где длины гряд варьируют от 35 до 240 м. Из них самые короткие (до 45 м) имели три комплекса, а самые длинные (свыше 150 м) – семь. Какой характер носили различия длин – хронологический, этнокультурный или социальный, сейчас сказать сложно. Тем не менее, цельное изучение подобных компактных групп в будущем, с привлечением междисциплинарных подходов, может представлять огромный интерес.

Таким образом, опубликованные в этой работе курганы с «усами» являются неотъемлемой частью всего ареала от Верхнего Прииртышья до Южного Зауралья, демонстрируя общие черты архитектурного стиля: центральное сооружение и две дуговидные гряды. Вместе с тем фиксируются и региональные особенности, среди которых показательна средняя длина гряд, характерная для западного ареала (Улытау, Южное Зауралье, Мугалжар), и в меньшей степени для восточного (Восточная Сарырка, Восточный Казахстан). В отличие от восточных памятников здесь довольно редок тип 2, однако его наличие свидетельствует о центральноказахстанской традиции [Бейсенов, 1996]. Возможно, полученные данные иллюстрируют особенности развития строительных традиций по мере освоения западных районов: изначально сооружаемые на/вблизи более ранних насыпей, они постепенно обретают «самостоятельность» (одиночность) с

более длинными грядами. Впрочем, более подробная сравнительная характеристика курганов с «усами» из разных районов должна быть темой отдельного специального исследования.

Вывод. В заключении отметим, что картографирование комплексов Тургая и примыкающих к нему районов (рис. 1) довольно четко демонстрирует степень освоения земель для их строительства – предгорные или низкогорные участки на водоразделах и в верховьях рек. В геоморфологическом отношении это зоны пенеplена, которые естественным образом обеспечивали наличие строительного сырья для постройки курганов с «усами», в абсолютном большинстве сооруженные из камня [Кадырбаев, 1959, с. 163; Бейсенов, 2015; Никольский, Грудочко, 2015; Бейсенов, Дуйсенбай, Святко, 2017]. Однако главным фактором, на наш взгляд, является то, что выбор этих территорий был наиболее предпочтительным в кочевом хозяйстве. В этой связи еще раз обращает на себя внимание практически полное отсутствие памятников в пределах Тургайской ложбины с ее не вполне благоприятными экологическими условиями.

Примечание

Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК, проекты № 2978/ГФ4 (Бейсенов А.З., Базарбаева Г.А.); № 2409/ГФ4 (Логвин А.В., Сеитов А.М.); МОН РФ, государственное задание 33.5494.2017/БЧ (Грудочко И.В.)

ЛИТЕРАТУРА

- Арсланова Ф. Х.** Курганы с «усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1975. – С. 116–129.
- Археологическая карта Казахстана. – Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1960. – 488 с.
- Ахинжанов С. М.** Курган с «усами» на юго-западных склонах Каратау // Археологические исследования на Отраре. – Алма-Ата: Наука, 1977. – С. 72–81.
- Бейсенов А. З.** Культурно-ритуальные сооружения древних номадов Центрального Казахстана // Изв. МН–АН РК. Сер. обществ. наук. – 1996. – № 2. – С. 31–40.
- Бейсенов А. З.** Погребальные памятники и культурно-ритуальные сооружения древних номадов Центрального Казахстана (VII–I вв. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алматы, 1997. – 26 с.
- Бейсенов А. З.** Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. научн. ст., посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 11–38.
- Бейсенов А. З.** Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. ст., посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – С. 29–35.
- Бейсенов А. З., Дуйсенбай Д. Б., Ахияров И. К., Святко С. В.** Радиоуглеродные даты кургана с «усами» из могильника Тандайлы-2 в Центральном Казахстане // Евразия в кайнозойе. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2016. – Вып. 5. – С. 235–239.
- Бейсенов А. З., Дуйсенбай Д. Б., Святко С. В.** Курган с «усами» Жамантас // Самарский научный вестник. – 2017. – Т. 6, № 3 (20). – С. 227–231.

- Бейсенов А. З., Умиткалиев У. У., Кулькова М. А.** Радиоуглеродная дата кургана с «усами» Кырыкунгир (Восточная Сарыарка) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. – Вып. 5. – С. 249–255.
- Зданович Г. Б., Батанина И. М., Левит Н. В., Батанин С. А.** Археологический атлас Челябинской области. Вып. 1. Степь-лесостепь. Кизильский район. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 2003. – 240 с.
- Боталов С. Г., Таиров А. Д., Любчанский И. Э.** Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. – Челябинск: Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН, 2006. – 232 с.
- Грудочко И. В., Епимахов А. В.** Хронология курганов с «усами»: сравнительный анализ радиоуглеродных и археологических датировок // Казахское ханство в потоке истории: сб. научн. статей, посвящ. 550-летию образования Казахского ханства. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. – С. 538–544.
- Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.** О традиции установки стел в культуре населения сакского времени казахских степей // История и археология Семиречья: сб. статей и публикаций. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. – Вып. 5. – С. 127–142.
- Кадырбаев М. К.** Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. – 1959. – Т. 7. – С. 162–203.
- Кадырбаев М. К.** Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 303–433.
- Ломан В. Г., Бейсенов А. З., Евдокимов В. В., Толеуов Т. С.** Археологическая карта Каркаралинского района Карагандинской области. – Алматы: Иль-тех-кітап, 2004. – 256 с.
- Любчанский И. Э.** Хронологические аспекты комплексов «курганов с усамии» евразийских степей // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии): матер. II междунар. археол. конф. – Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, 1998. – С. 303–310.
- Любчанский И. Э.** Типология и хронология // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Сер. «Этногенез уральских народов». – Челябинск: Изд-во ООО ЦИКР «Рифей», 2005. – С. 382–404.
- Любчанский И. Э., Бытковский О. Ф.** Новоактюбинский I, Солончанка IX, Новокундуровский I // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Сер. «Этногенез уральских народов». – Челябинск: Изд-во ООО ЦИКР «Рифей», 2005. – С. 370–381.
- Мамедов А. М.** Комплексы курганов с «усами» Западного Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: сб. научн. ст., посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 160–165.
- Маргулан А. Х.** Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 г.) // ВАН КазССР, сер. историч. – 1948а. – Вып. 4. № 49. – С. 3–31.
- Маргулан А. Х.** К изучению памятников района р. Сары-Су и Улугтау // ВАН КазССР. – 1948б. – № 2 (35). – С. 53–60.
- Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.** Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 434 с.
- Оразбаев А. М.** Курган с «усами» в могильнике Джанайдар как архитектурный памятник // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1969. – С. 175–189.
- Мариковский П. И.** К изучению астрономического значения курганов с грядами // ВАН КазССР. – 1983. – № 4. – С. 26–31.
- Никольский В. Ю., Грудочко И. В.** Геоархеологические исследования курганов с «усами» Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале: матер. VI Всерос. научн. конф. – Челябинск, 2015. – С. 273–282.
- Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область. – Алматы: Аруна, 2007. – 495 с.
- Толеубаев А. Т., Бейсенов А. З., Омаров Г. К.** Курганы с каменными грядами на северных склонах Тарбагатай // Проблема изучения и сохранения исторического наследия: сб. ст. посвящ. памяти А. М. Оразбаева. – Алматы: КазНУ им. аль Фараби, 1998. – С. 218–224.
- Усманова Э. Р.** Новые материалы по эпохе кочевников из Джекказганской области // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-е Башкирского ун-та (подготовил Челябинский ун-т), 1987. – С. 99–105.
- Batanina I. M., Batanina N. S., Levit N. V., Kaiser E.** Archäologisch Karte des Flusstals Karagajly-Ajat. Eine Region des vorgeschichtlichen Eurasiens aus der Vogelperspektive // Studien zur Bronzezeit im Trans-Ural (Russische Föderation). – Bonn, 2014. – P. 199–305.

Motuzaitė Matuzevičiūtė G., Logvin A. V., Shevnina I. V., Seitov A. M., Feng J., Zhou L. OSL dates for the ancient geometric earthworks of Kazakhstan // *Archaeological Research in Asia*. – 2016. – Vol. 7. – P. 1–9.

Архивные материалы

- Гребенюков В.И.** Разведочные работы на Кара-Тургае. В: Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Тургайской области в 1982 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 1964.
- Кадырбаев М.К.** Древности восточных районов Сарыарка. Рукопись. 1969 // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 1108.
- Логвин В.Н.** Археологические разведки на территории Тургайской области. В: Отчет об археологических исследованиях Тургайского областного историко-краеведческого музея на территории Тургайской области летом 1973 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 1339.
- Логвин В.Н.** Археологические раскопки и разведки на территории Тургайской области. В: Отчет об археологических исследованиях на территории Тургайской области летом 1974 г. // Архив Института археологии им. А. Х. Маргулана, ф. 2, оп. 2, д. 1388.
- Логвин В.Н.** Разведочные работы по рекам Кара-Тургай и Жаксы-Каинды. В: Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Тургайской области в полевом сезоне 1980 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 1834.
- Логвин В.Н.** Разведочные работы в Кустанайской области. В: Отчет Тургайской археологической экспедиции о раскопках на территории Кустанайской области летом 1986 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2138.
- Логвин В.Н.** Разведочные работы в Кустанайской области. В: Отчет Тургайской археологической экспедиции о полевых исследованиях 1988 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2230.
- Логвин В.Н.** Разведочные работы в верховьях реки Каратургай. В: Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции летом 1989 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2277.
- Логвин В.Н.** Разведочные работы в Тургайской области. В: Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Тургайской области в полевом сезоне 1991 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2365.
- Логвин В.Н.** Разведочные работы в Аркалыкском районе. В: Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Тургайской области в полевом сезоне 1992 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2409.
- Логвин В.Н., Гребенюков В.И.** Разведочные работы в Тургайской области. В: Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Тургайской области летом 1984 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2054.
- Логвин В.Н., Гребенюков В.И.** Разведочные работы в Тургайской области. В: Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Тургайской области летом 1985 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2092.
- Логвин В.Н. Зайдулин В.Е.** Разведочные работы в верховьях реки Кара-Тургай. В: Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Тургайской области в полевом сезоне 1981 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 1890.
- Усманова Э.Р., Мазниченко А.П.** Охранные раскопки могильника Лисаковский (Кустанайская область) летом 1992 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2403.

Курганы с каменными грядами Улытау-Тургай-Ишимского региона

№ (по рис. 1)	Название	Длина северной гряды (м)	Длина южной гряды (м)	Тип (по А. З. Бейсенову)
	Наурзумский р-н, Костанайская обл.			
1	Карасу	86	72	1
	Амангельдинский р-н, Костанайская обл.			
2	Мойылды	100	97	1 или 2а (?)
3	Мереке	97	84	3
4	Актас-1	96	89	3
5–16	Актас-2 (11 курганов с «усами» на площади 6 х 3 км)			
5	№ 1	138	128	3
6	№ 2	179	151	1
7	№ 3	122	122	1
8	№ 4	210	233	1
9	№ 5	122	110	3
10	№ 6	169	139	1
11	№ 7	?	49	1 или 3 (?)
12	№ 8	?	56	3 (?)
13	№ 9	236	220	3
14	№ 10	155 (?)	107 (?)	1 (?)
15	№ 11	159	166	1 (?)
16	Актас-3	138	123	3
17–18	Актас-4 (два кургана с «усами» в 180 м друг от друга)			
17	№ 1	107	87	1 (?)
18	№ 2	104	96	1 (?)
19–20	Актас-5 (два кургана с «усами» в 210 м друг от друга)			
19	№ 1	134	112	1 (?)
20	№ 2	165	142	1 (?)
	Жаркайынский р-н, Акмолинская область			
21	Шойындыколь 3	92	80	1
22	Шойындыколь А	130	134	1
	Аркалыкский р-н, Костанайская обл.			
23	Шойындыколь Б	182	152	1
	Амангельдинский р-н, Костанайская обл.			
24	Каракудук	171	155	3
25	Шаклак	164	174	1
26	Абу-Саздыкова	83	66	1
27	Косжан	86	77	1
28	Кустобе	70	68	2
	Жангелдинский р-н, Костанайская обл.			
29	Колкамыс	150	122 (?)	1 (?)
30	Тургай-1	117	96 (?)	3
31	Тургай-2	74	63	1
32	Тургай-3	81 (?)	76 (?)	1
33	Рахмет-1	82	91	1
34	Рахмет-2	143	123	1
35	Талгый-1	66	60	1
36	Талгый-2	49	50	1

37	Ызбан	86 (?)	?	?
	Амангельдинский р-н, Костанайская обл.			
38–47	Памятники в районе пос. Кулик (10 курганов с “усами” на участке примерно 5,5 x 1 км)			
38	Кулик-4	60	74	1
39	№ 1	136	120	1
40	№ 2	80	76	1
41	№ 3	83 (?)	79	1
42	№ 4	48	44	3
43	№ 5	92	82	3
44	№ 6	142	141	1 или 2 (?)
45	Кулик-12	204	195	1
46	№ 7	81	66	1 (?)
47	Кулик-17	65	105	1
	Аркалыкский р-н, Костанайская обл.			
48	Кызыл Жулдыз-3	73	116	1
49	Алуа-1	129	111	3
50	Алуа-2	111	108	1 или 2 (?)
51	Аккошкар-1	63	57	1
52–53	Аккошкар-2 (два кургана с “усами” в 700 м друг от друга)			
52	№ 1	123	117	1
53	№ 2	186	156	3
54–55	Костам (два кургана с “усами”)			
54	№ 10	75	75	1
55	№ 11	40	40	1
56	Жанакала-Алуа	122	130	1 (?)
57–59	Каратургай-5 (три кургана с “усами”)			
57	№ 2	40	?	2
58	№ 3 (?)	95	?	1 (?)
59	№ 4	120	95	2 (две пристроен. насыпи)
60–61	Каратургай-2 (два кургана с “усами”)			
60	№ 1	не более 40 (?)	не более 40 (?)	2
61	№ 2	80 (?)	80 (?)	1
62	Каратургай-1	10	10	2
63–64	Каратургай-4 (два кургана с “усами”)			
63	№ 2	80	130	2 (две пристроен. насыпи)
64	№ 3	77 (?)	85 (?)	1
65	Саба-2	110	90	1
66	Жайлауколь	50 (?)	38 (?)	?
67	Екидин-34	?	?	3
68	Жаксысаба-1	86	87 (?)	1 (?)
69	Жаксысаба-2	205	192	1
70–80	Жаксысаба-3 (11 курганов с “усами” на площади 6 x 3 км)			
70	№ 1	186	152	3
71	№ 2	30	32 (?)	1
72	№ 3	28	?	1
73	№ 4	57	39	1
74	№ 5	44 (?)	41	2
75	№ 6	140	134	3
76	№ 7	96	98	1
77	№ 8	97	81	1

78	№ 9	150	147	3
79	№ 10	48	45	1
80	№ 11	78	70	1
81	Улькен–Сабасалды–Тургай	145	137	1
82	Маятас-8	60	60	1
83–85	Ащитасты А (три кургана с “усаами” на площади 350 х 350 м)			
83	№ 1	71	56	3
84	№ 2	115	96 (?)	3
85	№ 3	110	94	1
86–87	Ащитасты Б (два кургана с “усаами” в 100 м друг от друга)			
86	№ 1	88	61	1
87	№ 2	167	163	1
88	Ащитасты В	117	114	3
	Ащитасты-26 (три кургана с “усаами”)			
89–91	Ащитасты-26 (три кургана с “усаами”)			
89	№ 1	100	100	1
90	№ 2	200	175	1
91	№ 14	155	155	2 (две пристроен. насыпи)
92	Ащитасты-25	160	120	1
93–94	Ащитасты-15 (два кургана с “усаами”)			
93	№ 3	120	120	3
94	№ 4	170	130	3
95	Ащитасты-24	60	55	1
96	Ащитасты Г	48	52	1
	Улытауский р-н, Карагандинская обл.			
97	Урочище Сартоган	?	?	?
98	Урочище Домбаул	140	130	?
99	Батыр-Булак	95	85	1
100	Джанайдар	95	102	1
101	Мавзолей Алаша хана	109	109	1
102	Озеро Тогызбайколь	130	116	?
103	Орезайыр	140	126	3
104	Актас-3	?	?	?
105	Тортоба	?	?	?
	Есильский р-н, Акмолинская обл.			
106	Заречный	?	?	?
107	Куркуруксай-4	192	208	1
108–109	Ушкарасу-5 (два кургана с “усаами”)			
108	№№ 2–6	192	174	1
109	№№ 8–14	146	162	3
110	Ушкарасу-3	46	38	3
111	Ушкарасу-2	280	270	1
112	Ушкарасу А	200	179	1
113	Ушкарасу-1	185 (?)	162	1
114	Ушкарасу-9	50	35	1
115	Ушкарасу-11 / Ушкарасу-3	240	208	1
116	Ушкарасу-15	224	220	1
117	Ушкарасу-16	128	120	1
118	Двуречное	35	35	1
119	Шолаксандык	221	224	1
120	Тассаут	78	77	1
	Жаксынский р-н, Акмолинская обл.			
121–122	Ишимское-4 (два кургана с “усаами”)			

121	№ 1	137	112	1
122	№ 2	75	70 (?)	1
123–125	Лозовое-1 (три кургана с “усами”)			
123	№ 1	80	76	1
124	№ 5	108	76	2
125	б/н	140	116	3
126–129	Ак-Кайракты (четыре кургана с “усами”)			
126	№ 4	190	175	3
127	№ 6	190	192	1
128	№ 8	111	132	1
129	№ 12	235	243	1
	Аркалыкский р-н, Костанайская обл.			
130	Есенгабул-Булак	65	65	1

Приложение 2

Курганы с каменными грядами Казахского Притоболья

№ (по рис. 2)	Название	Длина северной гряды (м)	Длина южной гряды (м)	Тип (по А. З. Бейсенову)
	Денисовский р-н, Костанайская обл.			
1	Мугрияят-4	75	60	1
	Тарановский р-н, Костанайская обл.			
2	Кызыл-Жар-3	?	75 (?)	3 (?)
	Жетыкаринский р-н, Костанайская обл.			
3–7	Тохтарово (четыре кургана с “усами”)			
3	Тохтарово А	215	165	3
4	Тохтарово Б	130 (?)	130 (?)	1 (?)
5	Тохтарово-8	50	45	1
6	Тохтарово-10	85	80	3
7	Тохтарово В	85	75	1
8–9	Аймагамбет-5 (два кургана с “усами”)			
8	№ 3	50	50	1
9	№ 4	80	80	1

II. 3 О НЕКОТОРЫХ РИТУАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ («ГЕОГЛИФАХ») ТУРГАЯ

В настоящее время в пределах Костанайской области выявлен новый тип памятников, обозначенный условным термином «геоглифы»¹. Исследования космоснимков 2007–2016 гг. позволили выявить 84 объекта, из них на 61 объекте проведены исследования, заключавшиеся в фиксации по принятой в археологии методике². Нами использовались космоснимки из разных баз данных, доступные в Интернет-ресурсах Google, Yandex и др.

Предварительный историографический анализ показывает, что впервые информация об объектах, получивших позднее название «геоглифы Тургая», была представлена на общем собрании Оренбургской ученой архивной комиссии в 1909 г. в докладе Б. А. Скалова, сообщение которого приведено в труде И. А. Кастанье «Древности Киргизской степи и Оренбургского края». Б. А. Скалов доложил о наличии в пределах первой Наурзумской волости «<...> курганов, расположенных в ряд, образующих геометрические фигуры вроде треугольников и четырехугольников <...> расположены на одинаковом друг от друга расстоянии» [Кастанье, 1910, с. 64].

В дальнейшем, эти объекты не привлекали должного внимания исследователей, ситуация изменилась в настоящее время, когда стали общедоступны аэро- и космоснимки. В результате изучения космоснимков, доступных в программе Google Earth, в 2007 г. Дмитрием Деєм был найден ряд геометрических объектов состоящих из курганообразных насыпей, самый известный из которых Уштогайский квадрат.

Впоследствии сотрудниками археологической лаборатории Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова, была проведена работа по поиску и фиксации данного типа памятников. Рассматриваемые объекты расположены относительно компактно в пределах Тургайского прогиба на высоких точках и имеют большие (32–680 м) размеры и геометрическую форму.

Описание объектов. Для сооружения «геоглифов», как правило, выбирались наиболее возвышенные участки местности, на различном удалении от водоемов, часто такими местами служили края чинков. Памятники в основном сооружены из курганообразных насыпей (59) и валов (2).

В группе «геоглифов», сооруженных из курганообразных насыпей по форме выделяются следующие: «линия» (41), «крест» (9), «квадрат» (1), «кольцо» (8). Все объекты, выполнены из насыпей округлой формы³, в пределах одной фигуры, имеющих одинаковые параметры и расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга. Количество насыпей в фигуре всегда нечетное. «Геоглифы», сооруженные из валов, представлены одним типом – «свастика».

Большинство объектов представлено одиночными геометрическими фигурами, в некоторых случаях они расположены близко друг к другу, что по нашему мнению, позволяет считать их комплексами, которым и посвящена данная работа (рис. 1).

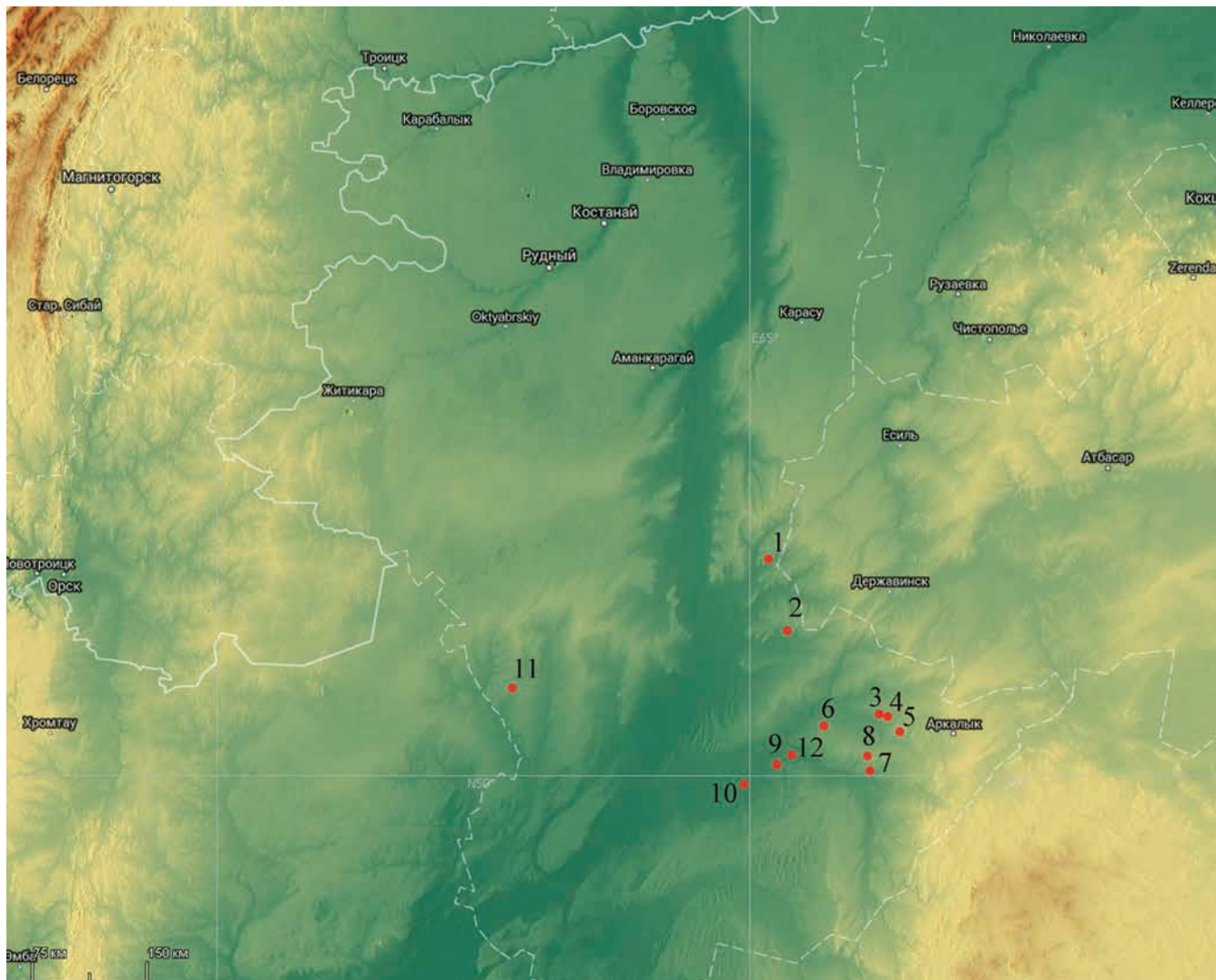

Рис. 1. Схема расположения геометрических ритуальных комплексов Тургай. 1 – Аксайская линия и кольцо; 2 – Уштогайский квадрат и линия; 3 – Тургайское кольцо; 4 – линии Аршалы; 5 – Большой Ашутастинский крест; 6 – линия и кольцо Жалдама; 7 – Каратургайская линия и кольцо; 8 – линии Шинсай; 9 – линии Косжан; 10 – Алакольские линии; 11 – линия и могильник Коктас; 12 – ритуальный комплекс Урпек

Всего выявлено несколько типов комплексов:

- двойные «линии» (4);
- «линии» и «кольца» (3);
- «квадрат», «линия» и «кольцевые рвы» (1);
- «линия» и ритуально-поминальные склепы (1);
- «крест» и «кольцевые валы» (1);
- «кольцо и «кольцевые валы» (1);
- «свастика», курганы и ритуально-поминальные сооружения (1).

Описание объектов

«Линии» (4). *Линии Шинсай* расположены в 9,5 км к северо-востоку от п. Кулик Амангельдинского района Костанайской области, в 16 км к северо-западу от п. Кызылжұлдыз находящегося на территории подчиненной маслихату г. Аркалык Костанайской области (рис. 2,

3; 4, 3). Комплекс представляет собой две параллельные линии, состоящие из земляных насыпей, выстроенных в ряд. Диаметр насыпей 6 м, высота 0,1 м. Западная линия состоит из семи насыпей, ее длина 85 м. Восточная линия состоит из девяти насыпей, ее длина 108 м. Линии ориентированы по оси С–Ю с отклонением 12°.

Рядом с линиями расположен курган высотой 1 м, диаметром 25 м.

Алакольские линии расположены в 0,9 км к югу от п. Алаколь, в 31 км к юго-западу от п. Амангельды Амангельдинского района Костанайской области, на перешейке между озерами Алаколь (рис. 2, 7; 4, 1). Объект состоит из двух параллельных линий, сооруженных из земляных насыпей, выстроенных в ряд. Длина восточной линии 120 м, состоит из 11 насыпей высотой 0,1 м, диаметром до 8 м. Насыпи расположены очень плотно друг к другу, разрывов практически не видно. Западная линия, длиной 60 м состоит из пяти насыпей высотой 0,05 м, диаметром до 8 м. Линии ориентированы по оси ССВ–ЮЮЗ.

Рядом с линиями расположены курганы (табл. 1).

Таблица 1 – Основные параметры курганов, выявленных у п. Алаколь

Номер кургана	Высота, м	Диаметр, м	Ширина рва, м	Глубина рва, м
1	0,3	15	4	0,3
2	0,2	15	3	0,2
3	0,5	20	2	0,2
4	0,7	30	6	0,3

Заметим, что при исследовании рва кургана № 3 с западной стороны зафиксирован разрыв; курган № 4 – единственный объект в данном местонахождении, имеющем плоскую вершину.

Линии Аршалы расположены в 50 км к западу от г. Аркалык (в 22,4 км к ЮВ от п. Тасты Амангельдинского района Костанайской области) в 1,2 км от правого берега р. Аршалы (правый приток р. Ащытасты) (рис. 2, 6; 4, 4). Объект состоит из двух параллельных линий, состоящих из земляных насыпей, диаметром 5–6 м, высотой 0,1 м, выстроенных в ряд. Длина западной линии 32 м. Состоит из пяти насыпей. Длина восточной линии 162 м. Состоит из 13 насыпей. Ориентированы по линии ССВ–ЮЮЗ.

Рядом с линиями находятся три кургана, диаметром 10–13 м, высотой 0,1 м.

Линии Косжан расположены в 1,3 км к востоку от п. Косжан Амангельдинского района Костанайской области, в 10 км к югу от районного центра (п. Амангельды) (рис. 2, 8; 4, 2). Рядом находится мусульманское кладбище. Объект состоит из двух не параллельных линий – северной и южной, образованных из земляных насыпей. Северная линия длиной 162 м, состоит из 11 насыпей, диаметр которых 8 м, высота 0,1 м; ориентирована по оси СВ–ЮЗ. Южная линия длиной 125 м, состоит из восьми насыпей диаметр которых 8 м, высота 0,2 м; ориентирована по оси ВСВ–ЗЮЗ. Скорее всего, часть западных насыпей разрушена мусульманским кладбищем.

Рядом с северной линией расположены три кургана (табл. 2).

Таблица 2 – Параметры курганов линии Косжан

Номер кургана	Высота, м	Диаметр, м
1	0,3	10
2	0,3	10
3	0,3	15

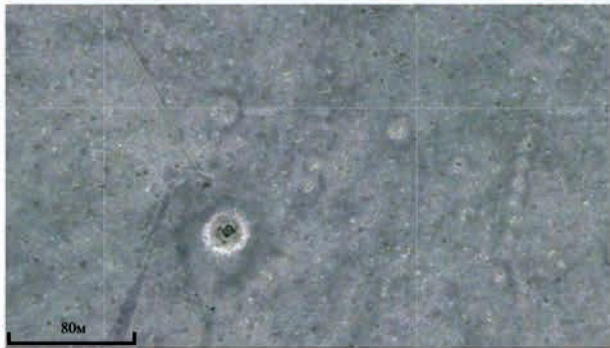
Курган № 1 с «усами». Курган, «усы», а также курганчики, имеющие овальную форму и расположенные на концах «усов», сооружены из земли. Длина «усов» 90 м, ширина 4 м, высота 0,1–0,2 м.

1

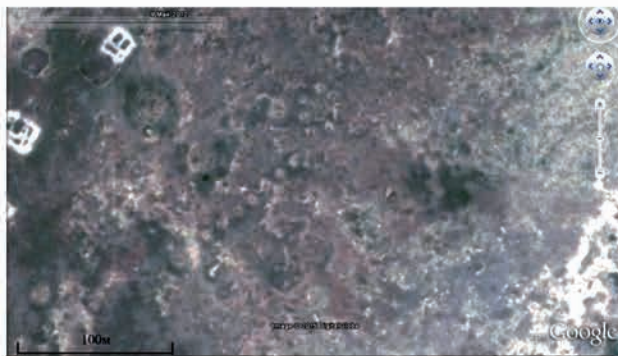
2

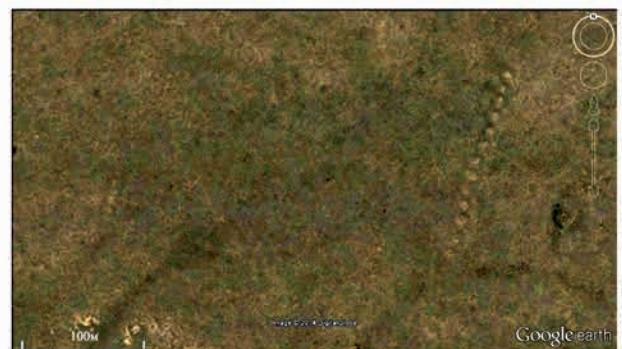
3

4

5

6

7

8

Рис. 2. Ритуальные комплексы Тургая. Космоснимки. 1 – Каратургайская линия и кольцо; 2 – Аксайская линия и кольцо; 3 – линии Шинсай; 4 – Тургайское кольцо; 5 – линия и кольцо Жалдама; 6 – линии Аршалы; 7 – Алакольские линии; 8 – линии Косжан

1

2

3

4

5

*Рис. 3. Ритуальные комплексы Тургая. Фото. 1 – Аксайское кольцо; 2 – Тургайское кольцо;
3 – Каратургайское кольцо; 4 – кольцо Жалдама;
5 – кольцевая конструкция к северу от Тургайского кольца*

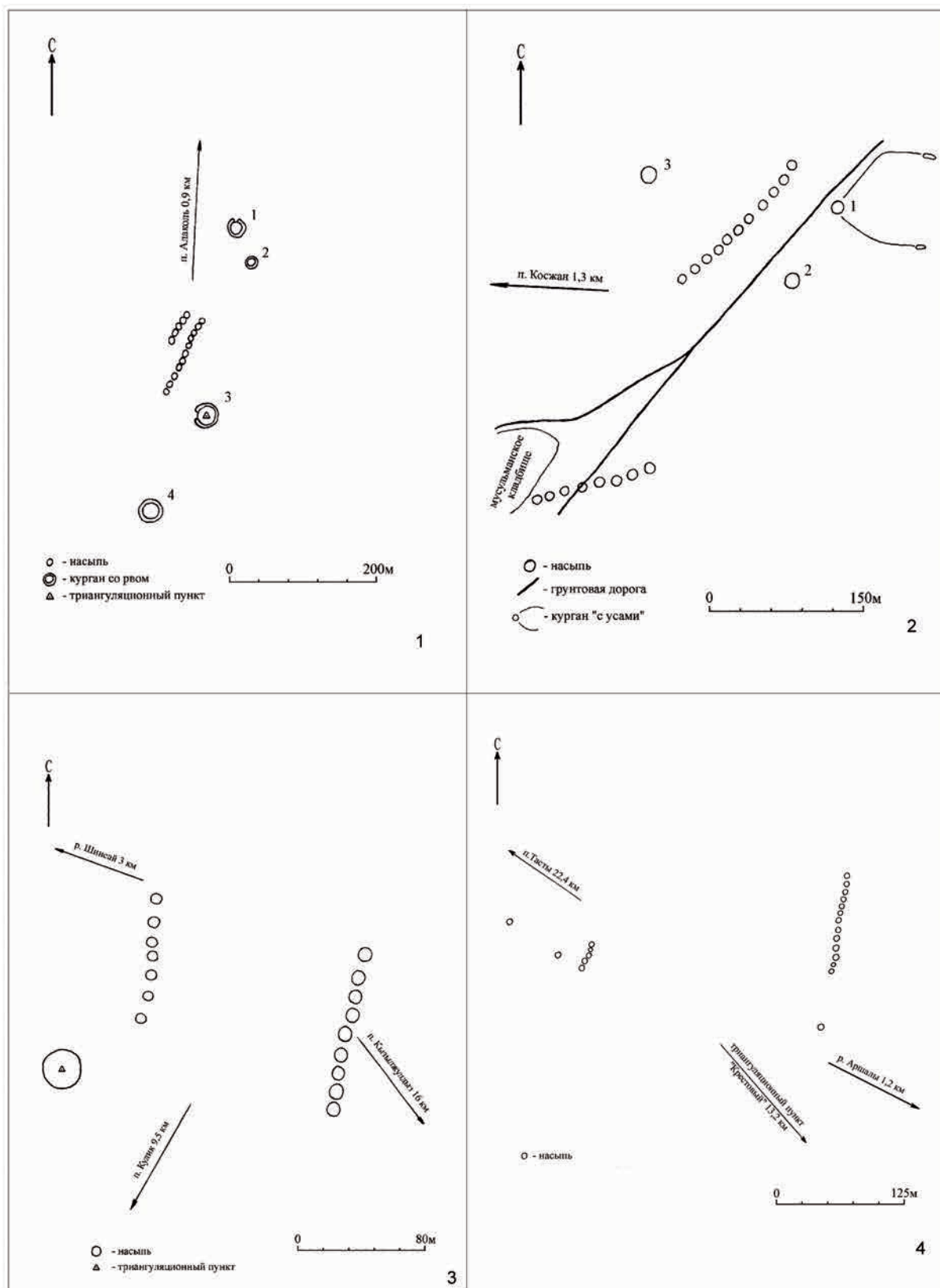

Рис. 4. Ритуальные комплексы Тургая. Ситуационные планы. 1 – Алакольские линии; 2 – линии Косжан; 3 – линии Шинсай; 4 – линии Аршалы

«Кольца» и «линии» (3)

Линия Жалдама и кольцо Жалдама расположены в 8,7 км к юго-западу от п. Шакпак, в 10 км к северо-востоку от п. им. Абу Сыздыкова Амангельдинского района Костанайской области, на мысе, образованном изгибом реки Жалдама (рис. 2, 5; 5, 2).

Линия Жалдама длиной 85 м, состоит из семи земляных насыпей, диаметром 6 м, высотой 0,05 м, выстроенных в ряд; ориентирована по оси СВ–ЮЗ. Рядом с линией расположен курган диаметром 10 м, высотой 0,2 м.

Кольцо Жалдама диаметром 30 м, состоит из семи насыпей, расположенных по кругу (рис. 3, 4). Насыпи диаметром 5–6 м, высотой 0,05 м.

Аксайская линия и Аксайское кольцо находятся в 5,4 км к северо-востоку от п. Аксай Амангельдинского района, в 24 км к юго-востоку от п. Дамды Наурзумского района Костанайской области, на правом берегу реки Жыланды, в 2,4 км от берега (рис. 2, 2; 5, 1).

Аксайская линия длиной 335 м состоит из 15 земляных насыпей, диаметром 10–12 м, высотой 0,5–0,7 м, расположенных в один ряд. Линия ориентирована по оси ССВ–ЮЮЗ. Крайняя северная насыпь линии имеет «усы», сооруженные из земли (длина – 60 м, ширина – 1,5–2 м, высота до 0,1 м).

Аксайское кольцо диаметром 35 м, состоит из девяти насыпей, расположенных по кругу. Насыпи диаметром 8–10 м, высотой 0,2–0,3 м (рис. 3, 1).

Каратургайская линия и Каратургайское кольцо расположены в 5 км к востоку от п. Кулик Амангельдинского района Костанайской области, в 10,5 км к северо-западу от п. Кызылжұлдыз, административно подчиненному маслихату г. Аркалык Костанайской области, на правом берегу р. Каратургай, в 2 км от берега (рис. 2, 1; 5, 3). Длина *Каратургайской линии* – 230 м, состоит из 15 земляных насыпей диаметром 10 м, высотой 0,2 м; ориентирована по направлению ССЗ–ЮЮВ. В 75 м от крайней южной насыпи, на одной оси с линией расположен курган диаметром 10 м, высотой 0,3 м.

Каратургайское кольцо диаметром 45 м, состоит из девяти каменно-земляных насыпей. Насыпи диаметром 8 м, высотой 0,2–0,3 м (рис. 3, 3).

«Кольцо» и «кольцевые валы» (1)

Тургайское кольцо расположено в 56 км к западу от г. Аркалык, в 16,5 км к юго-востоку от п. Тасты Амангельдинского района Костанайской области, на правом берегу р. Ащытасты, в 1,6 км от берега. *Тургайское кольцо* диаметром 170 м, состоит из 25 насыпей диаметром 8–10 м, высотой 0,8–1 м (рис. 2, 4; 3, 2; 6, 1).

В 115 м к северу от *Тургайского кольца* выявлено три, расположенные в ряд, округлые в плане конструкции, диаметром 25 м. Они представляют собой закольцованные валы, шириной до 6 м, высотой 0,2 м. С внешней стороны эти конструкции оконтурены рвами, шириной 2 м, глубиной 0,1–0,2 м. Во всех трех случаях рвы имеют разрыв в южной части. В 90–140 м от южного края кольца расположены три курганных насыпи диаметром 7–12 м, высотой 0,5–0,8 м (рис. 3, 5).

В 0,5 км западнее от *Тургайского кольца* находится могильник Тасты-2, состоящий из 11 курганов, в том числе один «с усами». Курган «с усами» состоит из трех насыпей, расположенных в ряд, ориентированный по линии СВ–ЮЗ, диаметром 6 м, высотой 0,2 м. От крайних насыпей отходят «усы» высотой 0,1 м, шириной 2–3 м. Длина правого «уса» 82 м, левого – 125 м. «Усы» оканчиваются курганами диаметром 8 м, высотой 0,2 м. Курганы, «усы» и концевые курганы сооружены из земли и мелкого камня.

Курган № 1 диаметром 10 м, высотой 0,5 м; окружен рвом шириной 2 м, глубиной 0,1 м. Курган № 2 диаметром 10 м, высотой 0,3 м. Курганы №№ 3–10 диаметром 10 м, высотой 0,1 м. Все курганы сооружены из земли.

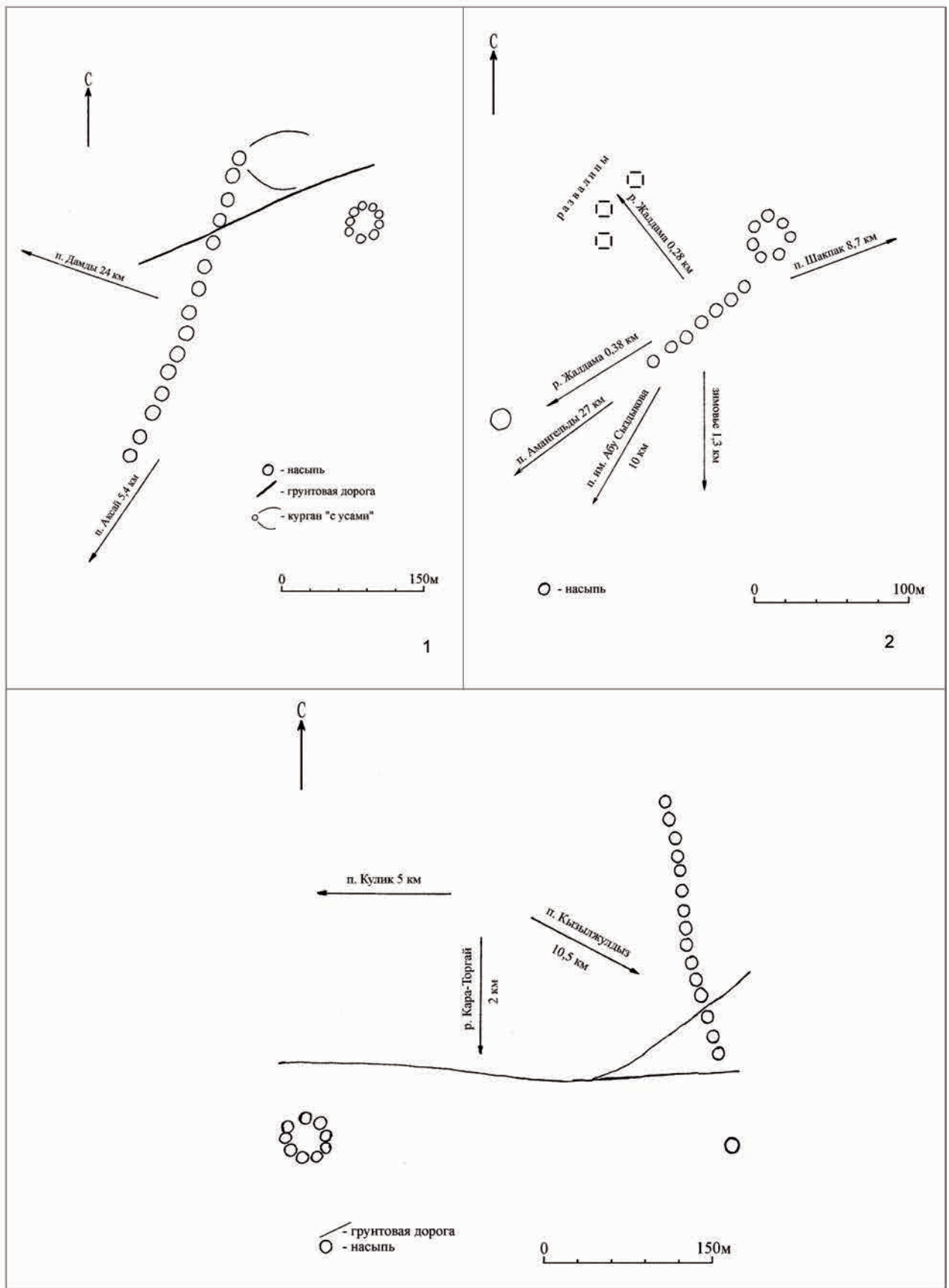

Рис. 5. Ритуальные комплексы Тургаия. Ситуационные планы. 1 – Аксайская линия и кольцо; 2 – линия и кольцо Жалдама; 3 – Каратургайская линия и кольцо

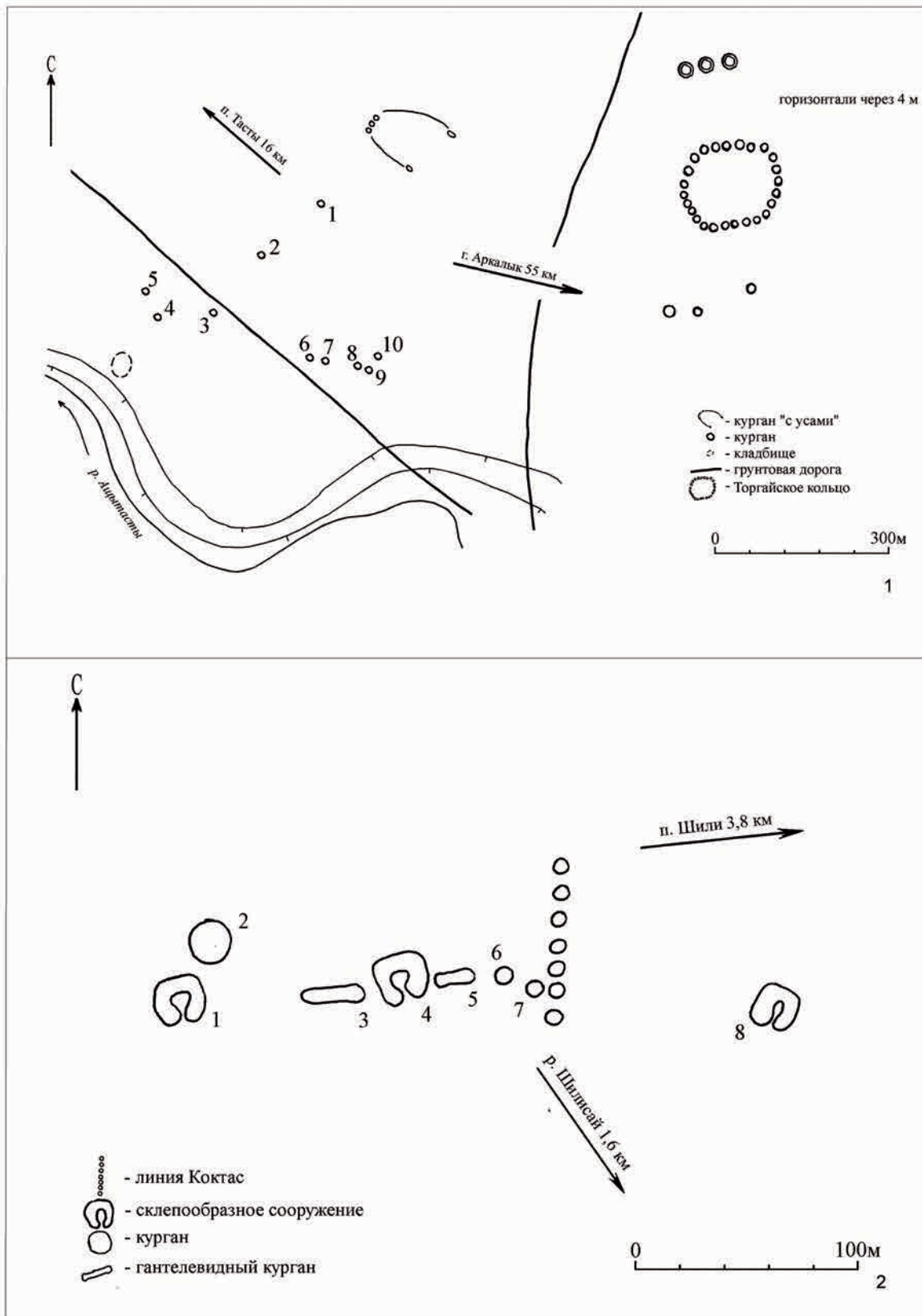

Рис. 6. Ритуальные комплексы Тургая. Ситуационные планы. 1 – мог. Тасты-2 и Тургайское кольцо; 2 – мог. Коктас

«Квадрат», «линия» и «кольцевые рвы» (1)

Уштогайский квадрат представляет собой комплекс объектов, включающий в себя квадрат, три кольцевых рва с северной стороны квадрата, линию и курган с южной стороны квадрата (рис. 8; 7, 1). Комплекс расположен в 15 км к востоку от п. Уштогай Амангельдинского района Костанайской области.

«Квадрат». Данный объект представляет собой комплекс, включающий в себя, помимо *Уштогайского квадрата*, три кольцевых рва с северной стороны квадрата и линию с южной стороны квадрата (рис. 2, 2; 3, 2; 9, 1). Сам квадрат сооружен из сто одной насыпи выстроенных по периметру квадрата и диагоналям. Длина стороны квадрата 287 м, длина диагонали – 406 м. Ориентировка по диагоналям – ССЗ–ЮЮВ – ВСВ–ЗЮЗ.

Уштогайская линия длиной 55 м, состоит из семи земляных насыпей, выстроенных в ряд, диаметром 7–8 м, высотой 0,2–0,3 м; ориентирована по линии С–Ю.

Курган имеет диаметр 22 м, высоту 1 м.

Кольцевые рвы диаметром 20 м, шириной до 2 м, глубиной 0,05 м.

«Крест» и «кольцевые валы» (1). *Большой Ашутастинский крест* расположен в 15 км к западу от п. Коктал, административно подчиненному маслихату г. Аркалык, на правом берегу реки Ащытасты, в 2,6 км от русла (рис. 9; 7, 2). Памятник представляет собой крестообразную фигуру, состоящую из 41 насыпи диаметром 12–15 м, высотой 0,8–1,2 м. Длина фигуры – 436 м. Ориентирована по линиям С–Ю – З–В. В 0,26 км к югу от насыпи № 10 южного «луча» расположена курганная насыпь со рвом диаметром 24 м, высотой – 0,3 м. К северу от Большого Ашутастинского креста, в 80 м расположено три округлых в плане конструкции, расположенные в ряд, диаметром по 20 м, представляющих собой закольцованные валы шириной 4 м, высотой до 0,1 м.

«Свастика», курганы и ритуально-поминальные сооружения (1)

Ритуальный комплекс Урпек находится в 15 км к юго-востоку от п. Амангельды, в 0,7 км к юго-востоку от п. Агаштыколь Амангельдинского района Костанайской области. На западном берегу пересохшего, в настоящее время озера Агаштыколь. Данный объект является сложным археологическим ритуальным комплексом в состав которого, входит так называемый «геоглиф» *Тургайская свастика*. Комплекс состоит из 18 земляных сооружений (рис. 10; 11).

Сооружение № 1 (*Тургайская свастика*) представляет собой насыпь, сооруженную в форме трех лучей свастики. Каждый из лучей заканчивается зигзагообразной фигурой, концы которой загнуты против часовой стрелки. Высота насыпи до 0,3 м, длина луча около 33 м, ширина у основания 13–15 м, ширина на конце 10–12 м. Зигзагообразные фигуры длиной 40–50 м, шириной 5–6 м, длина загнутых частей 15–20 м. В центре сооружения имеется впадина диаметром 4 м, глубиной до 0,3 м. Свастика вписывается в окружность диаметром 90 м.

Поскольку остальные сооружения комплекса по форме можно разбить на две группы – округлые и гантелевидные, то параметры сооружений отразим в двух таблицах (табл. 3; 4). За пределами таблиц оказался один объект (№ 8). Он подпрямоугольной в плане формы, размером 27 x 21 м; ориентирован по линии СЗ–ЮВ.

Таблица 3 – Параметры округлых сооружений ритуального комплекса Урпек

Номер сооружения	Диаметр, м	Высота, м	Ширина рва, м	Глубина рва, м	Локализация разрыва рва
2	14	0,2	1	0,1	СВ
3	9	0,2	1	0,1–0,15	В
4	19	0,3	1	0,05–0,1	СВ
5	10	0,2			
6	14	0,2	1	0,1	
7	17,6	0,3	1	0,05–0,1	
12	7	0,1			

14	7	0,1		
15	11	0,1		
16	5	0,1		
17	6	0,1		
18	12	0,1		

Термин «гантелевидный курган» используется для характеристики объектов ритуального комплекса Урпек, напоминающих в плане гантелю. Такие сооружения представляют собой два кургана, расположенные по линии запад–восток, соединенные между собой грядой.

Таблица 4 – Параметры гантелевидных курганов ритуального комплекса Урпек

Номер сооружения	Длина, м	Высота, м	Диаметр курганов, м
9	31,8	0,15	8
10	25	0,15	4
11	122	0,15	10,4
13	27	0,1	8

«Линия» и склепообразные сооружения (1)

Могильник Коктас находится в 3,8 км к западу от п. Шили Джангельдинского района Костанайской области. В 1,6 км от правого берега р. Шилисай. Памятник состоит из восьми сооружений из земли конструкций (рис. 6, 2; 13, 2).

№ 1. Склепообразное земляное сооружение, представляющее собой площадку, обнесенную уплощенным валом в плане подквадратной формы, ширина сооружения 25 м, длина 23 м, высота 0,1 м. Сооружение в южной части имеет разрыв-вход в виде небольших уплощенных округлых в плане возвышений с проходом между ними на внутреннюю площадку.

№ 2. Курган диаметром 23 м, высотой 0,1 м.

№ 3. Гантелевидный курган. Сооружение представляет собой пару курганов, отстоящих друг от друга по линии З–В на 23 м, соединенных валом. Курганы округлой формы, уплощенные, диаметром 8 м, высотой 0,1 м. Вал шириной 6 м, высотой 0,1 м.

№ 4. Склепообразное земляное сооружение, представляющее собой площадку, обнесенную уплощенным валом в плане подквадратной формы, ширина сооружения 22 м, длина 23 м, высота 0,1 м. Сооружение в южной части имеет разрыв-вход в виде небольших уплощенных округлых в плане возвышений с проходом между ними на внутреннюю площадку.

№ 5. Гантелевидный курган. Сооружение представляет собой пару курганов, отстоящих друг от друга по линии З–В на 21 м, соединенных валом. Курганы округлой формы, уплощенные, диаметром 6 м, высотой 0,1 м. Вал, шириной 5 м, высотой 0,1 м.

№ 6. Курган диаметром 9 м, высотой 0,1 м.

№ 7. Курган диаметром 10 м, высотой 0,1 м.

№ 8. Склепообразное земляное сооружение, представляющее собой площадку, обнесенную уплощенным валом в плане подквадратной формы, ширина сооружения 20 м, длина 22 м, высота 0,1 м. Сооружение в южной части имеет разрыв-вход в виде небольших уплощенных округлых в плане возвышений с проходом между ними на внутреннюю площадку.

На территории могильника находится *линия Коктас*. Линия длиной 75 м, состоит из семи земляных насыпей, выстроенных в ряд. Насыпи диаметром 7–8 м, высотой 0,1 м с земли просматриваются очень плохо. Ориентирована по линии С–Ю.

Обсуждение

С целью культурно-хронологической атрибуции данных памятников были предприняты археологические раскопки на одной из насыпей *Уштогайского квадрата* (2007 г.) и *Малого Ашутастинского креста* (2013 г.), также разведочными траншеями были исследованы сооружение № 14 комплекса *Урпек (Тургайская свастика)* (2016 г.), насыпи «южного «луча» *Большого Ашутастинского креста* (2013 г.). В результате раскопок никаких артефактов и конструкций не было выявлено.

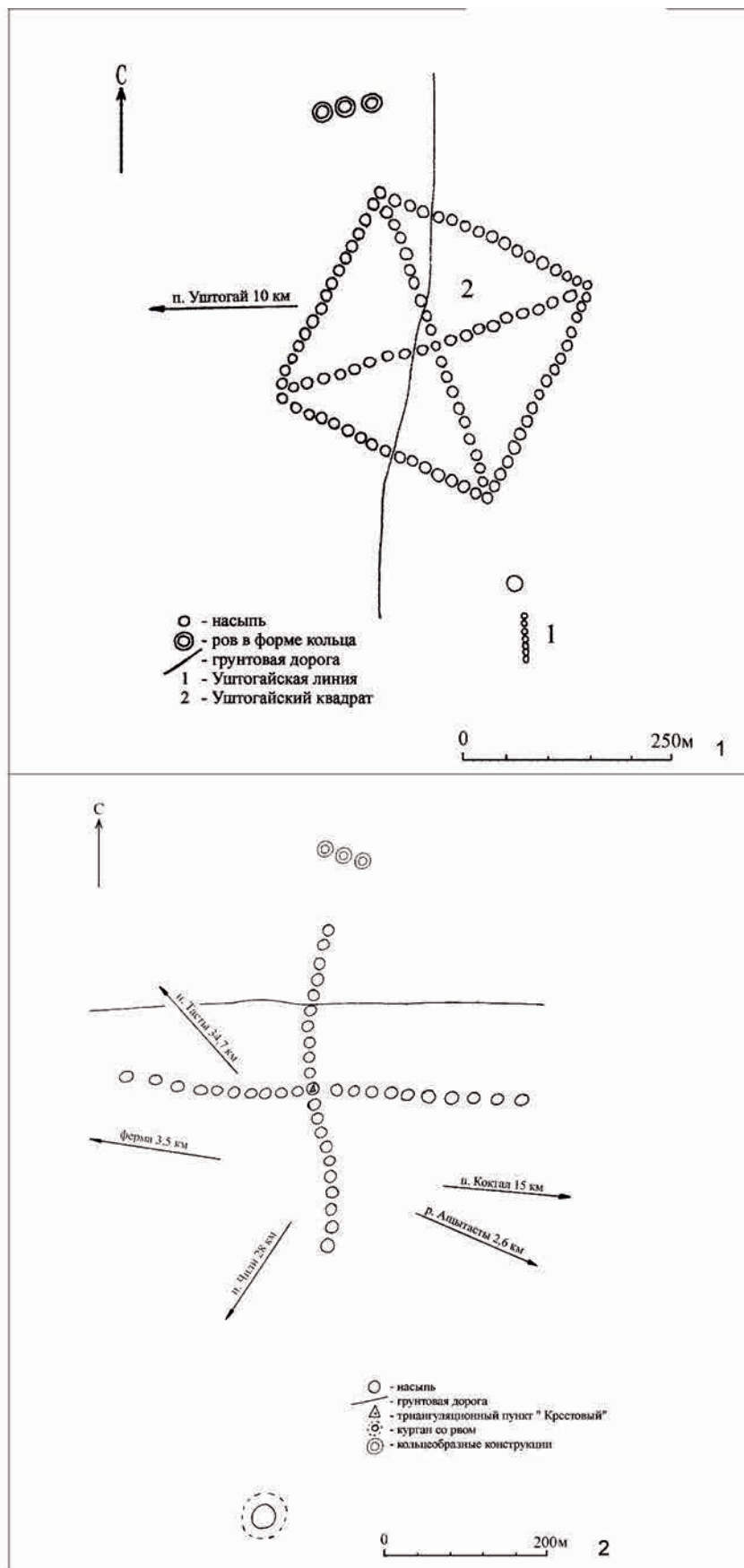

Рис. 7. Ритуальные комплексы Тургая. Ситуационные планы. 1 – Уштогайский квадрат и линия; 2 – Большой Аиштастинский крест

1

2

*Рис. 8. Ритуальный комплекс Уштогайский квадрат. 1 – Космоснимок;
2 – аэрофотоснимок. Фото А. В. Логвина*

1

2

*Рис. 9. Ритуальный комплекс Большой Ашутастинский крест.
1 – космоснимок; 2 – фото «южного луча»*

1

2

Рис. 10. Ритуальный комплекс Урук. 1 – космоснимок; 2 – аэрофотоснимок. Аэрофотоснимок выполнен Казахстанским национальным географическим обществом *QazaqGeography*

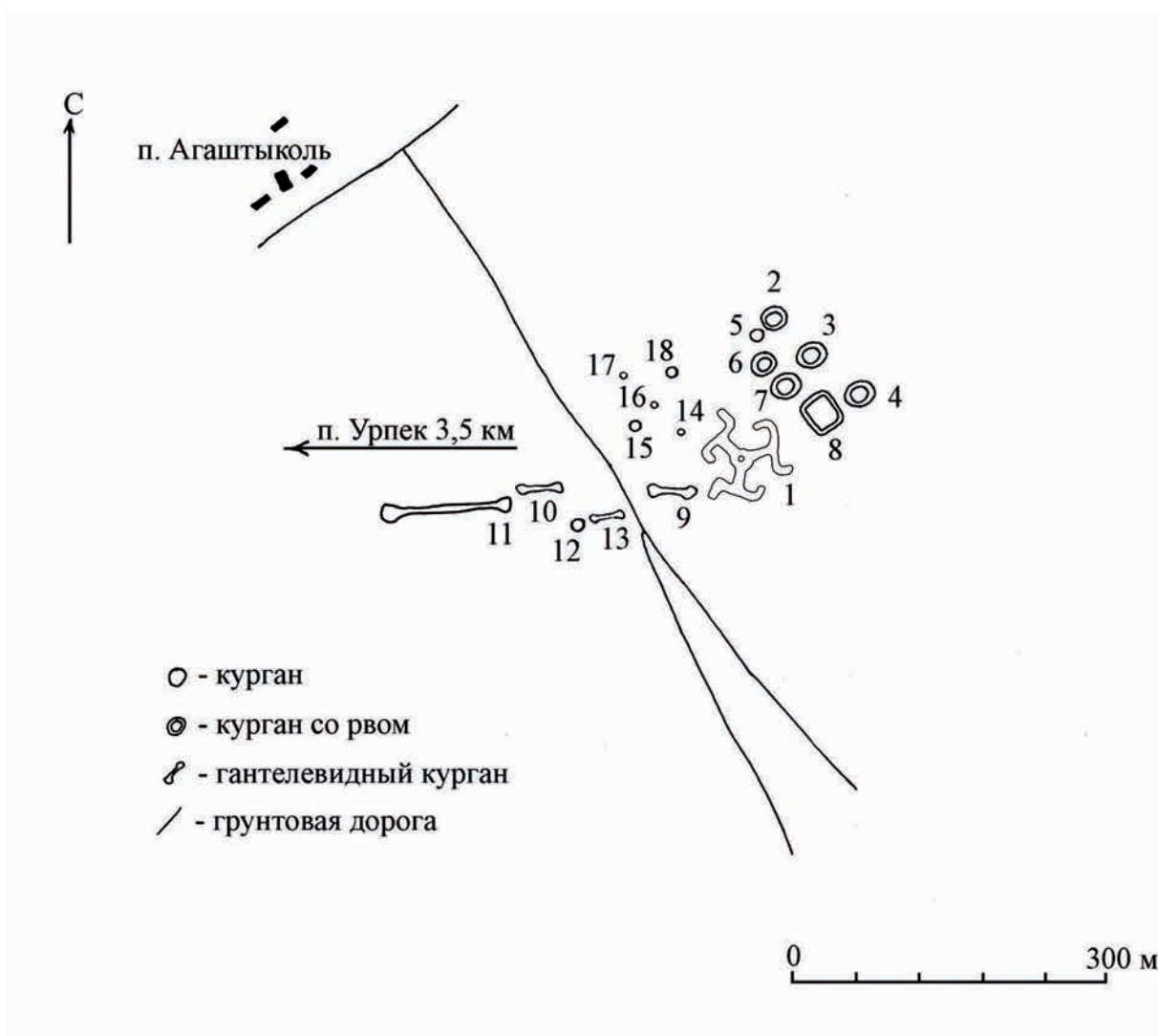

Рис. 11. Ритуальный комплекс Урпек. Ситуационный план

Кроме этого, на объектах применялся геофизический метод (с использованием георадиолокационного комплекса Лоза-В), не выявивший каких-либо особенностей или конструкций.

Для более точной датировки были отобраны образцы почв для OSL анализа (2012 г.). Для этого были заложены разведочные шурфы в насыпях Тургайского кольца, Большого Ашутагинского креста. Результаты OSL-анализа дали практически идентичные даты. Большой Ашутагинский крест – 2800 и Тургайское кольцо – 2750 лет назад, то есть переходный период от финала эпохи бронзы к раннему железному веку.

В разведочной траншее Тургайского кольца, в слое, была обнаружена кость мелкого рога-того животного, радиоуглеродный анализ которой показал период поздней древности [Motuzaitė Matuzevičiute, Logvin et al, 2016, с. 6] (табл. 5).

Таблица 5 – Результаты радиоуглеродного анализа образца из Торгайского кольца (по: [Motuzaitė Matuzevičiute, Logvin et al, 2016, с. 6])

Лабораторный шифр	Памятник	^{14}C ВР	Калиброванная дата 68.3 (1 sigma)	Калиброванная дата 95.4 (2 sigma)
UBA-23654	Торгайскоекольцо, траншея	1965±28	cal AD 6 – 68	cal BC 42 – cal AD 85

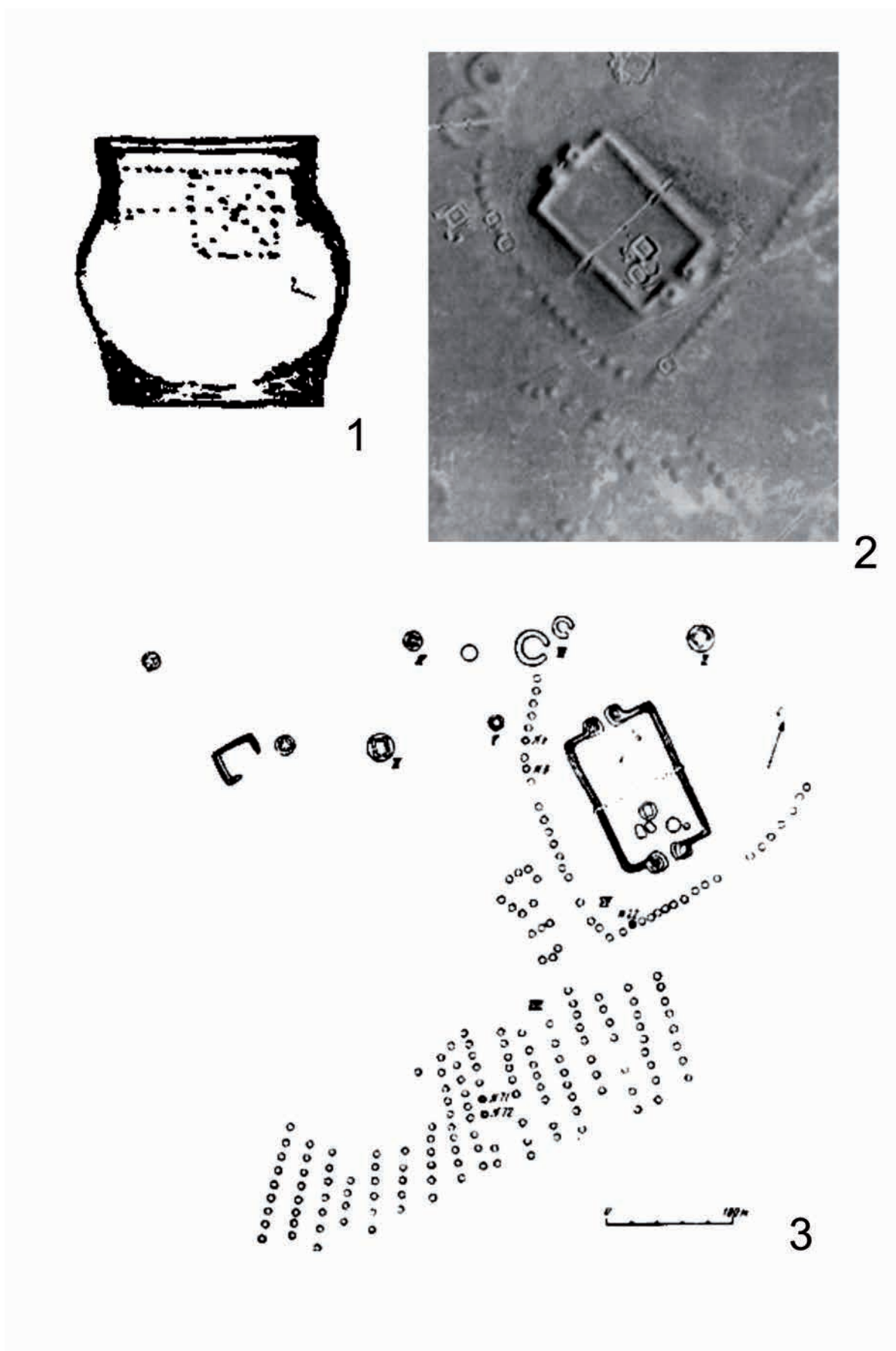

Рис. 12. 1 – сосуд из к. 4 Сухая Саратовка 2 (по: [Галкин, 1996]); 2, 3 – Некрополь Чаш-Тепе (по: [Рапопорт, Трудновская, 1979])

На данный момент мы не имеем достаточных оснований для установления точной культурно-хронологической позиции и функционального назначения так называемых «геоглифов» Тургая. По имеющимся данным естественных наук датировка памятников представляется достаточно широкой от финала эпохи бронзы до первых веков нашей эры. Отсутствие же каких-либо признаков погребения, могильной ямы, конструкции или находок (за исключением кости животного в насыпи Тургайского кольца) затрудняют интерпретацию этих объектов.

В ходе работы был высказан ряд предположений о предназначении «геоглифов». Среди них: маркер территориальной собственности или присутствия определенного населения в данной местности, сакральная или культовая функция, места астрономического наблюдения. Небольшая высота большинства объектов, расположение некоторых из них рядом друг с другом, противоречит идее о функции их в качестве знаков территориальной собственности. Эти же причины, а также разная их ориентировка, не позволяют нам, на данный момент, связать эти памятники и с астрономической функцией.

По нашему мнению, на данный момент, гипотеза сакрально-культового назначения данных объектов наиболее обоснована.

Курганообразные насыпи, из которых построено большинство геометрических в плане фигур Тургая, внешне ничем не отличаются от простых насыпных курганов. Традиция сооружения курганов в Евразии имеет глубокие корни восходящие еще к энеолиту и продолжается до позднего средневековья [Артамонов, 1966; Муксинов, Насирдинова, 2010, с. 70–73]. Результаты археологических исследований погребальных памятников в степях Евразии свидетельствуют, о том, что курганы имели как погребальную, так и культовую функцию. Курганные памятники без следов человеческого захоронения встречаются в разных культурах древности и средневековья Евразийской степи. В археологической литературе известны различные обозначения подобных памятников: курганы-кенотафы, «ложные» курганы, курганы культового и специального назначения, ритуальные курганы, «символические» захоронения и т. д. [Грушин, 1996, с. 20–22; Серегин, 2010, с. 78–83; 2015, с. 47–55; Тишкин, Грушин, 1997, с. 24–28].

Наиболее близкие аналогии тургайским объектам были обнаружены среди памятников могильника Чаш-Тепе (юго-восточный край плато Устюрт, нижняя Амударья) (рис. 12, 2, 3). Большинство объектов расположенных на этом могильнике имеют внешнее сходство с тургайскими «линиями», «кольцами» и «свастиками» по форме, ориентировке, количеству и размеру насыпей [Рапопорт, Трудновская, 1979; Толстов, 1948; Игонин, 1968, с. 257–267]. Часть раскопанных курганов Чаш-Тепинского комплекса не содержала никакого археологического материала, при исследовании других курганов, на такырной площадке, во рву были обнаружены угольки, кости животных и фрагменты керамики и одна пряжка, датированная IV–V вв. н.э. Керамика датирована авторами раскопок в пределах первых веков н.э. и вплоть до второй половины I тыс. н.э. [Рапопорт, Трудновская, 1979].

Чаш-Тепинские «свастики», так же как и тургайские были образованы невысокими насыпными валами. Более того Тургайская свастика по конструктивным особенностям и размеру подобна чаштепинским объектам. Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская считают чаштепинские «свастики» «символическими знаками» [Рапопорт, Трудновская, 1979].

Тургайским «линиям» аналогичны многочисленные цепочки небольших курганов (около тысячи), которые группируются в курганные поля или расположены отдельно на некрополе Чаш-тепе. Каждая такая цепочка выстроена в виде линии и сооружена из насыпей диаметром около 8–10 м и высотой до 0,5 м. По имеющимся в публикации Ю. А. Рапопорта и С. А. Трудновской материалам, рисункам и аэрофотоснимкам можно отметить, что часть этих цепочек ориентирована по таким направлениям как: СЗ–ЮВ, ССЗ–ЮЮВ, С–Ю, ССВ–ЮЮЗ, СВ–ЮЗ. Однако количество насыпей в каждой цепочке разное как нечетное, так и четное. Не исключено, что изначально, все они были нечетными, но как отмечают авторы раскопок, часть из них разрушена и сохранились только пятна от курганов. По данным одного такого могильного поля среднее

1

2

Рис. 13. Космоснимки. 1 – курганная группа Кайран; 2 – мог. Коктас

количество курганов в каждой цепочке насчитывается от четырех до десяти, и преобладают с шестью, семью, восьмью и девятью курганами. Также следует отметить, что почти у каждой группы цепочек поблизости расположены средние или большие курганы, прямоугольные валуобразные ограды, кольцевые валы, «вихревые» свастики и другие археологические объекты.

Тургайским «кольцам» подобно кольцо некрополя Чаш-Тепе. Данное кольцо находится рядом с уже упоминавшимися цепочками курганов. Этот памятник состоит из восьми насыпей, но, возможно, часть насыпей разрушена. Эти курганы по размеру аналогичны насыпям из цепочек.

По вопросу о назначении многочисленных маленьких курганов, вышеупомянутые исследователи предположили, что на подкурганых площадках рассыпали остатки трупосожжений, которые потом засыпали грунтом, вынутым из рва [Рапопорт, Трудновская, 1979].

По-видимому, археологический комплекс Чаш-Тепе, имеет культово-ритуальный и/или погребально-поминальный характер.

Вслед за Ю. А. Рапопортом и С. А. Трудновской можно предположить, что на подкурганых площадках тургайских объектов могли рассыпать прах умершего, а после этого сооружать насыпь. Но, возможно, что рассматриваемые объекты были сооружены на месте совершения обрядов культово-поминального характера. Эти обряды могли совершаться как сразу после захоронения сородичей, так и после, через определенное время в период поминальных циклов. Нечетное число погребальных или культово-поминальных объектов, по представлению участников ритуала, по-видимому, было залогом благополучного посмертного путешествия, вознесения души на небеса или жертвования духам предков и богам. Возведение насыпей на местах проведения обрядов, возможно, было связано с целью не осквернить эти места. Так А. Х. Маргулан пишет, что у казахов раньше существовал обычай предавать огню то место, где стояла юрта покойного. А затем на этом месте возводили небольшое сооружение в виде бугра, чтобы «чистое место» (арулаган жер) не было задето ногами людей и животных и сохранилось неприкосновенным [Маргулан, 1948, с. 122–123; 1948а, с. 55].

В поисках аналогий мы обратились также и к форме тургайских объектов.

Форму Уштогайского квадрата можно сопоставить с изображением тамги на керамическом сосуде эпохи поздней бронзы, найденном в срубном погребении кургана 4 на р. Сухая Саратовка в Саратовской области. На сосуде в виде точек нанесен знак в форме квадрата с диагональными линиями (рис. 12, 1) [Галкин, 1996, с. 72, рис. 2, 3].

Форма Тургайской свастики подробно рассматривалась ранее [Логвин, Шевнина, Сеитов, 2016, с. 56–64], а потому отметим лишь, что она близка некоторым изображениям тамг «сармато-аланского» времени I в. до н. э. – III в. н. э., распространенных от Центральной и Средней Азии на востоке, до Восточной Европы и Северного Причерноморья на западе [Вайнберг, 1977, с. 184, табл. XV; Толстов, 1948, с. 182, рис. 108; Буряков, Кошеленко, 1985, табл. СХLIX, 18; Яценко, 2001, с. 38–39, 67, рис. 6; 10; 13, 1; 14, h; 18, 2–3, 16–17; 25, a 3–4, в 21; 35, 149, 207; 6, 92, 113; 27, 96; 28, 47–48, 121; 29, 52–53, 60, 94–95; 39]. Традиция нанесения знаков-тамг на природные объекты, погребальные, культовые сооружения, предметы быта, одежду, украшения, предметы культа, надгробия, монеты и другие объекты хотя и получила широкое распространение в эпоху раннего железного века, однако имеет глубокие корни и практиковалась еще с эпохи бронзы [Вайнберг, Новгородова, 1976, с. 69–73; Ольховский, 2001, с. 75–86; Яценко, 2001, с. 28–29].

Говоря о геометрических сооружениях Тургая нельзя не отметить, что, у более 80% так называемых «геоглифов» вблизи (до 0,3 м) расположены археологические погребальные объекты. Подавляющее большинство этих объектов – курганы со рвом или без рва (более 70 шт.) с местоположением (относительно «геоглифа») в основном в южном и восточном секторах. Эти погребальные памятники могут не иметь никакой связи с «геоглифами», но в то же время можно предположить, что «геоглифы» могли быть вторичными по отношению к определенным курганам и устраивались рядом как часть ритуала. Как известно, к ритуальным объектам относятся разнообразные выкладки, «курганчики», жертвенники, поминальные курганы-кенотафы и т. д. По функциональному назначению они делятся на памятники поминального и жертвенного характера. Часть из них связана с курганами, это «околокурганые» объекты, другие устроены отдельно без соседствующих курганов [Дворников, 2004; Шелепова, 2009]. В целом, данные сооружения в основном известны в ряде степных культур от эпохи бронзы и скифо-сакского времени до средневековья в Центральной Азии [Шелепова, 2009] и частично в Казахстане, например, погребально-поминальный комплекс «Курган 37 воинов» (Центральный Казахстан), датируемый VIII–V вв. до н. э. [Кадырбаев, 1958, с. 95–104; Маргулан, 1966; Бейсенов, 2015, с. 6–12].

Кроме курганов, рядом с «геоглифами» отмечены и другие объекты: курганы с «усами» (гряды) (3 шт.), гантелевидные курганы (5 шт.), прямоугольный курган, кольцевые рвы (7 шт.), подпрямоугольные сооружения из валов (5 шт.).

Например, к самой крайней северной насыпи в Аксайской линии пристроены «усы» (есть вероятность того, что Аксайская линия была сооружена раньше). Подобные случаи не редки, исследователи отмечают, что «усы» часто пристраивали к рядом стоящим курганам, которые были построены намного раньше (эпоха бронзы, раннесакское, «савромато»-сарматское или гунно-сарматское время) или в одно время при сооружении всего комплекса [Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, с. 15–98].

Необходимо отметить, что форма тургайских «линий» и размер их насыпей близки некоторым курганам с «усами» (гряды) Центрального Казахстана. Приведем несколько примеров: цепочки в виде курганных насыпей, кольцевых выкладок в которых насчитывается более трех насыпей или каменных кольцевых выкладок к окончаниям каждой цепочки пристроены гряды «усов» [Бейсенов, 1996, с. 31–41; Бейсенов, 1997; Мариковский, 1983, с. 26–31].

Особый интерес представляет курган с «усами» № 16 Былкылдак (Центральный Казахстан), где через южный «ус» проходит цепочка из восьми курганов [Кадырбаев, 1958, с. 95–104].

Подобные курганы с «усами» известны и в Костанайской области. Например, могильник Кайран, расположенный в 37 км к юго-востоку от п. Аулиеколь (рис. 13, 1; 14). Могильник состоит из двух курганов с грядами («усами»). Примечательно, что в одном из курганов с «усами» могильника, в его центральной части находятся пять курганов диаметром 10 м, высотой 0,4–0,5 м, выстроенных в линию, которая по всем параметрам (вплоть до нечетного количества курганов) аналогичен тургайским фигурам типа «линии».

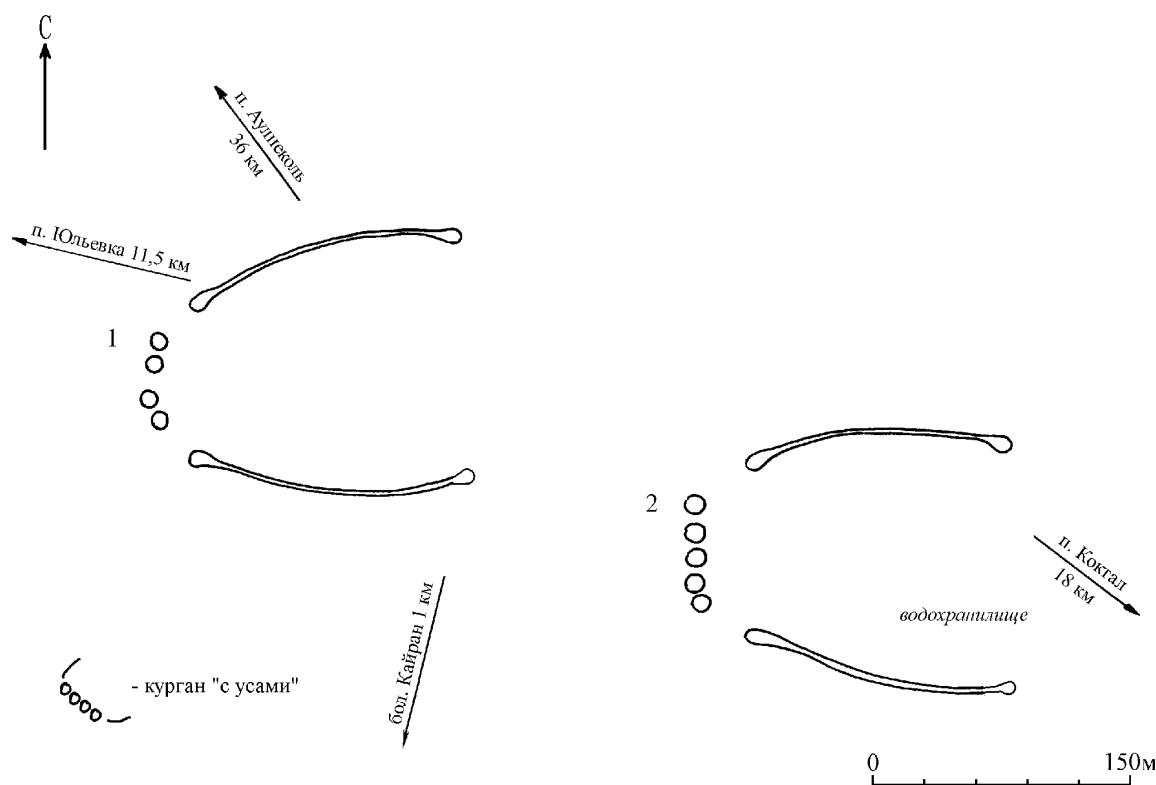

Рис. 14. Курганная группа Кайран. Ситуационный план

В результате исследования курганов с «усами» ученые пришли к выводу, что они являлись объектами не погребального характера, а предназначались для совершения культово-поминальных ритуалов [Бейсенов, 1996, с. 31–41; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006]. А. З. Бейсенов считает, что курганы с «усами» строили при совершении ритуальных действий жертвенно-поминального характера возле могил предков, в честь конкретных лиц или всех умерших сородичей. А «длинные гряды в отдельных звеньях (элементах) которых имитировался огонь, видимо, играли роль своеобразных огненных лестниц, путей, к небу, в страну богов» [цит. по: Бейсенов, 1997].

В вопросе о хронологической позиции курганов с «усами» среди исследователей нет единства.

Так П. С. Рыков, М. П. Грязнов, М. К. Кадырбаев считали, что такие памятники были сооружены в раннем железном веке [Рыков, 1935; Грязнов, 1956; Кадырбаев, 1958; 1959]. Хотя М. К. Кадырбаев не исключал и длительного существования курганов с «усами» на протяжении тысячи лет [Кадырбаев, 1959]. С ним солидарна М. К. Хабдулина [Хабдулина, 2007].

Уральские ученые С. Г. Боталов, И. Э. Любчанский, А. Д. Таиров относят эти комплексы к периоду поздней древности – раннему средневековью (V–VIII вв. н. э.) [Боталов, 1997, с. 9–12; Боталов, Любчанский, Таиров, 2006, с. 176; Любчанский, 1997, с. 39–42].

Следует отметить, что А. Х. Маргулан еще в середине прошлого века предположил, что эти памятники датируются второй половиной I тыс. н. э. [Маргулан, 1949, с. 3–36]. Результаты радиоуглеродного датирования курганов с «усами» Южного Урала (от последних десятилетий IV – до второй половины VII вв. н. э.) подтверждают их принадлежность к поздней древности – раннему средневековью [Боталов, 2013, с. 70–75; Грудочко, Епимахов, 2015, с. 538–544].

К настоящему времени полученные даты C^{14} из казахстанских курганов с «усами», исследованных под руководством А. З. Бейсенова, охватывают широкий хронологический диапазон от раннесакского времени до начала I тыс. н. э. [Бейсенов и др., 2016; Бейсенов, Умиткалиев, Кулькова, 2016; Бейсенов, Дуйсенбай, Святко, 2017].

Гантелеобразные курганы, подпрямоугольные склепообразные сооружения, обнаруженные рядом с некоторыми «геоглифами» относятся к гунно-сарматскому времени (II–V вв. н. э.). Как известно, гунно-сарматские жертвенно-поминальные памятники, совмещали культовые и погребальные функции [Боталов, 2009; Мошкова, 1984]. Ряд гунно-сарматских жертвенно-поминальных памятников имеет сходства с валообразными прямоугольными оградами и кольцевыми валами некрополя Чаш-Тепе. Также необходимо отметить, что на севере и юге Устюрта, у западного побережья Аральского моря уже выявлено несколько могильников позднесарматского (гунно-сарматского) времени с культово-погребальными комплексами типа валообразных прямоугольных оград (могильник Сызлыуй, культово-погребальный комплекс Актепе, могильник Дауна), которые имеют аналогии с оградами Чаш-Тепе и Южного Урала гунно-сарматского времени [Ягодин, 2014, с. 267]

Завершая краткий обзор аналогий важно отметить, что все расположенные рядом с «геоглифами» археологические объекты, так или иначе, имеют ритуально-поминальный или погребальный характер.

Таким образом, данные OSL и AMS анализов, предпринятый обзор аналогий, дают возможность предварительно отнести тургайские «геоглифы» к разряду ритуально-сакральных объектов, бытовавших в промежуток времени между эпохой финальной бронзы и первыми веками нашей эры. К тому же нечетное количество насыпей, возможно символического, сакрального значения, не противоречит этому предположению. Поскольку в мифологических представлениях многих народов нечетное и четное – это противопоставление мужского и женского, правого и левого, верха и низа, небесного и земного.

Примечания

1 – Термин «геоглиф» (от греч. geo – земля + glypho – черчу, вырезаю, glyphos – выдолбленный) – рисунок, созданный рельефным способом на земле. Это понятие стало использоваться при описании гигантских рисунков, линий и геометрических фигур, известных как геоглифы Наска, открытых в первой половине XX века в Южной Америке. В связи с отсутствием в археологии Евразийских степей, аналогичных тургайским объектам памятников, авторами для обозначения огромных рукотворных геометрических фигур Тургая первоначально использовался термин «геоглиф» [Логвин, Шевнина, Дей, 2011]. По мере накопления данных авторы пришли к тому, что термин «геоглиф» не отражает сути тургайских объектов и их функционального назначения, и может использоваться в отношении данных объектов только условно, поэтому в англоязычной работе был использован термин «geometric earthworks» [Motuzaitė Matuzeviciute, Logvin et al, 2016]. На сегодняшний день, по нашему мнению, точнее было бы данные объекты называть ритуальными комплексами, поскольку они, вероятно, относятся к сакральной сфере.

2 – Работа выполнена по гранту КН МОН РК, проект ГФ4/2409.

3 – Согласно словарю В. И. Даля, термин «курган» в татарском языке означает: холм, горка, насыпной холм, древняя могила и др. [Даль, 1979]. В словаре С. И. Ожегова курган – это древний могильный холм [Ожегов, 1987]. В толковом словаре Д. Н. Ушакова «курган... [тур. kurgan – крепость]. Бугор над древней могилой, могильник... Холм, небольшая горка... Сторожевой курган...» [Ушаков, 1934]. В археологическом словаре Г. Н. Матюшина курган – это округлая или продолговатая насыпь над захоронениями [Матюшин, 1996]. Поскольку пока не было найдено захоронений под насыпями в «геоглифах» Тургая, нет оснований называть их курганами. Поэтому в данной работе для характеристики составляющих элементов комплексов, условно называемых «геоглифами», мы оперируем термином «курганобразная насыпь».

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М.И.** Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. – Прага–Л.: «Артия», «Советский художник», 1966. – 120 с.
- Бейсенов А.З.** Культово-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана // Известия МН-АН РК. – 1996. – № 2. – С. 31–41.
- Бейсенов А.З.** Курганы с каменными грядами как культово-ритуальные памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // XIII Уральское археологическое совещание: тез. докл. – Уфа: Восточный университет, 1996а. – Ч. 2. – С. 18–19.
- Бейсенов А.З.** Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана (VII–I вв. до н. э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алматы, 1997. – 25 с.
- Бейсенов А.З.** Погребально-поминальный комплекс «Курган 37 воинов» // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Соц.-гум. науки. – 2015. – Т. 15, № 1. – С. 6–12.
- Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К., Святко С.В.** Радиоуглеродные даты кургана с «усами» из могильника Тандайлы-2 в Центральном Казахстане // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2016. – Вып. 5. – С. 235–239.
- Бейсенов А.З., Умиткалиев У.У., Кулькова М.А.** Радиоуглеродная дата кургана с «усами» Кырыкунгир (Восточная Сарыарка) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2016. – Вып. 5. – С. 249–255.
- Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Святко С.В.** Курган с «усами» Жамантас // Самарский научный вестник. – 2017. – Т. 6, № 3 (20). – С. 227–231.
- Боталов С.Г.** Раннетюркские памятники урало-казахстанских степей // Культуры Степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии): тез. докл. II междунар. археол. конф. – Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1997. – С. 9–12.

- Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э.** Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. – Челябинск: Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН, 2006. – 232 с.
- Боталов С.Г.** Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). – Челябинск: Рифей, 2009. – 672 с.
- Боталов С.Г.** О гуннах европейских и гуннах азиатских // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. – Челябинск: ЮУрГУ, 2013. – С. 31–87.
- Буряков Ю.Ф., Кошеленко Г.А.** Ташкентский оазис // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М.: Наука, 1985. – С. 297–303.
- Вайнберг Б.И.** Монеты древнего Хорезма. – М.: Наука, 1977. – 223 с.
- Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А.** Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. – М.: Наука, 1976. – С. 66–74, 176–179.
- Даль Вл.** Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1979. – Т. 2. И–О. – 779 с.
- Галкин Л.Л.** О роли экологических факторов в истории населения Волго-Уральского междуречья в эпоху бронзы // Вопросы археологии Западного Казахстана. – Самара: «Диалог», 1996. – Вып. 1. – С. 56–82.
- Грудочко И.В., Епимахов А.В.** Хронология курганов с «усами»: сравнительный анализ радиоуглеродных и археологических датировок // Казахское ханство в потоке истории: сб. научн. статей, посвящ. 550-летию образования Казахского ханства. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. – С. 538–544.
- Грушин С.П.** Типы кенотафов и причины их сооружения // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции: тез. докл. тематич. научн. конф. – СПб., 1996. – С. 20–22.
- Грязнов М.П.** Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. – 1956. – Вып. 61. – С. 8–16.
- Дворников Э.П.** Поминальные памятники древних и средневековых кочевников Горного Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2004. – 24 с.
- Игонин Н.И.** Исследование археологических памятников по материалам крупномасштабной аэрофото-съемки // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 257–267.
- Кадырбаев М.К.** О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана // Известия АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. – 1958. – Вып. 1 (6). – С. 95–104.
- Кадырбаев М.К.** Исследование кургана с каменными грядами в Джамбулской области // Вестник АН КазССР. – 1959. – № 7. – С. 89–97.
- Кастанье И.А.** Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Тр. ОУАК. – 1910. – Вып. XXII. – 329 с.
- Логвин А.В., Шевнина И.В., Дей Д.Б.** Геолифы Торгая // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск: Западно-Казахстанский центр истории и археологии, 2011. – № 1. – С. 226–229.
- Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М.** Ритуальный комплекс Урпек (предварительное сообщение) // Религия и система мировоззрений древних и средневековых народов Евразии: сб. научн. ст. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. – С. 56–64.
- Любчанский И.Э.** Хронологические аспекты комплексов «курганов с усам» // Культуры Степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии): тез. докл. II Междунар. археол. конф. – Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1997. – С. 39–42.
- Маргулан А.Х.** Археологические разведки в Центральном Казахстане // Известия АН КазССР. Серия ист. – 1948. – Вып. 4. – С. 119–145.
- Маргулан А.Х.** К изучению памятников района р. Сарысу и Улытау // Вестник АН КазССР. – 1948а. – № 2. – С. 53–60.
- Маргулан А.Х.** Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 года // Известия АН КазССР. Сер. археол. – 1949. – Вып. 2. – С. 3–36.
- Маргулан А.Х., Акишев А.К., Оразбаев А.М.** Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана – Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 9–302.
- Мариковский П.И.** К изучению астрономического значения курганов с грядами // Вестник АН КазССР. – 1983. – № 4. – С. 26–31.
- Матюшин Г.Н.** Археологический словарь. – М.: Просвещение, АО «Учеб. лит», 1996. – 304 с.:ил.
- Мошкова М.Г.** Культурные сооружения Лебедевского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1984. – С. 196–205.

- Муксинов Р., Насирдинова А.** «Степные пирамиды» кочевников Евразии // Архитектура. Строительство. Дизайн. – 2010. – № 4. – С. 70–73.
- Ожегов С.И.** Словарь русского языка – М.: Русский язык, 1987. – 750 с.
- Ольховский В.С.** Тамга (к функции знака) // Историко-археологический альманах. – Армавир–М.: Армавирский краеведческий музей; ИА РАН, 2001. – Вып. 7. – С. 75–86.
- Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А.** Курганы на возвышенности Чаш-Тепе // Кочевники на границах Хорезма. Тр. ХАЭЭ. – М.: Наука, 1979. – Т. XI. – С. 151–166.
- Рыков П.С.** Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–33 гг. – Известия ГАИМК. – 1935. – Т. II, вып. 110. – С. 40–68.
- Серегин Н.Н.** К вопросу об интерпретации «ритуальных» курганов (по материалам тюркской культуры) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул: Азбука, 2010. – Вып. IV. – С. 78–83.
- Серегин Н.Н.** «Символические» захоронения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона // ВИАЭ. – 2015. – № 1 (28). – С. 47–55.
- Тишкин А.А., Грушин С.П.** Что такое кенотаф? // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. – № 2. – С. 24–28.
- Толстов С.П.** Древний Хорезм. – М.: МГУ, 1948. – 351 с.
- Ушаков Д.Н.** Толковый словарь русского языка. – А–Кюрины. – М.: Советская энциклопедия, 1934. – Т. 1. – 1562 с.
- Хабдулина М.К.** Тасмолинская археологическая культура: современное состояние // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск: Западно-Казахстанский центр истории и археологии, 2007. – № 2. – С. 181–194.
- Шелепова Е.В.** Ритуальные памятники кочевников Алтая поздней древности и раннего средневековья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06. – Барнаул, 2009. – 24 с.
- Ягодин В.Н.** Арало-Каспийское междуморье в первые века нашей эры // Всадники Великой степи: традиции и новации. Труды ФИА. – 2014. – С. 264–278.
- Яценко С.А.** Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. – М.: «Восточная литература» РАН, 2001. – 190 с.
- Motuzaitė Matuzevičiūtė G., Logvin A.V., Shevnina I., Seitov A.M., Feng J., Zhou L.** OSL dates for the ancient geometric earthworks of Kazakhstan // Archaeological Research in Asia. – 2016. – P. 1–9.

II. 4 ДРЕВНИЕ КОЧЕВНИКИ ТУРГАЯ СЕРЕДИНЫ I ТЫС. ДО Н.Э. – СЕРЕДИНЫ I ТЫС. Н.Э.

Из истории изучения памятников раннего железного века Тургая. Тургай – это степной регион, приуроченный к Тургайскому прогибу и сопоставимый с территорией Костанайской области. Тургайские степи раскинулись от Западно-Сибирской низменности на севере до полупустынь северного Приаралья на юге, от Южного Урала на западе до Казахского мелкосопочника на востоке [Шевнина, Логвин А.В., 2015, с. 98].

На протяжении прошлого века и в настоящее время на прилегающих к Тургаю территориях – в Северном и Центральном Казахстане, Восточном Приаралье и Южном Урале проводились довольно интенсивные исследования памятников раннего железного века. Степи Тургая в этом отношении представляют собой малоизученную территорию, поэтому актуально обобщение накопленного материала.

Первые сведения о древностях тургайских степей можно найти в сообщениях путешественников и исследователей XVIII–XIX вв. Так Н. П. Рычков был поражен и восхищен видом огромного поля курганов в долине р. Кара-Тургай [Маргулан и др., 1966, с. 19–22]. Со второй половины XIX в. активизируется изучение Тургая и сопредельных регионов, что было связано с деятельностью Оренбургской ученой архивной комиссии. Н. С. Назаров и И. П. Самойлов впервые произвели раскопки нескольких курганов в Николаевском (Кустанайском – прим. С.А.) уезде [Кастанье, 1910, с. 66–67]. Позднее А. Л. Аниховским, А. В. Поповым, И. А. Кастанье, Н. Макаренко и А. П. Гра были продолжены исследования древностей Оренбургских и Тургайских степей [Смирнов, 1964, с. 9]. Все имеющиеся сведения и результаты археологических разведок и раскопок были сведены И. А. Кастанье в единый сборник под названием «Древности Киргизской степи и Оренбургского края», вышедший в свет в 1910 г. [Кастанье, 1910].

В 1911 году Д. Панковым были осуществлены спасательные раскопки кургана Кос-Оба (Караган-Оба) в Кустанайском уезде. Памятник был вскрыт переселенцами, поэтому удалось получить лишь часть вещевого материала, оставшегося после ограбления кургана [Панков, 1911, с. 129–134]. В 1921 году С. И. Руденко раскопал разграбленный курган у озера Кайранкуль (Костанайская обл.). В нем были найдены только две бронзовые бляшки с парным изображением голов горного козла [Грязнов, 1956, с. 14–15, рис. 4, 2–3].

В 1964 г. Казахстанским отрядом Южноуральской экспедиции под руководством М. Г. Мошковой были произведены разведочные исследования Тоболо-Ишимского междуречья,

с целью определить восточные границы расселения сарматских племен. В бассейне р. Ишим (на территории Кокчетавской обл.) были осуществлены небольшие раскопки курганов [Мошкова, 1966, с. 44–46] (см. раздел М. Г. Мошковой в настоящей книге – прим. ред).

В 70-х годах прошлого столетия, памятники раннего железного века региона исследовались археологической экспедицией Кустанайского педагогического института под руководством В. В. Евдокимова и В. Н. Логвина. Хотя научные интересы данных исследователей в основном связаны с изучением эпохи камня и бронзы, учеными были исследованы и ряд памятников раннего железного века [Евдокимов, Логвин В.Н., 1972, с. 287–289; Евдокимов, Ткачев, Сеитов, 2013, с. 183]. Так в 1971 г. изучены впускные погребения раннего железного века в курганах №№ 2 и 3 могильника Перелески-2 [Евдокимов, Логвин В.Н., 1972, с. 287–289]. В 1977 г. экспедицией Кустанайского педагогического института совместно с Верхне-Тобольской археологической экспедицией Карагандинского государственного университета предприняты исследования могильника Наурзум. Среди погребений этого памятника был раскопан развеванный сарматский курган; погребение из него было изъято монолитом и доставлено в Кустанайский областной историко-краеведческий музей [Евдокимов, Ткачев, Сеитов, 2013, с. 183].

С 80-х годов XX в. археологическое изучение памятников Костанайской области связано с научно-исследовательской деятельностью Тургайской археологической экспедиции (ТАЭ) созданной В. Н. Логвиным. За годы исследований, экспедицией под руководством ученого были также изучены и памятники раннего железного века. Экспедицией осуществлены раскопки сарматских погребений Надеждинка-4 [Сеитов, 2011, с. 135, 142], кургана № 1 курганной группы Кеныш-3 [Базарбаева, Подзюбан, 1997, с. 376–381]. Позднее в небольшом обобщающем очерке по древней истории Костанайской области В. Н. Логвиным и С. С. Калиевой были подытожены результаты изучения памятников древности. Исследователями отмечено, что на территории современной Костанайской области проходила граница между сарматским и сакским миром [Логвин В.Н., Калиева, 2003, с. 43–46].

Археологические памятники Тургая исследовались отрядом Урало-Казахстанской археологической экспедиции Челябинского государственного университета, в ходе разведочных работ по трассе проектируемого канала Обь–Аральское море. Так в 1985–1986 гг. раскопками изучены и курганы раннего железного века: Карсакбас, Шагалы, Наурзум-4 и Атчергат [Хабдулина, 1985, с. 583–584; 1986, с. 490; 1994, с. 24–26, табл. 33, 35–36; Таиров, Боталов, 1996, с. 164–175; Гуцалов, Таиров, 2000, с. 241–243; Таиров, 2000, рис. 30, 80–83].

В истории изучения древностей раннего железного века Костанайской области заслуживает внимание деятельность Лисаковской археологической экспедиции (ЛАЭ) под руководством Э. Р. Усмановой. Хотя основные интересы экспедиции лежат в области изучения памятников эпохи бронзы, за годы исследования могильника Лисаковский, было исследовано несколько комплексов раннего железного века [Таиров, 1998, с. 61–64; Боталов, Усманова, 1998, с. 151–155; Сеитов, Усманова, 2013, с. 268–272; 2013, с. 273–274].

Весомый вклад в изучение памятников раннего железного века вносит Тургайская археологическая экспедиция Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова. Экспедиция под руководством А. В. Логвина ежегодно проводит исследования на территории области. Одним из интереснейших археологических объектов в регионе является разновременный могильник Бестамак. Памятник исследуется ТАЭ с 1991 г. [Калиева, Колбин, Логвин В.Н., 1992; Калиева, Логвин В.Н., 2008]. К настоящему времени на Бестамаке кроме погребений других эпох исследовано и несколько захоронений и жертвенников раннего железного века (ямы №№ 102, 103, 138, 183) [Логвин А.В. и др., 2008, с. 155–169; Логвин А.В., Шевнина, Сеитов, 2014, с. 45–46].

В 2009 году в ходе раскопок Тургайской археологической экспедицией кургана бронзового века Халвай-3, были открыты впускные погребения №№ 3А, 7 и 8А раннесарматского и гуннского времени [Логвин А.В., Шевнина, Сеитов, 2012, с. 199–201; Шевнина, Логвин А.В.,

2015, с. 152–174]. В 2012 г. экспедицией исследован курган Жалтыр, оказавшийся ограбленным [Логвин А.В., Сеитов, Шевнина, 2016, с. 107–110].

Следует особо отметить недавно изученные в Тургае курганы, давшие материалы сакского времени. Эти памятники расположены в округе села Ашутасты в Аркалыкском районе Костанайской области. Так в 2013 г. исследован курган Ашутасты-30 [Шевнина, Сеитов, 2014, с. 273–280]. В 2015–2017 гг. в регионе проводились исследования Сарыаркинской археологической экспедиции Института археологии им. А. Х. Маргулана под руководством А. З. Бейсенова. Первый отряд (рук. А. З. Бейсенов) проводил поисково-разведочные мероприятия, второй отряд (рук. Г. А. Базарбаева) раскопки объектов на могильниках Ашутасты-1, 2. Исследованный раскопками курган № 10 позволил получить сведения об архитектуре наземных сооружений. Памятник датирован исследователями временем бытования тасмолинской культуры. Анализ конструкций объектов на могильнике Ашутасты-2 показал, кроме других результатов, принадлежность каменного изваяния к началу «уса» – конструктивного элемента комплекса, закрепившегося в науке под названием курганы с каменными грядами («усами») [Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2015; Базарбаева, Джумабекова, 2016; 2017а; 2017б; Базарбаева, Джумабекова, Байдалы, 2016; Jumabekova, Bazarbayeva, 2017].

В научно-исследовательской работе Тургайской археологической экспедиции следует отметить палеоантропологические исследования А. В. Колбиной, благодаря которым мы имеем представления о половозрастной принадлежности и индивидуальных особенностях человеческих останков. Приведенные ниже антропологические определения погребальных памятников, исследованных ТАЭ, выполнены А. В. Колбиной.

Таким образом, несмотря на то, что памятники раннего железного века Тургая редко являлись предметом специальных систематических исследований, все же, накопился определенный объем материалов по данной эпохе* [*Выражаю огромную благодарность В. Н. Логвину, М. К. Хабдулиной, Э. Р. Усмановой, А. В. Логвину, И. В. Шевниной за возможность использования материалов исследований]. Хронологические рамки предлагаемого раздела охватывают древности региона со второй половины I тыс. до н.э. по середину I тыс. н.э.

Характеристика комплексов раннего железного века Тургая. В настоящее время в регионе известно 16 погребений и ряд случайных находок V в. до н.э. – V в. н.э. Большинство комплексов данного хронологического горизонта являются основными или вводными в курганы и погребения эпохи бронзы (рис. 1).

Могильник Атчергат находится в Наурзумском районе Костанайской области (раскопки археологической экспедиции Челябинского госуниверситета под руководством М. К. Хабдулиной, 1985 г.). *Курган 2* диаметром 12 м, высотой 0,4 м. Под насыпью кургана были обнаружены две могильные ямы, расположенные рядом, параллельно друг другу и ориентированные длинными стенками по направлению СВ–ЮЗ. Умершие лежали вытянуто на спине, головой на юго-запад. Сопутствующий инвентарь состоял из бронзового зеркала с прямоугольной ручкой, железного ножа, каменного овального жертвенника без ножек, костяного изделия (шумек) и бронзовых втульчатых наконечников стрел с трехлопастной и трехгранной головкой (рис. 2, 19, 21–24). Погребения кургана № 2 относятся к раннесарматскому времени в рамках IV–II вв. до н.э. [Хабдулина, 1985, с. 583; 1994, табл. 34; Таиров, 2000, рис. 30, 81].

Могильник Белкарагай-2 расположен в 12 км к юго-востоку от п. Шобанколь, в 0,2 км к юго-западу от поселения Белкарагай-1, у кромки леса (раскопки ТАЭ под руководством А. В. Логвина, 2000–2001 гг.). Могильник развеван, поэтому многие погребения, к сожалению не сохранились. В ходе обследования траншеи, образованной в результате погрузки леса, были обнаружены бронзовые наконечники стрел (9 экз.) и развал керамического круглодонного сосуда (рис. 2, 7–8). Наконечники трехлопастные, имеют внутреннюю и выделенную втулки [Сеитов, 2015, с. 186–188, рис. 1].

Сосуд из могильника Белкарагай-2 соотносится с круглодонной керамикой Южного Приуралья и Южного Зауралья (отдел II по типологии К. Ф. Смирнова). Сосуды такой формы типичны для памятников раннесарматского типа Приуралья с IV в. до н. э. [Смирнов, 1964, с. 115, рис. 68]. Появление круглодонной керамики с примесью талька в раннесарматских памятниках

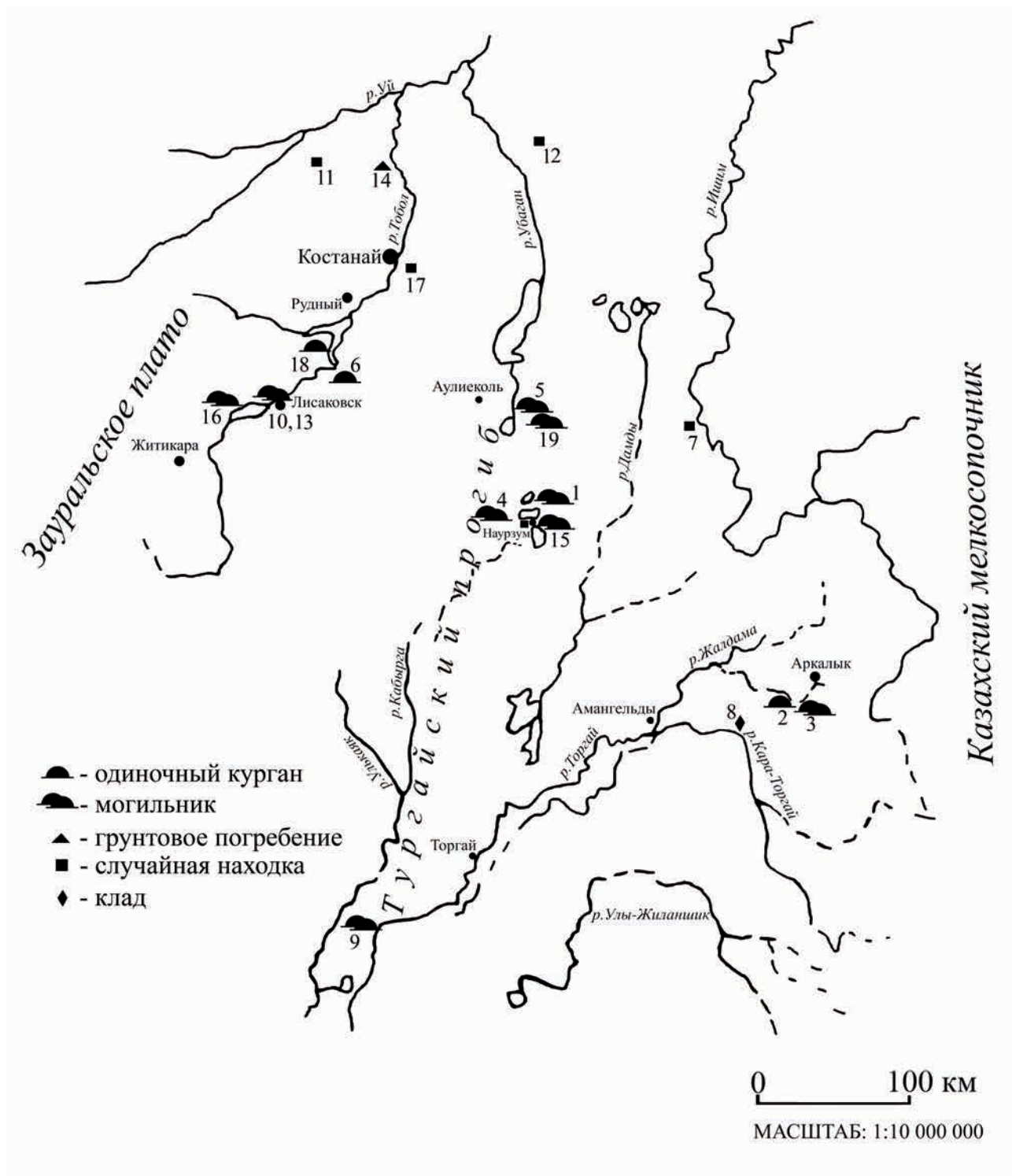

Рис. 1. Карта памятников древних кочевников Тургай раннего железного века. 1 – Атчергат; 2 – Ашутасты-30; 3 – Ашутасты-1, 2; 4 – Белкарагай-2; 5 – Бестамак; 6 – Жалтыр; 7 – Ишим; 8 – Каинды; 9 – Карсакбас; 10 – Кеныш-3; 11 – Костриковское; 12 – Куйбышевский (Варваровка); 13 – памятники Лисаковской округи; 14 – Надеждинка-4; 15 – Наурзум; 16 – Перелески-2; 17 – Сарыкольская трасса; 18 – Халвай-3; 19 – Шагалы

Южного Урала, исследователи связывают с влиянием племен лесостепного Зауралья [Смирнов, 1964, с. 119, 287; Мошкова, 1974, с. 38]. В целом проанализировав наконечники и сосуд, данное захоронение можно отнести к концу V–IV вв. до н.э. – раннесарматской культуре.

Могильник Бестамак представляет собой грунтовый разновременный памятник, расположенный в Аулиекольском районе Костанайской области, в 150 км к югу от г. Костанай. Изученные здесь под руководством А. В. Логвина в 2003, 2006, 2013 годах памятники сарматского времени, представлены четырьмя погребениями (ямы №№ 102, 103, 138, 183) [Логвин А.В. и др., 2008].

Яма № 102 зафиксирована на глубине 0,8 м от уровня современной поверхности. Она меридиональной ориентировки, подпрямоугольной с закругленными углами формы (размеры 2,16×2,5 м, глубина 1 м), с подбоем в западной стенке (рис. 2, 9). В придонной части, погребальная камера приобретает овальную форму, и уменьшается (2×1,1 м). На дне ямы, частично в небольшом подбое обнаружен скелет погребенного очень плохой сохранности. Умерший, возможно, мужчина возмужалого возраста лежал в вытянутом положении на спине, головой на юг, руки вдоль тела. Ребра были зафиксированы смещенными к юго-востоку от погребенного. С левой стороны погребенного обнаружены железный меч в деревянных ножнах плохой сохранности с двумя бронзовыми ворворками. Меч имеет прямое перекрестие и слабоизогнутое дуговидное навершие (рис. 2, 10). У левой ноги, ниже меча, обнаружены остатки колчана или горита прямоугольной формы с бронзовыми наконечниками стрел разных типов (42 экз.). Это сводчатые трехгранные с внутренней втулкой, опущенными вниз шипами и лавролистный с выделенной втулкой; трехлопастные наконечники с выделенной втулкой имеющие треугольную, сводчатую и лавролистную ланцетовидную головки (рис. 2, 11). На колчане зафиксирован железный крючок, в области таза обнаружены кусочек азурита и остатки ткани (рис. 2, 12). На дне могильной камеры, под погребенным, фиксировался тлен, возможно, от подстилки. В придонной части входной ямы зафиксированы скопления углей [Логвин А.В. и др., 2008, с. 155, 159, рис. 1; Сеитов, 2011, с. 134–135, рис. 1, 3, 6, 7–21, 23].

Обычай погребения умершего головой в южный сектор могилы, подбой, угли и погребальная подстилка имеют широкие аналогии с раннесарматской погребальной традицией [Смирнов, 1964, с. 82–83; 90–92, 94–96; 1975, с. 157–159; 161–162; Гуцалов, 2004, с. 102–103]. Колчаный набор аналогичен стрелам южноуральских номадов начала раннесарматского времени, что позволят датировать его второй половиной V–IV вв. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 45–51, 56, 58]. Меч сопоставим с классической формой раннесарматского клинкового оружия с серповидным навершием и прямым перекрестием. Массивная рукоять бестамакского экземпляра аналогична мечам из погребений Илека [Смирнов, 1975, с. 42, 6; 51, 2] и Волго-Донья IV в. до н.э. [Васильев, 2001, с. 172, рис. 2, 15, 16].

В целом, проанализировав погребальный обряд и инвентарь, погребение № 102 следует отнести к раннесарматской культуре в рамках второй половины V–IV вв. до н.э.

Яма № 103. В могильной яме № 103 было обнаружено два погребения, друг под другом. Верхнее погребение было совершено в подпрямоугольной яме с закругленными углами, размером 1,7×1,35 м, глубиной 1 м, ориентированной по линии СЗ–ЮВ. В заполнении могильной ямы были обнаружены фрагменты керамики от круглодонного сосуда (рис. 2, 20). В яме зафиксированы древесные остатки, вероятно, от надмогильной конструкции. В центре могильной камеры была обнаружена небольшая каменная кладка из песчаников. В северо-западном углу, найден череп человека 18–20 лет, ориентированный на запад с небольшим отклонением. В разных частях могильной камеры были обнаружены разрозненные человеческие кости и зубы. У северной стенки лежал каменный жертвенник, в восточной части был найден обломок железного ножа (рис. 2, 16–17). На глубине 1,8 м, в западной стенке ямы был найден бронзовый нож, фрагменты костяного изделия (предположительно, рукояти), застежка из известняка и бронзовая скрепка. Нож был обернут войлоком и обложен деревянными прутиками [Логвин А.В. и др., 2008, с. 155–156, рис. 2, 1, 2, 5–7].

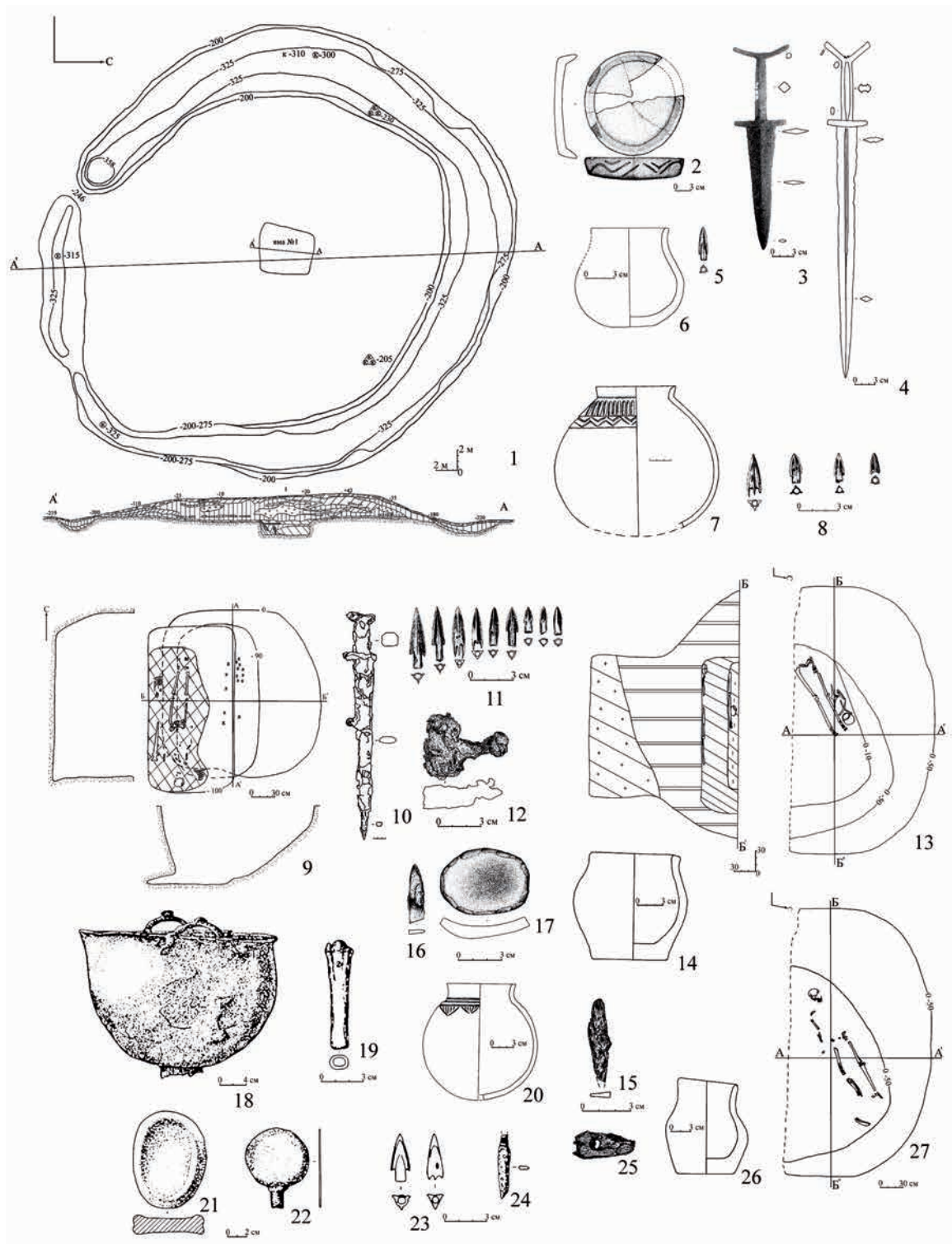

Рис. 2. Древние кочевники Тургая раннего железного века. 1, 5–6 – к. Жалтыр (по: [Логвин А.В., Сеитов, Шевнина, 2016]); 7–8 – мог. Белкарагай-2 (по: [Сеитов, 2015]); 9–12 – мог. Бестамак, п. 102 (по: [Логвин А.В. и др., 2008]); 13–15, 25–27 – к. Халвай-3: 13–15 – п. 7; 27 – п. 8А; 25–26 – артефакты, найденные со стороны обрыва и у подножья кургана (по: [Логвин А.В., Шевнина, Сеитов, 2012]); 16–17, 20 – мог. Бестамак, п. 103 (по: [Логвин А.В. и др., 2008]); 18 – мог. Шагалы, к. 2 (по: [Хабдулина, 1994]); 19, 21–24 – мог. Атчергат, к. 2 (по: [Хабдулина, 1994]). 2–4 – случайные находки. 1 – план кургана Жалтыр со рвом; 2 – жертвенник (Тарановский р-н); 3 – кинжал (Сарыкольская трасса); 4 – меч (с. Костриковское, Федоровский р-н); 5, 8, 11, 23 – наконечники стрел; 6–7, 14, 20, 26 – сосуды; 9, 13, 27 – планы погребений; 10 – меч; 12 – колчанный крючок; 15–16, 24 – ножи; 17, 21 – жертвенники; 18 – котел; 19 – изделие (шумек); 22 – зеркало. 2, 17, 21 – камень; 3–4, 10, 12, 15–16, 24–25 – железо; 5, 8, 11, 18, 22–23 – бронза; 6–7, 14, 20, 26 – керамика; 19 – кость

На глубине 1,9 м было обнаружено второе погребение. Могильная яма ориентирована по линии 3–В, размером 2,6×1,3 м. В западной и восточной части могильной камеры, зафиксирован небольшой подбой. Скелет мужчины 16–18 лет был положен на левый бок с чуть согнутыми коленями, головой ориентирован на запад. Руки погребенного были расположены вдоль тела, кисти лежали почти вплотную друг к другу. Кисть правой руки неестественно вывернута (предположительно, умерший был связан). В ногах мужчины были обнаружены нижние конечности барана. Находки, уверенно относящиеся к этому погребению, отсутствуют [Логвин А.В. и др., с. 155–156].

Анализ данного комплекса не позволяет в полной мере установить его культурно-хронологическую принадлежность. Среди инвентаря выделяются два периода. Первый можно датировать по сосуду схожему с круглодонной посудой раннесарматского времени южноуральских кочевников V–IV вв. до н.э. [Смирнов, 1964, с. 114–115, рис. 68]. Жертвенники подобные бестамакскому, в целом, имели широкие рамки бытования в раннем железном веке [Кадырбаев, 1966, рис. 10; 30; 47; Смирнов, 1964, с. 164–165, рис. 5, 2а; 30, 1ж]. Второй период более ранний, к нему можно отнести застезку и нож. Судя по аналогиям застезки, эти предметы бытовали не позднее VII–VI вв. до н.э. [Грязнов, 1980, рис. 12, 2–4; Боковенко, Заднепровский, 1992, с. 147, табл. 57, 24].

Яма № 138. В ходе исследования памятника, на глубине 0,7 м, была зафиксирована могильная яма и окружающий ее кольцевой ров, диаметром 24 м, шириной 2,5–4,5 м, глубиной до 1,8 м (рис. 3, 1). В западной с отклонением к югу части, ров сужается, имеет выступ с внутренней стороны, а в придонной части зафиксированы две столбовые ямки. По-видимому, в этой части рва находился вход образованный деревянным мостиком. Во рву были обнаружены каменные и керамические находки, скопления костей животных и углей, остатки костей лошадей, крупного рогатого скота, овец и собаки. По-видимому, изначально ров окольцовывал насыпь, которая к настоящему времени не сохранилась. На внутренней площадке рва, к западу от центра, зафиксирована могильная яма подпрямоугольной формы, размером 4,27×2,55 м, глубиной 1,3 м, меридиональной ориентировки, с подбоем в западной стенке (рис. 3, 2). В могильной яме, на глубине 0,7–0,95 м были зафиксированы древесные остатки тонких жердей, закрывавшие вход в погребальную камеру. На дне ямы обнаружено совместное захоронение. Погребенные были положены не в подбое, а в центре могильной камеры. Четыре погребенных были расположены, вытянуто на спине попарно, ногами друг к другу. Два костяка (№№ 1, 2 – мужских) ориентированы головой на юг с отклонением к востоку, а другие два (№№ 3, 4 – женских) головой на север с отклонением к востоку. Под каждым погребенным зафиксирован тлен органического происхождения. Вокруг каждого умершего фиксируется прямоугольный кант древесного тлена, вероятно, от погребальных носилок. Следует отметить, что на костях погребенных №№ 1, 2 и 4 зафиксированы следы белого вещества напоминающего мел или известь. В могильную яму были положены части МРС (барана?): череп, лопатки, позвонки, конечности, ребра. Причем, по одной конечности животного, были положены погребенным №№ 2, 3, две конечности животного у головы и ноги погребенного № 1, череп животного положен у головы погребенного № 2. В центре ямы, между погребенными №№ 1, 2 и №№ 3, 4, в ногах, были поставлены два целых плоскодонных керамических сосуда и один очень плохой сохранности. Также был зафиксирован тлен от трех деревянных сосудов (рис. 3, 10), на одном из которых сохранились следы ремонта бронзовой проволокой [Логвин А.В. и др., 2008, с. 156–169, рис. 2, 3–4; 3; 4; 5; фото 3–4; Логвин А.В., Шевнина, 2008, с. 249–254; Сеитов, 2011, с. 138–142, рис. 2].

На погребенном № 1 (мужчина 30–35 лет) отмечено много железной трухи, видимо, остатки «железных доспехов». Вдоль левого бока был положен железный меч в деревянных ножнах (рис. 3, 3). Между мечом и бедром находилась связка железных черешковых трехлопастных наконечников стрел (около 6 экз.; рис. 3, 13). С правой стороны погребенного был положен железный кинжал в деревянных ножнах (рис. 3, 4). Меч и кинжал имели прямое перекрестие и коль-

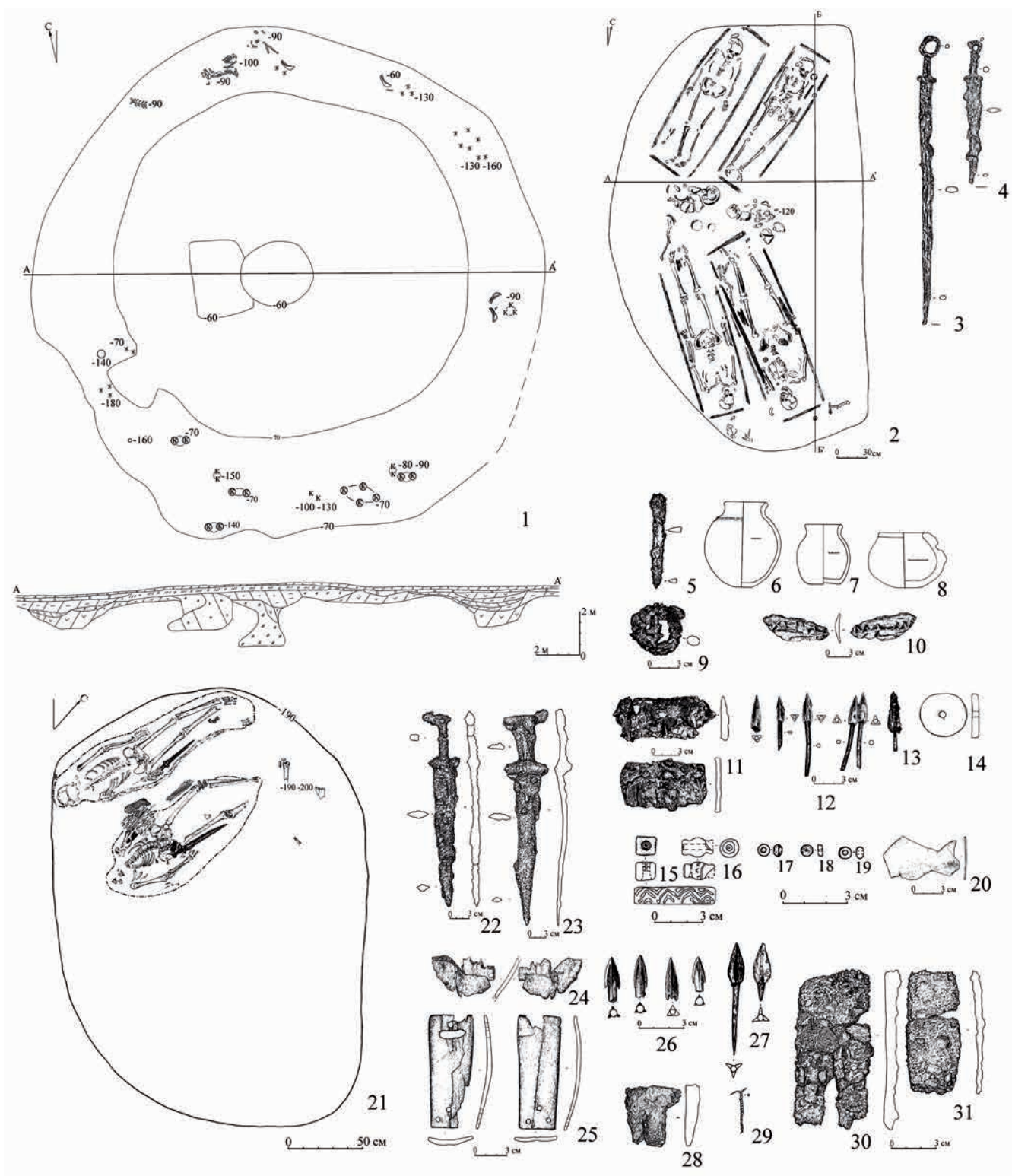

Рис. 3. Древние кочевники Тургая раннего железного века. 1–20 – мог. Бестамак, п. 138 (по: [Логвин А.В. и др., 2008]); 21–31 – Кеныш-3, к. 1 (по: [Базарбаева, Подзюбан, 1997]); 1 – план кургана со рвом; 2, 21 – планы погребений; 3, 23 – мечи; 4, 22 – кинжалы; 5 – нож; 6–7 – сосуды; 8 – кружка; 9, 11, 25, 30–31 – пряжки; 10, 24 – фрагменты посуды со следами ремонта бронзовой проволокой; 12–13, 26–27 – наконечники стрел; 14 – пряслице; 15–19 – бусины; 20 – фрагмент зеркала (?); 28 – гипс; 29 – проволока. 3–5, 9, 11, 13, 22–23, 27, 30–31 – железо; 6–8, 14, 15 – керамика; 10, 24 – дерево; 12, 20, 26, 29 – бронза; 16 – фаянс; 17, 19 – раковина; 18 – гагат; 25 – кость

цевое навершие. У левого бока умершего обнаружена железная округлая пряжка с подвижным язычком и остатками ткани (рис. 3, 9). На левом плече найдено маленькое овальное железное изделие, на позвоночнике обнаружены два маленьких железных крючка плохой сохранности. На тазу погребенного обнаружены две пластинчатые поясные накладки (пряжки?) с остатками ткани (рис. 3, 11). Также при умершем был обнаружен кусочек красной охры.

На правом плече погребенного № 2 (мужчина 40–50 лет) зафиксирован один бронзовый трехлопастной наконечник стрелы с внутренней втулкой. Между ступнями ног обнаружен пучок из пяти бронзовых с внутренней втулкой трехлопастных и трехгранно-трехлопастных наконечников стрел и железный нож (рис. 3, 5, 12). На груди погребенного зафиксированы остатки кожаной одежды.

При расчистке погребенной № 3 (женщина 40–50 лет), вокруг черепа и под ним, были обнаружены черные дисковидные бусины из гагата, округлые и биконические бусины перламутрового цвета из раковины, и несколько бусин из янтаря (определения О. В. Карзановой в петрографической лаборатории отдела вещественного состава ОАО «Кустанайская поисково-съёмочная экспедиция»). В стенке ямы, за черепом, найдена квадратная керамическая (?) бусина (рис. 3, 15, 17–19). За черепом найден фрагмент бронзовой пластины (зеркало?) в чехле из бересты (рис. 3, 20).

На скелете погребенной № 4 (девочка около 10 лет) фиксируется кальцинированность костей, что позволяет предположить подверженность тела умершей горению. С левой стороны у плеча была положена вверх дном гончарная кружка (рис. 3, 8), рядом с ним кусочек мела. У левой руки найдено керамическое пряслице (рис. 3, 14). Под подбородком были обнаружены бусины: округлые и биконические перламутрового цвета из раковины, черные дисковидные гагатомые и одна фаянсовая бочонковидная бусина (рис. 3, 16–19). Множество таких же перламутровых и черных дисковидных бусин было обнаружено при расчистке погребенной, на груди, под спиной, на ногах, под головой, на руках [Логвин А.В. и др., 2008, с. 156–169, рис. 2, 3–4; 3; 4; 5; фото 3–4; Логвин А.В., Шевнина, 2008, с. 249–254; Сеитов, 2011, с. 138–142, рис. 2].

Могильная яма с подбоем перекрытая деревом, ориентировка погребенных в южный сектор, следы обожжения умерших, посыпка погребенных и дна могильной ямы мелом или известью, напутственная пища в виде конечностей МРС, кусок мела и охры, характерны для погребальной традиции раннесарматской культуры. Часть из перечисленных признаков широко известна еще в «савроматское» время. Кости собаки, хотя и редко, встречаются в могилах ранних кочевников [Смирнов, 1964, с. 82–83; 85–87; 92; 94–102; Гуцалов, 2004, 94–95; 96; 102–103; 109–110; Бейсенов и др., 2015; Нурмуханбетов, Трифонов, 2016, с. 16]. Кольцевые рвы с проходом в южной части встречаются среди памятников Северного Казахстана [Хабдулина, 1994, с. 24], а также джетыясарской культуры Восточного Приаралья [Левина, 1992, с. 65].

Наряду с типичными признаками раннесарматской погребальной традиции, в исследуемом памятнике можно наблюдать ряд нехарактерных для предшествующего времени обрядовых черт. Обычай хоронить умерших в легких деревянных конструкциях в виде гробов, рам, носилок, иногда встречается в памятниках «савроматского» времени [Смирнов, 1964, с. 94; Гуцалов, 2004, с. 95]. Однако широкое распространение подобный обряд получает только с конца раннесарматского времени [Гуцалов, 2004, с. 110; Таиров, 2000, с. 173; Мамедов, Китов, 2015]. По-видимому, распространение данной традиции связано с влиянием населения восточных и южных регионов. Традиция хоронить в гробах была характерна для кочевников хуннского времени Центральной Азии [Мандельштам, Стамбульник, 1992, с. 198–199; Могильников, 1992, с. 260; Гуцалов, 2004, с. 114, 123]. Обращает на себя внимание необычная поза умерших и ориентировка женских костяков в северный сектор. Северная ориентировка погребенных встречается у сарматов от Нижнего Поволжья до Северного Причерноморья с конца раннесарматского времени [Клепиков, Скрипкин, Сергацков, 2008, с. 51, 53, 58]. Такая ориентировка широко распространена в погребениях тасмолинской культуры [Хабдулина, 1994, с. 20–26; Бейсенов, 1997, с. 12; 2015; Таиров,

2007, с. 12–13], гороховских и саргатских памятниках [Могильников, 1992, с. 287; 1992, с. 300]. Северная ориентировка типична для джетысарских погребений [Левина, 1992, с. 65], хуннских захоронений и в целом для погребальных комплексов восточного ареала евразийских степей [Скрипкин, 2010, с. 214–215]. На наш взгляд, разная ориентировка умерших, свидетельствует о разноэтническом происхождении погребенных. Это подтверждается и предметами импорта среди личных вещей в женских погребениях.

Обычай размещения черепа МРС за головой погребенного не характерен для «савроматских» и раннесарматских памятников, однако был широко распространен в Центральной Азии. Подобный обычай также известен в погребениях «коргантасского типа» (Центральный Казахстан), относящихся к III–I вв. до н.э. В памятниках этого типа, в специальных отсеках, в головах погребенных находят черепа и кости животных, чаще баранов и лошадей [Бейсенов, 1997, с. 13; Таиров, 2006, с. 182–191; Шульга, 2015, с. 405–417].

Клинковое оружие с кольцевым навершием и прямым перекрестием имеет многочисленные аналогии с экземплярами конца раннесарматского – среднесарматского времени. Мечи и кинжалы такой формы, преимущественно встречаются в среднесарматских погребениях [Хазанов, 1971, с. 9–10; табл. II–V; Скрипкин, 2010, с. 335–346, рис. 3–9]. Сочетание бронзовых втульчатых и железных черешковых наконечников стрел в сарматских памятниках характерно для III–II вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, с. 167–169; Клепиков, 2000, с. 99–100; Клепиков, Скрипкин, Сергацков, 2008, с. 53]. Круглорамчатые пряжки с подвижным язычком и пластинчатые пряжки получили широкое распространение с конца раннесарматского времени под воздействием центральноазиатской моды на различные типы ременной гарнитуры [Матренин, Тишкин, 2015, с. 143]. Такие пряжки встречаются в Южной Сибири, Забайкалье, Центральной и Средней Азии [Гуцалов, 2004, с. 32–33, 68, табл. 27, 4, 9–11; Мандельштам, 1992, табл. 42, 22, 33, 53, 54; 1992, табл. 81, 14–15, 25, 28; Могильников, 1992, табл. 106, 19, 37, 57, 108, 71; Пшеницына, 1992, табл. 93, 45; 94, 58; Вадецкая, 1992, табл. 97, 7]. Лепные сосуды из рассматриваемого памятника имеют аналогии с керамикой раннесарматских погребений Южного Приуралья [Гуцалов, 2004, с. 33–37, табл. 20, 23; табл. 19, 41]. Гончарная кружка, по-видимому, импортная, схожа с сосудами джетысарской культуры и керамикой из памятников Жетысу усуньского периода [Заднепровский, 1992, табл. 29, рис. 59–61; Левина, 1992, табл. 22, 16]. Бусы могут происходить из Индии, Ближнего Востока через среднеазиатский регион, или из Кавказа и Северного Причерноморья [Левина, 1996, с. 224–227; Игуменшева, 2008, с. 7–8]. Происхождение гагатовых (гешировых) бус исследователи связывают с Северным Кавказом, где еще в древности были известны большие месторождения это материала. Гагатовые бусы широко распространяются в сарматских памятниках в III–II вв. до н.э. [Смирнов, 1964, с. 149; Скрипкин, 1990, с. 114–115; Игуменшева, 2008, с. 7; Мамедов, Китов, 2015, с. 54].

В целом, проанализировав обряд и инвентарь погребения № 138 из Бестамака, можно отнести его к концу раннесарматской культуры, в пределах конца III–II вв. до н.э. и объединить его с группой единовременных памятников населения Южного Урала. Данный комплекс отражает процесс трансформации раннесарматской культуры под восточным и южным влиянием. Ряд признаков погребального обряда (северная ориентировка, носилки, череп МРС) и инвентарь (клинковое оружие с кольцевым навершием, пряжки, деревянная посуда, гончарная кружка) отражают контакты с центральноазиатским и среднеазиатским населением [Сеитов, 2011, с. 139–142]. По-видимому, широкое распространение у сарматов железных черешковых стрел, также связано с восточным влиянием [Хазанов, 1971, с. 35].

Яма № 183 фиксировалась на глубине 0,7 м от уровня современной поверхности. Здесь были обнаружены останки, по-видимому, энеолитического захоронения нарушенного погребением эпохи бронзы. Затем в эту яму было впущено сарматское захоронение. На дне подпрямоугольной ямы (размеры 2,4×1,8 м, глубина 1,7 м) зафиксировано диагональное погребение женщины в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Вокруг погребенной и под

ней, фиксируется тлен коричневого цвета. Череп умершей сильно деформирован и покрыт белой меловой (?) присыпкой. Под правой рукой обнаружено бронзовое зеркало, каменный оселок и железный нож. Зеркало плоское, округлое с ручкой, на которой выполнена петелька. Остатки дерева, камыша и коры на зеркале, позволяют предположить, что изделие первоначально находилось в чехле [Логвин А.В., Шевнина, Сеитов, 2014, с. 45–46].

На данный момент, нам не известны сарматские погребения, сочетающие в одном комплексе диагональность, северо-западную ориентировку и деформацию головы. Погребальный обряд данного памятника имеет разные погребальные традиции. Так диагональные погребения в сочетании с южной ориентировкой, маркирует погребальный обряд среднесарматской (суловской) культуры, нашедший отражение в основном в памятниках Заволжья, Нижнего Поволжья и Волго-Донья [Скрипкин, 1990, с. 184–185]. Ориентировка в северный сектор в сочетании с деформацией черепа характерны для погребений позднесарматского типа на всей территории их распространения [Скрипкин, 1984, с. 81–83; Боталов, Гуцалов, 2000, с. 28–128; Кривошеев, 2005, с. 127–128; Малашев, 2013, с. 27–28]. Причем эти два последних признака характерны для позднесарматских комплексов одновременно. По-видимому, истоки этих традиций следует связывать с населением Средней Азии, где еще раньше в погребальных памятниках встречаются северная ориентировка и обычай деформации головы [Скрипкин, 1984, с. 88–90; Кривошеев, 2010, с. 83–84].

Нам не известны аналогичные бестамакскому зеркала с петелькой на ручке в среднесарматских или позднесарматских памятниках. Такие зеркала широко встречаются намного раньше в погребениях тасмолинской культуры раннесакского времени [Таиров, 2007, рис. 39; Бейсенов, 2017]. Позже только в памятниках кулажургинской культуры (с III в. до н.э. – до I в. н.э.) в Восточном Казахстане известны подобные экземпляры [Боковенко, Заднепровский, 1992, с. 146, табл. 56, 58]. Следует отметить, что для тасмолинских погребений также характерна северо-западная ориентировка [Бейсенов, 1997, с. 12; 2015; Таиров, 2007, с. 12–13].

Таким образом, анализ обряда и инвентаря не позволяет нам уверенно определить культурно-хронологическую принадлежность рассматриваемого комплекса. На наш взгляд признаки погребального обряда свидетельствуют больше в пользу позднесарматского времени. Погребение № 183 можно ориентировочно отнести к I–III вв. н.э., однако не исключена и более ранняя датировка комплекса.

Курган Жалтыр (раскопки ТАЭ под руководством А. В. Логвина, 2012 г.) расположен в 8 км к северо-востоку от п. Аксуатский и в 6 км к востоку от поселка Увальное Тарановского района Костанайской области [Логвин А.В., Сеитов, Шевнина, 2016, с. 107–110].

Курган диаметром 34 м, высотой – 2,6 м, округлой формы, имеет высокие крутые склоны, сооружен из земли (рис. 2, 1). В центре насыпи зафиксирован провал, образованный, по-видимому, грабительским лазом. Вокруг кургана зафиксирован кольцевой ров, диаметром 40 м. В насыпи и во рву были обнаружены кости животных; во рву также найдены фрагменты неорнаментированной гончарной керамики. В центре под курганом была зафиксирована могильная яма неправильной подпрямоугольной формы, размером 4,75×4,05×1,3 м, ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. В юго-восточной части ямы были обнаружены фрагменты черепа младенца и развал сосуда. Сосуд с плавной профилировкой, округлым туловом, уплощенным дном (рис. 2, б). Кроме этого, в 1,5 м к юго-западу от внешнего края рва, в почвенном слое обнаружены бронзовый наконечник стрелы (рис. 2, 5), датирующийся V–IV вв. до н.э. и железный наконечник стрелы, относящийся к IX–XII вв. н.э. [Логвин А.В., Сеитов, Шевнина, 2016, с. 107–110, рис. 1–2].

Жалтырский сосуд имеет наибольшие аналогии с керамикой из погребения № 7 кургана № 4 южной группы у г. Энгельс (Заволжье) относящегося к V–IV вв. до н.э. [Смирнов, 1964, рис. 51, 10е; 67, 20]. Фрагменты гончарной керамики из рва, по-видимому, происходят из регионов Южного Казахстана или Средней Азии. Курган Жалтыр можно отнести к раннесарматской культуре в пределах V–IV вв. до н.э. Возможно, бронзовый наконечник, обнаруженный

за пределами кургана, происходил из этого памятника [Логвин А.В., Сеитов, Шевнина, 2016, с. 107–110].

Курганная группа Кеньши-3 представлена двумя разновременными объектами, была расположена в 7 км к юго-западу от г. Лисаковска (раскопки ТАЭ под руководством В.Н. Логвина, 1995 г.). Рассмотрим материалы из кургана № 1, где был обнаружен комплекс раннего железного века (курган № 2 датируется средневековьем – прим. ред.). *Курган № 1* сооружен из земли диаметром 25 м, высотой 1,25 м. Вокруг кургана фиксируется ров с внешним диаметром – 31 м, шириной до 1 м, глубиной до 0,95 м. Курган нарушен большим количеством современных впускных погребений. В насыпи, северо-восточнее от центра обнаружен череп лошади. В насыпи кургана также фиксируются фрагменты деревянной конструкции сооруженной из березовых бревен, круговое расположение которых позволяет предположить, что она была выполнена в виде шатрового перекрытия диаметром 9 м. В центре под курганом была зафиксирована могильная яма подпрямоугольной формы, размером 4,25×3,25 м, ориентированная по линии СЗ–ЮВ. В северо-западном секторе ямы на глубине 1,9 м обнаружены два скелета, уложенные вытянуто на спине головой на юг с отклонением к западу (рис. 3, 21). Под костяками и по их контурам прослеживается сиреневатый и черный тлен. Погребенные условно обозначены как «южный» и «северный». «Южный» костяк зафиксирован без черепа, однако в области его шеи был обнаружен зуб. Левая нога погребенного полусогнута в колене, правая вытянута прямо («атакующая поза»). Справа обнаружен железный меч с прямым перекрестием (навершие плохо сохранилось, возможно, оно серповидное или волнитообразное; рис. 3, 23), на тазовых костях и ребрах зафиксированы две железные пластины (пряжки?) подпрямоугольной формы (рис. 3, 30–31). С левой стороны найдены железные черешковые трехлопастные наконечники стрел (около 50 экз., рис. 3, 27). У правого предплечья и под погребенным обнаружены бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники стрел, у колена правой ноги находился кусочек гипса (рис. 3, 26, 28).

С правой стороны «северного» костяка находился железный кинжал с прямым перекрестием и рожковидным навершием (рис. 3, 22). На тазовых костях обнаружены две костяные подпрямоугольные пластинчатые пряжки (по мнению Л. Л. Гайдученко изготовлены из рога оленя; рис. 3, 25). Под ребрами умершего с левой стороны, найден бронзовый трехгранный наконечник стрелы с внутренней втулкой (рис. 3, 26). Возле правой голени обнаружен фрагмент деревянного изделия (вероятно от посуды), скрепленный бронзовыми проволочками (рис. 3, 24, 29). Слева от ребер обнаружены крупинки алого цвета. Расположение бронзовых наконечников стрел, возможно, свидетельствует, что погребенные были убиты выстрелом в спину [Базарбаева, Подзюбан, 1997, с. 376–381; Сеитов, 2011, с. 136, 138].

Сооружение деревянной конструкции шатрового типа, череп лошади в насыпи, вытянутое расположение погребенных головой на юг, «атакующая» поза, остатки подстилки под погребенными и кусочек гипса, сопоставимы с раннесарматской погребальной традицией [Смирнов, 1964, с. 91–92, 94; Гуцалов, 2004, с. 102, 110].

Кинжал из данного погребения относится к раннесарматскому клинковому оружию и является типичной формой для сложившейся прохоровской (раннесарматской) культуры [Мошкова, 1963, с. 34]. Сочетание бронзовых и железных черешковых наконечников стрел, характерно для III–II вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, с. 167–169; Клепиков, 2000, с. 99–100; Клепиков, Скрипкин, Сергацков, 2008, с. 53]. Костяные поясные пряжки имеют сходства с экземплярами из Северного Казахстана [Хабдулина, 1994, табл. 39, 10–11], Волго-Донья, Сибири, Забайкалья, Центральной и Средней Азии конца I тыс. до н.э. [Скрипкин, 2010, с. 212, рис. 6, А 1–2, Б 1–4].

Проанализировав обряд и инвентарь кургана № 1 курганной группы Кеньши-3, рассматриваемый комплекс можно отнести к III–II вв. до н.э., к позднему этапу раннесарматской культуры.

Памятники Лисаковской округи расположены в радиусе 10–15 км от города, на левом и правом берегах р. Тобол (Тарановский р-н, Костанайская обл.). Исследования проводятся Лисаковской археологической экспедицией под руководством Э. Р. Усмановой. Здесь исследо-

вано семь могильников эпохи бронзы. Среди этих памятников также изучены единичные комплексы других эпох, в том числе и раннего железного века [Рау, Ткачев, Усманова, 2013, с. 15]. Рассмотрим объекты, исследовавшиеся в 1989 и 2000 годах.

Курган Лисаковский. Под насыпью кургана была зафиксирована могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами и заплечиками. В погребении обнаружен череп ребенка, ориентированный головой на юг. Сопроводительный инвентарь: керамический горшок с плоским дном, раздутым туловом, узким горлом и отогнутым наружу венчиком, красноглиняный кувшин с одной ручкой, остатки железной серьги с золотым колечком и золотая округлая нашивка (рис. 4, 14–17).

Курган Лисаковский относится к среднесарматскому времени и датируется в рамках II в. до н.э. – I в. н.э. Керамический комплекс данного памятника имеет аналогии с южноказахстанской и среднеазиатской посудой. В целом данное погребение схоже с единовременными памятниками Северо-Западного Казахстана и Южного Приуралья [Боталов, Усманова, 1998, с. 151–154, рис. 1, IV].

Могильник Лисаковский-2. Курган № 12 диаметром 12 м, высотой 0,3 м, сооружен из земли (рис. 4, 8). В центре подкурганной площадки была обнаружена могильная яма овальной формы, размерами 3,0×2,4 м, глубиной 1,3 м, ориентированная по линии СЗ–ЮВ (рис. 4, 9). За счет уступа, который проходил по всем стенкам камеры, ко дну очертания могильной ямы уменьшились до размеров 2,0×1,85 м. В яме обнаружены остатки перекрытия из камыша. Северная стенка была облицована доской типа горбыля (?), вкопанного в дно ямы. На дне ямы была зафиксирована деревянная рама подквадратной формы. Внутри рамы по диагонали dna камеры лежал костяк погребенного, на спине, головой на юг. Кости ступней ног отсутствовали, кости голени упирались в деревянную раму. Вдоль правой ноги лежал железный кинжал с остатками деревянных ножен; кинжал без навершия и перекрестия (рис. 4, 10). У левой ноги обнаружен каменный оселок, у левого плеча найдены железные черешковые трехлопастные наконечники стрел (14 экз.), которые, видимо, находились в колчане (рис. 4, 12–13). Среди ребер грудины лежал железный нож (рис. 4, 11). С правой стороны от умершего обнаружены грудина и голень барана [Сеитов, Усманова, 2013, с. 268–272, рис. 1–3].

Комплекс признаков погребального обряда в виде основного индивидуального погребения под курганной насыпью, диагональное расположение умершего в раме-гробовище головой на юг и напутственная пища в виде частей барана, сопоставим с погребальными памятниками среднесарматского типа в основном Заволжья, Нижнего Поволжья и Волго-Донья [Мошкова, 1989, с. 178–179; Скрипкин, 1990, с. 184–185]. Небольшое количество погребений с подобным обрядом встречается и в Западном Казахстане [Кушаев, 1993, с. 84].

Меч из данного погребения можно отнести к типу клинкового оружия без навершия и перекрестия. Он наиболее всего близок мечам и кинжалам 2 типа с треугольным основанием клинка, плавно переходящим в рукоять (по типологии А. М. Хазанова). Оружие данного типа наибольшее распространение получило в I–II вв. н.э. [Хазанов, 1971, с. 17, 21]. Подобные мечи и кинжалы известны из могильников Средней Азии [Мандельштам, 1992, табл. 41, 1, 12, 16–17; Заднепровский, 1992, табл. 30, 4]. Железные наконечники можно отнести к типу стрел с треугольной головкой, срезанные под прямым углом к черешку. Подобные наконечники становятся господствующим типом среди стрел в I в. до н.э., и продолжают широко использоваться кочевниками в среднесарматское время [Хазанов, 1971, с. 37–39]. В целом, проанализировав обряд и инвентарь, лисаковский погребальный комплекс можно отнести к среднесарматской культуре в пределах I в. до н.э. – I в. н.э.

Погребение Надеждинка-4 выявлено на дюнном всхолмлении, в 1,5 км северо-восточнее одноименного поселка, расположенного в 70 км от г. Костанай (раскопки ТАЭ под руководством В. Н. Логвина, 1992 г.). Погребение обнаружено случайно. В могильной яме находился погребенный в вытянутом положении на спине, головой на юг. Сопроводительный инвентарь: железные

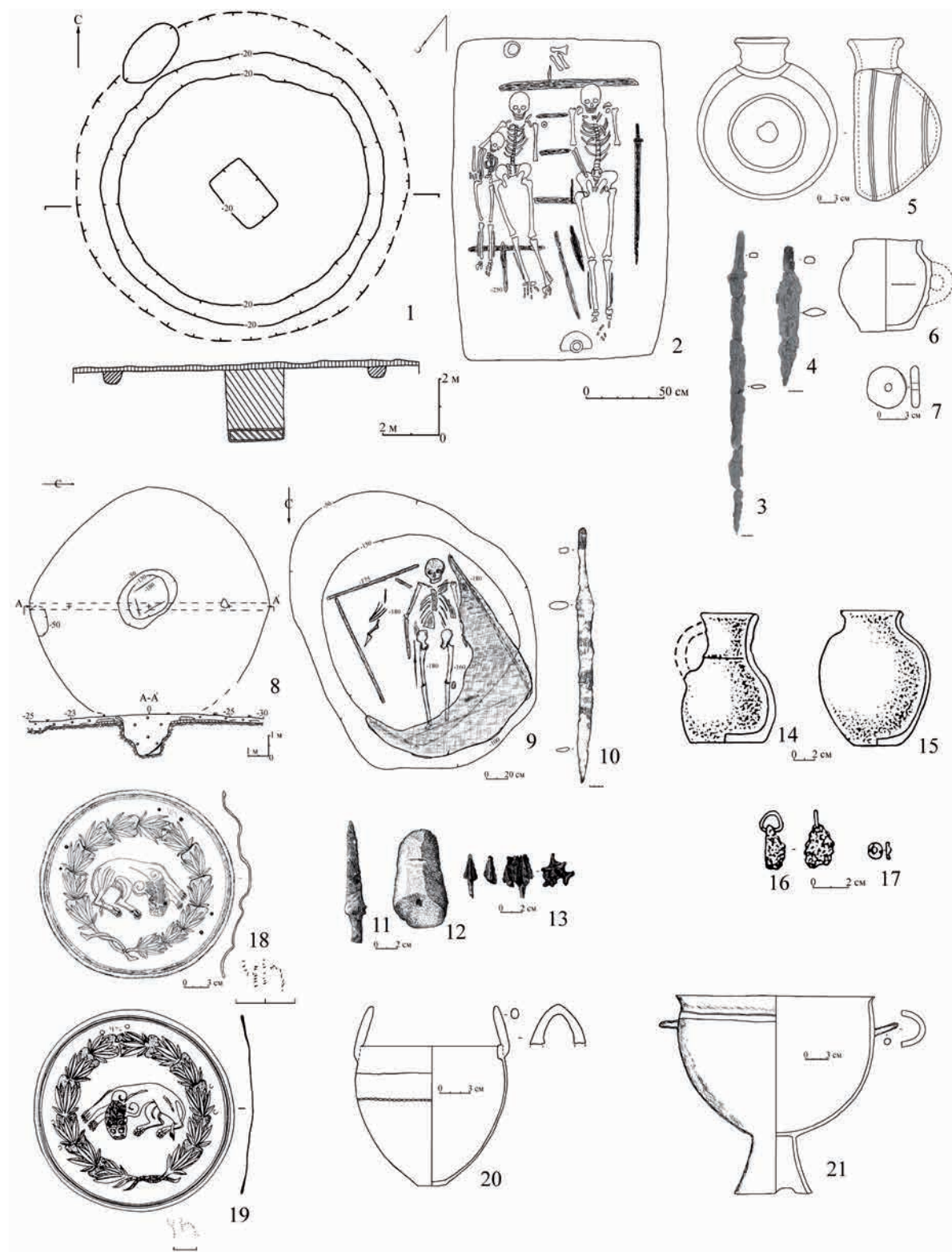

Рис. 4. Древние кочевники Тургай раннего железного века: 1–7 – курган мог. Наурзум (по: [Евдокимов, Ткачев, Сеитов, 2013]); 8–13 – мог. Лисаковский-II, к. 12 (по: [Сеитов, Усманова, 2013]); 14–17 – инвентарь из погребения Лисаковского кургана (по: [Боталов, Усманова, 1998]); 18–21 – случайные находки. 1 – план кургана мог. Наурзум со рвом; 2, 9 – планы погребений; 3, 10 – мечи; 4 – кинжал; 5 – фляга; 6, 15 – сосуды; 7 – пряслице; 8 – план к. 12 мог. Лисаковский-II; 11 – нож; 12 – оселок; 13 – наконечники стрел; 14 – кувшин; 16 – серьга; 17 – нашивка; 18–19 – фалары (левый берег р. Ишим, Аркалыкский р-н); 18 – с. Бузулук; 19 – ст. Сурган (по: [Мордвинцева, Зданович, Таиров, 1997]); 20–21 – котлы (20 – с. Куйбышевский (ныне Варваровка); 21 – пос. Наурзум).
3–4, 10–11, 13, 16 – железо; 5–7, 14–15 – керамика; 12 – камень;
17 – золото; 18–19 – серебро; 20–21 – бронза

кинжал с прямым перекрестием и без навершия, пряжки с подвижным язычком, кольцо и крюк (?); керамический плоскодонный сосуд. Анализируемое погребение, на наш взгляд, ориентировочно относится к I в. до н.э. – I в. н.э., концу раннесарматской или началу среднесарматской культуры [Сеитов, 2011, с. 142].

Курган могильника Наурзум. Разновременный могильник находится на узком песчаном мысу в 0,5 км к юго-востоку от поселка Наурзум, Наурзумского района, Костанайской области [Евдокимов, Ткачев, Сеитов, 2013, с. 183–190, рис. 1–3].

В процессе обследования могильника выявлен кольцевой ров развешанного кургана (рис. 4, 1). Ров диаметром 9,6 м, шириной 0,6–0,7 м, глубиной 0,2–0,4 м. Во рву обнаружены угольки. В центре огражденной площадки зафиксирована прямоугольная яма со слабо закругленными углами размером 2,1×1,4 м, глубиной – 2,5 м, ориентированная по линии СЗ–ЮВ (рис. 4, 2). В придонной части зафиксированы сгнившие остатки конструкции, по-видимому от плетеного короба (из тальника?). На дне могилы, внутри короба, обнаружено совместное захоронение: мужчины, женщины и ребенка. Мужчина покоился вдоль юго-западной стенки на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на юго-восток. С правой стороны, в области пояса, находился железный однолезвийный нож. Вдоль левого бока мужчины размещался железный меч с прямым перекрестием, без навершия, у правой голени находился железный кинжал без навершия и перекрестия (рис. 4, 3–4). В ногах мужчины у северо-западной стенки могилы стояла гончарная фляга (рис. 4, 5). Погребенная женщина лежала параллельно мужчине на спине в вытянутом положении головой на юго-восток. Женщину сопровождало глиняное пряслице, находившееся у левого плеча (рис. 4, 7). Погребенный ребенок располагался рядом с женщиной, вдоль северо-восточной стенки могилы, на спине в вытянутом положении головой на юго-восток. На тазовых костях ребенка, находилась костяная трубочка (шумек). В головах погребенных обнаружен керамический плоскодонный сосуд с округлым туловом и кости МРС (рис. 4, 6).

Такие черты погребального обряда как основное индивидуальное погребение под насыпью кургана, захоронение умерших в легких деревянных конструкциях в виде короба, гробовища, ориентировка в южный сектор, заупокойная пища в виде отдельных частей МРС сопоставимы с памятниками конца раннесарматского – среднесарматского времени [Гуцалов, 2004, с. 110; Скрипкин, 1990, с. 184–185].

Меч и кинжал из рассматриваемого погребения подобны экземплярам, получившим широкое распространение в Евразии с конца раннесарматского до позднесарматского времени [Хазанов, 1971, с. 17, 20–24; Скрипкин, 1990, с. 132; 2010, с. 200; Сергацков, 2007, с. 62–63; Гуцалов, 2004, с. 30, 57, табл. 16, 21, 29]. Следует обратить внимание на редкую встречаемость в одном комплексе меча без навершия с прямым перекрестием с кинжалом без навершия и перекрестия [Скрипкин, 1990, с. 130, 131, рис. 22, 3–6]. Вьючная фляга, по-видимому, импортная из Средней Азии или Южного Казахстана, где подобная посуда имела широкое употребление [Васильев, 2006, с. 58–62; Кошеленко, 1985, с. 295, табл. CXLIV, 6; Буряков, Кошеленко, 1985, с. 302, табл. CXLVI; Утубаев, Болелов, 2015, рис. 5, 2].

В целом, анализ погребального обряда и инвентаря кургана могильника Наурзум не позволяет нам датировать памятник узкими рамками. Можно отнести это погребение к концу раннесарматской – среднесарматской культуры в пределах II в. до н.э. – I в. н.э.

Курган Халвай-3 находится на левом берегу тобольского рукава Каратомарского водохранилища, в 7 км к северо-востоку от поселка Халвай, Тарановского р-на Костанайской области (раскопки ТАЭ под руководством А. В. Логвина, 2009–2010 гг.). Курган земляной, диаметром 32 м, включая ров, высота насыпи – 1 м. Почти половина кургана оказалась размыва водохранилищем. Основные погребения кургана относятся к эпохе развитой бронзы. В ходе исследования памятника в насыпи кургана были обнаружены три впускных погребения раннего железного века: №№ 3А, 7 и 8А [Шевнина, Логвин А.В., 2015, с. 153–174].

Погребения №№ 7 и 8А были расположены друг под другом и «вложены» в яму № 8 эпохи бронзы, которая зафиксирована в центральной части кургана. Яма погребения № 7 начала

фиксироваться в насыпи и углублена на 0,1 м ниже материка (рис. 2, 13). Часть этого погребения обрушена вследствие размыва водой. От погребенного сохранилась только нижняя часть скелета мужчины 40–50 лет, лежащего в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. У левой ноги обнаружены керамический плоскодонный сосуд с шаровидным туловом, ребра и позвоночник овцы в котором находился обломок железного ножа (рис. 2, 14–15). Рядом с ямой со стороны обрыва найден фрагмент железного колчанного крючка (рис. 2, 25). Погребение № 8А находилось под погребением № 7 (рис. 2, 27). Костяк женщины зрелого возраста лежал в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад, руки вытянуты вдоль тела, правая нога полусогнута в колене. В ногах найдены кости лошади и овцы. Инвентарь отсутствует. У подножия среза кургана был обнаружен плоскодонный сосуд (рис. 2, 26), который, возможно, первоначально находился в погребении № 8А [Логвин А.В., Шевнина, Сеитов, 2012, с. 199–201; Шевнина, Логвин А.В., 2015, с. 163, 169, 173–174, рис. 112–114; 115, 2, 3; 116].

Нахождение погребенных №№ 7 и 8А друг под другом, в одной позе, в пределах одной могильной ямы, по-видимому, свидетельствует, что это один комплекс, который можно сопоставить с «ярусными» захоронениями «савроматского» и раннесарматского времени [Гуцалов, 2004, с. 95, 103].

Сосуд из погребения № 7 можно отнести к III отделу (по типологии К. Ф. Смирнова) керамики «савроматского» и раннесарматского времени [Смирнов, 1964, с. 111–114]. Аналогичные сосуды известны из погребений Южного Приуралья, относящиеся к концу V–IV в. до н.э. [Гуцалов, 2004, табл. 19, 9, 19]. Крючок схож с экземплярами, найденными в памятниках Южного Приуралья V – начала IV вв. до н.э. В могилах скифо-сарматского времени, ножи часто находят около мясной заупокойной пищи. Сосуд, найденный у подножья кургана подобен керамике «савроматского» времени [Смирнов, 1964, с. 105, рис. 23, 2в; 65, 11; 1975, рис. 39, 4; 42, 8; 56, 3]. В целом погребения №№ 7 и 8А кургана Халвай-3 можно отнести к раннесарматской культуре в пределах конца V–IV вв. до н.э. [Логвин А.В., Шевнина, Сеитов, 2012, с. 199–201].

Погребение 3А было зафиксировано в северной части раскопа, впущено в яму № 3 (рис. 5, 7). Яма овальной формы, размером 1,7×0,68 м, глубиной 0,55 м, меридиональной ориентировки. В южной части ямы, на глубине 0,2–0,35 м, был обнаружен череп лошади и все хвостовые позвонки. По определению Л. Л. Гайдученко, наиболее вероятно, в этом жертвенном комплексе была использована шкура с головой, фалангами и хвостом лошади [Шевнина, Логвин А.В., 2015, с. 152–153, 155, 159 рис. 106–111].

На глубине 0,35–0,55 м обнаружено погребение мужчины старческого возраста, уложенного на правом боку, ориентировано головой на север, ноги вытянуты (рис. 5, 12). Перед его лицом зафиксирован череп барана, а в районе таза находились тазовые кости барана, железные нож и пряжка (рис. 5, 6, 11). Перед мужчиной вдоль тела лежал лук, от которого сохранились лишь костяные накладки (рис. 5, 1–4). В ногах умершего обнаружены остатки древесного тлена прямоугольной формы, вероятно, от колчана, так как чуть выше находились древки стрел с восемью железными черешковыми наконечниками стрел (рис. 5, 9). Семь наконечников трехлопастные ромбические, один – плоский. На ступнях мужчины обнаружены железные кольчатые удила и костяная пряжка (рис. 5, 5, 10).

Обряд рассматриваемого памятника (впускное погребение, форма и размеры ямы, поза умершего, состав и расположение частей жертвенных животных, а также особенности размещения инвентаря), имеет параллели с погребальной традицией гуннского и постгуннского времени Евразийской степи [Амброз, 1981, с. 19–20; Засецкая, 1971; 1994, с. 12–22; Боталов, 2009, с. 178, 308–309].

Остатки сложносоставного лука с семью костяными накладками, имеют аналогии с луками «гуннского» типа (рис. 4, 8). Прототипами луков этого типа, по всей видимости, являются экземпляры из Центральной Азии хуннского и поздnehуннского времени [Хазанов, 1971, с. 31, табл. XVII; Савинов, 1981, с. 146–162; Худяков, 1986, с. 29–30, 206–208; Любчанский, 2010,

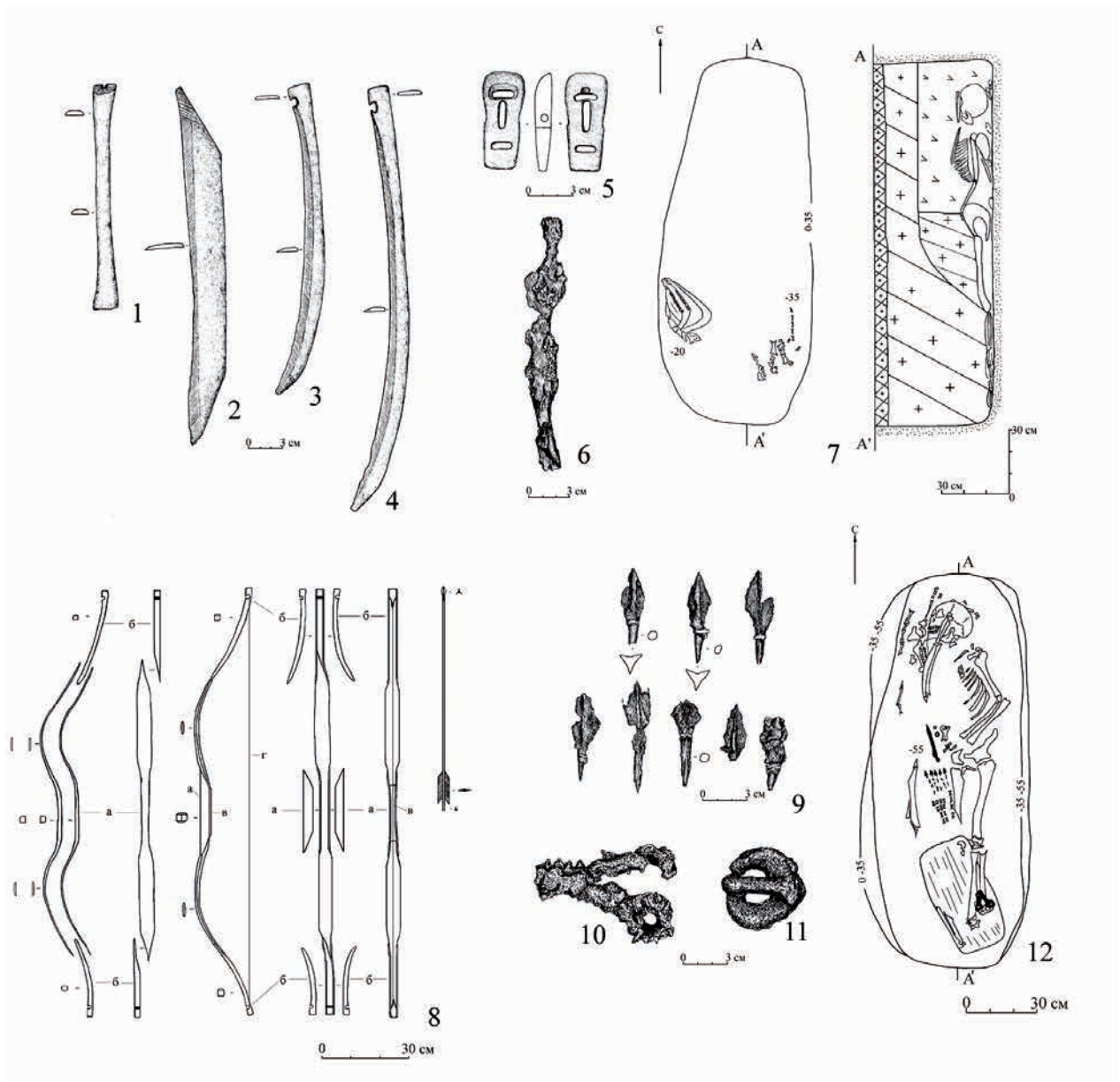

Рис. 5. Древние кочевники Тургая раннего железного века. Курган Халвай-3, погребение № 3А (по: [Шевнина, Логвин, 2015]): 1–4 – накладки сложноставного лука; 5, 11 – пражки; 6 – нож; 7, 12 – планы погребения; 8 – реконструкция лука (по: [Сеитов, 2015]); 9 – наконечники стрел; 10 – удила. 1–5 – кость; 6, 9–11 – железо

с. 15–16]. Наиболее близкие аналогии халвайским концевым накладкам прослеживаются с экземплярами из погребений кокзельской культуры Тувы (первая половина I тыс. н.э.), джетысарских памятников поздней древности, захоронения на поселении Актобе-2 в Южном Казахстане (рубеж IV–V вв. н.э.) и из гуннского погребения 2 кургана 8 могильника Кубей (конец IV–V вв. н.э.) в Северном Причерноморье [Худяков, 1986, с. 64–68, рис. 21, 1–4, 12; Савинов, 1984, с. 22–23; Левина, 1996, рис. 87, 2, 5, 6; 88, 26–28; 89, 1–4, 19–21; 90, 2, 7, 16, 18; 91, 2, 8–9]. Ромбические наконечники стрел можно отнести к типу 1, подтипам А и Б (по типологии И. П. Засецкой). Такие наконечники восходят к центральноазиатским образцам хуннского времени, а с эпохи великого переселения народов распространяются кочевниками до степей Восточной Европы [Засецкая, 1983, с. 70–83, рис. 1; 1994, с. 37–39, рис. 4, 1–6; Любчанский, 2010, с. 13–14, рис. 1–31, 35–44; Худяков, 1986, с. 30–43, 143–150]. К предметам конского снаряжения относятся удила и костя-

ная пряжка. Пряжка из кости, по-видимому, использовалась для застегивания подпружных ремней. Она сходна с экземпляром из гуннского погребения кургана № 19 Канатгас в Центральном Казахстане, относящегося к IV–V вв. н.э. [Кадырбаев, 1959, с. 179–182, 197]. Таким образом, рассматриваемое погребение можно отнести к гуннскому – постгуннскому времени в пределах IV–VI вв. н.э. [Сеитов, 2017].

Могильник Шагалы расположен на строительной площадке центральной усадьбы бывшего совхоза «Овцевод», Аулиекольского р-на Костанайской области (раскопки археологической экспедиции Челябинского госуниверситета под руководством М. К. Хабдулиной, 1985 г.). *Курган № 2* диаметром 24 м, высотой 0,6 м, окружен кольцевым рвом шириной 1,7–46 м. Ров имеет два прохода: один в северо-восточном секторе, другой – в юго-западном. На внутренней стороне рва была зафиксирована глиняная обваловка высотой 0,3 м, в основании 2 м. Насыпь в основном состояла из прокаленного суглинка, древесного угля и глиняного выкида, уложенного кольцом вокруг могильной ямы. На подкурганной площадке зафиксированы столбовые ямки от деревянной надмогильной конструкции. По-видимому, деревянная конструкция, сооруженная над могилой, была сожжена. Центральная яма оказалась ограбленной, находок не обнаружено. При расчистке рва, у северо-восточного прохода зафиксировано углубление подквадратной формы. На дне этой ямы был обнаружен бронзовый котел полусферической формы на поддоне, с вертикальными дуговидными ручками на которых выполнены по одному выступу (рис. 2, 18). Расположение, заполнение и соотношение с надмогильным сооружением позволяет отнести эту яму к архитектурным деталям входа [Хабдулина, 1985, с. 583; 1994, с. 24–26, табл. 36; Таиров, 2000, рис. 30, 80]. Курган № 2 отнесен к раннесарматскому времени в пределах IV–II вв. до н.э. [Хабдулина, 1994, с. 24]. Котел из данного комплекса С. В. Демиденко относит к типу 1, подварианту Г и датирует IV в. до н.э. [Демиденко, 2008, с. 16].

Обсуждение материалов. Все проанализированные памятники, в зависимости от культурно-хронологической принадлежности, можно отнести к нескольким культурам: раннесарматской, среднесарматской, позднесарматской (гунно-сарматской), и гуннской.

К раннесарматской культуре (V–I вв. до н.э.) относятся погребальные комплексы и случайные находки, которые можно разделить на два периода: ранний и поздний.

К материалам раннего периода (V–IV вв. до н.э.) относятся курган Жалтыр, погребения №№ 102, 103 (верхнее погребение) могильника Бестатак, погребения №№ 7, 8А кургана Халвай-3, курган № 2 могильника Шагалы, курган № 2 могильника Атчергат и вещи из разрушенного погребения могильника Белкарагай-2. Признаки погребального обряда и инвентарь перечисленных комплексов имеют наибольшие аналогии с раннесарматскими памятниками Южного Приуралья и Южного Зауралья.

К позднему периоду (III–I вв. до н.э.) можно отнести курган № 1 курганной группы Кенеш-3, погребение № 138 могильника Бестатак и ряд случайных находок. Погребения из Наурзума и Надеждинки-4, возможно, также относятся к самому концу раннесарматской или началу среднесарматской культуры. Ряд признаков погребального обряда (могила с подбоем, ориентировка в южный сектор, напутственная пища в виде отдельных частей МРС, чаше конечность с лопаткой, меловая посыпка и др.), а также инвентарь (клинковое оружие с серповидным и рожковидным навершием, бронзовые наконечники стрел и др.) отражают преемственность с погребальной традицией и материальной культурой предшествующего раннего этапа раннесарматской культуры. В то же время прослеживаются изменения погребального обряда и инвентаря, вызванные влиянием восточного импульса. Это появление обычая захоронения в легких деревянных конструкциях (рамы, носилки, коробки или гробы), северная ориентировка погребенных, жертвоприношение в виде головы МРС. В инвентаре, изменения выразились в распространении клинкового оружия с кольцевым навершием, без навершия, без навершия и перекрестия, поясных пряжек с подвижным язычком и пластинчатых, деревянных и гончарных сосудов и др. Эти вещи имеют многочисленные аналогии в восточной части Евразии и Средней Азии [Сеитов, 2014, с. 52–54].

К среднесарматской культуре (I в. до н.э. – I в. н.э.) можно отнести курган № 12 могильника Лисаковский-II и курган Лисаковский. Погребальный обряд и инвентарь этих комплексов сопоставимы со среднесарматскими памятниками.

К позднесарматской (гунно-сарматской) культуре (II–V в. н.э.), предположительно, можно отнести погребение № 183 могильника Бестамак.

К гуннской культуре (IV–VI вв. н.э.) относится погребение № 3А кургана Халвай-3.

Природные условия уральских и казахстанских степей и полупустынь привели к сложению в древности естественно-географических районов: Западный Казахстан и Южное Приуралье; Северный, Центральный и Восточный Казахстан, Южное Зауралье и Жетысу. Каждый из этих районов имел свои маршруты перекочевок, места летних и зимних пастбищ [Муканов, 1974, с. 23; Масанов, 1995, с. 55–56; Таиров, 2000, с. 113]. В начале I тыс. до н.э. на вышеназванных территориях существовали историко-этнографические общности: сакские племена Южного и Восточного Приаралья, население Западного Казахстана и Южного Приуралья, племена тасмолинской культурной общности в Сарыарке и Южном Зауралье и саки Жетысу [Таиров, 2000, с. 133]. Тургай является западным крылом Сарыарки и находится на стыке нескольких крупных районов. Пастбищно-кочевая система урало-казахстанских степей, сложившаяся в конце эпохи бронзы предопределила направления хозяйственно-экономических, политических и культурных связей кочевников раннего железного века [Таиров, 2000, с. 131].

Вопрос о степени присутствия раннесарматских племен в Тургае, в силу пока немногочисленных данных, остается открытым. Определенное влияние ранних сарматов в тургайских степях подтверждается появлением в этом регионе погребений раннесарматской культуры. Возможно, что и через тургайские степи сарматы проникали восточнее, в пределы Северного Казахстана, особенно в Сергеевский микрорайон, где встречаются памятники раннесарматского типа [Хабдулина, 1994, с. 84]. Не исключено, что Тургай играл немаловажную роль в этнокультурных процессах на просторах урало-казахстанских степей. М. Г. Мошкова отмечала большое значение исследования восточных рубежей распространения сарматских памятников в деле решения многих этнокультурных вопросов, в частности генезиса прохоровской (раннесарматской) культуры [Мошкова, 1972, с. 27; 1974, с. 7, 39].

Вопрос о происхождении прохоровской культуры до сих пор является не разрешенным. Не вдаваясь в подробности этой проблемы, можно отметить, что на данный момент принято считать, что в формировании новой культуры приняли участие два компонента: автохтонный («савроматский») и пришлый. Основные дискуссии ведутся об исходных регионах, степени и характере участия пришлого компонента. В качестве мигрантов и предполагаемых территорий рассматривают в основном саков Казахстана, Средней Азии и лесостепное население Зауралья [Смирнов, 1975, с. 173; 1989, с. 169; Мошкова, 1974, с. 37, 46; Железчиков, 1986, с. 62–63; Таиров, 2012, с. 83–84 и др.]. Помимо этого исследователи не исключают участие скифов [Гуцалов, 2004, с. 118] и кочевников Северного и Северо-Западного Китая [Таиров, 2009, с. 173] в формировании прохоровской культуры.

Свидетельством влияния зауральских лесостепных племен на формирование прохоровской культуры является появление у последних круглодонной керамики с примесью талька [Смирнов, 1964, с. 287; Мошкова, 1974, с. 35–38; Пшеничнюк, 1983, с. 128]. По-видимому, случаи обнаружения круглодонной керамики, в том числе с примесью талька, в раннесарматских памятниках Тургай, частично отражают эти сложные процессы взаимовлияния, и возможно перемещения зауральского населения. Как отмечают А. Д. Таиров и С. Ю. Гуцалов, в конце V–IV вв. до н.э. в Южном Зауралье происходит ряд существенных изменений. В связи с аридизацией климата, переселением в регион племен гороховской культуры из лесостепного Зауралья под давлением саргатского населения, и возникшей по причине этих событий перенаселенности, происходит отток сарматских и лесостепных зауральских племен на запад и юго-запад в степи Западного Казахстана и Приуралья, что приводит к существенному сокращению населения южнозаураль-

ских степей. Демографический кризис в степях Южного Приуралья, в итоге привел к миграции сарматов в IV–III вв. до н.э. в восточноевропейские степи [Таиров, Гуцалов, 2006, с. 14–15]. В целом, можно предположить, что в силу единства пастбищно-кочевой системы, культуры, а также родственных отношений населения Южного Урала и Тургай, в этих регионах происходили схожие историко-культурные процессы.

Сарматы урало-казахстанских степей имели тесные связи с населением Средней Азии. По-видимому, кочевники приняли активное участие в освобождении Хорезма от персидской власти, затем в борьбе против армии Александра Македонского [Таиров, 2000, с. 193]. В IV–III вв. до н.э. контакты номадов со среднеазиатским регионом нарастают. Ухудшение природных условий в степи, перенаселенность, потребность номадов в продуктах земледелия и изделиях ремесла привели к активному освоению номадами урало-казахстанских степей окраин земледельческих оазисов Средней Азии [Таиров, 2000, с. 200–201]. Об этом свидетельствует появление в среднеазиатском регионе раннесарматских погребений [Берлизов, 2014, с. 30].

С конца I тыс. до н.э. в евразийских степях происходят существенные изменения, связанные с подвижками, перегруппировками кочевников с востока на запад, трансформацией их культуры. Это было связано с этнополитической перестановкой в восточной части Евразии в конце III–II вв. до н.э., вызванной усилением хуннов, переселением из Центральной Азии различных племен в среднеазиатский регион, на запад и на другие территории. Эти передвижения номадов, соперничество между собой, падение Греко-Бактрийского царства под ударами кочевников (среди которых, возможно, были и сарматы), не могли не затронуть северных и западных регионов [Мандельштам, 1992, с. 107; Скрипкин, 2010, с. 63; 186–187; Боталов, 2009, с. 105]. К тому же зимние пастбища урало-казахстанских номадов располагались на границах Средней Азии.

Эти процессы подтверждаются на археологическом материале сарматских памятников конца I тыс. до н.э. имеющих яркий пласт восточный инноваций [Скрипкин, 1993, с. 3–10; 2014, с. 219]. Погребальные памятники тургайских степей второй половины III–I вв. до н.э. также, отчасти, отражают происходившие в урало-казахстанских степях этнокультурные трансформации. Выявленные изменения в погребальном обряде и инвентаре тургайских памятников, имеющие, главным образом, центрально-среднеазиатское происхождение, позволяют связывать это с контактами местных кочевников с населением Средней Азии и восточной части евразийских степей.

Аридизация климата в урало-казахстанских степях, политические события в Средней Азии, вторжение новой волны кочевников с востока и другие причины, привели во II в. до н.э. к оттоку значительной части сарматских племен на юг в Среднюю Азию, на запад в восточноевропейские степи и другие регионы [Скрипкин, 1997, с. 21, 29–30, 97; Таиров, 2000, с. 203–205]. Оставшееся местное население урало-казахстанских степей было включено в состав мигрантов и вошло в сферу влияния кочевнических политических образований Средней Азии [Таиров, 2000, с. 203–204]. Таким образом, все вышеизложенное привело к размыванию прохоровских (раннесарматских) черт культуры инновациями восточного происхождения, что позволяет констатировать процесс угасания этой культуры во II–I вв. до н.э. Этот период является рубежом между прохоровской и суловской (среднесарматской) культурами [Гуцалов, 2004, с. 124].

Недостаточное количество археологических материалов среднесарматского времени в тургайских степях не позволяет нам определить степень, и характер присутствия кочевников среднесарматского времени в рассматриваемом регионе. Следует отметить, что на сегодняшний день в урало-казахстанских степях насчитывается сравнительно малое число среднесарматских памятников. Причем основная их часть найдена в лесостепной зоне Приуралья. Исследователи отмечают, что причина столь слабой заселенности огромной территории в это время кроется в аридизации климата, начавшейся еще с начала раннесарматского времени [Таиров, 1995, с. 95; Боталов, Усманова, 1998, с. 151; Боталов, 2009, с. 240–241].

Исследованные погребения среднесарматского времени в Тургае отражают сохранение обрядовых черт раннесарматской погребальной традиции, влияние культурных традиций Южного

Казахстана и Средней Азии, а также, возможно, контакты с племенами Западного Казахстана и степного Приуралья. Так диагональные погребения не характерны для ближайших к Тургаю зауральских и североказахстанских памятников. Число диагональных захоронений увеличивается к западу, что возможно связано с воздействием среднесарматского населения Нижнего Поволжья [Боталов, 2009, с. 99, 242].

Диагональный обряд захоронения в погребении № 183 могильника Бестамак, возможно, отражает пережиточные черты среднесарматского погребального обряда. Степень и характер присутствия кочевников позднесарматского времени в Тургае нам также, на данный момент не ясна. Однако можно предположить, что в данном регионе кочевали носители гунно-сарматской (позднесарматской) культуры. Данные предположения основаны на том, что со II в. н.э. сопредельные южноуральские и североказахстанские территории активно заселялись главным образом какими-то пришлыми племенами. По мнению С. Г. Боталова и С. Ю. Гуцалова в этом населении ведущую роль играли гунны – потомки центральноазиатских хуннов. Памятники урало-казахстанских степей середины II–V вв. н.э. были отнесены исследователями к гунно-сарматской культуре [Боталов, Гуцалов, 2000, с. 26; Боталов, 2000, с. 223; 2009, с. 171]. Вероятно, и в тургайские степи проникали носители этой культуры. Об это свидетельствует ритуальный комплекс Урпек представленный курганным могильником вокруг «геоглифа» Торгайская свастика. Комплекс состоит, помимо простых курганов, из гантелевидных и склепообразных насыпей [Логвин А.В., Шевнина, Дей, 2011, с. 227; Логвин А.В., Шевнина, Сеитов, 2014, с. 47–48; 2016, с. 56–63; Боталов, 2013, с. 47].

Вывод. Проанализировав имеющиеся материалы, можно отметить культурную близость сарматских древностей Тургай с урало-казахстанскими и, преимущественно, южноуральскими и западноказахстанскими памятниками раннего железного века.

Таким образом, предпринято обобщение и историко-культурная интерпретация кочевнических погребений тургайских степей середины I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э. К сожалению, весьма незначительная источниковая база материалов раннего железного века исследуемого региона не позволяет нам всецело реконструировать этнокультурные процессы в тургайских степях. Результаты данного исследования позволяют только отчасти наметить контуры древней истории Тургай в раннем железном веке.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А. К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 10–23.
- Базарбаева Г. А., Джумабекова Г. С. Культура кочевников Тургай: этноархеологические исследования // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. – Вып. 5. – С. 265–271.
- Базарбаева Г. А., Джумабекова Г. С. Новое изваяние эпохи ранних кочевников из Тургай // Самарский научный вестник. – 2017а. – Т. 6. – № 2 (19). – С. 117–121.
- Базарбаева Г. А., Джумабекова Г. С. Изображение кошачьего хищника из Ашутасты: к изучению художественной культуры древнего населения Сарыарки // Самарский научный вестник. – 2017б. – Т. 6. – № 3 (20). – С. 232–237.
- Базарбаева Г. А., Джумабекова Г. С., Байдалы Р. Ж. Ашутасты – новый памятник тасмолинской культуры в Западной Сарыарке // Саки и савроматы казахских степей: сб. научн. ст., посвящ. памяти археолога Б. Нурмуханбетова. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. – С. 51–55.
- Базарбаева Г. А., Подзюбан Е. В. Курганная группа Кеньш-3 // Топорковские чтения. – Рудный: РИИ, 1997. – Вып. 3. – С. 376–381.
- Бейсенов А. З. Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана (VII – I вв. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алматы, 1997. – 26 с.
- Бейсенов А. З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. научн. статей, по-

- свящ. памяти выдающегося казахского археолога К. А. Акишева. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 7–34.
- Бейсенов А. З., Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А.** Изучение памятников тасмолинской культуры в Западной Сарыарке // Археология Западной Сибири и Алтай: опыт междисциплинарных исследований: сб. ст., посвящ. 70-летию проф. Ю. Ф. Кирюшина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. – С. 294–297.
- Бейсенов А. З., Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А., Баринаева Е., Крешиоли Л.** Археологические исследования могильника раннего железного века Каспан-6 в Жетысу // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. научн. статей, посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 59–70.
- Бейсенов А. З., Дуйсенбай Д. Б., Святко С. В.** Курган с «усами» Жамантас // Самарский научный вестник. – 2017. – Т. 6, № 3 (20). – С. 227–231.
- Берлизов Н. Е.** Сарматы и Средняя Азия // Сарматы и внешний мир: матер. VIII Всерос. (с междунар. участием) научн. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. – С. 30–39.
- Боковенко Н. А., Заднепровский Ю. А.** Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 140–148.
- Боталов С. Г.** Поздняя древность и средневековье // Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Ранний железный век и средневековье. – Челябинск: ЮУрГУ, 2000. – С. 207–430.
- Боталов С. Г.** Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). – Челябинск: ООО «ЦИРК», «Рифей», 2009. – 672 с.
- Боталов С. Г.** О гуннах европейских и гуннах азиатских // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. – Челябинск: ЮУрГУ, 2013. – С. 31–87.
- Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю.** Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: «Рифей», 2000. – 269 с.
- Боталов С. Г., Усманова Э. Р.** Памятники II в. до н.э. – I в. н.э. в урало-казахстанских степях // Приаралье в древности и средневековье. – М.: Восточная литература РАН, 1998. – С. 151–155.
- Буряков Ю. Ф., Кошеленко Г. А.** Ташкентский оазис // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М.: Наука, 1985. – С. 297–303.
- Вадецкая Э. Б.** Таштыкская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 236–246.
- Васильев В. Н.** К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н.э. // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Волгоград: Волгоградский госуниверситет, 2001. – Вып. 1. – С. 169–179.
- Васильев В. Н.** К хронологии вьючных фляг ранних кочевников Южного Урала // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. – Уфа: Гилем, 2006. – С. 58–62.
- Грязнов М. П.** Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. – 1956. Вып. 61. – С. 8–16.
- Грязнов М. П.** Аржан: царский курган раннесакского времени. – Л.: Наука, 1980. – 63 с.
- Гуцалов С. Ю.** Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. – Уральск, 2004. – 136 с.
- Гуцалов С. Ю., Таиров А. Д.** Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южноуральских степей // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М.: «ГЕОС», 2000. – С. 226–251.
- Демиденко С. В.** Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э.–III в. н.э.). – М.: ЛКИ, 2008. – 303 с.
- Евдокимов В. В., Логвин В. Н.** Исследования в Кустанайской области // АО–1971. – 1972. – С. 287–289.
- Евдокимов В. В., Ткачев А. А., Сеитов А. М.** Сарматский курган могильника Наурум // Археологические исследования Степной Евразии: сб. научн. ст. к 70-летию В. В. Евдокимова. – Караганда: «TENGR Ltd», 2013. – С. 183–191.
- Железчиков Б. Ф.** Савроматы и ранние сарматы (некоторые итоги исследования) // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. – Саратов: Саратовский госуниверситет, 1986. – С. 54–66.
- Заднепровский Ю. А.** Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 73–87.
- Засецкая И. П.** Особенности погребального обряда гуннской эпохи на территории степей Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья // АСГЭ. – 1971. – Вып. 13. – С. 61–72.
- Засецкая И. П.** Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV–V вв. н.э.). // История и культура сарматов. – Саратов: Саратовский университет, 1983. – С. 70–84.
- Засецкая И. П.** Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв. н.э.). – СПб.: «Эллипс», 1994. – 224 с.: ил.
- Игуменшева Е. В.** К торговым связям кочевников Южного Урала VI–II вв. до н.э. // Троицкий вестник. Социальный и гуманитарный журнал. – 2008. – № 3. – С. 7–12.
- Кадырбаев М. К.** Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Археология. – 1959. – Т. 7. – С. 162–203.
- Кадырбаев М. К.** Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 303–428.

- Калиева С. С., Колбин Г. В., Логвин В. Н.** Могильник у поселения Бестамак // Маргулановские чтения: тез. докл. – Петропавловск, 1992. – С. 41–42.
- Калиева С. С., Логвин В. Н.** Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // ВААЭ. – 2008. – № 9. – С. 32–58.
- Кастанье И. А.** Древности Киргизской степи и Оренбургского края. – ТОУАК. – Вып. XXII. – Оренбург, 1910. – 332 с.
- Клепиков В. М.** К проблеме выделения сарматских памятников в III в. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. – 2000. – Вып. 3. – С. 97–107.
- Клепиков В. М., Скрипкин А. С., Сергацков И. В.** Прохоровская культура в Нижнем Поволжье: становление и трансформация // Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий: матер. междунар. научн. конф. – Оренбург: ОГПУ, 2008. – С. 50–63.
- Кошеленко Г. А.** Уструшана // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М.: Наука, 1985. – С. 293–296.
- Кривошеев М. В.** Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации: дис. ... канд. ист. наук. – Волгоград, 2005. – 336 с.
- Кривошеев М. В.** Вопросы происхождения и развития позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Становление и развитие позднесарматской культуры. – Волгоград: Волгоградский госуниверситет, 2010. – С. 57–92.
- Кушаев Г. А.** Этюды древней истории степного Приуралья. – Уральск: «Диалог», 1993. – 175 с.
- Левина Л. М.** Памятники джетысарской культуры середины I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 61–72.
- Левина Л. М.** Этнокультурная история Восточного Приуралья (I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э.). – М.: Восточная литература РАН, 1996. – 396 с.
- Логвин А. В., Сеитов А. М., Шевнина И. В.** Исследования кургана Жалтыр // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур: сб. научн. ст., посвящ. памяти археолога Б. Нурмуханбетова. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. – С. 107–110.
- Логвин А., Шевнина И.** О реконструкции погребения сарматского времени (по материалам могильника Бестамак) // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. – Астана: Президентский центр культуры РК, 2008. – С. 249–254.
- Логвин А. В., Шевнина И. В., Дей Д. Б.** Геоглифы Торгая // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2011. – № 1. – С. 226–229.
- Логвин А. В., Шевнина И. В., Колбина А. В., Нетета А. В.** Сарматские материалы на могильнике Бестамак // Нижневолжский археологический вестник. – 2008. – Вып. 9. – С. 155–169.
- Логвин А. В., Шевнина И. В., Сеитов А. М.** Сарматские материалы с кургана Халвай 3 // Маргулановские чтения – 2012: матер. ежегодной научн.-практич. конф. – Астана: Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана, 2012. – С. 199–201.
- Логвин А. В., Шевнина И. В., Сеитов А. М.** Новое в исследованиях археологического наследия Торгая // Новая методология казахстанской исторической науки: поиски и обретения: сб. докл. Республ. научн.-практич. конф. – Костанай: Костанайский областной историко-краеведческий музей, 2014. – С. 41–49.
- Логвин А. В., Шевнина И. В., Сеитов А. М.** Ритуальный комплекс Урпек (предварительное сообщение) // Религия и система мировоззрений древних и средневековых номадов Евразии. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. – С. 56–65.
- Логвин В. Н., Калиева С. С.** Древнейшая история края // Костанайская область: прошлое и настоящее. / Под ред. Тернового И. К. – Костанай, 2003. – Ч. 1. – С. 3–46.
- Любчанский И. Э.** Номады поздней древности на западных окраинах Центральной Азии // Становление и развитие позднесарматской культуры. – Волгоград: Волгоградский госуниверситет, 2010. – С. 7–36.
- Малашев В. Ю.** Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н. э.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2013. – 301 с.
- Мамедов А. М., Китов Е. П.** Погребальный обряд ранних кочевников Верхнего Илека (по материалам могильника Сапидулак) // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2015. – № 6. – С. 19–60.
- Мандельштам А. М.** Кочевое население Среднеазиатского междуречья в последние века до нашей эры и первые века нашей эры // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 107–116.
- Мандельштам А. М.** Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 178–196.
- Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У.** Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 196–205.
- Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.** Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 436 с.
- Масанов Н. Э.** Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. – Алматы: «Социнвест». – М.: «Горизонт», 1995. – 320 с.

- Матренин С. С., Тишкин А. А.** Поясные пряжки кочевников Алтая хуннского времени: классификация и типология // Известия АлтГУ. – 2015. – № 3 (87). Т. 2. – С. 143–152.
- Могильников В. А.** Хунну Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 254–273.
- Могильников В. А.** Гороховская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 283–291.
- Могильников В. А.** Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 292–311.
- Мошкова М. Г.** Работы казахстанского отряда южноуральской экспедиции в 1964 г. // КСИА. – 1966. – Вып. 107. – С. 44–46.
- Мошкова М. Г.** Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. – М.: Наука, 1972. – С. 27–48.
- Мошкова М. Г.** Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. – М.: Наука, 1974. – 52 с.
- Мошкова М. Г.** Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 177–191.
- Муканов М. С.** Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1974. – 200 с.
- Нурмуханбетов Б. Н., Трифонов Ю. И.** Курганные могильники Шубарат и Молалы (краткая характеристика и культурно-хронологический анализ) // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур: сб. научн. ст., посвящ. памяти археолога Б. Нурмуханбетова. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. – С. 10–19.
- Утубаев Ж. Р., Болелов С. Б.** Новые археологические открытия в Низовьях Сырдарьи // Вестник КемГУ. История и археология. – 2016. – № 1 (65). – С. 56–62.
- Панков Д.** О вскрытом переселенцами могильнике «Кос-Оба», «Караган-Оба», тоже на участке № 90, Адамовском Кустанайского уезда Тургайской области // Труды ОУАК. – 1911. – Вып. XXIII. – С. 129–134.
- Пшеницына М. Н.** Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 224–236.
- Пшеничнюк А. Х.** Культура ранних кочевников Южного Урала. – М.: Наука, 1983. – 200 с.
- Рау А. П., Ткачев В. В., Усманова Э. Р.** Введение // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. – Караганда-Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. – С. 5–18.
- Савинов Д. Г.** Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: изд-во ЛГУ, 1984. – 174 с.
- Савинов Д. Г.** Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: «Наука» Сибирское отделение, 1981. – С. 146–162.
- Сеитов А. М.** Сарматские памятники Торгайской степи // Археология Казахстана в эпоху Независимости: итоги, перспективы: матер. междунар. научн. конф., посвящ. 20-летию Независимости РК и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. – С. 134–144.
- Сеитов А. М.** Археологические материалы Тоболо-Ишимских (торгайских) степей в контексте миграционных процессов Евразии в последние века до н.э. – первые века н.э. // Новая методология казахстанской исторической науки: поиски и обретения: сб. докл. Республ. научн.-практич. конф. – Костанай: Костанайский областной историко-краеведческий музей, 2014. – С. 49–58.
- Сеитов А. М.** Могильник Белкарагай-2 // Древний Тургай и Великая степь: часть и целое: сб. научн. ст., посвящ. 70-летию юбилею В. Н. Логвина. – Костанай–Алматы, 2015. – С. 186–188.
- Сеитов А. М.** Погребение гуннского времени кургана Халвай 3 (Северный Казахстан) // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. ст., посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – С. 317–322.
- Сеитов А. М., Усманова Э. Р.** Материалы сарматского времени Лисаковской округи // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. – Караганда-Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. – С. 268–272.
- Сеитов А. М., Усманова Э. Р.** Сосуд из жертвенника (могильник Лисаковский-II) // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. – Караганда-Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. – С. 273–274.
- Сергацков И. В.** Мечи и кинжалы в среднесарматских памятниках Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. – Челябинск: ЮУрГУ, 2007. – С. 58–65.
- Скрипкин А. С.** Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. – Саратов: Саратовский госуниверситет, 1984. – 150 с.
- Скрипкин А. С.** Азиатская Сарматия. – Саратов: Саратовский госуниверситет, 1990. – 240 с.
- Скрипкин А. С.** К проблеме исторической интерпретации археологических параллелей в культурах Алтайского и Доно-Уральского регионов в последние века до нашей эры // Античная цивилизация и варварский мир: матер. III археол. семинара: в 2 ч. – Новочеркасск, 1993. – Ч. II. – С. 3–10.
- Скрипкин А. С.** Этюды по истории и культуре сарматов. – Волгоград: Волгоградский госуниверситет, 1997. – 104 с.

- Скрипкин А. С.** Сарматы и Восток. – Волгоград: Волгоградский госуниверситет, 2010. – 370 с.
- Скрипкин А. С.** О восточных связях сарматов во II–I вв. до н.э. // Сарматы и внешний мир: матер. VIII Всерос. (с междунар. участием) научн. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. – С. 216–222.
- Смирнов К. Ф.** Вооружение савроматов. – М.: Наука, 1961. – 162 с.
- Смирнов К. Ф.** Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. – М.: Наука, 1964. – 380 с.
- Смирнов К. Ф.** Сарматы на Илеке. – М.: Наука, 1975. – 176 с.
- Смирнов К. Ф.** Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 165–177.
- Таиров А. Д.** Историко-экологическая ситуация в Южном Зауралье во второй половине I тыс. до н.э. и расселение ранних сарматов // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: матер. конф. – Челябинск, 1995. – Ч. V, кн. 2. – С. 90–96.
- Таиров А. Д.** Комплекс раннего железного века из Лисаковского могильника // Археологическое наследие Урало-Казахстанских степей: матер. междунар. семинара. – Лисаковск: Лисаковский музей истории и культуры Верхнего Приоболья, 1998. – С. 61–64.
- Таиров А. Д.** Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Ранний железный век и средневековье. – Челябинск: ЮУрГУ, 2000. – С. 3–205.
- Таиров А. Д.** Памятники «коргантасского типа»: взгляд со стороны // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар: Павлодарский госуниверситет им. С. Торайгырова, 2006. – Вып. 2. – С. 182–199.
- Таиров А. Д.** Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. – Челябинск: ЮУрГУ, 2007. – 274 с.
- Таиров А. Д.** Этнокультурные процессы в Урало-Казахстанских степях в VI–V вв. до н.э. // Наука ЮУрГУ: матер. 61-й научн. конф. Секции естественнонаучных и гуманитарных наук. – Челябинск: ЮУрГУ, 2009. – Т. 1. – С. 173–177.
- Таиров А. Д.** Происхождение раннесарматской культуры Южного Урала в отечественной историографии // Вестник ЮУрГУ. – 2012. – № 10 (269). Сер. Соц.-гум. науки. – Вып. 18. – С. 83–85.
- Таиров А. Д., Богалов С. Г.** Могильник Карсакбас // Вопросы археологии Западного Казахстана. – Самара: Актюбинская областная государственная инспекция историко-культурного наследия, 1996. – С. 164–175.
- Таиров А. Д., Гуцалов С. Ю.** Урало-Аральская культурно-историческая область // Этнические взаимодействия на Южном Урале: матер. III регион. (с междунар. участием) научн.-практич. конф. – Челябинск: ЧелГУ, 2006. – С. 11–17.
- Хабдулина М. К.** Раскопки курганов в Северном Казахстане // АО–1985. – 1987. – С. 583–584.
- Хабдулина М. К.** Работы разведочного отряда // АО–1986. – 1988. – С. 490.
- Хабдулина М. К.** Степное Прииртышье в эпоху раннего железа. – Алматы: Гылым, 1994. – 170 с.
- Хазанов А. М.** Очерки военного дела сарматов. – М.: Наука, 1971. – 171 с.
- Худяков Ю. С.** Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 269 с.
- Шевнина И., Логвин А.** Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане. – Астана: Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2015 – 248 с.
- Шевнина И. В., Сеитов А. М.** Детское погребение раннего железного века из Тургая // Восхождение к вершинам археологии: сб. матер. междунар. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию со дня рождения К. А. Акишева. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. – С. 273–280.
- Шульга П. И.** О захоронениях коргантасского типа // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. научн. статей, посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 405–418.
- Jumabekova G. S., Bazarbayeva G. A.** New research results of Turgay nomads' culture // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. – № 2 (18). – С. 109–117.

II.5 ТУРГАЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ РУССКИХ АРХЕОЛОГОВ ДО 1917 Г.

Обзор материалов Императорской археологической комиссии сто лет спустя

«Кому хоть один раз приходилось ехать Тургайской областью, тот не мог не заметить во множестве рассыпанных по всей степи, почти правильной куполообразной формы шишек, — это древние курганы-могильники, печальные, немые свидетели давно прошедших, давно канувших в вечность целых быть может тысячелетий, а с ними многих племён и народов, покончивших своё земное существование и унёсших под эти тяжёлые, угрюмые насыпи так много дорогого и интересного для современного человечества».

*А. Аниховский,
«Древние курганы-могильники
в Кустанайском уезде Тургайской области», 1905 г.*

Полный обзор документов Научного архива (далее – НА) ИИМК РАН, касающихся археологических исследований на территории Тургайской области Российской империи (рис. 1) в дореволюционный период, осуществляется впервые за сто прошедших с 1917 г. лет. При этом задача, поставленная перед собой авторами настоящего раздела, вовсе не нова. Впервые подобный обзор попытался осуществить один из самых деятельных членов Императорской Археологической комиссии — Александр Андреевич Спицын, готовивший в начале 1900-х гг. так называемые «сводки сведений о древностях по губерниям и областям» [Бич, 1948, с. 33–35]. В числе прочих, лишь малая часть из которых была им опубликована, подготовил Спицын и сводку по Тургайской области* [*В настоящий момент рукописный текст этой сводки обрабатывается и комментируется авторами для издания] [Бич, 1948, с. 35]. Отметим, что спицынская сводка лишь отчасти выстроена хронологически и явно имеет характер незавершённой работы, так как последние сведения, попавшие в неё, относятся к 1908 г. [НА ИИМК РАН, РО, ф. 5, оп. 1, д. 197, л. 8]. Вероятно, именно этим годом и следует датировать составление всего документа.

Заметно способствуют созданию обзора и вышедшие за последнее десятилетие фундаментальные труды, посвящённые как истории самой Императорской Археологической комиссии

(далее – ИАК) [Императорская..., 2009; Императорская... Приложение, 2009], так и истории археологического изучения регионов Центральной Азии и Сибири [Длужневская, 2005; 2011]. Прежде всего, это касается поиска и выявления архивных источников, так как информация по Тургайской области в приведённых работах, в основном, носит справочный характер: указаны основные исследователи, годы их раскопок, кратко перечислена сохранившаяся в НА ИИМК РАН документация, даны номера архивных дел или фотоальбомов [Длужневская, 2005, с. 65, 76, 78; 2011, с. 58–60, 188–189, 216–218, 270, 272, 273–275; Императорская..., 2009, с. 809–811; Императорская... Приложение, 2009, с. 174].

Комментаторскую работу, входящую в задачи авторов, значительно упрощает то, что отдельные материалы, сообщения об исследованиях и даже целые обзоры археологических памятников Тургайской области были опубликованы ещё в дореволюционный период [см., напр.: Аниховский, 1905а, б; Кастанье, 1905, 1908, 1910, 1911а, б; Модестов, 1913; Назаров, 1894; Нефёдов, 1899; Отчёт ИАК за 1889 год, 1892, с. 55–58; Отчёт ИАК за 1901 год, 1903, с. 142–143; Отчёт ИАК за 1904 год, 1907, с. 138; Попов, 1906а, б, 1911, 1913, с. 222–223; Попов, Кастанье, 1906; Протокол № 8..., 1906; Протокол № 9..., 1905, с. 150–154; Протокол № 350..., 1894, с. 180–185; Смирнов, 1909, с. 9–10, табл. 113]. Особенно плодотворно на этой ниве потрудились члены Оренбургской учёной архивной комиссии (далее – ОУАК). В частности, следует отметить такие две важные работы, вышедшие в серии трудов ОУАК, как «Краткий обзор археологических исследований в Тургайской области, проведённых до 1906 г.» [Попов, Кастанье, 1906] и исчерпывающий для своего времени труд И. А. Кастанье — «Древности Киргизской степи и Оренбургского края», вышедший четырьмя годами позже [Кастанье, 1910].

И всё же, несмотря на активную исследовательскую и публикационную деятельность ОУАК, работы, проводившиеся здесь до 1917 г. почти исключительно любителями из местной интеллигенции, чиновников, духовенства и крестьян, остаются недостаточно или даже малоизвестными, а их результаты далеко не полностью введены в научный оборот. Ввиду этого, представляется уместным специально обратиться к данным архивных источников, пусть и лапидарных, но явно не исчерпавших свой потенциал.

Сведения об археологических исследованиях в Тургайской области имеются в фондах Рукописного (далее — РО) и Фотографического отделов (далее – ФО) НА ИИМК РАН и представлены открытыми листами, отчётами и деловой перепиской ИАК. Предваряя их характеристики и описания (в соответствии с хронологией), необходимо отметить особенности источников. Очевидным недостатком документирования полевых работ этого периода, который осложняет их использование для современных исследователей, является практически полное отсутствие графических и фотографических иллюстраций: планов могильников, видов курганов, планов и разрезов погребений, а также отсутствие полевых дневников. В тех редких случаях, когда графическая информация присутствует в отчётах или публикациях, для исследовательской работы пригодны обычно только планы могильников (заметным исключением являются публикации И. А. Кастанье и отчёт Н. М. Петровского), остальное скорее является яркой иллюстрацией к истории развития археологии в регионах. Ещё одной сложностью для современного исследователя является локализация раскопанных в тот период памятников, что часто связано с невысокой точностью топографических привязок мест раскопок, со сменой топонимии области в XX веке, а также с последовательным изменением её административных границ и подчинения. Авторами обзора было предпринято сопоставление описаний из отчётов с данными старых топографических карт (дореволюционных и изданных до Второй мировой войны) и современных космических снимков. Результаты этих сопоставлений в ряде случаев позволили уточнить места проведения дореволюционных археологических работ.

1888 год

В этом году в ИАК впервые поступают сведения о раскопках курганов в Тургайской области, проведённых членом Императорского общества любителей естествознания, антрополо-

гии и этнографии при Императорском Московском университете (далее – ОЛЕАЭ), *Филиппом Диомидовичем Нефёдовым*, за несколько лет изучения этого края. Информация содержится в переписке ИАК с губернатором Оренбургской губернии [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1888 г., д. 56, л. 1, 1 об., 4–6], письме самого Нефёдова к В. Г. Тизенгаузену [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1888 г., д. 56, л. 7–8] и газетной публикации речи Нефёдова, произнесённой на заседании Оренбургского губернского статистического комитета 19 октября 1888 г. [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1888 г., д. 56, л. 2 об., 3]. Из газеты «Оренбургский листок» от 23 октября 1888 г., № 43, содержащейся в этом деле, можно узнать, что именно Нефёдову «выпало на долю счастье положить начало археологическим исследованиям в Тургайской области...», где он впервые предпринял свои «изыскания» ещё в 1884 г. Притом в Илецком уезде Тургайской области исследователь «встретился с памятниками скифов, тевтонцев и чуди» [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1888 г., д. 56, л. 2 об.]. В деле имеются данные о коллекции вещей из курганов, раскопанных Нефёдовым, или собранных им, но в основном на землях Оренбургского казачьего войска и Оренбургской губернии. Лишь поверхностные данные можно почерпнуть о тургайских древностях — он упоминает о древнем обычае устанавливать каменные бабы на курганах с сожжением [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1888 г., д. 56, л. 2 об.]. Вещи из раскопок Нефёдова, скорее всего, поступали в два места: в музей ОЛЕАЭ и в Императорское Московское археологическое общество (далее – МАО) [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1888 г., д. 56, л. 1]. Известно, что часть вещей, привезённых Нефёдовым в Москву, по запросу ИАК и при посредничестве МАО в конце 1888 г. была выслана в Петербург для «предоставление важнейших из них Государю Императору» и «разпределению находки по государственным и общественным музеям» [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1888 г., д. 56, л. 4, 5].

Каких-либо сведений, документирующих раскопки Нефёдова, в НА не выявлено.

История обращения Нефёдова к древнему прошлому Тургайской области, как и обзор его работ, достаточно подробно изложены им самим в Трудах МАО [Нефёдов, 1899]. Обобщённая информация о работах Нефёдова также содержится в кратком обзоре А. В. Попова и И. А. Кастанье [Попов, Кастанье, 1906, с. 208–209] и в более позднем труде И. А. Кастанье [Кастанье, 1910, с. 65–66]. С 1884 г. он вел «этнографические и антропологические изыскания» по поручению ОЛЕАЭ, обращая внимание и на памятники древности, а с 1888 – уже по решению МАО – начал целенаправленно изучать археологические памятники [Кастанье, 1910, с. 2].

Опубликованы были в Трудах МАО и некоторые его находки [Кастанье, 1910, табл. I].

1889 год

Открытый лист на право проведения раскопок в Пермской, Уфимской, Оренбургской губерниях и Степном Генерал-Губернаторстве выдан профессору кафедры географии и этнографии естественного отделения физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета *Эдуарду Юльевичу Петри*. Самим учёным цель поездки определялась не только как археологическая, но и как антропологическая, что становится понятно, если вспомнить, что он одновременно был вице-президентом Антропологического общества. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ИАК, учитывая разносторонние интересы учёного и значительный маршрут его поездки, просило его произвести также разведку памятников по ходу намеченного маршрута [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1889 г., д. 47, л. 2, 3].

В РО НА имеется рукописный отчёт Петри о раскопках и обнаруженных древностях, сопровождающийся рядом графических иллюстраций и листом карты, без специального указания маршрута или памятников [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1889 г., д. 47, л. 4–14]. Отчет исследователя был тщательно проработан кем-то из членов Комиссии, о чём свидетельствуют вычеркнутые карандашом предложения и вписанные другой рукой абзацы, касающиеся описания взаимоотношений ИАК и Петри (выдача Открытого листа и его обязательства перед Комиссией). Особенно это заметно во второй части отчета, где дано описание раскопок в Тургайской области.

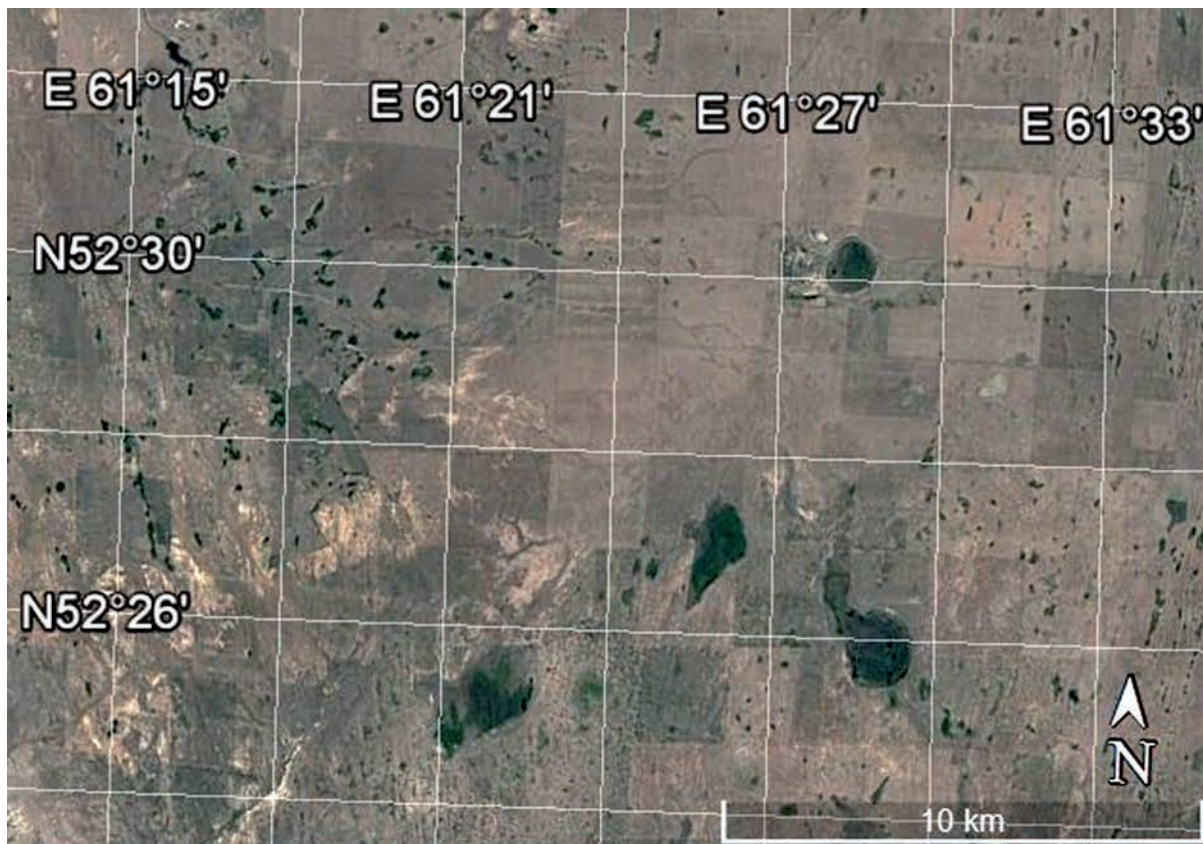
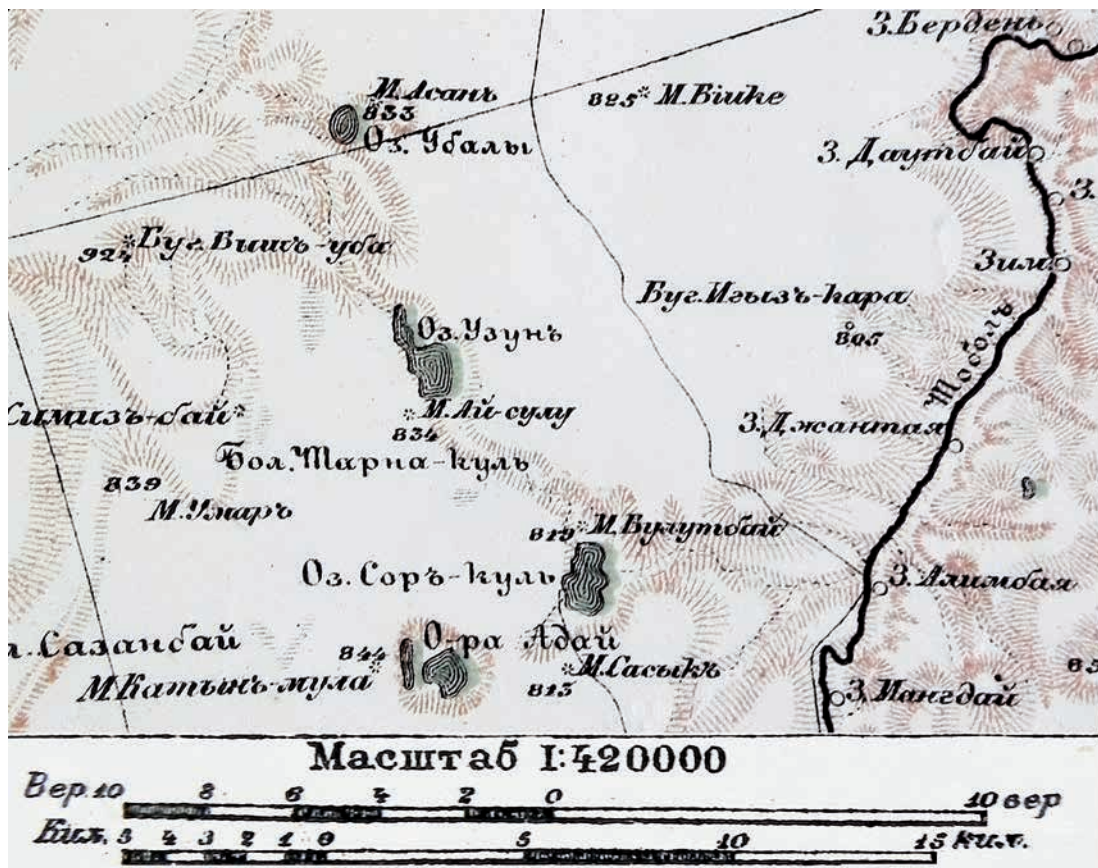

Рис. 2. Карта и космоснимок местности вокруг оз. Убалы-куль. 1 – специальная карта Европейской России (карта И. А. Стрельбицкого). Масштаб 1:420000. М., Управление военных топографов РККА, 1937, лист 145; 2 – космоснимок местности вокруг оз. Убалы по состоянию на декабрь 2014 г. Использована программа Google Earth Pro 7.1.8

В Николаевском* [*Кустанайском – прим. ред.] уезде Тургайской области Петри раскопал три средневековых кургана с сожжениями в урочище Биш-оба на берегу озера Убалы-Куль (рис. 2, 1, 2). Урочище в конце XIX века представляло собой «*возвышенную местность, чрезвычайно богатую курганами*», некоторые из которых видны были издали, другие же, расположенные у подножья описанного возвышения, напротив, отличались небольшими размерами и «*напоминали киргизские могилы*» [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1889 г., д. 47, л. 6 об., 7]. На страницах своего отчета Петри дал подробное описание только двух курганов. По-видимому, в соответствии с введенной им самим классификацией, курганы разделялись на два вида: первый, представленный курганами на возвышении, отличался значительными размерами, второй – малыми курганами у подножия того же возвышения [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1889 г., д. 47, л. 6 об., 7].

При описании конструкции одного из курганов первой группы Петри отметил, что «*приблизительно посередине* (видимо, на половине высоты насыпи – прим. авт.) *кургана*» проходит слой древесного угля, который представляет для местных жителей – «*киргизов*», интерес как топливо. По наблюдению Петри, вследствие регулярного извлечения такого «топлива», местные курганы подвергаются значительному разрушению [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1889 г., д. 47, л. 6 об.]. По всей видимости, кроме слоя сожжения в этом кургане ничего более обнаружено не было, так как сведения о вещественных находках в отчете отсутствуют. Исследование курганов второй группы дало более интересные результаты. Несмотря на этнографический вид этих погребений, оказалось, что «*туземцы*» осознают их как объекты, существовавшие в этой местности до её заселения современными обитателями. Более того «*башкиры, служившие работниками*» у местных жителей, однажды попытались ограбить один из таких курганов, с которым легенда связывала «*значительные сокровища*», но наткнувшись на «*громадный камень*», оставили своё предприятие. Возможно, что начавшееся разрушение этого кургана, а также полученные от местных жителей сведения о его легендарных сокровищах, обусловили выбор Петри. При доследовании кургана он установил, что «*неподъёмный громадный камень*», ставший преткновением для башкиров, – каменная баба «*весьма грубой отделки*». Иных находок сделано не было [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1889 г., д. 47, л. 6 об., 7].

Недалеко от раскопанного кургана Петри обнаружил еще одну каменную бабу, лежавшую лицом вниз. [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1889 г., д. 47, л. 6 об., 7]. На приложенных к отчету карандашных рисунках схематически изображены обе «*каменные бабы*» (рис. 3, 1, 2) [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1889 г., д. 47, л. 7, 12]. По этим изображениям и характерному описанию: «*На обеих намечены одни лишь лица с несомненно монгольскими чертами и длинными усами*» [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1889 г., д. 47, л. 7, 12], понятно, что речь идёт о древнетюркских стелах, изображающих покойного.

Ввиду ограниченности финансирования, дальнейшие исследования Петри пришлось свернуть [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1889 г., д. 47, л. 7]. Затраты на проведение разведок, раскопок, а также понесённые им дорожные расходы – «*содержание лошадей, услуги, укупорка*» и прочее, составили в общей сложности 74 рубля, из которых 25 рублей было выплачено четырём наёмным рабочим за пять дней раскопок [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1889 г., д. 47, л. 16 об.].

Отметим, что использование сети местных корреспондентов – своих «*киргизских друзей*», позволило Петри составить внушительный список местностей, насыщенных древностями и достойных исследования в будущем. Причём список этот продолжал пополняться и после отъезда Петри в Петербург стараниями его корреспондентов [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1889 г., д. 47, л. 7 об., 8].

Судя по всему, отчет профессора Императорского Петербургского университета о научной поездке и раскопках удовлетворил ИАК, поскольку на следующий год на его обращение о выдаче открытого листа и финансировании археологических работ ИАК отвечает благосклонным письмом [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1889 г., д. 47, л. 18, 19].

1890 год

Несмотря на наличие в деле открытого листа на имя Э. Ю. Петри, дающего право на проведение раскопок в Уфимской, Оренбургской губерниях и Степном Генерал-Губернаторстве [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1889 г., д. 47, л. 19–21], никаких сведений о работах, проведённых по нему, в НА не имеется. Не упоминают о них и А. В. Попов с И. А. Кастанье.

По сведениям А. В. Попова и И. А. Кастанье, найденные Петри в 1889 г. предметы (в основном, из Оренбургской губернии) поступили в фонд Русского Исторического музея (современного ГИМ'а) [Попов, Кастанье, 1906, с. 214]. Данные о раскопках Петри были опубликованы в трёх изданиях: в Отчёте ИАК за 1889 год, в обзоре Попова и Кастанье и в книге Кастанье [Отчёт ИАК за 1889 год, 1892, с. 57–58; Попов, Кастанье, 1906, с. 214; Кастанье, 1910, с. 66]. В последнем издании помещены изображения «каменных баб» из Тургайской области, однако точно определить среди них изваяния, найденные Петри, не получается. В книге Кастанье им, возможно, соответствуют статуи из таблицы XVI под номерами 8 и 9 [Кастанье, 1910, табл. XVI, 8, 9].

1897 год

Открытый лист на право проведения раскопок в пределах дач г. Оренбурга и Актюбинского уезда Тургайской области выдан члену ОУАК, оренбургскому городскому врачу **Александр** **Владимировичу Попову** [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1897 г., д. 44, л. 1–7]. Судя по имеющемуся в РО НА отчёту, Попов производил раскопки только в окрестностях г. Оренбурга, не выезжая в Тургайскую область [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1897 г., д. 44, л. 29–30 об, 34–55а]. Это подтверждается и в обзоре И. А. Кастанье и самого А. В. Попова [Попов, Кастанье, 1906, с. 217–219].

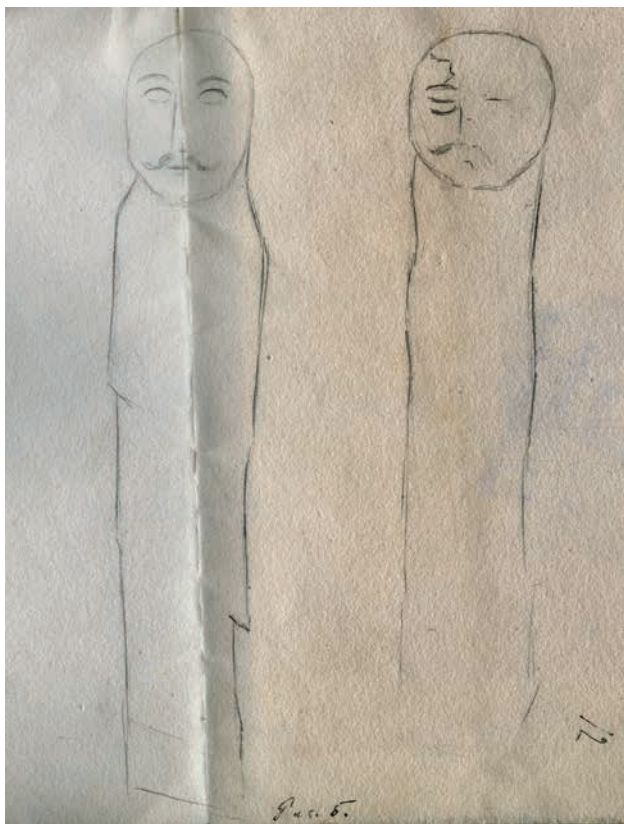

Рис. 3. Две «каменные бабы» из раскопок Э. Ю. Петри в урочище Биш-оба в 1889 г. [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1889 г., д. 47, л. 12]

1898 год

Открытый лист на право проведения раскопок в пределах Орского уезда Оренбургской губернии и Актюбинского уезда Тургайской области выдан члену ОУАК земскому начальнику **Петру Степановичу Назарову** [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1898 г., д. 94., л. 3–7]. Из документов РО НА окончательно не ясно, на каких территориях Назаров производил раскопки, так как отчёта о них в ИАК он не представил. В ходе переписки между ИАК и ОУАК, к 1901 г. выяснилось, что Назаров был переведён на службу в Верхнеуральский уезд и по причине большого объёма должностных обязанностей «...успел лишь разработать полученные результаты по раскопкам курганов скифского типа Южного Урала и Киргизской степи. Работа по курганам позднейшего времени ... лишь намечена...» [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1898 г., д. 94., л. 14]. Учитывая упоминание «Киргизской степи» можно предполагать, что в Тургайской области он всё же работал.

В поле зрения ИАК член Антропологического отдела ОЛЕАЭ П. С. Назаров попал впервые в 1890 г., после раскопок кургана «Биш-Уба», проведённых без Открытого листа в Орском уезде Оренбургской

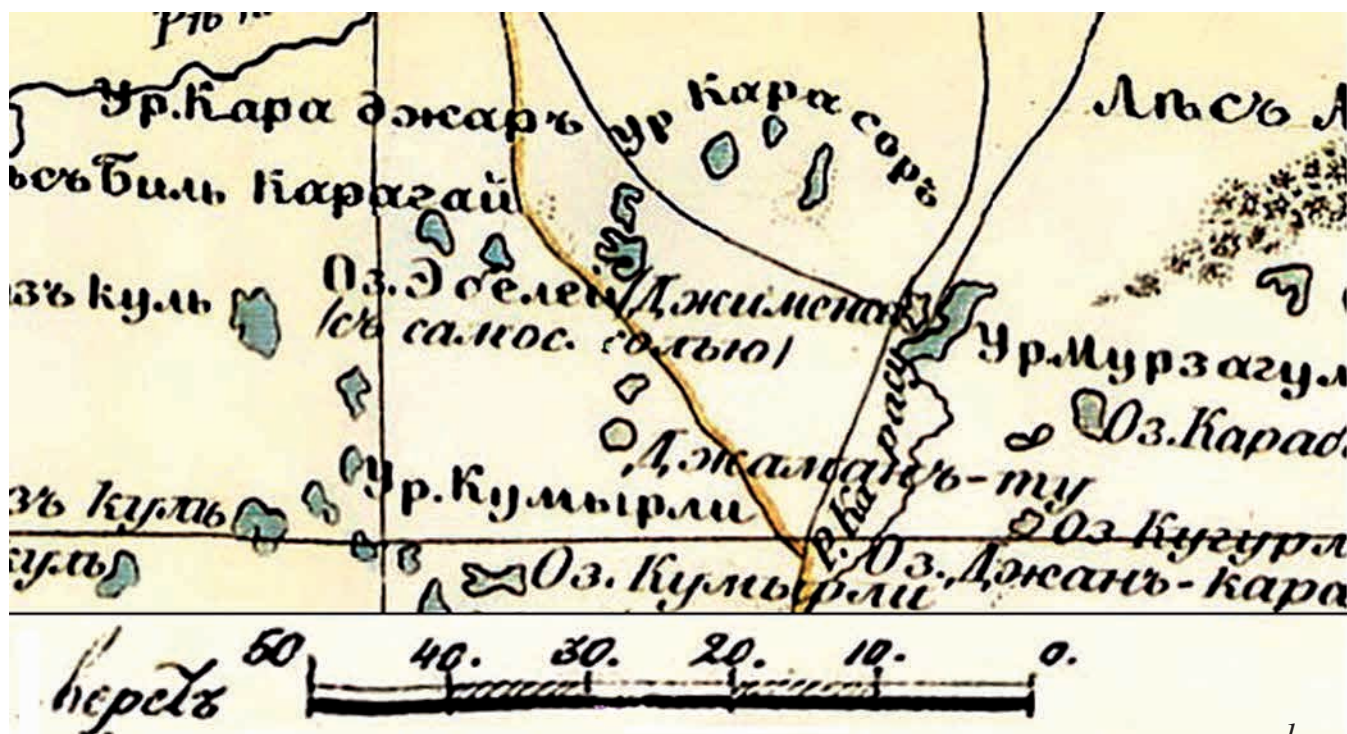
губернии [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1890 г., д. 193, л. 1–3]. Вероятно, его интерес к древностям региона был настолько силён, что все прошедшие восемь лет П. С. Назаров продолжал заниматься исследованием курганов и даже собрался *«разработать полученные результаты»*, а после того как стал действительным членом ОУАК, наконец, получил и Открытый лист от ИАК.

Интересно, что в обзорах А. В. Попова и И. А. Кастанье работы П. С. Назарова в 1898 г. тоже не упоминаются. Зато под 1890 г. и А. В. Попов и И. А. Кастанье приводят сведения о работах *Ивана Степановича Назарова* на Кок-Ийюке, на р. Тобол, недалеко от г. Кустаная [Попов, Кастанье, 1906, с. 217; Кастанье, с. 66]. При этом они ссылаются на сведения о раскопках, помещённые в Трудах МАО [Назаров, 1894, с. 185–190]. Однако при знакомстве с указанным томом трудов МАО выясняется, что произошла занятная путаница: в 1890 г. раскопки кургана Кок-Ийюк производил *П. Назаров* [Протокол № 350...1894, с. 182; Назаров, 1894, с. 185–190]. Исходя из имеющихся данных, мы можем уверенно предположить, что речь идёт всё о том же земском начальнике Петре Степановиче Назарове из г. Оренбурга, работавшем на Кок-Ийюке по согласованию с МАО и разрешению, полученному от его председателя – графини П. С. Уваровой [Назаров, 1894, с. 185; Состав Комиссии, 1905, с. 44]. Таким образом, получается, что раскопщик Кок-Ийюка 1890 г. и держатель открытого листа ИАК 1898 г. – одно лицо – земский начальник П. С. Назаров. Трудно сказать, почему возникла эта путаница, тем более что с 1895 г. П. С. Назаров состоял действительным членом ОУАК, а местом его жительства в 1906 г. указан уже Верхнеуральск [Состав Комиссии, 1905, с. 44]. Возможно, замещение П. С. Назарова его почти полным тёзкой И. С. Назаровым в обзорах 1906 и 1910 гг., связано с той ролью, которую последний стал играть в исследованиях тургайских древностей в начале XX в (см. ниже).

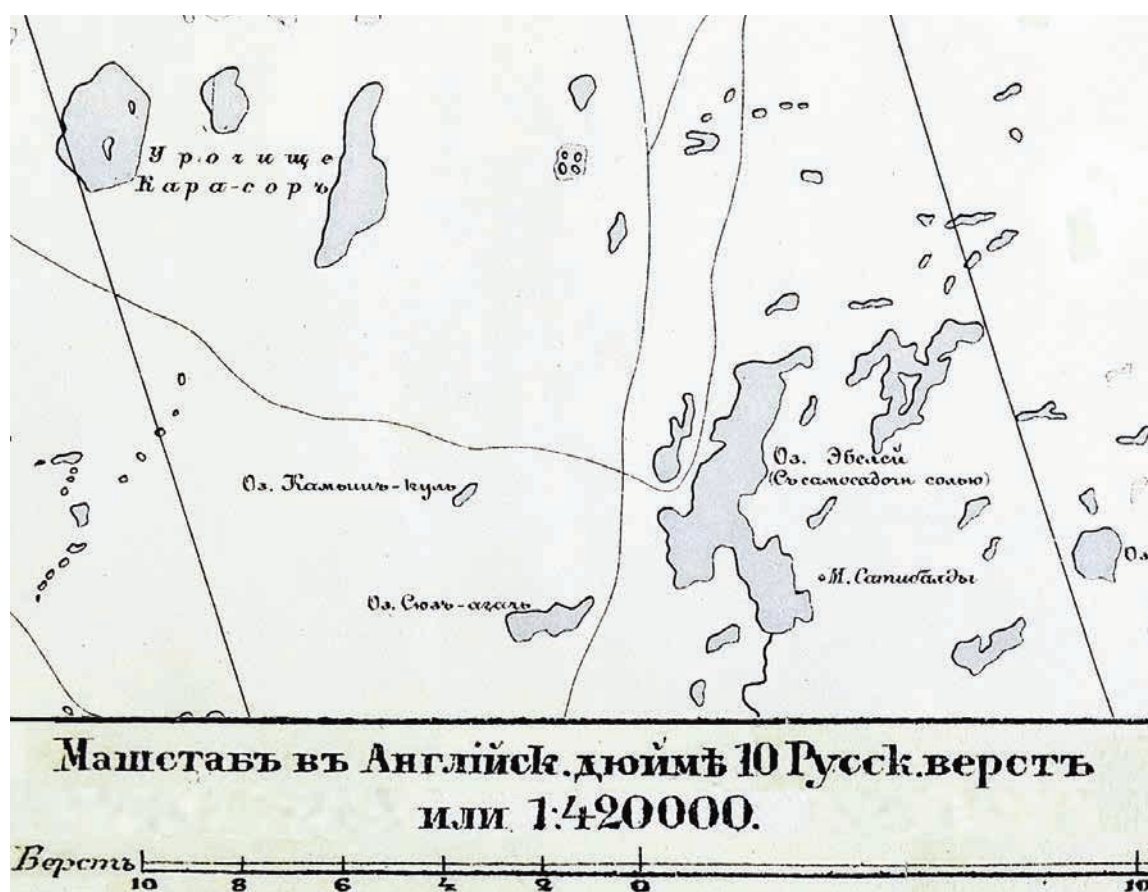
1900 год

В этом году в ИАК впервые поступают сведения от крестьянина *Ивана Павлова Самойлова* о предпринятых им разысканиях и раскопках курганов в Тургайской области [НА ИИМК РАН, РО ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 1–4]. Крестьянин Самойлов, некогда рабочий соляного промысла, с 1896–1897 гг., а, возможно, и всё последнее десятилетие XIX века, производил самовольные раскопки курганов в Тургайской области и Оренбургской губернии. Желая теперь получить финансовую поддержку от ИАК на наём рабочих для дальнейшего *«произведения разработок»* курганов, Самойлов изменил своей привычке, – самовольным раскопкам с последующей продажей древностей коллекционерам, и написал письмо в Западно-Сибирский отдел ИРГО, который, в свою очередь, перенаправил его в ИАК [НА ИИМК РАН, РО ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 1–4]. С этого момента началась длительная (1900–1902 гг.) переписка крестьянина Самойлова с ИАК и ИАК с управлением Тургайской области и с уфимским губернатором, посвящённая выяснению характера незаконных раскопок, и имеющая целью их прекращение [НА ИИМК РАН, РО ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 5–8, 11–14 об.; НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1902 г., д. 89, л. 6–9 об.]. В документах РО НА также присутствуют важные данные о происхождении и судьбе ряда вещей, впоследствии поступивших в ИАК от лиц, которым Самойлов продавал свои находки [НА ИИМК РАН, РО ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 9, 10, 15–17, 19, 19 об., 23–24 и др.].

Тремя годами позже имя Самойлова попало и в анналы ОУАК. Сведения о его деятельности были озвучены действительным членом Императорского русского археологического общества, избранным в том же году действительным членом ОУАК, И. В. Аничковым, на заседании 27 июля 1903 г. Судя по опубликованному протоколу заседания, Аничков при личном общении *«вселил в Самойлове некоторое к себе доверие»*, вследствие чего смог узнать от него подробности его трудов по *«бескорыстному разрытию курганов»* [Протокол № 9..., 1905, с. 150–154]. В частности, он узнал, что Самойлов *«долго работал на этом поприще»* вместе с «г. Назаровым, проживающим также в Кустанае» [Протокол № 9..., 1905, с. 151]. Отметим, что, по всей видимости, речь здесь идёт как раз об Иване Степановиче Назарове, упоминавшемся выше. Члены ОУАК *«с крайним интересом»* выслушали рассказ Аничкова и постановили *«направить внима-*

1

2

Рис. 5. Карты и космоснимок местности вокруг оз. Эбелей/Джеменей. 1 – карта земель Оренбургского, Уральского и Башкирского казачьих войск. Масштаб: в 1 английском дюйме 50 верст. Атлас земель иррегулярных войск. 1858 г.; 2 – специальная карта Европейской России. Масштаб 1:420000. СПб., Управление военных топографов, 1873, лист 145 (карта И. А. Стрельбицкого); 3 – специальная карта Европейской части СССР. Масштаб 1:420000. М., Управление военных топографов РККА, 1937, лист 145 (карта И. А. Стрельбицкого); 4 – космоснимок местности вокруг оз. Эбелей/Джеменей по состоянию на июль 2017 г. Использована программа Google Earth Pro 7.1.8

ние Самойлова главным образом на доставку Комиссии сведений по археологии», предпочитая, тем самым, «умело эксплуатировать его, не допуская его до раскопок» [Протокол № 9..., 1905, с. 154]. Трудно сказать, насколько увенчался успехом этот замысел ОУАК, однако после 1903 г. известия об археологической активности Самойлова отсутствуют.

Краткие упоминания о деятельности Самойлова есть в труде И. А. Кастанье [Кастанье, 1910, с. 67].

Сведения, полученные при расспросах Самойлова и из его личных обращений в ИАК, позволяют восстановить общую картину и детализировать данные о проведенных им грабительских раскопках.

В 1898–1899 гг. Самойлов раскапывал курганы в долине, расположенной приблизительно в 4 верстах от соляного промысла на оз. Ургач (Уркач) в Тусумской волости Тургайской области* [*Видимо, речь идет об озере Уркаш (каз. Оркаш), современная административная принадлежность которого: Камыстинский р-н, Костанайской обл. – прим. ред.] (рис. 4, 1, 2) Всего в этой местности Самойлов нашёл и разрыл восемь курганов. Возможно, он уничтожил небольшой могильник эпохи раннего средневековья, что можно предполагать на основании его «стратиграфических» описаний и постоянных упоминаний золы и угля в насыпях [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 2, 2 об.].

Заметная тщательность описаний (вероятно, наследие промыслового прошлого) характера насыпей раскопанных курганов, данных Самойловым в письме в ИАК, позволяет, в какой-то мере, реконструировать их стратиграфию. Общим для ограбленных им курганов было наличие крупного камня на вершине насыпи, пятна «залива каким-то жидким материалом» (глина/сырцовый раствор?) внутри насыпи, а также присутствие в ней значительных слоёв костей, золы и угля. При этом локализовать место его «разработок» можно лишь с большой долей условности. Тем не менее, имеет смысл привести наиболее подробную часть «стратиграфических» описаний Самойлова, чтобы составить хотя бы какое-то представление об этой курганной группе.

Курган № 1. «Сверх земли навалены огромные кости, приблизительно от 500 до 800 пудов, под ними в глубину 8 арш[ин] золы и угля».

Курган № 2. «Сверх земли камень большой величины 2 и ½ арш[ина], навал земли как видно привезён из горы, золы 4 арш[ина] и угля 5 арш[ин], ниже этого залив каким-то жидким материалом и последний сверху слой в ¼ арш[ина], как видно глянec вишнёвый, а ниже этого слоя ещё 2-ой слой которого глянec подобен разного цвета радуги, а что ниже не смог определить и добиться в песке».

Курган № 3. «Сверх земли огромный камень и под ним земля и песок который как навозенный, затем зола и уголь слой 8 арш[ин] и [нрзб] 3 арш[ина] и залив крепкий».

Курган № 4. «Земля и камень вышины 2/3 арш[ина]» [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 2 об.].

Вероятно в те же годы Самойлов раскапывает один из трёх курганов у «оз. Ебелея» (рис. 5, 1–4). Согласно его собственным описаниям, эта курганная группа находилась в 120 верстах от г. Кустаная, на горе, и в 6 верстах от оз. Эбилея (оно же, оз. Джимена/Джеменей на ряде старых карт) [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 3].

Всё, что известно о кургане — это то, что его земляная насыпь составляла в высоту 7 аршин. С этим курганом Самойлову повезло — в ходе раскопок кладоискатель нашел две золотые вещи (их рисунки были приложены Самойловым к письму, но в ИАК, по какой-то причине, не попали [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 7 об.]) весом по два золотника и 64 доли и каменная «треножка», которую невозможно было разбить, из-за чего Самойлову показалось, что она сделана из металла.

Найденные вещи Самойлов, по его словам, «передал» некоему Павлу Степановичу Назарову [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 7 об.]. Ещё как минимум одну золотую вещь, кладоискатель успел продать золотопромышленнику Егору Ермолаевичу Подвинцеву

[НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 4]. Можно предположить, что последнего находка Самойлова заинтересовала как косвенное доказательство наличия золота в этой местности.

Помимо результатов собственных «разработок» крестьянин Самойлов приводит в письме в ИАК некоторые известные ему факты грабительских раскопок, производившихся в Тургайской области и в Оренбургском крае в конце XIX в.

Так, по его сведениям, в кургане около оз. Эбилея «киргизами и русскими найдены серебряные драгоценные вещи» весом 9 фун[тов] и русскими проданы по 18-ти руб[лей] за фунт». Около 1896 г. у аула Батыш, в 11 верстах от оз. Эбилея киргизом Батышем была найдена кольчуга, шлем и две монеты. Примерно в 1893 г. в окрестностях того же озера местные киргизы из пос. Бора-Уржумка нашли два меча с драгоценными камнями и продали камни в Ташкент [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 3, 8]. В 75 верстах от г. Кустаная неким киргизом Нурулетом было раскопано четыре кургана «с кирпичными сводами» [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 3, 8].

1901 год

1. ИАК продолжает выяснять обстоятельства и результаты самовольных раскопок крестьянина Самойлова в Тургайской области. К 1901 г. относится целый ряд документов: переписка с уфимским губернатором [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 7–8, 11, 12]; переписка с покупателями вещей, добытых Самойловым [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 9, 10, 15–17, 19, 23, 24, 27, 28]; военным губернатором Тургайской области [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 13]; с самим Самойловым [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 14, 18]. Переписка позволила выяснить несколько любопытных фактов.

По неизвестной причине, в своем первом письме крестьянин неправильно указал имя одного из новых владельцев вещей, назвав загадочного Павла Степановича Назарова [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 3]. Более того, уфимский губернатор также ввел в заблуждение сотрудников ИАК, так как указал в качестве того же покупателя — Ивана Семёновича Назарова, содержателя соляных промыслов из г. Ново-Николаева Тургайской области [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 8–9]. На деле же, загадочным Павлом Степановичем/Иваном Семёновичем Назаровым оказался уже известный нам помощник присяжного поверенного **Иван Степанович Назаров** [НА ИИМК РАН, РО ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 15]. Осуществлённые ИАК разыскания дали основание направить ему письмо с предложением выслать приобретенные вещи в Петербург для ознакомления с ними Комиссии и доследовать раскопанные Самойловым курганы в урочище Уркач. В том же году Назаров выслал купленные вещи в Петербург [НА ИИМК РАН, РО ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 9, 15–17, 19, 20–24, 28]. Написанное ИАК письмо Подвинцеву [НА ИИМК РАН, РО ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 10], осталось без ответа.

Из документов, содержащихся в деле, ясно, что Самойлов нашёл и продал Назарову и Подвинцеву следующие вещи: «серп (месяц)»; «металлический треножник», «две золотые вещи... представляющие из себя изображение лица человека» (найжены в Тургайской области, у солёного озера Эбилея, рядом с аулом Сазды), «костяная стрела» (найжена рядом с Миасским заводом), «трубочка с головкой сайгака» (найжена в Данбарской волости Кустанайского уезда Тургайской области) [НА ИИМК РАН, РО ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 8, 24, 31].

Часть древностей, полученных от Назарова, была опубликована в Отчёте ИАК за 1901 г. [Отчёт ИАК за 1901 г., 1903, с. 143, рис. 256, 257]. Информация об остальных отложилась в виде стеклянных негативов в ФО НА [НА ИИМК РАН, ФО, нег. II 26724, II 26579, II 26580]. После фотографирования в Эрмитаж был передан «золотой наконечник» (с головкой сайги), а в Российский исторический музей – каменное блюдо, костяной наконечник стрелы, «медный предмет в виде серпа» [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1895, д. 293, л. 258 об.–259; ф.1, оп.1, 1900, д. 257, л. 34–37] (рис. 6).

Вещи, сфотографированные в ИАК, однозначно указывают на то, что Самойлов раскопал какие-то курганы «савроматского» круга, с захоронениями конца первой половины – середины I тыс. до н. э.

2. Открытый лист на право проведения раскопок в пределах с. Уркач, Тусумской волости Тургайского уезда и области, и в пределах г. Тургая выдан помощнику присяжного поверенного **Ивану Степановичу Назарову** [НА ИИМК РАН, РО ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 20–22]. Именно Назарову продал крестьянин Самойлов (см. выше) некоторые из обнаруженных им при «раскопках» вещей.

Рис. 6. Древности, добытые крестьянином И. П. Самойловым, при грабительских раскопках на оз. Эбилей и собранные в других местах [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 28]

Воспользоваться в полной мере открытым листом на право проведения раскопок в пределах с. Уркач, Тусумской волости Тургайского уезда и области, и в пределах г. Тургая Назарову не удалось [НА ИИМК РАН, РО ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 20–22]. Он лишь начал докапывать «испорченный» Самойловым курган на Уркаче, но закончить это предприятие ему помешала болезнь и сессия Окружного суда [НА ИИМК РАН, РО ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 23 об., 24]. Однако в окрестностях г. Тургая исследователь был удачливее. Согласно отчету, к югу от г. Тургая он нашел ранее поваленную киргизами каменную бабу. Назаров готов был отправить её в ИАК, однако последняя попросила отправить в Петербург только фотографию стелы, а само изваяние доставить в Оренбургскую архивную ученую комиссию [НА ИИМК РАН, РО ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 23 об., 25, 25 об.]. По какой-то причине фотография «бабы» была отправлена в ИАК только в 1903 г. [НА ИИМК РАН, РО ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 32]. Выявить её пока не удалось.

У А. В. Попова и И. А. Кастанье никаких сведений о раскопках И. Назарова

по Открытому листу ИАК не имеется. По всей видимости, ОУАК стало известно об интересе И. Назарова к древностям Тургайской области только из рассказа И. В. Аничкова два года спустя (см. выше).

3. От ОУАК в ИАК поступает «медный бурхан» – статуэтка бодисатвы Авалокитешвары (рис. 7), найденная у сопки Ак-Карча на берегу р. Тобол в Тургайской области в 1900 г. Определение изображённого персонажа было сделано С. Ф. Ольденбургом [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, 1901, д. 93, л. 1, 2; ФО, нег. II 26475]. После фотографирования статуэтка была отправлена обратно в адрес ОУАК [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1895, д. 293, л. 235 об.–236; ф. 1, оп. 1, 1901, д. 93, л. 5].

Вместе с «бурханом» ОУАК прислала краткую записку об исторических преданиях и местных названиях, связанных с группой «сопок» на р. Тобол, рядом с которой была найдена статуэтка [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1901, д. 93, л. 3, 3об.].

1902 год

1. В ИАК снова поступило прошение от крестьянина *Ивана Павлова Самойлова*. В этот раз кладоискатель просил дозволения провести раскопки «*громадных размеров кургана*» вблизи г. Троицка Оренбургской губернии. ИАК категорически отказывает Самойлову в праве на проведение работ и уведомляет о кургане ОУАК и Кустанайское городское полицейское управление [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1902 г., д. 89, л. 6–9 об.]. Позднее Самойлов повторяет свой запрос, но наряду с ним отправляет в ИАК посылку с некоторыми вещами: «*шишаком*» и «*осколком от меча*», которые по его словам были найдены вместе с предметами, присланными по запросу ИАК И. С. Назаровым, в Данбарской волости Кустанайского уезда Тургайской области [НА ИИМК РАН, РО ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257, л. 30, 31]. К сожалению, изображений «шишака» в фондах НА выявить не удалось. В книге поступлений ИАК отмечено, что от крестьянина Самойлова поступили семь обломков железных предметов. Информация о дальнейшей судьбе этих обломков отсутствует [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1895 г., д. 293, л. 297 об., 298].

2. Открытый лист на право проведения раскопок в пределах Кустанайского уезда Тургайской области выдан ОУАК. По решению ОУАК этот лист был передан её действительному члену, топографу *Александру Леонтьевичу Аниховскому* [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1902 г., д. 89, л. 15]. Никаких сведений о результатах работ Аниховского в 1902 г. в НА не имеется. Статья Аниховского о раскопках в Кустанайском уезде была опубликована позднее в трудах ОУАК [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1902 г., д. 89, л. 14].

Из текста статьи следует, что в 1902 г. он не раскапывал курганы, а приступил к их изучению только в 1903 г. [Аниховский, 1905б, с. 67].

3. По всей видимости, в 1902 г. помощник присяжного поверенного *И. С. Назаров* попытался продолжить начатые годом ранее работы в Тургайском уезде, правда, без получения нового Открытого листа. Об этом свидетельствует телеграмма товарища председателя ОУАК А. В. Попова в ИАК в июле 1902 г. с запросом о том, было ли выдано разрешение И. С. Назарову, который раскапывает курганы в

Рис. 7. «Медный бурхан» — статуэтка бодисатвы Авалокитешвары, найденная у сопки Ак-Карча на берегу р. Тобол в Тургайской области [НА ИИМК РАН, ФО, нег. II 26475]

Тургайской области. На эту телеграмму ИАК ответила, что «*Нынешний год Назарову разрешений не выдавалось*» [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1902 г., д. 89, л. 5]. Никаких иных сведений о работах И. Назарова в 1902 г. в НА нет.

4. ВИАК поступает фотография «головой каменного истукана», найденной в Быстюблинской* [*Видимо, Бестюбинской – прим. ред.] волости Кустанайского уезда Тургайской области [НА ИИМК РАН, ФО, отп. Q 512/17]. По сведениям первого публикатора, Н. И. Булычёва, это изваяние стояло на кургане [Булычёв, 1902, с. 28, табл. XII, 1, 1а]. В начале XX в. голова хранилась в Уфимском губернском музее [Булычёв, 1902, с. 28, табл. XII, 1, 1а].

1903 год

1. Открытый лист на право проведения раскопок в пределах Кустанайского и Актюбинского уездов Тургайской области выдан ОУАК. Непосредственно держателем листа указан всё тот же действительный член ОУАК, топограф Тургайской межевой партии **А. Л. Аниховский** [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1902 г., д. 89, л. 16; 1903 г., д. 47, л. 5, 7, 8]. Из сопроводительной записки от ОУАК, написанной несколько лет позднее, в связи с возвратом оригиналов открытых листов, ясно, что Аниховский проводил работы по этому листу [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1902 г., д. 89, л. 14, 14 об.], однако отчёта в ИАК он не представил. При этом ОУАК извещает ИАК, что отчёты о работах Аниховского за 1902–1904 гг. опубликованы в трудах ОУАК [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1902 г., д. 89, л. 14, 14 об.].

Действительно, развёрнутый отчёт Аниховского об исследовании двух курганов в урочище Жангыз-Агаш в Тереклинской волости Актюбинского уезда, правда, без приложения каких-либо иллюстраций, был опубликован в 14 томе Трудов ОУАК в 1905 г. [Аниховский, 1905б]. Краткие сведения об этих работах размещены в обзорах А. В. Попова и И. А. Кастанье [Попов, Кастанье, 1906, с. 221–223; Кастанье, 1910, с. 66–67].

2. Открытый лист на право проведения раскопок в пределах Тургайского уезда Тургайской области выдан ОУАК на имя её действительного члена, крестьянского начальника 2 участка Тургайского уезда **Александра Ивановича Добросмыслова** [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1903 г., д. 47, л. 1–4]. Отчёт в ИАК не поступал, поэтому сведений о раскопках Добросмыслова в НА нет. Нет данных о его работах и у А. В. Попова и И. А. Кастанье. Вероятно, они не проводились.

1904 год

Четыре открытых листа на право проведения раскопок в пределах Тургайской и Уральской областей были выданы ИАК по просьбе ОУАК [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1902 г., д. 89, л. 18–20; НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1904 г., д. 73, л. 9–12]. ИАК и ранее выдавала листы на имя ОУАК, которая, затем, сама препоручала одному из действительных членов право ведения раскопок. Известен социальный состав предполагаемых держателей листа – их имена и должности перечисляются в запросе ОУАК: действительные члены комиссии, старшие топографы **Павел Яковлевич Рыбаков**, **Александр Герасимович Пославишин**, **Август Андреевич Цельмин** и учитель французского языка Оренбургской мужской гимназии **Иосиф Антонович Кастанье** [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1904 г., д. 73, л. 9].

Три листа оказались не востребованными и были возвращены только через три года, о чём ОУАК и уведомляет ИАК в записке от 17 февраля 1907 г. [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1902 г., д. 89, л. 14]. Один из листов был возвращен, видимо, ещё в 1904 г. [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1904 г., д. 73, л. 11], возможно по нему работал Кастанье, так как в деле, в связи с его фамилией, имеется пометка о том, что отчёт о раскопках опубликован в трудах ОУАК [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1904 г., д. 73, л. 9]. Отчёта о работах по этому листу в НА нет. Вместе с тем, подробная информация о работах Кастанье в 1904 г. размещена в трёх выпусках Трудов ОУАК [Кастанье, 1905, с. 187–199; 1906, с. 223–224; 1910, с. 67–68]. В двух последних из указанных

изданий информация носит краткий обобщающий характер. Согласно данным публикациям, Кастанье работал в Актюбинском уезде, где раскапывал курганы и пещеру на р. Чийли и курганы на реках Жаман-Каргалы и Жаксы-Каргалы [Кастанье, 1910, с. 67–86].

1905 год

Два открытых листа на право проведения раскопок в пределах Оренбургской губернии и Тургайской области были выданы ИАК действительным членам ОУАК – преподавателю Неплюевского кадетского корпуса *Арману Петровичу Гра* и горному инженеру *Сергею Аристарховичу Подьяконову* [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1905 г., д. 87, л. 1–4, 6]. Никакой информации о раскопках упомянутых членов ОУАК в Тургайской области в НА не выявлено.

Из сообщения председателя ОУАК А. В. Попова о раскопках членов комиссии в Оренбургской губернии становится ясно, что и Гра, и Подьяконов были в 1905 г. заняты раскопками курганов на Бердинской горе и, очевидно, по этой причине, не проводили работ в Тургайской области [Попов, 1906б, с. 202]. В следующий раз их имена встречаются в обращении ИАК к ОУАК только в марте 1908 г. Поводом стала подготовка ИАК ежегодного отчета о своей деятельности за 1905 г., а причиной – отсутствие возвращенных открытых листов и отчетов.

1906 год

Два открытых листа на право производства раскопок в Тургайской области и Оренбургской губернии были выданы ИАК по запросу ОУАК. Один из них получил уже упоминавшийся преподаватель Оренбургской мужской гимназии *И. А. Кастанье* [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1906 г., д. 49, л. 10], а другой – производитель работ Тургайской партии, *Михаил Васильевич Шкунов* [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1906 г., д. 49, л. 11]. Отчётов Кастанье и Шкунова в НА не имеется.

Об исследованиях Шкунова ничего не упоминается ни в труде Кастанье [Кастанье, 1910], ни в протоколах ОУАК за соответствующий год, из чего можно заключить, что он работ не проводил.

Подробный отчёт Кастанье помещён в Трудах ОУАК [Кастанье, 1908, с. 102–116], а его сокращённая версия представлена в “Древностях киргизской степи...” [Кастанье, 1910, с. 68–69]. Из них следует, что он снова работал на р. Жаксы-Каргалы, где исследовал шесть курганов [Кастанье, 1910, с. 68–69]. Важно, что подробную версию отчёта Кастанье дополняют качественно сделанные иллюстрации: план могильника, виды раскопанных курганов, планы погребений и изображения отдельных вещей [Кастанье, 1908, табл. между сс. 104–105 и 112–113 – практически уникальный случай в работах членов ОУАК.

1907 год

Три открытых листа на право проведения раскопок в пределах Оренбургской губернии и Тургайской области были отправлены ИАК в адрес ОУАК по её просьбе [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, 1907 г., д. 46, л. 1, 14–16]. Судя по отсутствию в листах имён их держателей, они не были востребованы и раскопки не проводились. Это подтверждается и запиской ОУАК, отправленной в 1908 г. вместе с этими листами в ИАК [ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1908 г., д. 45, л. 2].

1908 год

1. 28 марта 1908 г. общее собрание членов ОУАК обратилось в ИАК с просьбой «командировать кого-либо» для раскопок курганов в Оренбургской губернии и Тургайской области летом 1908 г., ссылаясь на имевшийся прецедент – работы Н. Е. Макаренко, проводившиеся летом 1903 г. в Орском уезде Оренбургской губернии по поручению ИАК [НА ИИМК РАН. РО, ф. 1, оп. 1, 1908 г., д. 45, л. 1; Протокол № 9..., 1905]. ИАК ответила отказом, мотивировав невозможность откомандировать кого-либо на подобные раскопки «недостаточностью своих средств» [НА ИИМК РАН. РО, ф. 1, оп. 1, 1908 г., д. 45, л. 3].

2. И. А. Кастанье кратко упоминает о том, что 22 апреля 1908 г. на заседании ОУАК было доложено о раскопках **А. Л. Аниховским** кургана «Сара-уба» в Кустанайском уезде у пос. Давыденковского [Кастанье, 1910, с. 69–70]. Никакой информации об этих работах, в том числе Открытого листа на имя Аниховского за 1907 или начало 1908 года в НА нет. Отсутствует более подробная информация и в Трудах ОУАК.

1909 год

Никаких документов об археологических изысканиях в Тургайской области в этом году в НА не выявлено. Однако в 23 томе Трудов ОУАК помещён отчёт **И. А. Кастанье** об исследовании большого кургана на берегу р. Жаман-Каргала в окрестностях г. Актюбинска [Кастанье, 1911, с. 72–76]. Краткое описание было дано автором раскопок ещё в книге 1910 г. [Кастанье, 1910, с. 70]. Судя по описанию, им было раскопано погребение эпохи раннего средневековья, впущенное в более ранний курган.

1910 год

Открытый лист на право проведения раскопок в пределах Кустанайского уезда Тургайской области выдан действительному члену ОУАК **Дмитрию Ивановичу Панкову** [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1908 г., д. 45, л. 11–16, 27]. Каких-либо сведений о раскопках Панкова в НА обнаружить не удалось.

В следующем, 1911 г., в 23 томе Трудов ОУАК была издана заметка Д. Панкова о грабительских раскопках переселенцев, разрушивших ещё весной 1908 г. курган у пос. Адамовского в Кустанайском уезде [Панков, 1911]. Из протоколов заседаний ОУАК становится ясно, что доклад Панкова был представлен Комиссии председателем ОУАК А. В. Поповым ещё осенью 1909 г. [Отчёт о деятельности..., 1911, с. 271]. Вероятно, после этого наблюдательный Панков попал в орбиту интересов ОУАК и получил с её помощью разрешение на раскопки. Любопытно, что в списках действительных членов ни в этот, ни в последующие годы он не числится, а в начале Отчёта упомянут как «гость» [Отчёт о деятельности..., 1911, с. 271].

1911 год

Открытый лист на право проведения раскопок в пределах Кустанайского уезда Тургайской области выдан преподавателю истории Кустанайского реального училища **Николаю Павловичу Куборскому** [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1911 г., д. 80, л. 1–5]. Цель предполагавшихся работ — археологические разведки и раскопки курганов «киргизской степи Кустанайского уезда». Исследования должны были проводиться в рамках весенних и летних экскурсий для учеников реального училища и при их помощи.

К сожалению, данные о раскопках Куборского, имеющиеся в НА, крайне скупы, на что в своё время обратили внимание и члены ИАК. Из отчёта следует, что в 8 верстах от г. Кустаная Куборским была исследована верхняя часть «*кургана очень больших размеров*» усеченной формы, высотой в 4,5 сажени. Под конструкцией из жердей типа шатра он обнаружил «*костяк в сидячем положении*» без сопровождающих предметов (рис. 8). В отчёте имеется крайне схематичный рисунок — разрез раскопанного объекта [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1911 г., д. 80, л. 6, 9].

Приведём более подробные данные о раскопках Куборского. В ходе раскопок кургана на глубине 1 сажени от верха насыпи им были обнаружены остатки тлена деревянной конструкции шатрового типа из березовых палок. Под навесом, на глубине 1 сажени и 1,5 аршинов, располагалась могила, где был обнаружен скелет человека «*в сидячем положении*», обращённый «*головой на запад, а ногами на север*». Погребённый был определён Куборским как «*мужчина большого роста, с выдающимися скулами*». Вещей в могиле не было. Скелет покойного был передан раскопщиком на хранение в Кустанайское реальное училище [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1911 г., д. 80, л. 6, 9].

Краткий отчёт на одном листе сопровождается рисунком-схемой, судя по которому Куборским было исследовано впускное захоронение в насыпи кургана [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1911 г., д. 80, л. 6, 9].

Крайне непросто оказалось получить от Куборского отчёт о работах и Открытый лист. К осени 1911 г. он был переведён в другое училище, в г. Юхнов Смоленской области. Длительная переписка между ИАК, бывшим и нынешним директором Куборского всё же привела к тому, что Открытый лист и отчёт о раскопках были отправлены в Петербург [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1911 г., д. 80, л. 7–12]. Чрезвычайная лаконичность отчета побудила ИАК запросить более расширенный его вариант, с дополнительными *«горизонтальными и вертикальными чертежами»* [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1911 г., д. 80, л. 12]. По всей видимости, Куборский этого не сделал, так как никакой иной версии его отчёта в РО НА нет.

В сопроводительной записке к своему отчёту Куборский просил выдать ему новый Открытый лист, уже на 1912 г. для раскопок на своей родине, в Черниговской губернии, а также в Юхновском уезде. Это прошение было поддержано в обращении в ИАК нового начальника Куборского, заведующего частным учебным заведением с курсом реальных училищ г. Юхнова Смоленской губернии [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1911 г., д. 80, л. 9, 11]. Сведений о выдаче нового листа Куборскому не обнаружено. Вероятно, ИАК решила не поощрять работы столь необязательного раскопщика.

1912 год

1. К этому периоду относится переписка ОУАК и ИАК относительно выдачи открытых листов на раскопки в пределах Оренбургской губернии и Тургайской области [НА ИИМК РАН. РО, ф. 1, оп. 1, 1908 г., д. 45, л. 27–31]. Начинается она с просьбы ИАК о присылке отчёта о раскопках, проведённых Д. И. Панковым ещё в 1910 г. [НА ИИМК РАН. РО, ф. 1, оп. 1, 1908 г., д. 45, л. 27]. Мы уже писали о том, что ОУАК регулярно запрашивала разрешения на раскопки, а вот отчёты о проведённых исследованиях публиковала в своих трудах. В рукописном же виде в ИАК отчёты по листам, выданным ОУАК, практически не поступали. Несмотря на это, ИАК продолжала выдавать открытые листы как самой ОУАК, так и конкретным её действительным членам.

В 1912 г. ОУАК году снова обращается в ИАК с просьбой о выдаче открытых листов на право проведения раскопок сначала только в Оренбургской губернии, а затем уже и в Тургайской области [НА ИИМК РАН. РО, ф. 1, оп. 1, 1908 г., д. 45, л. 28, 30]. В двух ответных обращениях ИАК безуспешно пытается выяснить, где именно будут производиться раскопки, что собираются копать члены ОУАК и кто именно [НА ИИМК РАН. РО, ф. 1, оп. 1, 1908 г., д. 45, л. 29, 31]. ОУАК смогла сообщить только то, что *«раскопки курганов и городищ будут производиться летом сего 1912 года в пределах Оренбургской губ[ернии] и Тургайской области»* и что *«исследования эти будут поручены составу Архивной Комиссии, т. е. Председателю, Товарищу председателя и членам»* [НА ИИМК РАН. РО, ф. 1, оп. 1, 1908 г., д. 45, л. 30]. Данных о выдаче Открытых листов ОУАК в НА нет.

2. Предположительно в этом же году Открытый лист на право проведения раскопок в Кустанайском уезде Тургайской области был выдан директору Кустанайского реального училища **В. Петрову**, бывшему начальнику Куборского (в НА оригинал листа отсутствует). Об этом свидетельствует его краткий отчёт о раскопках в Карабалыкской волости Кустанайского уезда Тургайской области, предоставленный в ИАК в 1912 г. [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1911, д. 80, л. 13, 14–14 об, 16].

Петров провёл раскопки кургана на могильнике, пострадавшем от деятельности *«киргизов, искавших клад»*. В отчёт он поместил достаточно внятный схематический план раскопанного кургана и всего могильника, расположенного примерно в 60 верстах от г. Кустаная и 20–25 верстах от Васильевского поселка Карабалыкской волости (рис. 9, 1, 2), и план погребальной конструкции. В исследованном кургане Петровым был обнаружен склеп из сырцового кирпича,

Отчет

Много была произведена раскопка кургана, находящегося в 8 верстах от г. Кустаная Турганской области. Кургана очень большого размера и имеет вид усеченного конуса. Высота в центре ее половинного саженя. На глубине одной сажени в заметных признаках березового дерева, обнаруженных в почве. Палки были сложены в виде кавказа, вверху соединены в одной точке, а внизу расширены в стороны.

Этот кавказ из дерева был расположен над могилой, в которой много была найдена костышек в сидурем колосеим голового на западе а носами на отвесе. Могила находилась на глубине 1 сажени в Кавказе.

Судя по величине костей, можно сказать, что это была мужская большого роста, с выдающимися скулами. Предметов никаких не найдено. Костышек найдены при Кустанайском развалинах урочища.

Рис. 8. Отчет преподавателя истории Н. П. Куборского о раскопках кургана у г. Кустаная в 1911 г. [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1911 г., д. 80, л. 6]

в котором он открыл погребение взрослого и подростка в сопровождении «горшка с золою» [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1911, д. 80, л. 14 об.].

На основании подробного описания Петрова можно составить довольно ясное впечатление о курганном могильнике и исследованном им кургане. Могильник состоял из семи «кольцевидных» курганов, шесть из которых, примерно равного диаметра — около 3 сажений, были расположены компактной группой, а один, наиболее крупный, до 10 сажений в диаметре, — в 20 сажнях к юго-востоку (рис. 10). Петров отмечает и другие курганы, зафиксированные им по дороге к «Шшик[овскому?] посёлку», на запад от могильника: «меньшие курганы в расстоянии 40–50 сажений друг от друга на протяжении 8 верст». А в самом упомянутом посёлке он насчитывает 12 курганов [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1911, д. 80, л. 14].

Петров выбрал для раскопок курган, отмеченный на его плане буквой «К», который около 25 лет назад разрушили киргизы, пытаясь отыскать там клад. Обратим внимание на то, что по сведениям Петрова, киргизы не воспринимали этот курган как «мазарку» из-за того, что находили на его поверхности куски угля и фрагменты кирпича, который они сами не изготовляли, до того момента, пока не наткнулись на кости и прекратили поиски клада.

Судя по отчёту, Петров вёл раскопки «радиальными секциями», что представляется весьма прогрессивным для раскопок того времени. Ему удалось проследить «яму» глубиной в 1 сажень «в форме прямоугольного параллелепипеда», а основание конструкции представляло собой «квадрат, со стороной 1,9 сажени» (рис. 11). Толщина «стен из глины», покрытых «плашмя кирпичом и залитых раствором» составляла 13,5 и 15,25 вершков. Зафиксировал он и размеры «кирпича»: 1,5, 5,25 и 6,5 вершков. Кроме того, Петров упоминает, что в результате предыдущих грабительских раскопок были разрушены стены с северо-западной стороны. Зато в северо-восточной половине сохранились следы деревянного настила и какой-то глиняной конструкции, расположенной изнутри, в СВ углу. В этой же стороне, почти на дне сооружения, исследователь обнаружил кости двух скелетов — взрослого и подростка, с «продолговатыми черепами» [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1911, д. 80, л. 14 об.].

По рассказам киргизов, которые приводит Петров, в могиле находились две «печи» (ниши?): в одной был найден горшок с золой, в другой — скелет мальчика. Над скелетами располагались доски и был «устроен свод». Последнее подтвердилось в ходе раскопок — Петрову попадались остатки гнилого дерева [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1911, д. 80, л. 16].

Отвечая на вопрос Петрова о значении добытых им сведений, ИАК обращает внимание на недостаточную подробность отчета в той части, где приводятся данные о сырцово-каменной камере, а «по многочисленным известным аналогиям» относит исследованное им погребение к «татарской поре» [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1911, д. 80, л. 15].

1913 год

Открытый лист на право проведения раскопок в пределах Иргизского уезда Тургайской области выдан титулярному советнику **Нилу Михайловичу Петровскому** [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1913 г., д. 357, л. 1–4 об.]. В РО НА имеется достаточно подробный отчёт Петровского о раскопках группы курганов в урочище Тибис-сор (рис. 12, 1, 2) в Иргизском уезде [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1913 г., д. 357, л. 5–9]. Отчёт сопровождается тщательными описаниями места расположения могильника, процесса работы, а также подробными планами местности (рис. 13) и исследованного могильника (рис. 14), присутствуют фотографии (рис. 15) процесса раскопок [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1913 г., д. 357, л. 6–9, 11–16]. При обмерах Петровским использовалась принятая сегодня метрическая система.

Титулярный советник Петровский, проживавший в столице Российской империи, был приписан к главному Управлению землеустройства и земледелия, а по роду своей работы производил гидрологические изыскания в степных областях. Для археологии он был не новым чело-

1

2

Рис. 9. Карта и космоснимок местности в Карабалыкской волости в округе Васильевского и Шижковского пос. 1 – карта Казахской АССР. Масштаб 1:2000000. Л., ГГУ ВСНХ СССР, 1931; 2 – космоснимок местности в Карабалыкской волости в округе Васильевского и Шижковского пос. по состоянию на июль 2017 г. Использована программа Google Earth Pro 7.1.8

Курганы расположены в виде правильного пятиугольника, в центре которого находится место кургана. Курганы концевидные, в диаметре около 3 саг.; схематический чертеж расположения таков:

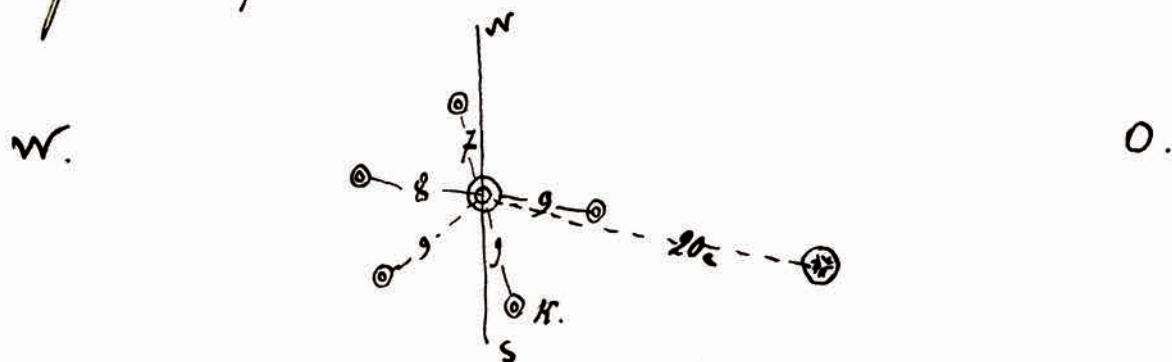

Рис. 10. План могильника в Карабалыкской волости Кустанайского уезда Тургайской области из отчёта о раскопках 1912 г., проведённых директором Кустанайского реального училища В. Петровым [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1911 г., д. 80, л. 14]

веком: еще в 1903–1904 гг., при проведении гидрологических исследований в Акмолинской области он раскапывал курганы в урочищах Танык и Кара-Агач. Найденные вещи, а также описания местности, курганов и раскопок, он тогда передал горному инженеру А. Козыреву, который опубликовал в изданиях ИАК статью под названием «Раскопки кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда» [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1913 г., д. 357, л. 6, 7].

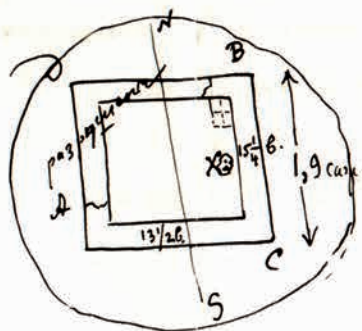
Во время очередной командировки, в 1913 г., Петровский решил раскопать курганы в Иргизском уезде около оз. Тибис-сор, в одноименном урочище. Всего он зафиксировал семь курганов, с севера и востока ограниченных озером. При этом шесть из них занимали высокую площадку, а ещё один курган находился за оврагом. Курганы имели различные размеры и, за исключением только двух из них, несли на себе следы более ранних раскопок. За неделю (с 6 по 13 июня) Петровский раскопал три кургана [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1913 г., д. 357, л. 7].

Приведём описания исследованных им памятников, основываясь на данных отчёта.

Курган № 1. Насыпь кургана состояла из суглинка и имела в основании округлую форму. Её диаметр составлял 16,5 м, а высота — 1,1 м. В центре находилась грабительская воронка. В ходе исследования, под насыпью была обнаружена яма круглой формы диаметром 2,5 м и глубиной 1,9 м. Согласно описанию Петровского, в верхней части стенок ямы фиксировался суглинок (1 м), а в нижней — песок (0,9 м). Находок обнаружено не было [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1913 г., д. 357, л. 7].

Курган № 2 располагался в 218 м на ЮЮВ от кургана № 1. Диаметр насыпи составлял 11 м, а высота — 1,5 м. Под насыпью обнаружена яма, ориентированная по оси З–В. Её длина была 0,8 м, ширина — 0,7 м, глубина — 1,2 м. Несмотря на отсутствие следов ранее проводившихся раскопок, вещественных и антропологических находок не было обнаружено [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1913 г., д. 357, л. 7, 8].

картину:

Яма, глубиною 1 саж., — прямоуг. параллелепипед; в основании квадрат; сторона = 1,9 саж. толщина стен 13 1/2 и 15 1/4; стена из кирпича, сверху покрыта плашью кирпича и жемчужа раствором.

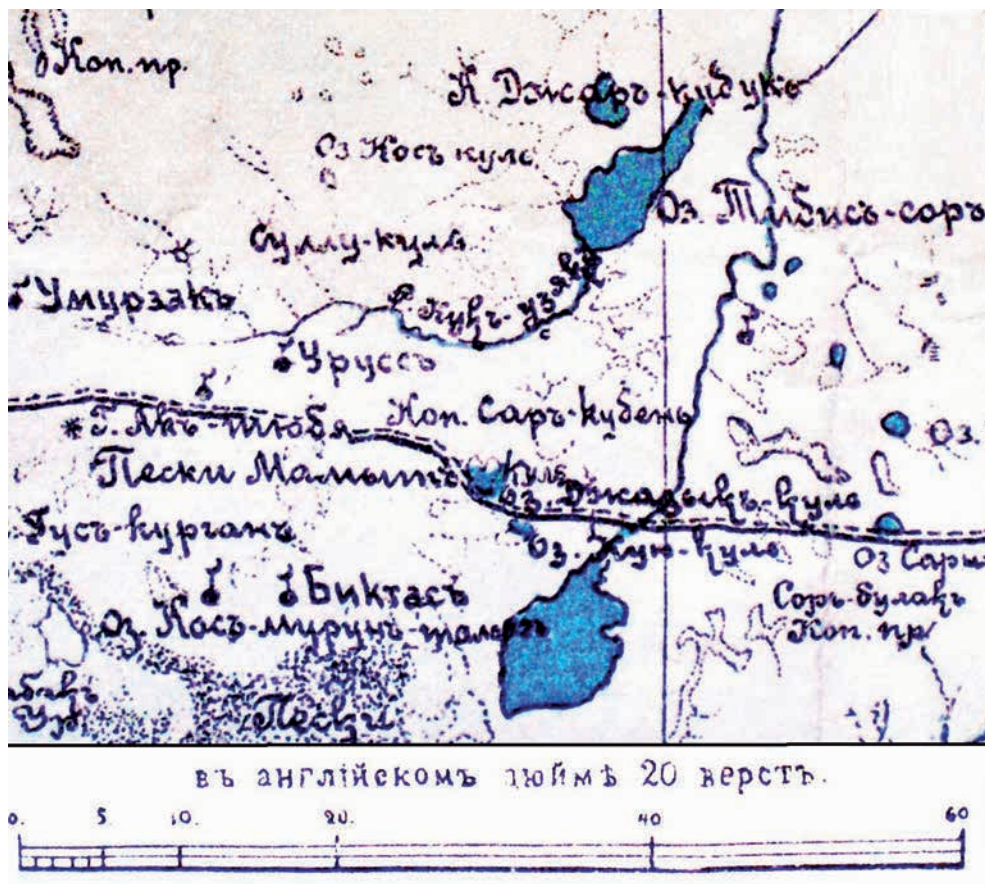
Рис. 11. План кургана «К» на могильнике в Карабалыкской волости Кустанайского уезда Тургайской области из отчёта о раскопках 1912 г., проведённых директором Кустанайского реального училища В. Петровым [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1911 г., д. 80, л. 14 об.]

Курган № 3 находился в 196 м на юго-запад от кургана № 2. Диаметр насыпи — 28,5 м, высота — 2 м. Вокруг насыпи прослеживался ров. При её исследовании, на глубине штыка лопаты были выявлены следы грабительских раскопок канавой в направлении с севера на юг, доходившей до уровня древнего горизонта. На этом уровне была выявлена могильная яма квадратной формы с длиной стороны 3,5 м. У дна, на глубине 5 м, яма сужалась и приобретала прямоугольные очертания. Длина по оси 3–В составляла 2,8 м, в ширину — 1,5 м. Стратиграфия, зафиксированная в стенках ямы, показала, что сверху вниз древними строителями были прорезаны суглинки (1 м), песок (2 м), бурый песчаник (1,5 м) и вновь песок (0,5 м).

В заполнении западной части могильной ямы, на глубине 1,8 м, была найдена челюсть верблюда, ниже — фрагменты обожженной и сырцовой глиняной посуды, «оплавленные металлические и стеклянные куски». Среди этих обломков найдены «медный наконечник стрелы и тонкие золотые пластинки». На 1,5 м ниже Петровский обнаружил кости нижних конечностей человека. Наличие в захоронении помимо костей ещё и пепла, послужило основанием для предположения о погребении двух человек. Как полагал Петровский, выявленные им во рву, опоясывающем курган, ямы могли служить «для сожжения трупов» [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1913 г., д. 357, л. 8].

Курган № 4 располагался к юго-западу от кургана № 3 и был столь же значительных размеров. На его вершине отмечалась воронка, по краям которой Петровскому попадались фрагменты глиняной посуды и оплавленные «металлические куски» [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1913 г., д. 357, л. 8, 9].

По наблюдению Петровского, выше курганов №№ 3 и 4, с востока на запад тянется группа из двух курганов, высотой около 1 м и диаметром насыпей — 3,5 м. Обе насыпи имеют следы грабительских раскопок [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1913 г., д. 357, л. 8, 9].

1

2

Рис. 12. Карта и космоснимок местности вокруг оз. Тибис-сор. 1 – карта Тургайской области. Масштаб: в 1 английском дюйме 20 верст. Составлена в 1916 г. Кузовым. Б. м., лито-типография «Умид», 1916 г.; 2 – космоснимок местности вокруг оз. Тибис-сор по состоянию на декабрь 2016 г. Использована программа Google Earth Pro 7.1.8

Рис. 13. Карта расположения могильника в ур. Тибис-сор, составленная Н. М. Петровским [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1913 г., д. 357, л. 11]

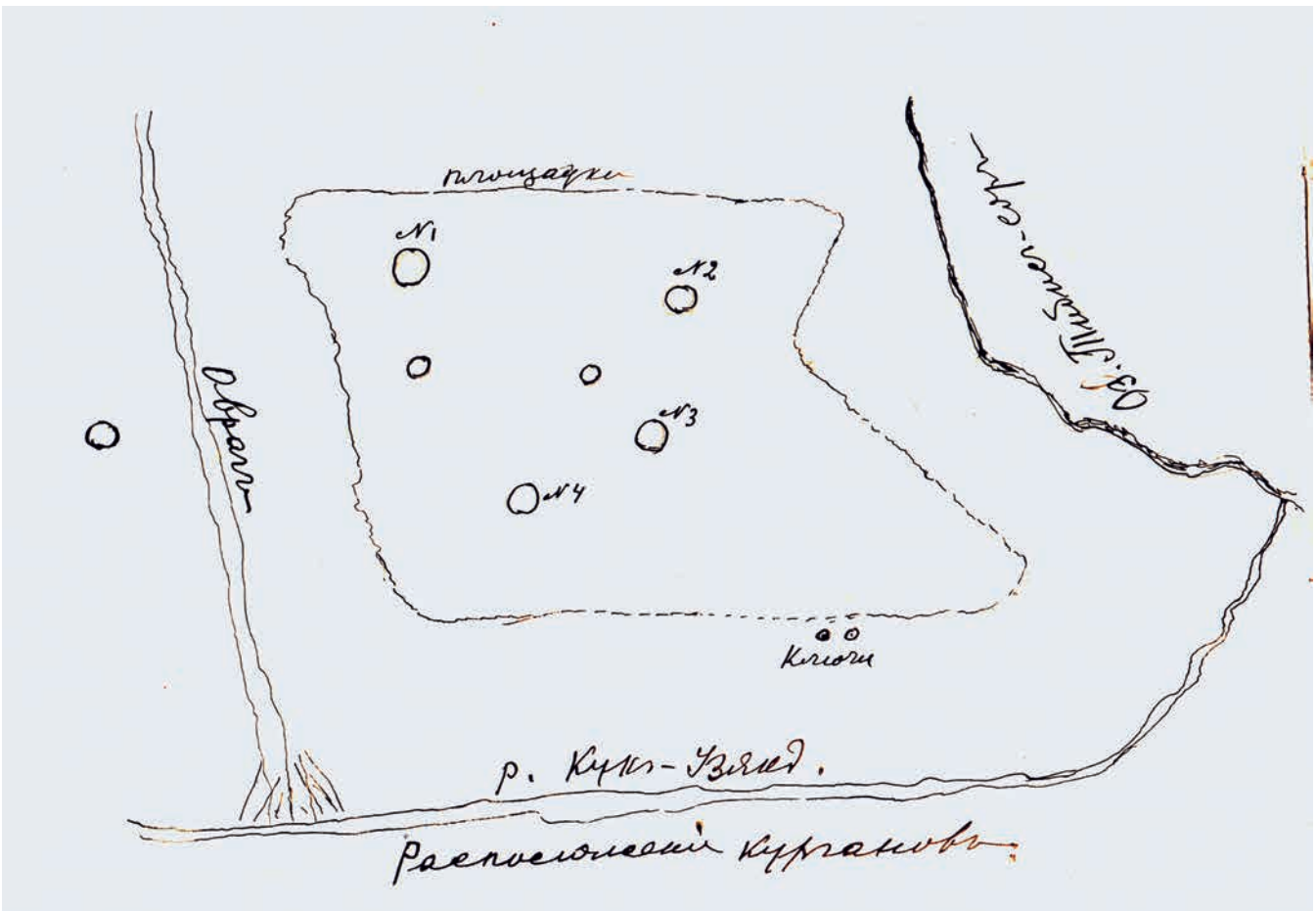

Рис. 14. План могильника в ур. Тибис-сор, составленный Н. М. Петровским [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1913 г., д. 357, л. 7 об.]

1

2

3

4

5

Рис. 15. 1–5 – фотографии процесса раскопок Н. М. Петровским курганов в ур. Тибис-сор [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1913 г., д. 357, фотографии №№ 1–5]

В перечне предметов, доставленных Петровским в ОУАК, значатся: медный наконечник стрелы, тонкие золотые листки, деревянный ящик с кусками глиняной посуды, дерева, железа и стекла, а также костями человека и перегнившими вещами [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1913 г., д. 357, л. 17]. Такие вещи, как «медный наконечник стрелы» и «тонкие золотые пластинки», позволяют отнести исследованное Петровским захоронение в кургане № 3 ко времени не позднее первых трёх четвертей I тыс. до н. э.

Кроме сведений о собственных исследованиях, Петровский, основываясь на рассказах местных жителей, упоминает о могильниках и одиночных курганах в восточных и северо-восточных частях Иргизского уезда. Также он приводит имя тургайского ветеринарного врача Штанге, который прослужил в уезде 24 года и за это время собрал некоторое количество предметов, относящихся к каменному веку. По мнению Петровского, предметы эти Штанге или нашел сам, или ему их принесли киргизы [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1913 г., д. 357, л. 8, 9].

1915 год

Открытый лист на право проведения археологических раскопок в пределах Оренбургской губернии и Тургайской области, в районе золотопромышленных разведок был выдан действительному члену ОУАК, золотопромышленнику *Искандеру Закировичу Рамееву* [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1915 г., д. 47, л. 3–6 об.].

Этот случай интересен тем, что специалист по поиску золота Рамеев, окончивший «курс наук» во Фрайбургском горном институте, сам изъявил желание в процессе своих разведок и золотопромышленных работ руководствоваться научным интересом при раскопках курганов, попадающих в зону приисков и тем самым, обречённых на гибель.

Первоначально ИАК открытый лист не выдала, под предлогом того, что работы Рамеев ведёт на частных землях, на которые не распространяется разрешение Комиссии. Однако ИАК поблагодарила Рамеева за попечение о древностях и отправила в его адрес «две брошюры о производстве археологических разведок и раскопок» [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1915 г., д. 47, л. 2].

Через месяц, после нового обращения ОУАК с уточнением, что Рамеев намеревается производить свои изыскания, в том числе на землях, принадлежащих казне, различным управлениям и др. казённым владельцам, ИАК всё же выдала открытый лист [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1915 г., д. 47, л. 4]. Обращает на себя внимание трактовка ОУАК принадлежности археологических древностей с точки зрения закона: в том случае, если Рамеев обнаружит золото и станет арендатором земли, он окажется только «арендатором недр земли, поверхность же, а с нею и памятники древности остаются в распоряжении ... владельцев» [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1915 г., д. 47, л. 3 об.], то есть, в ряде случаев, казны.

В следующем, 1916 г. ИАК просит ОУАК прислать сведения о раскопках Рамеева и вернуть выданный ему открытый лист [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1916, д. 150, л. 2]. По всей видимости, ОУАК ничего не ответила на эту просьбу, так как никаких сведений о раскопках Рамеева в НА не сохранилось.

1916 год

Открытый лист на право проведения раскопок в пределах Оренбургского уезда Оренбургской губернии и Актюбинского уезда Тургайской области был выдан по запросу ОУАК председателю Комиссии, врачу *А. В. Попову* [НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1916, д. 150, л. 1–3].

Сведений о работах Попова в НА обнаружить не удалось.

Этим и исчерпывается небольшой по объёму фонд документов, связанных с археологическим изучением Тургайской области Российской империи до 1917 года в НА ИИМК РАН. Можно

заметить, что наибольший вклад в исследование этого края внесли члены ОУАК, ряд из которых составил достаточно подробные отчёты о своих раскопках. Хотя в ИАК поступило очень мало отчётов, всё же большая часть информации о раскопках и разведках не была утрачена, так как публиковалась в широкодоступном на тот момент региональном издании – Трудах ОУАК.

И сейчас, разбирая скупые строки рукописных известий о работах наших предшественников, мы должны быть благодарны археологам-любителям из среды местной провинциальной интеллигенции за их последовательное и искреннее попечение о сохранении такого, пользуясь словами тургайского топографа А. Л. Аниховского, «дорогого и интересного для современного человечества» наследия прошлого.

Завершая этот обзор, отметим один факт, имеющий отношение уже к историографии изучения рассмотренных нами материалов. По листам использования дел в РО НА ИИМК РАН восстанавливаются имена тех казахских археологов, которые когда-то обращались к архивным данным о древностях Тургайской области в процессе своих научных исследований — это А. Г. Максимова и М. К. Кадырбаев.

ЛИТЕРАТУРА

- Аниховский А.** Древние курганы-могильники в Кустанайском уезде Тургайской области // Труды ОУАК. – Вып. 14. – Оренбург: Тип. И. И. Евфимовского-Мировицкого, 1905а. – С. 52–65.
- Аниховский А.** Раскопка древних курганов-могильников в Тургайской области, в Актыбинском уезде // Труды ОУАК. – Вып. 14. – Оренбург: Тип. И. И. Евфимовского-Мировицкого, 1905б. – С. 66–79.
- Бич О. И.** Архив А. А. Спицына (Крайние даты архивных материалов 1880–1931 гг.) // СА. М.-Л.: Изд-во АН СССР. Сб. X. С. 21–52.
- Булычёв Н. И.** Древности из Восточной России. – Вып. 1. – М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1902. – 34 с.
- Длужневская Г. В.** Древности восточной части Евразии в материалах Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2005. – 140 с.
- Длужневская Г. В.** Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 годах (по документам Научного архива ИИМК РАН). – СПб.: ЭлекСис, 2011. – 296 с.
- Императорская археологическая комиссия (1959–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / А. Е. Мусин, Е. Н. Носов (ред.). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – 1192 с.
- Императорская археологическая комиссия (1959–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Приложение / А. Е. Мусин, Е. Н. Носов (ред.). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – 207 с.
- Кастанье И. А.** Отчёт об экспедиции в Актыбинский уезд летом 1904 г. // Труды ОУАК. – Вып. 14. – Оренбург: Тип. И. И. Евфимовского-Мировицкого, 1905. – С. 188–199.
- Кастанье И. А.** Отчёт о раскопках шести курганов в Актыбинском уезде летом 1906 г. // Труды ОУАК. – Вып. 19. – Оренбург: Тип. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К-о», 1908. – С. 102–116.
- Кастанье И. А.** Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды ОУАК. – Вып. 23. – Оренбург: Тип. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К-о», 1910. – 332 с.
- Кастанье И. А.** Надгробные сооружения Киргизских степей // Труды ОУАК. – Вып. 26. – Оренбург: Тип. Тургайского областного правления, 1911а. – 120 с., 28 табл.
- Кастанье И. А.** Отчёт о раскопках кургана в Актыбинском уезде Тургайской области летом 1909 // Труды ОУАК. – Вып. 23. – Оренбург: Тип. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К-о», 1911б. – С. 72–78.
- Модестов Н.** Памятники древности в Киргизской степи. Тургайский уезд, 2-я Наурзумская волость // Труды ОУАК. – Вып. 29. – Оренбург: Тип. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К-о», 1911. – С. 226–228.
- Назаров П.** Отчёт по раскопке кургана «Кок-Ийюк» в Николаевском уезде Тургайской области // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. – Т. 15. – Вып. 1. – Москва: Тип. М. Г. Волчанинова, 1894. – С. 185–190.

- Нефёдов Ф. Д.** Отчёт об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведённых летом 1887 и 1888 гг. // Материалы по археологии Восточных губерний. – Т. 3. – М.: Тип. Н. Н. Шарапова, 1899. – С. 1–41.
- Отчёт ИАК за 1889 г. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1892. – 127 с.
- Отчёт ИАК за 1901 г. – СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1903. – 199 с.
- Отчёт ИАК за 1904 г. – СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1907, с. 187 с.
- Отчёт о деятельности и состоянии ОУАК за 1909 г. // Труды ОУАК. – Вып. 23. – Оренбург: Тип. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К-о», 1911. – С. 268–321.
- Панков Д.** О вскрытом переселенцами могильнике. «Кос-оба», «Караган-оба» тож, на уч. №90, Адамовском, Кустанайского уезда Тургайской области // Труды ОУАК. – Вып. 23. – Оренбург: Тип. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К-о», 1911. – С. 129–134.
- [Попов А.]** Приложение. Сообщение г-на Председателя // Труды ОУАК. – Вып. 16. – Оренбург: Тип. Ф. П. Каримова, 1906а. – С. 54–57.
- Попов А.** Исследование последних курганов на Бердинской горе. 8–11 мая 1905 г. // Труды ОУАК. – Вып. 16. – Оренбург: Тип. Ф. П. Каримова, 1906б. – С. 202–205.
- Попов А.** О ложных курганах // Труды ОУАК. – Вып. 23. – Оренбург: Тип. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К-о», 1913. – С. 54–55.
- Попов А.** Из донесений Архивной Комиссии о находках древностей // Труды ОУАК. – Вып. 29. – Оренбург: Тип. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К-о», 1911. – С. 221–225.
- Попов А., Кастанье И.** Обзор археологических раскопок в Оренбургской губернии и в киргизской степи // Труды ОУАК. – Вып. 16. – Оренбург: Тип. Ф. П. Каримова, 1906. – С. 206–224.
- Протокол № 8. Очередное заседание 29 мая // Труды ОУАК. – Вып. 16. – Оренбург: Тип. Ф. П. Каримова, 1906. – С. 16–28.
- Протокол № 9. Экстренное заседание 27 июля // Труды ОУАК. – Вып. 14. Оренбург: Тип. И. И. Евфимовского-Мировицкого, 1905. – С. 146–155.
- Протокол № 350 распорядительного заседания Императорского Московского археологического общества 20 февраля 1890 г. // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. – Т. 15. – Вып. 1. Москва: Тип. М. Г. Волчанинова, 1894. – С. 180–185.
- Смирнов Я. И.** Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. – СПб.: Изд. ИАК, 1909. – 18 с., 130 табл.
- Состав Комиссии. Список почётных и действительных членов // Труды ОУАК. – Вып. 14. – Оренбург: Тип. И. И. Евфимовского-Мировицкого, 1905. – С. 44–51.

Архивные материалы

- Дело о древних вещах, найденных в Оренбургской губернии // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1888 г., д. 56.
- Дело о раскопках профессора Э. Петри в губерниях Оренбургской, Уфимской, Пермской и Степном Генерал-Губернаторстве // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1889 г., д. 47.
- Дело о переписке с Оренбургским Губернатором о доставлении в Комиссию сведений о раскопках, произведённых П. С. Назаровым в Орском уезде // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1890 г., д. 193.
- Дело о выдаче открытого листа Члену Оренбургской Учёной Комиссии, врачу А. Попову и Г. Броневскому // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1897 г., д. 44.
- Дело о выдаче открытых листов на раскопки Членом Оренбургской Учёной Архивной Комиссии // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1898 г., д. 94.
- Дело по заявлению крестьянина Ивана Самойлова о раскопках, произведённых им в Тургайской области и Оренбургской губернии // НА ИИМК РАН, РО ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 257.
- Дело о находке медного бурхана близ одной из сопок на берегу р. Тобола, в Тургайской области // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1901 г., д. 93.
- Дело о выдаче Оренбургской Архивной Комиссии открытого листа на раскопки в Кустанайском уезде Тургайской области // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1902 г., д. 89.
- Дело о раскопках Оренбургской Учёной Архивной Комиссии // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1903 г., д. 47.
- Дело о раскопках членов Оренбургской Учёной Архивной Комиссии // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1904 г., д. 73.
- Дело о раскопках гг. членов Оренбургской Учёной Архивной Комиссии // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1905 г., д. 87.
- Дело о раскопках членов Оренбургской Учёной Архивной Комиссии // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1906 г., д. 49.

- Дело о раскопках членов Оренбургской Учёной Архивной Комиссии // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, 1907 г., д. 46.
- Дело о раскопках Оренбургской Учёной Архивной Комиссии в Тургайской области и Оренбургской губернии // ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1908 г., д. 45.
- Дело о выдаче Н. П. Куборскому открытого листа на раскопки в Кустанайском уезде Тургайской области // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1911 г., д. 80.
- Дело о раскопках Н. М. Петровского в Тургайской области в 1913 г. // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1913 г., д. 357.
- Дело по ходатайству Оренбургской Учёной Архивной Комиссии о выдаче разрешений на раскопки в Оренбургской губернии и Тургайской области // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1915 г., д. 47.
- Дело о выдаче Оренбургской Учёной Архивной Комиссии открытых листов на раскопки в Оренбургской губернии и Тургайской области в 1916 г. гг. А. В. Попову и И. П. Кинсбургу // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1916 г., д. 150.
- Древности из Тургайской области, полученные от И. Назарова // НА ИИМК РАН, ФО, нег. П 26724, П 26579, П 26580.
- Книга для внесения кладов и коллекций древностей, поступающих в АК с 1895 г. // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1895 г., д. 293.
- Медный бурхан с изображением четырёхрукого божества. Тургайская область, р. Тобол, у сопки Ак-Карча // НА ИИМК РАН, ФО, нег. П 26475.
- Тургайская обл[асть] // НА ИИМК РАН, РО, ф. 5, оп. 1, д. 197.
- Фотография головы «каменной бабы», обнаруженной в Тургайской области // НА ИИМК РАН, ФО, отп. Q 512/17.

**III НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО
АРХЕОЛОГИИ ТУРГАЯ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ:**

**публикация архивных
данных и результатов полевых
исследований 2015–2017 гг.**

III. 1 О РАБОТЕ КАЗАХСТАНСКОГО ОТРЯДА ЮЖНО-УРАЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ЛЕТОМ 1964 г.

Широкие и планомерные раскопки последних двух десятилетий на территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья позволили в общих чертах представить себе территорию, населенную со второй четверти I тыс. до н. э. сарматскими племенами.

Но на востоке границы были намечены ориентировочно, на основании небольшого количества материала, поэтому одна из задач, стоявших последние годы перед Оренбургской (а затем Южно-Уральской) экспедицией, заключалась в по возможности полном обследовании восточных районов Оренбуржья. Сейчас восточные области распространения сарматских племен охватывают верховья Тобола, Аята, Уя (к западу от г. Троицка), район Челябинска является пограничной зоной, на юге рубежом, видимо, служило междуречье Ори–Иргиза и бассейн Эмбы¹. Но не только соседские отношения связывали территорию Оренбургских и Северо-Казахстанских степей. Несомненный прилив в IV в. до н. э. в среду сарматского населения какого-то восточного компонента мог происходить и с территории Северного Казахстана.

Однако, имеющиеся в нашем распоряжении отдельные опорные пункты (Соколовка², Айдабуль³) с этой территории оказались явно недостаточными для более или менее определенного суждения по этому вопросу. Поэтому одна из задач, стоявших перед Казахстанским отрядом Южноуральской экспедиции⁴ в 1964 г. заключалась в подробном обследовании бассейна р. Ишим в пределах Рузаевского района Кокчетавской области и небольших раскопках.

В 1955–1956 гг. при составлении археологической карты Казахстана эта территория подвергалась разведкам, но после освоения целинных земель многие памятники, особенно мелкие курганы оказались уничтоженными, поэтому нам пришлось в какой-то степени повторить уже пройденные здесь маршруты. Основные работы отряда были сосредоточены по обоим берегам Ишима от с. Ставрополье до пос. Пески. От города Оренбурга, где находится база Южно-Уральской экспедиции, весь состав отряда следовал до Ишима на машине. По дороге были зафиксированы группы или отдельные курганы, главным образом крупные с геодезическими знаками на вершине.

1) По тракту Оренбург–Орск, идущему не вдоль Урала, а на возвышенности по степи, не доезжая 54 км до Орска с левой стороны от дороги на расстоянии от нее 500–700 м были замечены пять больших курганов, расположенных цепочкой вдоль дороги.

От Орска отряд свернул к СВ и направился по тракту Орск–Ново-Орск–Теренсай–Айдырля–Бреды. Последний пункт находится уже на территории Челябинской области.

2) Из Айдырли в Бреды ведут две дороги, одна проходит вдоль ж/д линии, другая – по степи. Не доезжая до Бреды 15 км (по верхней степной дороге), у дороги расположена ферма, от которой вправо отходит дорога, ведущая в поселок, находящийся у ж/д линии. У жителей он называется просто ж/д поселок. Справа и слева от дороги, соединяющей ферму и поселок, идут небольшие курганы, расположенные на пахоте. Их не более 10–12.

От Бредов по грейдеру через Мариинское мы направились в Джетыгару, находящуюся уже в Кустанайской области. Село Мариинское стоит как раз на границе Челябинской и Кустанайской областей.

3) По тракту, соединяющему Бреды и Мариинское (всего 53 км) изредка встречались курганы. Все они распаханы. От Джетыгары по грейдеру, а затем асфальтированному шоссе наш путь лежал через п. Тобол в Кустанай.

4) По шоссе Тобол–Кустанай между 63–65 км (от Кустаная) слева от дороги вдалеке был виден курган с триангуляционной вышкой.

5) От Кустаная отряд направился на восток по новому грейдеру, пересекающему между речье Тобола и Ишима. Дорога шла через совхоз Крыловку, Урицкое* [*Ныне Сарыколь] в село и совхоз Западный, расположенный на левом берегу р. Ишим.

Междуречье Тобола и Ишима представляет собой совершенно плоскую степь с небольшими перелесками, попадавшимися до Урицкого. Оз. Талы, Сарыколь, мимо которых мы проезжали, имеют плоские берега без всякой растительности на них.

В 48 км от Кустаная в сторону Урицкого слева от дороги невдалеке виден большой курган с триангуляционной вышкой. Также слева от дороги в 58 км от Кустаная находится еще один курган с геодезической вышкой.

Вся степь вдоль тракта распахана и почти на всем протяжении ее, особенно от Урицкого до Западного, на вспаханном поле заметны светлые маленькие расплывчатые пятна. Но все это не курганы, а результаты работ сурков при рытье нор.

У совхоза Западный мы переправились на правый высокий коренной берег Ишима и приступили к тщательному обследованию его, двигаясь к северу от Западного в сторону центральной усадьбы совхоза Берликский.

Не доезжая 3 км до совхоза Берликский слева от дороги на нераспаханном участке, заключенном между двумя глубокими оврагами, был зафиксирован небольшой могильник (рис. 1).

Он состоял из трех компактно расположенных курганов, насыпи которых содержали большое количество камня, нескольких земляных насыпей высотой от 0,3 до 0,7 м и одного каменного кольца, находившегося чуть поодаль от курганов.

На отрезке дороги от Западного до Берликского совхоза (10 км) слева от нее были зафиксированы еще два кургана с камнем – один в 3,5 км от Западного и второй – не доезжая 1 км до Берликского.

Могильник у совхоза Берликский представлялся нам наиболее подходящим для раскопок объектом, поскольку содержал разные типы насыпей, исследование которых помогло бы в дальнейшем выбирать нужные курганы по внешним признакам.

Однако все четыре вскрытые нами земляные курганы с правильными сферическими насыпями диаметром 6–14 м и высотой 0,3–0,7 м оказались сурчинами. Никаких признаков могильных ям на материке или погребений на древнем горизонте обнаружено не было. Но все насыпи и материк оказались изрезанными широкими ходами сообщения и гнездами сурков. Во всех насыпях были найдены многочисленные кости сурков.

Погребения дали лишь насыпи так или иначе отмеченные камнем.

Курган 1 (рис. 2) расположен в северной части могильника и представлял собой невысокую земляную насыпь (диаметр 10–12 м, высота 0,52 м) с довольно большим содержанием камня. Особенно интенсивно камень шел в центре насыпи, где были сосредоточены почти все большие плиты. Курган несколько расплылся, но вокруг него все-таки прослеживался неглу-

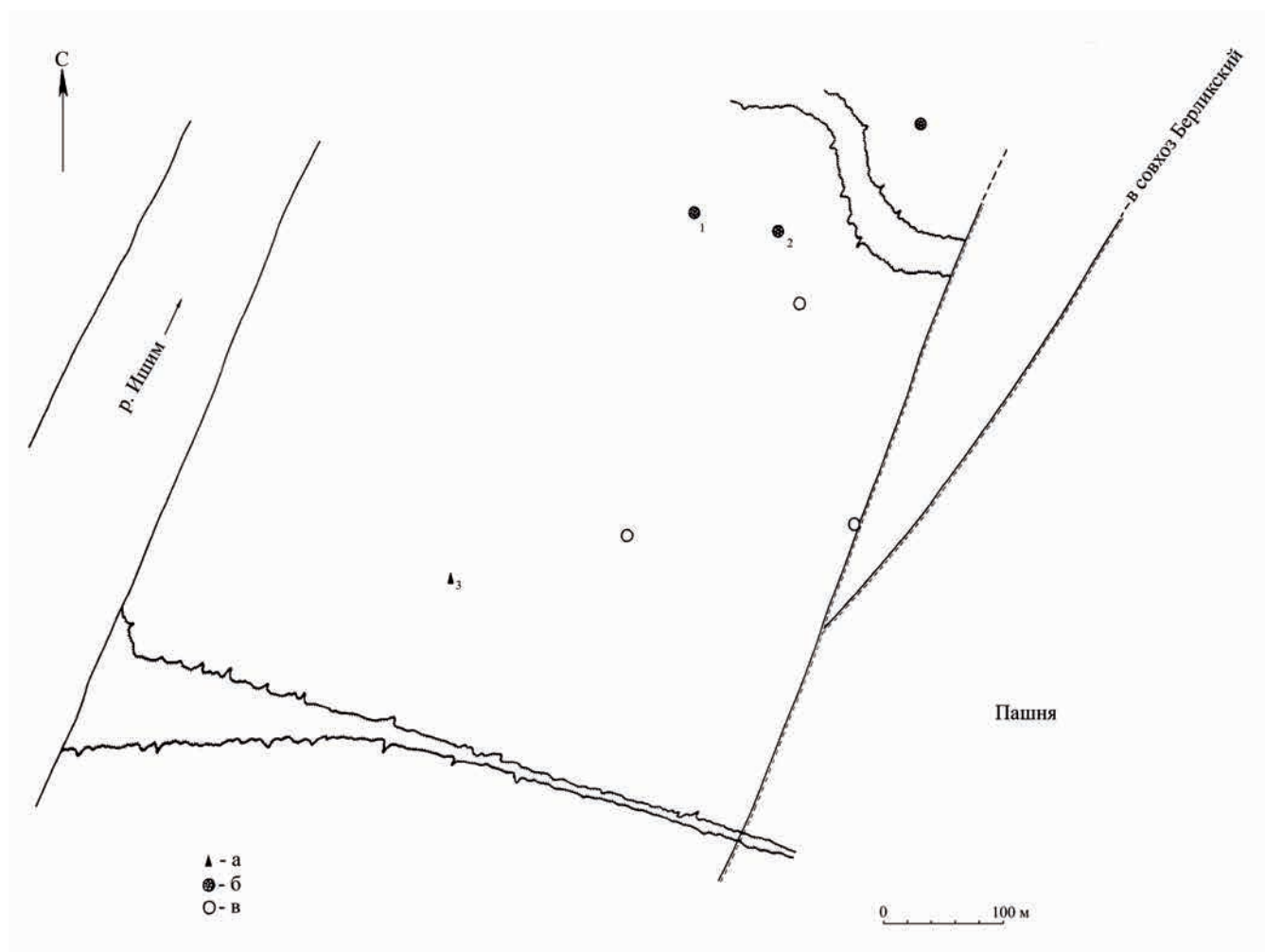

Рис. 1. Берликская курганная группа. План местности: а – каменное кольцо; б – курганы с камнем; в – курган с земляной насыпью

бокий ров, особенно заметный у северной половины кургана. Для раскопа был взят диаметр – 10 м. Многие камни выступали на поверхности кургана, под ними, на глубине 0,15–0,20 м шел следующий слой камня и так с большей или меньшей насыщенностью камни шли до уровня древнего горизонта. А в центре кургана они оказались даже глубже. Изредка камни встречались и на значительном расстоянии от центра.

Помимо камня насыпь кургана состояла из серой супеси с галькой. Древний горизонт появился на глубине 0,7–0,75 м. Это был слой темной, почти черной супеси с мелкими камнями. Во многих местах древний горизонт был прорезан норами сурков. Материк в виде красноватого суглинка появился на глубине 1 м. Он также, особенно, в центре был испещрен ходами и норами сурков.

Единственное погребение кургана открылось прямо по центру на глубине 0,9 м в перекрестье бровок. Захоронение было совершено в яме, выкопанной в погребенной почве и не прорезавшей материк, поэтому очертания ее уловить не удалось. Погребение очевидно принадлежало ребенку или подростку. Кости очень хрупкие, швы на черепе почти совсем не срослись. Сохранность скелета очень плохая. Несмотря на то, что ограбления, очевидно, не было, костяк настолько потревожен грызунами, что трудно разобраться в его первоначальном положении. Судя по сохранившимся *in situ* тазовым костям и отдельным позвонкам, погребенный был положен на левый бок головой на СЗ, скорченно или вытянуто сказать трудно (рис. 3). Череп лежал лицом вниз, нижняя челюсть чуть отброшена к югу от него. Правая лопатка была найдена *in situ*,

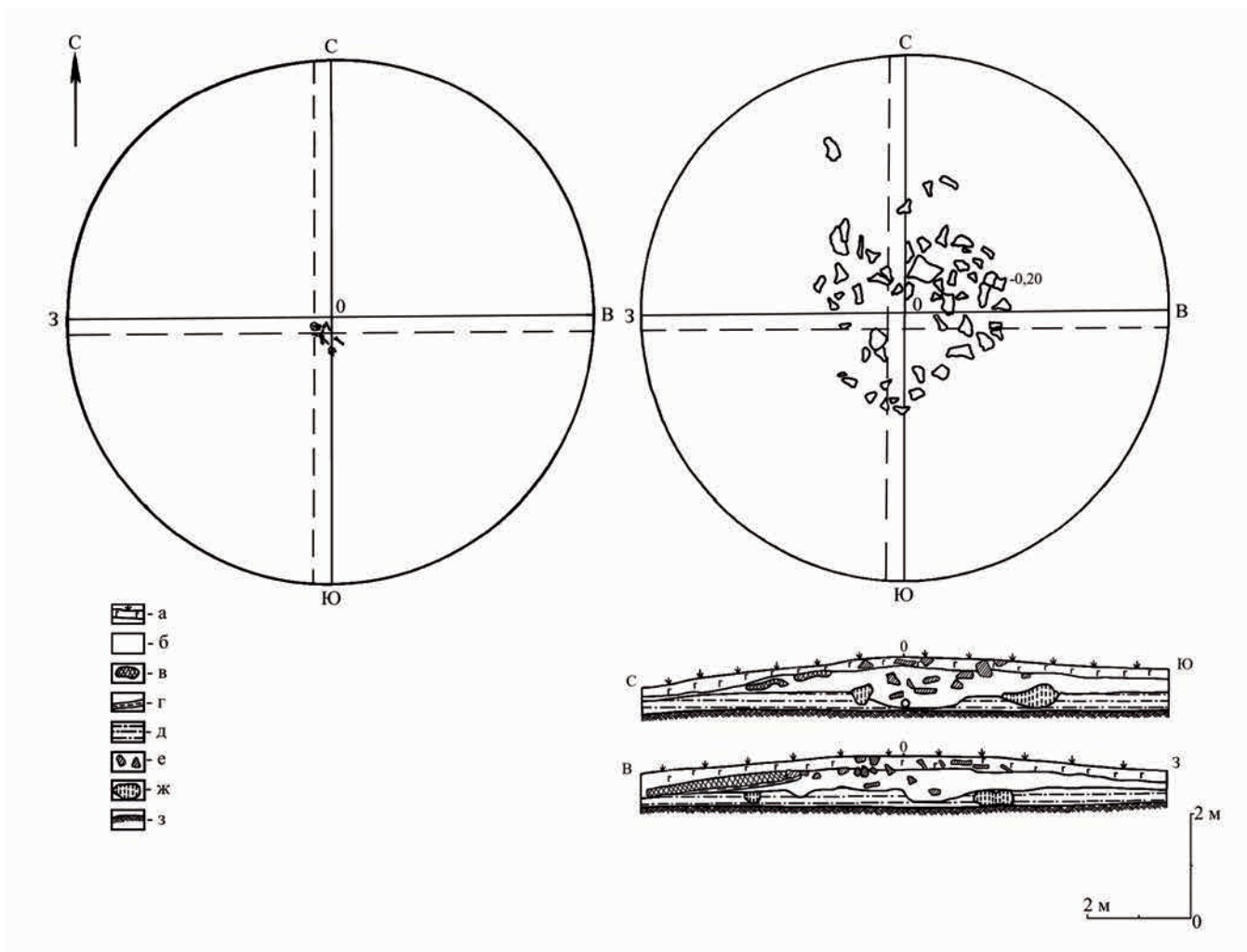

Рис. 2. Берликская курганная группа. Курган № 1. План и профиль кургана: а – дерновый слой; б – насыпь кургана – супесь серая; в – светло-серая супесь; г – слой темной почти черной супеси; д – древний горизонт; е – камни; ж – супесь перемешанная с материковой глиной; з – материк

левая оказалась под черепом. Ребра в беспорядке лежали в районе грудной клетки. Кости рук и ног также смещены. Никаких вещей при погребенном не найдено.

По всей вероятности после совершения обряда погребения яма была засыпана землей и камнями и дальше при создании насыпи камни группировались ближе к центру, где находилось погребение.

Курган № 2 (рис. 4) расположен на расстоянии 65 км к ВЮВ от предыдущего. Это небольшой каменный курганчик высотой 0,28 м и диаметром 6 м. Почти в центре кургана (ЮЗ сектор) находилась яма-шурф (диаметр – 0,65 м, глубина – 0,3–0,35 м), вырытая недавно, видимо, геологами.

Насыпь кургана состояла из очень темной, почти черной супеси, по всей площади насыщенной камнями, среди которых попадались довольно значительные плиты (0,3 x 0,3; 0,15 x 0,4 м и др.). Особенно интенсивно камни шли по центру кургана, вплоть до уровня древнего горизонта, глубина – 0,35 м. На уровне материка, появившегося на глубине 0,65 м было обнаружено могильное пятно, ориентированное по линии З–В с очень небольшим отклонением к Ю и С. Пятно выделялось каменной забутовкой.

Могильная яма была овальной формы с чуть расширенным западным и суженным восточным концами. Размерами 1,6 x 0,8 м и глубиной 1,1 м (от «0») (рис. 5). Засыпка могилы состояла из темной супеси с очень большим количеством камней довольно значительных размеров.

Камни шли почти до самого костяка. На дне ямы лежал скелет взрослого человека (видимо, мужчины), вытянуто на спине, головой на запад. Руки вдоль тела, левая нога вытянута, правая слегка согнута в колене. На правой плечевой кости погребенного, поперек ее лежали ножные кости барана. Никаких вещей при погребенном не было.

Каменное кольцо расположено в южной части могильника (около 400 м к юго-западу от кургана № 1) ближе к краю террасы. Кольцо плоское без насыпи, диаметр его 2,5 x 2,7 м. Оно образовано семью большими камнями, лежащими почти правильно по кругу. Лишь один восьмой камень, находящийся с южной стороны, выходит из линии круга и лежит как бы перпендикулярно к нему. Не только по положению, но и по форме камень выделяется среди других. Весьма возможно, что первоначально он был поставлен в качестве надгробной стелы. Была вскрыта площадь не только внутри кольца, но и полуметровая траншея вокруг него и общий диаметр раскопа составил 5 м. В западной части кольца наблюдалось небольшое понижение поверхности (0,07 м от «0»), которое следует отнести за счет склона. Засыпка кольца состояла из дернового слоя и довольно плотной темно-серой супеси с мелкой галькой и небольшими камешками.

На глубине 0,2 м в ЮЗ секторе, почти вплотную к одному из камней (рис. 6), лежали бронзовые стремечковидные удила очень хорошей сохранности (рис. 7). Тип этот бытует на территории Евразии в VII – первой половине VI вв. до н.э. Особенно характерны такие удила для юга Восточной Европы и Южной Сибири⁵. На глубине 0,25–0,27 м в восточной и 0,32–0,35 м в западной частях кольца появилась светлая материковая глина. Материк был тщательно зачищен (по всей площади) и затем прокопан (внутри кольца) на глубину до 0,55 м, но никаких признаков могильной ямы обнаружено не было. Лишь в северной части кольца на материке появилось довольно интенсивное красноватое пятно. Но это был не прокаленный грунт, а выход мелко дробленной породы, входившей в состав материка. Тем более, что берег здесь очень каменистый и во многих местах, особенно на небольших гребнях, заметны выходы породы темно-красного бурого цвета.

Отсутствие могильной ямы и каких бы то ни было костных остатков заставляет думать, что погребенный человек (а может быть конь) был положен прямо на древнюю поверхность. Над ним, видимо, сооружалось какое-то легкое покрытие из дерева, не засыпанное землей. Со временем сооружение разрушилось, кости разложились, а вещи (в данном случае удила) постепенно опустились в грунт на глубину не более 20 см. Подобный погребальный обряд был зафиксирован М. П. Грязновым на Верхней Оби у племен переходного этапа (V–VI вв. н.э.) от одиноцкого к фоминскому⁶. Хронологически приведенная параллель конечно далека, но поскольку на Верхней Оби такие погребения встречены неоднократно, а в некоторых случаях сохранились даже остатки истлевшей древесины и мелкие обломки костей, то возможность подобного обряда бесспорна. В качестве гипотезы его можно предложить и для нашего погребения.

Обращает на себя внимание другой момент. Каменные кольца без насыпи на территории Казахстана характерны для эпохи бронза и нахождение в подобном кольце стремевидных удил говорит о продолжении древних андроновских традиций в эпоху раннего железного века.

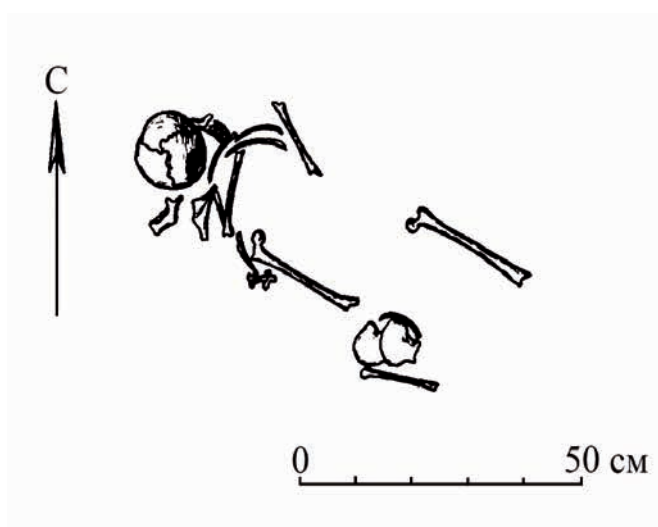

Рис. 3. Берликская курганная группа. Курган № 1, погребение 1

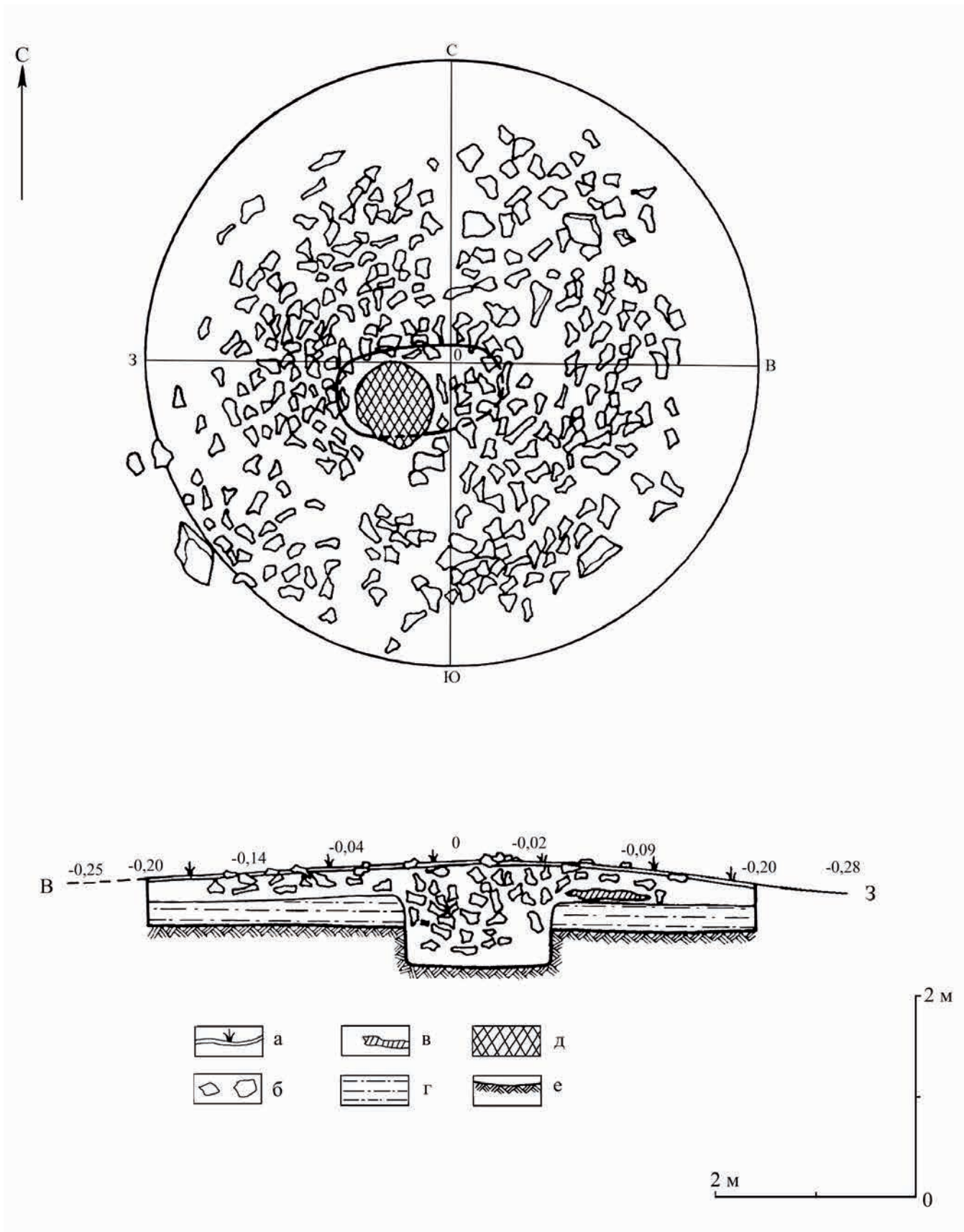

Рис. 4. Берликская курганная группа. Курган № 2. План и профиль кургана: а – тонкий дерновый слой; б – серая супесь насыпи с камнем; в – могильный выкид; г – погребенная почва; д – поздняя яма; е – материк

Итак датируется вполне определенно VII – первой половиной VI вв. до н.э. только каменное кольцо. Относительно датировки двух других курганов можно высказать только предположение.

Курган № 1 – с погребенным на уровне древнего горизонта. Для андроновской культуры, распространенной на этой территории, подобный обряд не характерен: курганы, особенно с камнем в насыпи встречаются очень редко⁷, а положение погребенного на уровне древнего горизонта и вовсе не известно.

Также редко фиксируется здесь и СЗ ориентировка, а западная составляет почти 100%. Поэтому отнесение этого погребения к эпохе бронзы маловероятно. Столь же необычен погребальный обряд этого кургана для ранних и поздних кочевников этой территории. Правда, погребения на уровне древнего горизонта известны среди савроматских могил главным образом Приуралья⁸, а в Челябинской группе памятников среди них встречена и северо-западная ориентировка погребенных⁹. Поэтому с большей долей вероятности можно отнести данный курган к эпохе ранних кочевников.

Курган № 2 – погребение в яме, западная ориентировка. Судя по последней, могила может быть отнесена к поздним кочевникам. И в первом и во втором случаях датировка предположительна и без получения обширной серии подобных захоронений ничего определенного сказать нельзя.

Во время работ у совхоза Берликский отряд также обследовал ближайшие районы вдоль Ишима. К северу от Берликского совхоза в сторону Привольного (20 км) был зафиксирован лишь один курган в 3 км от первого совхоза по правой стороне от дороги на расстоянии 230–240 м от нее. Курган невысокий, высота – 0,4–0,5 м, диаметр – 12 м. Насыпь выложена камнями, которые группируются по кольцу, а в центре лежат бессистемно.

По левому берегу Ишима были сделаны два маршрута от Западного на юг до Ставропольского и на север до Ашанина.

Не доезжая 3,5 км до Ставропольского из Западного по левой стороне от дороги в 300 м от нее (между дорогой и Ишимом) стоят два больших кургана на расстоянии 100 м друг от друга. Первый курган высотой 1 м, диаметром 25 м; второй – высотой 1,5 м, диаметром – 25 м. Оба кургана выложены камнем, среди которого очень часто попадаются большие плиты. Курганы разграблены, в центре их большие воронки. К ВСВ от первого кургана находится еще один меньший курган, поверхность его вся забита камнем. Как будто курган неграблен.

Прямо на юг от второго кургана находятся еще два небольших кургана, насыпи которых также содержат камень. Один курган расположен прямо по линии С–Ю, другой – чуть ЮЗ последнего.

Из Ставрополя в сторону Западного по дороге, идущей вдоль берега Ишима (а не по тракту, проходящему выше по степи) в 3,5 км от села с левой стороны от дороги стоят в ряд по направлению с севера на юг три возвышенности. Одна из них диаметром 15–16 м с воронкой посередине и с каменной наброской как будто является курганом. Остальные две больше похожи на выходы камня, тем более, что берег здесь каменистый.

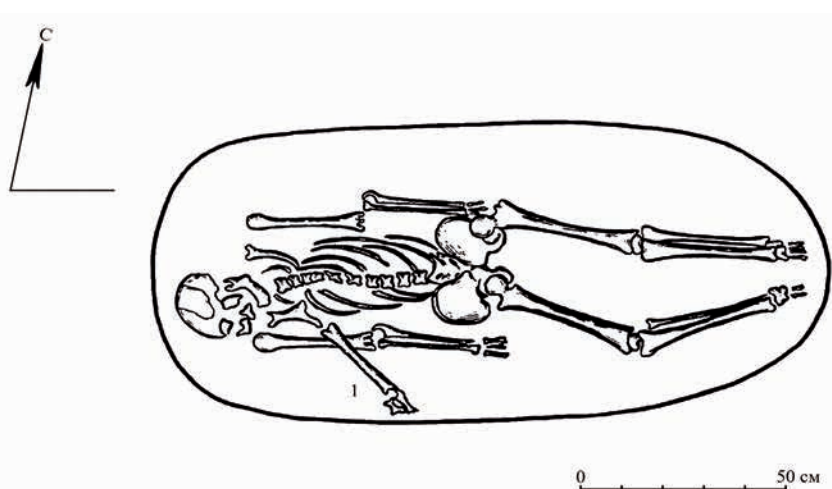

Рис. 5. Берликская курганная группа. Курган № 2. План погребения № 1. 1 – кости ноги барана

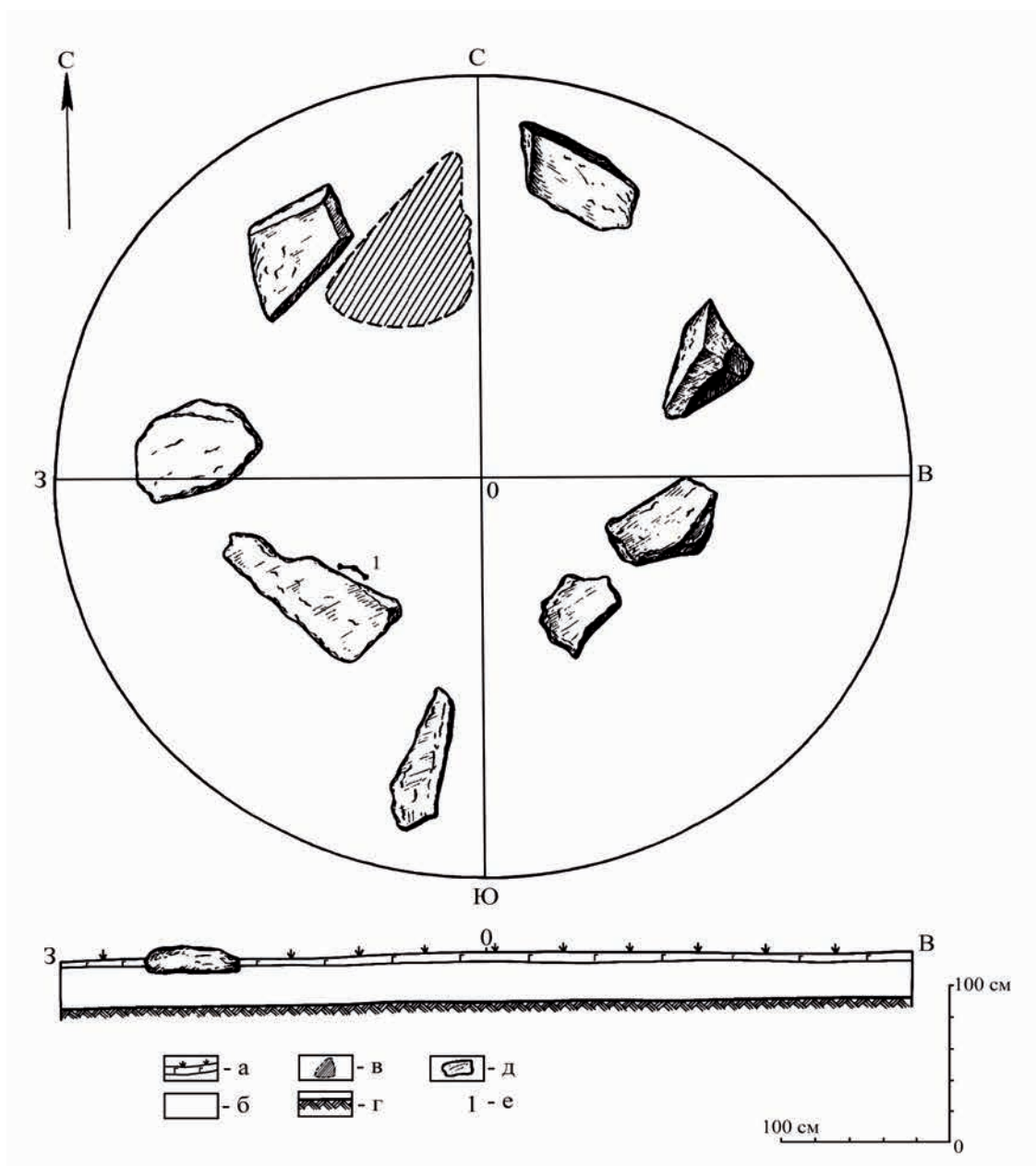

Рис. 6. Берликская курганная группа. Каменное кольцо. План и профиль: а – дерновый слой; б – супись серая; в – участок материка красного цвета; г – материк; д – камень; е – бронзовые удила

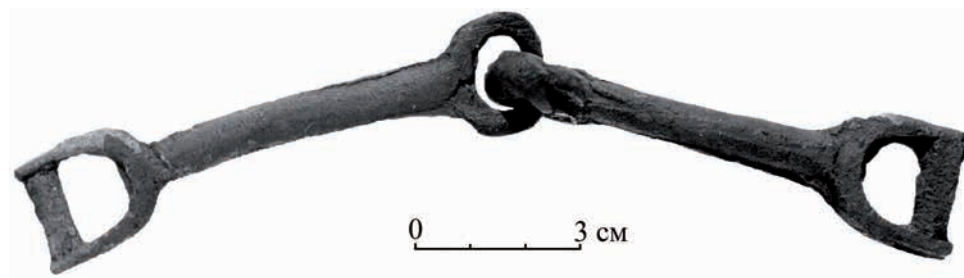

Рис. 7. Берликская курганная группа. Каменное кольцо. Бронзовые удила

От Западного в сторону с. Ашанино курганы не были замечены. Лишь в 4 км к северу от центра Ашанино за ж/д полотном, соответственно справа от него и в 30 м от дороги был зафиксирован курган. Высота его 0,7 м, диаметр – 18–20 м, в насыпи много камня.

Обратный путь отряда до Кустаная, а затем до Джетыгары был проделан по тому же маршруту, которым мы следовали до Ишима. Однако дальше было решено свернуть резко на юг, чтобы попасть на самую юго-восточную окраину Оренбургской области в район оз. Буруктал или оз. Шалкар.

От Джетыгары отряд направился по грейдеру, идущему в совхоз Милютинский справа от дороги в 500–800 м от нее одиноко стоит курган с триангуляционной вышкой, диаметр его 18 м, высота – 0,8 м. Вершина сильно испорчена во время установки знака.

От Милютинского совхоза мы направились в юго-западную сторону Мюктыкольского совхоза, а затем свернули к востоку в сторону совхоза Степной. От последнего дорога шла на юг к р. Тоболу, в верховьях своих текущему почти по границе Кустанайской и Оренбургской областей. По дороге из совхоза Степной в Дзержинский* [*В настоящее время поселок Аккарга – прим. ред.], не доезжая до последнего 2–3 км, слева у самой дороги на возвышенности стоит курган с триангуляционной вышкой. В насыпи его много камня, возможно, было каменное кольцо, диаметр – 15 м, высота – 0,75 м.

Почти на самой границе Кустанайской и Оренбургской областей на левом берегу Тобола находится совхоз Тобольский, откуда дорога ведет в Озерный у оз. Жетыколь. На расстоянии 6–7 км от Тобольского (по грейдеру, идущему в Озерное) уже на правом берегу Тобола на высоком сырте, идущем поперек дороги стоят три кургана. Они возвышаются справа от дороги примерно в 1 км от нее. Один из них сравнительно большой с триангуляционным знаком, два другие поменьше. Все курганы выложены камнем по кольцу и в насыпи.

Самый большой курган высотой 1,4 м, диаметром 28–30 м. От него в направлении ЮЮЗ–225° на расстоянии 25–27 м маленький курганчик диаметром 12 м, высотой 0,5 м. Насыпь его особенно по кольцу выложена камнем.

На расстоянии 100 м от первого, большого, кургана почти в том же направлении ЮЮЗ–210° еще один курган диаметром 15 м, высотой 1,2 м. Сверху он обложен камнем, вершина чуть уплощена. У основания насыпи хорошо выраженный ровик.

Между первым и вторым курганами чуть западнее их мусульманская могила с надгробной плитой, украшенной сверху пальметкой, ниже которой высечена арабская надпись.

И, наконец, на юго-запад от первого большого кургана зафиксировано небольшое круглое скопление камней диаметром 4 м, высотой 0,1–0,15 м. Возможно, это каменный курган.

Из Озерного мы направились дальше на юг к г. Светлый (бывш. Буруктал), из района которого известно погребение IV в. до н.э., случайно раскопанное геологами. На всем пути следования и вокруг озера Жетыколь курганы не были обнаружены. Может быть за счет того, что большинство озер в этих краях соленые и местами довольно засушливые.

Не доезжая до Светлого 1 км на водораздельном сырте, пересекающем дорогу, стоит большая бурильная вышка. Здесь же у вышки грейдера, соединяющего Озерный и Светлый влево отходит дорога, идущая почти строго в направлении север–юг по гребню сырта. В 7 км от вышки по этой дороге к северу стоят два больших земляных кургана на расстоянии 100 м друг от друга по направлению ЮЮЗ–ССВ. Высота обоих около 1 м, диаметр 15–20 м. Маленьких курганов вокруг не обнаружено. Возможно, что в насыпи находятся камни, т. к. на одном из курганов стоит репер, прикрытый большими плитами, видимо, изъятые из этого кургана. Грунт обеих насыпей с галькой, каменистый.

С курганов видна высокая труба Светлого в направлении Ю–170°.

К ЗСЗ (285°) от этих курганов на расстоянии 800 м стоит еще один курган с триангуляционной вышкой на вершине (диаметр – 15–16 м, высота – 0,8 м). Насыпь его выложена огромными булыжниками.

Почти на север от него, на расстоянии 50 м еще один небольшой каменный курган диаметром 10 м, высотой 0,3–0,4 м.

На запад от кургана с вышкой на расстоянии примерно 3,5 км на грядке стоит очень большой земляной курган (диаметр – 30 м, высота – 2 м).

Дальше по сырту курганов больше не встречалось.

От Светлого через с. Веселый мы направились в Кумак.

В 21 км от с. Веселый справа от дороги на расстоянии от нее 25 м стоит большой курган (диаметр – 20 м, высота – 1,5 м). Вокруг него хорошо заметный ров шириной 1,5–2 м. На кургане установлен репер и из насыпи вывернуты камни – белый гранит. Здесь же рядом находятся гранитные каменоломни и на белой гранитной гриве стоит триангуляционная вышка.

От Кумака далее на запад на территории Оренбургской области обследование не производилось и отряд направился прямо в Оренбург.

Так же как и разведки С. А. Попова наш маршрут по восточным окраинам Оренбуржья показал почти полное отсутствие там курганных могильников. Речь может идти лишь об изредка встречающихся больших курганах. Сейчас трудно еще сказать, чем это было вызвано – то ли определенными климатическими условиями, то ли существованием какой-то мертвой зоны между двумя культурными мирами эпохи ранних кочевников савромато-сарматским и казахстанским.

На территории Северного Казахстана, судя по нашим небольшим разведкам, все курганы, как правило, в той или иной степени отмечены камнем и больших могильников в бассейне Ишима в Рузаевском районе нам также не удалось зафиксировать.

Исследование нами каменного кольца со стремевидными удилами весьма знаменательный факт, который свидетельствует о сохранении одной из самых ярких андроновских традиций и о несомненном культурном единстве Северо-Восточного и Центрального Казахстана в эпоху раннего железного века. По всей вероятности, территория обитания этих племен простиралась и за Ишим далее на запад возможно вплоть до Тобола.

Проведенные разведки и раскопки показали необходимость дальнейшего изучения территории Северного Казахстана, особенно его западных районов, в частности, верхнего течения р. Тобол, где очевидно смыкались два культурных мира.

Примечания

1 – К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко, Савроматы Поволжья и Южного Приуралья, САИ ДІ-9, М., 1963, с. 14–17; М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры, САИ ДІ-10, М., 1963, с. 16–17.

2 – К. А. Акишев, Памятники старины Северного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, Алма-Ата, 1959, с. 23–24.

3 – К. А. Акишев, Памятники старины Северного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, Алма-Ата, 1959, с. 19–21.

4 – Нач. экспедиции К. Ф. Смирнов, нач. отряда М. Г. Мошкова, в состав отряда входили А. Куза, В. П. Николаев, Л. Н. Петров, Т. Леонова, С. Блезе и шофер А. А. Быков.

5 – К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101, М., 1961, с. 79.

6 – М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48, М., 1956, с. 116.

7 – В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак-1 в Западном Казахстане. М., 1962, с. 41–43.

8 – К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, с. 82.

9 – Архив ЛОИА. Отчеты Н. К. Минко за 1905–1908 гг.

III.2 О РАБОТЕ КАЗАХСТАНСКОГО ОТРЯДА ЮЖНО-УРАЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ЛЕТОМ 1966 г.

В июне 1966 г. отряд Института археологии АН СССР совместно с Кустанайским педагогическим институтом производил работы на территории Джетыгаринского района Кустанайской области и Кваркенского района Оренбургской области.

В 1955 г. Г. И. Пацевич при обследовании Кустанайской области и составлении археологической карты зафиксировал небольшую курганную группу в самых верховьях Тобола, в 6 км на северо-восток от центральной усадьбы совхоза Приречный (переименован сейчас в совхоз Южный). Тогда же в группе было раскопано несколько курганов, один из которых дал весьма интересный раннепрохоровский комплекс IV в. до н.э.

Перед началом раскопочных работ вместе с преподавателем Кустанайского педвуза М. А. Мейлахсом (руководитель археологической практики студентов института) я проехала в район бывшего совхоза Приречный с целью отыскать группы, открытой Г. И. Пацевичем. Однако наши поиски не увенчались успехом. Ориентиры указанные Г. И. Пацевичем в «Археологической карте Казахстана» оказались недостаточными и сколько мы ни кружили вокруг центральной усадьбы совхоза, могильника не нашли. Поскольку насыпи курганов были невелики и представляли наброску камней, то возможно их разобрали для нужд хозяйства, тем более, что располагались они в непосредственной близости от села. Тогда выбор места работ был перенесен севернее в район теперешнего пос. Приречный, где М. А. Мейлахс провел небольшую разведку в мае 1966 г. Было решено остановиться на могильниках, расположенных на землях подхоза «Асбест», находящегося в 18 км северо-восточнее Джетыгары, на левом берегу Тобола.

Вскрытые нами первые два кургана располагались поблизости от точки № 5 подхоза на северо-восток от нее, по существу на окраине этого поселка, на краю вспаханного и засеянного картошкой поля.

Курган № 1 – одиночный каменный курган, современный диаметр которого не превышает 11–12 м, но первоначально он был, видимо, больше. Курган опухан и камни от него растащены на значительное расстояние.

Для раскопки был взят диаметр 12 м, настоящая высота кургана 0,35 м. Насыпь кургана состояла из мелких и крупных камней, между которыми затекла плотная слежавшаяся супесь темно-серого цвета (рис. 1).

Почти в центре кургана (0,5 м к северу от «0») – свежая яма овальной формы 1,50 x 1,20 м, глубиной 0,30–0,50 м.

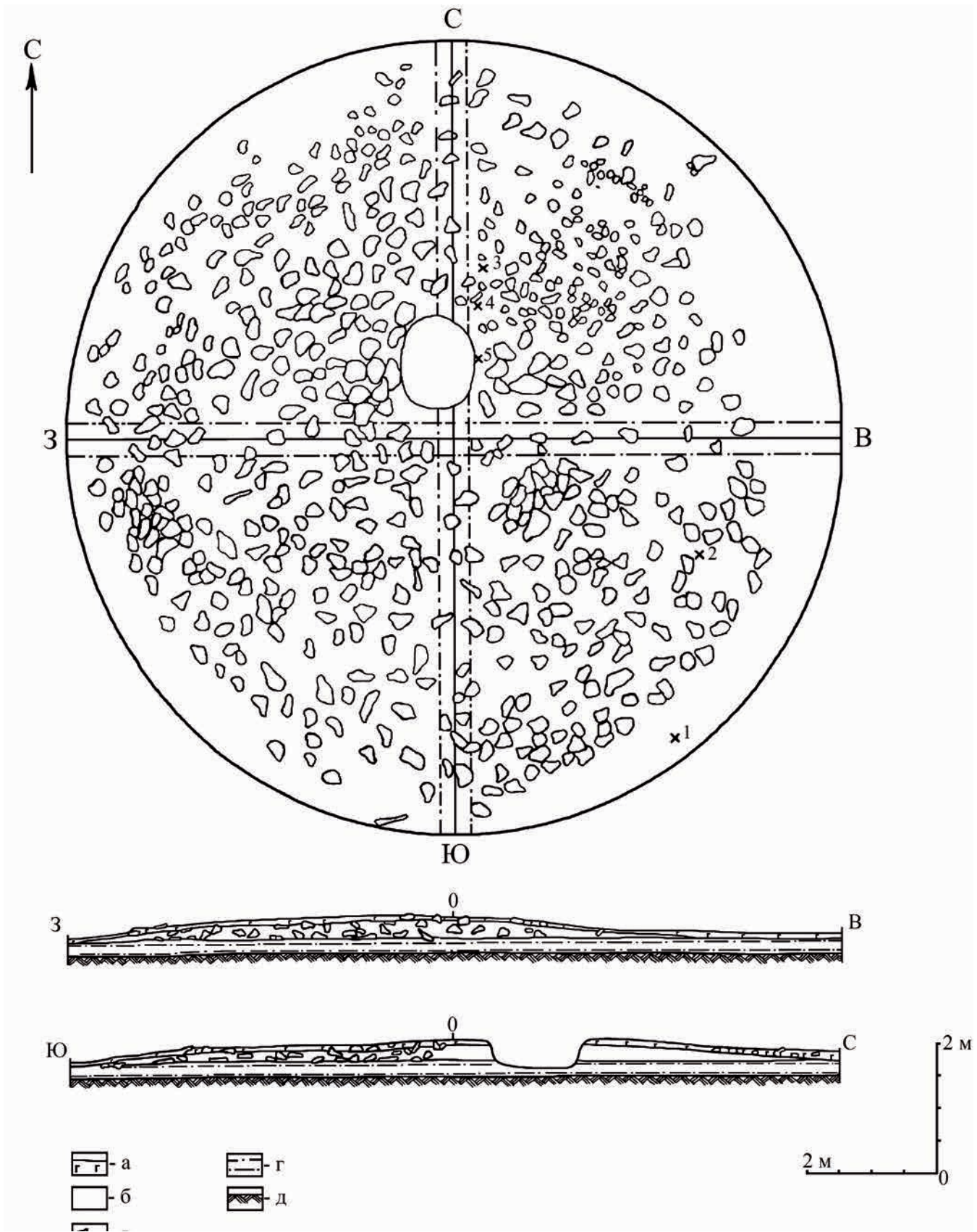

Рис. 1. Приречное-1. Курган 1. План и профиль: 1 – зуб лошади и обломки плоских костей; 2 – кости животного; 3 – зубы животного; 4 – скопление зубов крупного животного; 5 – зубы лошади; а – дерновый слой; б – насыпь кургана; в – камни; г – погребенная почва; д – материк

Среди камней, составлявших курган, находились довольно крупные до 30 x 40 см очень редко 40 x 50 см и даже больше, но основную массу составляли камни среднего размера. У основания кургана они были уложены более интенсивно, составляя как бы опорное кольцо. Верхний слой всей насыпи кургана состоял из более крупных камней, глубже шли камни поменьше. Курган раскапывался вручную. Скопления, особенно, крупных камней были сосредоточены, главным образом, в центре кургана, в северо-восточном и юго-восточном секторах, где они шли сплошным слоем.

На глубине 0,20–0,30 м появился древний горизонт, на который и была уложена каменная насыпь. Материк в виде светло-желтого песка с большим количеством щебня начался с глубины 0,55–0,60 м. Верхний его слой представлял собой красноватый суглинок.

Во время снятия насыпи в юго-восточном секторе кургана на глубине 0,20 м (см. план № 1) были найдены зуб и обломок лопатки лошади. Примерно на той же глубине, среди камней, ближе к бровке запад-восток лежали обломки трубчатой кости крупного животного.

В северо-западном секторе около бровки север–юг на подошве первого штыка (т. е. на древнем горизонте) обнаружены три отдельных скопления зубов лошади. Расположены они почти по одной линии с севера на юг.

Почти по всему пространству юго-восточного сектора, особенно, ближе к бровке север–юг на глубине 0,20–0,25 м под камнями, на древнем горизонте фиксировался очень тонкий слой красноватого суглинка. Незначительные остатки его были заметны и в юго-западном секторе, ближе к его внешнему краю.

В северо-западном секторе, почти у бровки запад–восток, фиксировался слой камня, нижняя часть которого носит следы огня. В северо-восточном секторе камни со следами огня были обнаружены, главным образом, в северной части сектора. Отдельные, как будто прокаленные в нижней части, камни попадались по всему северо-восточному сектору. Погребенная почва отличалась от насыпи полным отсутствием камней, а также более темным цветом супеси. В профилях бровок курганов никаких разрезов погребенной почвы не наблюдалось. Никаких находок (кроме костей животных) ни в насыпи, ни в погребенной почве обнаружено не было. Появившийся на глубине 0,55–0,60 м материк был тщательно зачищен, однако никаких пятен (за исключением бесформенных, принадлежавших норам грызунов) не оказалось. Для верности была снята крестовина бровок на расстоянии 3 м (во все стороны) от «0» и поверхность еще раз тщательно зачищена. Но и это не дало никаких результатов. Для окончательной проверки в центре был заложен шурф 2 x 2 м, глубиной 1,30 м. Сначала шел песчаный, как будто неоднородный, грунт, затем пошла очень твердая красная глина с мелкой и крупной щебенкой. Никаких находок не было.

По всей вероятности, это была какая-то культовая жертвенная площадка. В пользу этого говорят несколько моментов: во-первых, следы огня на целом ряде камней из которых сложена насыпь; во-вторых, тонкий слой глины, лежавший на погребенной почве и слабо фиксировавшийся в южной части кургана, может быть это следы глиняной площадки и, наконец, скопления зубов лошади в северной поле кургана.

Курган № 2 находился в 50 м к северу от первого. Он небольшой, также выложен камнем. Форму и первоначальные размеры его определить очень трудно, так как со всех сторон он был опаян, а камни растащены на большое расстояние. Может быть, это даже не курган, а круглая каменная выкладка – вымостка, диаметр ее 4 м, высота 0,10 м. Курган снимался вручную, была оставлена одна бровка север–юг шириной 0,30 м. Камни были только на первом штыке, причем главным образом, в южной части кургана. Большинство камней мелкие, но попадались и более крупные 20 x 15 см и 10 x 20 см. На расстоянии 0,50 м от центрального кола к югу была чуть заметна небольшая западина, где и были, главным образом, сосредоточены камни. Здесь они прослеживались глубже, чем в других частях кургана, почти до уровня материка, появившегося на глубине 0,45 м в виде красного суглинка пронизанного включениями белой материковой глины.

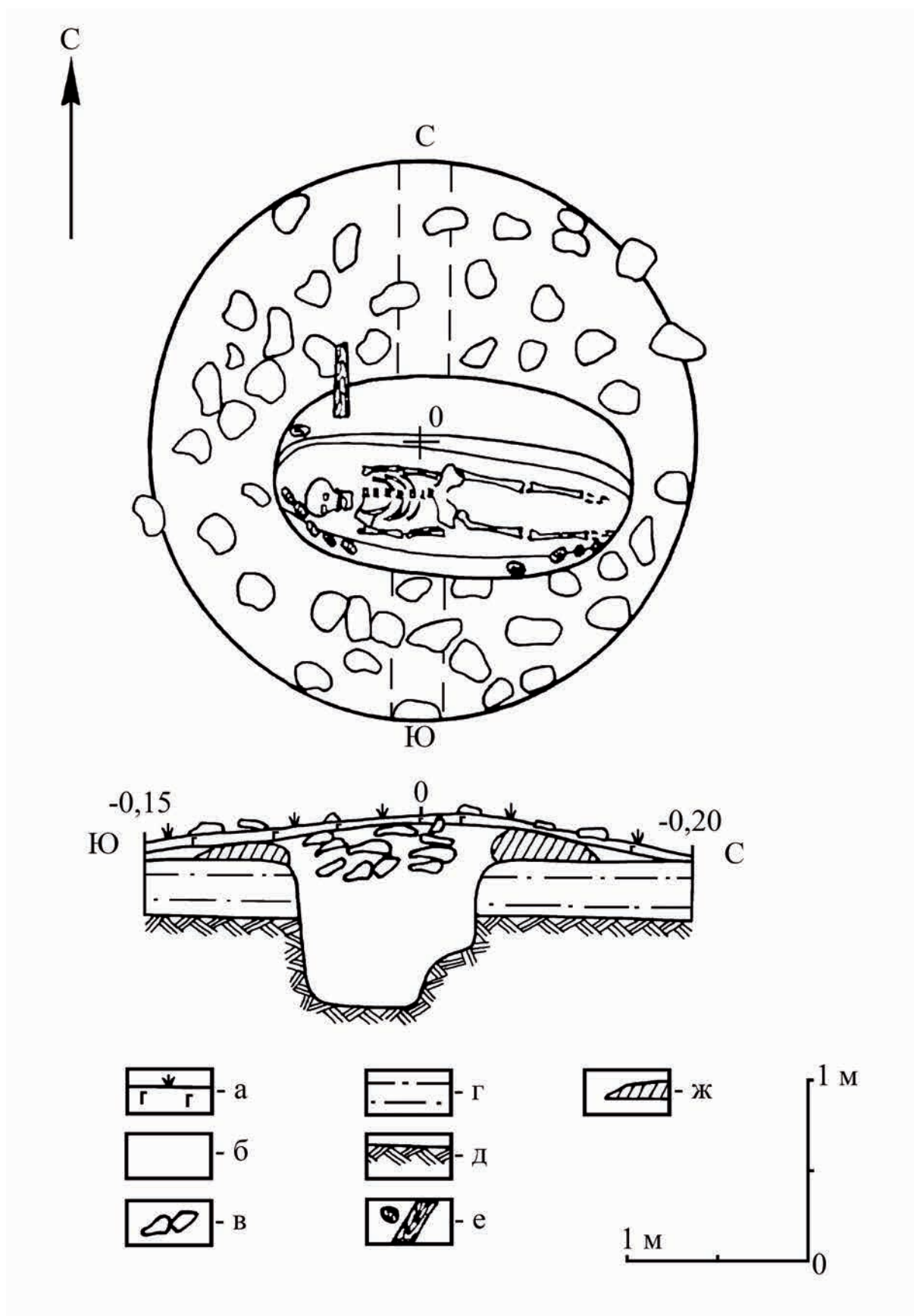

Рис. 2. Приречное-2. Курган 1. План и профиль: а – дерновый слой; б – насыпь кургана; в – камни; г – погребенная почва; д – материк; е – остатки деревянного сооружения; ж – могильный выкид

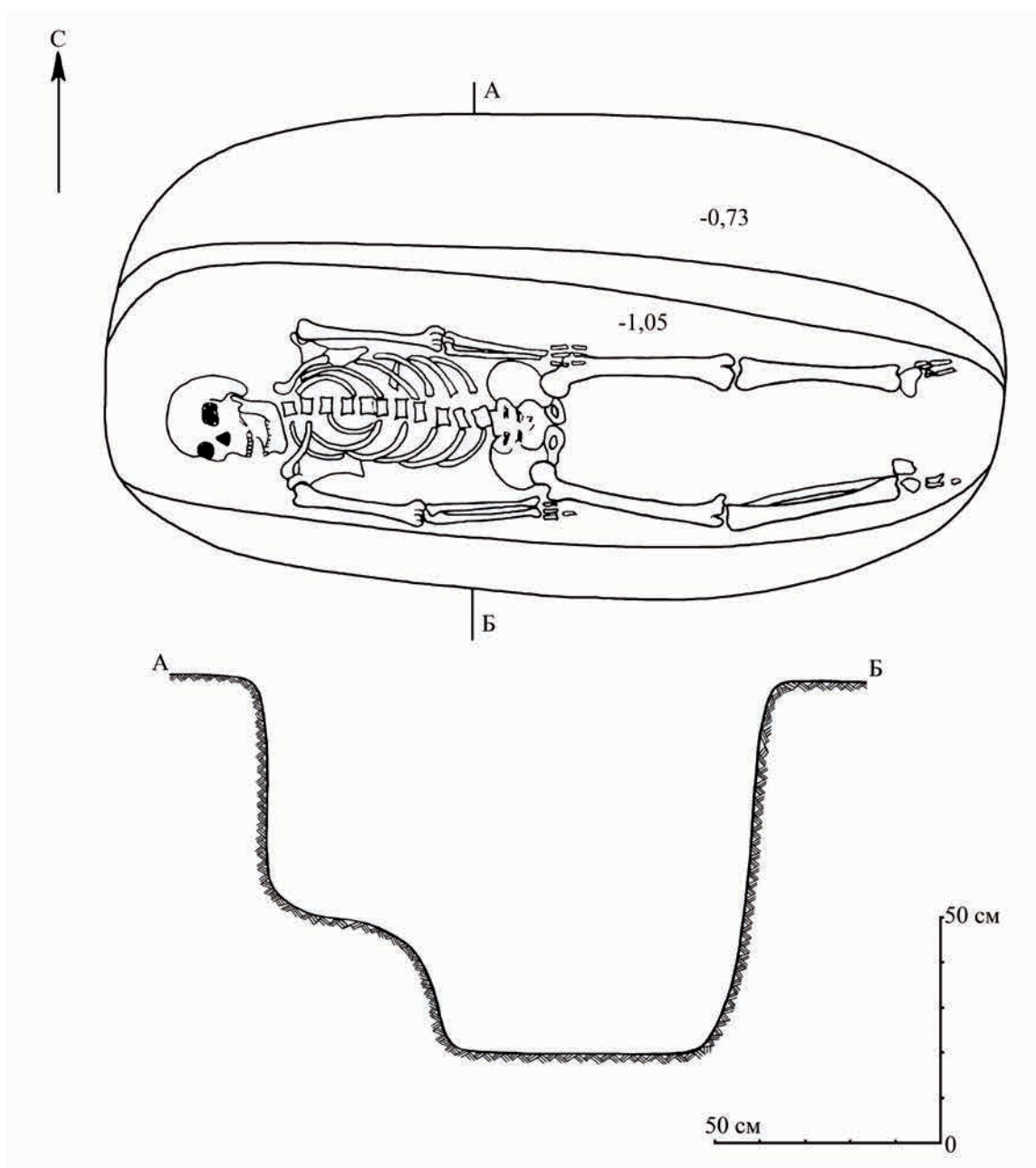

Рис. 3. Приречное-2. Курган 1, погребение 1. План и профиль

Погребенная почва по структуре и цвету не отделялась от верхнего слоя (т. е. от супеси, затекшей между камнями насыпи). Зачистка материка опять не дала никаких результатов, могильных пятен не было обнаружено.

На площади всего раскопа для проверки был пройден слой материка на глубину 0,60 м (от уровня материка), весь он оказался совершенно чистым. Только в очень небольшом темном пятне, видимо, норе суслика, были найдены три мелких уголька. Больше ничего не обнаружено.

Поскольку это не выход породы и поблизости нигде камней не было, то, несомненно, выкладка не естественного происхождения, а сделана руками человека. Может быть, это кенотаф или поминальный памятник. Но ничего определенного сказать, конечно, нельзя.

Курганная группа № 2

К востоку–северо-востоку от двух раскопанных курганов располагалась еще одна группа. Она находится в 1,5 км от здания школы пос. Приречного (точка № 5 подхоза «Асбест»), строго

на северо-восток от него. Группа состояла из 10 маленьких круглых каменных курганов и двух удлиненно-овальных насыпей, находившихся на небольшом невспаханном участке, который с двух сторон был окружен посевами подхоза.

В группе раскопано пять курганов.

Курган № 1 – маленький каменный курган (диаметр – 3 м, высота – 0,20 м) заложен камнем и задернован. Наибольшее скопление камней наблюдалось ближе к центру, где они были особенно крупными. У основания кургана также встречались крупные камни. Насыпь снималась полностью с оставлением одной бровки – 0,30 м в направлении север–юг (рис. 2). На глубине 0,37 м в западной части кургана, у бровки, появился слой дерева, представляющий собой остатки перекрытия, которое уходило вглубь могильной ямы. Трудно сказать, где оно располагалось первоначально, то ли на уровне погребенной почвы, то ли материка, но в любом случае, под тяжестью камней, оно опустилось в могилу. Материк в виде желтой глины появился на глубине 0,50–0,55 м. В профиле кургана очень хорошо был заметен разрез древней поверхности и лежащий на краю ямы могильный выкид. В этом месте, где могильная яма прорезала древнюю поверхность, каменная засыпка шла глубже уровня древней поверхности, доходя почти до материка.

После снятия бровки и зачистки материка довольно четко оконтурилась могильная яма, ограниченная с запада остатками перекрытия. Следы березовых жердей были заметны и с восточной стороны могилы.

Погребение (рис. 3). Могильная яма ориентирована по линии запад–восток, размеры ее 2,00 x 1,10 м (0,6), глубина – 1,00 м. Вдоль северной стенки могилы на глубине 0,73 (0,18 от материка) была сделана ступенька, которая спускалась ко дну чуть полого. Также не совсем вертикально, а с небольшим скосом шла и южная стенка могилы. На ступеньке прекрасно фиксировались следы перекрытия, замеченного нами впервые еще на глубине 0,37 м. Оно состояло из плашек и небольших бревен, преимущественно березы. В средней части могилы остатки перекрытия опустились ниже уровня ступеньки. Вдоль южной стенки были зафиксированы вертикально стоящие колья, диаметром 6–8 см. На отдельных участках они сохранились на 10–12 см выше уровня материка. По всей вероятности, жерди-колья играли определенную конструктивную роль, поддерживая одну из продольных сторон перекрытия, но являлся ли второй опорой – край могилы на уровне материка или погребенной почвы – решить трудно. Несомненно, только, что ступенька не могла служить второй опорой, т. к. вертикальные жерди фиксировались намного выше ее. Заполнение могильной ямы состояло из пестроцвета, основную часть которого составляла материковая глина.

На дне могилы лежал скелет взрослого человека, видимо, мужчины, вытянуто на спине, головой на запад. Руки вытянуты вдоль туловища, правая нога чуть согнута в колене, левая – прямая. Никаких вещей при погребенном не оказалось.

Курган № 2 располагался на расстоянии 200 м к северу от кургана № 1 (диаметр – 4 м, высота – 0,12 м). Камни были положены бессистемно, только в центре находилась огромная плита (0,60 x 0,70 м). Камни шли, главным образом, в верхнем слое, глубже они встречались лишь в центре «над могилой». Как и в других курганах этой группы насыпь чуть заметная, задернованная. В профиле кургана так же, как и в первом, хорошо фиксировался могильный выкид, лежащий почти под дерном. Благодаря ему резко отделялась погребенная почва от насыпи (рис. 4). Могила была засыпана пестроцветом, поэтому хорошо выделялась уже в погребенной почве, но четко оконтурилась лишь на уровне материка, появившегося на глубине 0,55–0,60 м в виде желтоватой глины.

В западном поле кургана у самой бровки, на расстоянии 0,25 м от «0» к северу и на глубине 0,45 м (т. е. в погребенной почве) было обнаружено погребение № 1.

Погребение № 1 (рис. 5), видимо, ребенка, впускное; чуть-чуть не дошедшее до материка, поэтому могильную яму оконтурить не удалось. Ребенок лежал на спине, вытянуто, головой

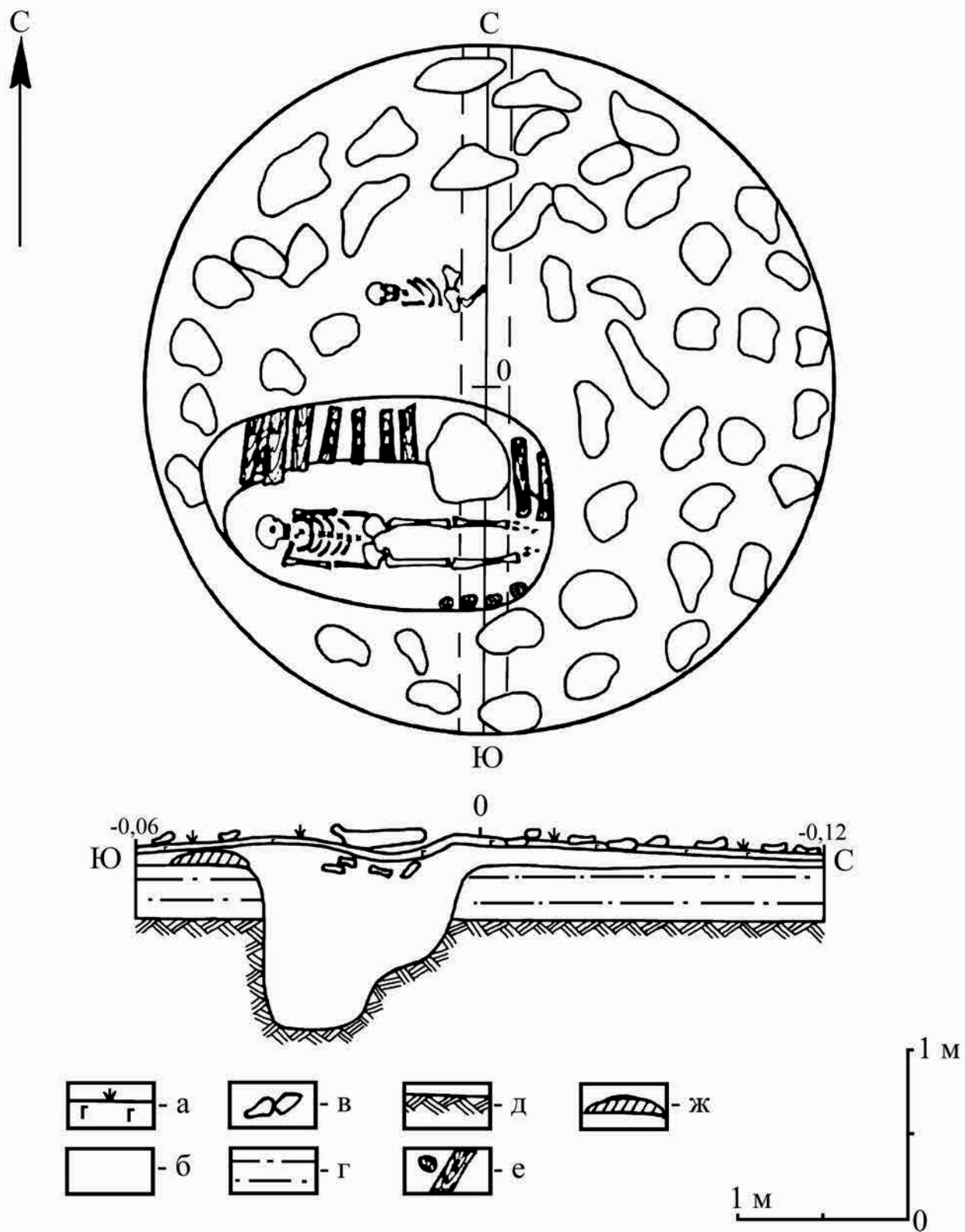

Рис. 4. Приречное-2. Курган 2. План и профиль: а – дерновый слой; б – насыпь кургана; в – камни; г – погребенная почва; д – материк; е – остатки деревянного сооружения; ж – могильный выкид

на запад. Из костей рук сохранилось только правое плечо, из костей ног – правое бедро, лежавшее чуть вкось по отношению к погребенному. Судя по тлену остальных костей – руки и ноги были вытянуты. Никаких вещей при ребенке не было. В насыпи над погребенным наблюдалось скопление камней, - могила после захоронения, несомненно, была заложена камнями.

Погребение № 2 (рис. 6) центральное. К югу от центра кургана располагалось основное погребение. Это была большая могильная яма, выделившаяся по цвету засыпки уже в погребенной почве. Кроме того, чуть выше материка на 5–10 см появились следы перекрытия, уходящего вглубь

могилы. Оно состояло из плах и небольших бревнышек, положенных поперек могилы. Могила была ориентирована по линии запад–восток, широкая овальная яма со срезанным юго-западным углом, размеры ее 2,15 x 1,20 (0,65) м, глубина 1,20 м. На высоте 0,30 м от дна могилы, вдоль северной продольной стенки была сделана ступенька, шириной 0,50 м. В самой могильной яме перекрытие фиксировалось очень четко. На ступеньке бревна и несколько плах, из которых состояло перекрытие, лежали почти горизонтально, непосредственно над погребенным перекрытие рухнуло и остатки его лежали наклонно и почти вертикально. Вдоль южной стенки могилы опять были зафиксированы вертикально поставленные колья диаметром 6–12 см. При расчистке засыпки изредка встречались чуть обожженные бревнышки. На дне ямы лежал скелет взрослого человека на спине, вытянуто, головой на запад, лицом к северу. Руки и ноги были вытянуты вдоль туловища. Никаких вещей при погребенном не было.

Как и в кургане № 1, очень трудно определить первоначальный уровень возведения перекрытия могилы.

Курган № 3 находился в непосредственной близости от кургана № 1 (40 м), к югу от него. Среди остальных курганов группы он выделялся своей высотой – 0,40 м (диаметр – 4 м) и насыпкой правильной округлой формы. Поверхность кургана была аккуратно выложена мелкими камнями и только в основании лежали крупные камни. Насыпь состояла из серой, довольно мягкой супеси, насыщенной в центре кургана камнем. По периферии камень лежал лишь в верхнем слое. Материк появился на глубине 0,60 м. В профиле кургана прекрасно прослеживался могильный выкид и разрез погребенной почвы (рис. 7). В плане могильный выкид был хорошо заметен у подошвы первого штыка и, особенно, на втором.

На материке очертания могильной ямы прослеживались очень плохо. Это было довольно широкое овальное пятно, вытянутое в направлении запад–восток. При расчистке могилы на глубине 0,80 м (т. е. 0,20 м от материка) начали попадаться вертикально стоящие березовые колья, прослеживаемые с востока на запад, ближе к южной стенке могилы (рис. 8).

С глубины 0,8–0,9 м могильная яма оконтурилась вполне четко. Это была овальная могила длиной 2 м с более широкой восточной 1,25 м и более узкой (1,05 м) западной сторонами.

Вдоль северной стенки, на глубине 1 м шла очень широкая ступенька, занимавшая большую часть могилы. В восточной части могилы ширина ступеньки достигала 0,75 м, в западной

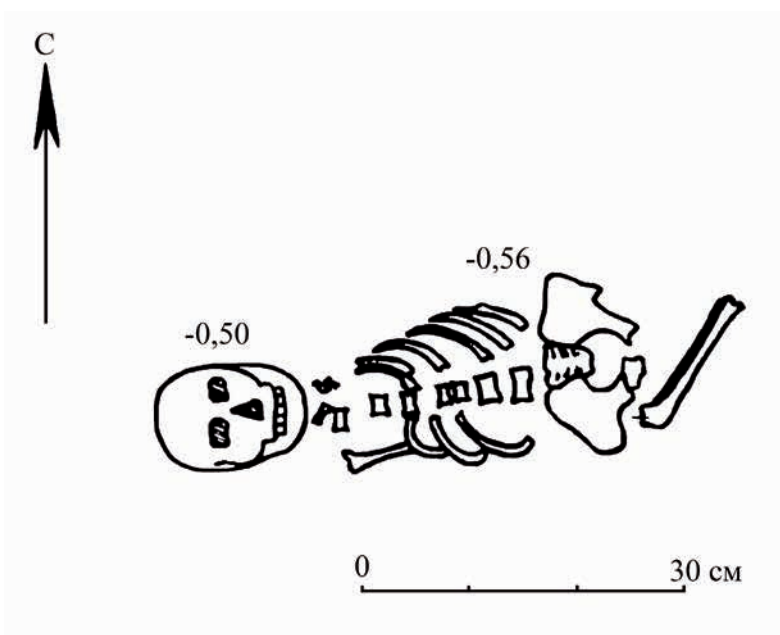

Рис. 5. Приречное II. Курган 2, погребение 1

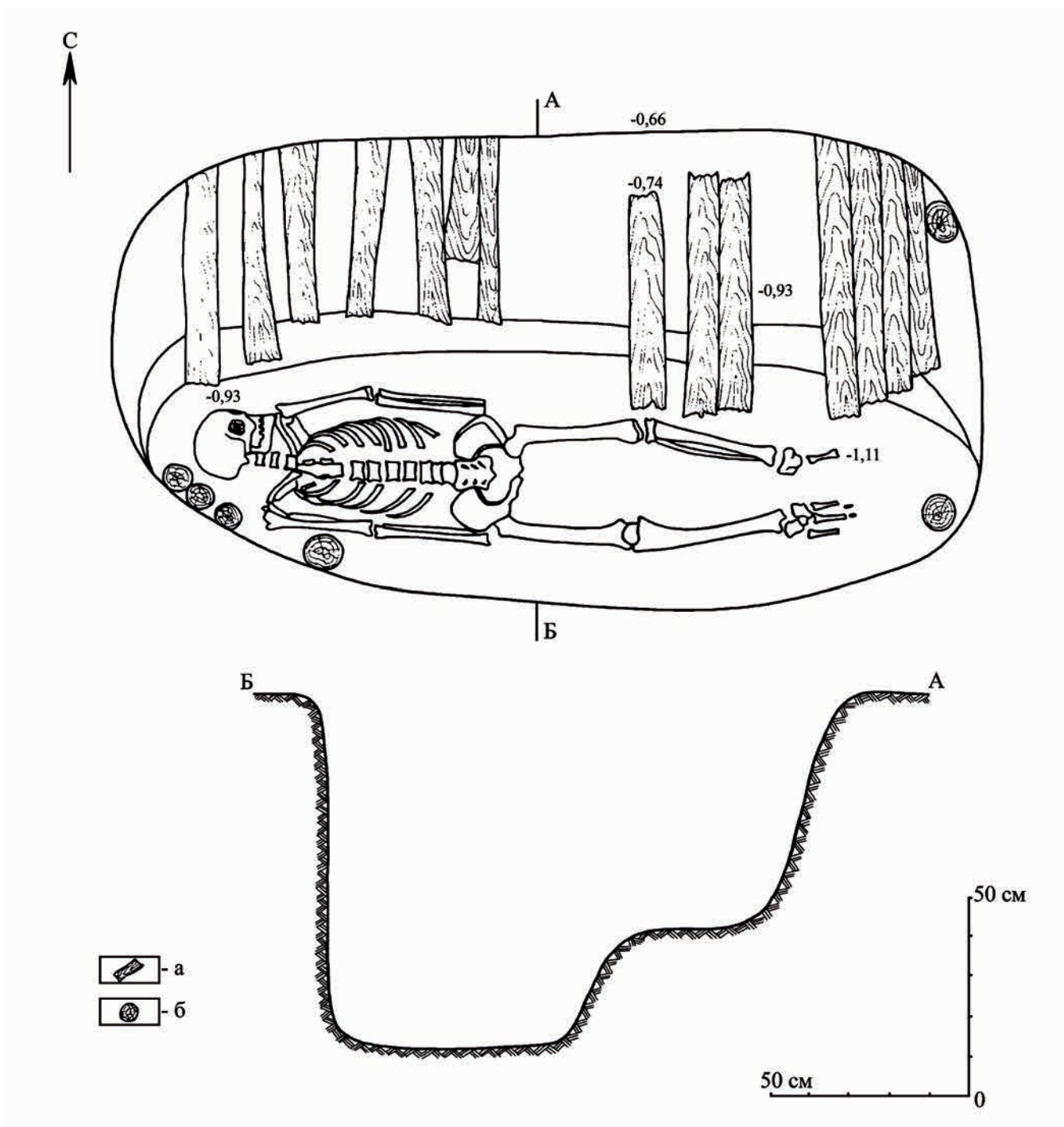

Рис. 6. Приречное-2. Курган 2, погребение 2. План и профиль: а – дерево перекрытия; б – столбы погребального сооружения

– 0,50 м. На глубине 1,15 м вдоль всей северной стенки фиксировалась еще одна ступенька шириной 0,10–0,15 м. В результате ширина могильной ямы у дна достигала всего 0,50 м. Почти непосредственно над погребенным, на глубине 1,15–1,20 м сохранились следы деревянного перекрытия, находившегося первоначально, видимо, выше и затем упавшего в могилу. На дне ямы, под остатками деревянного перекрытия, лежал скелет взрослого человека, по-видимому, мужчины, вытянутого на спине, головой на запад. Череп чуть приподнят, левая рука согнута в локте и кисть ее лежит на тазовых костях, правая – вытянута, а кисть ее покоится на бедре. Правая нога согнута в колене и чуть отставлена в сторону.

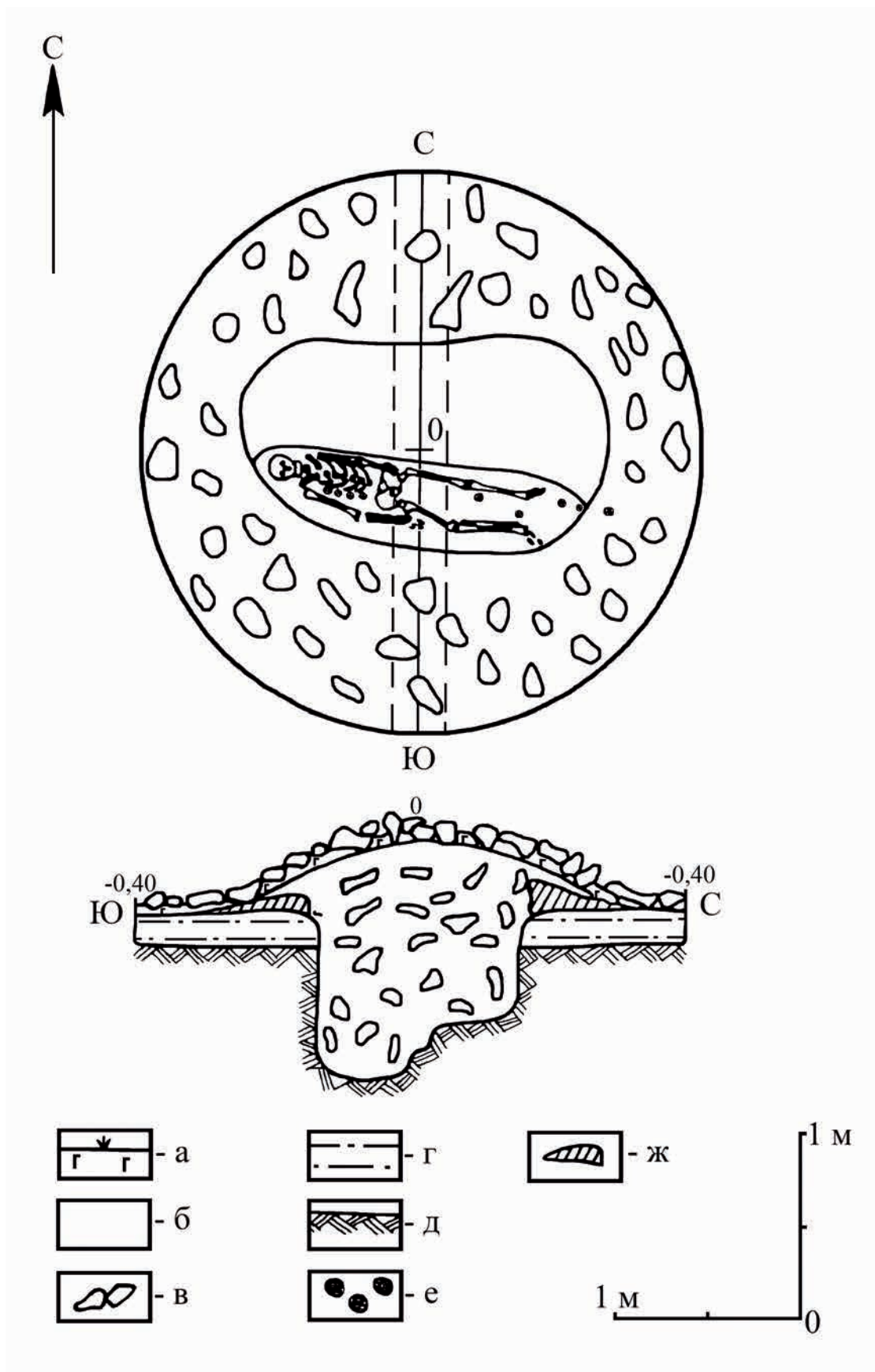

Рис. 7. Приречное-2. Курган 3. План и профиль: а – дерновый слой; б – насыпь кургана; в – камни; г – погребенная почва; д – материк; е – остатки вертикальных жердей; ж – могильный выкид

На тазовых костях скелета около кисти левой руки были найдены очень мелкие кусочки ткани зеленоватого цвета. Осталось неясным расположение остатков деревянных стоек, шедших по дну могильной ямы. Они располагались не у стенки, а почти посередине дна ямы под скелетом.

Курган № 4 (рис. 9) находится в 120 м к востоку–северо-востоку от кургана № 3. Небольшой каменный курган, сверху задернованный (диаметр – 4 м, высота – 0,25 м). Камень находился главным образом на поверхности (первый слой) глубже он почти исчез за исключением той части кургана, где затем была обнаружена могила. Насыпь состояла из темно-серой комковатой супеси. По всей поверхности кургана на подошве первого штыка под слоем камней прослеживался могильный выкид, особенно интенсивный в северном поле кургана. Материк в виде желтой глины появился на глубине 0,50 м. Погребенная почва четко отделялась от насыпи, благодаря могильному выкиду. В кургане обнаружено одно погребение. Разрез кургана дал возможность разобраться в конструкции могилы. На глубине 0,40 м в погребенной почве вдоль длинных сторон могилы были сделаны приступочки или заплечики, ниже которых стенки могилы фиксировались строго отвесно (рис. 9).

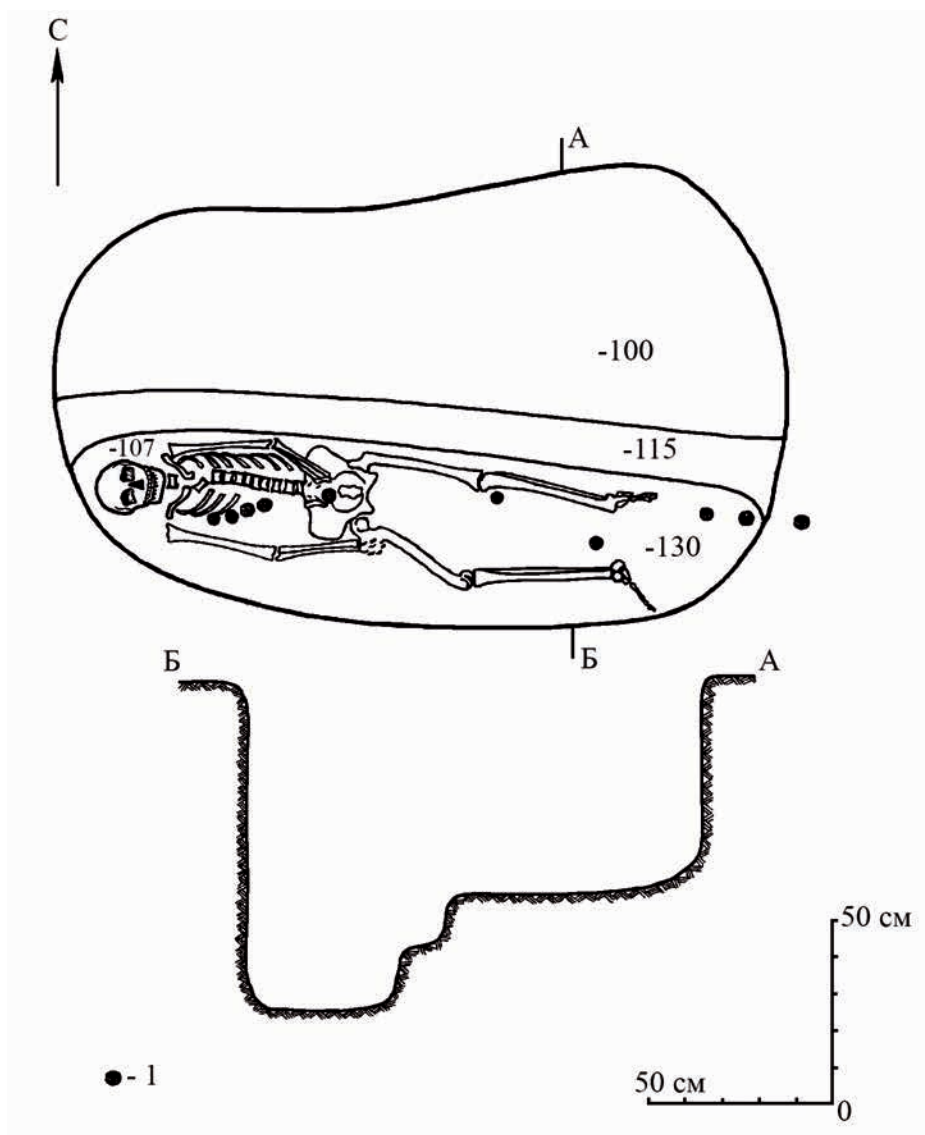

Рис. 8. Приречное-2. Курган 3, погребение 1. План и профиль:
1 – остатки деревянных стоек погребального сооружения

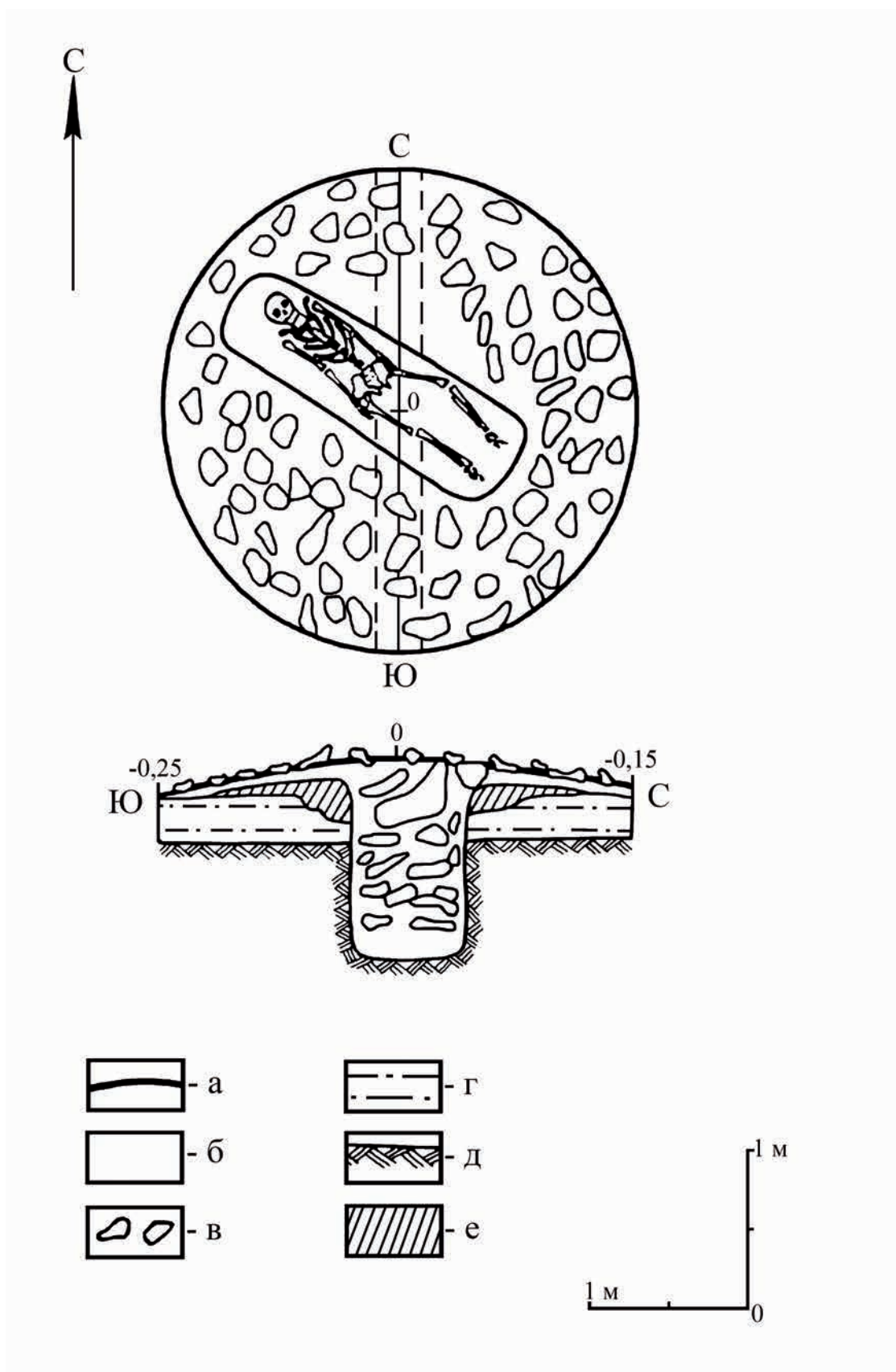

Рис. 9. Приречное-2. Курган 4. План и профиль: а – верхний гумусный слой; б – насыпь кургана; в – камни; г – погребенная почва; д – материк; е – могильный выкид

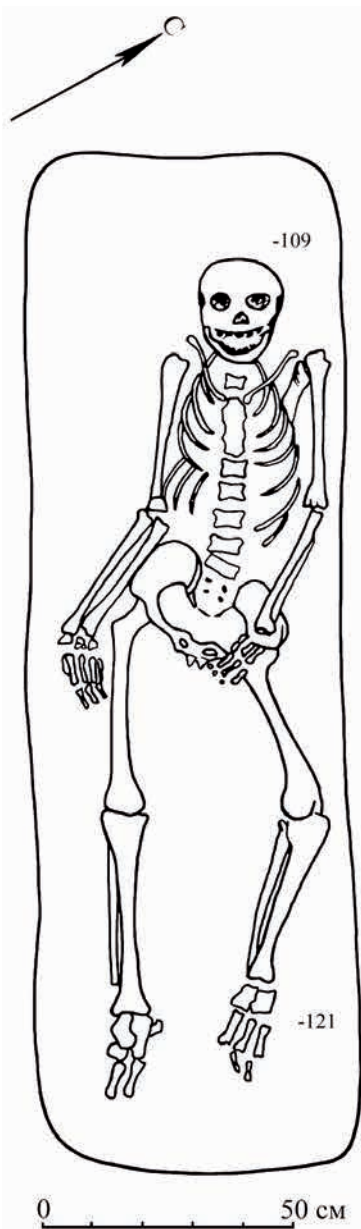

Рис. 10. Приречное-2. Курган 4, погребение

Узкая могильная яма прямоугольной формы была ориентирована по линии ЗСВ–ВСВ, размеры ее 2 x 0,60 м, глубина 1,30 м. Засыпка могилы состояла из пестроцвета, насыщенного большим количеством камней, которые шли от поверхности и до самого дна.

Остатков дерева в могиле почти не было. Отдельные жердочки или колья располагались поперек могилы, а около северной стенки попадались небольшие куски дерева, шедшие вдоль могильной ямы.

На дне лежал скелет взрослого человека, вытянутого на спине, головой на ЗСЗ. Позвоночник его изогнут S-образно, кисть левой руки лежит на тазовых костях, правая рука (плечо) прижата к туловищу, а от локтя отведена несколько в сторону. Правая нога прямая, левая согнута в колене и чуть отставлена. Вообще верхняя часть скелета немного изогнута и лежит чуть наискось могилы. Под погребенным находился коричневый тлен. Никаких вещей не обнаружено (рис. 10).

Курган № 5 расположен в 80 м к северу от кургана № 4. Это небольшой каменный курганчик правильной сферической формы (диаметр – 3 м, высота – 0,20 м). Камни бессистемно покрывают всю поверхность кургана, но особенно много их в центральной части, где потом была обнаружена могила. Непосредственно над могилой находились самые крупные плиты (рис. 11). В насыпи никаких находок не обнаружено. Погребенная почва четко отделяется от насыпи благодаря слою могильного выкида.

В кургане, чуть севернее центра, обнаружено единственное погребение. Небольшая могильная яма ориентирована по линии запад–восток, размеры ее 1,20 x 0,60 м (0,30 м по дну), глубина 0,95 м (рис. 12). Почти у дна могилы, на высоте 5–7 см, вдоль продольных стенок сделаны ступеньки, шириной 0,10–0,15 м, благодаря которым ширина могилы на дне равна 0,30 м. На дне ямы лежал скелет ребенка, вытянутого головой на запад. Погребенный немного повернут на правый бок, особенно, верхняя часть скелета. Руки лежат вдоль туловища, ноги вытянуты, но чуть расставлены, а правая слегка согнута в колене. Никаких вещей при ребенке не было.

На этом раскопки в районе пос. Приречное были закончены и экспедиция перебазировалась в верховья р. Кара-Бутак, правый приток Суундука в район с. Аландское (Кваркенский р-н, Оренбургская обл.), где продолжались раскопки памятников, исследовавшихся в 1965 г.

Кара-Бутакский могильник располагался в пойме правого берега р. Кара-Бутак на землях совхоза Аландский, в урочище «Кривулино», примерно в 7 км к северо-востоку от пос. Аландский.

В 1965 г. здесь было раскопано два кургана, которые дали погребения эпохи бронзы. В 1966 г. вскрыли еще два кургана, нумерация была продолжена прошлогодняя.

Курган № 3 (рис. 13) (диаметр – 12 м, высота – 0,4 м). Поскольку могильник находится в затопляемой пойме, то курганы никогда не распахивались. Сейчас они хорошо задернованы.

Курган копался вручную с двумя перпендикулярными бровками шириной по 30 см. Раскопки велись траншеями – одна кольцевая и центральный сектор. Насыпь кургана состояла

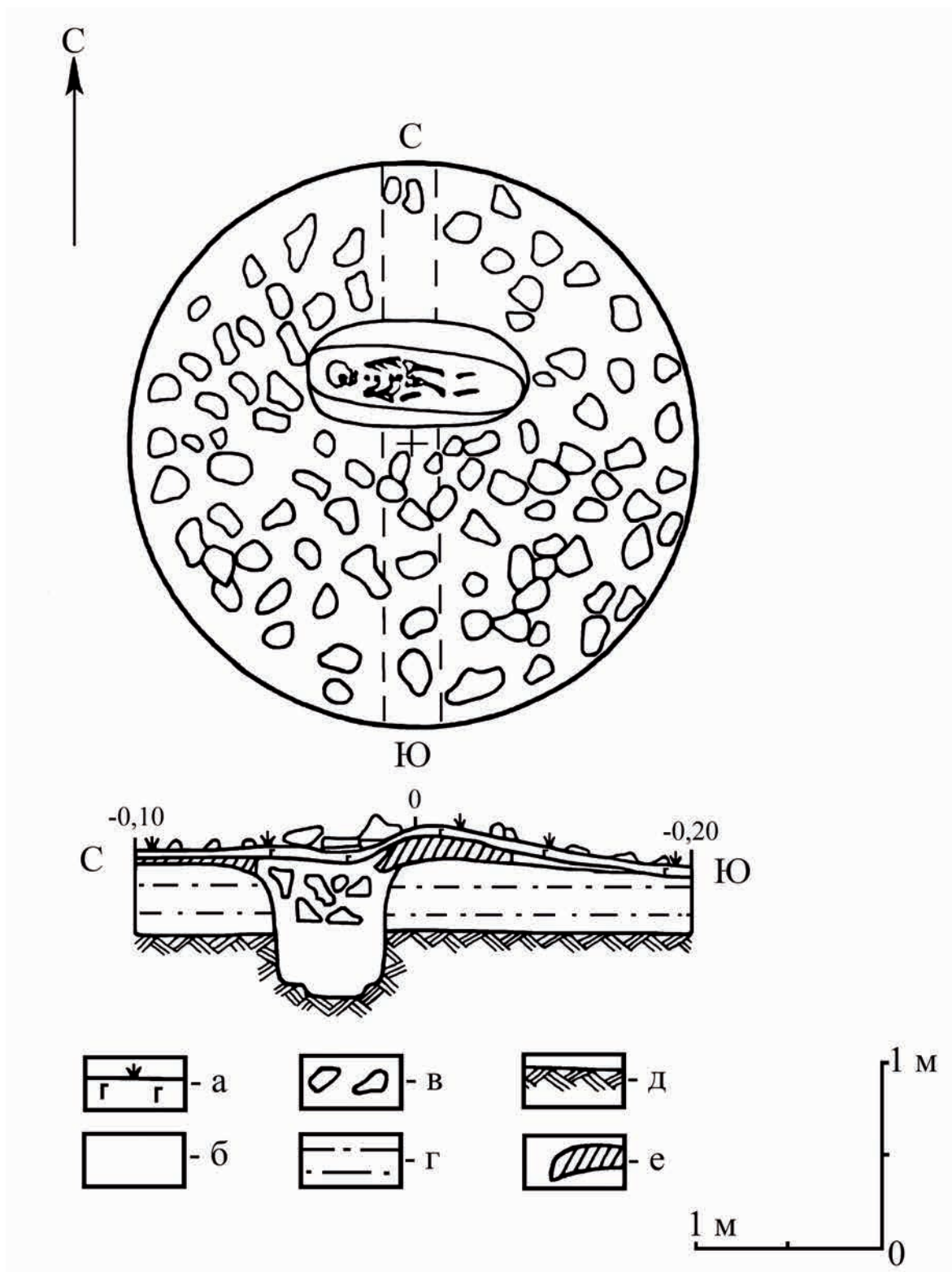

Рис. 11. Приречное-2. Курган 5. План и профиль: а – дерновый слой; б – насыпь кургана; в – камни; г – погребенная почва; д – материк; е – могильный выкид

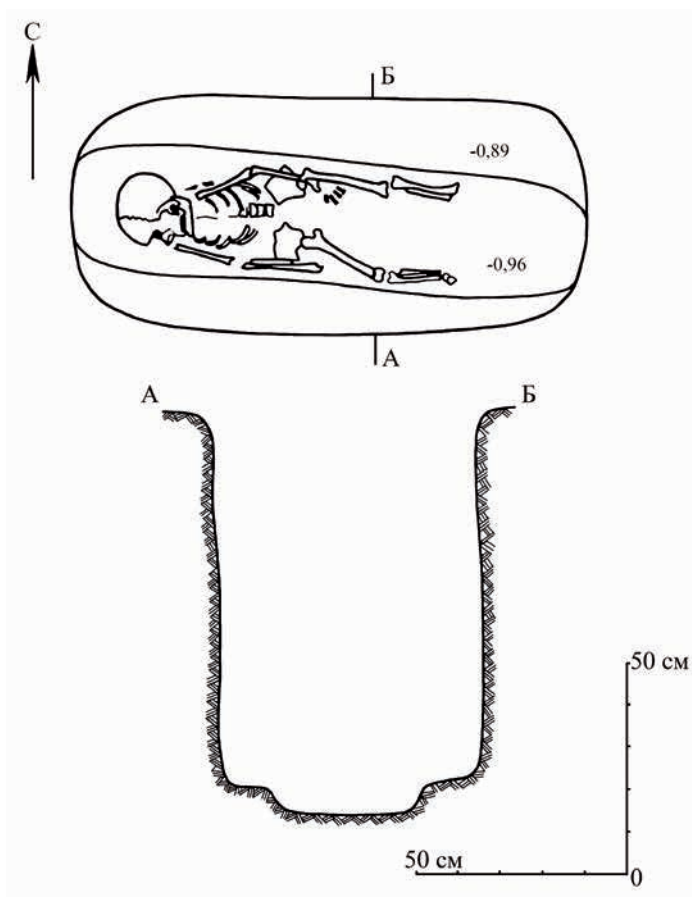

Рис. 12. Приречное-2. Курган 5, погребение 1.
План и профиль

из довольно мягкой черной супеси без всякого включения камней. Погребенная почва отличалась от насыпи по цвету, была серого пепельного цвета. Материк в виде светло-желтого суглинка с песком появился на глубине 0,80–0,85 м (от «0»). В кольцевой траншее не оказалось ни одного погребения. При снятии центральных секторов, на глубине 0,34 м, в юго-восточной части, была обнаружена трубчатая кость крупного животного. На глубине 0,35–0,40 м по всей центральной части кургана, особенно, в западном поле, довольно четко фиксировался слой могильного выкида. В северо-восточном, северо-западном и юго-западном секторах встречались отдельные плахи от деревянного перекрытия. Часть из них, особенно в северо-восточном секторе, лежала на могильном выкиде; другие встречались в толще его, некоторые, особенно, в районе могильной ямы, еще глубже, почти у материка. Но поскольку это были не целые плахи, а лишь отдельные обломки, то уловить конструкцию и даже направление почти невозможно. В северо-восточном секторе они лежали, как будто, в направлении северо-запад–юго-восток.

В юго-западном секторе было обнаружено единственное погребение кургана (рис. 14). Это была довольно большая прямоугольная могильная яма не совсем правильных очертаний, ориентированная по линии запад–восток. Размеры ее 2,10 (1,85) x 1,45 м, глубина 1,20–1,30 м. Не исключено, что это была подбойная могила, поскольку под южной стенкой сохранились остатки небольшого подбоя высотой 0,30 м и глубиной 0,10–0,15 м. Кроме того, дно южной части могилы, т. е. предположительно подбоя, было на 0,10 м глубже дна северной части – входной ямы, что также является обычным для подбойных могил. Вся яма была изрыта норами грызунов и сильно потревожена, видимо, разграблена, поэтому вполне вероятно, что подбой был разрушен, или обвалился, сама же конфигурация могилы разрешает предполагать его существование. Засыпка ямы состояла из довольно плотной серой супеси, перемешанной с материковой глиной и пронизанной норами грызунов. При вскрытии могилы на различной глубине попадались отдельные кости человека и грызунов. На глубине 1,10 м, ближе к восточной стенке могилы, была обнаружена большая берцовая кость человека, поблизости фаланги ноги. В предполагаемом подбое, у самой восточной стенки, лежали обломки нижней челюсти человека, ребра, позвонки.

Почти вплотную к западной стенке, у устья подбоя лежали обломки довольно большого сосуда. После разборки оказалось, что фрагменты принадлежат двум различным горшкам.

Первый – довольно большой плоскодонный сосуд (диаметр устья – 22 см, диаметр дна – 13 см, высота сохранившейся части – 14 см, диаметр корпуса – 27–28 см). Горло и плечики украшены орнаментом, нанесенным сильно смазанным мелкозубчатым штампом. Орнамент – горизонтальные линии, зигзаг, косые насечки, фигуры в виде треугольников – на плечиках и тулове образовывали сложный меандровый узор. Поверхность сосуда красновато-коричневая

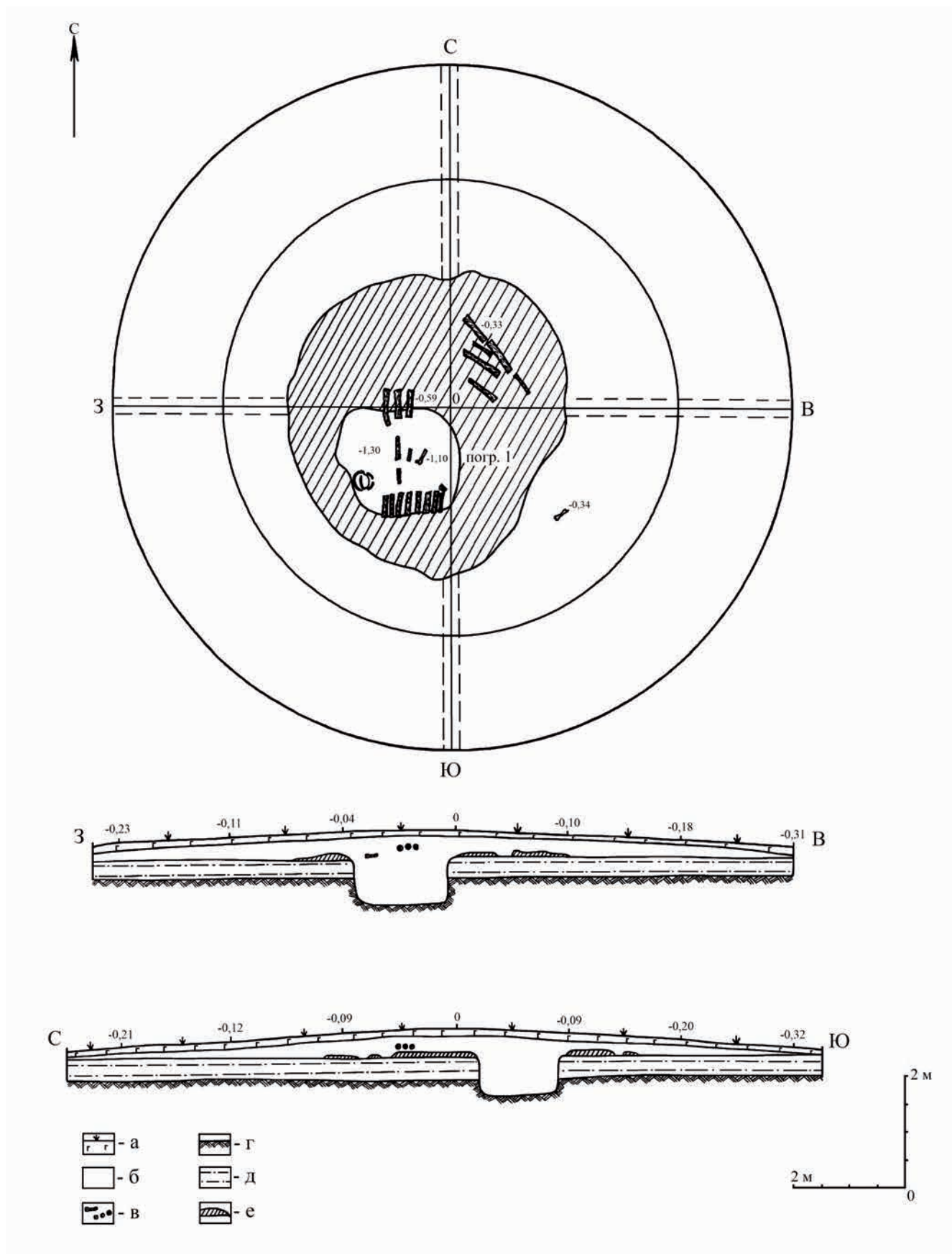

Рис. 13. Могильник Кара-Бутак-1, курган 3. План и профиль: а – дерновый слой; б – насыпь кургана; в – остатки деревянного сооружения; г – материк; д – погребенная почва; е – могильный выкид

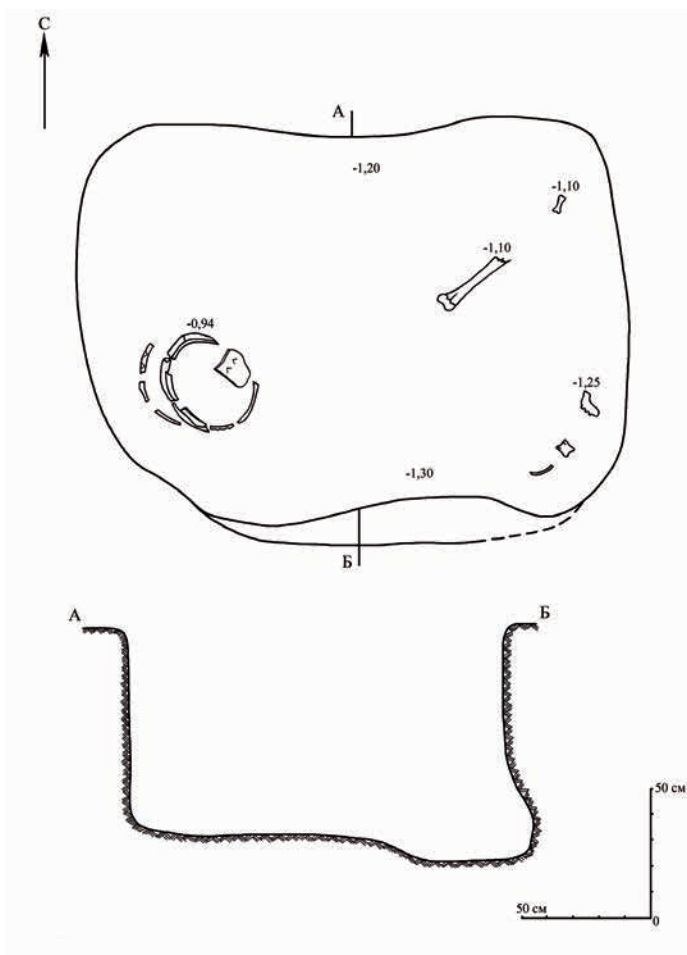

Рис. 14. Могильник Кара-Бутак-1, курган 3, погребение 1. План и профиль

с темными пятнами, довольно хорошо заглажена, даже прилощена. Глина серая, довольно плотная с примесью крупных кусочков талька и дресвы.

Второй горшок представлен обломками венчика также большого сосуда (диаметр устья – 26 см). Горло и плечики орнаментированы – горизонтальные линии, зигзаг и большие ромбы также с крестами посередине. Но переход горла в плечики и затем в тулово очень постепенный, пологий, без всяких уступов. Глина серая с большим количеством талька и крупной дресвы. Поверхность серая, сильно заизвесткованная. Здесь же были найдены обломки стенок, которые не всегда точно можно распределить между этими двумя сосудами.

Курган № 4 – небольшая задернованная насыпь (диаметр – 10 м, высота – 0,54 м), копалась траншеями с двумя перпендикулярными бровками, шириной по 0,3 м. Насыпь состояла из мягкой темно-серой, почти черной супеси. Границу погребенной почвы удалось уловить благодаря могильному выкиду из одного или двух центральных погребений (см. план, рис. 15). Материк в виде желтого суглинка, пронизанного норами грызунов, появился на глубине 1,15–1,30 м.

В кольцевой траншее юго-восточного сектора, на глубине 0,98 м была найдена интересная костяная поделка (рис. 16). Полая трубка длиной 8 см и диаметром у концов 1,9–2 см. Поверхность хорошо заполирована, концы выделены узкими муфточками. На одной из сторон, по всей длине трубки, сделан плоский срез, также хорошо заполированный. На расширяющемся конце поделки сделано овальное отверстие, длиной 1 см. На расстоянии 4 мм перпендикулярно первому еще одно маленькое отверстие куда, видимо, загонялся штырь, конец которого выходил в большое отверстие, где сохранился желобок. Более всего это напоминает рукоятку какого-то предмета, м. б. даже плети.

В кольцевой траншее в северо-восточном секторе на глубине 0,20 м были найдены обломки керамики. Это были фрагменты венчика (диаметр – 14 см) и стенок лепного горшка. Горло и тулово сосуда были украшены разными зигзагами и треугольниками. Поверхность горшка серая с красными пятнами, глина коричневая с тальком и дресвой.

В кольцевой траншее северо-западного сектора также были найдены обломки лепного горшка. Это был сравнительно небольшой сосуд (диаметр устья – 12 см), украшенный по краю венчика семирядным зигзагом, сделанным резным штампом. Переход горла в плечики очень плавный. Поверхность красновато-серая заглажена, но нелощена. Глина черная с тальком и дресвой в очень большом количестве. Тут же обломок стенки еще одного сосуда с узором на нем в виде зигзага, а может быть и меандра (слишком маленький черепок) нанесен очень четким мелкозубчатым штампом.

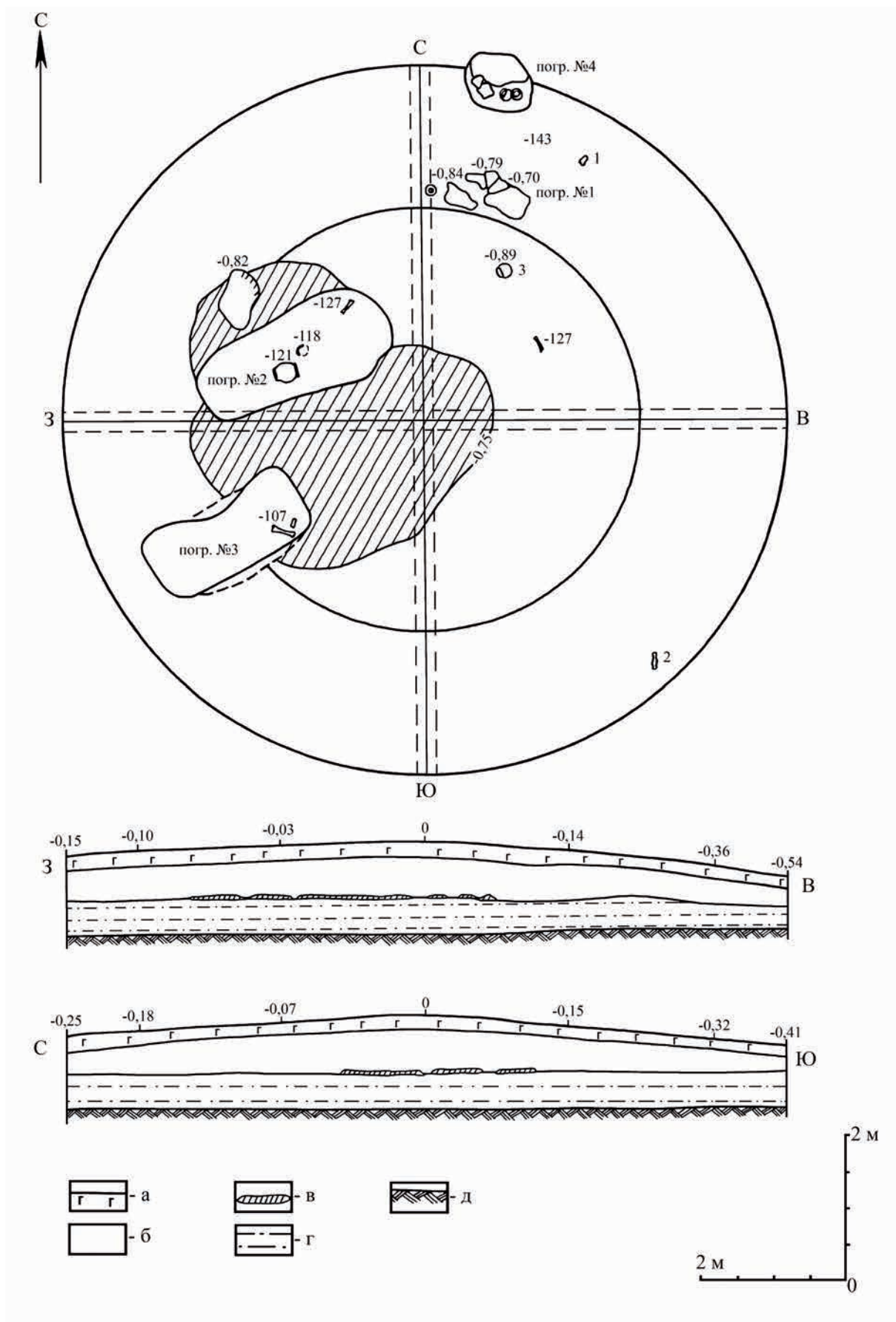

Рис. 15. Могильник Кара-Бутак-1, курган 4. План и профиль: а – дерновый слой; б – насыть кургана; в – могильный выкид; г – погребенная почва; д – материк

Рис. 16. Могильник Кара-Бутак-1, курган 4.
Костяная поделка

Рис. 17. Могильник Кара-Бутак-1, курган 4,
погребение 1. Сосуд

Всего в кургане было обнаружено четыре погребения. Два из них – погребения №№ 1 и 4 являются впускными, одно (№ 1) слегка углублено в погребенную почву, второе (№ 4) – впущено в материк. По всей вероятности, центральным является погребение № 2. Об этом можно судить по положению могилы и могильному выкиду, располагающемуся вокруг погребения. Но поскольку могила № 2 едва врезана в материк, то трудно представить, что весь слой могильного выкида относится только к ней. Не исключено, что часть его выброшена при рытье могилы № 3, но тогда надо предположить их одновременность и насыпку кургана относить к обоим погребениям.

Погребение № 1

На глубине 0,70–0,80 м появилась каменная выкладка, состоящая из камней небольшого размера (0,25 x 0,30) и трех плит размером 0,45 x 0,70 м. Под кладкой чуть заметно фиксировалось небольшое углубление, примерно 0,50 x 0,40 м. Никаких остатков костей человека не обнаружено. Может быть, здесь было погребение ребенка и кости полностью истлели. При разборке камней были найдены обломки двух сосудов и зуб лошади. От первого сосуда, лежавшего среди камней, сохранился довольно большой обломок стенки и плоского дна. Это был небольшой горшочек, плечики которого украшены тремя горизонтальными линиями и тройным резным зигзагом. Поверхность коричневатосерая, заглажена, глина – коричневая с большим количеством талька и дресвы. Здесь же находился зуб лошади.

От горшка, обнаруженного под камнями, сохранилась лишь часть венчика. Горшочек с прямым горлом, диаметр устья его 13 см, высота сохранившейся части – 4 см. Поверхность серая, покрыта беспорядочно идущими расчесами. Глина серая с примесью большого количества дресвы и талька.

В 0,15 м к востоку от крайней восточной плиты на глубине 0,84 м был найден в обломках довольно большой лепной горшок, который, по всей вероятности, также связан с этим погребением. После реставрации это оказался широкоустый сосуд (высота – 15,6 см, диаметр дна – 9,2 см, диаметр устья – 14,2 см) с узким выступающим дном. Поверхность его серая со светло-желтыми пятнами, глина серая, довольно плотная с примесью шамота, не орнаментирован (рис. 17).

При вскрытии центральной части северо-восточного сектора, в 0,5 м от каменной кладки, на глубине 0,89 м были обнаружены обломки еще одного сосуда. Трудно сказать, принадлежал ли он к погребению № 1 или относился к какому-то другому также не сохранившемуся захоронению. Сохранились лишь обломки венчика (диаметр – 25 см) и стенки красноглиняного лепного горшка. Довольно высокое горло, в месте перехода горла в тулово хорошо заметный уступ. Горло и плечики орнаментированы – зигзаги, косые нарезки в виде треугольников и трехрядные

ромбы с крестом посередине. Все выполнено мелкозубчатым штампом. Глина серая, довольно плотная с примесью талька и каких-то мелких светлых включений. Обжиг очень неплохой.

Погребение № 2 (рис. 15)

Могильная яма неправильных очертаний, ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Длина ее 2,75 м, ширина в восточной части – 1,35 м, в западной – 1 м, глубина – 1,40 м. У северной стенки могилы, на глубине 0,82 м, т. е. на древнем горизонте была обнаружена большая плита 0,50 x 0,80 м. Засыпка могилы была вся перерыта и с глубины 1,05–1,10 м начали попадаться отдельные, часто разбитые, кости человека. На глубине 1,18 м были найдены обломки бронзового тонкого желобчатого браслета. На глубине 1,21 м, почти в центре ямы, был найден большой широкоустый горшок с небольшим плоским дном (высота – 19,6 см, диаметр устья – 18–19 см, диаметр дна – 10,5–11 см). Устье овальное, видимо, результат деформации в земле. Поверхность красная, с темными пятнами, заглажена. Глина довольно плотная, с примесью большого количества крупного талька. Орнамент резной зонный – зигзаги и заштрихованные треугольники. Вся поверхность расчесана. При переходе горла в плечики небольшой выступ (рис. 18). На глубине 1,27 м была обнаружена кость ноги человека.

Погребение № 3 (рис. 15)

Прямоугольная могильная яма, ориентированная по линии СВ–ЮЗ. Размеры ее 2,35 x 1,10 м, глубина – 1,20 м. Восточная и западная стенки отвесные, с закруглением по дну могилы, северная с небольшим выступом, а под южной стенкой сделан маленький подбойчик, глубина его 0,10–0,15 м, высота его около 0,20 м. Дно очень неровное из-за нор грызунов, поэтому глубина устанавливается не совсем точно, примерно, 1,10–1,20 м. На глубине 1,07 м найдена бедренная кость человека, а на глубине 1,10 м обнаружен обломок венчика лепного сосуда с резной орнаментацией в виде горизонтальных линий и тройного зигзага. Глина коричневая, с примесью дресвы и песка. Ничего другого в могиле не найдено.

Погребение № 4 (рис. 19) располагалось у самого края раскопа, уходя частично под внешнюю стенку первой кольцевой траншеи северо-восточного сектора. На

Рис. 18. Могильник Кара-Бутак-1, курган 4, погребение 2. Сосуд

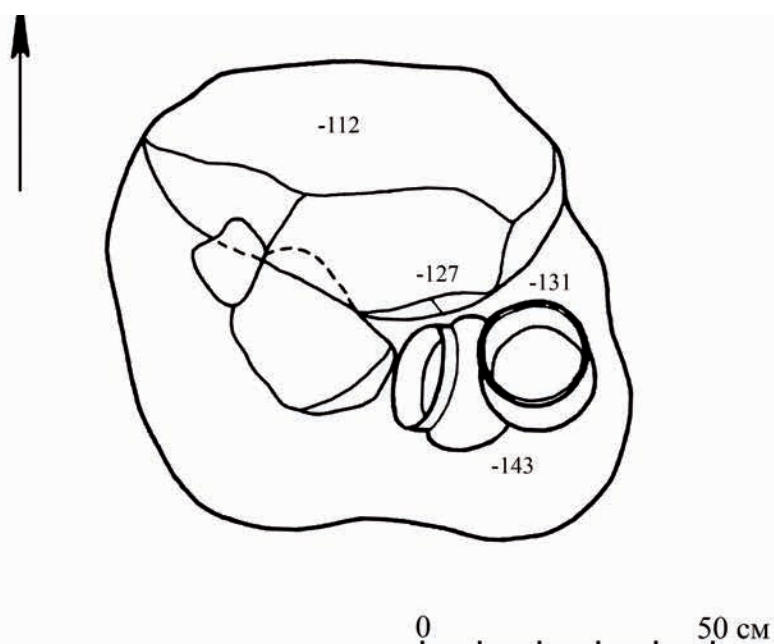

Рис. 19. Могильник Кара-Бутак-1, курган 4, погребение 4

Рис. 20. Могильник Кара-Бутақ-1, курган 4, погребение 4. Сосуд

глубине 1,12 м была обнаружена большая каменная плита (0,40 х 0,70 м) и два камня поменьше, которые лежали над небольшой почти квадратной (0,80 х 0,85 м) ямой, ориентированной сторонами по странам света. На дне этой ямы (глубина 1,43 м) к югу от плит лежали два небольших горшка.

Первый горшок представляет собой маленький узкодонный сосудик, аккуратно сделанный с желтовато-коричневой залощенной поверхностью (высота – 12,2 см; диаметр устья – 12 см; диаметр дна – 7,4 см). Орнамент покрывает горло и верхнюю часть сосуда, сделан мелкозубчатым очень стершимся штампом. Глина коричневая, довольно плотная с примесью мелкого шамота и небольшого количества талька (рис. 20).

От второго горшка сохранилась только половина, без дна (высота – около 14 см; диаметр устья – 13,6 см). Сосуд был, несомненно, плоскодонный баночной формы. Весь горшок орнаментирован резной вертикальной елочкой. Поверхность серая заглаженная, глина красно-коричневая, очень грубая, слоистая с примесью крупного талька, дресвы и шамота.

Как и в 1965 г. все погребения, вскрытые на Кара-Бутацком могильнике, относятся к эпохе бронзы.

III.3 РАСКОПКИ КУРГАНА № 5 МОГИЛЬНИКА ЕСЕНГАБУЛ-БУЛАК В ОКРЕСТНОСТЯХ АРКАЛЫКА

Могильник Есенгабул-Булак был указан К. Ергалиевым и находится в 14 км к юго-востоку от совхоза им. А. Матросова* [*Ныне пос. Матросово – прим. ред.], при осмотре здесь зафиксирована компактная группа из шести небольших курганов и курган с «усами» (рис. 1).

Курганы сложены из земли и камня-плитняка. Курганы №№ 3–6 имеют насыпь диаметром 5 м, высотой 0,2 м. Курган № 1 диаметром 12 м, высотой 0,5 м. Курган № 2 диаметром 10 м, высотой 0,4 м. В насыпи курганов №№ 2 и 5 отмечены ямы, образовавшиеся в результате выборки из насыпи камня-плитняка.

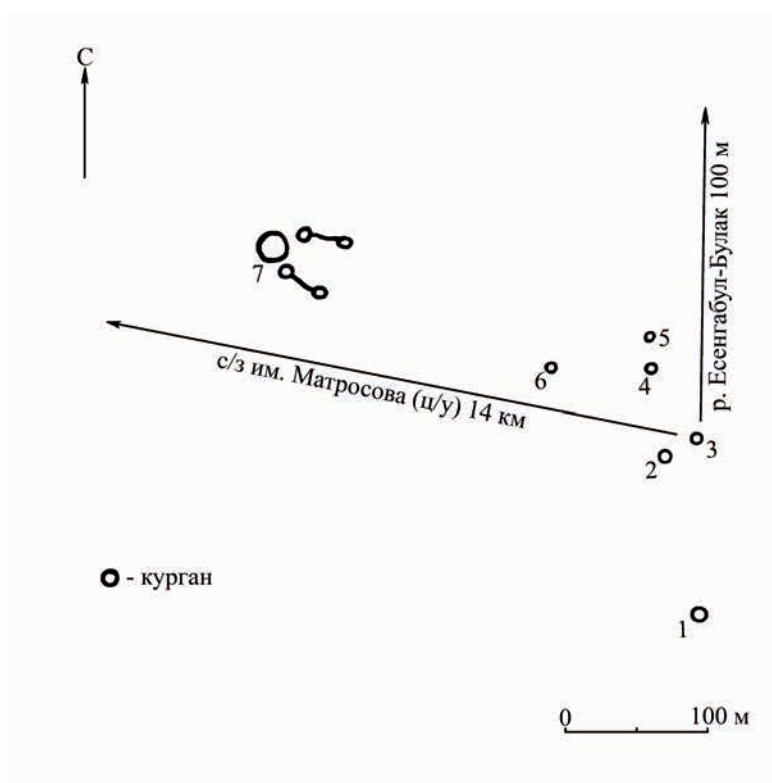

Рис. 1. Могильник Есенгабул-Булак. Ситуационный план

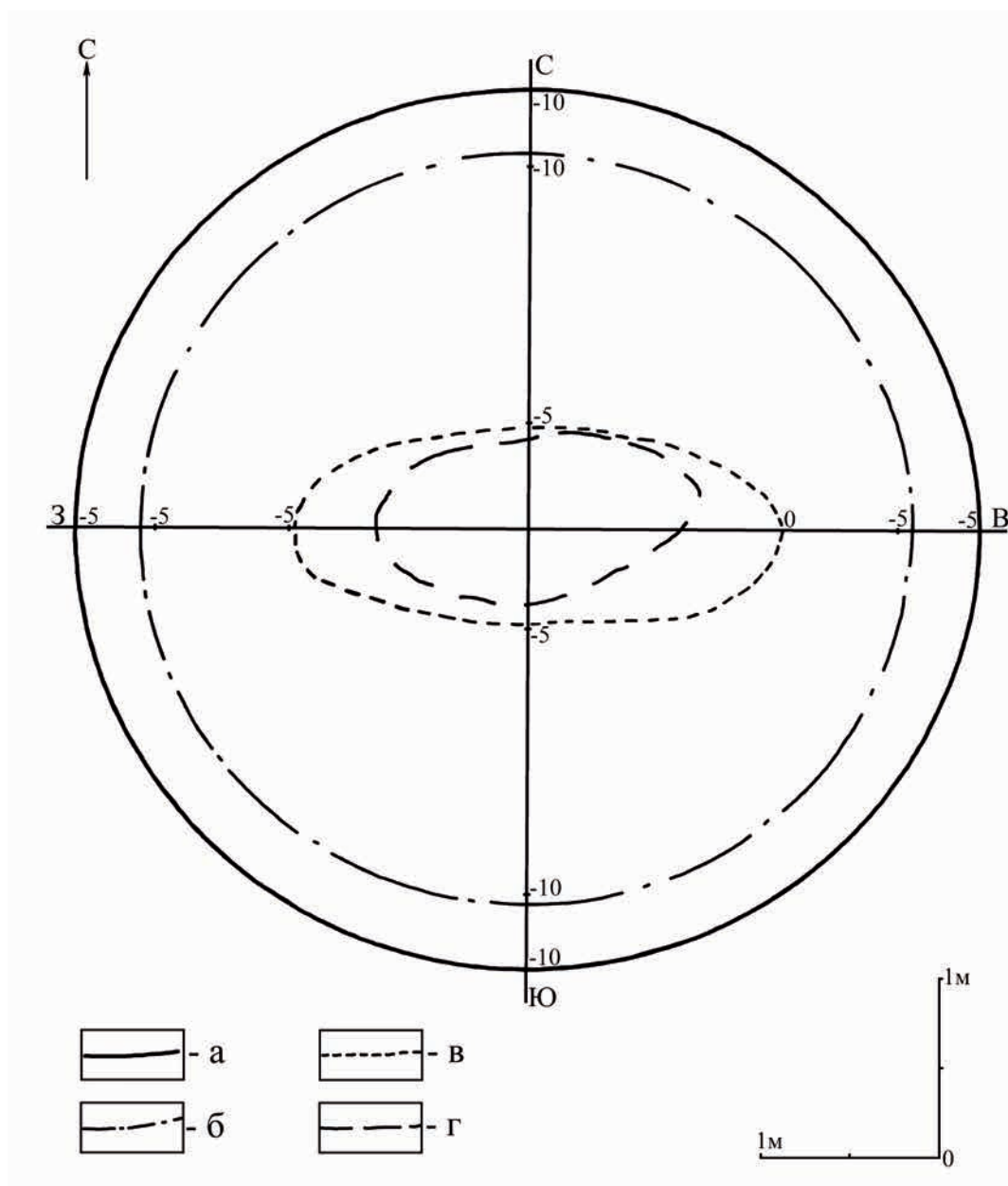

Рис. 2. Могильник Есенгабул-Булак, курган 5. План раскопа: а – граница раскопа; б – примерная граница курганной насыпи; в – верхняя граница каменного завала; г – граница могильного пятна

Курган с «усами» находится в 150 м к юго-западу от этих курганов (рис. 1). Насыпь кургана и «усы» из камня.

Нами был раскопан курган № 5, имевший насыпь диаметром 4–4,5 м в современном состоянии. Высота кургана неизвестна, поскольку в центре его камень-плитняк был вынут, в результате чего образовалась яма. Насыпь кургана в основном земляная. Только в центре над могильной ямой отмечается каменная забутовка и по поверхности кургана несколько отдельно лежащих плит (рис. 2). Слой погребенной почвы не фиксируется и насыпной грунт ничем не отличается от подстилавшего его слоя супеси темно-коричневого цвета. Под слоем супеси, имеющем в различных частях раскопа различную мощность, лежит светло-коричневый суглинок

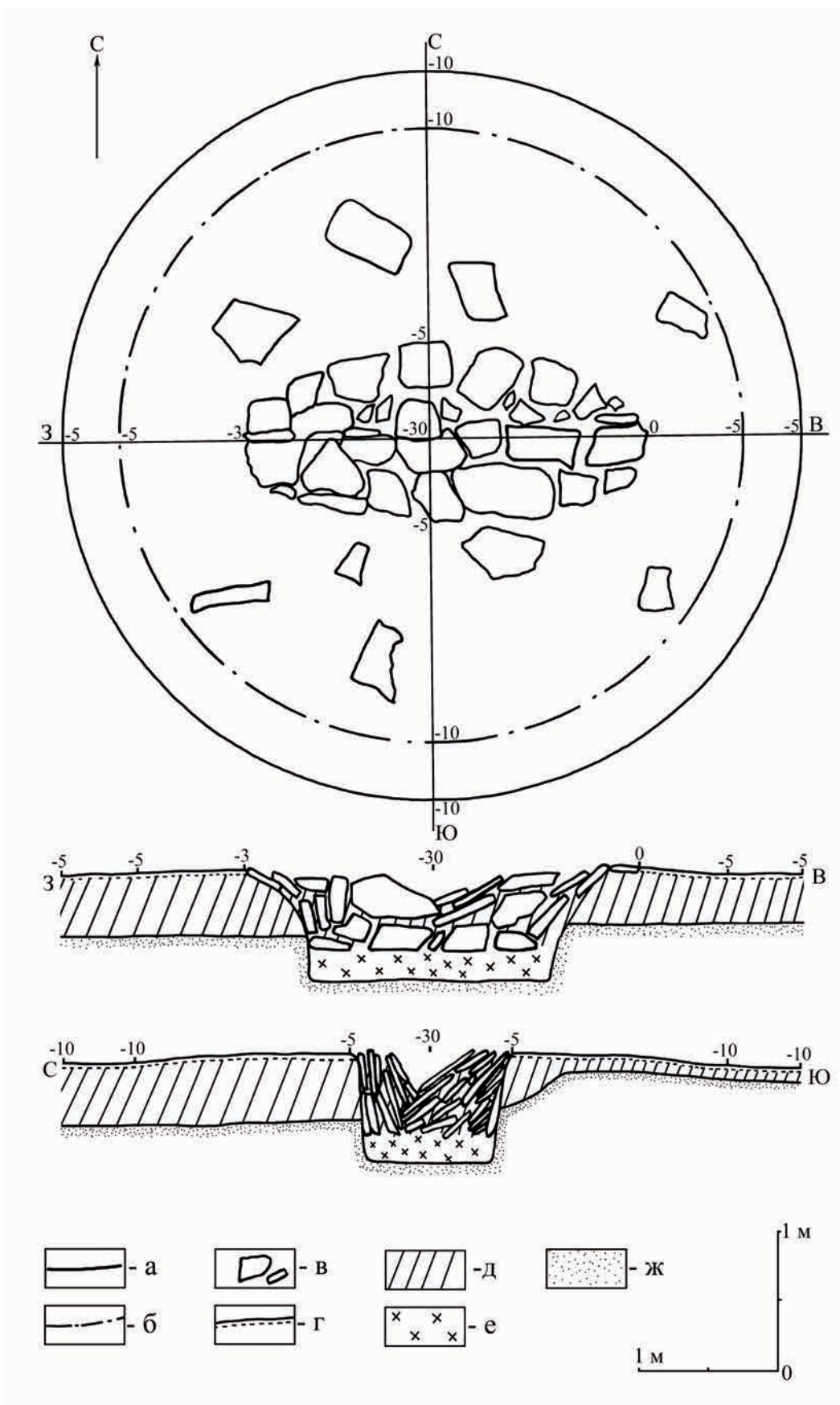

Рис. 3. Могильник Есенгабул-Булак, курган 5. План и профиль кургана: а – граница раскопа; б – примерная граница курганной насыти; в – каменные плиты; г – дерновый слой; д – слой супеси; е – заполнение придонной части могильной ямы; ж – суглинок

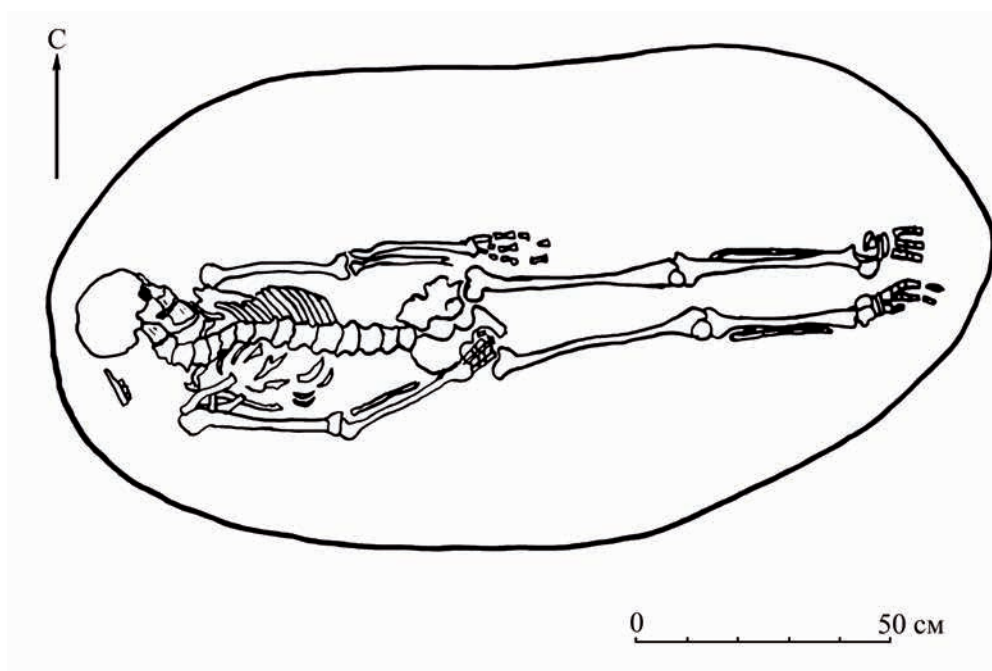

Рис. 4. Могильник Есенгабул-Булак, курган 5. План погребения

(рис. 3). Каменный завал имеет верхние границы размером 110 x 260 см, в нижней части он сужается до размеров 95 x 185 см. Каменный завал прослеживается до глубины 60 см от “0” точки (рис. 3).

На глубине 60 см зафиксировано четкое могильное пятно размером 95 x 185 см.

Костяк в анатомическом порядке лежал на дне могильной ямы и ориентирован головой на запад (рис. 4). Положение вытянутое на спине, голова повернута налево, кисть правой руки на бедре, левая рука вытянута вдоль туловища. Длина костяка 169 см. С правой стороны у головы лежала небольшая часть челюсти барана. Вещевой материал в могиле отсутствует. Не отмечено также и каких-либо следов его пребывания там.

Характер залегания каменных плит в завале, на наш взгляд позволяет говорить о том, что эти плиты, возможно, являются частью какой-то конструкции.

III.4 ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНОСТИ В ОКРУГЕ СЕЛА АШУТАСТЫ (ЗАПАДНАЯ САРЫАРКА)

В полевых сезонах 2015–2017 гг. экспедицией Института археологии им. А. Х. Маргулана исследовались объекты, расположенные в окрестностях села Ашутасты. Впервые археологические изыскания в данной местности проводились сотрудниками лаборатории археологических исследований Костанайского пединститута под руководством В. Н. Логвина в 1991, 1992 годах [Логвин В. Н., 1991; Калиева, 1992]* [*Подробнее о раскопках 1992 г. см. в разделе I.2 настоящего издания, подготовленном Б. М. Хасеновой]. Впоследствии исследования были продолжены Тургайской археологической экспедицией Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова под руководством А. В. Логвина [Логвин А. В., Шевнина, Дей, 2011; Шевнина, Сеитов, 2014].

Летом 2015 г. окрестности села Ашутасты сначала были осмотрены сотрудниками Института археологии им. А. Х. Маргулана А. З. Бейсеновым и Д. Б. Дуйсенбай. Начиная с этого времени, на протяжении трех лет, здесь вели исследования авторы данного раздела. Предварительные результаты исследований экспедиции Института археологии им. А. Х. Маргулана в южных районах Костанайской области изложены в серии публикаций, изданных в Казахстане и за его пределами [Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2015; Базарбаева, Жумабекова, Байдалы, 2016; Бейсенов и др., 2017; Базарбаева, Джумабекова, 2017; Джумабекова, Базарбаева, 2017; и др.].

За три года исследований в окрестностях с. Ашутасты раскопаны курган № 10 на могильнике Ашутасты-1 и курган № 3А на могильнике Ашутасты-2, изучены конструктивные элементы объектов, представляющих собой начало и окончание каменной гряды (южного «уса») кургана-спутника на могильнике Ашутасты-2, а также заложен шурф с целью выявления особенностей установки антропоморфной стелы (северная гряда кургана-спутника мог. Ашутасты-2).

В раскопках объектов принимали участие жители с. Ашутасты, студентка исторического факультета Костанайского пединститута А. Ионенко, водители Т. М. Биназаров и Е. Т. Биназаров. Всем им, а также руководству Аркалыкской сельхозопытной станции авторы выражают искреннюю благодарность за помощь и поддержку в проведении полевых исследований. Слова искренней признательности адресуем руководителю отдела первобытной археологии Института археологии им. А. Х. Маргулана А. З. Бейсенову за ценные советы и консультации.

Описание могильника Ашутасты-1

Могильник Ашутасты-1 расположен в 3,4–4 км к западу от одноименного поселка (Костанайская обл., г. Аркалык) (рис. 1; 2; фото 1). Состоит из 13 курганов, вытянутых по линии СВ–ЮЗ. Могильник сгруппирован не ровной цепочкой – она выгибается на восток. Основу могильника составляют крупные объекты. Курганы №№ 7, 10, 13 стоят особняком (рис. 2).

Курган № 1 – южный в группе, в настоящее время сильно распахан, фиксируется по чуть заметной возвышенности высотой около 0,2 м и по характеру растительности, по растащенным техникой камням, диаметр составляет 19×22 м.

Курган № 2 - наиболее крупный в могильнике. Он отличается довольно крутыми полами, его вершина – плоская, широкая. На поверхности фиксируется каменный панцирь из обломков скальных пород. Высота 2 м, диаметр 42 м. С восточной стороны к нему примыкает курган-спутник (2А), который определяется по четкому кругу довольно крупных и средних по размеру, плотно уложенных камней. Возможно, это кольцо по основанию кургана, ширина которого составляет 1,30 м. Над уровнем современной поверхности оно возвышается на 0,10–0,20 м. С южной стороны полы кургана частично разрушены современной ямой. Диаметр кургана-спутника 8 (З–В) × 11 (С–Ю) м. «Усы», отходящие от кургана-спутника, имеют вид двух уплощенных гряд камней, вытянутых на восток. В дерне просматриваются небольшие и средние камни. Длина северной гряды составляет 193 м, длина южного «уса» – 142 м. Восточнее него также фиксируется гряда из задернованных камней с небольшими курганами на концах (№№ 14 и 15), которая воспринимается как продолжение южного «уса», с разрывом между ними (53,5 м). Фиксируются небольшие уплощенные курганы на начале и конце этого «продолжения»-гряды. В целом начало и окончание «усов» выражены не четко, возможно сильно уплощены, небольшие по размерам. Фиксируется только уплощенный курган – окончание северного «уса» диаметром 8,5 м. Объект № 14 диаметром 11 м, высотой 0,10–0,20 м. Курган уплощенный, с западиной в середине, задернован, образован камнями разных размеров. Объект № 15 имеет диаметр 7,3 м, высота – 0,20 м. Уплощен, задернован. Ширина гряды составляет 2,0 м, длина – 108,5 м.

Курган № 4 слегка уплощенный, с относительно пологими склонами. Фиксируется задернованный панцирь из крупных и средних по размеру камней. Диаметр 25 (З–В) × 28 (С–Ю) м, высота 1,20 м

Курган № 5 с относительно крутыми полами, вершина уплощенная, в центре есть западина, задернован. На поверхности фиксируется плотный панцирь из камней разных размеров. Диаметр – 22 м, высота – 1 м.

Курган № 6 с относительно крутыми полами, вершина уплощенная, отличается более высоким, длинным и пологим западным склоном. В центре находится большая воронка, видимо, сравнительно недавняя, глубиной 2,0 м, диаметром 7,70 м. Диаметр кургана - 37,5 м, высота - 1,80–2,0 м.

Курган № 7 выбивается из цепочки к СЗ, стоит несколько особняком. Панцирь сильно задернован. Восточный склон кургана более низкий и пологий. В центре фиксируется воронка, сильно заросшая кустарником, диаметром 5,70 м, глубиной 1,0 м. Высота кургана 1,80–2,0 м; диаметр - 27,5 м.

Курган № 8 задернованный, с каменным панцирем, фиксируемым в дерне. Полы кургана скругленные. Диаметр 16 м, высота 1,0 м.

Курган № 9. В профиль кургана фиксируются скругленные склоны, восточный склон его более длинный и пологий, покатый. Просматривается задернованный панцирь из крупных камней. Диаметр 26 м, высота 1,8 м.

Курган № 10. Сильно задернованный, по низу по полам кургана выступают отдельные крупные камни. Диаметр 12,6 м, высота 0,6 м.

Курган № 11. С уплощенной вершиной, сильно задернован, фиксируются отдельные крупные камни. Диаметр 17,5 м, высота 1,0 м.

Курган № 12 уплощенный, сильно задернован, фиксируются отдельные крупные, в том числе брусковидные, камни. Диаметр 16,0 м, высота 0,7 м.

Курган № 13 отличается пологими восточным и юго-восточным склонами, задернован, на поверхности в дерне фиксируются крупные камни, вершина чуть уплощена. Диаметр 22,0 м, высота 1,5 м. По периметру кургана проходит ров шириной 0,80–1,0 м. На восток от кургана находится небольшой курган-спутник (13В), от которого отходят «усы», заканчивающиеся небольшими курганчиками. Его диаметр – 6,20 м. Начало гряд-«усов» оформлено в виде небольших курганов высотой 0,2–0,3 м. Между полами кургана-спутника и кургана – начала северного «уса» – 12 м, расстояние между курганами – началами «усов» составляет 24 м. Курганы, обозначающие начало гряд, уплощенные, диаметр северного – 8,70 м, южного – 13,30 м, сооружены из мелких, реже – крупных камней, уложенных по кругу. Камни уложены плотно друг к другу, сильно задернованы. В середине курганов фиксируются небольшие западины-углубления. Гряды фиксируются в виде уплощенных валов из камней, сильно задернованных. В гряде камней отмечаются упорядоченно

уложенные средние и крупные по размеру блоки, плитки, довольно плотно, в том числе выложенные в виде квадратов с заполнением, нагромождения камней. Ширина «усов» достигает 3 м, квадраты в них со сторонами 0,85 м; 1,20 м. Длина северной гряды 140 м, южной – 135 м.

Курган № 13С представляет собой окончание южной гряды. Он высотой 0,3–0,5 м, округлый в плане, задернован, состоит из средних по размеру камней, уложенных по кругу. Диаметр 5×6,7 м.

Курган № 13D – окончание северной гряды, представляет собой сильно задернованный уплощенный круг из камней высотой 0,2 м. Диаметр 6,20 м.

Таблица 1 – Параметры курганов могильника Ашутасты-1

№ кургана/объекта	Диаметр, м	Высота, м	Длина гряд, м		
			Северной	Южной	Разруш.
1	19×22	0,2			
2	42,0	2,0			
2А	8×11		193,0	142,0	
14	11,0	0,10–0,20			
15	7,3	0,20			108,5
3	8,6				193,0
4	25×28	1,20			
5	22,0	1,0			
6	37,5	1,80–2,0			
7	27,5	1,80–2,0			
8	16,0	1,0			
9	26,0	1,8			
10	12,6	0,6			
11	17,5	1,0			
12	16,0	0,7			
13	22,0	1,5			
13В	6,20	0,2–0,3			
К. в нач. сев. «уса»	8,70		140,0	135,0	
К. в нач. юж. «уса»	13,3				
13С	5×6,7	0,3–0,5			
13D	6,20	0,2			

Анализ данных таблицы позволяет заключить, что могильник представляет собой сложную систему, насчитывающую всего около 21 погребальных и поминальных объекта. В начале цепочки и в конце расположены курганы с каменными грядами* [*В 1991 г. во время разведочных работ здесь уверенно фиксировалось три кургана с «усами». За истекший период, хронологически совпадающий с обретением страной независимости, площадь памятника активно осваивается в качестве сельхозугодий, что свидетельствует о крайне низком (если не об его отсутствии) уровне охраны объектов историко-культурного наследия].

А. Х. Маргулан планиграфию могильников эпохи раннего железа Центрального Казахстана сравнивал с кочевым аулом [1948]. На Ашутасты-1 обращает на себя внимание соблюдение расстояния между курганами. Комплексы, представляющие собой курганы с «усами», демонстрируют элементы своеобразной степной архитектуры – начало и окончания каменных гряд-«усов» выполнены в виде небольших курганчиков. Устройство самих гряд также подчинено определенным принципам. В конструкции «усов» прослеживаются системы из оград.

Из 21 объекта, обозначенных в таблице, девять приурочены к комплексам, представляющим собой курганы с «усами»* [*Выделено цветом]. Они, как правило, пристроены к крупным курганам. По типологии, разработанной А. З. Бейсеновым, эти комплексы относятся к типу 2А [2017, с. 32]. Остальные 12 объектов, составляющие могильник, по параметрам наземных сооружений распределяются следующим образом:

диаметром от 10 до 20 м – четыре кургана (№№ 8, 10–12);

диаметром от 20 до 30 м – шесть курганов (№№ 1, 4, 5, 7, 9, 13);

диаметром от 30 до 40 м – один курган (№ 6);
диаметром свыше 40 м – один курган (№ 2).

Стоит сказать, что камни, из которых сложены курганы, представляют собой, в абсолютном большинстве, обломки скальных пород различных размеров* [*См. приложение, подготовленное У. Габитовой]. Выходы скал находятся на берегах рек.

Раскопки кургана № 10 могильника Ашутасты-1

В ходе археологических работ был исследован курган № 10. Это один из небольших объектов могильника, расположенный в его северной части. До начала исследований был сильно задернован. Выступающие камни панциря лежали в слое довольно рыхлого грунта темно-коричневого цвета (5–10 см), ниже – более светлый, коричневый, плотный слой самой насыпи.

После снятия эолового слоя обозначились следующие параметры кургана: диаметр – 16,5 м, высота – 1 м. В процессе раскопок был выявлен панцирь из камней мелкого, среднего и крупного размеров (фото 2–5). Он состоит из одного слоя колотых камней, плит, брусков. В основном они лежат плотно, но в центре был выявлен неровный круг диаметром около 1,5 м без камней, также много «проплешин» зафиксировано в средней части кургана. Крупное пятно без камней находилось в южной половине кургана, размерами 2,40×3,60 м. Чем ближе к краям кургана, тем камни панциря были крупнее и уложены плотнее. В целом по положению камней можно предположить, что панцирь представляет собой скорее довольно упорядоченно уложенные камни, а не хаотичную наброску камней (рис. 3).

В юго-западной части панциря лежал большой камень (стела), вытянутый длинной осью по линии СЗЗ–ЮВВ (фото 6). Вероятно, низ – широкое основание, а зауженный, но более толстый торец – «голова». Был обращен на восток. От края насыпи стела находилась на расстоянии 2,30 м. В общем форма стелы трапецевидная. Высота стелы – 0,87 м; ширина основания – 0,45 м; ширина «головы» – 0,15 м; высота «головы» – 0,35 м; толщина «головы» – 0,19 м; толщина основания – 0,10 м (рис. 4).

В основании кургана по окружности зафиксирована крепида, сооруженная из массивных крупных брусковидных камней и плит, стоящих вертикально и с наклоном к центру кургана (10×15×50 см; 4×25×25 см, толщиной до 15 см), иногда в два ряда (фото 7–9). Снаружи их могут подпирать горизонтально лежащие блоки (16×24×35 см; 15×25×30 см) или с наклоном лежащие плиты (4×35×48 см; 7×13×30 см). Местами фиксируется сохранившаяся кладка по внешней окружности – наклонно стоящие камни и вторым слоем выше и к середине кладки – уложенные в ряд плотно друг к другу, вытянутые длинной осью к центру (радиально) брусковидные камни или стоящие вертикально. Зазоры между камнями заложены мелкими камешками, плитками (фото 10).

Во фрагменте крепиды между восточной околочурганной конструкцией и панцирем также четко читается фрагмент кладки. В основе крепиды находились уложенные вытянуто по длине окружности крупные блоки с наклоном к середине кургана (13×20×55 см; 25×25×40 см; 15×18×30 см) или вытянутые радиально блоки (12×20×50 см; 12×27×50 см; 20×25×43 см; 15×15×50 см). Перед ними и поверх них – внутренний круг образует ряд выложенных в ряд камней, местами установленные плитки. Камни и плитки укладывали по кругу. В зазоры между этими крупными камнями аккуратно вложены небольшие камни. Местами прослеживается кладка из уложенных друг на друга плит (4–5 слоев). За ними (по направлению к внешнему краю кургана) выше по уровню фиксируется ряд небольших камней. Видимо, в целом четкий внутренний круг образован довольно крупными камнями – блоками и плитами (фото 11–13). С северной стороны кургана четко фиксируется двойной круг из параллельно уложенных блоков размерами: 80×28×15 см; 83×60×12 см; 35×30×12 см; 65×40×20 см; 60×30×10 см и 40×20×15 см; 40×20×18 см; 90×25×25 см; 40×20×12 см.

При выявлении стратиграфии кургана в бровке также выявили структуру крепиды: в основе крепиды находятся два–три мощных камня. Они установлены на уровне погребенной поверхности (фото 14). Сверху на них уложены меньшие по размеру камни и плиты – длинной осью радиально. Первый внутренний ряд – это те камни, которые обозначают крепиду внутри кургана (большие камни). По внешней границе кургана по низу уложены также длинной осью по линии окружности небольшие вытянутые камни и подпирающие крупные блоки камни.

С северной стороны кургана в крепиде четко фиксируется двойной круг из параллельно уложенных блоков (1-я линия: 15×28×80 см; 12×60×83 см; 12×30×35 см; 20×40×65 см; 10×30×60 см; 2-я линия: 15×20×40 см; 18×20×40 см; 25×25×90 см; 12×20×40 см). Вторая линия камней образована в два слоя.

В основании кургана между каменной насыпью и крепидой оставалась полоса без камней шириной 15–35 (20) см.

Основу наземной конструкции представляют собой уложенные довольно плотно друг к другу в один ряд плиты и уплощенные брусковидные камни. Иногда в структуре кургана прослеживается четкая кладка камней - они выложены по кругу в ряд. Сверху и между камнями забито, заложено мелкими камешками, щебнем (рис. 5).

В северной части кургана к полам примыкает конструкция из камней, подовальной в плане формы, явно образованная не скатившимися с кургана камнями, длинной осью вытянута по линии ССЗ–ЮЮВ (фото 15). Она состоит из камней, в том числе брусковидных, вытянутых длинной осью по линии С–Ю (рис. 6). Крупные и средние по размеру камни уложены плотно друг к другу. Размеры конструкции: 0,9×1,5 м. Камни с северного и южного концов более крупные по размеру и находятся в наклонном внутрь конструкции положении. В заполнении конструкции находились меньшие по размеру брусковидные и плиточные камни, уложенные в два слоя. Каких-либо находок не выявлено. Глубина - 0,44 м.

В восточной части к полам кургана примыкает конструкция, в плане подпрямоугольной формы, вытянутая длинной осью по линии СЗ–ЮВ, параметрами 1,4×1,6 м (фото 16). Внутренний периметр конструкции – 0,9×1,0 м. Границы конструкции четко оконтурены плашмя положенными плитами. Внутренняя граница составлена из поставленных на ребро с наклоном плит. В заполнении конструкции фиксируются камни, уложенные не плотно. Почти по центру в северной половине конструкции зафиксированы очень мелкие остатки плохо сохранившихся костей (рис. 7). Глубина - 0,40 м.

Для выявления стратиграфии памятника в процессе раскопок была оставлена бровка по линии С–Ю (фото 17–19). Панцирь состоит из камней, уложенных в один слой, расположенных сразу под дерном и частично в дерне. Местами камни идут подряд, плотно друг к другу; на отдельных участках – с пропуском, в частности с южной стороны расстояние между панцирем в середине кургана и у крепиды составило 2,80 м. Камни преимущественно среднего и мелкого размеров. Грунт под камнями представляет чередование слоев суглинка – серо-желтого плотного и очень твердого желтого цвета. Ширина крепиды – 1,7–2,5 м. По краям могильной ямы фиксируется грунт в виде плотного серого суглинка толщиной 5–6 см. Выше него лежит желтый плотный слой суглинка, вероятно, выкида из могильной ямы. В северной части раскопа более тонкий и равномерный, в южной – в виде валика. Возможно, что два чередующихся слоя серо-желтого плотного суглинка отражают этапы возведения и укрепления наземной конструкции. На материке неровным слоем фиксируется плотный грунт серо-коричневого цвета.

По краям могильной ямы фиксируются включения рыхлого золистого характера (темно-серого, почти черного цвета). Комки желтой глины, встречающиеся в процессе выборки камней панциря, наподобие глиняных кирпичей, тяжелые, плотные. Верхний слой камней над могильной ямой имел подовальную в плане форму, ориентирован по линии СЗ–ЮВ, размерами 1,8×2,2 м. По внешнему кругу фиксируются лежащие по линии окружности удлиненные камни и небольшие плиты, стоящие вертикально (рис. 8; 9). Заполнение между камнями – очень плотный, твердый, однородный суглинок (фото 20, 21). Границы ямы помимо камней определяются по выступающим на поверхности полосам-прослойкам серого и желтого цветов, то есть по стенкам ямы фиксировался слой желтого суглинка шириной около 5 см, а за ним – серого, плотного, золистого грунта, толщиной 3 см (фото 22).

В середине кургана камни обозначили провал в могильную яму. Они воронкой одной линией «идут» в могильную яму. Упираются в верхний слой камней заполнения могильной ямы, состоящий из средних по размерам камней, лежащих в очень плотном грунте. В провале фиксируются следующие слои (сверху вниз): дерн, плотный слой серо-коричневого цвета; черный золистый слой; зернистый, комковатый светло-коричневый слой, плотный. Вокруг ямы много нор грызунов. Материк определяется по комковатому грунту желто-коричневого цвета.

В процессе выборки заполнения могильной ямы выявлены ее стенки – материковый слой темно-желтой глины с белыми вкраплениями. По стенкам ямы, в том числе в углах, встречались мелкие фрагменты дерева, – остатки жердей плохой сохранности, сохранившийся диаметр нескольких из них составлял 3–5 см, длина – 10 см. Заполнение могильной ямы – камни различных размеров. Они встречены до глубины -1,60 м и располагались в плотном грунте темно-коричневого цвета с серым (золистым) и черным включением. Камни заполняли могильную яму слоями. Встречены отдельные мелкие кости человека, зубы (фото 23).

Яма, размерами 3,0 (СЗ–ЮВ) × 1,9 (СВ–ЮЗ) м, имеет приступку вдоль юго-западной стенки, ширина – 0,75 м, высота – 0,35–0,45 м. В ее срезе фиксируется желтый чистый без примесей суглинок. Поверх нее на слое темно-коричневого тлена (1–2 мм) находились разрозненные кости человека (рис. 10).

В северо-западной части приступка закругляется, расширяясь к противоположной стенке могильной ямы, в юго-восточной части приступка не доходит до торцевой стенки могильной ямы. На приступке, в западном углу могильной ямы, находился бронзовый втульчатый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 11, 2).

На дне могильной ямы *in situ* находились некоторые кости длинных конечностей человека (левая рука, бедренная кость). По расположению костей можно предположить ориентировку покойника головой на северо-запад (фото 24, 25).

В торцевых стенках могильная яма по дну образует ниши: там фиксируются ямы, углубленные в дно и торцы. В торцевых углублениях могильной ямы находилось по одному небольшому камню, глубина ямы в юго-восточной яме (0,20 м) ниже, чем в северо-западной (0,15 м). Высота ниш в торцевых стенках составила 0,8 и 1,0 м; глубина в стенке – 0,20–0,25 м. Диаметр – 0,45 и 0,50 м. Уровень дна в юго-восточной торцевой части ниже, чем в остальной части дна ямы. Юго-восточная торцевая стенка могильной ямы разрушена норой грызуна, в целом в яме много нор грызунов и скелетов. В западной части у торца на границе ложа и приступки расположены потревоженные кости человека (позвонки, крестец, ребра).

По полу ямы отмечен черный тлен. В западной части могильной ямы выявлены кости длинных конечностей рук. Под одной из них – бляшка с изображением кошачьего хищника из фольги желтого цвета (рис. 11, 1). Параметры могильной ямы по дну составили 3,0 × 2,0 м. Глубина – 1,70 м (1,90 м с ямой). Глубина относительно репера: -2,24 м (рис. 12). Судя по остаткам дерева, можно предположить, что в придонной части яма была перекрыта деревом поперек длинной оси.

Судя по характеру грунта над могилой со следами воздействия огня, что фиксируется по присутствию прослоек пепла в бровке, в ходе проведения погребально-поминальных действий использовался огонь. В юго-западном секторе была выявлена каменная антропоморфная стела – как один из отличительных признаков раннесакских погребально-поминальных сооружений.

Несмотря на то, что погребение было ограблено в древности, тем не менее, удалось получить несколько находок. Это зооморфные изображения, выполненные из фольги желтого цвета, и бронзовый наконечник стрелы. Среди находок также можно отметить фрагменты сильно корродированных изделий из железа. Могильная яма настолько сильно оказалась потревоженной, что в ней не выявлены остатки черепа, за исключением нескольких зубов. По мнению к. и. н. Е. П. Китова, зубы могли выпасть из сильно скелетированного черепа во время ограбления. Во время зачистки пространства между крепидой и могильной ямой выявлены одна кость человека (целая метатарзальная кость с эпифизом) и три кости лошади: фрагмент суставной впадины левой тазовой кости; плечевая – диафиз с нижним эпифизом левой кости; лучевая – фрагмент диафиза левой кости* [*Определения выполнены к. б. н. П. А. Косинцевым]. В процессе изучения стратиграфии кургана были отобраны пробы для проведения палинологического анализа, результаты которого представлены в приложении, подготовленном С. А. Нигматовой.

О работах на могильнике Ашутасты-2

Археологические исследования велись также на могильнике Ашутасты-2, расположенном юго-восточнее могильника Ашутасты-1 и юго-западнее села Ашутасты. Памятник представляет собой цепочку курганов, вытянутых по линии С–Ю. Один из них – курган № 3 – немного отклоняется от цепочки на восток, на нем установлен тригопункт (рис. 13). Курганы характеризуются довольно четкими, крутыми склонами и уплощенным верхом.

Курган № 1 – южный в могильнике, диаметром 14 м, высотой около 0,40 м. Уплощенный, по периметру кургана фиксируются выпаханые камни, рваные обломки среднего и крупного размеров (фото 26).

Курган № 2 расположен к северу от кургана № 1, диаметром 16 м, высотой 1,10 м. В дерне фиксируются камни панциря в виде обломков скальных пород; южный склон насыпи ниже и более пологий, чем остальные.

Курган № 3 – края кургана четко обозначены камнями и резко поднимающимися полами (фото 27). Середина кургана уплощена, целостность нарушена выборкой камней и сооружением обо из поставленных на торец и перекрытых сверху плит и навала более мелких камней. Южный склон более пологий и длинный по сравнению с остальными, на поверхности фиксируются камни панциря, плотно уложенные, мелкие и средние по размеру. Диаметр 26 м, высота 1,20 м.

С восточной стороны расположен курган-спутник диаметром 8,0×10 м с уплощенно-вогнутой серединой, заполненной мелкими рваными камнями. На восток от него отходят гряды-«усы». Спутник кургана № 3 обозначен № 3А. Первоначально фиксировался как уплощенный курган с выступающими на поверхности задернованными камнями. После снятия дерна выяснилось, что курган-спутник напозаает на восточную полу основного кургана не менее, чем на 3 м. Диаметр 11 м (С–Ю) ×10 (З–В); высота – 0,20–0,30 м. Верхний слой камней составляли мелкие колотые камни. Нижние камни преимущественно – это плиты и бруски. Они уложены «чешуей», с напуском друг на друга (рис. 14, фото 28–30).

Граница спутника и основного кургана четко обозначена (фото 31). Курган-спутник возвышается над уровнем восточной полу основного кургана не менее чем на 0,4 м. В обозначенном разграничении фиксируются вертикально установленные плиты в 2–3 ряда, поверх, между ними – горизонтально уложенные плиты, верхний слой составляли набросанные средние небольшие камни. Четкая граница между курганами местами имеет ширину 1,40 м. С наружной стороны по периметру вертикально стоящие камни крепиды подпирают горизонтально уложенные длинной осью поперек линии стенки плитки и уплощенные камни средних размеров. Относительно репера глубина -0,50 м.

С северной стороны к кургану примыкала подпрямоугольная конструкция, размерами 1,50×1,60 м, ориентированная сторонами по странам света, состоит из камней и плит, уложенных на уровне погребенной поверхности в один слой (рис. 15, фото 32). Камни размерами: 34×28×17; 29×14×3; 23×12×12; 13×8×7 см. Более плотно камни были уложены в середине конструкции. Камни находились в разном положении, в основном горизонтально, некоторые в наклонном положении – от- и к центру выкладки. Заполнение – четыре камня в ряд. Размеры камней: 48×21×13 см; 27×15×10; 30×10×4 см.

В центре лежал в наклонном положении крупный блок, вокруг располагались более мелкие по размерам камни в различном положении плотно в 1–2 слоя. Они углублены относительно погребенной поверхности на 0,12–0,23 м. В северо-восточной части к кургану примыкает выкладка размерами 1,40×1,50 м, восточная ровная стенка которой сложена из уложенных в один ряд впритык камней (рис. 16, фото 33).

Камни в северо-восточной выкладке уложены по кругу. С северной стороны выкладки фиксировался блок, возможно, он выполнял роль стелы. Блок находился в горизонтальном положении. Зауженный край его обращен к югу. Таким образом, если исходить из того, что первоначально камень находился в вертикальном положении, то более широкая его часть являлась основанием. Параметры камня: высота – 45 см, толщина в зауженной части составляет 5–9 см. Размеры основания камня: 22×34 см. Стела из северо-восточной оградки отличается широким скошенным (неровным) основанием; широкими лицевой и тыльной гранями: 36 см в середине и 16 см у вершины с одной стороны, 29 см в середине и 14 см у вершины – другая грань. Узкие боковые грани образуют угол со сторонами 10 и 14 см. Так как основание скошено, то ставить стелу надо было либо на наклонное основание, либо зажав между камнями (фото 34). Камни выкладки изначально были уложены на уровень древней дневной поверхности (фото 35).

С восточной стороны кургана к конструкции примыкает компактная группа разрозненных камней размерами 1,30×1,40 м. Камни небольшие по размеру, уложены не плотно в один слой (фото 36). У южного конца восточной стороны бровки вплотную к кургану примыкает выкладка из камней 1,20×1,40 см (З–В). Камни лежат в один слой. В центре находится плоская горизонтальная

плита, вокруг – в наклонном положении – пять таких же и чуть меньше плит и камней. Остальное пространство заполнено более разрозненно лежащими плитками и камнями более мелкого размера.

В юго-восточной части кургана, примыкая к внутренней стороне крепиды, фиксируется подпрямоугольная выкладка, сложенная из поставленных на ребро и обложенных снаружи плит и блоков различного размера (рис. 17). Внутреннее пространство ее плотно заложено средними по размеру камнями. В середине по линии З–В, «головой» на З (упавшая?) лежит стела, вытянутая длинной осью по линии ВВС–ЗЗЮ. Более широким основанием направлена на восток. Камни в заполнении ограды лежат в несколько слоев (фото 37, 38), стела находилась в верхнем слое. Стела – четырехугольный в сечении удлиненный камень, с широкими лицевой и тыльной сторонами, более широким основанием и несколько зауженным верхом, вершина ее оформлена с косым срезом – образует приостренный угол (фото 39, 40, 41). Первоначально, вероятно, стояла в восточной половине оградки, в верхнем слое камней, лицевой частью обращена на восток. Стела высотой 78 см, ширина 32–21–15 см (от основания кверху), толщина 7–12 см. Под ней выявлены три слоя камней, она также опиралась на плиту, поставленную вертикально на дно конструкции. Размеры ограды составили 2,10 (З–В) × 3,60 (С–Ю) м. Она углублена по отношению к уровню погребенной поверхности на 0,30 м и относительно репера -0,40 м.

Южная стена ограды образована пятью камнями, уплощенными, стоящими на ребре, и одним брусковидным камнем, обращенным торцом внутрь ограды, то есть длинной осью поперек линии (стенки) ограды. С внутренней стороны эта стенка подперта стоящими вертикально на ребре толстыми, средними по размеру блоками. Нижние два слоя камней с внутренней стороны – брусковидные камни, уложенных плотно, длинной осью поперек линии ограды (фото 42). Восточную стенку ограды образуют установленные длинной осью поперек линии ограды на ребре толстые, средние по размеру плиты, брусок (вдоль линии), большой стоящий на торце блок – угловой северо-восточный камень. С внутренней стороны стенки фиксируют вертикально стоящие плиты (фото 43). Западная стенка представлена в виде длинного бруса, уложенного на длинную узкую грань. Под ним находились меньшие по размерам уплощенные и брусковидные камни, также вытянутые длинной осью по длине стенки (три камня в два слоя). Она двойная – внешняя сторона оформлена поставленными с наклоном на ребро плитами, уложенным вдоль стены брусковидным камнем, поставленной на торец узкой удлиненной плитой в углу, заполнение между двумя – внутренней и внешней стенами – состоит из меньших по размерам камней (фото 44, 45). Северная стенка выражена менее четко. Верхний ряд это средние и небольшие удлиненные камни, стоящие в ряд на торце и на длинной стороне. Один большой брусковидный камень уложен сверху длинной осью поперек линии ограды. Ниже расположен слой крупных и средних камней (фото 46).

Северо-восточный угол конструкции выделен крупным блоком, лежащим плашмя (27×20×15 см). Юго-восточный угол (фото 47) обозначают крупные плиты, сдвоенные, находящиеся в наклонном положении наружу (57×40×9 см). Северо-западный угол оградки с наружной стороны укреплен вертикально установленным стеловидным камнем (фото 48). Заполнение ограды – это плотно уложенные камни (плиты и блоки) разных размеров, уложенные в «замок», цепляясь друг за друга. Грунт заполнения рыхлый. Под камнями фиксируется темная прослойка грунта толщиной 4–5 см. Под ним – плотный, серо-желтый грунт – материк. В ходе разбора камней под камнями в южной оконечности кургана, рядом (снаружи) с западной торцевой двойной стенкой ограды найдена небольшая кость, в рыхлом состоянии, на глубине -20 см. С северо-восточной стороны к ограде примыкает конструкция из семи камней, плотно уложенных в горизонтальном и наклонном положении, размерами 1,0×1,2 м (рис. 17).

После удаления камней насыпи кургана, в северо-восточном секторе в 0,80 м от внутреннего края кольца на глубине от -0,22 до -0,31 м зафиксировано золистое пятно с вкопанным керамическим сосудом, сверху накрытым камнем-плиткой. Тесто сосуда очень рыхлое, черное на изломе, стенки сосуда толщиной от 0,5–0,6 до 1,5 см. Он находился в слое прокала размерами 19×23 см (фото 49, 50).

Бровка, оставленная по линии С–Ю, позволила проследить стратиграфию кургана (фото 51, 52). Положение камней в насыпи преимущественно горизонтальное, часто – это плитки, мелкие и средние по размеру, лежащие слоями друг над другом, довольно плотно. У внутреннего края крепиды – положение камней наклонное наружу, камни более крупные. В профиле читается

крепида по полам кургана. По периметру фиксировалась крепиды, сооруженная из более крупных камней примерно в три ряда, шириной около 1 м. Среди них находились уложенные горизонтально и поставленные на ребро камни (фото 53). Зазор между ними заполнен мелкими камнями. В восточной стороне кургана, в составе ограды фиксировались камни крупных размеров, уложенных в линию. Размеры камней составили: 43×12–26×18 см; 53×44×10 см; 78×46×18 см.

В северном конце бровки выделяются мощная внешняя плита в наклонном положении наружу и внутренний ряд из крупных плит, положенных в четыре слоя друг на друга. Пространство между ними – внутренним и внешним рядами – заполнено более мелкими по размеру камнями. Ширина крепиды здесь составила 1,5 м. С южной стороны в бровке фиксируется более мощная крепиды. С внутренней стороны крупные плиты и блоки в два ряда расположены с наклоном к центру кургана, с внешней – меньшие по размеру камни, в основном лежащие горизонтально в три ряда. Заполнение между ними – плитки. В южной части кургана зафиксирован ров шириной 2,0 м и глубиной 0,3 м относительно уровня погребенной поверхности, за западной стенкой ограды (-0,50 м от репера). В этой части крепиды находится во рву. Он, очевидно, связан с оградой со стелой, находящейся в пределах кургана восточнее. В южном конце бровки с глубины -0,20 м фиксируется слой гранулированного рыхлого золистого грунта – супеси под камнями кургана мощностью 0,30 м диаметром 0,56 м. На глубине -0,49 м у южного внутреннего края кольца фиксируется пятно серого цвета с черной (сажистой) окантовкой размерами 0,80 м (З–В) × 0,46 м (С–Ю).

Внешняя граница кургана в южной части предстала в виде кладки брусковидных камней. Продолжение ровика в южной части кургана. По полу фиксируются горизонтально уложенные тонкие плитки, на них – уложенные по линии окружности бруски, перед ними с внутренней стороны – вертикально стоящие камни. Перед ними и сверху – кладка из брусков средних и небольших и плит. Крепида выделяется по профилю, отличаясь высотой – 0,50–0,55 м, высота самого кургана – 0,30 м, камни в нем разных размеров, уложены не плотно, только в середине они крупные как в крепиде диаметром 2,80 м. Ширина крепиды – 1,50–2,0 м (фото 54).

Описание северной гряды

Начало северного «уса» диаметром 2,6 м отстоит от кургана-спутника на 6,6 м, оформлено в виде определенной конструкции – изначально фиксировались хорошо задернованные плиты, установленные на ребре. Гряда оканчивается хорошо задернованным курганом диаметром 9×7,4 (С–Ю) м, высотой 0,4 м, сложенным из камней крупных и средних размеров. Расстояние между началом «усов» составляет 24,6 м; расстояние между окончаниями усов – 110 м (расстояние между центрами курганов, расположенных на концах «усов»). Северный «ус» фиксируется в виде сильно задернованной гряды с отдельными выступающими камнями, высотой около 0,10 м. Местами северный «ус» прослеживается в виде возвышенной гряды задернованных мелких камней, по краям встречаются крупные камни-ограничители. «Ус» частично разрушен полевой дорогой. В гряде северного «уса» фиксируются компактные выкладки из камней крупного и среднего размеров, в том числе в виде плотно уложенных средних по размеру камней в форме квадрата с заполнением из более мелких камней размерами 2,50×2,30 м. Восточное окончание южного «уса» распаханно. Ширина «уса» 2,40–3,80 м, длина «уса» 167,5 м.

В северной гряде этого же кургана среди камней было выявлено очень схематичное каменное изваяние, скорее – антропоморфная стела (на расстоянии 90 м от начала гряды) (фото 49, 50). Стела лежала по линии СЗ–ЮВ, предполагаемой «головой» на СЗ. Возможно, использовав форму камня – естественный выступ, мастер смог схематично обозначить голову, лицо, выступающее на ровной поверхности прямоугольного в сечении блока с широким ровным основанием. Голова обозначена в виде чуть сужающегося окончания – углы бруска скруглены, основание оформлено в виде остроугольного выступа. Шея выделена не сплошной бороздкой, а сбитыми и заглаженными выемками на гранях-углах (рис. 14). Высота 95,0 см, головы – 25,0 см, толщина граней в верхней части стелы – 10,0 и 13,0 см, глубина бороздки, обозначающей шею – 1,5 см. Размеры основания стелы: 39,0×26,0 см.

Был исследован фрагмент северной гряды с антропоморфной стелой (фото 57).

Камни «уса», ширина которого здесь составила 1,80 м, были заглублены на 0,10 м, эта часть гряды имела ширину 1,10 м. Камни лежали довольно плотно друг к другу в 2–4 слоя. Часть камней, в настоящее время находящихся на уровне древней дневной поверхности, видимо, скатились с первоначального положения, гряда изначально была выше. В настоящее время ее высота составляет

0,25–0,30 м. Предположительно выявлено первоначальное место установки стелы, обнаруженной в упавшем положении за пределами гряды. Вероятно, стела была установлена у восточного края гряды, на уровне материка, зажатая камнями, приостренным концом вниз: свободное от камней пространство, точно совпадающее по размерам с основанием стелы позволило определить эту точку (рис. 19, фото 58).

Исследование начала южной гряды

Южный «ус» начинается на расстоянии 11,9 м от кургана-спутника. Начало гряды на поверхности первоначально фиксировалось как уплощенный курган диаметром 2,50 м, обозначено изваянием, лежащим головой на СВ, поперек гряды, лицевой частью вверх, головой на СВ (фото 59, 60). Ширина гряды – 2,30 м, длина – 111 м. Параметры изваяния: высота – 84 см, высота головы с шеей – 22 см, ширина головы составила 20 см, толщина изваяния 16 см, ширина основания изваяния – 24 см, толщина основания – 12 см. Голова отделена от подпрямоугольного туловища плавным желобком шириной 3,0–5,0 см, глубиной 0,5–0,6 см.

Изваяние отличается схематичностью (рис. 16). Голова с трех сторон отделена выемкой, обозначающей шею. Верх головы анфас скруглен, и лицевая часть разделена желобком носа на две части. Эта линия носа делит верхнюю часть головы также на две части, позволяя одновременно увидеть здесь дуги бровей или, скорее, прическу. Широкая выемка в нижней части головы позволяет предположить не только желобок, отделяющий голову, но и, возможно, гривну. У него, возможно, намечены руки, обозначены уши. Низким рельефом-желобками проработаны черты лица – нос, глаза; возможно, одновременно под носом полукружьями или скобками обозначен рот. Можно было бы предположить усы, но они, как правило, у изваяний ранних кочевников показаны вислыми. В середине изваяния вниз от линии пояса фиксируется выступ. В отношении изваяния из Ашутасты-2 возникает сомнение в том, что ниже линии пояса показан предмет вооружения. Оно подкрепляется тем, что нельзя с уверенностью говорить о наличии пояса на изваянии.

В ходе дальнейшего исследования выяснилось, что конструкция, обозначающая начало южной гряды, образована из крупных камней, установленных в два ряда. Они находились в наклонном положении – от центра к краям. Довольно крупные камни стенки – это плиты и блоки расположены достаточно плотно друг к другу (рис. 21, фото 54).

В результате раскопок четко обозначились стены подквадратной в плане ограды, ориентированной углами по сторонам света. По контуру читаются наиболее крупные камни конструкции, часть из них стоит вертикально, часть – в наклонном положении, возможно, они упали, отклонились от первоначального положения (рис. 22). Углы ограды усилены, так южный угол обозначен вторым рядом камней, находившихся несколько ниже по уровню, чем первый ряд камней. Нижний третий ряд – стоящая на ребре мощная плита. Северный угол – по сути это крупная подквадратная плита, уложенная с наклоном на слой средних плит (фото 62). Снаружи углы обозначены либо плитой, установленной на ребре, либо лежащей толстой плитой и подпертой более мелкими. Зазоры между крупными камнями заполнены более мелкими. Видимо, внутренний ряд камней конструкции (и он нижний) – средние и небольшие плиты, установленные на ребре, ограничивают и удерживают ограду.

Северо-восточная стенка сложена в целом из одного ряда поставленных на торец блоков, плотно друг к другу, средних и крупных по размерам (фото 63). Снаружи они подперты стоящими на ребре тремя плитами. С внутренней стороны фиксируется один установленный вертикально стеловидный камень и 3–4 слоя (нижние горизонтально, верхние – вертикально) меньших по размерам камня. Они стоят на материке в слое темного грунта. В целом камни установлены и уложены таким образом, что соединение горизонтально и вертикально установленных камней образует замок: они запирают друг друга. Юго-восточная стенка фиксируется как установленные вертикально на торце две плиты. Юго-западная стенка: с внутренней стороны внизу фиксируются лежащая вдоль линии стены на ребре большая удлиненная плита, за ней – средние довольно крупные камни, установленные на ребре и торце в наклонном положении (фото 64). Внешний фас образован двумя лежащими горизонтально плитками. Западный угол обозначен блоком, лежащим с наклоном, его подпирают два небольших камня (фото 65). Северо-западная стенка – это уложенные средние и крупные по размеру камни, плиты, вытянутые длинной осью поперек линии ограды в 1–4 слоя (фото 66, 67).

Заполнение конструкции выглядит как многослойное перекрытие, выполненное из горизонтально уложенных камней, которые как бы «цепляются» друг за друга. У основания

изваяния, под слоем дерна выявлена горизонтально лежащая плита, возможно, маркирующая место установки изваяния в западной части ограды. Размеры плитки 30×20 см, что соответствует размерам основания изваяния – 14×20×26 см. С южной стороны от нее располагался крупный блок внешней стенки ограды, по бокам находились крупные камни, фиксирующие изваяние (рис. 23).

Внутреннее пространство ограды имеет ровные стенки и определяется вертикально стоящими блоками и стеловидными камнями. Камни более мелкие, по внутренней линии подпирали камни стенки. В целом камни заполнения установлены и уложены таким образом, что соединение горизонтально и вертикально установленных камней образуют замок: они запирают друг друга (рис. 24). Внутреннее пространство ограды углублено на 0,20 м относительно погребенной поверхности и на 0,36–0,43 м относительно репера (рис. 25). Размеры: 2,50×2,60 м.

Исследование окончания южного «уса»

Окончание южной гряды оформлено в виде кургана диаметром 3,30 м, высотой 0,15 м (фото 68). Для выявления конструкции оставлена бровка по линии СЗ–ЮВ. Окончание южного «уса» после разборки завала предстало как подпрямоугольная в плане конструкция (3,30×3,50 м), ориентированная сторонами по странам света. С западной стороны стенка конструкции более высокая, сложенная в общем из плит, уложенных в четыре слоя. Восточная сторона – ниже западной по уровню, с меньшим количеством камней. Фиксируется граница конструкции в месте соединения ее с самой грядой – камни кургана выше по уровню и сложены в 2–3 слоя. В середине конструкции положение камней хаотичное (фото 69). Целостность нарушена пахотой. В восточной половине кургана, в средней части, в 0,95 м от восточного края под камнями наброски выявлена яма глубиной 0,25 м от уровня погребенной поверхности. От репера -0,44 м. По мере углубления были выявлены кости мелкого рогатого скота на глубине -0,13 м, -0,22 м и -0,30 м* [*См. приложение, подготовленное к б. н. Д. О. Гимрановым]. На дне углубления находилась конструкция из пяти камней, компактно расположенных, в том числе брусковидный стоял на торце, плиты – на узкой грани (0,35×0,90 м) (рис. 26).

Обсуждение полученного материала

По сведениям А. З. Бейсенова, к настоящему времени на территории Центрального Казахстана известно более 400 курганов с каменными грядами [2017, с. 31]. По поводу культурно-хронологической атрибуции этих памятников высказываются различные точки зрения, согласно которым их можно связать с периодами саков, гуннов, ранних тюрков. М. К. Кадырбаев в 1959 г. предположил бытование курганов с «усами» Центрального Казахстана в течение длительного периода – от раннесакского времени вплоть до середины I тыс. н. э. [Бейсенов, 2017, с. 35]. Полученные датировки охватывают широкий диапазон от раннесакского времени (VIII–V вв. до н. э.), гунно-сарматский период, вторую половину III – первую четверть V в. н. э. Тургайский прогиб, на территории которого выявлены курганы с «усами», является западной частью Сарыарки, ареала тасмолинской культуры, что подтверждается исследованиями последних лет.

Обращают на себя внимание условия находки изваяния, потому что случаи обнаружения каменных изваяний в комплексе кургана с «усами» отмечены не часто. Изваяние и стела ранее были опубликованы [Базарбаева, Джумабекова, 2017; Джумабекова, Базарбаева, 2017]. На территории Центрального Казахстана упоминается не менее трех таких случаев: Косагалы, Атасу, Жыланды/Жиланды. Изваяния зафиксированы в различном положении – лежащим возле выкладки с каменной грядой; рядом с курганом с «усами»; на насыпи большого кургана комплекса с «усами» [Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2015] – то есть они так или иначе были связаны с наземной конструкцией. Курган выделялся либо своими большими размерами, либо оригинальностью конструкции [Бейсенов, Ермоленко, 2014; Курманкулов, Ермоленко, 2014; Ермоленко, Курманкулов, 2015], имел культовый характер (курган 7 могильника Талды-2). Время их возведения определяется раннесакским временем – рамками VII–V вв. до н. э.

Изваяния Сарыарки обнаруживают сходство со скифскими изваяниями VI–V вв. до н. э. из Северного Причерноморья и Северного Кавказа [Курманкулов, Ермоленко, 2014, с. 21]. Скульптура из могильника Ашутасты-2 также иконографически близка антропоморфной скульптуре скифов Северного Причерноморья. По мнению ряда исследователей, изваяния Сарыарки, которые отражают влияние иконографии раннескифских изваяний, появились в регионе в результате западного, «скифского» культурного импульса [Гуцалов, 1998; Таиров, 1998]. Однако этот тезис является спорным.

Значительное число каменных стел и антропоморфных изваяний обнаружено и в степной зоне Южного Урала, органически входящей в западную часть урало-казахстанских степей (к. Имангазы-Карасу II; к. 1 гр. Жанабаз (Урбаз); к. 1 мог. Наурзум IV) [Гуцалов, Таиров, 2000]. По своему назначению скифские антропоморфные изваяния делят на две группы. Изваяния первой группы устанавливались на вершинах курганов и выражали идею связи с предком-родоначальником. Изваяния второй группы были составной частью жертвенных комплексов – святилищ [Гуцалов, Таиров, 2000, с. 247].

Вероятно, антропоморфные изваяния и стелы связаны семантически с «оленными» камнями, которые выражают идею жертвоприношения. В свою очередь, генезис оленных камней связан с материальными объектами - вертикально установленными стелами, крупными камнями и т. д., деревянными столбами, зафиксированные в ряде погребений эпохи поздней бронзы в Минусинской котловине и Центральном Казахстане [Савинов, 1994, с. 138; Бобров, 1992]. В тех случаях, когда каменные стелы и раннесакские изваяния были зафиксированы на вершине кургана или среди камней крепиды, можно предположить, что их устанавливали на последнем этапе погребально-поминального цикла. Например, так реконструировал К. В. Чугунов ситуацию относительно оленных камней на кургане Аржан-2 [Чугунов, 2011, с. 284].

В целом, условия находок антропоморфных стел и изваяний в памятниках ранних кочевников позволяют предположить, что их устанавливали на заключительных этапах погребально-поминального цикла. Об этом косвенно свидетельствует и местонахождение стелы в кургане № 10 мог. Аштусты-1 – в верхнем слое наземной конструкции. Стелы и каменные изваяния, вероятно, можно включить в ряд маркеров круга древностей начального периода сакской эпохи. Изменения, происходившие в процессе сложения раннекочевнической культуры, в мировоззрении, в социальной организации, в том числе формирование новых ценностей, этических идеалов, отразились в том числе и в развитии монументального искусства.

В серию раннекочевнических изваяний региона входят экземпляры из Наурзума, которые объединяет один признак – круглолицесть. В передаче же основных черт лика присутствуют различия. На двух изваяниях схематично передана фигура человека, в одном случае можно проследить положение рук (они прижаты к телу и слегка согнуты, в правой руке, видимо, показано донце чаши); линия талии, возможно, маркирует присутствие пояса. С. Ю. Гуцалов и А. Д. Таиров указывают на то, что на изваяниях показаны свисающие усы [2000, с. 243], прически отсутствуют. На одном изваянии голова скрыта, видимо, в головном уборе, напоминающем капюшон. Обращает на себя внимание трактовка бровей, переданных прямой углубленной линией [Гуцалов, Таиров, 2000, рис. 8, 2, 4, 6, 7]. Л. Н. Ермоленко считает, что сведенные брови являются одним из признаков эпического мотива ярости [Ермоленко, 2008, с. 103]. Как и другие изваяния саков, они были связаны с погребальными сооружениями: согласно предположению С. Ю. Гуцалова и А. Д. Таирова, наурзумские изваяния могли быть сначала установлены на вершине кургана.

С. Ю. Гуцалов и А. Д. Таиров отметили наличие на темени одного из наурзумских изваяний (№ 2) конусовидной выемки [2000, с. 241]. Проанализировав имеющиеся аналогии, авторы публикации высказали предположение о том, что на голове изваяния «изображен шлем сфероконической формы. Возможно, вершину шлема венчал султан» [Гуцалов, Таиров, 2000, с. 245]. И. Н. Швец считает, что султан венчает изображение головных уборов персонажей петроглифов из Кыргызстана, Южной Сибири, Алтая, Восточного Туркестана и Сирии, относящихся к первым векам нашей эры [Shvets, 2012, taf. 41–43; Базарбаева, Джумабекова, Швец, 2015].

Еще один признак, по которому выделяются изваяния из Наурзума, - это силуэтность образов. Антропометрические характеристики персонажей свидетельствуют о разных ростовых показателях. Также может быть не случайным схематизм, присутствующий на изваянии, от которого сохранилась голова. Ряд изобразительных памятников скифо-сакского времени показывает особое значение образа головы. По результатам исследований Л. Н. Ермоленко можно заключить, что трофейная голова служила доказательством подвига – убийства врага [2008, с. 173].

В отношении датировки наурзумских изваяний существуют разные точки зрения: М. К. Хабдулина [1994, с. 118, табл. 3] считает, что данные памятники относятся к тюркскому периоду, С. Г. Боталов [1996, с. 230, 231; Гуцалов, Таиров, 2000, с. 248, прим. 4] датирует изваяния из Наурзума эпохой средневековья.

Каменную скульптуру Сарыарки дополняет изваяние из Жетыкаринского района Костанайской области, обнаруженное Тургайской археологической экспедицией под руководством

В. Н. Логвина* [*Подробнее об изваянии в разделе I.2 настоящего издания, подготовленном Б. М. Хасеновой]. Иконографические особенности скульптуры позволяют предположить ее принадлежность к монументальным памятникам Восточной Сарыарки эпохи саков [Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2016].

Целый ряд изваяний сакского времени Восточной Сарыарки был введен в научный оборот в последние несколько лет благодаря работам Л. Н. Ермоленко и Ж. Курманкулова, А. З. Бейсенова, М. К. Хабдулиной [Ермоленко, Курманкулов, 2011–2014; Бейсенов, 2014; Бейсенов, Ермоленко, 2014; Хабдулина, 2015]. В настоящее время в регионе выявлено около 20 статуарных памятников раннего железного века [Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2015].

Для монументальной скульптуры саков Центрального Казахстана выявлен один из важных признаков – обозначение своеобразной прически, которая характеризуется присутствием определенного стилистического приема в виде «шишкообразного выступа» (с кургана Жыланды, рек Каракенгир и Атасу) [Бейсенов, Ермоленко, 2014; Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2015]. Он вызывает ассоциации с чубом - «айдаром», оставляемым у детей. Традиция оставления чуба имеет место и в культуре запорожских казаков (оседелец) [Бейсенов, Ермоленко, 2014, с. 39].

Интерес вызывает изваяние, найденное в ходе раскопок кургана в местечке Кособа: у него нет четко выделенных признаков пола. Персонаж показан с обнаженным торсом, у него обозначены лопатки и позвоночник [Бейсенов, 2014; Бейсенов, Ермоленко, 2014, с. 35]. Судя по элементам внутримогильного комплекса, в кургане была погребена знатная женщина [Бейсенов, 2014]. Стилистические особенности, подчеркивающие обнаженный торс, скорее всего, передают мускулистое тело, которое могло принадлежать юноше (?). Если бы статуя передавала изображение представительницы женского пола, то, несомненно, древними мастерами были бы показаны характерные признаки пола. Такие признаки, как шлем (иногда в сочетании с ушами), вогнутая или плоская поверхность лица, гривна, лопатки и линия позвоночника распространены в иконографии скифской скульптуры. Ключицы высечены на изваянии сакской эпохи из с. Егинды [Ермоленко, Курманкулов, 2012, рис. 6, с. 92].

Такая черта облика изваяний Сарыарки, как усы, обычно показаны отвислыми (Атасу, Байдалы). Для некоторых изваяний (Бегазы, Талды-2, Байдалы, Жыланды) характерно отсутствие особой детализации, хотя на изваянии из Ашутасты-2 более реалистично выделена голова [Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2015; Бейсенов, Ермоленко, 2014]: реалии тела и предметы вооружения не обозначены, на голове обозначен выступ. Изваяние из могильника Бегазы отличается схематизмом и отсутствием изображений вещей. Л. Н. Ермоленко и А. З. Бейсенов отметили, что прямых соответствий иконографии бегазинского изваяния в скифской скульптуре не выявлено. Похожий прием передачи глаз и носа зафиксирован на отдельных раннескифских изваяниях Причерноморья. Для этого редкого однорукого изваяния реконструируется положение, соотношенное с запечатлённым на некоторых изваяниях сакской эпохи – кисть одной руки прижата к груди, а другой – к животу [Бейсенов, Ермоленко, 2014]. Аналогичный жест отмечен на причерноморских скифских изваяниях, датирующихся в пределах второй половины VI – начала V в. до н. э., сходное положение рук фиксируется также на северокавказском изваянии конца VII – первой половины VI в. до н. э.

Для изваяния из Атасу характерен способ изображения бровей и носа слитным барельефом, который встречается в иконографии сакского периода (из г. Степногорска, с. Егинды). Округлыми углублениями переданы глаза и рот на изваяниях из Каракенгира и Темира, изваянии с чубом из Карагандинского областного историко-краеведческого музея, переиспользованном изваянии из Жылысыя [Ермоленко, Курманкулов, 2014]. Некоторая «безликость» изваяния из Косагалы и стелы из Жанатурмыс находит соответствие в иконографии скифских изваяний [Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2015; 2016], что отличает его от ашутастинского – схематичность, но не безликость.

Изваяние из могильника Байдалы, у которого нижние очертания надбровий и глаза сформированы углублениями, а удлинённый нос передан барельефом в виде узкого прямоугольника, усы дугообразные, на голове «шишкообразный» выступ. Приемами передачи лица перекликаются с ашутастинским.

Для изваяний из могильника Атасу, с. Каракенгир, местности Косагалы, Талды-2 фиксируется сочетание уплощенного лица и реалистично выполненного затылка. Исследователи констатировали

использование такого приема для изваяний скифов и саков [Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2016]. Изваяния из памятников Темир, Косагалы выделяются еще большей схематизацией. С изваяниями Каракенгир, Атасу и стелой из Жанатурмыс их объединяет присутствие шишковидного выступа на голове, с ашутастинским отсутствием детализации. Обозначение глазных впадин без детализации глаз (мог. Атасу) фиксируется на изваяниях с «шишкообразным» элементом. Способ передачи черт лица этих экземпляров близок ашутастинскому. Обозначение ушей сближает Ашутасты с изваянием из Талды-2. Общими для всех изваяний являются определенная композиция (изображение только головы человека), кроме Бегазы. Можно предположить, что на изваянии из Ашутасты детали были проработаны достаточно четко и однозначно, но со временем они сгладились.

Изваяния из могильника Атасу, с. Каракенгир и местности Косагалы, Жанатурмыс характеризуются широкими боковыми гранями. Данный признак свойствен и изваяниям с «шишкообразной» деталью. У одного из них (изваяние из Талды-2) обозначены уши, «детали лица» воспроизведены приёмами, сходными с использованными при создании изваяния из могильника Бегазы, рот передан горизонтальным желобком [Бейсенов, Ермоленко, 2014, с. 37, рис. 3]. В профильном абрисе голов изваяния, как и каменных скульптур из могильника Атасу, с. Каракенгир, местности Косагалы, наблюдается сочетание плоской поверхности лица и реалистично скошенного затылка. Головы изваяний с айдаром также моделированы объемно, но лицевая их поверхность плоская или вогнутая.

Изваяние из кургана 7 могильника Талды-2 датируется, как и само погребение, VII–VI вв. до н. э. Окруженный жертвенниками курган, очевидно, являлся ритуальным сооружением, возведённым на краю могильника раннесакского периода. Культовым назначением памятника, возможно, была обусловлена установка каменного изваяния в насыпи кургана. Раннекочевнические изваяния из Восточной Сарыарки относятся к группе скульптур VII–V вв. до н. э. [Бейсенов, Ермоленко, 2014].

Изваяние из Ашутасты, несомненно, являясь частью раннекочевнических памятников, отличается некоторой условностью, стилизованностью, как бы грубостью исполнения. Отсутствует отмеченный Л. Н. Ермоленко такой признак, как сочетание вогнутой или плоской лицевой поверхности и округлой тыльной части [Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2015, с. 130]. Присутствует приём акцентирования глазных впадин без детализации глаз, отмеченный на изваянии из могильника Атасу и фиксируемый на трёх изваяниях с «шишкообразным» атрибутом из Центрального Казахстана. Также способ передачи черт лица находит параллели с изваянием из Бегазы [Бейсенов, Ермоленко, 2014, с. 37]. В целом изваяние из Ашутасты выделяется из серии изваяний сакской эпохи Центрального Казахстана меньшей детализацией при передаче.

Изваяние из Ашутасты, которое можно отнести к полуфигурным: намечены руки, они определенно подразумеваются. Таким фигурам также свойственно обозначение некоторых деталей: фаллос, лопатки, линия позвоночника, ягодицы; подвешенные на поясе предметы вооружения (чекан находится на правом боку, вертикально, древком вниз; кинжал показан на передней грани – слева или посередине, в положении, близком к горизонтальному, рукоятью вправо). Чаще каменные изваяния изображают мужчин-воинов. Как следует из описания условий обнаружения публикуемых изваяний с «шишкообразным» атрибутом, археологический контекст, так или иначе, указывает на их связь с памятниками раннего железного века.

Рассматривая изваяние с р. Аксу (близ г. Степногорск) [Хабдулина, 2015, рис. 2, 3] с айдаром и наклонно изображённым кинжалом, М. К. Хабдулина отмечает, что ножны кинжала могли также обозначать фаллос. Это предположение вполне согласуется с наблюдением А. Ю. Алексева о сходстве форм акинака и фаллоса на ранних скифских изваяниях [Алексеев, 1980, с. 42]. Учитывая, что изображение фалла – это хронологический показатель раннескифских изваяний VII–V вв. до н. э. [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 59–60], рельефная изобразительная деталь ниже пояса на ашутастинском изваянии, показанная вертикально почти посередине тела, может восприниматься скорее как фаллос, а также и как изображение ножен кинжала. В тоже время, по мнению Л. Н. Ермоленко, при создании изваяний признаки пола не акцентировались, так как завершённый облик изваяние приобретало после того, как их обряжали в настоящую одежду [2007].

Большинство полуфигурных изваяний обнаруживают сходство со скифской скульптурой Северного Кавказа и Северного Причерноморья. Исходя из анализа условий находки скифских

изваяний, В. С. Ольховский сделал вывод о «безусловной связи их с курганными насыпями» и о том, что «подавляющее большинство изваяний первоначально устанавливались ... на вершине кургана» [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 45].

Стела, выявленная в комплексе кургана с «усами» Ашутасты-2, не единственная в регионе. Здесь также известен курган раннего железного века Ашутасты-30 с антропоморфной стелой, содержащий детское захоронение [Шевнина, Сеитов, 2014].

Атрибуция находок из кургана № 10 мог. Ашутасты-1

Культурно-хронологическое определение кургана № 10 мог. Ашутасты-1 позволяет выполнить обнаруженный в нем наконечник стрелы: бронзовый, трехгранный, с выемками в основании граней, образующими жальца, с выступающей втулкой (рис. 11, 2). Длина – 2,6 см.

М. К. Кадырбаев [1966] отмечал для тасмолинских памятников V–III вв. до н. э. наибольшее распространение стандартной формы бронзовых втульчатых трехгранных наконечников стрел. И. Н. Медведская, разрабатывая вопросы хронологии наконечников стрел для памятников Средней Азии и Казахстан, пришла к заключению, что комплексы с черешковыми наконечниками при отсутствии втульчатых трехлопастных могут быть датированы не позднее VII в. до н. э. [1972]. Для раннекочевнических памятников Тувы общая тенденция развития стрелкового набора направлена на постепенное уменьшение процента втульчатых стрел. Это подтверждается анализом набора втульчатых стрел из кургана Аржан-1. Черешковые наконечники, вероятно, появляются в Туве не ранее середины VIII в. до н. э.

В другом раннесакском памятнике - кургане Аржан-2 в Туве найдены две стрелы с втульчатым насадом: трехлопастной наконечник с остролистной головкой (мог. 26, тип 1D1) и трехгранно-трехлопастной с треугольной головкой и длинной втулкой, с моделированными при отливке шипами (мог. 25, тип 1E1). Трехлопастной наконечник из могилы 26 имеет такой ранний хронологический признак, как втулку, доходящую до острия, – остролистная форма пера является достаточно ранним признаком (VII в. до н. э.) [Чугунов, 2011]. Значительный процент трехлопастных наконечников с остролистной формой головки, наряду с двухлопастными, найдены в слоях гибели гальштатских поселений периода На C2/D1. Наконечники стрел из кургана Аржан-2 на основе аналогий могут быть датированы в пределах VIII–VI вв. до н.э. Встречающиеся в ранних уюкско-саглыньских комплексах конца VI–V в. до н. э. экземпляры могут иметь более раннюю начальную дату [Чугунов, 2011].

Бронзовые наконечники стрел из памятников Горного Алтая I тыс. до н. э. типологически и хронологически разделяются на две группы, ранняя из которых представлена двухлопастными втульчатыми (VIII–VII вв. до н. э.). В Горном Алтае трехлопастные втульчатые и черешковые наконечники стрел датируются VI–IV вв. до н. э. [Кочеев, 1999]. Л. Т. Яблонский среди втульчатых трехгранных наконечников стрел выделяет несколько типов, позволяющих датировать наконечник в рамках VIII в. – первой половины V в. до н. э. [2006]. К. Ф. Смирнов для савромато-сарматских памятников выделяет трехгранные втульчатые наконечники стрел с лóжками, датирующиеся VI–V вв. до н. э. [Смирнов, 1961, с. 52].

Изображение кошачьего хищника из кургана № 10 мог. Ашутасты-1 изготовлено из фольги металла желтого цвета, штампованное (рис. 11, 1, фото 70). Видовая принадлежность животного определяется по таким признакам, как когтистые лапы, длинный, заканчивающийся колечком хвост. Животное находится в состоянии покоя, стоящим. Животное изображено со слегка опущенной вниз головой, сомкнутой пастью. Голова выделена тонкой линией, намечены глаз и ухо. Ухо ложечковидной формы. Характерными для скифо-сибирского звериного стиля приемами переданы лопатка и круп: лопатка обозначена каплевидной фигурой, бедро показано не так четко. Лапы массивные, с выделенными когтями, соединены вместе, голова большая, шея толстая, создается впечатление, что она в складках.

Аналогичная трактовка мощного кошачьего хищника встречается в раннесакских памятниках Казахстана. Яркими примерами такого художественного воплощения образа кошачьего являются находки из Восточной Сарыарки: Акбеит-1, Байке-2, Карашоқы-1, Талды-2 [Bejzenov, 2013; Бейсенов и др., 2016]. В материалах замечательного памятника Талды-2 изображение стоящего зверя присутствует в декоре ворворок, портупейных обойм, бляшек – декора одежды. Некоторое отличие заключается в позе животного – в Талды-2 массивная голова хищника поднята.

Изображения кошачьих хищников, входящие в композицию «загадочной картинке» на костяном футляре из мог. Байке-2 (VII в. до н. э.), в целом близкие ашутастинским по характерным раннесакским признакам, отличаются некоторыми деталями: вытянутыми вперед и чуть согнутыми конечностями с акцентированными когтями/пальцами, закрученным на кончике в спираль длинным хвостом, каплевидной формой уха, поджарым туловищем. Более тонкое воплощение образа «скребущего» хищника из Байке (в отличие от стоящего из Ашутасты-1) обусловлено способом изготовления – резьбой по кости.

Изображение кошачьего из Карашоки-1 также показано в спокойной стоящей позе на прямых ногах, голова поднята. Переключка с изображениями из Ашутасты-1 проявляется в сомкнутой пасти, закрученным на кончике хвосте, ложечковидной форме уха, в массивных когтистых лапах. В Жетысу среди раннесакских изображений кошачьего хищника стилистически близкое воплощение известно на каплевидной бляшке со сценой терзания антилопы из Жалаулы.

В восточной части раннесакского мира параллели ашутастинскому образу обнаруживаются в женском погребении кургана Тарасу в Казахском Алтае [Самашев, Ермолаева, Куш, 2008; Самашев, Ермолаева, Джумабекова, 2017], где находилась бляшка с изображением кошачьего хищника с чертами фантастического существа. Сходство проявляется в приемах передачи зверя: крупная голова опущена вниз, ухо ложечковидной формы передано углублением, глаз большой, кончик длинного хвоста закручен в спираль, конечности короткие с гипертрофированными когтями/пальцами; проработка поверхности невысоким рельефом выполнена более четко. Еще более восточные параллели выявлены среди материалов из Тувы в золотых нашивных бляшках в виде кошачьих хищников (мог. Кош-Пей – уюкско-саглынская культура, Куйлуг-Хем-1 - алды-бельская культура), а также Большой Полтаковский курган, мог. 2, Южная Сибирь [Грач, 1980, рис. 88; Королькова, 2006, табл. 28]. В этих изображениях также гипертрофированные лапы, ухо показано внутри абриса головы, хищник показан либо припавшим к земле, либо стоящим на коротких ногах. Штамповка наложила специфический отпечаток на художественный образ хищника.

За пределами территории Казахстана в азиатской части скифо-сакского мира очень близкие стилистические приемы воплощения образа кошачьего хищника прослеживаются в материалах нескольких памятников (Кош-Пей-1, Обские Плесы-2, Кривая Лука-17 [Богданов, 2006, табл. ХLI, 1, 2, 6; табл. ХLII, 14]). На основе анализа образа хищника в памятниках скифо-сибирского мира Е. С. Богданов высказал предположение о том, что иконографическая схема изображения хищника, «припавшего к земле», сложилась в центрально-азиатском регионе. Из этих районов, близких территориально к Северному Китаю, она распространилась по степям Евразии [Богданов, 2006, с. 58]. Постоянные контакты населения Тувы с более западными регионами, начавшиеся еще в раннескифское время, импульсы с запада оказали влияние на формирование уюкско-саглынской культуры [Чугунов, 2001, с. 176]. Продвижение носителей определенных традиций, связанных с территорией расселения сакских племен в конце VI в. до н. э., реконструируется через такие основные пункты: Центральный и Восточный Казахстан – Верхнее Приобье – Горный Алтай – Тува в конце VII – начале VI в. до н. э. и в конце VI в. до н. э. [Чугунов, 2001, с. 177]. Возможно, предметы, декорированные в зверином стиле, являются одним из маркеров этих миграций.

Кроме названных памятников Тувы художественные приемы воспроизведения кошачьего хищника из памятников Сарыарки находят удивительные параллели в раннесакском комплексе Аржан-2. Бляшки в виде кошачьих хищников изображают животное с поджарым туловищем, голова направлена вперед, посажена на мощной шее, морда тупая, ухо округлое, лапы/когти проработаны традиционно тремя выступами [Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010, tafel. 5; 6; 37; 38, 59; 75; 143].

Изображения кошачьих хищников, выполненные в характерной манере, свойственной памятникам тасмолинской культуры (в том числе Ашутасты-1, Талды-2), находят много общего с образами животных в памятниках Аржан, Кичигино, в том числе таким художественным приемом, как объединение выступа лопатки с крупной головой зверя [Переводчикова, 2012, с. 240]. А. Д. Таиров и С. Г. Боталов также выделяют направление параллелей фигуркам зверей из мог. Кичигино в комплексах курганов 53 и 31 мог. Южный Тагискен и в Аржане-2 [2010]. Бронзовые фигурки хищников из Кичигино с массивной шеей, переходящей в выступ лопатки, шея отделена выступом от туловища зверя, который передает гриву животного – льва. Изображения выполнены в низком рельефе, животные показаны стоящими на прямых ногах. Устанавливаются связи Кичигино с раннекочевническими культурами Центрального Казахстана, Приаралья, Алтая

и Тувы, подразумевающих некую общность, включавшую эти территории в рамках аржано-кичигинского культурно-хронологического горизонта второй половины VII – середины VI в. до н. э. [Переводчикова, 2012, с. 242]. Предполагается, что произведения искусства не были откуда-то принесены, возможно, в пределах этого единого пространства осуществлялся обмен художественными идеями. Оно включало отчасти и Южное Зауралье.

Помимо восточного вектора, предполагается западное направление связей: истоки причерноморских изображений хищников VI в. до н. э. следует искать в аржано-казахстанских образах [Чугунов, 2001, с. 221]. В этом аспекте реконструируется процесс миграции населения с востока (Тува, Восточный Казахстан) на запад (Северный Кавказ и Северное Причерноморье) в конце VII – первой пол. VI в. до н. э. [Полидович, 2010, с. 222]. В свете вышесказанного актуальным видится предположение М. К. Кадырбаева о том, что ядром сакской культурной общности являлись племена Казахстана и Алтая [1966, с. 401].

Художественные параллели известны в юго-восточных по отношению к Тасмоле регионах на территории Синьцзяна в материалах памятников ранних кочевников бассейна р. Иле/Или, где фиксируются отчетливые аналогии находкам сакского периода Казахстана. Среди них бляшка из золота в виде хищника, припавшего к земле, изображает животного с закрученным кончиком хвоста, на мощных лапах с выраженными когтями, с крупной головой, приоткрытой пастью. Невысоким рельефом смоделировано тело, выделены складки, показаны лопатка, бедро [Шульга, 2010, рис. 58, 12]. Для территории Китая и Внутренней Монголии раннескифского времени Е. С. Богдановым выявлено преобладание одиночного изолированного образа, отсутствие сюжетных композиций и сцен на основе анализа изображения копытных «на цыпочках» и хищников в канонических позах [2011, с. 26, рис. 3]. Видимо, тезис верен в случае, если «загадочные» картинки не считать сюжетными композициями.

Возможно, ряд изображений кошачьего хищника типа Ашутасты представляет собой определенную линию развития и поиска идеального способа воплощения образа. Е. С. Богданов емко сформулировал этот тезис относительно раннескифских изображений хищника [2006, с. 38–39]. По мнению исследователя, набор зооморфных образов, их сочетание в декоре одежды, предметов вооружения и др. обусловлен ритуально-мифологическими представлениями [Богданов, 2011, с. 28]. Можно предположить, что сходное художественное исполнение кошачьего хищника свидетельствует о существовании единой мировоззренческой основы населения.

В целом на примере совокупности ряда признаков: конструкции погребальных сооружений, наличия стел и изваяния, находок можно включить памятники Ашутасты в тасмолинскую культуру. Они подтверждают вывод А. З. Бейсенова, предложенный на основе анализа материалов последних археологических открытий в Центральном Казахстане о том, что регион находился в теснейших этнокультурных связях с районами Восточного Казахстана, Саяно-Алтая, Жетысу, Восточного Приаралья, Южного Урала [2015, с. 26].

Видимо, учитывая особенности архитектуры наземного сооружения, погребального обряда, исследованный раскопками курган № 10 в могильнике Ашутасты следует датировать VII–VI вв. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А. Ю. О скифском Аресе // АСГЭ. - 1980. - Вып. 21. - С. 39–47.
- Базарбаева Г. А., Джумабекова Г. С. Новое изваяние эпохи ранних кочевников из Тургая // Самарский научный вестник. - 2017. - Т. 6, № 2 (19). - С. 117–121.
- Базарбаева Г. А., Джумабекова Г. С., Швец И. Н. Образ человека в художественной культуре населения раннего железного века казахских степей // Константин Фёдорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: матер. IX Междунар. научн. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения К. Ф. Смирнова (12–15 мая 2016, г. Оренбург). - Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. – С. 32–39.
- Базарбаева Г. А., Джумабекова Г. С., Байдалы Р. Ж. Ашутасты – Батыс Сарыарқадағы Тасмола мәдениетінің жаңа ескерткіші // Саки и савроматы казахских степей: сб. научн. ст., посвящ. памяти археолога Б. Нурмуханбетова. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. – С. 51–55.

- Бейсенов А. З.** Древние сокровища Сарыарки. Книга-альбом на каз., рус. и англ. яз. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2014а. - 196 с.
- Бейсенов А. З.** Исследование кургана сакского времени с каменным изваянием на могильнике Кособа (Центральный Казахстан) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. - Барнаул: АлтГУ, 2014б. - С. 7–16.
- Бейсенов А. З.** Центральный Казахстан в раннем железном веке // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7, № 6, ч. 2. – С. 22–31.
- Бейсенов А. З.** Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. ст., посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 2. – С. 31–37.
- Бейсенов А. З., Ермоленко Л. Н.** Новые каменные изваяния сакской эпохи из Сарыарки // Вестник КемГУ. – 2014. - № 3 (59). - С. 36–40.
- Бейсенов А. З., Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А.** Изучение памятников тасмолинской культуры в Западной Сарыарке // Археология Западной Сибири и Алтай: опыт междисциплинарных исследований: сб. ст., посвящ. 70-летию проф. Ю. Ф. Кирюшина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. – С. 294–297.
- Бейсенов А. З., Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А., Дуйсенбай Д. Б.** Находка костяного футляра в кургане тасмолинской культуры (Центральный Казахстан) // Tyragetia. 2016. - Vol. X (XXV), n. r. 1. - P. 225–236.
- Бейсенов А. З., Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А., Дуйсенбай Д. Б., Ахияров И. К.** Вихревые композиции в искусстве саков Центрального Казахстана // Археологія і давня історія України. – 2017. – Вып. 2 (23). Старожитності раннього залізного віку. – С. 40–58.
- Бобров В. В.** К проблеме вертикально установленных объектов в погребениях эпохи бронзы Сибири и Казахстана // Северная Евразия от древности до средневековья: тез. конф. к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова. - СПб., 1992. - С. 54–57.
- Богданов Е. С.** Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). - Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. - 240 с.
- Богданов Е. С.** Образы свернувшегося и припавшего к земле хищника, оленя «на цыпочках» в контексте зарождения скифо-сибирского искусства // «Terra Scythica»: матер. междунар. симпозиума «Terra Scythica». - Новосибирск, 2011. - С. 23–28.
- Боталов С. Г.** Каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы Урало-Ишимского междуречья // Новое в археологии Южного Урала: сб. научн. тр. - Челябинск, 1996. - С. 210–244.
- Грач А. Д.** Древние кочевники в центре Азии. - М.: Наука, 1980. – 255 с.
- Гуцалов С. Ю.** Курган раннескифского времени на Илеке // Археологические памятники Оренбуржья. - 1998. - Вып. II. - С. 127–136.
- Гуцалов С. Ю., Таиров А. Д.** Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южно-уральских степей // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии: сб. статей. - М., 2000. - С. 226–251.
- Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А.** О традиции установки стел в культуре населения сакского времени казахских степей // История и археология Семиречья: сб. статей и публикаций. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. – Вып. 5. – С. 127–142.
- Ермоленко Л. Н.** Еще раз к вопросу о первоначальном виде каменных кочевнических изваяний // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Азбука, 2007. – С. 126–129.
- Ермоленко Л. Н.** Изобразительные памятники и эпическая традиция: по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии. - Томск: ТГПУ, 2008. – 288 с.
- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К.** Новое изваяние раннего железного века из Сары-Арки // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 4 (52). – С. 86–94.
- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К.** Переоформленное древнее изваяние из средневекового культового комплекса в урочище Жылысай // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – С. 32–35.
- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К.** Погребение раннего железного века с изваянием в долине р. Айбас // Вестник КемГУ. - 2015. - № 2 (62), т. 6. - С. 29–34.
- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К., Касенова А. Д.** Новые данные о специфической разновидности изваяний сакской эпохи // Вестник КемГУ. - 2015. - № 1 (61), т. 3. - С. 26–32.
- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К., Касенова А. Д.** Некоторые итоги изучения изваяний раннего железного века Сарыарки // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): матер. междунар. конф. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. - С. 129–135.
- Кадырбаев М. К.** Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 303–433.
- Королькова Е. Ф.** Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. - СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2006. - 272 с.

- Кочеев В. А.** Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. - Горно-Алтайск, 1999. - Вып. № 4. - С. 74–82.
- Курманкулов Ж., Ермоленко Л.** Древности Сарыарки: каменные изваяния. Книга-альбом на каз., рус. и англ. яз. – Караганды: «Credos Ltd С», 2014. – 168 с.
- Логвин А. В., Шевнина И. В., Дей Д. Б.** Геоглифы Торгая // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2011. – № 1 (вып. 14). – С. 226–229.
- Маргулан А. Х.** К изучению памятников района р. Сары-Су и Улугау // Вестник АН КазССР. – 1948. – № 2 (35). – С. 53–60.
- Медведская И. Н.** Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. – 1972. – № 3. – С. 76–89.
- Мелюкова А. И.** Вооружение скифов. – М.: Наука, 1964. – 113 с.
- Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л.** Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. – М., 1994. – 188 с.
- Переводчикова Е. В.** Произведения скифского звериного стиля из кургана 5 у села Кичигино в контексте искусства кочевников восточных областей Евразии // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. - СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. - Кн. 1. - С. 238–243.
- Полидович Ю. Б.** Находки в тувинском кургане Аржан-2 и «звериный стиль» Северного Причерноморья: поиск соответствий // Древние культуры Евразии: матер. междунар. научн. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. - СПб., 2010. - С. 217–224.
- Савинов Д. Г.** Оленные камни в культуре кочевников Евразии. - СПб.: СПбГУ, 1994. - 208 с.
- Самашев З., Ермолаева А.С., Джумабекова Г.С.** Казахский Алтай в I тысячелетии до н.э. // Казахстан в сакскую эпоху: коллективная монография. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. – С. 101–156.
- Самашев З., Ермолаева А., Куш Г.** Древние сокровища Казахского Алтая. - Алматы: Онер, 2008. - 200 с.
- Смирнов К. Ф.** Вооружение савроматов / Материалы и исследования по археологии СССР. – 1961. – Вып. 101. – 168 с.
- Таиров А. Д.** Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // Археологические памятники Оренбуржья. - Оренбург, 1998. - Вып. II. - С. 87–96.
- Таиров А. Д., Боталов С. Г.** Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. – М.: ТАУС, 2010. – С. 339–354.
- Хабдулина М. К.** Степное Приишимье в эпоху раннего железа. - Алматы: Ракурс, 1994. – 170 с.
- Хабдулина М. К.** Каменное изваяние сакского времени из Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. научн. ст., посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 372–375.
- Шевнина И. В., Сеитов А. М.** Детское погребение раннего железного века из Тургая // Восхождение к вершинам археологии: сб. матер. междунар. научн. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию со дня рождения К. А. Акишева. - Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2014. - С. 273–280.
- Шульга П. И.** Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. - Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. - 240 с.
- Чугунов К. В.** Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине I тыс. до н. э. // Евразия сквозь века: сб. научн. тр., посвящ. 60-летию со дня рождения Д. Г. Савинова. - СПб., 2001. - С. 173–178.
- Чугунов К. В.** Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // Российский археологический ежегодник. - СПб., 2011. - Т. 1. - С. 262–335.
- Яблонский Л. Т.** Материалы для классификации наконечников стрел раннесакского типа (по находкам в Южном Приаралье) // Древности скифской эпохи. – М., 2006. – С. 277–298.
- Bejzenov A.** Die nekropole Taldu-2 in beziehung zu den kulturen der fruhsakishen zeit osteurasiens. In: Unbekanntes Kasachstan. Archaeologie im Herzen Asiens, t. II [Catalogue of the exhibition]. / Ed. by Z. Samashev and T. Stoellner. - Bochum, 2013. - S. 595–608.
- Čugunov K. V., Parzinger H., Nagler A.** Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. - Mainz, 2010. - 330 s. (Archäologie in Eurasien. – 26; Steppenvölker Eurasiens. – 3).
- Shvets I.** Studien zur Felsbildkunst Kasachstans. - Darmstadt/Mainz: Zabern, 2012. – 428 s.

Архивные материалы

- Калиева С. С.** Стационарные работы на территории Аркалыкской сельхозопытной станции. В: Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Тургайской области в полевом сезоне 1992 г. // Архив КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2409.
- Логвин В. Н.** Разведочные работы в Тургайской области. В: Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Тургайской области в полевом сезоне 1991 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2365.

Рис. 1. Расположение могильников Ашутасты-1 и Ашутасты-2 близ одноименного села.
©GoogleEarth. Исполнитель С. Ишангали

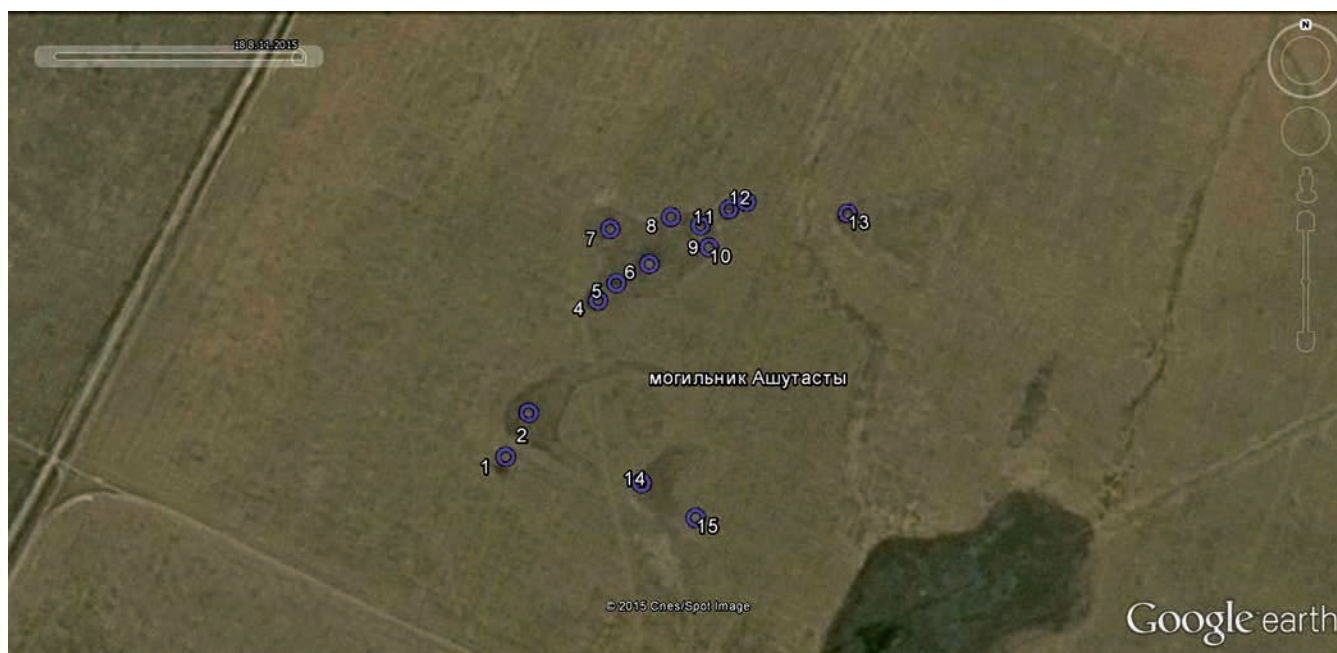

Рис. 2. Схема расположения объектов на могильнике Ашутасты-1.
©GoogleEarth. Исполнитель С. Ишангали

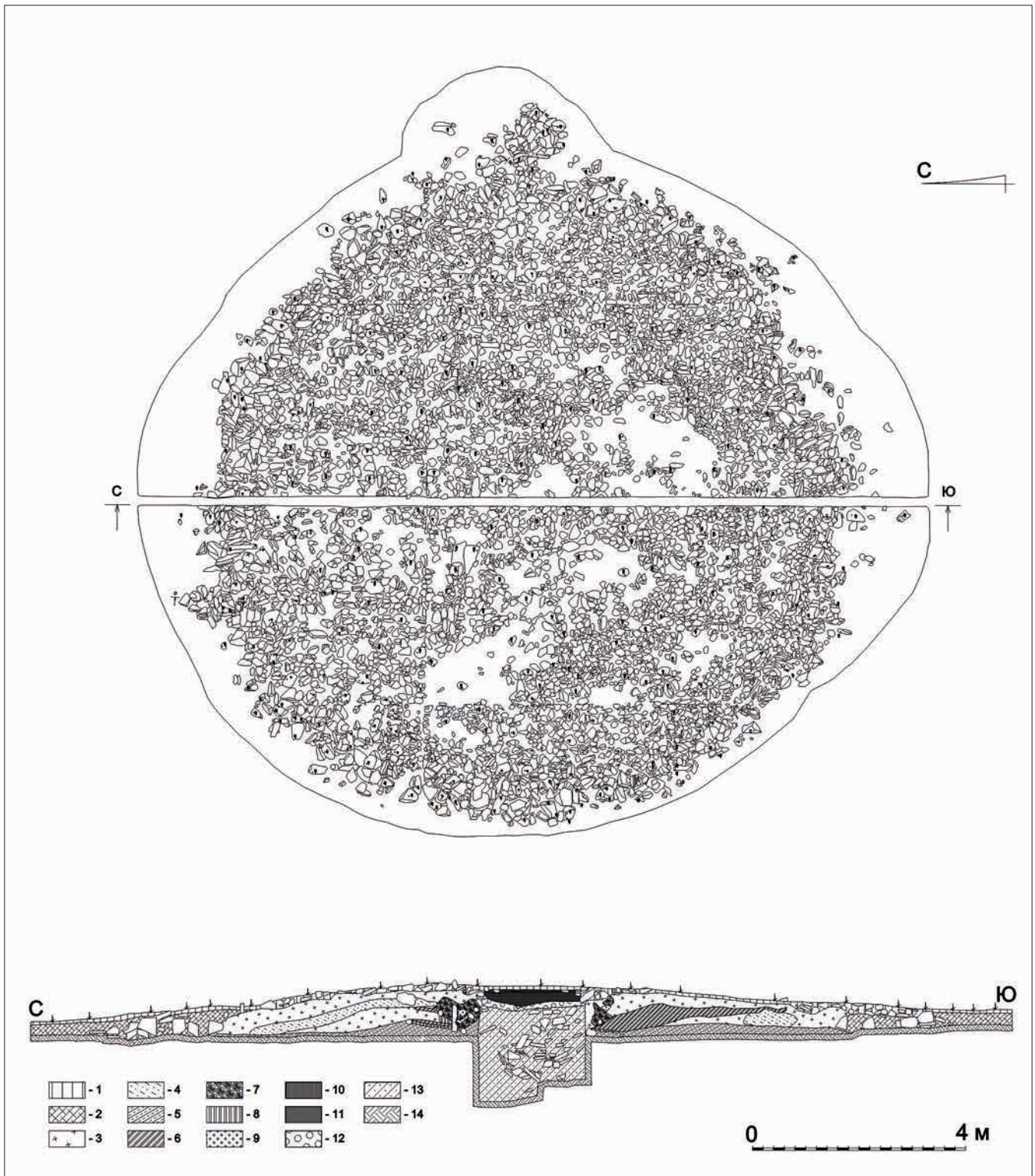

Рис. 3. Могильник Ашутасты-1, курган 10. План и разрез

Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – плотный грунт темно-коричневого цвета, золовые отложения; 3 – плотный суглинок серо-желтого цвета; 4 – очень твердый суглинок желтого цвета; 5 – плотный грунт серо-коричневого цвета; 6 – плотный суглинок желтого цвета; 7 – рыхлый золистый грунт черного цвета; 8 – плотный суглинок серого цвета; 9 – комки глины желтого цвета; 10 – слой плотного грунта серо-коричневого цвета; 11 – золистый слой черного цвета; 12 – зернистый слой грунта светло-коричневого цвета; 13 – заполнение могильной ямы в виде плотного грунта темно-коричневого цвета с серым и черным золистым включением; 14 – материк

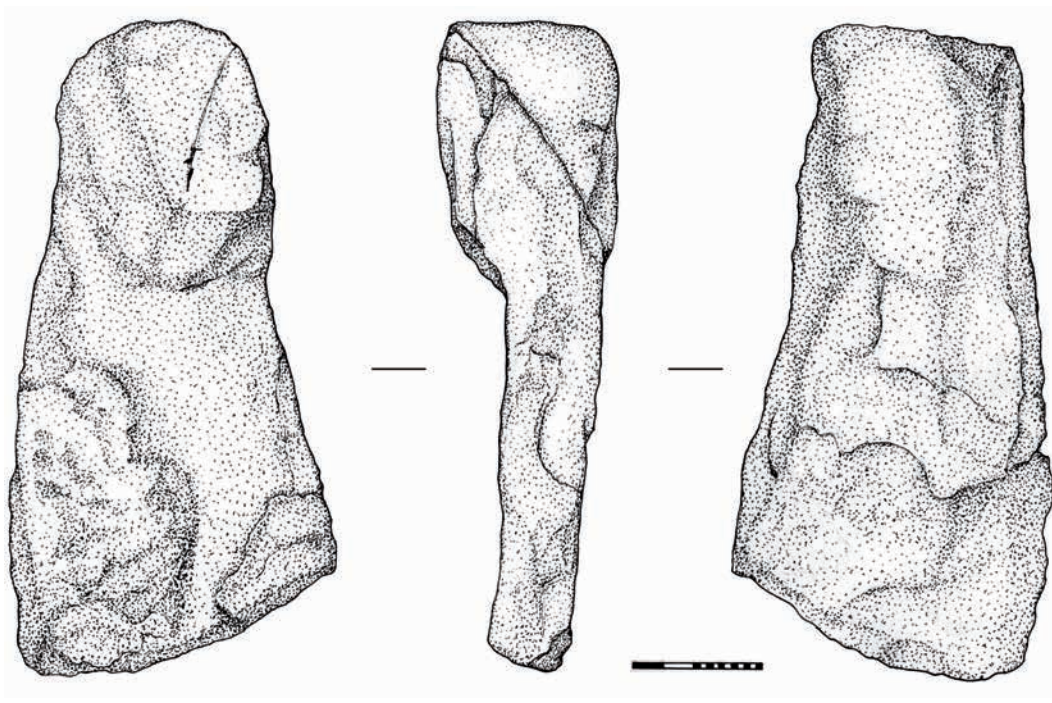

Рис. 4. Могильник Ашутасты-1, курган 10. Стела

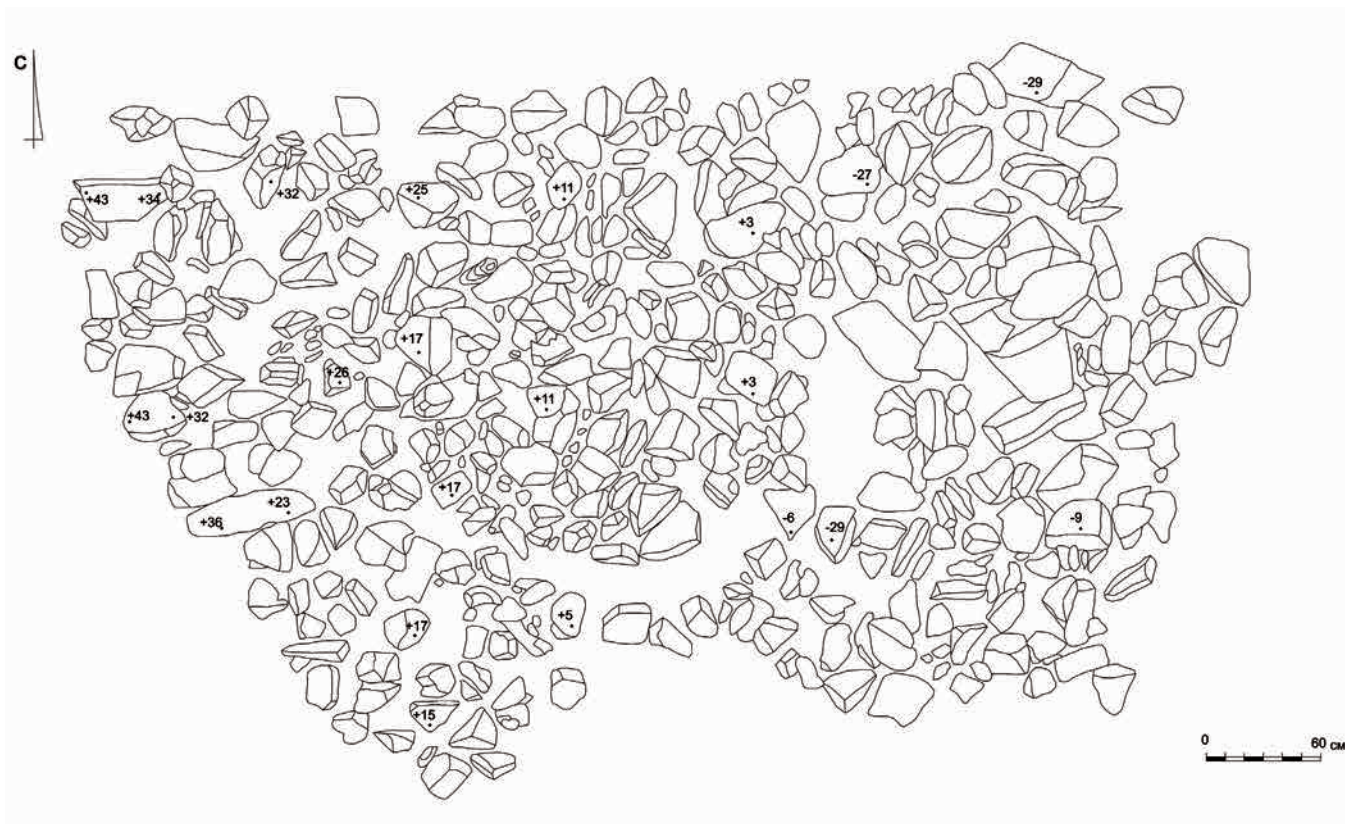

Рис. 5. Могильник Ашутасты-1, курган 10. Основа наземной конструкции. Фрагмент

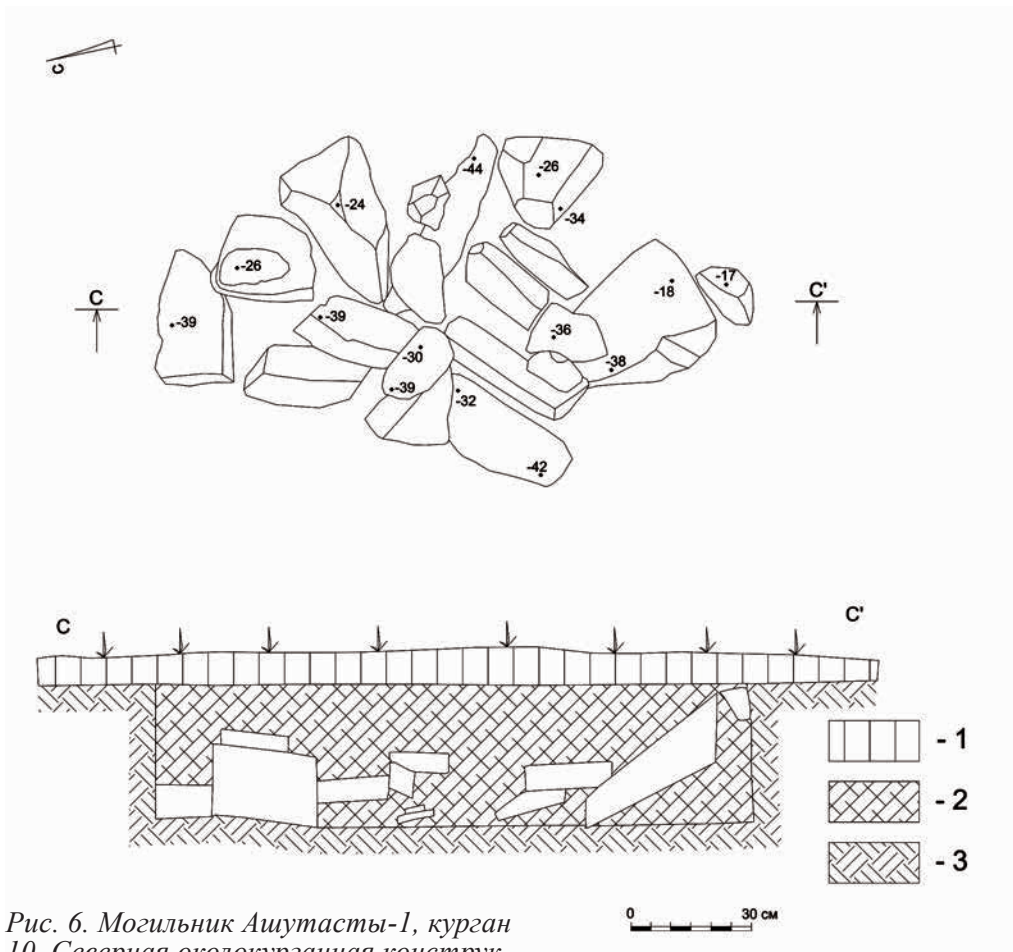

Рис. 6. Могильник Ашутасты-1, курган 10. Северная околокурганная конструкция. План и разрез
 Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – плотный грунт темно-коричневого цвета; 3 – материк

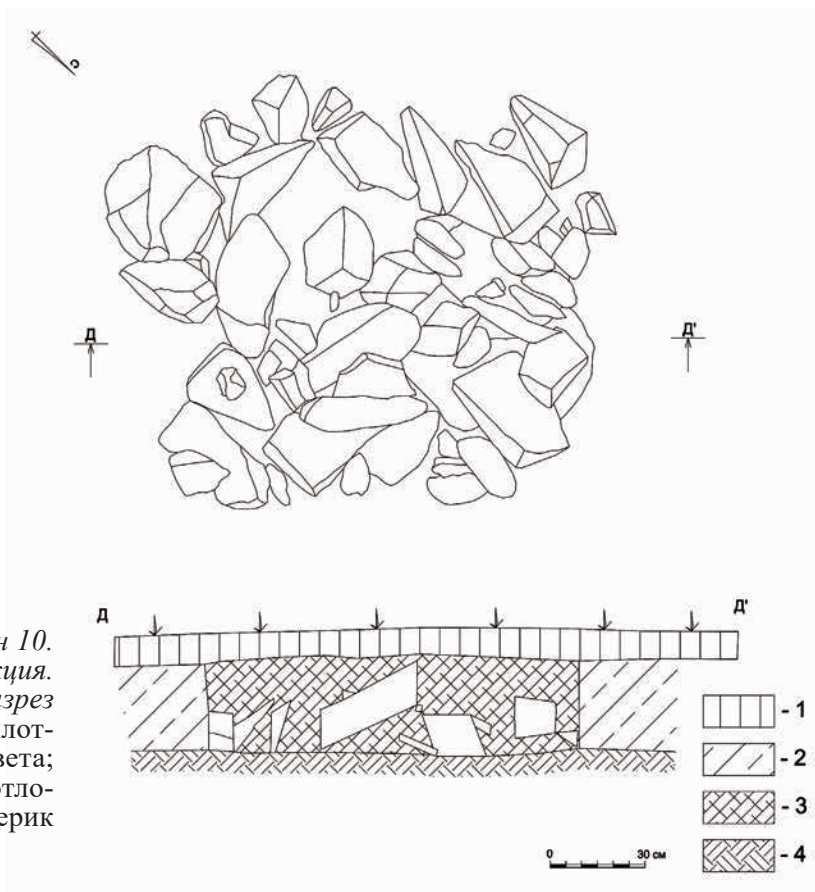

Рис. 7. Могильник Ашутасты-1, курган 10. Восточная околокурганная конструкция. План и разрез
 Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – плотный грунт темно-коричневого цвета; 3 – грунт коричневого цвета, эоловые отложения; 4 – материк

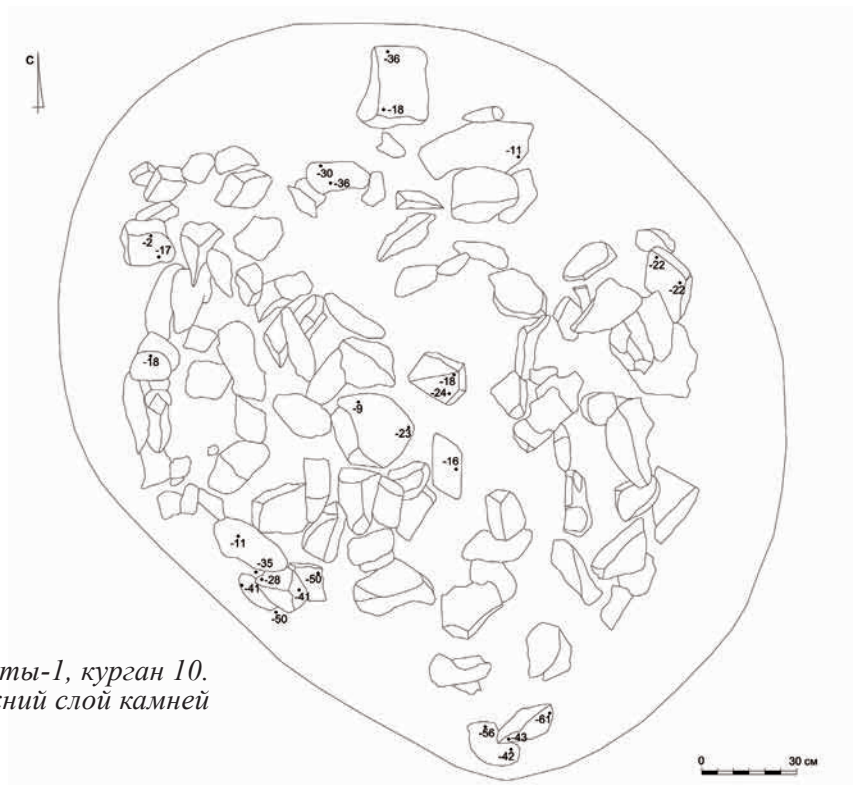

Рис. 8. Могильник Ашутасты-1, курган 10.
Могильная яма. Верхний слой камней

Рис. 9. Могильник Ашутасты-1, курган 10.
Схема курганной конструкции

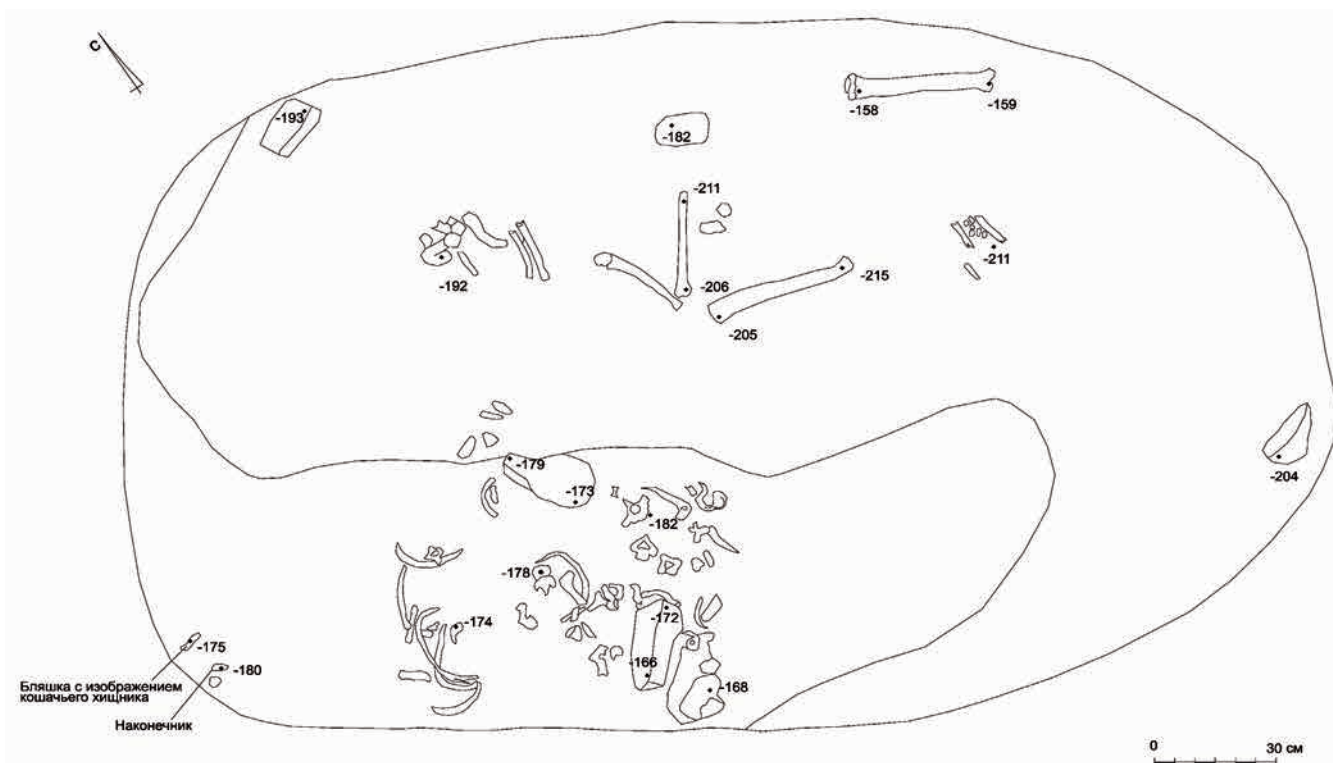

Рис. 10. Могильник Ашутасты-1, курган 10. Могильная яма

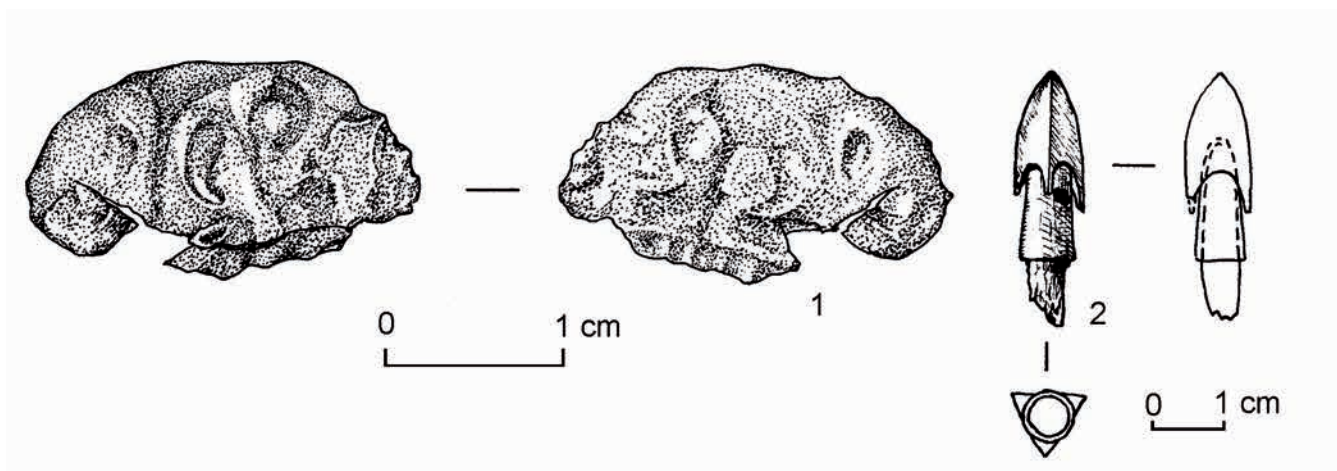

Рис. 11. Могильник Ашутасты-1, курган 10. Находки из могильной ямы.
1 – изображение кошачьего хищника; 2 – наконечник стрелы

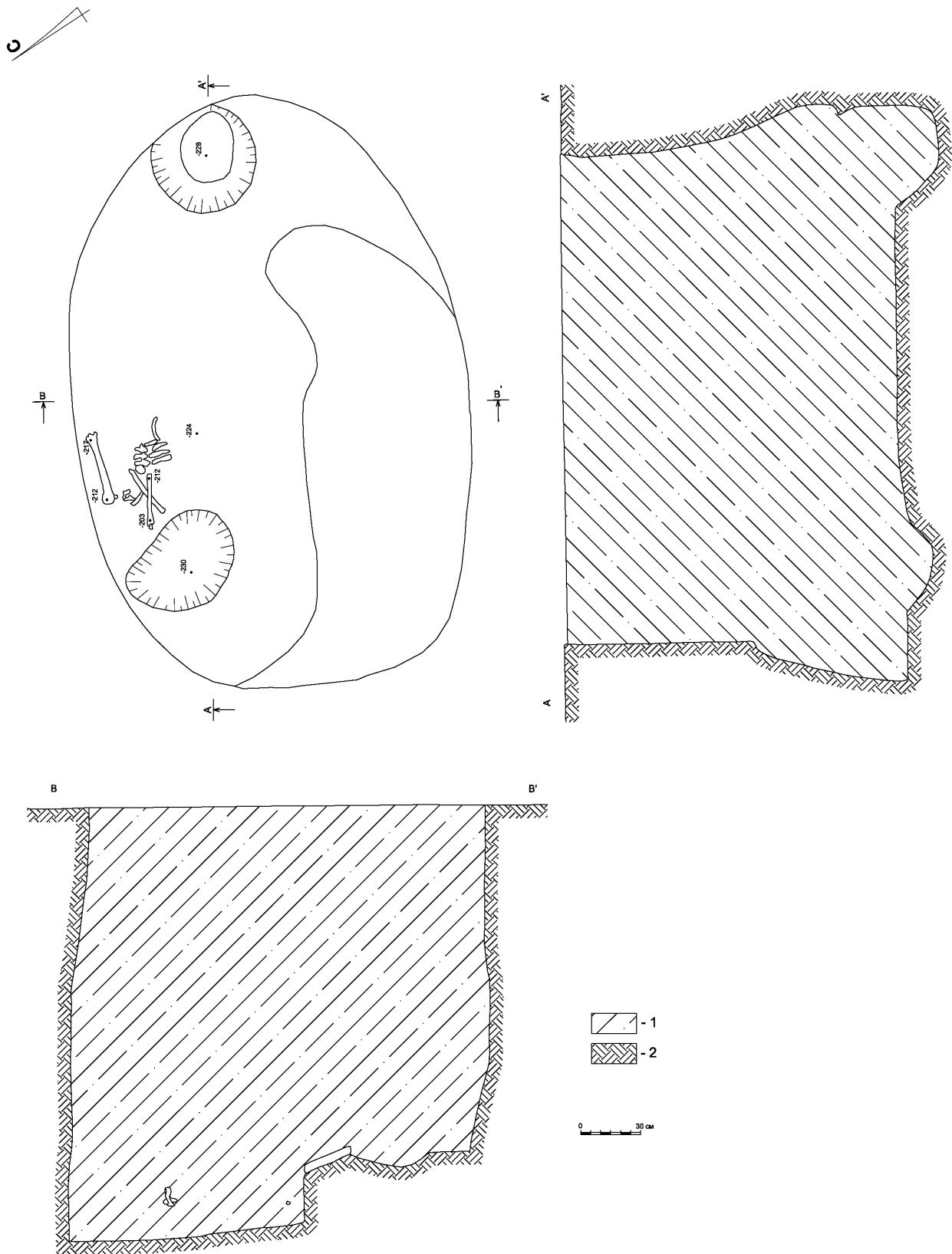

Рис. 12. Могильник Ашутасты-1, курган 10. Могильная яма. План и разрезы
 Условные обозначения: 1 – заполнение могильной ямы – плотный грунт
 темно-коричневого цвета; 2 – материк

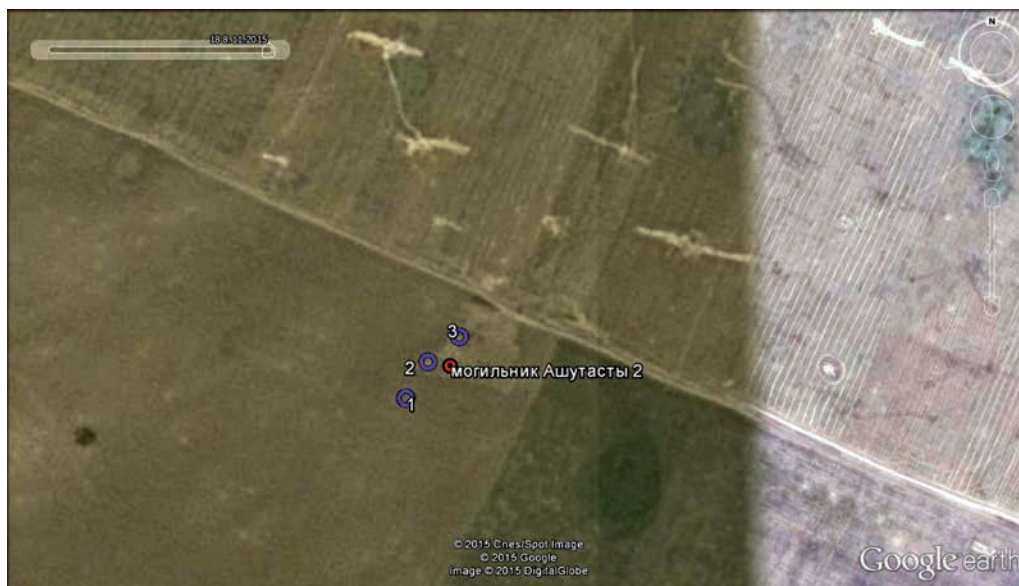

Рис. 13. Схема расположения объектов на могильнике Ашутасты-2.
©GoogleEarth. Исполнитель С. Ишангали

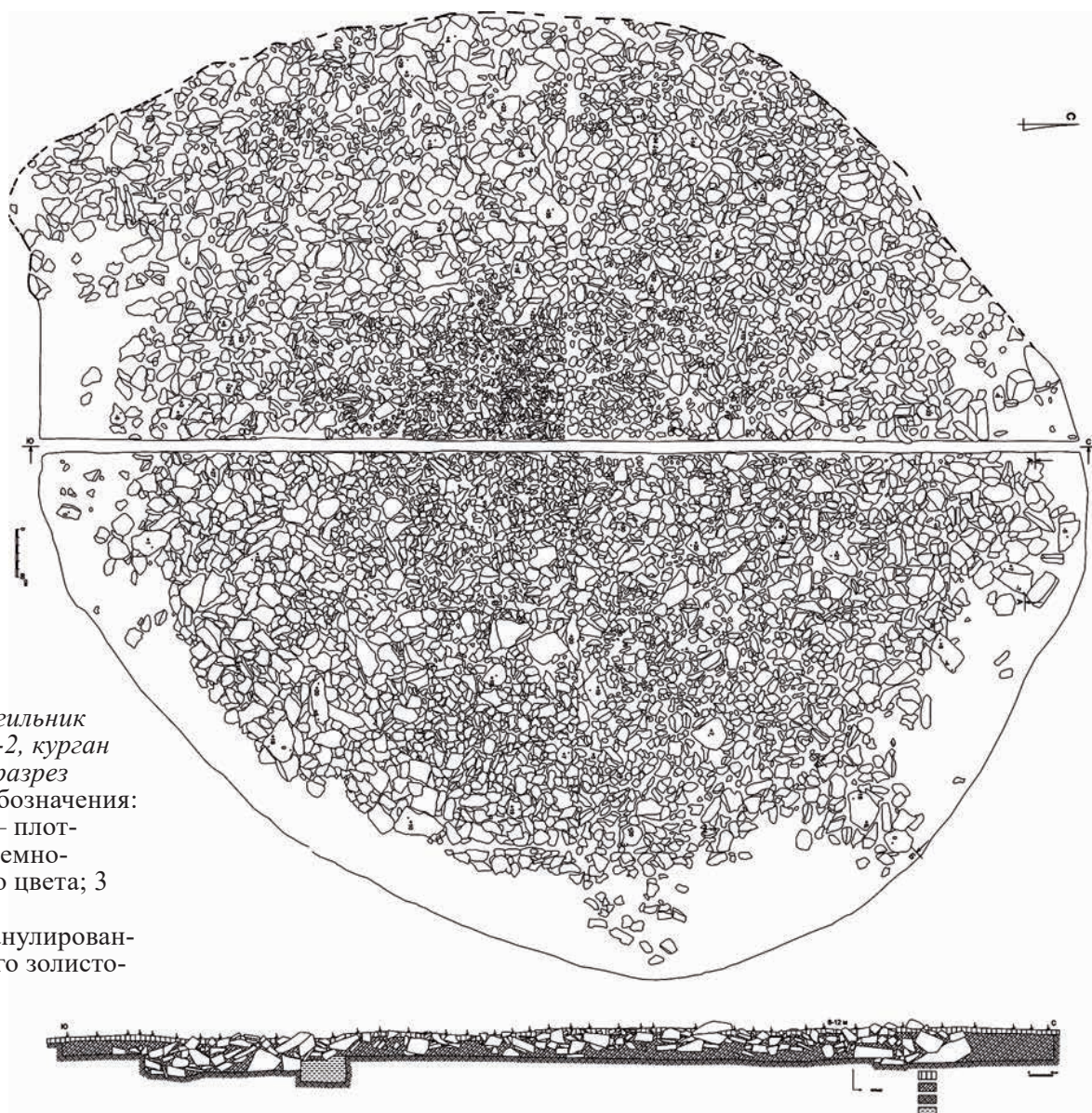

Рис. 14. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. План и разрез
Условные обозначения:
1 – дерн; 2 – плотный грунт темно-коричневого цвета; 3 – материк; 4 – слой гранулированного рыхлого листового грунта

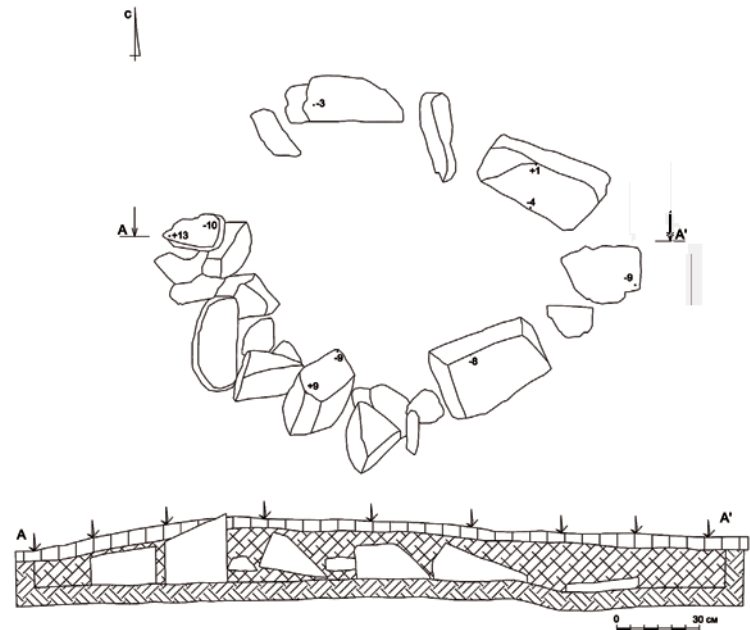

Рис. 15. Могильник Ашутасты-2, курган 3А.
Северная околочурганная конструкция. План и
разрез
Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – плотный
грунт темно-коричневого цвета; 3 – материк

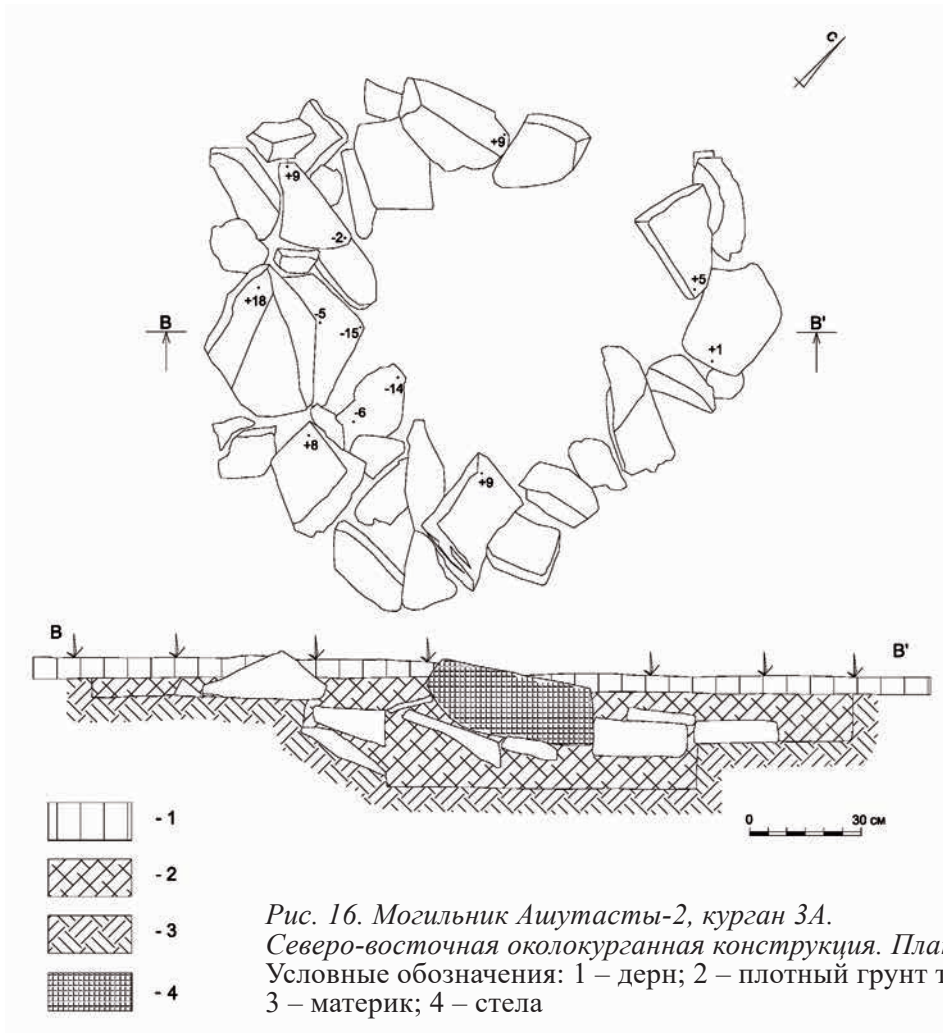
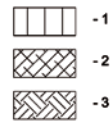
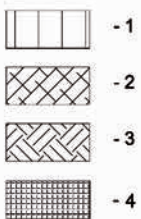

Рис. 16. Могильник Ашутасты-2, курган 3А.
Северо-восточная околочурганная конструкция. План и разрез
Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – плотный грунт темно-коричневого цвета;
3 – материк; 4 – стела

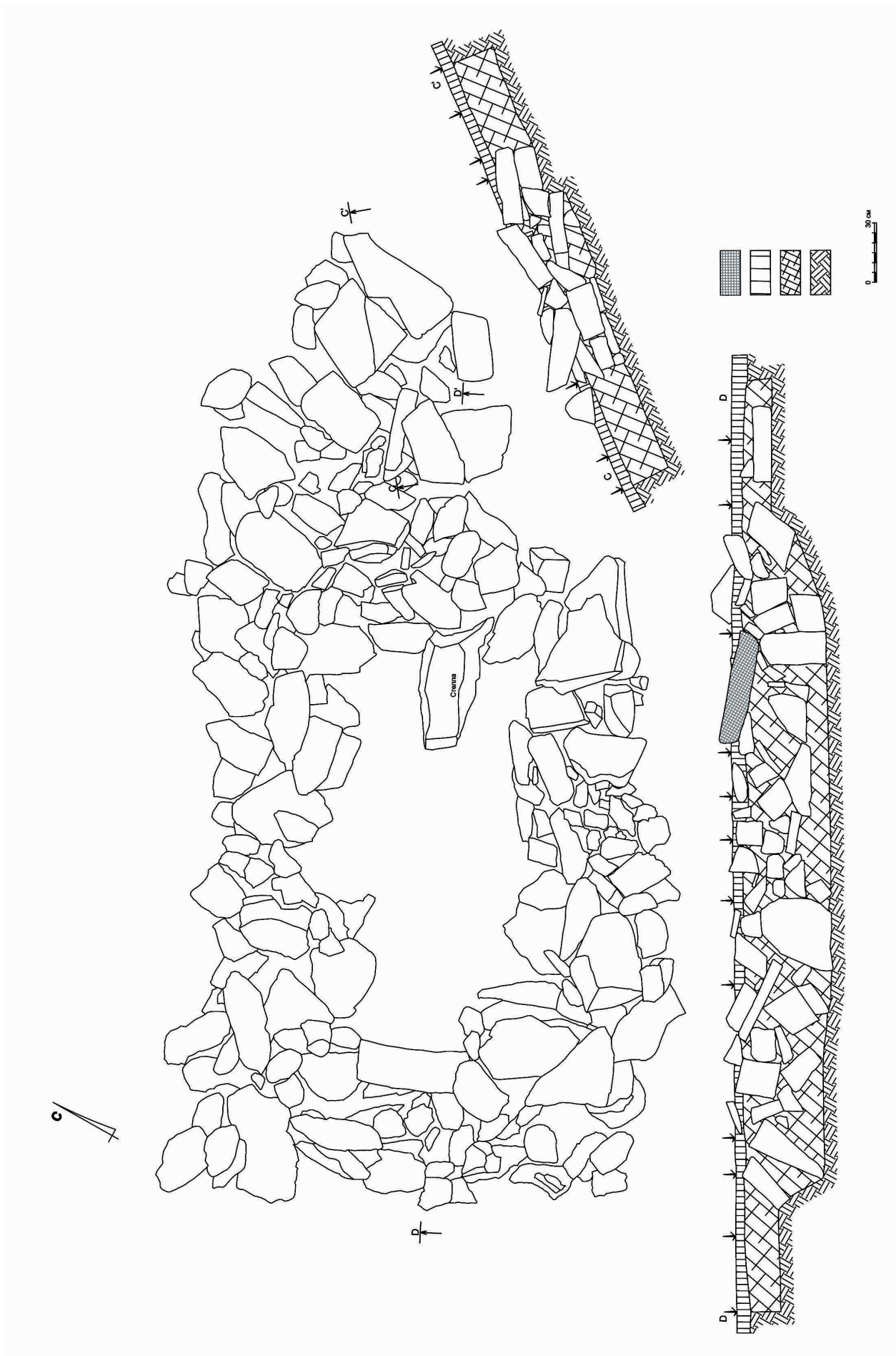

Рис. 17. Могильник Ацутасты-2, курган 3А. Ограды в южной и юго-восточной частях кургана. План и разрез
 Условные обозначения: 1 – стела; 2 – дерн; 3 – плотный грунт темно-коричневого цвета; 4 – материк

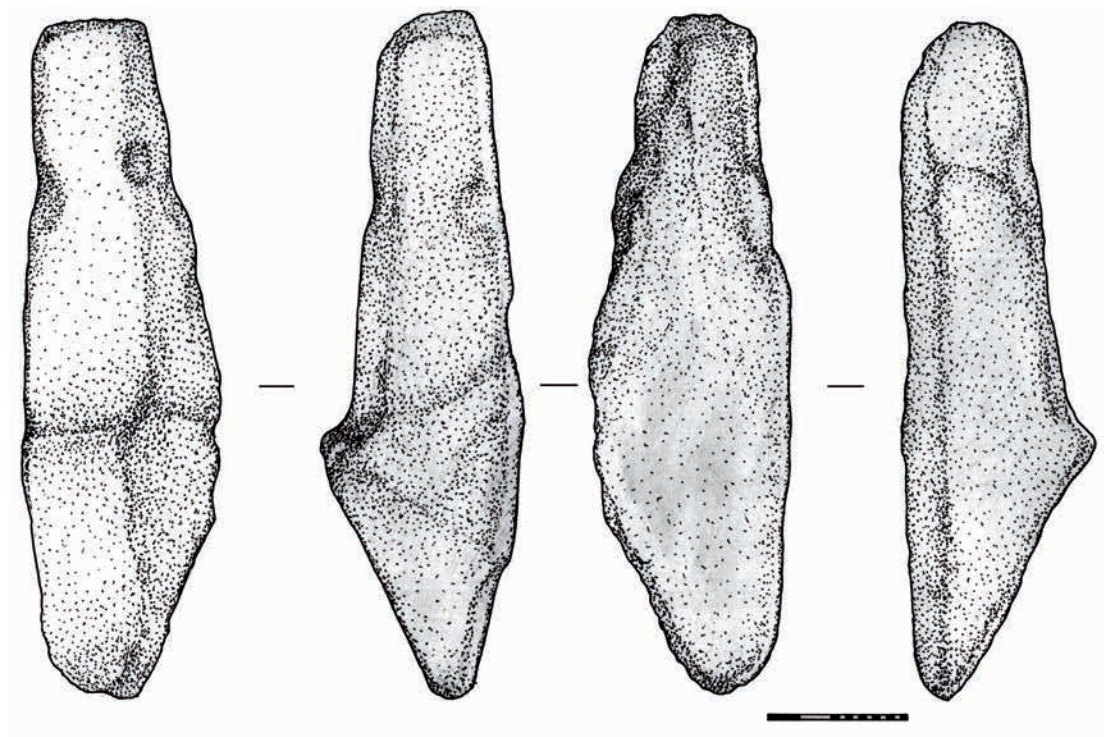

Рис. 18. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Антропоморфная стела из северной гряды

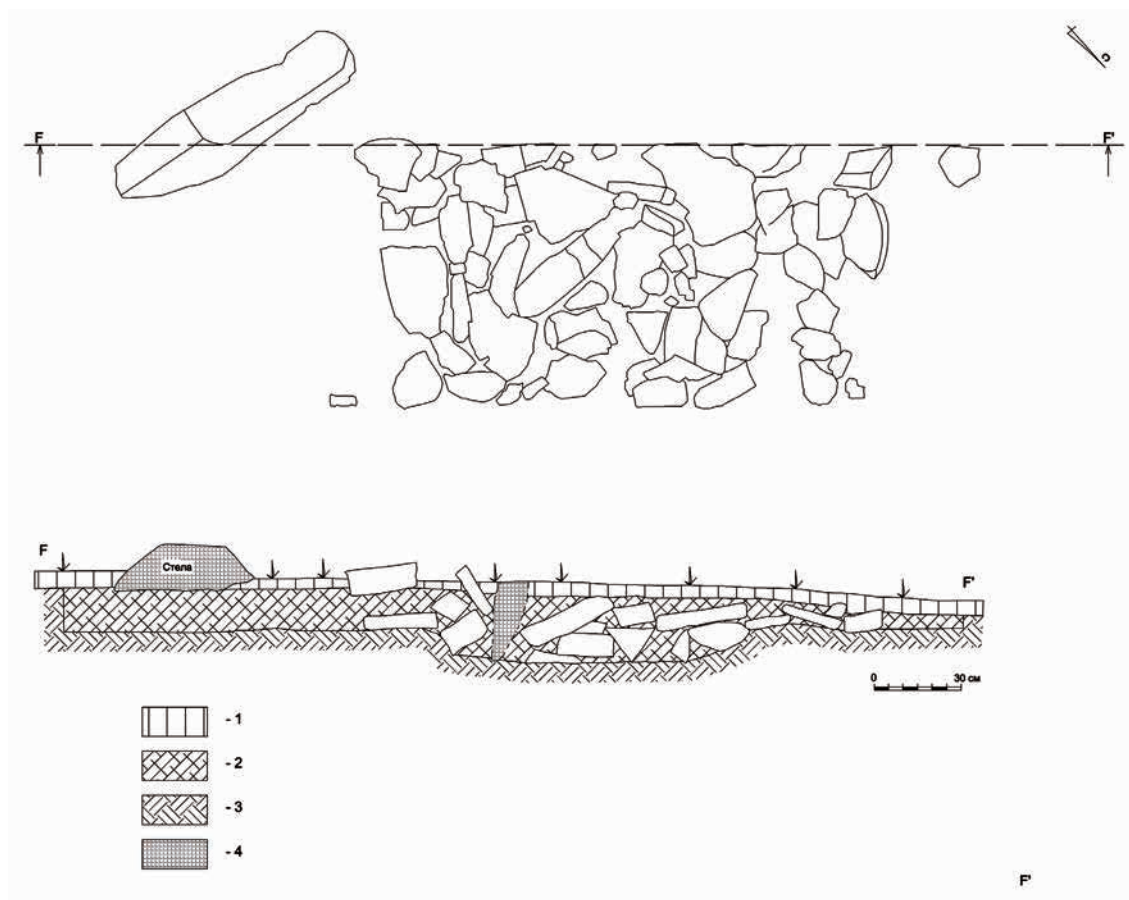

Рис. 19. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Фрагмент северной гряды со стелой. План и разрез
Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – плотный грунт темно-коричневого цвета; 3 – материк; 4 – стела

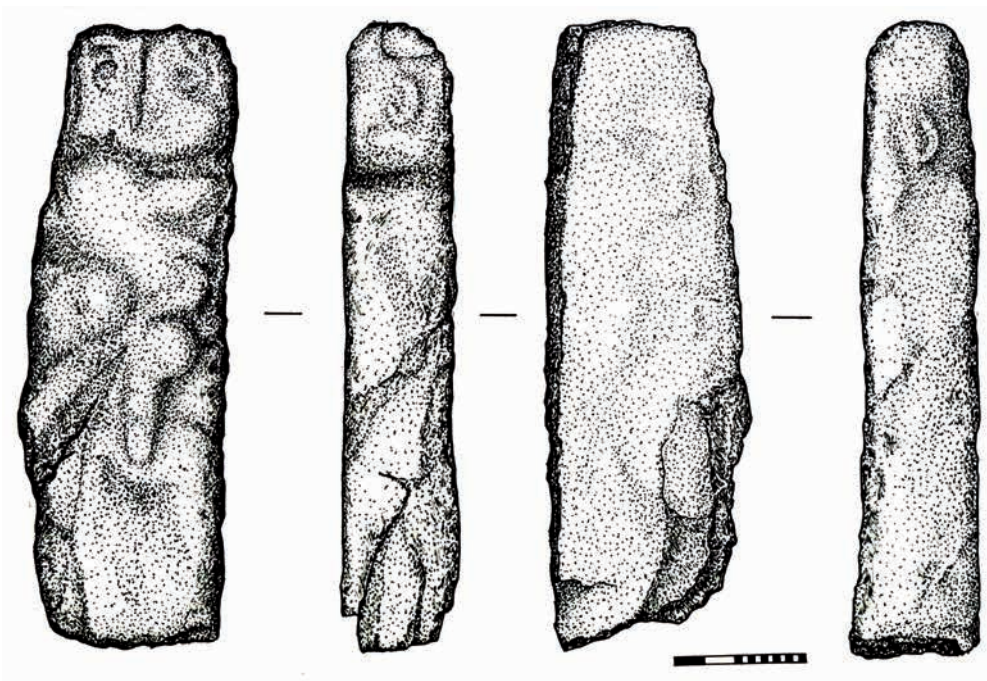

Рис. 20. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Изваяние из южной гряды

Рис. 21. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Начало южной гряды. Фасады конструкции

Рис. 22. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Начало южной гряды. Конструкция с изваянием. План 1

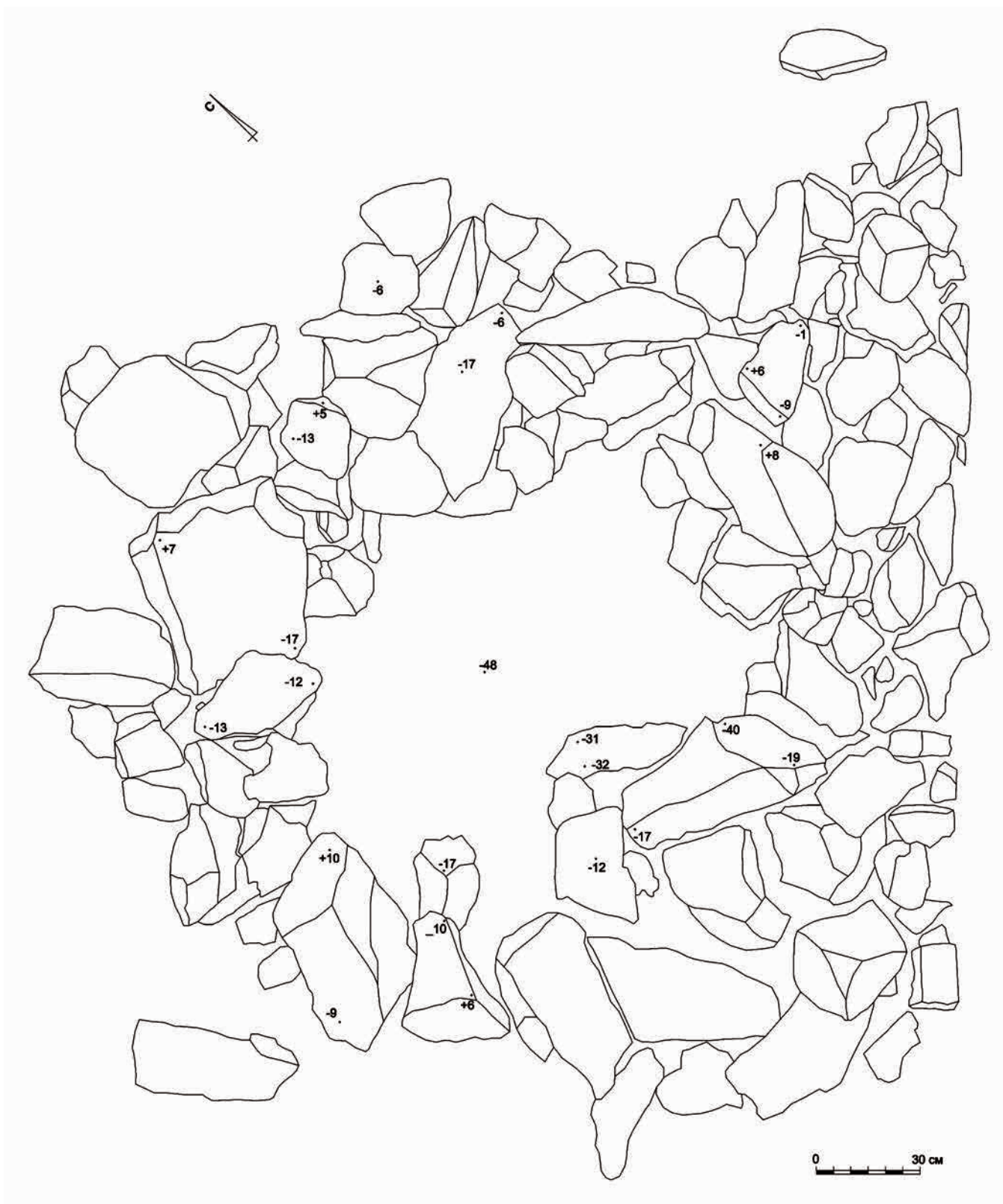

Рис. 23. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Начало южной гряды. Конструкция с изваянием. План 2

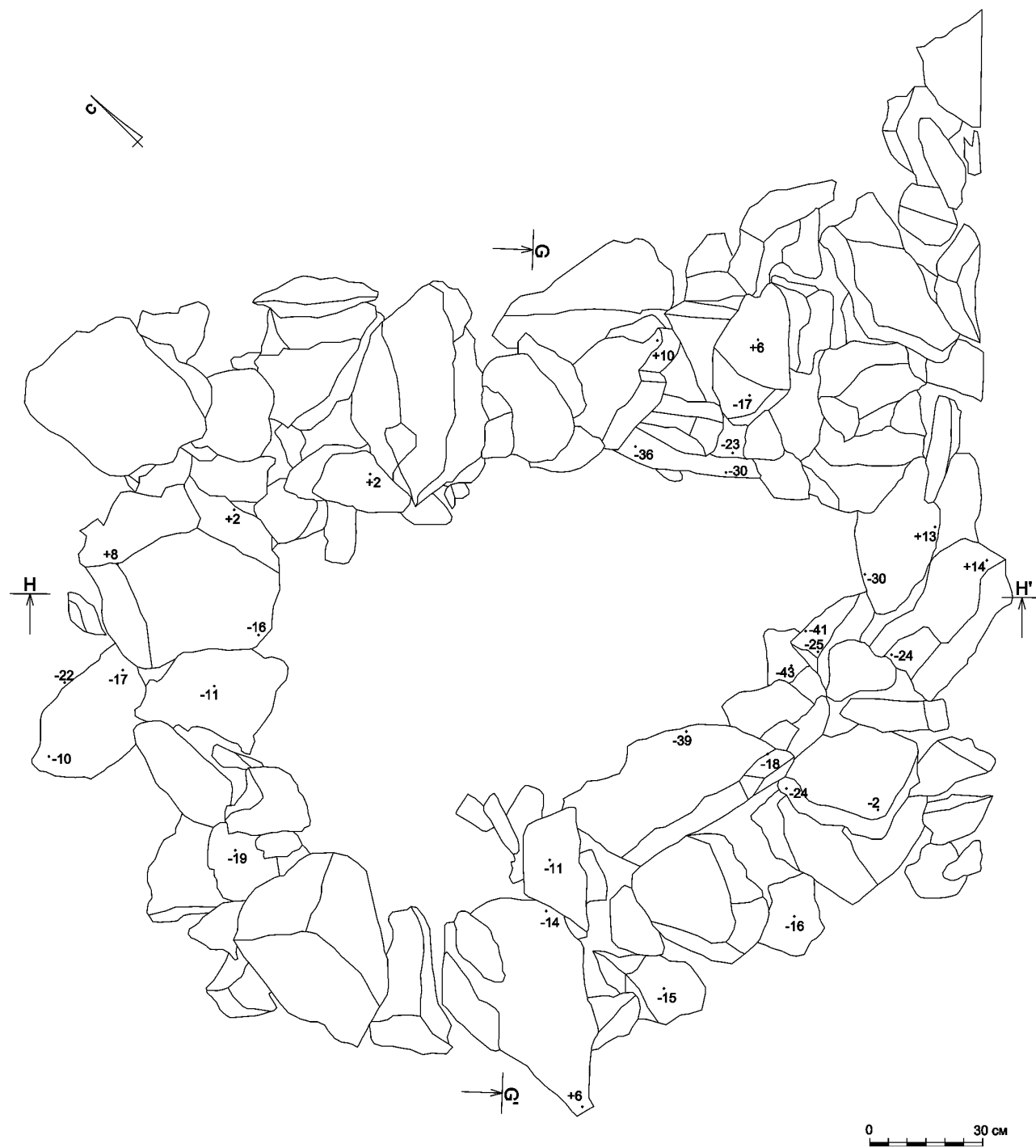

Рис. 24. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Начало южной гряды. Конструкция с изваянием. План 3

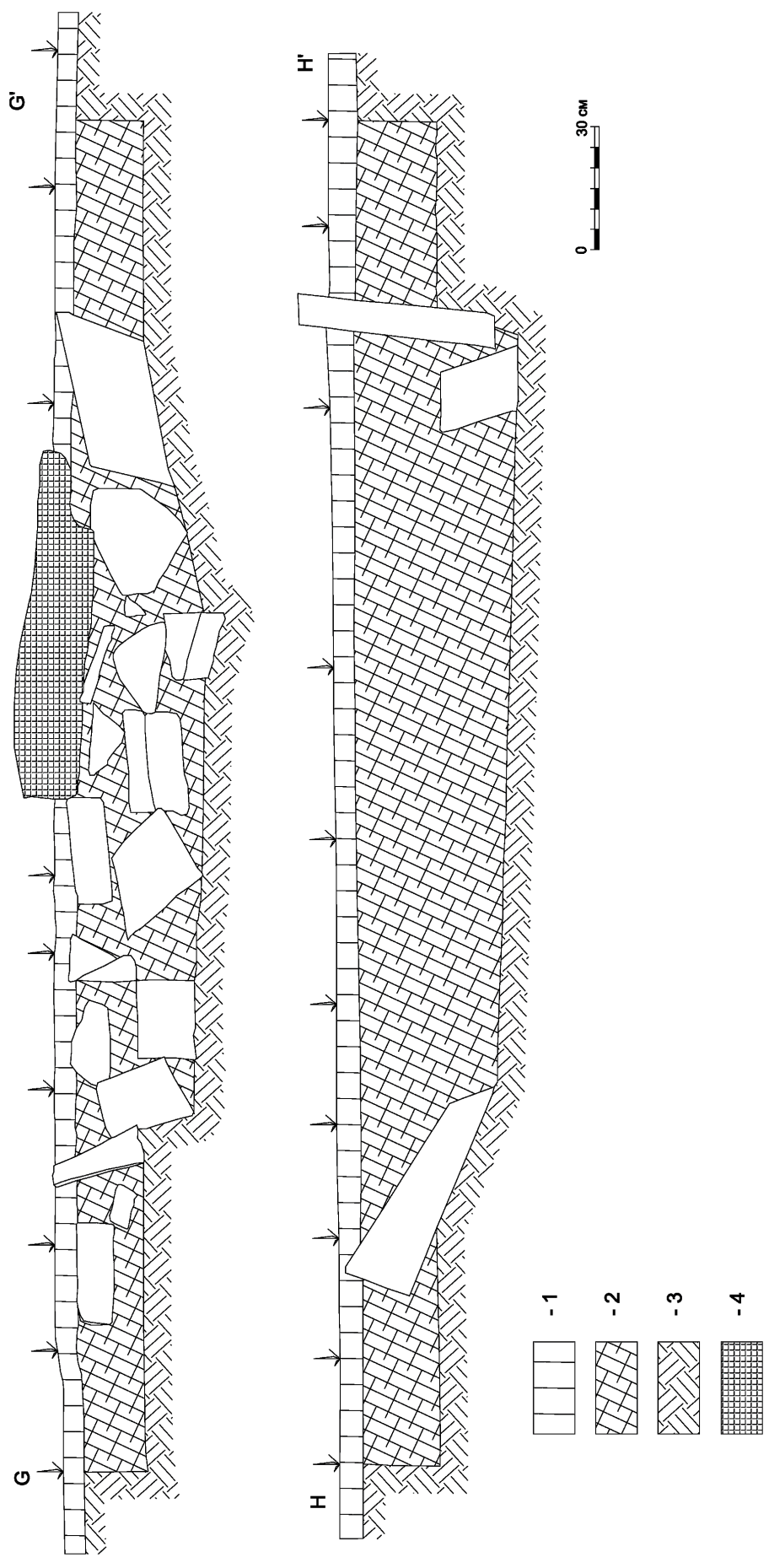

Рис. 25. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Начало южной гряды. Конструкция с изваянием. Разрезы
 Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – плотный грунт темно-коричневого цвета; 3 – материк; 4 – стена

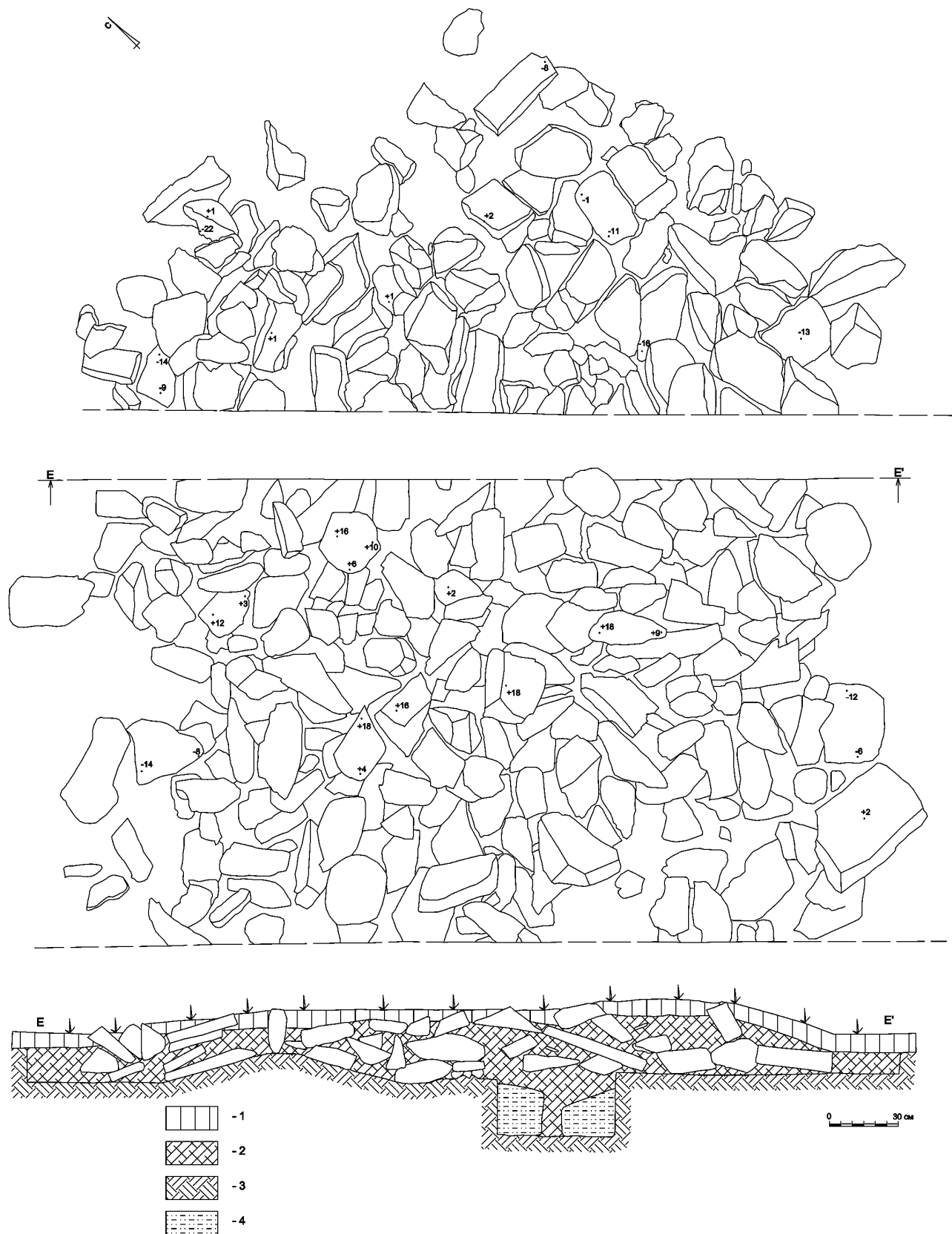

Рис. 26. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Окончание южной гряды. Конструкция. План и разрез
 Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – плотный грунт темно-коричневого цвета; 3 – материк;
 4 – плиты, выявленные на завершающем этапе изучения конструкции – окончания южной гряды

*Фото 1. Могильник
Ашутасты-1. Общий вид
памятника*

*Фото 2. Могильник
Ашутасты-1, курган 10.
Вид с северной стороны
после снятия дерна*

*Фото 3. Могильник
Ашутасты-1, курган 10.
Вид с южной стороны по-
сле снятия дерна*

*Фото 4. Могильник
Ашутасты-1, курган 10.
Вид с западной стороны
после снятия дерна*

*Фото 5. Могильник
Ашутасты-1, курган 10.
Вид с восточной стороны
после снятия дерна*

*Фото 6. Могильник
Ашутасты-1, курган 10.
Стела*

*Фото 7. Могильник
Ашутасты-1, курган 10.
Крепида. Вид с севера*

*Фото 8. Могильник
Ашутасты-1, курган 10.
Крепида. Вид с юга*

*Фото 9. Могильник
Ашутасты-1, курган 10.
Крепида. Вид с востока*

*Фото 10. Могильник Ашутасты-1, курган 10.
Крепида. Внутренняя граница*

*Фото 11. Могильник Ашутасты-1, курган 10.
Крепида. Фрагмент*

*Фото 12. Могильник Ашутасты-1, курган 10.
Крепида. Фрагмент*

*Фото 13. Могильник Ашутасты-1, курган 10.
Крепида. Фрагмент*

*Фото 14. Могильник Ашутасты-1, курган 10.
Крепида. Фрагмент*

Фото 15. Могильник Ашутасты-1, курган 10.
Северная околочурганная конструкция

Фото 16. Могильник Ашутасты-1, курган 10.
Восточная околочурганная конструкция

Фото 17. Могильник Ашутасты-1, курган 10.
Ограда и стратиграфический разрез

Фото 18. Могильник Ашутасты-1, курган 10.
Провал камней в могильную яму

Фото 19. Могильник Ашутасты-1, курган 10.
Провал камней в могильную яму

Фото 20. Могильник Ашутасты-1, курган 10.
Могильная яма. Верхний слой заполнения

Фото 21. Могильник Ашутасты-1, курган 10.
Могильная яма. Верхний слой заполнения

Фото 22. Могильник Ашутасты-1, курган 10.
Могильная яма. Границы могильной ямы

Фото 23. Могильник Ашутасты-1, курган 10.
Могильная яма на одном из этапов исследования

Фото 24. Могильник Ашутасты-1, курган 10.
Придонная часть могильной ямы

Фото 25. Могильник Ашутасты-1, курган 10.
Придонная часть могильной ямы

Фото 26. Могильник Ашутасты-2, курган 1

Фото 27. Могильник Ашутасты-2, курган 3

*Фото 28. Могильник
Ашутасты-2, курган 3А.
Вид с восточной стороны
после снятия дерна*

*Фото 29. Могильник
Ашутасты-2, курган 3А.
Вид с южной стороны по-
сле снятия дерна*

*Фото 30. Могильник
Ашутасты-2, курган 3А.
Вид с западной стороны
после снятия дерна*

Фото 31. Могильник Ашутасты-2. Граница между курганами 3 и 3А

Фото 32. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Северная околочурганная конструкция.

Фото 33. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Северо-восточная околочурганная конструкция

Фото 34. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Стела из северо-восточной околочурганной конструкции

Фото 35. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Северная и северо-восточная околочурганные конструкции

Фото 36. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Восточная околочурганная конструкция

*Фото 37. Могильник Ашутасты-2, курган 3А.
Ограда в юго-восточной части кургана*

*Фото 38. Могильник Ашутасты-2, курган 3А.
Ограда в юго-восточной части кургана*

*Фото 39. Могильник Ашутасты-2, курган 3А.
Стела в оgrade*

*Фото 40. Могильник Ашутасты-2, курган 3А.
Стела в оgrade*

*Фото 41. Могильник Ашутасты-2, курган 3А.
Стела из оgrade*

*Фото 42. Могильник Ашутасты-2, курган 3А.
Южная стенка оgrade в юго-восточной
части кургана*

*Фото 43. Могильник Ашутасты-2, курган 3А.
Восточная стенка ограды в юго-восточной части кургана*

*Фото 44. Могильник Ашутасты-2, курган 3А.
Западная стенка ограды в юго-восточной части кургана*

*Фото 45. Могильник Ашутасты-2, курган 3А.
Западная стенка ограды в юго-восточной части кургана*

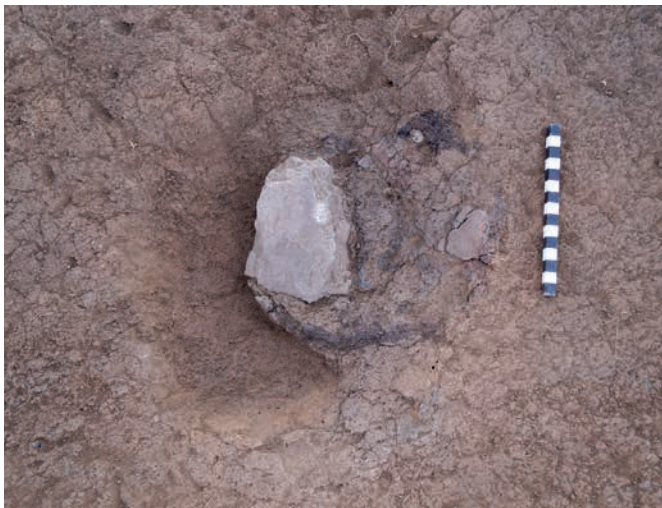
*Фото 46. Могильник Ашутасты-2, курган 3А.
Северная стенка ограды в юго-восточной части кургана*

*Фото 48. Могильник Ашутасты-2, курган 3А.
Северо-западный угол ограды в юго-восточной части кургана*

*Фото 47. Могильник Ашутасты-2, курган 3А.
Северо-восточный угол ограды в юго-восточной части кургана*

*Фото 50. Могильник Ашутасты-2, курган 3А.
Зольник с вкопанным керамическим сосудом*

*Фото 49. Могильник Ашутасты-2, курган 3А.
Зольник с вкопанным керамическим сосудом*

Фото 51. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Стратиграфический разрез

Фото 52. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Стратиграфический разрез и крепида

Фото 53. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Крепида. Фрагмент с внутренней стороны

Фото 54. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Крепида и околочурганные конструкции

Фото 55. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Северная гряда. Антропоморфная стела

Фото 56. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Северная гряда. Антропоморфная стела

Фото 57. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Фрагмент северной гряды со стелой

Фото 58. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Фрагмент северной гряды со стелой

Фото 59. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Начало южной гряды. 2015 г.

Фото 60. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Начало южной гряды. 2016 г.

*Фото 61. Могильник Ашутасты-2, курган 3А.
Конструкция в начале южной гряды с изваянием*

*Фото 62. Могильник Ашутасты-2, курган 3А.
Конструкция в начале южной гряды. Фрагмент*

*Фото 63. Могильник Ашутасты-2, курган 3А.
Конструкция в начале южной гряды.
Вид с западной стороны*

*Фото 65. Могильник Ашутасты-2, курган 3А.
Конструкция в начале южной гряды*

*Фото 64. Могильник Ашутасты-2, курган 3А.
Конструкция в начале южной гряды. Юго-
западная стенка*

Фото 66. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Конструкция в начале южной гряды

Фото 67. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Конструкция в начале южной гряды. Северо-западная стенка

Фото 68. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Окончание южной гряды

Фото 69. Могильник Ашутасты-2, курган 3А. Окончание южной гряды. Конструкция после снятия дерна

Фото 70. Могильник Ашутасты-1, курган 10. Изображения кошачьего хищника и наконечник стрелы

А. И. Нечвалода

**ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ИЗ МОГИЛЬНИКОВ КАЛЫБАЙ-2 И КЕНЫШ-3: КРАНИОЛОГИЯ
И АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ**

В результате работ Тургайской археологической экспедиции в 1994–1995 гг. под руководством В. Н. Логвина исследованы курганные группы Калыбай-2 (Халвай-2) и Кеныш-3. Курганная группа Калыбай-2 состояла из двух курганных насыпей. Погребение № 1 обнаруженное под курганом № 1 датируется эпохой средневековья (кыпчакское время?). В кургане 2 было обнаружено безынвентарное парное захоронение зрелого мужчины и женщины, которое вероятно также датируется эпохой средневековья* [*См. специальный раздел в данной книге, подготовленный Б. М. Хасеновой – прим. ред.]. По краниологическим материалам из могильника Калыбай-2 в 1995 г. О. И. Исмагуловым в лаборатории археологических исследований Костанайского госуниверситета им. А. Байтурсынова проводилось предварительное определение пола и возраста.

Ниже приводятся результаты краниологического исследования черепов по принятой в российской антропологической науке программе [Алексеев, Дебец, 1964]. Пол определялся по анатомо-морфологическим признакам экспрессии полового диморфизма на черепе по пятибалльной шкале [Buikstra and Ubelaker, 1994; Walker, 2008]. Возрастная диагностика проводилась по степени облитерации черепных швов эктокрана [Алексеев, Дебец, 1964; Meindl, Lovejoy, 1985], степени стертости зубов [Герасимов, 1955; Зубов, 1968].

Результаты краниометрических измерений черепов в таблицах (табл. 1, 2).

По черепам были выполнены графические реконструкции внешнего облика по методу М. М. Герасимова [Герасимов, 1949; 1955] с учетом рекомендаций российских [Лебединская, 1998; Никитин, 2009; Нечвалода, 2015] и зарубежных исследователей [Prag, Neave, 1997; Taylor R., Angel, 1998; Taylor T., 2000; Wilkinson, 2001].

Калыбай-2, курган 1, погребение 1. Череп из погребения 1 кургана 1 могильника Калыбай-2 принадлежал молодой женщине, биологический возраст которой на момент смерти составлял 18–20 лет (Juvenis). Череп удовлетворительной сохранности подвергся небольшой реставрации. Посмертно утрачена нижняя челюсть, правая скуловая кость. Череп вполне пригоден для восстановления внешнего облика методом графической или пластической реконструкции (рис. 1).

Мозговая коробка овоидной формы в вертикальной норме, мезокранная по черепному указателю, низкая (хамекрания). Лоб среднеширокий (метриметопия), слегка наклонный. Лицо узкое и высокое. По верхнелицевому указателю – лептен. По углам горизонтальной профилировки

Рис. 1. Череп молодой женщины, мог. Калыбай-2, курган 1

Рис. 2. Реконструкция формы и размеров посмертно утраченной нижней челюсти с помощью метода оценки стоматологического статуса по Sassouni [1957]. Мог. Калыбай-2, к. 1

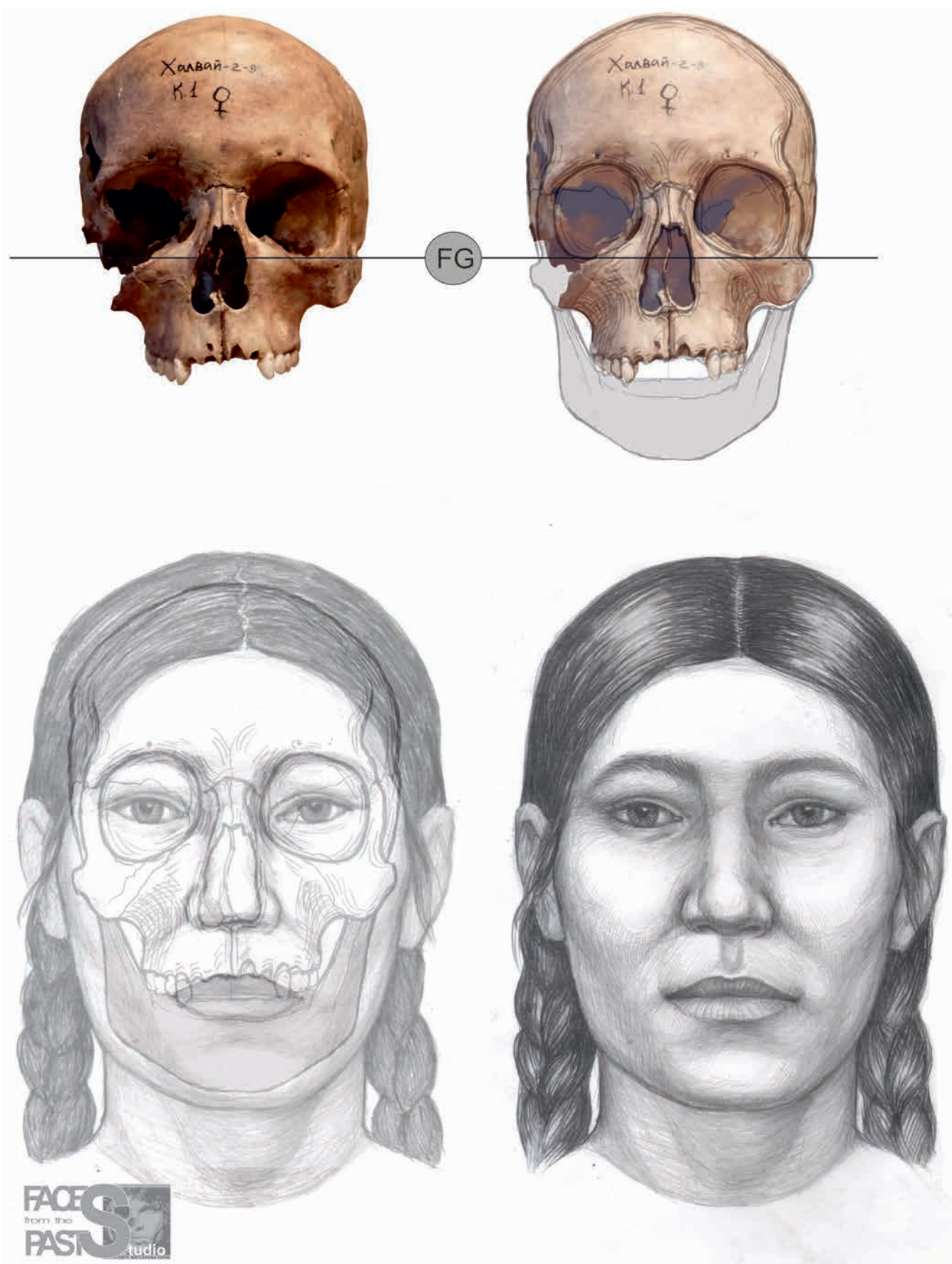

Рис. 3. Графическая реконструкция облика молодой женщины, выполненная по черепу; лицевая норма. Мог. Калыбай-2, к. 1, п. 1. Автор Алексей Нечалода; графическая проработка Елена Нечвалода

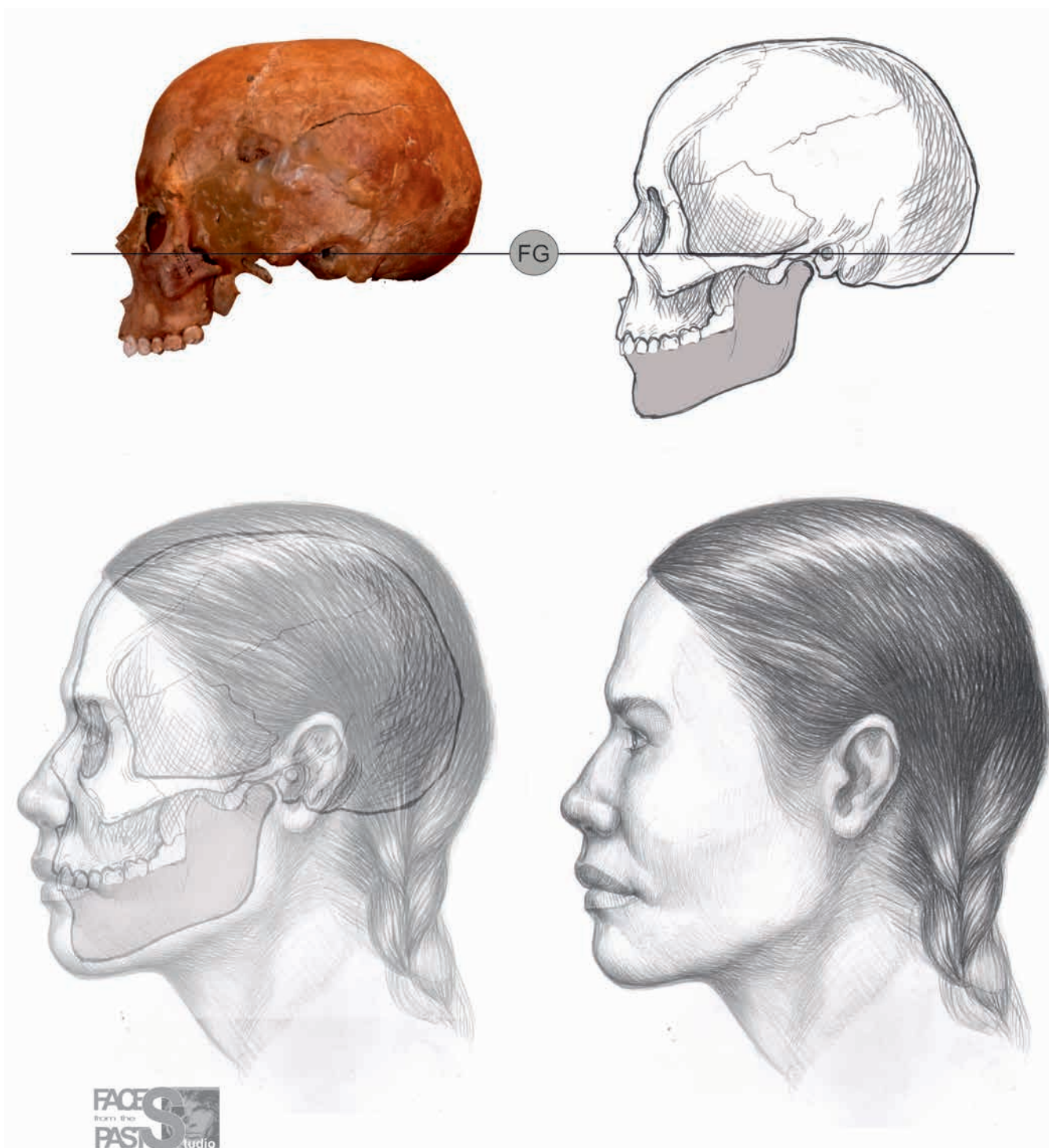

Рис. 4. Графическая реконструкция по черепу; латеральная норма. Мог. Кальбай-2, к. 1, п. 1. Автор Алексей Нечвалода; графическая проработка Елена Нечвалода

– уплощенное на орбитальном и умеренно профилированное на уровне зигомаксиллярных точек (углы горизонтальной профилировки попадают в область значений монголоидных популяций), и прогнатное по углу выступания лица. Орбиты по своим пропорциям высокие (гипсиконхия). Нос по соотношению размеров средний (мезориния) и средневыступающий из плоскости лица. Переносье имеет среднюю профилировку (табл. 1).

Индивидуальный краниологический комплекс – мезокранный, грацильный, узко- и высоколицый, уплощенный на орбитальном уровне, смешанный с преобладанием монголоидного компонента.

По черепу была выполнена графическая реконструкция внешнего облика женщины из данного погребения. Размеры утраченной нижней челюсти в латеральной и лицевой нормах были реконструированы с помощью применения метода оценки стоматологического статуса [Sassouni, 1957], обычно применяемого при ортодонтических вмешательствах (рис. 2; 3).

В результате описания и краниоскопического анализа комплекса признаков можно, как уже было отмечено выше, выполнить восстановление внешности с использованием метода графической реконструкции (рис. 3; 4). Характеризуя физический облик женщины из кургана 1 могильника Калыбай-2 можно констатировать наличие комплекса монголоидных черт в грацильном варианте. Это выраженная уплощенность лица на орбитальном уровне, слабо выступающий нос, высокое лицо, хорошая выраженность складки верхнего века, которая реконструируется по комплексу признаков строения орбиты.

Калыбай-2, курган 2, погребение 1. Череп из погребения 1 кургана 2 принадлежал зрелому мужчине, биологический возраст которого на момент смерти составлял 40–50 лет (MaturusII). Сохранилась только мозговая коробка, лицевой скелет отсутствует (рис. 5).

Результаты краниометрических измерений черепа в табл. 2.

Мозговая коробка пентагоноидной формы в вертикальной норме, резко брахикранныя по черепному указателю (гипербрахикрания по П. Брока), высокая (гипсикрания). Лоб узкий (стенометопия), наклонный со средним развитием глабеллы (3 балла) и надбровья. Поперечный угол изгиба лба имеет большую величину (т. е. он уплощен) – 150.6° и попадает в область значений характеризующих популяции азиатской (монголоидной) расы.

Рис. 5. Черепная коробка зрелого мужчины из кургана 2 могильника Калыбай-2

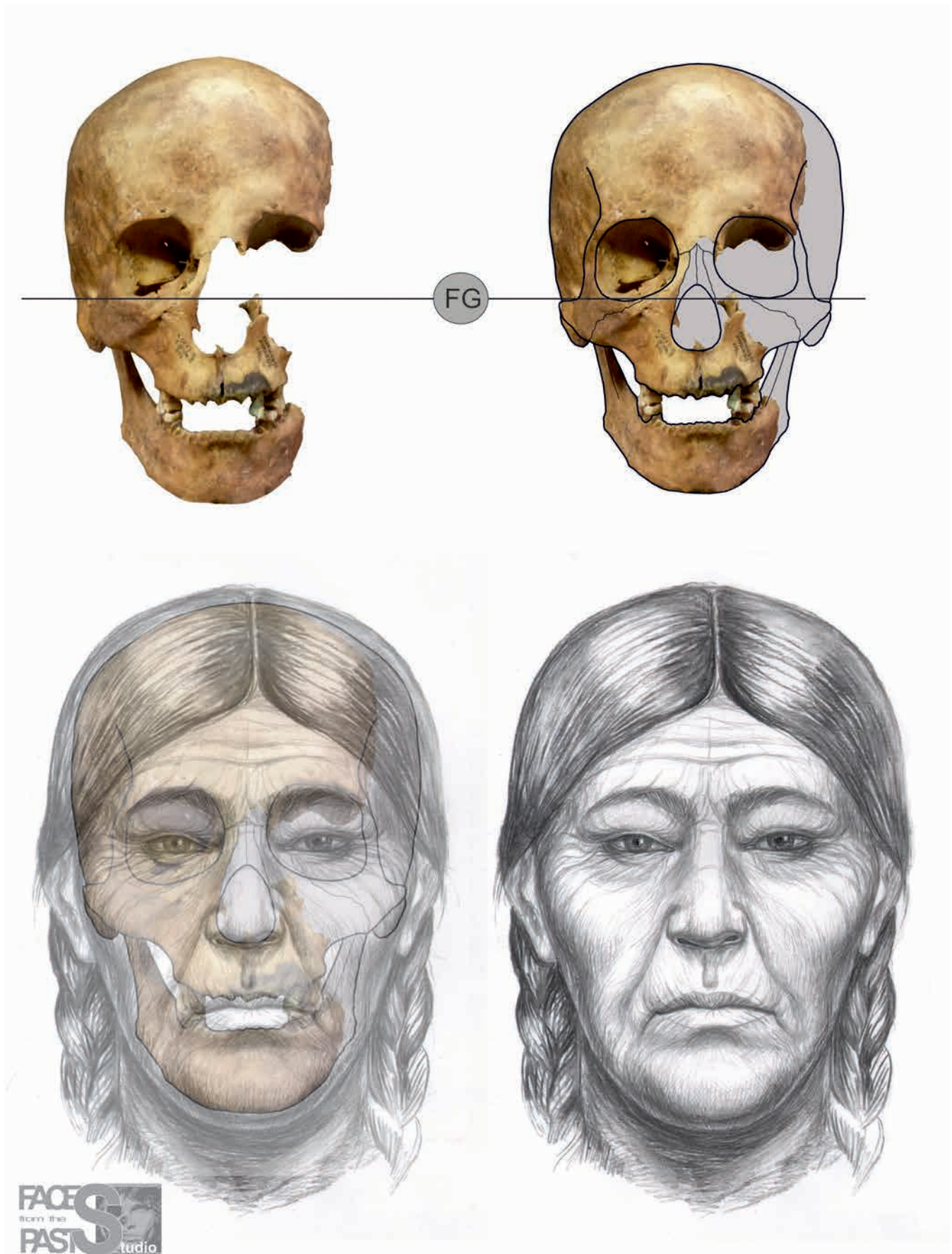

Рис. 6. Графическая реконструкция по черепу; лицевая норма. Мог. Кеньши-3, к. 2.
Автор Алексей Нечвалода; графическая проработка Елена Нечвалода

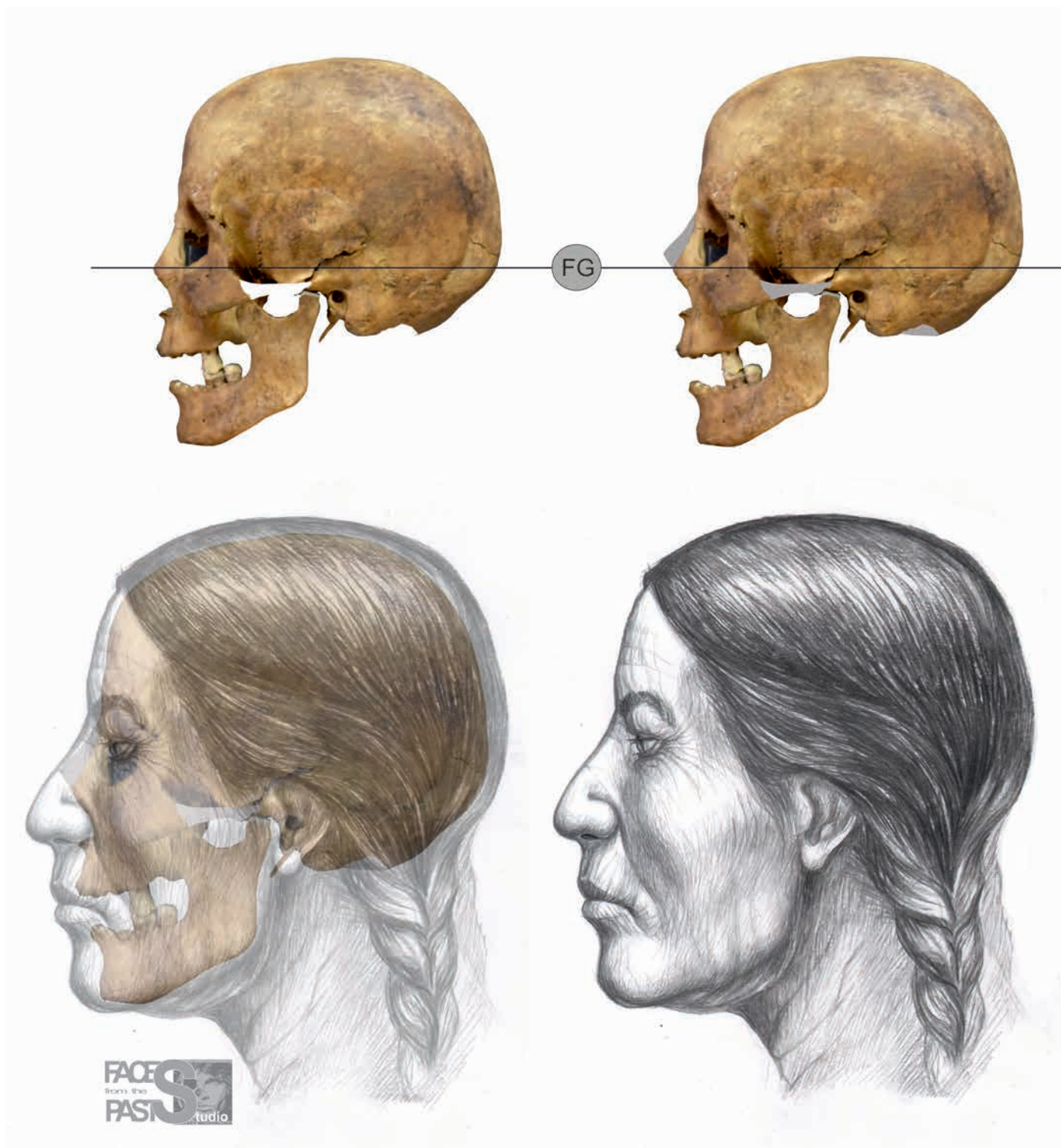

Рис. 7. Графическая реконструкция по черепу; латеральная норма. Мог. Кеньши-3, к. 2.
Автор Алексей Нечвалода; графическая проработка Елена Нечвалода

Кеньш-3, курган 2, погребение 1. Череп из погребения 1 кургана 2 принадлежал зрелой женщине (*matures II/senilis*), биологический возраст которой, учитывая степень стертости сохранившихся зубов верхней и нижней челюсти и степень зарастания наружных швов черепа (облитерация затронула височный шов) в возрастной категории 50+ (свыше 50 лет).

На черепе удалось взять только некоторые размеры лицевого скелета в связи разрушением левой части мозговой коробки. Посмертно утрачены также левая скуловая кость, лобный отросток верхней челюсти, носовые кости (рис. 5). Графические реконструкции в двух основных нормах (рис. 5; 6), выполненные по черепу после проведенной реставрации, дают представление об антропологическом облике женщины, который тяготеет к кругу южно-сибирских монголоидов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.** Краниометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.
- Герасимов М. М.** Основы восстановления лица по черепу. – М.: Сов. наука, 1949. – 188 с.
- Герасимов М. М.** Восстановление лица по черепу: (Современный и ископаемый человек). М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 586 с.:ил. (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия / АН СССР; т. 28)
- Лебединская Г. В.** Реконструкция лица по черепу. М.: Старый Сад, 1998. 125 с.
- Никитин С. А.** Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. В 4 томах. Т. 1. История усыпальницы и методика исследования захоронений / Отв. ред.-сост. Т. Д. Панова. – М.: Изд-во: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2009. – С. 137–168.
- Нечвалода А. И.** Лицом к лицу. Альбом скульптурных и графических реконструкций. – М.: Старый Сад, 2015. – 107 с.
- Нечвалода А. И.** Люди позднесарматской культуры Южного Урала и Западного Казахстана по данным краниологии и антропологической реконструкции лица по черепу // Южный Урал в межкультурном пространстве культур: традиции и современность: матер. научн.-практич. конф. (9–10 июля 2016, Аркаим). – Челябинск: АБРИС, 2016. – С. 42–57.
- Buikstra J., Ubelaker D. H.** (eds) Standards for data collection from human skeletal remains // Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History Organized by Johnathan Haes. Fayetteville AK: Arkansas Archaeological Survey Research Series, 1994. No. 44.
- Meindl R.S., Lovejoy C.O.** Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures // Amer. Journ. of Phys. Anthropology. 1985. № 68. P. 57–66.
- Walker P.L.** Sexing skulls using discriminant function analysis of visually assessed traits // Am. J. Phys. Anthropol., 2008. Vol. 136. No. 1. P. 39–50.
- Prag J., Neave RAH.** Making Faces: Using Forensic and Archaeological Evidence. London: British Museum Press, 1997. 256 p.
- Sassouni V.** A Syllabus of Roentgenographic Cephalometry. Journal of Forensic Science, 1957, 2 (4), 434–441. Human Dentition Symposium.
- Wilkinson C.** Forensic Facial Reconstruction. Cambridge University Press, 2004. 292 p.
- Taylor R. and Angel C.** “Facial Reconstruction and Approximation.” Craniofacial Identification in Forensic Medicine. Britain: Arnold, 1998. P. 177–185.
- Taylor Karen T.** Forensic Art and Illustration. CRC Press, 2000. 608 p.

Таблица 1 – Некоторые индивидуальные краниометрические параметры и указатели черепа из кургана 1 могильника Калыбай-2

No Martin	Признак	Значение признака
1	Продольный диаметр	175.0
5	Длина основания черепа	95.0
8	Поперечный диаметр	133.0?
9	Наименьшая ширина лба	96.0
10	Наибольшая ширина лба	116.0
11	Ширина основания черепа	133.0
12	Ширина затылка	107.0
17	Высотный диаметр	119.0
38	Емкость черепа/см ³	1.330
40	Длина основания лица	104.
43	Средняя ширина лица	89.0
45	Скуловой диаметр	120.0 ?
48	Верхняя высота лица	69.0
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	41.0
52	Высота орбиты	37.0
54	Ширина носа	24.0
55	Высота носа	49.0
75(1)	Угол выступания носа	23
77	Назomlaрный угол	142.0
<Zm	Зигмаксиллярный угол	131.5
SS	Симотическая высота	3.2
SC	Симотическая ширина	8.4
<S	Симотический угол	105.4
DS	Дакриальная высота	14.0
DC	Дакриальная ширина	26.0
<D	Дакриальный угол	81.2
S	Высота изгиба скуловой кости по Wo	11.0
C	Ширина скуловой кости по Wo	50.5
Указатель		Значение указателя
8:1	Поперечно-продольный	76.0
17:1	Высотно-продольный	68.0
17:8	Высотно-поперечный	89.4
9:8	Лобно-поперечный	68.2.
9:45	Лобно-скуловой	71.4
40:5	Выступания лица	108.3
48:45	Верхний лицевой	57.5
52:51	Орбитный	90.2
54:55	Носовой	49.0
SS:SC	Симотический	38.0
DS:DC	Дакриальный	53.8
S:C	Изгиба скуловой кости	20.4

Таблица 2 – Некоторые индивидуальные краниометрические параметры и указатели черепа из кургана 2 могильника Калыбай-2

No Martin	Признак	Значение признака
1	Продольный диаметр	173.0
5	Длина основания черепа	98.0
8	Поперечный диаметр	147.0
9	Наименьшая ширина лба	93.0
10	Наибольшая ширина лба	122.0
11	Ширина основания черепа	131.0
12	Ширина затылка	117.0
17	Высотный диаметр	135.0
38	Емкость черепа/см ³	1.430
	Угол поперечного изгиба лба	150.6
	Указатель	Значение указателя
8:1	Поперечно-продольный	85.0
17:1	Высотно-продольный	78.0
17:8	Высотно-поперечный	91.8
9:8	Лобно-поперечный	63.2.

У. Габитова

**МИНЕРАЛОГО-ПЕТРОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
КАМЕННОГО МАТЕРИАЛА**

I. Ашугасты-2-2016. Образцы камней из ограды в начале южного «уса»

Рис. 1. Гранит. Порода с хорошо образованными таблитчатыми кристаллами мясо-красного калиевого полевого шпата, слабо зеленоватого плагиоклаза, биотита и относительно небольшого количества кварца. Структура крупнозернистая порфировидная. Текстура массивная. Наблюдаются вторичные изменения – лимонитизация, серицитизация полевого шпата, хлоритизация

Рис. 2. Светло-серый гранит. Порода, сложена преимущественно калиевым полевым шпатом и кварцем, а также зернами кислого плагиоклаза – альбит-олигоклаза. Количество темноцветного минерала – биотита не превышает 1–3%. Структура среднезернистая. Текстура массивная

Рис. 3. Порода переходной стадии гранит – гранито-гнейс, ярко выражены процессы грейзенизации, такие как серицитизация, хлоритизация, лиственизация. Порода выветрелая, легко раскалывается руками

Рис. 4. Мелкозернистый розовато-серый гранит. Текстура массивная

II. Ашутасты-2-2016. Образцы из кургана № 3 «А» (курган-спутник)

Рис. 5. Мелкозернистый красновато-розовый гранит. Текстура массивная. Порода подверглась процессам грейзенизации, наблюдается замещение биотита хлоритом, серицитизация полевых шпатов

Рис. 6 Молочно-белый жильный кварц с жирным блеском

Рис. 7. Гематит-гидрогематитовое почковидное образование (гематитовая руда, красный железняк)

III. Могильник Ашутасты-1, курган № 10. Образцы камней из наземного сооружения

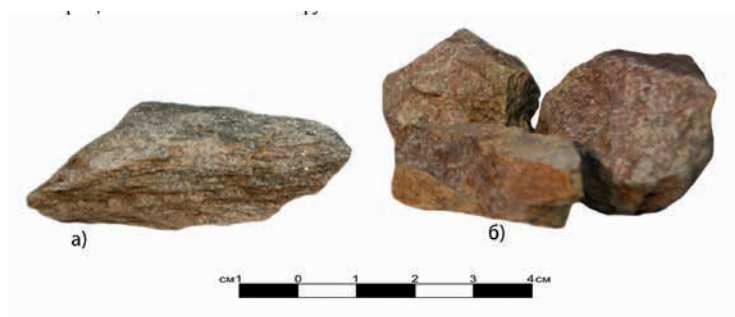

Рис. 8. Образцы камней из наземного сооружения; а – кристаллический сланец, характерный для зон контактового метаморфизма в ореолах крупных гранитных массивов. По плоскостям сланцеватости развиты продукты окисления; б – мелкозернистые граниты мясо-красного цвета, массивной текстуры

Образцы каменного материала в целом соответствуют распространенным в районе комплексам. Это, в основном, граниты, в разной степени подвергшиеся вторичным изменениям. Наблюдаются как изменения физического выветривания и окисления, так и характерные для процессов грейзенизации.

Каменный материал для строительства сооружений, вероятнее всего, доставлялся с берегов реки. Также представлен образец гематитовой руды (красный железняк) (образец 7, рис. 7) представляющий из себя характерное для распространенных в Торгае месторождений железных руд образование.

С. А. Нигматова

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ПАЛИНОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ ГОЛОЦЕНОВЫХ И ЧЕТВЕРТИЧНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ ТОРГАЯ

Могильник Ашутасты расположен в 3,5–4,0 км к западу от пос. Ашутасты, г. Аркалык Костанайской обл. в междуречье рек Ашутасты и Жаман Каинды, на периферии Торгайской ложбины (ТЛ). Такое расположение чрезвычайно выгодно для заселения данной территории, чему свидетельствуют многочисленные археологические объекты (рис. 1).

Тургайское плато представляет собой обширную территорию, ограниченную уступами от прилегающих низменностей. С севера на юг ее пересекает эрозионно-тектоническая ложбина, которая соединяет равнину Западной Сибири и северную часть Туранской низменности.

Тургайская ложбина является интереснейшим геоморфологическим объектом. Протягиваясь с севера на юг, она пересекает лесостепную, степную, пустынную ландшафтно-климатические зоны. Протяженность Тургайской ложбины составляет около 800 км, ширина от 55 км на севере до 15 км в южной части. Днище ложбины изобилует небольшими реками и озерами, такими как озера Кушмурун, Сарыкопа, Сарымоин, Аксуат, реки Убаган в северном направлении и р. Тургай – в южном. Несмотря на многочисленные исследования [Кассин, 1947; Яншин, 1961; Бобоедова, Илларионов, 1971; Гуськова, Чупина, 1976] до настоящего времени проблема формирования и стратиграфии Тургайской ложбины не является окончательно решенной.

Согласно схеме развития Тургайской ложбины, предложенной А. А. Бобоедовой [1971], в среднечетвертичное время в Торгайском прогибе, происходило врезание речной сети в отложения жуншилильской свиты (эоплейстоцен – нижний неоплейстоцен). Во второй половине среднечетвертичной эпохи, связанной с максимальной фазой самаровского оледенения, на территории Западно-Сибирской низменности и по ее периферии образовались подпрудные озера, и был пропилен узкий и низкий водораздел между пра-Убаганом и пра-Торгаем. Возникла сквозная Тургайская ложбина. Заполняющие ложбину четвертичные отложения имеют различный генезис, что обусловлено периодическим функционированием долин в Тургайской ложбине и углублением ее за счет неоднократного перелива Сибирских вод на юг [Бобоедова, Илларионов, 1971; Городецкая, 1970; Волков, Казьмин, 2006]. Эти изменяющиеся условия нашли свое отражение в изменении растительности, о чем свидетельствует пыльца, сохранившаяся в разрезах.

Механизм формирования самой ложбины, образованной холодными приледниковыми водами и последствия глобального похолодания, вызвавших локальное похолодание вдоль Торгайской ложбины, обусловили специфические климатические условия и изменение ландшафта от степного до несвойственных этим регионам тундростепей.

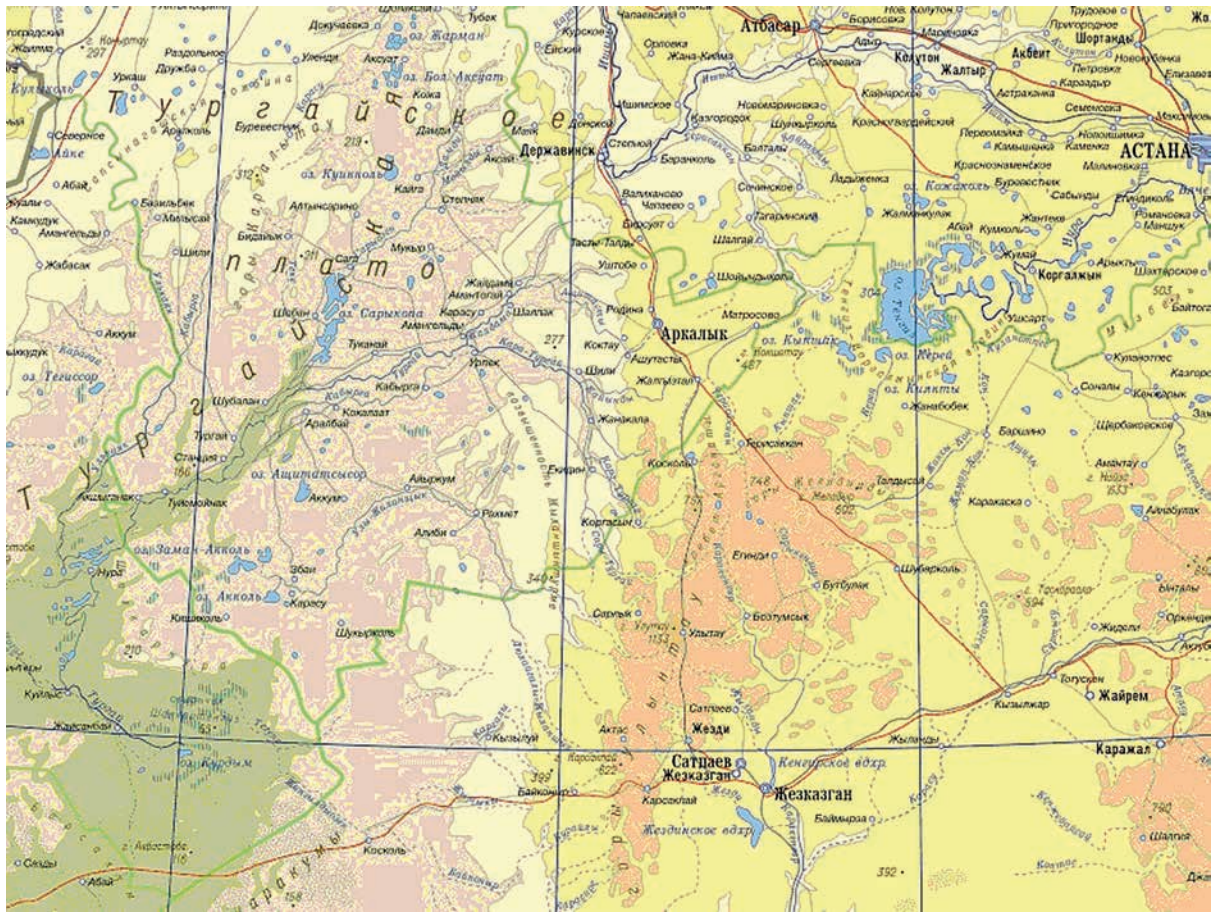

Рис. 1. Месторасположение курганов на физико-географической карте Казахстана и космоснимке

Интерпретация палинологического материала, полученного автором в разное время от геологов (2010 г.) и археологов (2016 г.) потребовала дополнительных исследований (контрольный пересмотр образцов, изучение поверхностных проб, составление климатических кривых, определение растительных сообществ), а также увязки с новыми данными по истории развития Торгайской ложбины и современного представления о развитии растительности и климата этого региона.

Методика исследования. Палинологический анализ, основанный на изучении пыльцы и спор растений, является одним из наиболее информативных методов климатостратиграфического и биостратиграфического расчленения континентальных четвертичных отложений аридной зоны, как правило, достаточно бедных органическими остатками.

Информативность палинологических исследований во многом зависит от индивидуального подхода к каждому объекту и корректности решения специфических методических вопросов, таких как изучение эталонных поверхностных проб для каждой ландшафтно-климатической зоны с выделением стандартных спектров и спектров переходных зон севернее и южнее изучаемой, определение климатических параметров для стандартных спектров различных зон. Большое значение придается установлению таксономической принадлежности ископаемых форм до рода и вида, путем изучения современной пыльцы и спор. Еще одной задачей является выяснение стратиграфического положения отдельных частей разрезов, охарактеризованных палинологически и возможность привязки данной части разреза к этапам изменений растительности, а через них к глобальным процессам изменений климата.

Важным моментом являются климатические реконструкции и, особенно, выявление критериев климата и видов-индикаторов, характеризующих аридную и плювиальную фазы, связываемые с эпохами оледенений и межледниковий.

Интерпретация палинологических данных основывается на актуалистическом методе, основанном на положении, что палиноспектр отражает состав растительности, произрастающей в данном месте в период накопления осадков изучаемой толщи. Таким образом, изучение поверхностных проб позволяет получать сравнительный статистический материал для интерпретации палиноспектров четвертичных отложений, а сами поверхностные пробы рассматриваются как эталонные для различных климатических условий того времени. Растительный покров в четвертичное время в аридной зоне не претерпевал коренной перестройки, однако, здесь происходили перераспределения растительности ландшафтных зон: северная пустыня – опустыненная степь – сухая степь – лесостепь – хвойный лес – лесотундра.

Поверхностные пробы, собранные в районе исследований (междуречья р. Торгай и р. Улы-Жиланчик), на территории Наурузумского заповедника, в Северном Приаралье и в Северном Казахстане характеризуют палиноспектры северных пустынь, опустыненных степей, сухих степей, засушливых степей с островками лесостепи.

Для сухих степей характерно незначительное участие пыльцы древесных растений – до 7–10%, доминирование пыльцы группы травянисто-кустарничковых растений – 93–90%, с преобладанием пыльцы маревых – до 40%, полыней – 30–40%, разнотравья – 10–20%, среди которого установлено 5–10% злаков.

В спектрах **степей** также остается доминирующей группа травянистых растений (до 90%), на долю пыльцы полыней приходится до 40%, маревых – до 30%, злаки составляют 15–20%, полыни 5–10%, разнотравье до 20%. Среди древесных (около 10%) установлена пыльца березы, сосны, ивы.

В рецентных палиноспектрах из **лесостепной зоны** значение древесных увеличивается до 30%, в основном это пыльца сосны, березы, ольхи с примесью единичных ПЗ ивы. Травянистые представлены полынями (20–30%), маревыми (10–20%), злаками (10–20%), осоковыми – до 10%, трехлопастными. Установлены споры (5–10%).

В спектрах из **лесной зоны** пыльца древесных достигает 60–80%, среди них установлена пыльца сосны, ели, пихты. Травянистые встречаются в небольшом количестве.

Составленная нами таблица усредненных стандартных палиноспектров, позволяет унифицировать данные, полученные при изучении ископаемых спектров и увязать их с ландшафтно-климатическими показателями. При составлении таблицы использовалась карта поясно-зонального районирования территории Казахстана [Рачковская, 2003].

Таблица 1 – Состав пыльцы и спор в стандартных поверхностных пробах Торгайской ложбины

Состав пыльцы и спор	Лесостепь		Степь			Пустыня	
	Колочная	Лесостепь низкогорий	засушливая	сухая	опустыненная	северная	средняя
Общий состав в %							
Пыльца древесных пород	20–35	20–43	15–20	2–16	0–6	1–4	0–3
Пыльца трав и кустарников	62	56–77	58–88	84–97	94–100	96–100	98–100
Споры	0–3	0–3	0–2	1	–	–	–
Пыльца древесных пород в%							
Picea	1	–	–	–	–	–	–
Pinus	2	10–20	5–10	1–5	4	3	1–2
Betula	30	20–35	10–15	1–15	2	2	ед
Alnus	1	1–2	1–2	0–1	ед	1	–
Salix	1	1	0–2	0–1	ед	1	–
Пыльца трав и кустарников в%							
Poaceae	3–5	5–7	5–10	3–5	1–3	0–4	0–10
Chenopodiaceae	15–20	10–15	10–20	25–37	25–40	9–66	29–95
Artemisia	20–32	23–40	15–30	30–45	35–45	19–84	3–65
Разногравье	7–10	17–25	15–25	7–21	10–15	4–20	2–16
Споры							
Sphagnun	1	1	+	+	–	–	–
Lycopodium	1	1	+	–	–	–	–
Polypodiaceae	1	1	+	–	–	–	–

Используемая методика определения типа растительности и климата для каждой отдельной пробы дает возможность более точного определения изменений растительности и климата и позволяет уменьшить потери информации. Ранее для скважин с большими глубинами и однородным литологическим составом был рекомендован более редкий интервал отбора проб, однако, это сильно усложняет задачу реконструкции климатических изменений, так как пропадает определенный объем информации по неопробованным интервалам.

Материалы исследования. Материалы были изучены с учетом новых данных по поверхностным пробам, при этом интерпретировались палиноспектры каждой пробы, что позволило по-новому оценить изменения растительного покрова и получить статистические данные для малых интервалов, также были построены палеоклиматические кривые.

- Основанием являются глины палеогена. Нижняя часть базального слоя расположена на глубине 42–45 м. Сложена гравийно-галечниками и крупнозернистым песком, с размывом залегающими на палеогеновых глинах и имеющем мощность до 1 м.

- Интервал 41–35 м – разномзернистые кварцевые пески. Из этого слоя отобрана 1 проба на глубине 38,5 м. – средний неоплейстоцен.

- интервал 35–30 м. Глины темно-серые, плотные, неслоистые. Из этого интервала отобрано шесть проб.

- интервал 30–24 м – тонко-зернистые кварцевые хорошо отмученные пески, отобрана одна проба.

- Интервал 24–20,5 м – глины, близкие по своим свойствам на слой 3, однако здесь наблюдаются линзы со своеобразной текстурой, которые можно определить как глинистую дресву и гравий. Из этого слоя отобрано четыре пробы.

- Интервал 20,5–14 м – наклоннослоистые разномзернистые слабосцементированные пески с линзами гравия в основании. Отобрано четыре пробы.

- Интервал 14–8 м – глины.

- Интервал 8–1 м – пачки суглинисто-песчаные – верхний неоплейстоцен.

- Интервал 1–0 – покровные супеси, голоцен.

Весь этот разрез характеризуется ритмичным строением и указывает на изменение режима осадконакопления.

Разрез скважины № 8 представляет собой сокращенный разрез скважины № 7, так как он находится в периферийной части ТЛ. Основанием для него являются те же палеогеновые глины, вышележащая часть – среднеплейстоценовая ритмичнопостроенная песчано-глинистая пачка с меньшими по мощности слоями. Пробы из этой скважины были отобраны в интервале 43–20 м.

Результаты палинологического изучения

Интервалы, отражающие закономерное развитие растительности объединены нами в самостоятельные горизонты. Те, которые отражают резкий переход от одного типа растительности к другому говорят о перерыве в осадконакоплении или о формировании того или иного типа растительности, например при быстром отступании холодных масс воды и восстановлении растительности.

Палинологические материалы, полученные из среднеплейстоценовых отложений ТЛ позволяют выделить пыльцевые горизонты и сопоставлять изменения растительности и климата.

1 горизонт – характеризуется абсолютным доминированием пыльцы травянистых растений, особенно маревых, злаков и трехлопастных форм. В значительно меньшем количестве (до 10%) встречена пыльца осок, полыней, сложноцветных. Палиноспектр отражает развитие холодных степей. Пробы, отобранные в нижней части разреза, в интервале 39–42 м, не содержали пыльцы и спор.

2 горизонт – (гл. 35–30 м) характеризуется увеличением количества пыльцы древесных до 34–44%. Здесь установлена пыльца сосны, пихты, ели, лиственницы, березы (*Betula* от 32–51% от числа древесных), березы секции *Nanae*, (*Betula sec. nanae* 8–13%). Из хвойных: *Pinaceae* – *Pinus* 29–39%; *Picea* 2–4%. Встречена пыльца *Alnus*, *Salix*. В составе спектра также отмечена пыльца переотложенных форм из неогеновых отложений (*Taxodium*, *Liquidambar*, *Carya*, *Ilex*, *Castanea* и др).

Среди травянистых определена пыльца *Poaceae* и *Cyperaceae*, которая составляет 10–15%, трехлопастные формы 27–41%, *Artemisia* 3–6%, *Compositae* 1–9%, *Chenopodiaceae* 19–40% и единично – *Ephedra*. Кроме того, установлена пыльца прибрежно-водных растений *Sparganiaceae*, *Potamogetonaceae*.

Споры составляют – до 40% и принадлежат мхам и папоротникообразным: *Sphagnum*, *Bryales*, *Polypodiaceae* и *Lycopodiaceae*.

Представленные палиноспектры характеризуют наиболее холодный и увлажненный этап, когда происходило формирование перигляциальной зоны. Растительность находилась под воздействием холодного климата и поступления большого количества приледниковой холодной воды, что нашло отражение в спектрах. Увеличение спор сфагновых мхов, присутствие пыльцы карликовой березы из секции *Nanae* и водных растений может указывать на усиление заболоченности, что, вероятно, также связано с похолоданием.

3 горизонт – Отложения, в интервале 30,0–24,0 м, характеризуются спорово-пыльцевыми спектрами, в которых преобладает пыльца недревесных растений 76–84%, древесные составляют 10–12%, споры 6–12% от общего количества спор и пыльцы. Исчезает переотложенная пыльца и пыльца широколиственных. Древесные породы представлены, в основном, пыльцой хвойных – сосна (*Pinus sp.*), ель (*Picea*). Значительный процент составляет пыльца березы *Betula*, и ольхи *Alnus*.

В группе травянистых также уменьшается видовое разнообразие. Господствует пыльца *Chenopodiaceae* 39–64% и трехлопастные формы 14–40%. Пыльца злаков *Poaceae* составляет 7–9%, пыльца эфедры – *Ephedra* до 2%, сложноцветных (астровых) *Asteraceae* 3%, *Cichoriaceae* 1%, полыней *Artemisia* 2–5%. Из разнотравья встречены единичные зерна семейств *Ranunculaceae*, *Portulacaceae*, *Plumbaginaceae*, *Leguminosae*. Пыльца прибрежно-водных растений составляет незначительный процент и представлена *Sparganiaceae*, *Potamogetonaceae*, *Nymphaeaceae*.

Споры представлены *Bryales*, *Sphagnum*, *Lycopodiaceae*, *Polypodiaceae*, много спор водного папоротника *Salvinia*, который мог произрастать в озерах или старицах (встречается в водоемах с палеогена до настоящего времени Торгайского прогиба).

Палиноспектры подобного состава характеризуют развитие ксерофильных степей с участием маревых. Близ водоемов и по долинам рек, возможно, произрастали березовые и сосновые пойменные леса. Климат становится более сухим и теплым. Возможно, криоксеротическая стадия.

4 горизонт – с глубины 23–21 м получены спектры, в которых пыльца древесных пород составляет до 50% (обр. 25), травянисто-кустарничковые растения 39%, споры 11%. В составе древесных пород резко увеличивается роль пыльцы *Betula* – 38%, значение хвойных уменьшается. В группе недревесных растений, отмечается пыльца *Poaceae* 26%, *Chenopodiaceae* 28%, и трехлопастные формы 24%, *Cyperaceae* 1–3%, *Ephedra* 2%. Из разнотравья: *Caryophyllaceae* 2%, *Ranunculaceae* 2%, *Apiaceae* 2%, *Cichoriaceae* 2% и единичные зерна *Asteraceae*.

Спорадически встречается пыльца водных растений – *Potamogetonaceae*, *Nymphaeaceae* и *Sparganiaceae*.

Из споровых установлены *Bryales*, *Sphagnum*, *Polypodiaceae*, а также водоросли *Pediastrum* и фитопланктон.

Полученные спорово-пыльцевые спектры отражают развитие разнотравных степей с участием маревых ассоциаций, и березовыми колками, что может указывать на некоторое похолодание. Климатические условия были более холодные и влажные, чем на предыдущем этапе.

5 горизонт – выше по разрезу, в интервале 21–18 м, в спектрах преобладает пыльца травянисто-кустарничковых растений до 80%, древесные породы составляют 10–22%, споры единичны. Доминирует пыльца маревых, злаков и трехлопастных форм. Увеличивается значение разнотравья. Водные растения установлены по единичным зернам *Sparganiaceae*, *Potamogetonaceae* и *Nymphaeaceae*.

Из споровых отмечены *Bryales* *Hepaticae*, *Sphagnum*, *Lycopodiaceae*, *Polypodiaceae*.

Данные палиноспектры указывают на существование злаково-разнотравных степей с маревыми группировками. Климатические условия были более теплые и сухие.

6 горизонт – палиноспектры, изученные из отложений интервала 18–16 м, которые характеризуются заметным увеличением роли пыльцы древесных и появлением среди них пыльцы карликовой березки из секции *Nanae*.

Среди травянистых несколько увеличивается роль злаков, осок. Климатические условия восстанавливаются как холодные и влажные.

7 горизонт – 16–8 м. Палиноспектры, изученные из этого горизонта отличаются резко возросшей ролью пыльцы травянистых растений, среди которой доминирует пыльца маревых, злаков, полыней, сложноцветных и трехлопастных форм. Такие спектры характерны для злаково-разнотравных степей. Климат реконструируется как сухой и теплый.

8 горизонт – отложения в интервале 6,5–8 м, характеризуются лесостепными пыльцевыми спектрами. Начиная с этого уровня, вышележащие отложения отнесены геологами к верхнео-плейстоценовым.

В спектрах, изученных из этого интервала доминирует пыльца недревесных растений 71–88%, древесные составляют 23–26%, споры 1–6%. В группе древесных пород увеличивается роль хвойных. Отмечена пыльца *Pinus* до 13%, *Abies* 7–12%. *Betula*, составляющие незначительный процент.

В составе травянистых преобладает пыльца *Chenopodiaceae* 54–63%, трехлопастные формы 20–25%, *Poaceae* 3–10%, *Artemisia* 1–4%, *Asteraceae* 3–5%, *Cichoriaceae* –2%. Пыльца водных единичные зерна семейств *Sparganiaceae* и *Nymphaeaceae*.

Климат становится более влажным, по сравнению с предыдущим этапом.

9 горизонт – отложения, в интервале 2,5–6,5 м, охарактеризованные лесными спектрами, где пыльца древесных пород представлена в основном хвойными 76–93% от общего спектра. Пыльца травянистых имеет незначительный процент 2–13%, споры 7–18%. В группе древесных пород доминирует пыльца семейства *Pinaceae* (*Abies*, *Piceae*, *Pinus sp.*, *P. Strobus*, *Larix* 2–5%), а также *Betula* до 2%. На глубине 3 м определена единично пыльца *Betula* секции *Nanae*.

Из травянистых установлены единичные зерна *Chenopodiaceae*, *Artemisia*, трехлопастные формы. Присутствует также пыльца водных растений *Potamogetonaceae* и *Nymphaeaceae*.

Из споровых представлены, в основном, *Bryales*.

Климатические условия могут быть реконструированы как холодные и влажные. Такой климат мог существовать в начале ледниковой эпохи.

10 горизонт – верхняя часть разреза, в интервале 0,5–2,5 м, охарактеризована спектрами, в которых пыльца древесных пород составляет 4–6%, недревесные растения 90–92%, споры 2–6% от общего спектра.

Древесные породы представлены единичными пыльцевыми зернами *Pinus*.

В составе травянисто-кустарничковых растений господствует пыльца *Chenopodiaceae* 56–66%, значительно уступает по количеству пыльца *Poaceae* 2–3,5%, *Ephedra* 1,5–2%, *Asteraceae* 3%, *Cichoriaceae* 1–3%, *Artemisia* 1–8%. Пыльца водных растений отсутствует. Споровые представлены единичными зернами.

Палиноспектры указывают на существование в голоцене сухих степей со значительным участием маревых. Климатические условия аридные, близкие к современным.

Для среднечетвертичных отложений, изученных по скважинам 7 и 8, становится возможным выделить в разрезах два климатических ритма отражающих самаровское* [*Смежным регионом является Западная Сибирь, поэтому мы используем стратиграфическую схему Западной Сибири] (палиногоризонт 2) и ошашковское (палиногоризонт 4) оледенения и межледниковья между ними. Для самаровского оледенения выделяется четко этап с сильным похолоданием, затем, идет постепенное изменение от тундростепей к лесостепи и степи, т. е. наблюдается естественный порядок восстановления растительного покрова. Такую же картину мы наблюдаем в палиногоризонте 9, характеризующего, вероятно, сартанское оледенение. Этапы оледенения характеризуются существенным изменением растительного покрова, повышенным компонентом древесных спектров, уменьшением содержания травянистых растений и появлением споровых.

Типичными для среднего плейстоцена этого района и смежных с ним районов Мугалжар и Сарыарки (Центральный Казахстан), являются степные ландшафты, что выявлено по многочис-

ленным палинологическим исследованиям [Терещенко, 1972; Клапчук, 1969; Сваричевская, Тэн, 1966; Волкова, 1977].

Тундростепи и холодные степи не являются зональным типом, а только их аналогами в условиях степного ландшафта. Можно предположить, что в среднем плейстоцене, в начале самаровского оледенения под влиянием глобального похолодания и в относительной близости к гляциальной зоне в Тургае постепенно распространяются холодные степи, которые после внедрения массы холодной воды, вторгшейся из Западно-Сибирской низменности в районе ТЛ начинает формироваться растительность, аналогичная тундростепной. Такие зоны отмечаются не только в районе Торгайского прогиба, но и близких к нему районов Кокчетавской возвышенности и Прииртышья.

Совершенно иная последовательность событий наблюдается для межледниковых эпох. Здесь наблюдается выпадение компонентов при смене растительности и в связи с прекращением стока талых вод происходит быстрое восстановление аридной обстановки, характерной для степных ландшафтов, а в палиносpectрах доминирует пыльца, характеризующая степные ассоциации.

Сpectры, переданные на палинологический анализ из археологического объекта Ашутасты содержат пыльцу в основном травянистых растений. Древесные встречаются редко и в небольших количествах, среди них отмечена пыльца сосны и березы (*Pinus sp.*, *Betula sp.*), причем, пыльца берез встречается единично практически во всех пробах. Доминирует в спектрах пыльца маревых, зонтичных, валериановых и полыней. В значительно меньшем количестве встречена пыльца злаков, розоцветных, губоцветных и другого степного разнотравья.

Этап 1

Образец 1. Глубина 80–90 см. Обнаружение единичной пыльцы древесных позволяет говорить о некоторой оптимизации климата. Выше по разрезу таких особенностей не наблюдается. В данном палиносpectре встречается единичная пыльца древесных: сосны *Pinus* (1 шт.), *Betula* (4 шт.) и *Piceae* (4 шт.).

В палиносpectрах доминирует пыльца травянистых ксерофитных растений (всего насчитано 179 пыльцевых зерен): Среди травянистых встречаются пыльцевые зерна: маревых *Chenopodiaceae* – 26,7%, *Valeriana* – 16,0%, полыни (*Artemisia sp.*) – 11,5%, *Apiaceae* – 11,0%. Также встречаются единичные пыльцевые зерна цикориевых и злаковых, эфедры, губоцветных, сложноцветных, трехлопастных форм. Также встречаются споры папоротникообразных *Polypodiaceae*.

Аналогичный спектр представлен в образце 2, глубина 70–80 см. В данном палиносpectре встречается единичная пыльца древесных *Pinus* (17%), *Betula* (16%) и *Piceae* (1%). Установлена пыльца полыней (*Artemisia sp.*) – 19,7%, маревых *Chenopodiaceae* 24,1% и пыльца *Valeriana* – (16,8%). И также встречается пыльца злаковых, сложноцветных, лилейных, бобовых, эфедры, пыльца трехлопастных форм, губоцветных. Также встречаются споры *Polypodiaceae*. Состав пыльцы указывает на формирование степного типа растительности.

Этап 2

Образец 3. Глубина 60–70 см. В данном палиносpectре встречается единичная пыльца древесных *Betula* (1 шт.). Среди травянистых встречаются пыльцевые зерна: доминирует пыльца полыни (*Artemisia sp.*) – 24,3%, маревых *Chenopodiaceae* – 17,6%, трехлопастных форм – 10,8%. Также встречаются единичные пыльцевые зерна злаковых, губоцветных, сложноцветных. Установлены споры папоротникообразных *Polypodiaceae*.

Аналогичен описанному выше и образец 4, глубина 50–60 см. В данном палиносpectре встречается единичная пыльца древесных *Pinus* (1 шт.) и *Betula* (1 шт.). Встречается пыльца полыней (*Artemisia sp.*) (24,8%), трехлопастных форм – 41,9%, маревых *Chenopodiaceae* (7,6%). Также встречается пыльца сложноцветных, лилейных, губоцветных.

Обилие пыльцы полыней при некотором уменьшении маревых и общем снижении количества пыльцы в спектрах может указывать на относительно влажный и холодный климат времени формирования данных отложений.

Этап 3

Близок по составу спектрам 1 этапа. Образец 5, глубина 40–50 см. В данном палиноспектре встречается единичная пыльца древесных *Pinus* (2 шт.) и *Betula* (3 шт.). Встречается пыльца полыней (*Artemisia sp.*) 17,0%, трехлопастных форм – 31,4%, маревых *Chenopodiaceae* 16,3%. Также установлена единичная пыльца лилейных, цикориевых, губоцветных, валерианы и эфедры.

Этап 4. Относительно неблагоприятные условия

Образец 6 и 7, глубина 40–20 см.

Образец 6. В данном палиноспектре встречается единичная пыльца древесных *Betula* (1 шт.). Среди травянистых доминирует пыльца трехлопастных форм – 25,9%, полыней (*Artemisia sp.*) (24,1%), маревых *Chenopodiaceae* (22,2%). Установлена единичная пыльца цикориевых, губоцветных, валерианы, сложноцветных и эфедры.

Образец 7. Глубина 20–30 см. В данном палиноспектре встречается единичная пыльца древесных *Betula* (2 шт.). Встречается пыльца полыней (*Artemisia sp.*) (13,8%), трехлопастных форм – 31,0%, маревых *Chenopodiaceae* (27,6%). И также встречается пыльца цикориевых, губоцветных, валерианы, сложноцветных, лилейных и эфедры.

Этап 5 современная растительность региона.

Образец 8. Глубина 10–20 см. В данном палиноспектре встречается единичная пыльца древесных *Betula* (2 шт.) и *Piceae* (2 шт.). Среди травянистых встречаются пыльцевые зерна: маревых *Chenopodiaceae* – 40,0%, пыльца полыней (*Artemisia sp.*) (21,0%), трехлопастных форм – 16,0%. Также встречаются единичные пыльцевые зерна цикориевых и злаковых, эфедры, губоцветных, сложноцветных.

Образец 9. Глубина 0–10 см. В данном палиноспектре встречается единичная пыльца древесных *Pinus* (1 шт.), *Betula* (4 шт.) и *Piceae* (1 шт.). Среди травянистых встречаются пыльцевые зерна: маревых *Chenopodiaceae* – 27,4%, пыльца полыней (*Artemisia sp.*) (11,9%), трехлопастных форм – 27,4%. Также встречаются единичные пыльцевые зерна злаковых, эфедры, губоцветных, сложноцветные, валерианы, зонтичных.

Образец 10. Глубина 0–10 см. В данном палиноспектре встречается единичная пыльца древесных *Pinus* (1 шт.). Среди травянистых встречаются пыльцевые зерна: маревых *Chenopodiaceae* – 15,6%, пыльца полыней (*Artemisia sp.*) (23,4%), трехлопастных форм – 11,7%. Также встречаются единичные пыльцевые зерна злаковых, эфедры, губоцветных, сложноцветные, валерианы, зонтичных.

Кроме того, описаны спектры Образец 1–1. В данном палиноспектре встречается единичная пыльца древесных *Betula* (4 шт.). Среди травянистых встречаются пыльцевые зерна: маревых *Chenopodiaceae* – 2,9%, пыльца полыней (*Artemisia sp.*) (14,7%), трехлопастных форм – 67,6%. Также встречаются единичные пыльцевые зерна эфедры, валерианы, лилейных.

Образец 1–2. В данном палиноспектре встречается единичная пыльца древесных *Pinus* (1 шт.), *Betula* (2 шт.). Среди травянистых встречаются пыльцевые зерна: маревых *Chenopodiaceae* – 39,3%, пыльца полыней (*Artemisia sp.*) (21,4%), сложноцветные *Asteraceae* – 23,2%. Также встречаются единичные пыльцевые зерна цикориевых, губоцветных, сложноцветные, валерианы, зонтичных.

Образец 1–3. В данном палиноспектре встречается единичная пыльца древесных *Betula* (3 шт.). Среди травянистых встречаются пыльцевые зерна: маревых *Chenopodiaceae* – 42,6%, пыльца полыней (*Artemisia sp.*) (9,8%), трехлопастных форм – 19,7%. Также встречаются единичные пыльцевые зерна злаковых, эфедры, губоцветных, сложноцветные, валерианы, цикориевых.

	Обр. 1 Гл. 80–90 см	Обр. 2 Гл. 70–80 см	Обр. 3 Гл. 60–70 см	Обр. 4 Гл. 50–60 см	Обр. 5 Гл. 40–50 см	Обр. 6 Гл. 30– 40 см	Обр. 7 Гл. 20– 30 см	Обр. 8 Гл. 10– 20 см	Обр. 9 Гл. 0–10 см	Обр. 10 Гл. 0–10 см
Общее количество пыльцы	179 шт.	137 шт.	74 шт.	105 шт.	153 шт.	54 шт.	58 шт.	100 шт.	84 шт.	77 шт.
Древесные										
Piceae	4 шт.	–	–	–	–	–	–	2 шт.	1 шт.	–
Pinus	1 шт.	2 шт.	–	1 шт.	2 шт.	–	–	–	1 шт.	1 шт.
Betula	4 шт.	1 шт.	1 шт.	1 шт.	3 шт.	1 шт.	2 шт.	2 шт.	4 шт.	–
Травянистые										
Chenopodiaceae	26,7	24,1	17,6	7,6	16,3	22,2	27,6	40,0	27,4	15,6
Artemisia	11,5	19,7	24,3	24,8	17,0	24,1	13,8	16,0	11,9	23,4
Трехлопастные	3,8	8,7	10,8	41,9	31,4	25,9	31,0	21,0	27,4	11,7
Ephedra	2,2	2,2	–	–	2,6	1,8	8,6	1,0	2,4	1,3
Suchoiaseae	2,7	2,9	–	–	3,9	1,8	1,7	2,0	–	7,8
Lamiaceae	3,3	3,6	9,4	6,7	2,6	5,6	8,6	9,0	7,1	9,1
Asteraceae	5,5	7,2	9,4	9,5	–	7,4	3,4	5,0	8,3	6,5
Apiaceae	11,0	8,0	6,7	–	2,6	3,7	–	–	1,2	6,5
Valeriana	16,5	16,8	4,0	–	3,9	5,6	1,7	–	2,4	16,9
Fabaceae	4,4	4,4	–	–	–	–	–	–	–	–
Liliaceae	–	2,9	–	1,9	1,0	–	1,7	1,0	1,2	–
Canabinaceae	–	–	6–,7	1,0	–	–	–	–	–	–
Typha	–	–	–	–	–	–	–	–	1,2	–
Rosaceae	1,1	–	1,3	–	–	–	–	–	–	–
Poaceae	2,7	1,0	2,7	–	–	–	–	1,0	1,2	–
Споры										
Polypodiaceae	2,2	1,0	2,7	–	–	–	–	–	1,2	–

	Обр. 1-1	Обр. 1-2	Обр. 1-3	Обр. 1 КАМ	Обр. 2 КАМ	Обр. 3 КАМ
Общее количество пыльцы	34 шт.	56 шт.	61 шт.	78 шт.	31 шт.	74 шт.
Древесные						
<i>Piceae</i>	–	–	–	2 шт.	1 шт.	–
<i>Pinus</i>	–	1 шт.	–	2 шт.	–	1 шт.
<i>Betula</i>	4 шт.	2 шт.	3 шт.	–	–	–
Травянистые						
<i>Chenopodiaceae</i>	2,9	39,3	42,6	16,7	12,9	27,0
<i>Artemisia</i>	14,7	21,4	9,8	5,1	9,7	5,4
Трехлопастные	67,6	1,8	19,7	29,5	–	2,7
<i>Ephedra</i>	5,9	–	3,3	5,1	3,2	–
<i>Cyboriaceae</i>	–	3,7	8,2	7,7	6,5	14,9
<i>Lamiaceae</i>	–	1,8	3,3	1,3	–	2,7
<i>Asteraceae</i>	–	23,2	3,3	3,8	25,8	13,5
<i>Ariaceae</i>	–	1,8	1,6	3,8	–	–
<i>Valeriana</i>	2,9	–	1,6	20,5	38,7	31,1
<i>Fabaceae</i>	–	–	–	–	–	1,4
<i>Liliaceae</i>	2,9	1,8	–	1,3	–	–
<i>Poaceae</i>	–	–	3,3	–	–	–

Образец 1 КАМ. В данном палиноспектре встречается единичная пыльца древесных *Pinus* (2 шт.) и *Piceae* (2 шт.). Среди травянистых встречаются пыльцевые зерна: маревых *Chenopodiaceae* – 16,7%, пыльца полыней (*Artemisia sp.*) (5,1%), трехлопастных форм – 29,5%, валерианы *Valeriana* – 20,5%. Также встречаются единичные пыльцевые зерна эфедры, губоцветных, сложноцветные, лилейных, цикорьевых.

Образец 2 КАМ. В данном палиноспектре встречается единичная пыльца древесных *Piceae* (1 шт.). Среди травянистых встречаются пыльцевые зерна: маревых *Chenopodiaceae* – 12,9%, пыльца полыней (*Artemisia sp.*) (9,7%) валерианы *Valeriana* – 38,7%, сложноцветные *Asteraceae* – 25,8%. Также встречаются единичные пыльцевые зерна эфедры, цикорьевых.

Образец 3 КАМ. В данном палиноспектре встречается единичная пыльца древесных *Pinus* (1 шт.). Среди травянистых встречаются пыльцевые зерна: маревых *Chenopodiaceae* – 27,0%, пыльца полыней (*Artemisia sp.*) (5,4%) валерианы *Valeriana* – 31,1%, сложноцветные *Asteraceae* – 13,5%. Также встречаются единичные пыльцевые зерна эфедры, цикорьевых, бобовых.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобоедова А. А., Илларионов А. Г. / Геология СССР. Т. XXXIV. Тургайский прогиб. М., 1971.
- Волков И. А., Казьмин С. П. Трансконтинентальная система стока вод южнее границы последнего (поздневалдайского, сартанского) оледенения севера Евразии // Позднекайнозойская геологическая история севера аридной зоны: матер. междунар. симпозиума. – Ростов-на-Дону, 2006. – С. 43–47.

- Волкова В. С.** Стратиграфия и история развития растительности Западной Сибири в позднем кайнозое. М.: Наука, 1977. – 238 с.
- Городецкая М. Е.** Геоморфология Тургайской ложбины в связи с проблемой переброски западно-сибирских вод в Среднюю Азию // Геоморфология. – 1970. – № 3.
- Гуськова А. И., Чупина Л. Н.** Четвертичные отложения Западной части Центрального Казахстана, их фаунистическая и палинологическая характеристика. Палинология Казахстана. К IV междунар. палинологической конф. АН КазССР, 1976.
- Кассин Н. Г.** Материалы по палеогеографии Казахстана. АН КазССР, 1947. С. 50–120.
- Клапчук М. Н.** К вопросу о палеоклиматических условиях аккумуляции покровных суглинков и отложений аллювиальных равнин в Центральном Казахстане // Третья научно-техническая конференция: тез. докл. по проблемам геологии и состоянию изученности Центрального Казахстана. – Караганда, 1969. – С. 64–69.
- Рачковская Е. И.** Ботаническая география Казахстана и Средней Азии (в пределах пустынной области). – СПб., 2003. – 424 с.
- Сваричевская З. А., Тэн М. С.** История среднеплиоцен-четвертичного осадконакопления в Павлодарском Прииртышье // Четвертичный период Сибири. М.: Наука, 1966.
- Терещенко Р. А.** Палинологическая характеристика и палеоклиматические условия формирования сизых суглинков долины р. Иртыша // Научно-техническая конференция. – Караганда, 1972. – С. 82–89.
- Чупина Л. Н.** К палинологической характеристике четвертичных отложений Тургайской ложбины // Изв. АН КазССР, Сер. геол. – 1980. – № 6. – С. 24–27.
- Яншин А. Л.** Вопросы палеогеографии четвертичного периода и новейшей тектоники Арало-Тургайской низменности // Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. - М.: Изд-во АН СССР, 1961. – Т. 3.

Д. О. Гимранов

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА ИЗ МОГИЛЬНИКА АШУТАСТЫ-2

Изучено восемь костей, которые принадлежат мелкому рогатому скоту (МРС) (рис. 1). Все кости, за исключением костей №№ 1 и 2 найдены при раскопках одного объекта – выкладки, маркирующей окончание южного «уса» кургана № 3 «А», на площади менее 1 м². Исходя из того, что кости залегали на небольшой глубине (до 30 см), можно сделать предположение, что кости №№ 3–8 принадлежат одной особи МРС. О более подробном таксономическом статусе костных остатков можно судить, только по нескольким метаподиальным костям (№№ 3 и 7), на которых сохранились диагностические признаки. Особенности строения этих костей дают возможность отнести их к овце. Индивидуальный возраст животного определяется по степени срастания эпифизов к телу

кости. Нужно отметить, что все изученные кости демонстрируют возрастную стадию, когда эпифизы еще не приросли к телу кости. Но, согласно данным опубликованным Сильвером [1963], этот временной отрезок может быть достаточно большим (см. табл. 1, последняя колонка). Из всех изученных костей, наиболее рано с эпифизом срастается фаланга 1 (№ 8). Возраст, в котором прирастает верхний эпифиз к этой кости определен, как 13–16 месяцев, т. е. от 1 до 1,5 лет у овец [Silver, 1963]. Таким образом, можно заключить, что возраст животного, от которого происходят кости №№ 3–8, равен от года до полутора лет. Искусственных следов повреждения костей или обжига не обнаружено. Скорее всего, животное, остатки которого найдены в южном «усе» кургана № 3 «А», не было употреблено в пищу. Соответственно, можно предположить, что животное было использовано в сакральных целях. В пользу этого также говорит тот факт, что все кости, у которых удалось установить их принадлежность к стороне тела, являются левыми.

Вывод. С большой долей вероятности можно заключить, что все кости (за исключением позвонка и таранной) принадлежат одной особи овцы в возрасте от года до полутора лет.

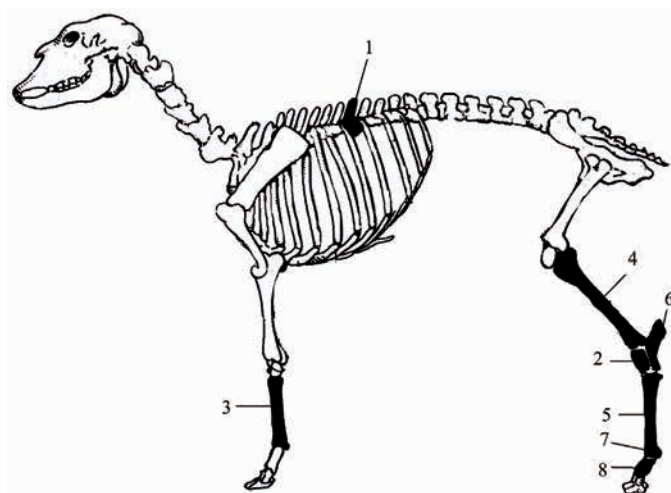

Рис. 1. Схематическое изображение скелета МРС. Черным цветом выделены кости, обнаруженные в ходе раскопок могильника Ашутасты-2. Номера на рисунке соответствуют номерам костей в таблице

ЛИТЕРАТУРА

Silver I.A. 1963. The Ageing of Domestic Animals. In: Brothwell D. and Higgs E. editors. Science in Archaeology: A Comprehensive Survey of Progress and Research. New York: Basic Books. P. 250–268.

Таблица – Характеристика костных остатков из могильника Ашуласты-2

№	Таксономическая принадлежность	Название кости	Сохранность кости	Индивидуальные особенности животного	Сторона тела	Следы искусственного воздействия	Топографическая характеристика	Глубина залегания в грунте	Возраст, в котором у овец происходит срастание эпифизов (по: Silver, 1963)
1	МРС	Грудной позвонок	Сохранилось тело позвонка	Передний диск позвонка не прирос	-	нет	Курган № 3 «А», курган спутник, южный край кургана	20 см	-
2	МРС	Таранная	Сильно разрушена	Не зафиксированы	?	нет	Курган № 3 «А», начало южного «уса»	?	-
3	Овца	Метаподия (metatarsus)	Сохранилась только верхняя часть кости	Не зафиксированы	Левая	нет	Курган № 3 «А», окончание южного «уса»	10 см	18–24 месяцев
4	МРС	Большая берцовая	Целая	Верхний и нижний эпифиз не приросли	Левая	нет	Там же	13 см	Верхний эпифиз – 36–42 месяцев Нижний эпифиз – 18–24 месяцев
5	МРС	Метаподия (metatarsus)	Целая	Нижний эпифиз не прирос	?	нет	Там же	22 см	20–28 месяцев
6	МРС	Пяточная	Целая	Верхний эпифиз не прирос	Левая	нет	Там же	24 см	30–36 месяцев
7	Овца	Метаподия	Нижний эпифиз	Нижний эпифиз не прирос	?	нет	Там же	24 см	-
8	МРС	Фаланга № 1	Целая	Верхний эпифиз не прирос	?	нет	Там же	30 см	13–16 месяцев

**Торғай және көршілес аймақтар тұрғындарының мәдениеті:
адам және кезең.
Ұжымдық монография**

Түйін

Кітапта қазақ мәдениеті, ортағасырлар, ерте темір дәуірі сияқты кең хронологиялық уақыт мөлшерін қамтитын материалдарды жүйелеудің кейбір қортындылары берілген. Авторлық ұжым отандық және жақын шетелдік ғылыми-зерттеу мекемелерінен.

Кітап кіріспе, үш тарау және қосымшадан тұрады. Бірінші тарауда қазақ мәдениеті мен ортағасырларға қатысты мәліметтер қарастырылған. Екінші тарауда Торғай өңірі және көршілес аймақтардың ерте темір дәуірі бойынша мәліметтерді сараптаудың қортындылары баяндалған. Дерекнамаға арналған үшінші тарауда ғылыми айналымға жаңа мәліметтер енгізіледі.

Кітап аймақтағы ұлттық зергерлік өнер ісін зерттеуге арналған бөліммен басталады. Нақты мысалардың негізінде С. А. Шкляева Сарыарқаның Сейітбаттал, Малатау, Тайшық және басқа зергерлік бұйымдарды дайындаудың технологиясын керемет меңгерген және халықтық өнердің ғажайып жауһарларын дайындаған жергілікті (Торғайлық?) мектептің тұрақты дәстүрі болғандығын дәлелдейтін ұлттық шеберлер творчествосының стилистикалық ерекшеліктерін анықтады. Б. М. Хасенованың бөлімінде Қостанай облысындағы ортағасырлық ескерткіштер бойынша жаңа мәліметтер ғылыми айналымға енгізіледі. Ұсынылған мәліметтер тек тоғыз кешеннен тұрсада, олардың әрқайсысы бір-бірін қайталамайды және әр түрлі хронологиялық кезеңдерді көрсетеді. Екі әйел бейнесінің реконструкциясы көрсетілген антрополог А. И. Нечвалода дайындаған қосымша ортағасырлық Торғай бойынша бөлімнің логикалық толықтырылуы болады. Б. М. Хасенова және С. А. Пилипенконың бөлімінде күрделі, көпқұрамды бас киімге боктаға қатысты зерттеулерінің нәтижелері берілген. Зерттеушілер аталмыш бұйымға қатысты қолжетімді деректерді талдаған.

Екінші тарауда XX ғасырдың екінші жартысында танымал археолог М. Қ. Қадырбаев экспедициясының Елек өзенінің жоғарғы ағысында жүргізген зерттеу жұмыстары нәтижесінде табылған метал бұйымдарға жасалынған сараптамалық зерттеулердің нәтижелері берілген. Жұмысты А. Д. Дегтярева орындады. Торғай өңірінің сармат кезеңі ескерткіштерін зерттеу бойынша қортынды А. М. Сейітов дайындаған бөлімінде баяндалған. Кітапта ғылыми айналымға «мұртты» қорғандар туралы мәліметтер енгізіледі. Бүгінгі таңда осы тектес ескерткіштердің басым көпшілігі қазіргі қазақ даласының шекарасында шоғырланған. «Мұртты» қорғандар авторлық ұжым А. З. Бейсенов, А. В. Логвин, Ғ. А. Базарбаева, И. В. Грудочко және А. М. Сейітов дайындаған арнайы бөлімде қарастырылады. Аталмыш мәселенің кейбір аспектілері Қостанайлық археологтар тобы: А. В. Логвин, И. В. Шевнина, А. В. Нетета және А. М. Сейітовтар зерттеген

«геоглифтарға» қатысты бөлімде де көтеріледі. РФА Материалдық мәдениет тарихы институты мен Санкт-Петербург мемлекеттік университетінің мамандары Н. Ю. Смирнов пен А. В. Соколов дайындаған тарауда Торғай облысында 1888–1916 жылдар аралығында, Императорлық археологиялық комиссия қызмет еткен жылдары жүргізілген археологиялық барлау мен қазбалар туралы архив деректері талданады.

Қортынды тарауда Оңтүстік Орал экспедициясының Қазақстандық тобының (жетк. М. Г. Мошкова) 1964, 1966 жж., Торғай облыстық тарихи-өлкетану музейінің экспедициясының 1974 ж. (жетк. В. Н. Логвин) және Ә. Х. Марғұлан атындағы археология институтының экспедициясының Торғай тобының (Ғ. А. Базарбаева, Г. С. Жұмабекова және Р. Ж. Байдалы) 2015–2017 жж. далалық маусымында жүргізілген зерттеулерінен алынған тың мәліметтер тұңғыш рет жарияланып отыр. Тұңғыш рет отандық археологияда Арқалық қаласының маңында Тасмола мәдениетінің (Ашутасты-1) қорғаны қазылып зерттелді; «мұртты» обаның мұртының ұшына тас мүсінді қою фактісі тіркелді (Ашутасты-2). Алынған мәліметтерді сараптау үшін жаратылыстану ғылымдарының мамандарды: палинолог С. А. Нигматова, петрограф У. Габитова, археозоолог Д. О. Гимранов жұмылдырылды. Пәнаралық зерттеудің қортындылары кітаптың қосымшасында берілген.

Ұжымдық монографияда көрсетілген Торғай өңірі мен көршілес аймақ тұрғындарының мәдениетіне қатысты материалдар зерттеу қортындылары мен жүйелеуге арналған, алғашқы тәжірибе – соны мәліметтермен таныстырып қана қоймай, болашақ зерттеулерге жаңа көзжиектерді ашады.

**The culture of the population of Turgay and adjacent to it regions:
a man and an epoch.
Collective monograph**

Abstract

The book presents some findings of materials systematization on wide timeline starting from the data on the Kazakh culture, Middle Ages, early Iron Age. The team of scientists includes scientific and research centers of Kazakhstan and foreign ones as well.

The book consists of foreword, three chapters, annexes. The first chapter is devoted to the materials on the Kazakh culture and Middle Ages. The second chapter presents the data on the early Iron Age of Turgay and adjacent to it territories. The third chapter is about source criticism, it introduces new materials into scientific use.

The book starts from the chapter devoted to the studies of the people's jewelry art in the region. S. A. Shklayeva based on certain examples depicts some stylistic features of region's jewelry art masters from Saryarka Seidybattal, Malatau, Taishik as well as other talented masters, who were aware of the techniques of jewelry making and created unique masterpieces. These masterpieces prove the existence of the traditions of the local (art) school. In B. M. Khassenova's chapter new data on the Middle Age monuments of Kostanay region are introduced. Despite this, the presented material includes only nine complexes, they all are unique and belong to different chronological periods. The logical addition of the chapter on Turgay Middle Ages is appendix, where the reconstructions of the images of two female representatives of that time were shown. In B. M. Khassenova's and S. A. Pilipenko's chapters results of studies on complex, multicomponent headdress *boktag/bokka* are given. Researchers have systematized the available data, which includes attributes related to that object.

The pinnacle of the second chapter is the results of analytical studies of metal objects from the monuments studied in the second half of the 20th century by the expedition under the guidance of the outstanding archaeologist M. K. Kadyrbayev in the upper reaches of the river Elek. The work was done by A. D. Degtyareva. The results of the study of the monuments of Sarmatian time Turgay are in the chapter prepared by A. M. Seitov. The book introduces data on kurgans with stone ridges into scientific circulation. At present, the absolute majority of this type of monuments is located within the present borders of the Kazakh steppes. Kurgans with "mustaches" are considered in a special chapter prepared by the team of authors: A. Z. Beisenov, A. V. Logvin, G. A. Bazarbayeva, I. V. Grudochko, A. M. Seitov. Some aspects of this problem are also considered in the chapter devoted to the analysis of the so-called "geoglyphs" investigated by a group of Kostanay archaeologists: A. V. Logvin, I. V. Shevnina, A. V. Neteta, A. M. Seitov. In the chapter prepared by specialists from the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences and St. Petersburg State University N. Yu. Smirnov and A. V. Sokolov, archival data on exploration and excavations carried out in the Turgay region from 1888 to 1916, conducted during the functioning of the Imperial Archaeological Commission are systematized.

In the final chapter, the data obtained by the Kazakhstan team of the South Ural expedition in 1964, 1966 are published for the first time (headed by M. G. Moshkova), the expedition of the Turgay regional historical museum of local lore 1974 (headed by V. N. Logvin) and new research results obtained by the expedition of the Archaeology Institute named after A. Kh. Margulan in the field seasons 2015–2017 (G. A. Bazarbayeva, G. S. Jumabekova and R. J. Baidaly's work). The kurgan of Tasmola culture (Ashutasty-1) in the vicinity of Arkalyk excavations was studied for the first time in the domestic archaeology; the fact of putting a stone statue in the beginning of a stone ridge (Ashutasty-2) is revealed. Experts from natural sciences were involved to analyze the obtained materials: the palynologist S. A. Nigmatova, the petrographer U. Gabitova, the archaeozoologist D. O. Gimranov. The results of interdisciplinary research are given in the annexes to the book.

The first experience of generalization and systematization presented in the collective monograph, materials not only introduces new data on the culture of the Turgay population of and adjacent regions, but also opens prospects for future research.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АК –	Археологическая комиссия
АО –	Археологические открытия, г. Москва
АСГЭ –	Археологический сборник Государственного Эрмитажа, г. Ленинград
ВААЭ –	Вестник археологии, антропологии и этнографии, г. Тюмень
ВАН КазССР –	Вестник Академии наук КазССР, г. Алма-Ата
ГАИМК –	Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ –	Государственный исторический музей, г. Москва
ГМИ РК им. А. Кастеева –	Государственный музей искусств Республики Казахстан им. А. Кастеева
ИА КН МОН РК –	Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК, г. Алматы
ИА РАН –	Институт археологии Российской академии наук, г. Москва
ИАЭТ СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИГУ –	Иркутский государственный университет
ИИМК РАН –	Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИИЯЛ УНЦ РАН –	Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук
КазНУ им. аль Фараби –	Казахский национальный университет им. аль Фараби, г. Алматы
КН МОН РК –	Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан
КОИКМ –	Костанайский областной историко-краеведческий музей, г. Костанай
КСИА –	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР, г. Москва
КСИИМК –	Краткие сообщения Института истории материальной культуры, г. Москва
ЛГУ –	Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
ЛОИА –	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
НАН РК –	Национальная академия наук Республики Казахстан, г. Алма-Ата, Алматы
НИЦИА «Бегазы- Тасмола» –	Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы- Тасмола»
ОГПУ –	Оренбургский государственный педагогический университет
РИИ –	Рудненский индустриальный институт, г. Рудный
СА –	Советская археология, г. Москва
САИ –	Свод археологических источников
ТАЭ –	Тургайская археологическая экспедиция
ТОУАК –	Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, г. Оренбург
Тр. ИИАЭ АН КазССР –	Труды Института истории, археологии и этнографии академии наук Казахской ССР, г. Алма-Ата
УАС –	Уральское археологическое совещание
ФИА –	Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, г. Астана
ЮУрГУ –	Южноуральский государственный университет, г. Челябинск

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Базарбаева Галия Аппазовна** – к. и. н., ведущий научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан
- Байдалы Рауан Жомартұлы** – докторант PhD, старший преподаватель Костанайского государственного педагогического института, г. Костанай, Казахстан
- Бейсенов Арман Зияденович** – к. и. н., заведующий отделом первобытной археологии Института археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан
- Габитова Умилъ** – инженер Института геологических наук им. К. И. Сатпаева, г. Алматы, Казахстан
- Гимранов Дмитрий Олегович** – к. б. н., научный сотрудник Института экологии растений и животных, г. Екатеринбург, Россия
- Грудочко Иван Валерьевич** – младший научный сотрудник научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск, Россия
- Дегтярева Анна Давыдовна** – к. и. н., ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, г. Тюмень, Россия
- Джумабекова Гульнара Саиновна** – к. и. н., ведущий научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан
- Кадырбаев Мир Касымович** (1932–1982) – к. и. н., археолог
- Логвин Андрей Викторович** – заведующий лабораторией археологических исследований Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова, г. Костанай, Казахстан
- Логвин Виктор Николаевич** – д. и. н., профессор, г. Сургут, Россия
- Мошкова Марина Глебовна** – д. и. н., главный научный сотрудник Института археологии РАН, г. Москва, Россия
- Нетета Алексей Викторович** – младший научный сотрудник лаборатории археологических исследований Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова, г. Костанай, Казахстан
- Нечвалода Алексей Иванович** – антрополог, младший научный сотрудник лаборатории антропологических реконструкций отдела этнологии Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, г. Уфа, Россия
- Нигматова Саида Араповна** – к. б. н., д. г.-м. н., Институт геологических наук им. К. И. Сатпаева, г. Алматы, Казахстан
- Пилипенко Сергей Алексеевич** – преподаватель истории Центра среднего профессионального образования факультета Базовой подготовки, Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск, Россия.
- Сеитов Абай Мейрамович** – учитель истории средней школы, г. Костанай, Казахстан
- Смирнов Николай Юрьевич** – к. и. н., ученый секретарь Института истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Россия
- Соколов Александр Владимирович** – археолог, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
- Хасенова Бахыт Мулдашевна** – научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан
- Шевнина Ирина Викторовна** – научный сотрудник лаборатории археологических исследований Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова, г. Костанай, Казахстан
- Шкляева Светлана Аркадьевна** – кандидат искусствоведения, Казахская национальная академия искусств им. Т. Жургенова, г. Алматы, Казахстан

Научное издание

Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха

Коллективная монография

Ответственные редакторы:
Г. А. Базарбаева, Г. С. Джумабекова

Компьютерная верстка и дизайн – Ольга Кузнецова

Подписано в печать 20.09.2017. Формат 60×90/8
Усл. п. л. 45 л. Гарнитура Times

Отпечатано в типографии «Хикари»